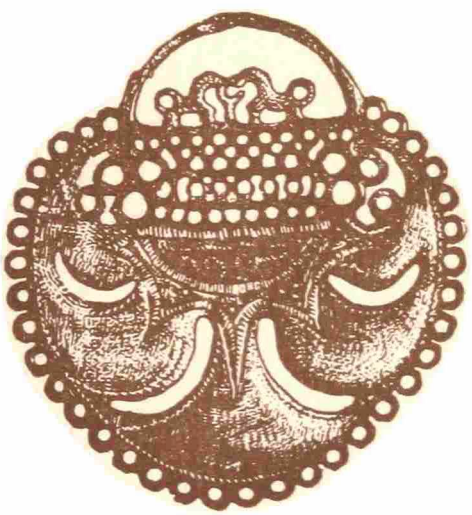
ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



1
1988

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
МОСКВА

1988 1

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Журнал основан в 1957 году

Выходит 4 раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Б. А. РЫБАКОВ (главный редактор)
И. И. Артеменко, В. И. Козенкова (отв. секретарь),
Г. А. Кошеленко, В. В. Кропоткин, Л. Р. Кызласов, В. П. Любин,
В. М. Массон, Н. Я. Мерпрет, Р. М. Мунчаев, Б. Б. Пиотровский,
С. А. Плетнева (зам. главного редактора), **А. А. Формозов, В. П. Шилов**

СОДЕРЖАНИЕ

Цетлин Ю. Б. (Москва). О реконструкции археологической стратиграфии памятников эпохи неолита 5

Сериков Ю. Б. (Нижний Тагил). Выйка II — опорный памятник эпохи мезолита в Среднем Зауралье . . 17

Моруженко А. А. (Донецк). К вопросу о памятниках раннего железного века в бассейне р. Ворсклы . 33

Каспарова К. В. (Ленинград) Об одном из возможных компонентов зарубинецкого погребального обряда . . 53

Рябинин Е. А., Черных Н. Б. (Ленинград, Москва). Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя Староладожского Земляного городища в свете новых исследований 72

Шрайбман В. И., Серкеров С. А., Сидельникова Т. А., Флеров В. С. (Москва). Новое в применении магниторазведки и электроразведки при исследовании грунтовых погребений на Северном Кавказе 101

Публикации

Кравцов А. Е. (Москва). Памятники позднего мезолита и эпохи бронзы в подмосковной Мещере 113

Лопатин В. А., Малов Н. М. (Саратов). Срубные погребения в подбоях на Еруслане . . 130

Санжаров С. Н. (Донецк). Погребения донецкой катакомбной культуры с игральными костями . . 140

Андрух С. И. (Одесса). Погребение раннескифского воина в Присивашье 159

© Издательство «Наука»,
«Советская археология», 1988 г.

Анарбаев А. А. (Самарканд). Аксихент в древности и средневековье (итоги и перспективы исследования) . . . 171
Васильев Б. Г. (с. Старая Ладога). Фрески церкви Климента 1153 г. в Старой Ладоге (по материалам раскопок) 188
Тимофеева Т. П. (Владимир). К вопросу об орнаменте фризовых колонок владимиро-суздальских белокаменных памятников XII—XIII веков 198

Дискуссии

Боряз В. Н. (Ленинград). О правомерности выделения «реконструктивного» уровня исследования в археологии 208
Аникович М. В. (Ленинград). «Три уровня археологического исследования» или три ступени исторического познания? . 218
Отклики на статью В. А. Башилова и Э. Н. Лооне «Об уровнях исследования и познавательных задачах археологии» (Викторова В. Д., Бочкарев В. С., Григорьев Г. П., Пряхин А. Д., Васильевский Р. С., Симанов А. Л.) 224

Заметки

Логвин В. Н. (Кустанай). Энеолитические находки у села Ливановка 232
Новицкий Е. Ю. (Одесса). Плита-жертвенник эпохи энеолита — ранней бронзы из Красноселки 235
Динков А. Б. (Краснодар). Катакомбное погребение из Тимашевского кургана в Прикубанье . . . 237
Матвеев А. В., Матвеева Н. П. (Тюмень). Бронзовый котел из Савиновского могильника (Среднее Притоболье) . . 241
Рябцев А. Н., Семенов В. А. (Сыктывкар). Ананьинская «парадная» секира из-под Сыктывкара 244
Каминская И. В. (Краснодар). Сарматские погребения на Урупе 245
Денисова В. И. (Ленинград). Стихотворная древнегреческая надпись из Ольвии 251
Павленков В. И. (Евпатория). Фрагмент портретной эмблемы с Южно-Донузлавского городища . 256
Каменецкая Е. В. (Москва). О некоторых типах керамики Гнездова 258
Беленькая Д. А. (Москва). Находки из Московского посада 263

Критика и библиография

Вишняцкий Л. Б. (Ленинград). Mousterian Legacy. Human Biocultural Change in the Upper Pleistacene. BAR. Int. Ser. 164. Oxford, 1983 269
Мурзин В. Ю., Симоненко А. В. (Киев). *Максименко В. Е.* Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону, 1983 273
Матющенко В. И. (Омск). *Косарев М. Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981; *Косарев М. Ф.* Западная Сибирь в древности. М., 1984 . . 276
Молчанов А. А. (Москва). Chernetsov A. V. Types of Russian Coins of the XIV and XV Centuries; An iconographic study. BAR. Int. Ser. 167. Oxford, 1983 282

Хроника

Долуханов П. М. (Ленинград). Новое в археологии СССР и Финляндии. Доклады третьего советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии. 11—15 мая 1981 г. Л., 1984 . 293
Устинова Ю. Б. (Ленинград). Конференция «Проблемы античной и скифосарматской археологии», посвященная памяти П. Н. Шульца 27—29 января 1986 г 295
Фролов А. С. (Москва). Первая калужская историко-археологическая конференция, февраль 1986 г. 297

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
MOSCOW

1988 1

SOVIET ARCHAEOLOGY

Editor-in-Chief
B. A. RYBAKOV

Founded in 1957
Published quarterly

CONTENTS

Tsetlin Y. B. (Moscow). On the Reconstruction of Archaeological Stratification of Neolithic Sites 5
Serikov Y. B. (Nizhny Tagil). Vyika II, the Key Mesolithic Site in the Central Trans-Urals Area 17
Moruzhenko A. A. (Donetsk). On the Early Iron Age Sites in the Vorskla Basin . 33
Kasparova K. V. (Leningrad). On a Possible Component of the Zarubintsy Burial Rite 53
Ryabinin E. A., Chernyakh N. V. (Leningrad, Moscow). The Stratigraphy, Layout and Chronology of the Lower Layer in the Staraya Ladoga Earthern Fortified Settlement in the Light of Recent Studies 72
Shraibman V. I., Serkerov S. A., Sidelnikova T. A., Flerov V. S. (Moscow). The New Elements of Geophysical Exploration in Studying Ground Burials in the Northern Caucasus 101

Publications

Kravtsov A. E. (Moscow). The Late Mesolithic and Bronze Age Sites in Meshchera near Moscow 113
Lopatin V. A., Malov N. M. (Saratov). Timber-Frame Shaft Burials on the Eruslan River 130
Sanzharov S. N. (Donetsk). Burials of the Donbass Catacomb Culture with Dies 140
Andrukh S. I. (Odessa). A Burial of a Scythian Warrior in the Sivash Area 159
Anarbayev A. A. (Samarkand). Akhsikent in Antiquity and the Middle Ages (Results and Prospects of Archaeological Studies) 171
Vasiliev B. G. (Staraya Ladoga Village). The 1153 Frescoes in St. Climent Church in Staraya Ladoga (According to Archaeological Materials) 188
Timofeyeva T. P. (Vladimir). On the Nature of Ornamentation of Columns with Friezes of 12th-13th-Century Vladimir-Suzdal Architectural Monuments 198

Discussions

Boryaz V. N. (Leningrad). On the Legitimacy of Identifying the «Reconstruction» Level in Archaeological Research 208
Anikovich M. V. (Leningrad). «Three Levels of Archaeological Research» or Three Stages of Historical Cognition? 218
Comments on the Article by V. Bashilov and E. Loone «On the Levels of Knowledge and Cognitive Aims of Archaeology» (Viktorova V. D., Bochkarev V. S., Grigoryev G. P., Pryakhin A. D., Vasilevsky R. S., Simanov A. L.) . . . 224

Notes

Logvin V. N. (Kustanai). Eneolithic Finds at the Village of Livanovka . . . 232
Novitsky E. Y. (Odessa). An Eneolithic-Early Bronze Age Sacrificial Stone from Krasnoselki 235
Dinkov A. B. (Krasnodar). A Catacomb Burial from the Timashevski Mound in the Kuban Area 237
Matveev A. V., Matveeva N. P. (Tyumen). A Bronze Cauldron from the Savinkovo Burial Ground (the Middle Reaches of the Tobol River) 241
Ryabtsev A. N., Semenov V. A. (Syktyvkar). An Ananino «Ceremonial» Pole-Axe Found near Syktyvkar 244
Kaminskaya I. V. (Krasnodar). Sarmatian Burials at the Urup River . . 245
Denisova V. I. (Leningrad). A Rhymed Ancient Greek Inscription from Olbia 251
Pavlenkov V. I. (Evpatoria). A Part of a Portrait Emblem from the Yuzhni Donuzel Settlement 256
Kamenetskaya E. V. (Moscow). On Some Types of the Gnozdovo Pottery 258
Belenkaya D. A. (Moscow). Finds in the Moscow «Posad» 263

Book Reviews and Bibliography

Vishnyatsky L. B. (Leningrad). Mousterian Legacy. Human Biocultural Change in the Upper Pleistacene. BAR. Int. Ser. 164. Oxford, 1983 269
Murzin V. Y., Simonenko A. V. (Kiev). *Maximenko V. E.* Savro-Sarmatians and Sarmatians at the Lower Don, Rostov on Don, 1983 273
Matyushenko V. I. (Omsk). *Kosarev M. F.* Bronze Age in Western Siberia, Moscow, 1981; *Kosarev M. F.*, Western Siberia in Ancient Time, Moscow, 1984 . . 276
Molchanov A. A. (Moscow). *Chernetsov A. V.* Types of Russian Coins of the XIV and XV Centuries: an Iconographic Study. BAR. Int. Ser. 167. Oxford, 1983 282

Chronicle

Dolukhanov P. M. (Leningrad). Recent Developments in Soviet and Finnish Archaeology. Papers of the Third Soviet-Finnish Archaeological Symposium, May 11-15, 1981, Leningrad, 1984 293
Ustinova Y. B. (Leningrad). The Conference «Problems of Ancient and Scythian-Sarmatian Archaeology» Held in memory of P. N. Shults. January 27-29, 1986 295
Frolov A. S. (Moscow). The First Historico-Archaeological Conference Held in Kaluga. February 1986 297

Ю. Б. ЦЕТЛИН

О РЕКОНСТРУКЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ СТРАТИГРАФИИ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ НЕОЛИТА

Проблема периодизации является одной из важнейших в археологической науке на протяжении всей ее истории. Постоянная актуальность ее связана с изменением и углублением во времени самих исследовательских задач. Первоначально, когда перед археологической наукой стояли задачи достаточно общие, она удовлетворялась и общими представлениями о периодизации (примером этого может служить известная схема «трех веков»), но в настоящее время, когда эти задачи существенно углубились и детализировались, возникла и необходимость создания более детальной периодизации и хронологии.

Наиболее фундаментальным основанием для изучения периодизации и хронологии является стратиграфия. Она лежит в основе как чисто археологических методов построения периодизации, так и специальных методов, которые в последнее время получают все большее распространение при решении археологических и исторических проблем (радиоуглеродного, палинологического и многих других).

В основе всех стратиграфических методов лежат создание и изучение стратиграфических разрезов. Такие разрезы находят широкое применение и в археологии. Изучение особенностей культурных напластований памятников в этих разрезах позволяет, во-первых, установить относительную последовательность разных культурных слоев во времени; во-вторых, оценить примерную длительность образования каждого из них; в-третьих, сопоставить особенности этих напластований в разных памятниках и на этой основе получить представления о периодизации исторических явлений на обширной территории.

Однако практическое использование стратиграфического метода осложнено рядом обстоятельств. Для памятников эпохи неолита и бронзы Центра Русской равнины среди таких обстоятельств нужно прежде всего назвать почти полное отсутствие детальной почвенной стратиграфии, к которой могли бы быть привязаны культурные остатки, и существенную перемешанность самих этих остатков в слое древних поселений. Среди известных сегодня поселений эпохи неолита и бронзы число таких, где оказывается возможным проследить особенности стратиграфии культурных напластований, крайне ограниченно. Это так называемые эталонные памятники, к которым относятся главным образом поселения, расположенные на островах и мысах древних озер, превратившихся позднее в торфяниковые болота.

Комплексное изучение материалов таких поселений на основе стратиграфических, статистических, палинологических и радиоуглеродных данных позволило Д. А. Крайнову и Н. А. Хотинскому установить общую последовательность смены археологических культур эпох неолита и бронзы на территории лесной зоны европейской части СССР [1, с. 63, 64; 2; 3, с. 57—62]. Однако и для таких поселений на их основной (суходольной) части также характерны очень общая почвенная стратиграфия и сильная вертикальная перемешанность разновременных культурных остатков.

Все эти обстоятельства заставили искать способ реконструкции культурной стратиграфии многослойных поселений[1]. По инициативе Д. А. Крайнова автором в 1977 г. была начата специальная работа в этом направлении. Отсутствие детальной почвенной стратиграфии заставило целиком опираться на результаты анализа положения в слое разных культурных остатков на суходольной части поселений. Наиболее пригодным для этой цели является керамический материал. Это определяется, во-первых, его массовостью, что позволяет применить к нему методы и приемы статистического анализа; во-вторых, достаточно хорошей разработанностью признаков отнесения его к определенной археологической культуре [5, с. 14]. При таком подходе основным препятствием в изучении культурной стратиграфии поселений является, как указывалось выше, вертикальная перемешанность в слое разновременных культурных остатков. Именно устранение перемешанности этих остатков позволило бы реконструировать первоначальную культурную стратиграфию.

Для изучения особенностей культурных напластований на основных многослойных неолитических поселениях бассейна Верхней Волги, которые считаются эталонными для этого района[2], были заложены специальные стратиграфические разрезы. Раскопки их осуществлялись в соответствии с рядом специальных правил, которые должны были обеспечить наиболее точную фиксацию особенностей залегания керамического материала в слое. В эти правила входили: выбор на поселении (на участке суходола) площадки с горизонтальной современной дневной поверхностью; нивелировка ее с помощью системы четырех взаимосвязанных реперов, установленных по углам раскопа размером 2×2 м, от которых велись замеры всех глубин; полная выборка и строгая фиксация всего керамического материала по пластам мощностью 5 см по вертикали. Ограниченный размер стратиграфического разреза был обусловлен прежде всего требованием соблюдения высокой точности учета особенностей залегания материала при выборке пластов. В ходе раскопок особое внимание обращалось на наличие древних ям или иных нарушений культурного слоя, которые могли привести к существенному искажению первоначального положения культурных остатков.

Предлагаемый для обсуждения подход к изучению культурной стратиграфии рассматривается на примере многослойного поселения Сахтыш VIII, расположенного в Тейковском р-не Ивановской обл. (на территории Сахтышского торфяника). Это поселение было открыто в 1964 г. Д. А. Крайновым и дало керамические остатки всех археологических культур эпох неолита и бронзы, характерных для территории Верхнего Поволжья в целом [6, с. 23 и сл.].

В стратиграфическом разрезе была зафиксирована следующая последовательность почвенных слоев (в см):

1. Дерновый слой	— 0—5
2. Слой темного торфа со следами пожара 1972 г	— 5—10
3. Слой легкого и среднего торфовидного суглинка темного цвета	— 10—30
4. Слой тяжелого суглинка серого цвета	— 30—35
5. Слой желтовато-серой (пятчистой) иловатой глины (предматериковый слой)	— 35—45
6. Желтый плотный песок (материк)	— глубже 45

При раскопках стратиграфического разреза зафиксировано 1444 фрагмента керамики. Среди них к ранненеолитической верхневолжской культуре относится 261 образец, к культуре с ямочно-гребенчатой ке-

[1] Краткое изложение методики реконструкции культурной стратиграфии многослойных поселений см. [4, с. 48—50].

[2] Таковыми являются Сахтышские стоянки на Сахтышском торфянике в Ивановской обл., Берендеевские стоянки на Берендеевском торфянике, Ивановские стоянки на Ивановском торфянике в Ярославской обл. и некоторые другие памятники.

Таблица 1

Распределение керамического материала в культурном слое поселения

Пласт культурного слоя и его глубина, см	Археологические культуры				
	В/В	Я/Г	Р/Я	Р/Ятн	Вол
I, 0—10	+	+	+	+	+
II, 10—15	+	+	+	+	+
III, 15—20	+	+	+	+	+
IV, 20—25	+	+	+	+	+
V, 25—30	+	+	+	+	+
VI, 30—35	+	+	+	+	+
VII — IX, 35—50	+	+	—	—	+

Примечание. Верхний пласт (I) включает дерновый слой и поэтому его толщина составила 10 см. Поскольку в трех нижних пластах (VII — IX) количество находок весьма ограниченно, а сам культурный слой нерегулярен, они объединены и рассматриваются суммарно. В этой и всех последующих таблицах приняты условные обозначения для названий археологических культур: В/В — верхневолжская, Я/Г — культура с ямочно-гребенчатой керамикой, Р/Я — культура с редкоямочной керамикой, Р/Ятн — культура с редкоямочной (тонкостенной) керамикой, Вол —волосовская.

Таблица 2

Распределение образцов керамики разных культур в слое поселения, %

Пласт культурного слоя	Археологические культуры				
	В/В	Я/Г	Р/Я	Р/Ятн	Вол
I	10,3	16,2	8,7	2,3	14,6
II	5,4	16,7	13,0	4,6	*22,9*
III	8,8	18,0	*26,2*	*51,2*	18,8
IV	7,3	12,1	8,7	14,0	14,6
V	13,4	*20,4*	21,7	18,6	12,5
VI	*34,1*	13,5	21,7	9,3	12,5
VII — IX	20,7	3,1	—	—	4,1
Сумма, %	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Число образцов	261	711	23	43	48

рамикой — 711, к культуре с редкоямочной керамикой[3] — 23, к культуре с редкоямочной (тонкостенной) керамикой[4] — 43, к волосовской культуре — 48. Всего это составляет 1086 образцов. Оставшиеся 358 образцов керамики частично относятся к эпохе бронзы, а частично оказались неопределимыми по культурной принадлежности. И те и другие не участвуют в анализе стратиграфии. Таким образом, предпринятая работа по выяснению культурной стратиграфии базируется на изучении положения в слое поселения 1086 образцов керамики. В общей сложности по этому материалу было проделано свыше 4300 различных определений[5]. Рассмотрим конкретные данные, характеризующие степень перемешанности в слое поселения разновременных культурных остатков.

В табл. 1 даны результаты изучения на качественном уровне степени перемешанности культурных остатков в слое поселения. Керамика трех из пяти археологических культур встречается на всех глубинах культурного слоя, а керамика двух других культур — также почти на всех глубинах, за исключением самой нижней части слоя. Эта таблица дает наиболее общее представление о распределении керамического материала по глубинам. Использование этих данных для решения проблем стратиграфии практически невозможно.

---

[3] Эта керамика относится исследователями к позднему этапу культуры с ямочно-гребенчатой керамикой [7, с. 73; 8, с. 68; 9, с. 87].

[4] По мнению Д. А. Крайнова, эта керамика является «протоволосовской» [10, с. 11—15].

[5] Для сравнительного анализа в ходе работы широко привлекался керамический материал с остальной части поселения из раскопок Д. А. Крайнова.

Первым шагом по пути уточнения и конкретизации данных, приведенных в табл. 1, является введение количественных показателей.

В табл. 2 показано в процентах распределение керамического материала каждой археологической культуры на разных глубинах культурного слоя. Весь керамический материал одной культуры принимается за 100%. Наибольшее распространение керамики верхневолжской культуры приходится на пласт VI, ямочно-гребенчатой — на пласт V, редкоямочной и редкоямочной (тонкостенной) — на пласт III, а волосовской культуры — на пласт II культурного слоя поселения [6].

Обычно при изучении распределения керамического материала в культурном слое памятников исследователи останавливаются именно на этом этапе анализа. И действительно, учет количества образцов керамики разных культур по глубинам позволяет сделать некоторые наблюдения над стратиграфией культурных остатков. Однако выделенные максимумы распределения материалов каждой археологической культуры в данном случае выражены в количественном отношении очень слабо, распределение является сильно «размытым», а сами максимумы в подавляющем большинстве очень нечетки.

Очевидно, что здесь (как и в табл. 1) сказывается влияние вертикальной перемешанности разновременных культурных остатков. Следовательно, для того чтобы сделать само распределение более четким и определенным, необходимо исключить из рассуждений ту часть керамического материала, которая в результате тех или иных причин изменила свое первоначальное (истинное) положение в культурном слое. Отсюда возникает задача по отбору из всей массы керамического материала той его части, которая не подверглась перемещениям в культурном слое, а сохранила свое первоначальное положение.

В ходе самих раскопок и последующего изучения керамического материала в лаборатории было замечено следующее любопытное явление. Несмотря на то что керамика (например, верхневолжской культуры) присутствует, хотя и в разном количестве, на всех глубинах культурного слоя, в верхних его пластах встречаются главным образом мелкие по размеру фрагменты, а в нижних пластах, напротив, сосредоточена основная масса наиболее крупных образцов. Отсюда возникло предположение, что разные по размеру образцы керамики обладают различной способностью перемещаться случайным образом по вертикали в культурном слое.

Для того чтобы проверить правильность такого предположения, прежде всего понадобилось определить размер каждого образца керамики (в $см^2$). Затем весь керамический материал был распределен по условным группам крупности. В зависимости от степени измельченности и общего числа образцов керамики той или иной культуры использовались два вида таких групп, позволявших анализировать размер образцов с различной степенью точности. Группы крупности первого вида имели шаг через каждые 5 $см^2$, т. е. I группа включала образцы керамики размером от 1 до 5 $см^2$, II — от 6 до 10 $см^2$, III — от 11 до 15 $см^2$ и т. д. Группы крупности второго вида имели шаг через каждые 10 $см^2$, т. е. I группа содержала образцы размером от 1 до 10 $см^2$, II — от 11 до 20 $см^2$, III — от 21 до 30 $см^2$ и т. д. После этого была сделана попытка выяснить, как будет меняться распределение керамического материала каждой культуры в слое по отдельным группам крупности в сравнении с распределением всего этого материала (результаты такого анализа приведены в табл. 3—7).

В табл. 3 показано, как меняется в слое распределение верхневолжской керамики по разным группам крупности. Весь керамический материал культуры, как отмечалось выше, присутствует во всех пластах культурного слоя, мелкие образцы, размером от 1 до 10 и от 11 до 20 $см^2$

---

[6] Полученное распределение в своих основных чертах вполне соответствует общей статистике распределения материала на остальной части памятника, исследованной раскопками широкими площадями (около 1400 $м^2$) [11, с. 52—72].

Таблица 3

Верхневолжская культура

Пласт культурного слоя	Вся совокупность материала	Группа крупности (см²)			
		1—10	11—20	21—30	свыше 30
I	+	+	+	—	—
II	+	+	+	—	—
III	+	+	+	—	—
IV	+	+	+	—	—
V	+	+	+	+	—
VI	+	+	+	+	+
VII — IX	+	+	+	+	+

Таблица 4

Культура с ямочно-гребенчатой керамикой

Пласт культурного слоя	Вся совокупность материала	Группы крупности, см²				
		1—10	11—20	21—30	30—40	свыше 40
I	+	+	+	+	—	—
II	+	+	+	+	+	—
III	+	+	+	+	+	+
IV	+	+	+	+	+	+
V	+	+	+	+	+	+
VI	+	+	+	+	+	+
VII — IX	+	+	+	+	+	—

также встречаются во всех пластах, но уже образцы более крупные — от 21 до 30 см² — зафиксированы только в трех нижних пластах, а наиболее крупные образцы — размером свыше 30 см² — только в двух нижних пластах культурного слоя.

Таким образом, более крупные образцы керамики как бы локализуются в слое поселения на определенной глубине, а более мелкие образцы, напротив, находятся в «распыленном» состоянии.

В табл. 4 представлено распределение по глубинам образцов ямочно-гребенчатой керамики. Как и в предыдущем случае, весь материал культуры присутствует во всех пластах культурного слоя. Образцы керамики трех первых групп крупности показывают аналогичное распределение. Однако образцы керамики более крупные — от 31 до 40 см² — отсутствуют в пласте I, а образцы размером свыше 40 см² локализуются только в четырех пластах культурного слоя (III—VI). Как можно видеть, здесь имеет место та же тенденция, которая была отмечена по материалам верхневолжской культуры.

В табл. 5 показано распределение в культурном слое поселения образцов редкоямочной (тонкостенной) керамики разной степени крупности. Ограниченность числа этих образцов заставляет вести анализ их распределения по более дробным группам крупности, имеющим шаг не 10, а 5 см². Вся совокупность материала распределяется по шести пластам культурного слоя; наиболее мелкие образцы — размером от 1 до 5 см² — зафиксированы в четырех пластах, образцы размером от 6 до 10 см² — в пяти пластах, образцы керамики размером от 11 до 15 см² — в трех пластах, но в сильно распыленном состоянии, а образцы размером свыше 15 см² — также в трех пластах, но расположенных компактно в средней части культурного слоя. Налицо та же тенденция.

В табл. 6 приведено распределение образцов волосовской керамики в культурном слое по разным группам крупности и всего материала в целом. Хорошо известно, что керамика этой культуры очень плохо сохраняется, особенно во влажной почве, из-за большой концентрации органических добавок в формовочной массе. Это, а также значительная

Таблица 5

Культура с редкоямочной (тонкостенной) керамикой

Пласт культурного слоя	Вся совокупность материала	Группы крупности, см²			
		1—5	6—10	11—15	свыше 15
I	+	—	—	+	—
II	+	—	+	—	—
III	+	+	+	+	+
IV	+	+	+	—	+
V	+	+	+	+	+
VI	+	+	+	—	—
VII — IX	—	—	—	—	—

Таблица 6

Волосовская культура

Пласты культурного слоя	Вся совокупность материала	Группы крупности, см²			
		1—5	6—10	11—15	свыше 15
I	+	+	+	—	—
II	+	+	+	+	—
III	+	+	+	+	+
IV	+	+	+	+	+
V	+	—	+	+	+
VI	+	—	+	+	+
VII — IX	+	+	+	—	—

измельченность образцов заставляют и здесь анализировать материал более детально, используя группы крупности с шагом через 5 см². Судя по приведенным данным, весь материал культуры присутствует на всех глубинах культурного слоя. Образцы наиболее мелкие — от 1 до 5 см² — зафиксированы в I—IV и VII—IX пластах. Отсутствие их в пластах V и VI объясняется именно плохой сохранностью этой керамики. Это подтверждается тем, что образцы керамики следующей группы крупности — от 6 до 10 см² — зафиксированы на всех глубинах культурного слоя. Следовательно, «неполнота» распределения наиболее мелких фрагментов является случайной. Образцы керамики размером от 11 до 15 см² обнаружены уже в пяти пластах культурного слоя (II—VI), а наиболее крупные образцы — размером свыше 15 см² — локализуются только в четырех пластах культурного слоя поселения. Таким образом, отмеченная тенденция оказывается характерной и для керамических остатков волосовской культуры.

В табл. 7 дано распределение образцов редкоямочной керамики в культурном слое в зависимости от степени их крупности. Весь материал культуры зафиксирован в шести пластах культурного слоя. Образцы керамики первой группы крупности — от 1 до 5 см² — распределены достаточно случайно. Это объясняется тем, что такие фрагменты весьма сложно отличить от фрагментов ямочно-гребенчатой керамики. Образцы следующей группы крупности — от 6 до 10 см² присутствуют в тех же пластах культурного слоя, что и весь материал. Более крупные образцы — от 11 до 15 см² — также обнаруживают неустойчивый характер распределения, что, вероятно, связано с общим незначительным числом образцов керамики данной культуры. Однако наиболее крупные образцы — размером свыше 15 см² — строго локализуются в средней части культурного слоя (пласты III—V). Здесь также имеет место отмеченная выше тенденция.

Изучение особенностей распределения в культурном слое керамических остатков разных археологических культур по группам крупности позволило выявить одну общую зависимость, которая является весьма важной для решения задачи реконструкции культурной стратиграфии

Таблица 7

Культура с редкоямочной керамикой

Пласт культурного слоя	Вся совокупность материала	Группы крупности, см²			
		1—5	6—10	11—15	свыше 15
I	+	—	+	+	—
II	+	+	+	—	—
III	+	—	+	+	+
IV	+	—	+	—	+
V	+	—	+	+	+
VI	+	+	+	+	—
VII — IX	—	—	—	—	—

Таблица 8

Верхневолжская культура

Пласт культурного слоя	Вся совокупность материала	Группы крупности, см²		
		свыше 10	свыше 20	свыше 30
I	7,1	1,8	—	—
II	3,2	1,5	—	—
III	7,2	6,1	—	—
IV	5,9	2,9	—	—
V	15,0	15,6	15,5	—
VI	*39,3*	*47,2*	*50,4*	*57,9*
VII — IX	**22,3**	**24,9**	**34,1**	32,1
Сумма, %	100,0	100,0	100,0	100,0
Общая площадь образцов, см²	2519	1573	671	271

Примечание. В данной и последующих таблицах за 100% принимается суммарная площадь (в см²) образцов керамики определенной культуры или группы крупности.

многослойных поселений. Эта зависимость состоит в следующем: мелкие образцы керамики каждой из рассмотренных археологических культур находятся в слое в более распыленном состоянии, чем крупные образцы. Однако первоначально (в момент разрушения конкретной посуды) и крупные и мелкие образцы керамики залегали совместно, в одной и той же части культурного слоя. Следовательно, перемешанность культурного слоя ведет к рассеиванию культурных остатков, в частности керамики, по сравнению с их первоначальным положением, но происходит это неодинаково: мелкие фрагменты оказываются более подвижными, т. е. в большей степени способными к перемещению, чем крупные. Эти последние более устойчивы в слое, более стабильны по своему положению. Кроме того, когда крупные фрагменты в силу тех или иных причин перемещаются в культурном слое, они испытывают дополнительные механические нагрузки, которые ведут к их измельчению и соответственно к переходу в разряд более мелких. Таким образом, становится очевидным, что более крупные фрагменты в значительно большей степени характеризуют уровень первоначального отложения данной керамики на древней дневной поверхности. Отсюда следует, во-первых, что анализ положения образцов керамики в культурном слое поселения должен производиться с учетом их реального размера (в см²) — это позволит сделать сопоставимыми между собой образцы керамики разной степени крупности; во-вторых, что при изучении культурной стратиграфии по керамическим остаткам более правомерно ориентироваться на положение и распределение в слое именно крупных образцов керамики, а мелкие будут, напротив, только искажать и затуманивать объективную картину.

В табл. 8—12 показано, как меняется характер распределения в слое поселения керамического материала разных археологических культур

при постепенном исключении из рассмотрения более мелких образцов керамики.

В табл. 8 показано распределение в слое памятника керамики верхневолжской культуры. Как можно видеть, при анализе всей совокупности керамического материала максимум распределения приходится на пласт VI и составляет 39,3% всего материала, а на втором месте стоит пласт VII—IX — 22,3%.

Теперь в соответствии с выявленной зависимостью начнем постепенно исключать из рассмотрения более мелкие образцы керамики. Второй столбец содержит образцы верхневолжской керамики размером свыше 10 см², а более мелкие в нем уже не присутствуют. При этом максимум в пласте VI возрастает с 39,3 до 47,2%, а в пласте VII—IX — с 22,3 до 24,9%. Доля керамики в других пластах культурного слоя постепенно уменьшается или сохраняется примерно на одном и том же уровне (как, скажем, в пласте V). Третий столбец содержит образцы керамики размером свыше 20 см², а более мелкие образцы исключены из рассмотрения. Максимум распределения в пласте VI вырастает до 50,4%, а в пласте VII—IX — до 34,1%. В результате этого в двух нижних пластах культурного слоя оказывается сосредоточенным почти 85% всего керамического материала верхневолжской культуры. Верхняя (поздняя) часть слоя практически полностью освобождается от находок, что указывает на присутствие в ней, как и было замечено ранее, исключительно мелких фрагментов керамики. Еще более четкое распределение дает анализ образцов керамики размером свыше 30 см². Максимум распределения в пласте VI продолжает увеличиваться и достигает 67,9%, а в пласте VII—IX он составляет 32,1%.

Анализ результатов распределения керамики верхневолжской культуры позволяет отметить два важных момента: 1) независимо от степени крупности анализируемых образцов максимум распределения керамики данной культуры приходится на один и тот же пласт VI; 2) при поэтапном переходе к анализу распределения более крупных образцов керамики само численное значение «максимума» возрастает с 39,3 до 67,9%, т. е. почти в 2 раза.

Таким образом, максимум распределения керамических остатков верхневолжской культуры не только сохраняет неизменным свое положение в культурном слое поселения, но и обнаруживает очевидную тенденцию к численному росту при переходе к более высоким группам крупности.

Данное явление, исходя из отмеченных его общих свойств, предлагается называть **устойчивым максимумом распределения.** Рассмотрим его теперь на материалах других культур.

В табл. 9 дано распределение в культурном слое поселения образцов ямочно-гребенчатой керамики. Как и в предыдущем случае, первый столбец демонстрирует распределение по глубинам всего керамического материала. В данном случае максимум распределения приходится на пласт V и составляет всего 24,2%. Каждый из последующих столбцов показывает распределение в слое образцов керамики более высоких групп крупности: второй столбец включает образцы размером свыше 10 см², третий — свыше 20 см², четвертый — свыше 30 см² и, наконец, пятый — свыше 40 см². Сопоставляя эти данные, можно видеть, что независимо от крупности образцов керамики устойчивый максимум распределения материала приходится на один и тот же пласт V, но при переходе к анализу более высоких групп крупности его численное значение возрастает с 24,2 до 39,4%.

В табл. 10 приводятся данные о распределении в культурном слое поселения редкоямочной (тонкостенной) керамики. При анализе как всей совокупности материала, так и различных групп крупности образцов четко выделяются два устойчивых максимума распределения: один в пласте III, другой в пласте V. Оба они обнаруживают тенденцию к численному росту при переходе от низших к высшим группам крупности (в пласте III — от 53,4 до 56,0%, а в пласте V — от 20,9 до 29,4%).

Таблица 9

Культура с ямочно-гребенчатой керамикой

Пласт культурного слоя	Вся совокупность материала	Группы крупности, см²			
		свыше 10	свыше 20	свыше 30	свыше 40
I	11,4	6,1	4,8	—	—
II	11,7	8,2	4,4	6,0	—
III	19,3	19,7	22,4	19,6	19,9
IV	15,0	18,4	15,8	14,5	20,8
V	*24,2*	*27,0*	*25,8*	*33,6*	*39,4*
VI	15,2	16,8	22,6	20,3	19,9
VII — IX	3,2	3,8	4,2	6,0	—
Сумма, %	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Общая площадь образцов, см²	7531	4923	2000	587	241

Таблица 10

Культура с редкоямочной (тонкостенной) керамикой

Пласт культурного слоя	Вся совокупность материала	Группы крупности, см²		
		свыше 5	свыше 10	свыше 15
I	4,0	4,7	9,0	—
II	3,3	3,8	—	—
III	*53,4*	*55,5*	*54,8*	*56,0*
IV	12,7	12,0	9,6	14,6
V	**20,9**	**21,2**	**26,6**	**29,4**
VI	5,7	2,8	—	—
VII — IX	—	—	—	—
Сумма, %	100,0	100,0	100,0	100,0
Общая площадь образцов, см²	369	316	166	109

Обнаружение в культурном слое поселения не одного, а двух устойчивых максимумов распределения керамики этой культуры с очевидностью свидетельствует о двух различных по времени периодах бытования здесь носителей, оставивших эту посуду.

В табл. 11 содержатся данные о распределении волосовской керамики в культурном слое поселения. Анализ всего материала фиксирует два максимума — в пластах III и V, которые, однако, в количественном отношении выражены очень слабо. При переходе к анализу образцов керамики размером свыше 5 см² и особенно свыше 10 см² эти максимумы сохраняют свое положение и становятся более четкими. В группе крупности свыше 10 см² наблюдается любопытное явление, названное перераспределением максимумов. Оно состоит в том, что основной максимум смещается (временно) из пласта III в пласт V. Это указывает на то, что максимум в пласте III образован за счет большого числа мелких и некоторого числа крупных фрагментов, а в пласте V — в основном за счет средних по размеру образцов. В наивысшей группе крупности максимум в пласте V исчезает, а устойчивый максимум в пласте III становится еще более четким (достигая 38,4%).

В табл. 12 показано распределение по глубинам образцов редкоямочной керамики. При анализе всего керамического материала выделяются один достаточно четкий максимум в пласте III (34,5%) и некоторый весьма незначительный максимум в пласте V (21,0%). Постепенный переход к анализу распределения по более высоким группам крупности влечет за собой сглаживание и в конце концов исчезновение максимума в пласте V. Устойчивый максимум в пласте III, напротив, обнаруживает стабильную тенденцию к росту своего численного значения — с 34,5 в первом столбце до 53,5% в последнем.

Таблица 11

Волосовская культура

Пласт культурного слоя	Вся совокупность материала	Группы крупности, см²		
		свыше 5	свыше 10	свыше 15
I	9,6	6,4	—	—
II	15,4	11,9	5,8	—
III	*23,0*	*25,3*	**30,1**	*38,4*
IV	15,2	15,6	15,5	22,0
V	**19,7**	**22,2**	*34,0*	19,8
VI	15,0	16,9	14,6	19,8
VII — IX	2,1	1,7	—	—
Сумма, %	100,0	100,0	100,0	100,0
Общая площадь образцов, см²	408	360	206	91

Таблица 12

Культура с редкоямочной керамикой

Пласт культурного слоя	Вся совокупность материала	Группы крупности, см²		
		свыше 5	свыше 10	свыше 15
I	10,1	10,6	10,9	—
II	8,0	4,4	—	—
III	*34,5*	*36,4*	*47,4*	*53,5*
IV	10,9	11,5	12,4	24,0
V	**21,0**	**22,1**	**21,3**	22,5
VI	15,5	15,0	8,0	—
VII — IX	—	—	—	—
Сумма, %	100,0	100,0	100,0	100,0
Общая площадь образцов, см²	238	226	137	71

Таблица 13

Результаты реконструкции культурной стратиграфии многослойного поселения Сахтыш VIII

Пласт культурного слоя	Археологические культуры				
	В/В	Я/Г	Р/Я тн	Вол	Р/Я
I	—	—	—	—	—
II	—	—	—	—	—
III	—	19,9	*56,0*	*38,4*	*53,5*
IV	—	20,8	14,6	22,0	24,0
V	—	*39,4*	**29,4**	19,8	22,5
VI	*67,9*	19,9	—	19,8	—
VII — IX	**32,1**	—	—	—	—
Сумма, %	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Теперь обобщим данные, полученные по отдельным археологическим культурам, и посмотрим, какой вид приобрела культурная стратиграфия многослойного поселения Сахтыш VIII.

Судя по полученным данным (см. табл. 13), устойчивые максимумы залегания в культурном слое поселения керамики верхневолжской культуры приходятся на пласты VI и VII—IX (наиболее ранние), культуры с ямочно-гребенчатой керамикой — на пласт V, культуры с редкоямочной (тонкостенной) керамикой — на пласты III и V, волосовской культуры — на пласт III, культуры с редкоямочной керамикой — также на пласт III. Таковой представляется *реконструированная* культурная стратиграфия многослойного поселения Сахтыш VIII.

Предпринятый анализ позволяет заключить, что наиболее ранними на данном поселении были носители верхневолжской культуры. Позднее

их сменяет население культуры с ямочно-гребенчатой и редкоямочной (тонкостенной) керамикой. В последующее время это место либо вообще не было заселено, либо было заселено в значительно меньшей степени, чем в предшествующие периоды (пласт IV не дает наличия каких-либо устойчивых максимумов керамических остатков). В еще более позднее время на поселении обитают вновь носители культуры с редкоямочной (тонкостенной) керамикой, а также волосовской культуры и культуры с редкоямочной керамикой.

Таким образом, реконструированная в ходе специального анализа культурная стратиграфия многослойного поселения Сахтыш VIII в своих основных чертах вполне подтверждает, во-первых, данные о стратиграфии этого поселения, полученные Д. А. Крайновым в ходе многолетних раскопок широкими площадями, во-вторых, существующие сегодня представления об общей последовательности смены неолитических культур в лесной зоне европейской части СССР. Это весьма существенный момент апробации предлагаемой методики, правильность которой могла быть проверена лишь на памятниках столь хорошо изученного в археологическом отношении района, каким является Верхнее Поволжье.

В заключение хотелось бы остановиться на некоторых дополнительных возможностях изучения культурной стратиграфии многослойных поселений. Судя по данным, приведенным в табл. 13, керамические материалы каждой археологической культуры характеризуются с точки зрения особенностей их залегания в культурном слое не только «устойчивыми максимумами», но также присутствием некоторого количества керамики в других пластах — ниже и выше определенного устойчивого максимума. И здесь встает закономерный вопрос: с чем это связано? Является ли это присутствие случайным или оно в некоторой мере отражает динамику исторического развития каждой из культур? Ответ на этот вопрос можно получить при переходе на более глубокие уровни анализа стратиграфического положения культурных остатков. Поскольку в данной статье основной задачей являлось не столько изучение самой культурной стратиграфии во всех ее деталях, сколько изложение методики ее реконструкции, сам анализ материала проводился на наиболее общем уровне, т. е. на уровне учета *культурной принадлежности* образцов керамики. Соответственно в результате такого анализа были получены только наиболее общие данные о культурной стратиграфии поселения, которые на последующих уровнях анализа могут быть уточнены и детализированы.

В целях изучения особенностей культурной стратиграфии многослойных поселений эпохи неолита предлагается вести анализ керамического материала на трех уровнях. Первый уровень, наиболее общий, предусматривает учет культурной принадлежности образцов керамики. В этом случае, как было показано выше, выясняется относительное положение в культурном слое керамических остатков разных археологических культур. Второй уровень, более частный, связан с анализом особенностей рецептуры формовочных масс глиняной посуды носителей каждой из археологических культур. Третий уровень, наиболее детальный, включает изучение элементов орнамента на поверхности обломков сосудов. Соответственно изучение керамических остатков на втором и третьем уровнях анализа позволяет получить более детальные данные о культурной стратиграфии поселения и наметить отдельные этапы в истории носителей каждой из археологических культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Крайнов Д. А., Хотинский Н. А.* Верневолжская ранненеолитическая культура// СА. 1977 № 3.
2. *Хотинский Н. А.* Голоцен Северной Евразии. М.: Наука, 1977.
3. *Крайнов Д. А.* Хронологические рамки неолита Верхнего Поволжья//КСИА. 1978. Вып. 153.
4. *Цетлин Ю. Б.* О методе периодизации древней керамики//Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной зоны Восточной Европы (тез. докл. предстоящей областной конференции 18—21 февраля 1986 г.) Оренбург, 1986.

5. *Гурина Н. Н.* Некоторые общие вопросы изучения неолита лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в каменном веке//МИА. 1973. № 152.
6. *Крайнов Д. А.* Отчет Верхневолжской экспедиции за 1977 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1, № 6646.
7. *Раушенбах В. М.* Племена льяловской культуры//Тр. ГИМ. 1970. Вып. 44.
8. *Третьяков В. П.* Культура с ямочно-гребенчатой керамикой в лесной полосе европейской части СССР Л.: Наука, 1972.
9. *Цветкова И. К., Кравцов А. Е.* Керамика неолитической стоянки Владычинская-Береговая 1//СА. 1982. № 2.
10. *Крайнов Д. А.* К вопросу о происхождении волосовской культуры//СА. 1981. № 2.
11. *Крайнов Д. А.* Отчет Верхневолжской экспедиции за 1978 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1. № 8301.

Y. B. Tsetlin

ON THE RECONSTRUCTION OF ARCHAEOLOGICAL STRATIFICATION OF NEOLITHIC SITES

Summary

The author describes his method of reconstructing the cultural stratigraphy of multilayer Neolithic settlements with considerably damaged cultural layers, with displaced cultural remains. This method is based on the distribution of pottery sherds of different sizes in the cultural layer: smaller fragments are more moveable, while larger ones tend to stability (Tables 3-7). Hence the conclusion that the stratification of larger pottery fragments indicates different cultural layers (Tables 8-12), while smaller fragments distort the picture. The article demonstrates practical application of the methodology to the Neolithic Sakhtysh VIII settlement (Table 13) with pottery sherds of all Upper Volga archaeological cultures.

Ю. Б. СЕРИКОВ

ВЫЙКА II — ОПОРНЫЙ ПАМЯТНИК ЭПОХИ МЕЗОЛИТА В СРЕДНЕМ ЗАУРАЛЬЕ

Поселение Выйка II находится в 7,5 км к востоку от с. Бородинка Красноуральского р-на Свердловской обл., при слиянии рек Выйка и Прокопьевская Салда. На устьевом мысу первой надпойменной террасы, покрытой лесом, находится многослойный памятник Выйка I. Дальше от берега устьевой мыс сначала полого, а затем все круче поднимается вверх. Здесь, в 210 м от береговой кромки, на уровне второй надпойменной террасы, на высоте от 14 до 16 м, расположено поселение Выйка II (рис. 1). Очертания второго мыса расплывчаты, четких контуров нет. Площадь поселения оценивается в 700 м².

Поселение Выйка II открыто в 1973 г. экспедицией Нижнетагильского краеведческого музея под руководством автора [1], исследовалось им же в 1974—1978 гг. Вскрыта площадь 540 м² [2—5].

Культурные остатки залегают сразу под дерном, в слое светло-серого или светло-коричневого супесчаного суглинка мощностью 20—35 см. Материком являются бурая плотная глина и коричневый суглинок с большой примесью мелких камней[1] Памятник однослойный. Только на периферии поселения найден развал сосуда раннего железного века. В основном керамика залегала компактным скоплением диаметром около 0,6 м, отдельные фрагменты выходили за пределы скопления. Керамика залегала в пятне прокала мощностью до 0,8 м. Мощность прокала, расположение сосуда горлом вниз, характер обжига и полное отсутствие каких-либо других предметов этого времени позволяют предположить, что здесь происходил обжиг сосудов, возможно, обитателями стоянки Выйка I, так как на ней встречены сосуды с очень похожей орнаментацией. Весь остальной комплекс Выйки II однородный, содержит только изделия из камня микролитического облика: ножевидные пластинки, резцы, резчики, нуклеусы, скребки и т. п.

В процессе раскопок выявлено шесть очагов (рис. 2), различавшихся размерами и оформлением. Наибольший диаметр очага 1 — до 1,4, очага 2 — до 2 м. Очаг 3 был обложен камнями, его наибольший диаметр 1,05, наименьший — 0,5 м (рис. 3). Истинные размеры очагов 4 и 5 установить невозможно, так как они находились на каменистой гряде, слегка возвышающейся над древней поверхностью поселения. После ухода людей с поселения очаги подверглись атмосферным воздействиям и были размыты. В процессе раскопок очаг 4 выглядел громадным пятном углей и прокала, диаметр его — более 5 м. Однако очажная яма на материке имела размеры 1,8×0,8 м. Размеры очажной ямы очага 5 1×0,75 м. Очаг 6 был полностью заложен камнями и имел наибольший диаметр 0,95, наименьший — 0,5 м. Возле обоих каменных очагов находились на-

[1] Раскопки памятника проводились по следующей методике. Для удобства определения координат находок на раскоп наносилась координатная сетка в виде шнуров, натянутых через каждый метр вдоль и поперек раскопа. Каждая находка специальным условным обозначением наносилась на план масштабом 1 10 или 1 20 с указанием глубины ее залегания от уровня современной поверхности. Это дает возможность выяснить истинную картину соотношения находок по глубинам. Раскопки производились маленькими лопатками или ножами посредством тонких горизонтальных срезов. При этом на план наносились все пятна прокала и углей и фиксировались их верхние и нижние отметки.

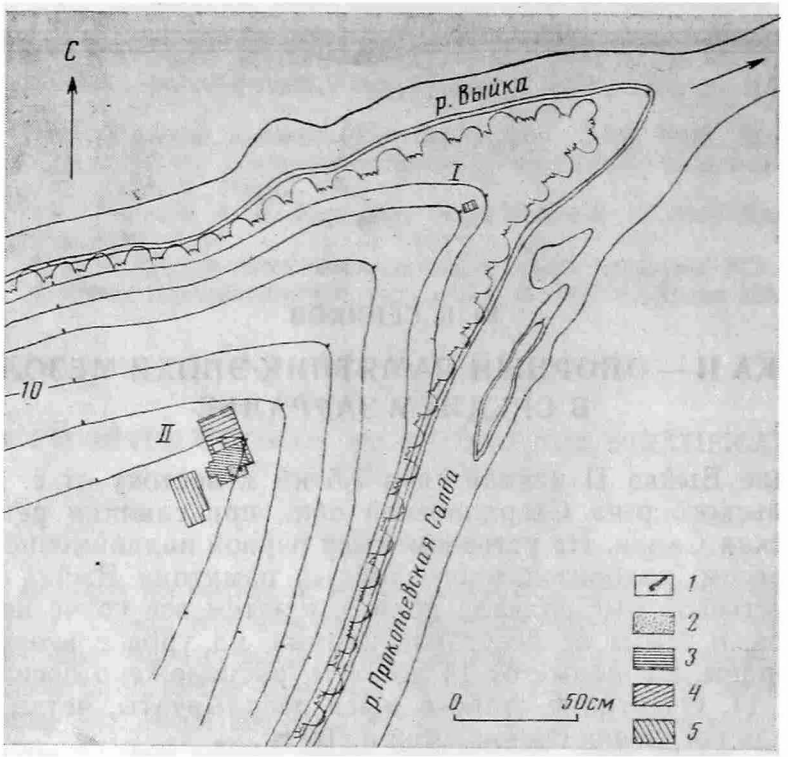


Рис. 1. Выйка I и II. Схематический план. Раскопы: *1* — траншея 1974 г.; *2* — 1975 г.; *3* — 1976 г.; *4* — 1977 г.; *5* — 1978 г.

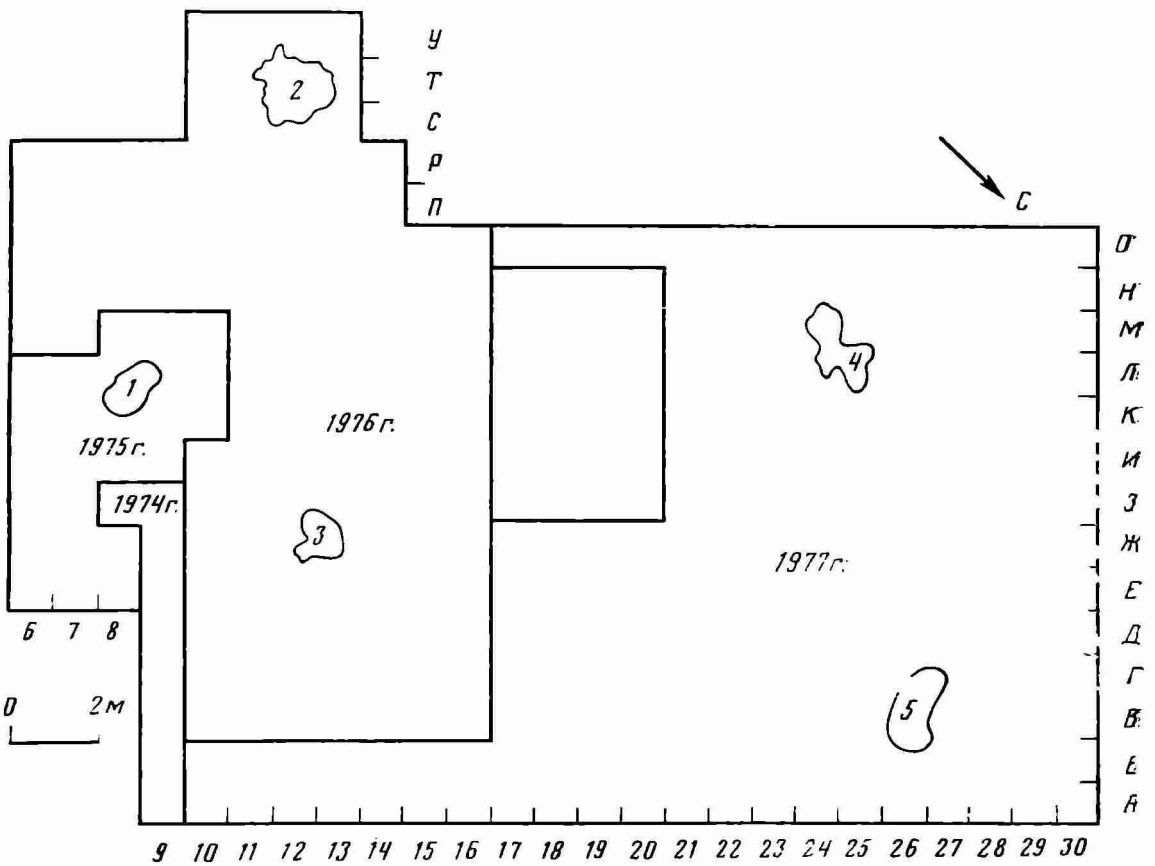


Рис. 2. Выйка II. Расположение очагов (*1—5*) в раскопах 1974—1977 гг.

ковальни или сидения в виде крупных камней. Оба каменных очага хорошо сохранились, что может свидетельствовать об окончательном оставлении стоянки.

Распределение находок возле очагов довольно своеобразно. У больших очагов (диаметром 1,5—2 м) находки сосредоточены с северной,

восточной и северо-западной сторон (очаги 1, 2, 4). У очагов 3, 5 диаметром около 1 м находки располагаются по всему периметру. Особенно хорошо это видно на примере очага 5, который окружен скоплением находок в виде овала 7×5 м (рис. 4). Межочажное пространство практически пустое, в нем встречаются только отдельные или единичные находки.

На Среднем Урале преобладают северо-западные ветры, поэтому распределение находок у очагов можно связывать именно с этим явлением. Жители поселения занимали наветренную сторону у очагов, о чем свидетельствует характер залегания находок. Отсюда можно сделать вывод, что очаги большого диаметра были открытыми. Очаги, находки возле которых располагаются со всех сторон, можно рассматривать как закрытые. Скорее всего, они находились в жилищах. Имеются и другие факты, подтверждающие наличие на памятнике жилищ наземного типа. Например, находки в скоплении вокруг очага 5 залегают на глубине 12—30 см, однако на границе скопления выявлены находки, которые находились на глубине от 37 до 53 см. Изучение условий их залегания показало, что они находились в небольших ямках диаметром 15—20, иногда до 30 см, углубленных в материк на 7, 12, 16, 23 см. Поскольку эти ямки зафиксированы на периферии скопления, их можно рассматривать в качестве столбовых. О существовании жилищ на поселении могут свидетельствовать небольшие размеры очагов, а также их оформление камнями. Каменные очаги предохраняли жилище от возникновения пожара и служили для обогрева. У очага 5 не зафиксировано каменной обкладки, но он находился на выходе каменистой гряды, поэтому обкладка камнями была необязательной. В жилищных очагах 3 и 5 —

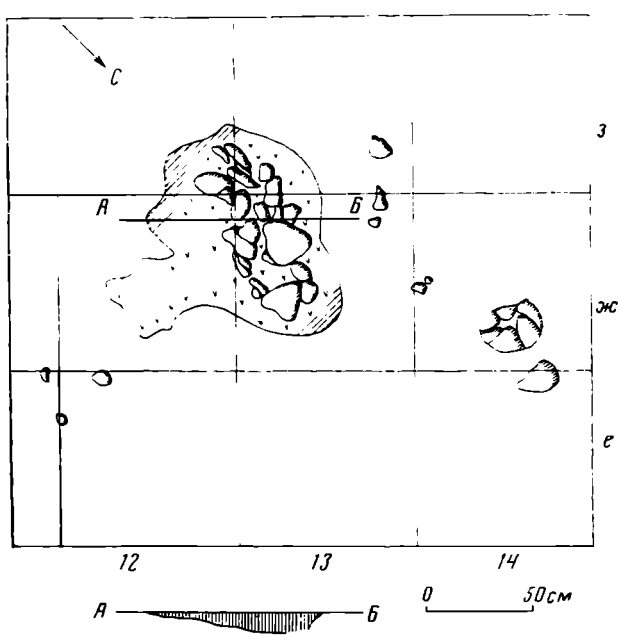


Рис. 3. Выйка II. Очаг 3 с каменной обкладкой

отдельные пятна прокала и углистой прослойки незначительной мощности. Для открытых очагов 1, 2, 4 характерен более мощный прокал — до 40 см.

Изучение находок в жилищных комплексах показывает, что именно жилища являлись центром хозяйственной жизни древнего человека. Так, у очага 5 (жилище 2) найдено четыре нуклеуса, четыре скребка, два отбойника, шлифованное тесло, около 200 ножевидных пластинок. Удается определить и расположение выходов из жилищ. В одном случае (жилище 1) на выход указывают углистое пятно в виде своеобразного языка, отходящего от очага, и профиль очага: с одной стороны крутой, с другой — пологий (рис. 3). Эти факты фиксируют направление выгребания золы и пепла из очага. Обычно золу выгребали в сторону вы-

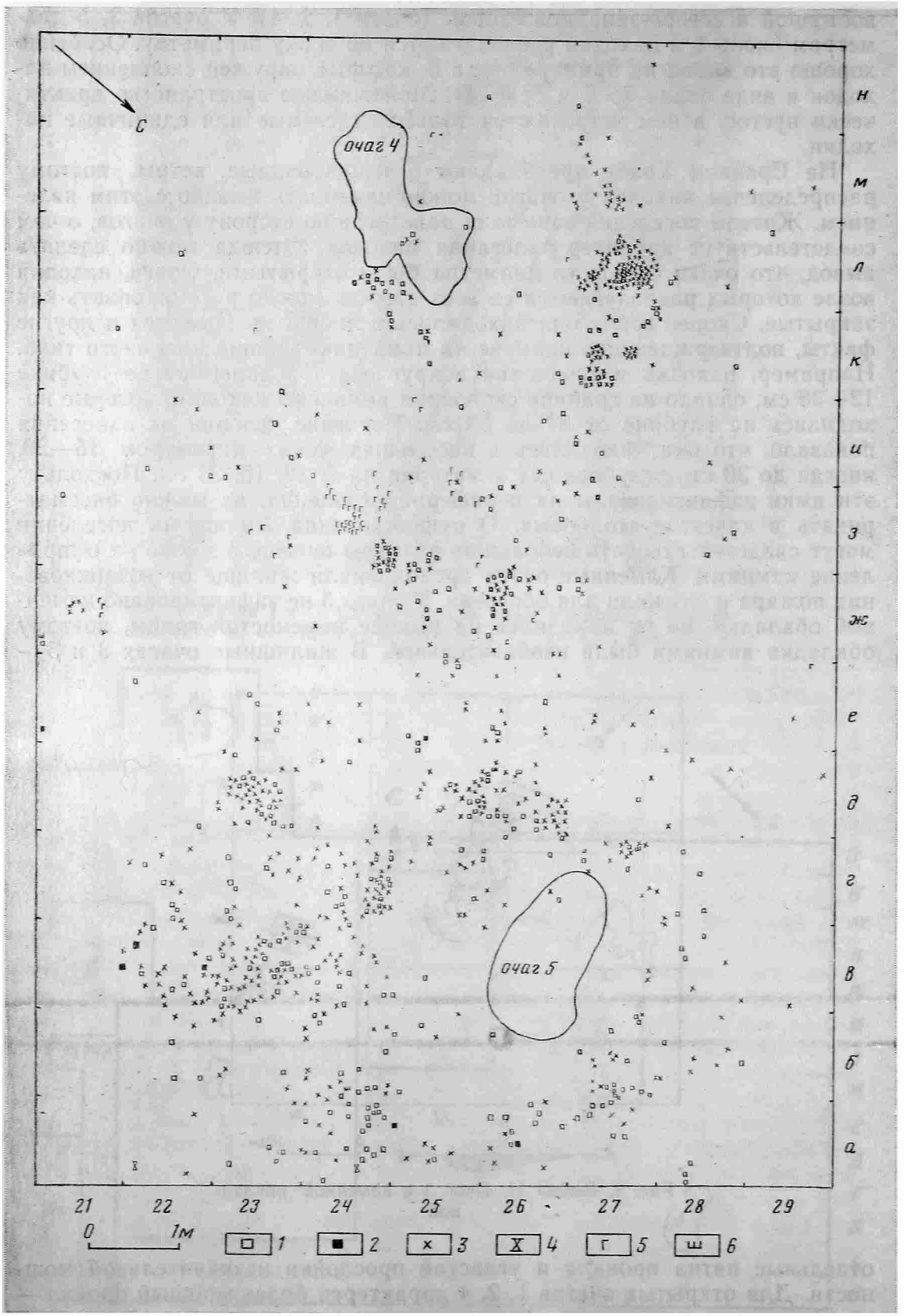


Рис. 4. Выйка II. Жилище 2. *1* — микропластина; *2* — нуклеус; *3* — отщеп; *4* — заготовка орудия; *5* — галька; *6* — шлифованное изделие

хода из жилища. Таким образом, выход из жилища 1 находился с юго-восточной стороны. В другом случае (жилище 2) на выход указывают дорожка из находок шириной 1,5—2 м, идущая от жилища к открытому очагу 4, и многочисленные точки, расположенные перед выходом из жилища (рис. 4). Таким образом, выход из жилища 2 был обращен на юго-запад.

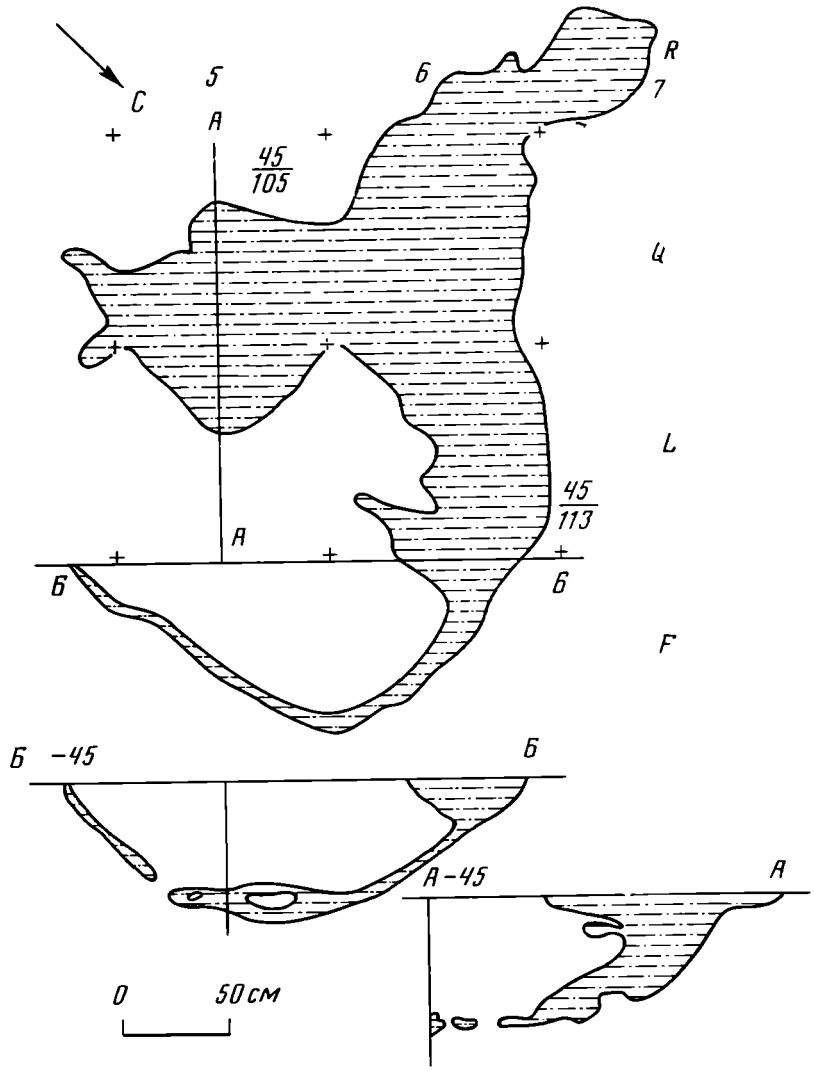


Рис. 5. Выйка II. План и профили ямы 1

В настоящий момент мы можем говорить о существовании на поселении трех жилищ наземного типа диаметром 5—7 м. Два из них реконструируются вполне доказательно (жилище 1 с очагом 3 внутри и жилище 2 с очагом 5), одно — только предположительно (жилище 3 с очагом 6). Единственным фактом в пользу существования третьего жилища служит очаг 6 с каменной выкладкой и наковальней (полная аналогия с жилищем 1), однако площадь вокруг него нарушена старательскими шурфами.

В результате исследований выявлена четкая взаимосвязь жилищ с наружными очагами. Применение методики исследования так называемых «связей» [6] показало, что жилище 1 было связано с очагом 1, жилище 2 — с очагом 4. Перед нами своеобразный жилищно-производственный комплекс, включающий в себя жилище и открытый очаг в 4—5 м от него. Интересно отметить, что в обоих случаях очаги находились с подветренной стороны жилищ. Очаг 1 расположен к югу от жилища 1, очаг 4 — к юго-западу от жилища 2. При помощи «связей» удалось установить, что все очаги функционировали одновременно [6]. Следовательно, памятник Выйка II является поселением. Это поселение существовало очень недолго, что доказывается немногочисленностью находок и их размещением только в очажных и жилищных комплексах. Учитывая расположение поселения на уровне второй надпойменной террасы, можно предположить, что население Выйки II появилось ранней весной, когда уровень воды в реке не позволял остановиться на мысу первой надпойменной террасы, где также обнаружен мезолитический слой. Таким образом, Выйка II является сезонным поселением.

Кроме жилищ и очагов на поселении выявлены многочисленные точки, на которых происходила обработка каменных изделий. В жилище 1 возле наковальни обнаружено два скопления кремня. В одном скоплении присутствуют отщепы и чешуйки только черного окремнелого сланца, во втором найдены отщепы, чешуйки, пластинки и фрагменты расколотого нуклеуса из светло-серого кремня. Четыре фрагмента нуклеуса из этого скопления склеились между собой. Несколько точков зафиксировано между жилищем 2 и очагом 4. Один из них расположен перед входом в жилище. Здесь происходила обработка сургучной яшмы хорошего качества. Крупное скопление изделий (около 400) из одного материала отмечено к северо-западу от очага 4, на кв. Л-27. Промывка земли в речке позволила обнаружить даже мельчайшие чешуйки. К востоку от того же очага, на кв. 3-24, обнаружено скопление целой и расщепленной кварцевой гальки в количестве 89 экз. Крупное скопление темно- и светло-серого слабоокремнелого сланца выявлено вблизи каменного очага 6. При мытье камней этого очага и наковальни были обнаружены мельчайшие чешуйки в виде кремневой пыли.

В процессе исследования поселения выявлено несколько ям. Все они находились в периферийной части памятника в раскопе 1978 г. Две ямы уходят в стенку раскопа, поэтому изучены не полностью. Хорошо изучены две ямы, расположенные в центре раскопа; в плане они представляют собой незамкнутое кольцо суглинка на материке (рис. 5). Диаметр ямы 1 2.2—2,4, диаметр ямы 2 — 2 м. Разрез ям показал, что их дно заполнено суглинком культурного слоя, слегка окрашенного угольками. На некоторых участках прослойка суглинка не прослеживалась. Толщина ее колебалась от 2 до 17 см в яме 1 и от 10 до 25 см в яме 2. В заполнении ямы 1 в слое суглинка были выявлены находки. На глубине 84 см найден нуклевидный скребок на отщепе черного кремня, на глубине 100 см — еще один скребок на отщепе, а на глубине 104 см — резчик на микропластинке из черного кремня. Глубина ямы 1 оказалась равной 113 см. Внутренность ямы заполнена материковой супесью. Глубина ямы 2 достигает 103 см. На глубине 81 см в ней найден отщеп. Яма также заполнена материковой супесью. Интересной конструктивной особенностью ям является наличие у каждой из них «языка» суглинка культурного слоя. От ямы 1 «язык» суглинка отходит на запад (рис. 5), от ямы 2 — на юг. Мощность суглинка в таком «языке» на материке незначительна, около 20 см. Здесь также были сделаны находки. В «языке», отходящем от ямы 1, на глубине 45 см найден концевой скребок на плитке халцедона, а на глубине 50 см — правильный конический нуклеус. В «языке», отходящем от ямы 2, на глубине 43 см найден округлый скребок на отщепе черного кремня. «Языки» можно рассматривать двояко: это либо технический прием выкапывания в еще не оттаявшей почве глубоких (до 1 м) ям, либо специально сделанный лаз для проникновения в уже засыпанную яму. Видимо, возможны и другие предположения.

Следует также отметить, что выкопанные ямы некоторое время были открыты, иначе в них не смогли бы попасть культурные остатки в виде кремневых изделий и они не смогли бы заполниться суглинком культурного слоя. Интересная деталь: юго-западная сторона ямы заполнена более мощным слоем суглинка (до 0,6 м). С северо-восточной стороны ямы прослойка суглинка доходит всего до 4—10 см, а местами совсем отсутствует. Если учесть, что юго-западная сторона наиболее теплая, лучше прогревается солнечными лучами, то правомерно предположить, что яма заполнялась суглинком культурного слоя по мере оттаивания, причем с юго-западной стороны — быстрее, нежели с северо-восточной. Сам факт, что с северо-восточной стороны яма почти не заполнилась оттаявшим суглинком, свидетельствует о том, что в открытом состоянии она находилась очень недолго.

Интересными деталями хозяйственной жизни поселения является крупный камень и скопление скребков вокруг него. Камень расположен в юго-восточной части раскопа 1978 г. Его длина — почти 2, ширина 1,3 м. Поверхность камня, ровная и гладкая, представляет собой удоб-

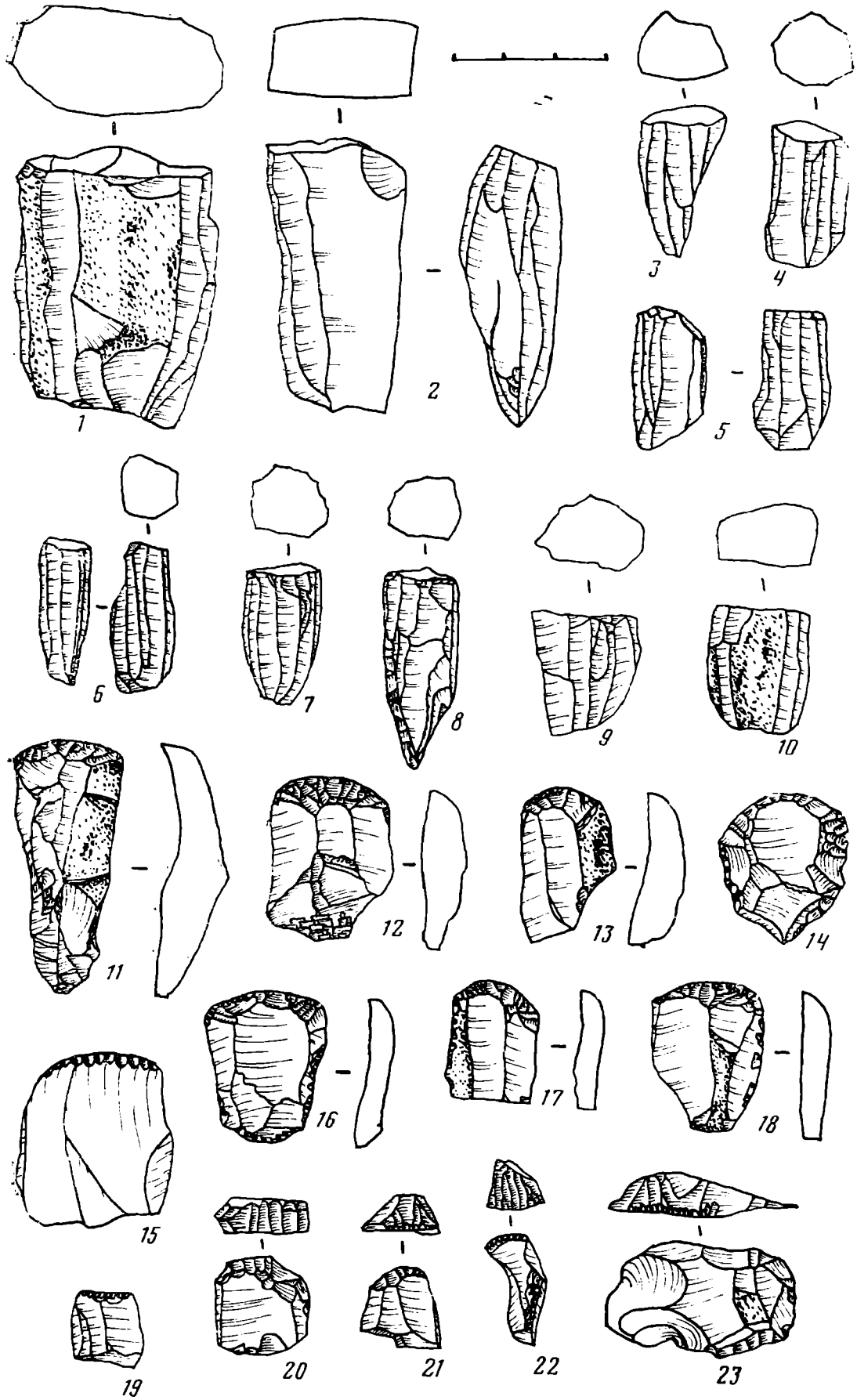


Рис. 6. Выйка II. Каменные изделия. *1—10* — нуклеусы; *11—23* — скребки

ную для работы площадку. Учитывая, что непосредственно вокруг камня найдено шесть скребков, можно предположить, что на нем обрабатывали шкуры.

Рядом с очагом 1, на кв. К-8, найден «клад» каменных изделий (глубина залегания 19—23 см). Он представлял собой скопление широких пластин и крупных отщепов диаметром 15 см. Пластины и отщепы находились в вертикальном или почти вертикальном положении и прилегали вплотную друг к другу. Все пластины и отщепы изготовлены из одного материала — зеленоватого слабоокремнелого сланца. Некоторые из них склеились между собой. За пределами «клада» был найден только один отщеп такого же материала. «Клад» состоит из 28 отщепов и 15 ножевидных пластин. Треть отщепов — массивные, короткие, но широкие (до 7 см) поперечные сколы с крупного нуклеуса. Целых пластин нет, только отсеченные верхние и нижние их части. Все они широкие (в основном свыше 1,5 см) и массивные, с галечной коркой и без ретуши. Единственное сечение двухгранной пластинки без галечной корки отретушировано по двум краям со стороны спинки. Почти все изделия имеют следы пребывания в огне. Компактное расположение изделий, их вертикальное положение и нахождение рядом с очагом и на его уровне позволяют предположить, что данное скопление находок не является кладом в полном смысле слова. На наш взгляд, это содержимое мешочка, которое вместе с ним по какой-то причине попало в очаг и впоследствии было в нем захоронено.

Любопытной деталью является находка в жилище 1 рядом с очагом маленького кристаллика чистого горного хрусталя. Около очага 6 найдена щетка кристаллов хрусталя, а у очага 4 — корочка с натеками лимонита. Нет никакого сомнения, что все эти минералы принесены на стоянку намеренно, так как найдены в очажных комплексах. Возможно, эти находки отражают какие-то эстетические воззрения древних обитателей поселения.

Коллекция каменных изделий поселения Выйка II содержит 3289 экз. Распределяются они следующим образом: нуклеусы — 22, расколотые нуклеусы и их обломки — 19, нуклевидные куски — 4, поперечные сколы с нуклеусов — 18, ребристые сколы — 10, ребристые пластинки — 35, пластинки без ретуши — 801, пластинки с ретушью — 113, резцы — 34, резцы-резчики — 4, резчики — 44, острия — 3, скошенные острия — 6, скребки — 19, отщепы с краевой ретушью — 20, шлифованные орудия — 2, обломки шлифованных орудий — 7, отбойники — 12, чоппинги — 3, геометрические микролиты — 4, галька — 14, расщепленная галька — 289, отщепы и чешуйки — 1802, кристаллы — 3.

Нуклеусы представлены тремя основными типами: торцовым, призматическим, коническим,— и их вариациями. Ровно половина всех нуклеусов — торцовые (рис. 6, *1*, *2*, *10*). Сырьем для получения ножевидных пластин обычно служили плитки окремнелого сланца. Когда скалывание производилось с одного конца плитки (обычно — узкого), получался торцовый нуклеус. Плитки сланца, оставленные на разных стадиях обработки, дают множество вариаций торцовых нуклеусов. На Выйке II зафиксировано только три вариации: односторонние одноплощадочные (8 экз.), двусторонние одноплощадочные (1 экз.) и двусторонние двухплощадочные (2 экз.). Плитка сланца, обработанная со всех сторон, превращалась в призматический или конический нуклеус (в зависимости от первоначальной формы плитки). Призматических нуклеусов на поселении 6 экз. (рис. 6, *4*—*7*, *9*). Из них один одноплощадочный и пять двухплощадочных. Конических нуклеусов в коллекции всего три (рис. 6, *3*, *8*). Высота всех нуклеусов укладывается в размеры от 1,3 до 5,5 см. 13 нуклеусов (65%) имеют высоту до 3 см. Преобладают нуклеусы высотой от 2,3 до 2,8 см (10 экз.). Совершенно особняком в микролитическом комплексе Выйки II стоят два галечных нуклеуса (рис. 7, *3*). Оба нуклеуса имеют ладьевидную форму и служили для получения тонких кварцевых отщепов. Длина нуклеусов 6,6 и 8,8 см, высота — соответственно 3,3 и 4,4 см. Этим нуклеусам нет аналогий ни в одном из изве-

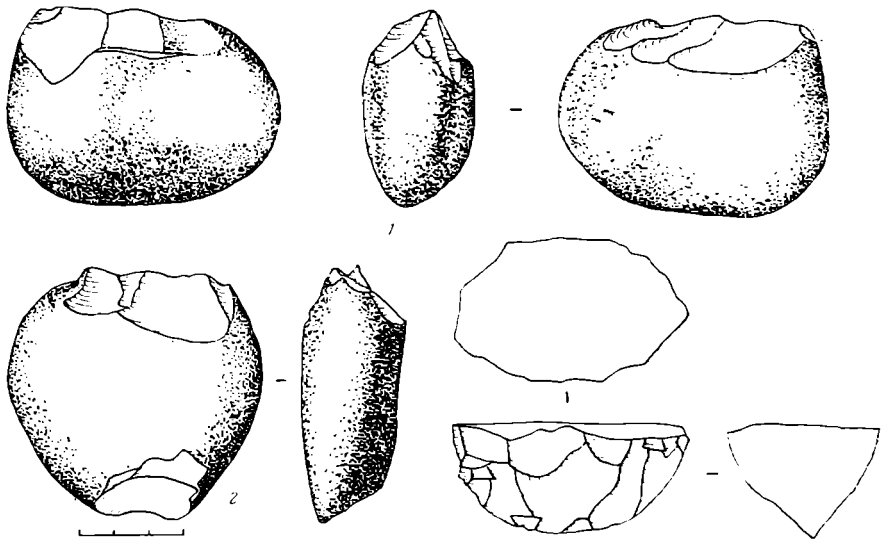


Рис. 7. Выйка II. Галечные изделия *1, 2* — чоппингообразные орудия; *3* — галечный нуклеус

стных в Среднем Зауралье мезолитических комплексов. Непонятно их появление на поселении, так как ни одного орудия из кварцевых отщепов раскопками не обнаружено.

Кремневая индустрия поселения пластинчатая. Практически все орудия изготовлены на пластинах. Только 2,8% орудий (10 скребков и 20 отщепов с краевой ретушью) изготовлено на отщепах. В комплексе Выйки II содержится 1044 ножевидных пластинок и изделий из них. Пластинки имеют микролитоидный характер (таблица). 81,88% пластинок имеют ширину до 0,8 см; до 1 см ширину имеют 92,71% пластинок. Наибольшее распространение имели пластинки шириной 0,5—0,7 см (0,5 см — 17,62%; 0,6 см — 18,10%; 0,7 см — 17,24%). Пластинки шириной свыше 1 см составляют всего 7,29%. Из их числа только три пластинки имеют ширину свыше 2 см. Почти у всех пластинок правильное гранение, двух- или трехгранная спинка и соответственно треугольное или трапециевидное сечение. 80,17% пластинок имеют длину до 1,8 см; до 2,5 см имеют длину 93,77% пластинок. Длину свыше 4 см имеют только семь пластинок.

Подавляющее число пластинок (82,6%) не несет на себе ретуши (рис. 8, *69—86*). К ретушированным пластинкам (17,4%) отнесены также и изделия из них: острия, резчики, часть резцов. Краевая ретушь, которой обработаны пластинки, всегда мелкая и крутая.

Из пластинок с ретушью со спинки (30 экз.) 26 имеют ретушь только по одному краю (рис. 8, *1, 3, 5, 66*), четыре — по двум краям (рис. 8, *2, 4, 6*). Только у 14 пластинок ретушь нанесена по всей длине края (сюда входят и все пластинки с ретушью по двум краям). Восемь пластинок имеют частично ретушированный край.

Все пластинки с ретушью с брюшка (21 экз.) имеют ретушь только по одному краю (рис. 8, *7—11, 68*). У 11 из них ретушь нанесена по всей длине пластинки. Следует отметить, что все эти пластинки прямые. Скорее всего они употреблялись в качестве вкладышей.

Пластинок с ретушью со спинки и с брюшка в коллекции всего две. У одной пластинки ретушь нанесена по разным краям, у другой — по одному краю, но с разных концов (рис. 8, *16*).

30 пластинок имеют притупленный ретушью конец (рис. 8, *12—22*). У 29 из них ретушь нанесена со стороны спинки и только у одной — со стороны брюшка. Семь пластинок имеют частично отретушированный конец. 19 пластинок изогнутые в профиле, остальные прямые. Три пластинки скомбинированы с резчиками. У трех пластинок ретушь нанесена еще и по краю (рис. 8, *21, 22*), со стороны спинки — у двух, со стороны спинки и брюшка — у одной.

Параметр, см	Пожевидные пластинки и изделия из них													
	пластинки без ретуши	пластинки с ретушью со спинки	пластинки с ретушью с брюшка	пластинки с ретушью со спинки, брюшка	пластинки с обработанным концом	пластинки с выемками	острия	резцы	резцы-резчики	резчики	трапеции	ребристые пластинки	всего	
Ширина														
0,2	10							1					11	1,05
0,3	29	1	1										31	2,97
0,4	94		4	1	5	2	2	4	1	2	1	2	118	11,3
0,5	145	5	2		9	4	2	2		8	1	6	184	17,6
0,6	140	3	7		7	2	2	13		9	1	5	189	18,1
0,7	139	6	3		8		3	6	1	9	1	5	180	17,2
0,8	114	4			7	2	1	1	1	6		6	142	13,6
0,9	54	2	2	1	2		1	2		3		3	70	6,7
1,0	24		2		4	1	1	3	1	1		6	43	4,12
1,1	17	1			3			1		1			23	2,2
1,2	10	1						1		1		2	15	1,44
1,3	9									1			10	0,96
1,4	4	1								1			6	0,57
1,5	4	2				1							7	0,67
1,6	4	2											6	0,57
1,7													1	0,1
1,8	1	1											2	0,19
1,9	2												2	0,19
2,0		1											1	0,1
2,2	1												1	0,1
2,3	1												1	0,1
2,6										1			1	0,1
Длина														
0,1—0,5	59	3			5			1					68	6,5
0,6—1,0	294	6	5		19	5	3	17	2	20	1	1	373	35,7
1,1—1,3	136	5	3		5	1	2	4		9		3	168	16,1
1,4—1,5	88	1	2	1	4	2		6		2	2	4	112	10,7
1,6—1,8	88	3	3		4		3	3		4	1	7	116	11,1
1,9—2,0	35	2	3		1	1	1	1		1		3	48	4,6
2,1—2,3	43	4	2		2		1	1		2		7	62	5,9
2,4—2,5	20	2	1		1	1	1		1	2		3	32	3,0
2,6—2,8	19		1		2	1		1	1			3	28	2,8
2,9—3,0	3	1	1		1								6	0,6
3,1—3,5	11	2					1			2		3	19	1,8
3,6—4,0	3			1	1								5	0,5
4,1—4,5	1	1		1						2		1	6	0,6
4,6—5,0	1												1	0,1

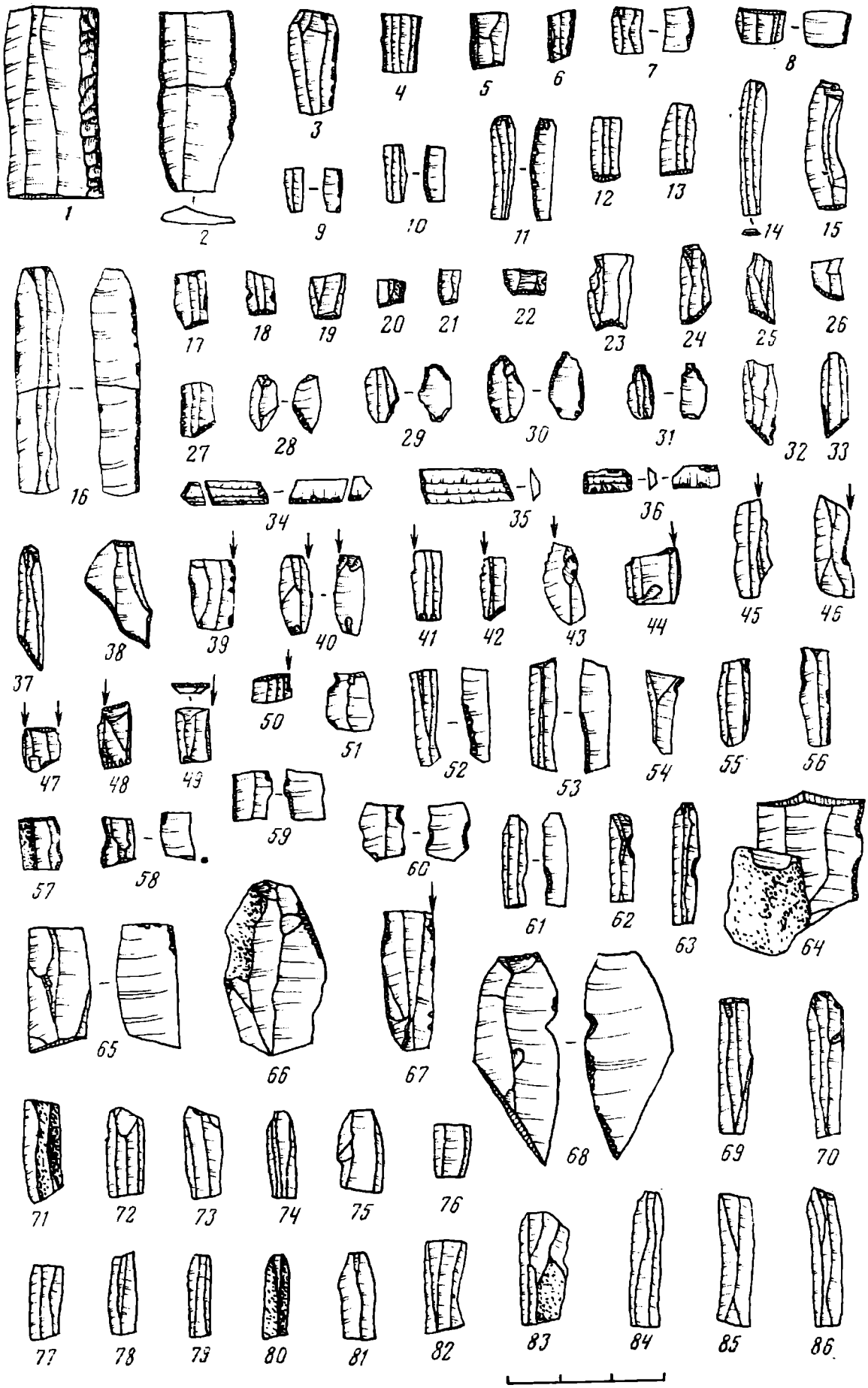


Рис. 8. Выйка II. Каменные изделия *1—28, 66, 68* — пластинки с ретушью; *29—31* — острия; *32, 33, 37, 38* — скошенные острия; *34—36* — геометрические микролиты; *39* — *50* — резцы; *51—60, 64, 65* — резчики; *61—63* — пластинки с боковой выемкой; *67* — резец-резчик; *69—86* — пластинки без ретуши

У 15 пластинок скошен ретушью конец. 13 из них имеют ретушь со стороны спинки (рис. 8, *24—27*), две — со стороны брюшка (рис. 8, *28*). С частично отретушированным концом пять пластинок, одна из них — с ретушью с брюшка.

Девять пластинок имеют на конце выемку, образованную ретушью. Во всех случаях ретушь нанесена со стороны спинки (рис. 8, *23*).

Отретушированные выемки по краю имеются у 12 пластинок (рис. 8, *61—63*). Одна из них имеет сразу две выемки, образованные ретушью со спинки. Еще у *10* пластинок выемки оформлены ретушью со стороны спинки. Одна пластинка с отретушированной выемкой скомбинирована с резчиком.

Анализ ширины пластинок с ретушью (таблица) показывает, что орудиями служили пластинки шириной начиная с 0,4 см и шире. Пластинки шириной 0,2—0,3 см в работе обычно не применялись и были, по всей видимости, отходами производства при обработке нуклеусов. Необходимо также отметить, что чаще всего (74%) ретушь на пластинки наносилась со стороны спинки.

Значительной серией на поселении представлены резцы и резчики. Среди резцов (34 экз.) преобладают резцы на углу сломанной пластинки — 31 экз. (рис. 8, *39—46*). Среди них есть один двойной резец (рис. 8, *47*). У 13 резцов длина резцового скола не превышает 2 мм. Как показывают проведенные эксперименты, такой резцовый скол образуется в процессе работы углом пластинки по достаточно прочному материалу, например по кости. У семи изделий резцовый скол проходит по всей длине пластинки, у девяти — до половины и менее длины пластинки. Пять пластинок с резцовыми сколами имеют еще и ретушь. На одной пластинке она нанесена со стороны спинки, на другой — со стороны брюшка. Две пластинки имеют обработанный ретушью конец. В одном случае он притуплен, в другом — скошен. Одна пластинка с резцовым сколом имеет выемку, образованную решутью со стороны спинки. Среди резцов имеются и три боковых (поперечно-ретушных) (рис. 8, *48—50*). Такие резцы широко бытовали в эпоху верхнего палеолита, в мезолитических комплексах они являются архаизмами.

Четыре резца скомбинированы с резчиками (рис. 8, *67*). Резчики по своему функциональному назначению полностью аналогичны резцам. Только у резцов рабочий край оформлен резцовым сколом, а у резчиков — ретушью. Среди 44 резчиков 37 одинарных (рис. 8, *51—55, 65*), шесть двойных (рис. 8, *56—59, 64*) и один тройной (рис. 8, *60*). По форме рабочего края резчики подразделяются на три типа: с клювовидным краем (24 экз.) (рис. 8, *51—55, 60, 64*), с прямым краем (16 экз.) (рис. 8, *56, 59, 65*) и со скошенным краем (4 экз.) (рис. 8, *57*). У 26 резчиков ретушь, оформляющая рабочий край, нанесена со стороны спинки, у 18 — со стороны брюшка. Зафиксировано четыре случая, когда резчики были изготовлены из использованных вкладышей: две пластинки с резчиками имеют еще и отретушированный со спинки край, одна пластинка с резчиком отретуширована с брюшка, еще у одной притуплен ретушью конец.

Острий в коллекции всего три. Одно из них листовидное (рис. 8, *30*), два — с намеченными плечиками (рис. 8, *29, 31*). У листовидного острия один край отретуширован со стороны спинки, второй — со стороны брюшка. Острия с намеченными плечиками сломаны, их кончики отсутствуют. Одно из острий оформлено ретушью со спинки, второе — ретушью с брюшка.

Все скошенные острия (6 экз.) обработаны ретушью со стороны спинки (рис. 8, *32. 38*). У трех сломаны концы острий. Углы заострения скошенных острий укладываются в параметры от 25 до 34°.

Из 19 скребков 10 изготовлено на отщепах (рис. 6, *14, 15, 20—23*), семь — на пластинах (рис. 6, *11—13, 16—18*) и два — на расколотых нуклеусах (рис. 6, *19*). Два скребка на отщепах имеют по два рабочих лезвия (рис. 6, *23*). Лезвия скребков на отщепах оформлены крутой ретушью, некоторые скребки имеют нуклевидный характер. Восемь скреб-

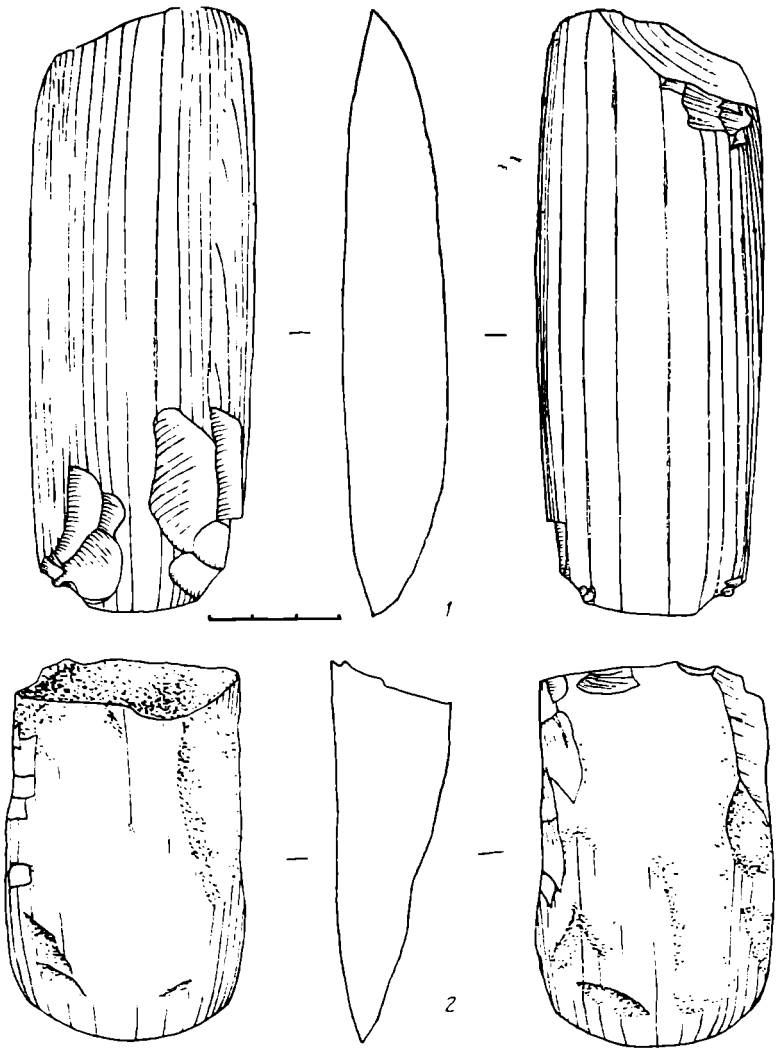


Рис. 9. Выйка II. Шлифованные орудия *1* — тесло; *2* — топор

ков из 10 имеют угол заострения рабочих лезвий свыше 70°, четыре — свыше 80°. Высота скребковой ретуши колеблется от 3 до 11 мм, преобладает свыше 8 мм у восьми скребков. Концевые скребки изготовлены на широких пластинах (11, 17, 18, 22, 23, 24 мм). Углы заострения рабочих лезвий у скребков на пластинах значительно меньше, чем у скребков на отщепах. Они колеблются от 58 до 71° (58, 59°; 2 раза по 60, 61, 65, 71°). Данное различие имеет скорее всего функциональный характер. Более острые скребки применялись в начальных стадиях обработки шкуры и служили для выскабливания прослоек мяса и мездры. Скребками с тупым лезвием завершали обработку шкуры операцией пушения бахтармы.

В комплексе Выйки II имеются и шлифованные орудия. Раскопками обнаружены топор, тесло и семь обломков рубящих орудий. У топора отсутствует верхняя часть (рис. 9, *2*). Длина сохранившейся части 8, 9, ширина 5,4, толщина 3 см. Он почти полностью отшлифован. Тесло отшлифовано полностью (рис. 9, *1*). Оно имеет два лезвия. Оба лезвия сильно затуплены, углы лезвий сколоты. Длина тесла 13,8, ширина 5,2, толщина 2,2 см. Семь обломков шлифованных орудий относятся к теслам. По сырью можно определить, что происходят они от двух тесел: от одного — два обломка, от другого — пять. Принадлежность шлифованных орудий к эпохе мезолита не вызывает сомнений, так как памятник однослойный. Тесло совместно с микролитическими изделиями залегало недалеко от очага 5, т. е. в жилище 2. Также в очажных комплексах обнаружены и обломки шлифованных орудий.

Отбойниками (12 экз.) служили кварцевые гальки, у которых узкие концы (иногда оба) использовались для оббивки. Любопытная деталь:

на поселении не обнаружено ни одного ретушера, хотя вскрытая площадь составляет 540 м².

Также из кварцевых галек изготовлены чоппингообразные орудия. На поселении обнаружено два таких изделия (рис. 7, *1*, *2*). Для чего они применялись, установить пока не удается. Этим орудиям нет аналогий ни на одном мезолитическом памятнике Урала.

Из других изделий нужно отметить наличие в коллекции 20 отщепов с краевой ретушью. Трасологический анализ показал, что некоторые из них употреблялись в качестве скребочков и скобелей.

Самыми интересными изделиями в комплексе Выйки II являются геометрические микролиты — трапеции разных форм. Всего их найдено 4 экз. (рис. 8, *34—36*). Изготовлены они на нешироких пластинках шириной 0,4, 0,5, 0,6, 0,7 см. Длина их соответственно равна 0,9, 1,5, 1,3, 1,7 см. Две из них симметричные, одна слегка асимметрична (больше она походит на параллелограмм), еще одна асимметричная. Они мало похожи на выразительные трапеции четких форм, характерные для мезолита Южного Урала. Объединяет их то, что они изготовлены из мелкой и узкой ножевидной пластинки, имеют низкую форму, невогнутые боковые края, обработаны мелкой крутой краевой ретушью.

Из 1802 отщепов 1166 являются чешуйками. 433 из них имеют длину до 0,5 см, остальные 733 экз.— до 1 см (соответственно 24,03 и 42,90%). Еще 452 отщепа (25,08%) имеют длину до 2 см. Таким образом, чешуек в коллекции 66,93%, отщепов мелких (от 1 до 3 см) — 30,29%, отщепов средних (от 3 до 5 см) — 2,38%, отщепов крупных (свыше 5 см, всего 7 экз.) — 0,4%. Анализ орудий на отщепах (скребков и отщепов с ретушью) показывает, что население Выйки II применяло для изготовления орудий отщепы длиной от 2 см и более. Орудия на отщепах длиной до 2 см единичны, являются исключением. Отсюда следует, что только 7,99% отщепов (144 экз.) пригодно для изготовления орудий. Следовательно, при определении процента пластинчатости необходимо учитывать выявленную особенность. Для поселения Выйка II общее число пластинок и изделий из них по отношению к отщепам составляет 85,79%.

Необходимо отметить присутствие среди находок 289 фрагментов расщепленной гальки и 14 целых галек. Поскольку галька залегала в очажных комплексах и на ней имеются следы теплового расщепления, можно предположить, что она использовалась для приготовления пищи в берестяных, деревянных или кожаных сосудах.

Для изготовления орудий обитатели Выйки II использовали разнообразное сырье. Преобладающим видом сырья являлись кремнистые сланцы, чаще всего в виде плиток. Кроме сланцев использовали халцедон (29 изделий), различного вида яшму (63 изделия), аметист (12 изделий), горный хрусталь (1 изделие), туфопорфирит (4 изделия) и кварциты (16 изделий). Все вышеперечисленное сырье обитатели поселения могли получать с перекатов, которых на реках Салде и Вые большое количество, здесь и до сих пор встречаются указанные породы камня.

Подводя итоги 5-летних исследований Выйки II, можно попытаться сделать реконструкцию жизни поселения. На первый взгляд трудно предположить, что древние обитатели Выйки II только один раз устроили свое поселение на этом месте. Однако «связи» [6] и другие вышеприведенные факты свидетельствуют, что все очаги и жилища функционировали одновременно и одноразово. Это можно объяснить тем, что постоянным местом обитания при сезонных посещениях устья Выи служила стоянка Выйка I на мысу. Действительно, рекогносцировочные раскопки Выйки I (площадь раскопа — всего 15 м²) дали совсем иную картину распределения находок на стоянке. Мезолитический слой на Выйке I значительно более насыщен культурными остатками. На 15 м² вскрытой площади там приходится 8 нуклеусов, 12 скребков, 10 резцов и 11 резчиков, тогда как на 540 м² Выйки II найдено 20 нуклеусов (без галечных), 19 скребков, 34 резца и 44 резчика. Чем же объяснить появление кратковременного поселения на уровне второй надпойменной тер-

расы? На наш взгляд, в то время года, когда группа населения пришла к устью Выи, ей было просто невозможно остановиться на своем привычном месте — устьевом мысу первой надпоймы, вследствие чего группа была вынуждена подняться выше и разбить свое поселение (Выйка II) на не очень удобном склоне террасы. Одним из факторов, который не позволил поселиться на прежнем месте, мог быть мощный весенний паводок, заливший не только пойму, но и значительную часть террасы. Этот паводок должен был быть чрезвычайно высоким, исключительным, иначе при раскопках мы бы столкнулись с фактом неоднократного заселения Выйки II. Отсюда можно сделать вывод, что обитатели Выйки II появились в устье Выи ранней весной, в конце апреля — начале мая.

Площадь поселения Выйка II оценивается в 700—750 м². На поселении насчитывалось как минимум три жилища (скопление 27 находок в шурфе 10 позволяет предположить наличие на поселении еще одного очага или жилища, так как вне очажных комплексов такое количество находок на поселении не встречалось). Жилища были размещены по большой дуге вдоль берега Салды с интервалами 8—10 м. Их площадь по хорошо выраженным границам жилища 2 оценивается в 20—25 м². В таком жилище могло обитать шесть-семь человек [7]. Следовательно, на поселении проживало 25—28 человек. Вероятнее всего, в данном поселке обитала какая-то локальная группа или община, появление которой в устье Выи, на наш взгляд, связано с каким-то важным циклом в хозяйственной жизни древнего населения. Это и объясняет, почему, придя к устью Выи и найдя свое привычное место обитания затопленным, группа людей все же осталась в устье и заняла под поселение не совсем удобное место на склоне. Тем самым подчеркивается большое значение их занятий в устье Выйки, чем, по нашему предположению, могла быть только весенняя поколюга. К сожалению, на поселении не сохранилось ни одной кости животного. Тем не менее можно предположить, что объектом охоты был лось или северный олень, ибо только они в этих широтах являлись мигрирующими животными. В пользу охоты говорит и структура поселения. На периферии поселка находилось место для хранения запасов мяса. Анализ состава каменного инвентаря также свидетельствует об охотничьей деятельности населения Выйки II. Преобладают вкладыши составных орудий, резцы, резчики и скребки — вполне охотничий инвентарь.

Следующий важный вопрос касается продолжительности существования поселения. Насыщенность культурными остатками (с учетом всех находок, в том числе отщепов, чешуек, расщепленной гальки и т. п.) на поселении составляет шесть находок на квадратный метр (можно сравнить для примера с долговременным поселением Горбуновского торфяника Серый Камень, где средняя насыщенность слоя находками — свыше 70 на 1 м² [8]). Расположение культурных остатков у наружных очагов только с трех сторон является фиксированным в археологическом материале отражением розы ветров того периода. Это же доказывает и большую кратковременность функционирования очагов, а следовательно, и кратковременность жизни на поселении. Более долгая жизнь на поселении привела бы к иному распределению находок у открытых очагов. Этот факт свидетельствует и о кратковременности занятия, для которого прибыла группа населения к устью Выи. Он является еще одним косвенным доказательством в пользу охоты, так как миграция оленей проходила очень недолго. Учитывая, что в конце мая начинается массовый ход рыбы из озер в реки (а жизнь мезолитического населения, как показывают наши исследования, была сосредоточена на проточных озерах), обитатели Выйки II к этому сроку должны были вернуться на свое озеро. Следовательно, продолжительность жизни на поселении можно оценить в 2—3 недели, что не противоречит и археологическим данным. Местами постоянного обитания населения Выйки II предположительно можно назвать ближайшие к поселению проточные озера Юрьинское или Басьяновское, которые в древности составляли одну си-

стему. Реки Юрья и Исток, вытекающие из них, впадают в Салду, на левом берегу которой выше по течению и находится Выйка II. Мезолитические памятники известны на обоих озерах, но особенно их много, свыше 20, на Юрьинском озере. Если учесть находку на поселении Выйка II шлифованного топора и трех использованных тесел, можно допустить, что местные обитатели на свое озеро переселялись по рекам на лодках. В этом случае уйти с Выйки они должны были до падения уровня воды в Салде, т. е. в середине — конце мая, иначе открылись бы пороги и шиверы, которых на Салде большое количество.

Данная реконструкция позволяет в гипотетичной форме проникнуть в хозяйственную жизнь небольшой группы мезолитического населения, а через нее в специфику хозяйства целой эпохи.

Определяя возраст поселения Выйка II, необходимо отметить, что это единственный в Среднем Зауралье однослойный памятник с чистым комплексом микролитических изделий, имеющим аналогии с материалами других мезолитических памятников Среднего Зауралья: Крутяки I [9], Исток II и III [10], Полуденка II [11], Сухрино I [12] и др.

Для поселения Выйка II имеется три радиоуглеродные даты, но все они имеют сильный разброс: ЛЕ=1310 (170±30), ЛЕ=1416 (5760±60), ЛЕ=1538 (2630±60). Возможно, неудавшееся датирование радиоуглеродным методом объясняется тем, что образцы древесного угля брались с небольшой глубины — 12—45 см. Только образец ЛЕ=1416, давший дату 5760 лет, залегал на глубине 22—103 см. Он был взят из очага 6 и ямы под ним. Видимо, и будущие радиоуглеродные датировки не смогут дать полноценных дат для памятников типа Выйка II, которые расположены на берегах рек и озер, так как культурные остатки мезолитического времени на всех стоянках залегают сразу под дерном, на глубине 10—40 см, иногда (очаги, ямы) глубже. Лишь торфяниковые памятники типа Кокшаровско-Юрьинской стоянки очень перспективны для радиоуглеродного датирования. Мезолитический слой Кокшаровско-Юрьинской стоянки имеет пока одну радиоуглеродную дату — ЛЕ-2060 (6470±80). Эта дата фиксирует, видимо, верхнюю границу мезолитической эпохи на территории Среднего Зауралья; позднемезолитическим временем следует датировать и поселение Выйка II.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сериков Ю. Б., Арефьев В. А.* Работы на территории лесного Зауралья//АО-1973. М., 1974.
2. *Сериков Ю. Б., Арефьев В. А.* Разведки в лесном Зауралье//АО-1974. М., 1975.
3. *Сериков Ю. Б.* Исследование мезолита в лесном Зауралье//АО-1975. М., 1976.
4. *Сериков Ю. Б.* Исследование памятников в Среднем Зауралье//АО-1976. М., 1977.
5. *Сериков Ю. Б.* Работы Нижнетагильского отряда//АО-1978. М., 1979.
6. *Сериков Ю. Б.* Использование метода «связей» на мезолитической стоянке Выйка II (Среднее Зауралье)//СА. 1983. № 1.
7. *Хлобыстин Л. П.* Проблемы социологии неолита Северной Евразии//Охотники, собиратели, рыболовы. Л.: Наука, 1972.
8. *Сериков Ю. Б.* Новые памятники Горбуновского торфяника//СА. 1984. № 2.
9. *Сериков Ю. Б.* Микролитический комплекс стоянки Крутяки I//ВАУ. 1981. Вып. 15.
10. *Старков В. Ф.* Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.: Наука, 1980.
11. *Старков В. Ф., Сериков Ю. Б.* Стоянка Полуденка II в Среднем Зауралье//СА. 1975. № 2.
12. *Стоянов В. Е., Крижевская Л. Я., Старков В. Ф.* Мезолитическая стоянка Сухрино I на Исети//ВАУ 1977. Вып. 14.

Y. B. Serikov

VYIKA-II, THE KEY MESOLITHIC SITE IN THE CENTRAL TRANS-URALS AREA

Summary

So far this is the only well-studied one-layer Mesolithic site in the Central Trans-Urals area. The archeologists have identified ground dwellings, hearths, working places and storage pits. The methods of the so-called «ties» were used to describe the layout and provide an archaeological reconstruction. The body of finds (reaching 300,000 items) contains all types of Mesolithic artifacts thus making Vyika-II the key site in the region.

А. А. МОРУЖЕНКО

К ВОПРОСУ О ПАМЯТНИКАХ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В БАССЕЙНЕ Р. ВОРСКЛЫ

В связи с вопросом о происхождении местного населения раннего железного века лесостепного междуречья Днепра и Дона памятникам бассейна Ворсклы придается особое значение. Вещественные комплексы из поселений и курганов Поворсклья, с одной стороны, и бассейнов Северского Донца, Псла, Сулы и Сейма — с другой, имеют ряд отличительных признаков, что привело к утвердившемуся мнению о различном происхождении населения этих районов. В. А. Ильинская, решая вопрос о генезисе племен днепровского лесостепного Левобережья, выделила две основные области: посульско-донецкую, основой которой явилась позднесрубная культура юга Северского Донца, и обособленную ворсклинскую, происхождение памятников которой давно связывают с продвинувшимися с Правобережья племенами [1, с. 108; 2, с. 75; 3, с. 50; 4, с. 182—185]. Вполне определенно о проникновении в Поворсклье группы племен с днепровского Правобережья высказывался еще М. Я. Рудинский [5, с. 48]. Его точка зрения нашла развитие в работах Г. Т. Ковпаненко [6, с. 104; 7, с. 173]. Б. А. Шрамко, не выделяя отдельно бассейн Ворсклы, рассматривает формирование местной культуры как сложный процесс взаимодействия двух основных этнокультурных массивов — бондарихинского и местного позднесрубного при влиянии скифского и, в некоторых местах, правобережного жаботинского [8, с. 161; 9, с. 90, 91].

Для выяснения взаимоотношений пришлых племен с местными, изучения их дальнейшей судьбы необходимо увеличение количества источников. На протяжении длительного времени (с 1958 г.) планомерное исследование Бельского городища осуществляет экспедиция Харьковского госуниверситета под руководством Б. А. Шрамко [10—12]. Проведены раскопки на поселениях Коломак [13], Пожарная Балка [14, 15], Лихачевка [16]. Значительный интерес представляют также материалы, полученные при раскопках городища у с. Полковая Никитовка Богодуховского р-на Харьковской обл.

Городище расположено в 3 км к западу от села. С запада и востока оно ограничено оврагами, северная и северо-восточная части напольные. Вал и ров охватывают все поселение, имеющее округлые очертания. Через городище проходит дорога из Краснокутска на Богодухов и узкоколейка. Значительная площадь поселения и северный отрог вала распахиваются, остальные участки вала и южная территория городища покрыты лесом (рис. 1, *а*).

Первое краткое описание поселения было составлено Д. И. Багалеем [17, с. 21], более полные сведения находим у Н. Фукса [18, с. 96, 97], побывавшего здесь в 20-х годах. В начале 60-х годов здесь проводил разведки Б. А. Шрамко [19]. С 1969 по 1975 г. городище раскапывалось Лесостепной скифской экспедицией Донецкого госуниверситета, в результате получены сведения о характере оборонительных сооружений памятника, открыты хозяйственные и производственные комплексы, собран многочисленный вещевой материал, характеризующий земледельческо-скотоводческий уклад хозяйства, развитие ремесел и торговли, уточнены хронологические рамки поселения. Новые данные позволяют вновь обратиться к вопросу о формировании культуры скифского времени в бассейне Ворсклы.

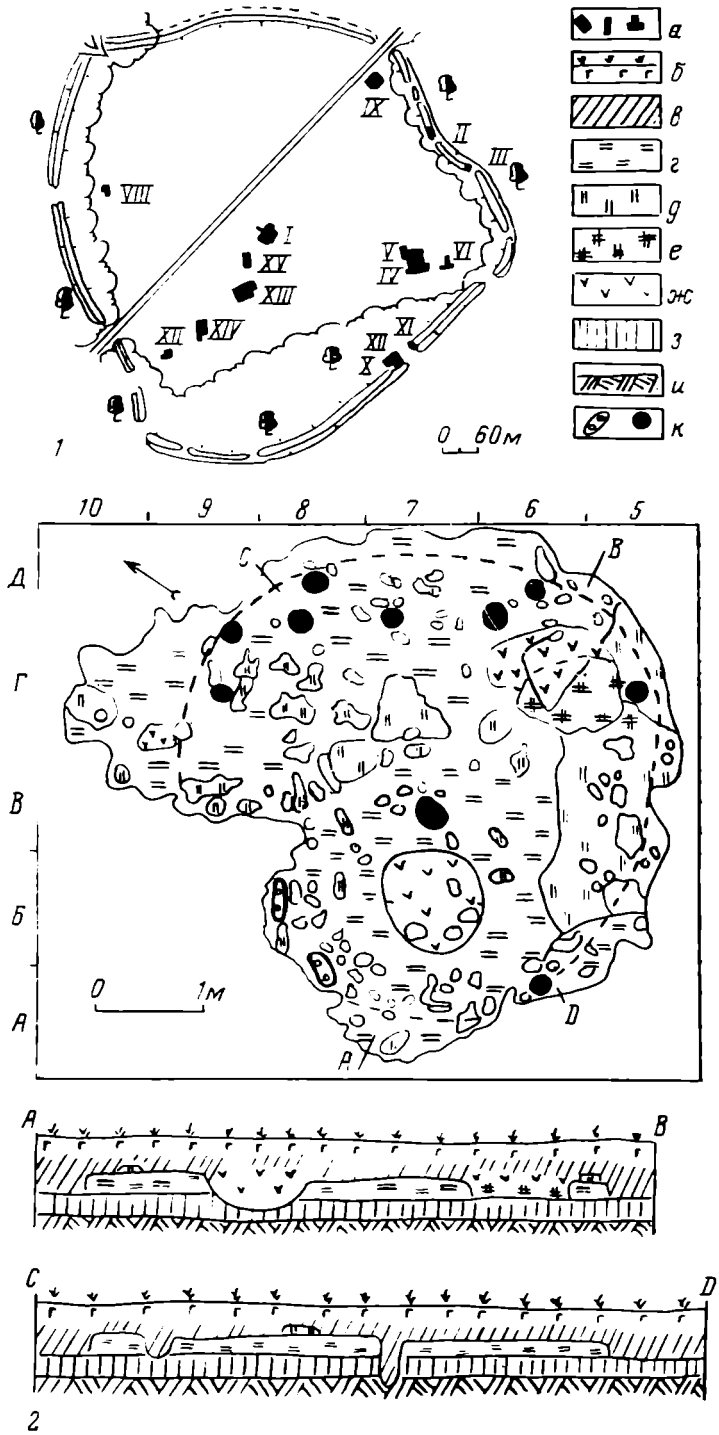


Рис. 1. Городище у с. Полковая Никитовка. *1* — схематический план; *2* — план и профили развала печи для цементации железа; *а* — раскопы I—XV; *б* — пахотный слой; *в* — чернозем; *г* — обожженная глиняная обмазка; *д* — обломки стенок конструкции с оплавившейся поверхностью; *е* — обожженная глина; *ж* — древесные угольки, сажа; *з* — погребенная почва; *и* — материк; *к* — глиняные блоки с отверстиями и ямки от каркаса

Изучение устройства оборонительных сооружений, проведенное на поселении, показало, что первоначальные укрепления были деревянными. Вал насыпан позже, и вдоль гребня его вновь была построена деревянная стена [20, с. 139, 140].

Раскопано восемь зольников. Все они располагались в юго-восточной половине городища. Раньше зольники были хорошо видны. По крайней мере об этом писал еще Н. Фукс [18, с. 96, 97]. В настоящее время они распаханы, места их можно определить только по количеству подъемного материала. Насыщенность культурного слоя вне зольников весьма слабая. Под зольниками обнаружены жертвенники в виде небольших

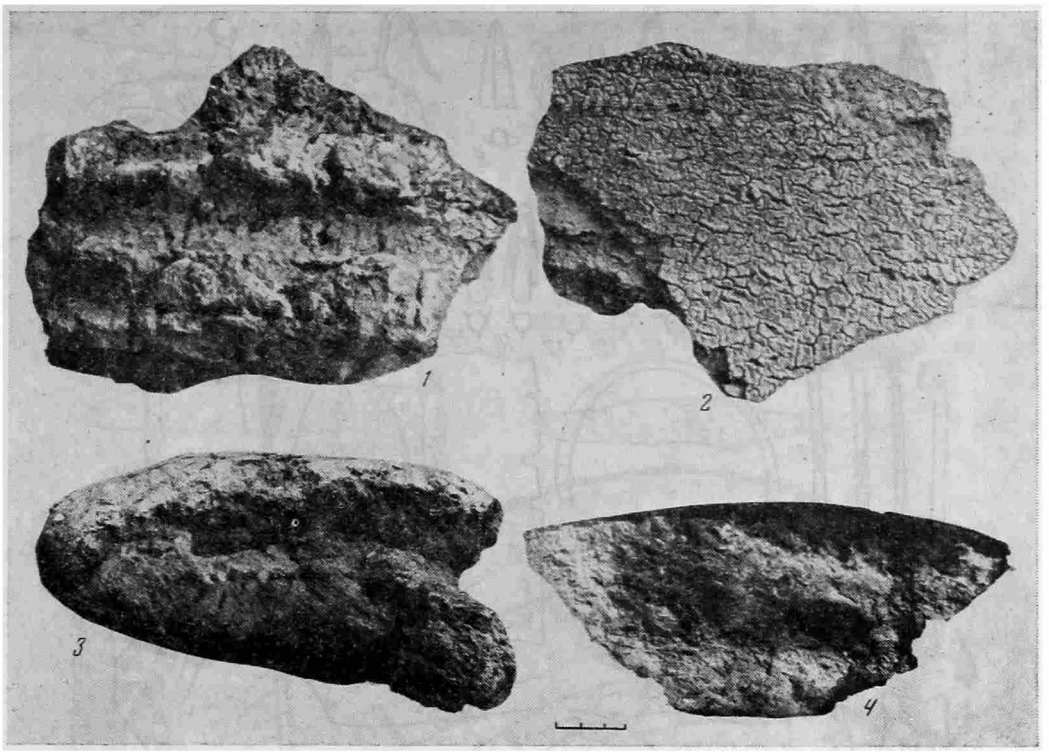


Рис. 2. Обломки обмазки и детали конструкции печи. *1* — обломок обожженной глиняной обмазки с отпечатками прутьев; *2* — оплавившейся поверхностью; *3, 4* — глиняные блоки с отверстиями — детали конструкции печи для цементации железа

глиняных возвышений и 25 ям различной формы и назначения, среди них хлев, погребки, зернохранилища, в том числе с обмазанными глиной и обожженными стенками. Открыты остатки двух производственных печей с каркасно-глинобитным сводом.

Одна из печей предназначалась для обжига посуды, а вторая связана с обработкой железа. Развал ее диаметром 5 м находился в северо-западной части поселения (раскоп VIII). От самой печи сохранилось массивное, круглое в плане основание диаметром 4,5 м в виде слоя обожженной глины с ямками от каркаса (рис. 1, *б*). Развал печи, имевшей вид полусферического сооружения, занимал площадь 20 м² и представлял собой скопление огромного количества (17 тыс.) обломков глиняной обмазки с отпечатками прутьев (рис. 2, *1*) и реек, из них около 500 экз. с поверхностью, оплавившейся до стекловидного состояния в результате очень высокой температуры (рис. 2, *2*). Некоторые обломки отличались вогнутой формой. Основу печи составлял каркас из столбиков, расположенных по кругу и в центре, а также из прутьев и дощечек шириной до 5 см, отпечатки которых сохранились почти на всех обломках конструкции. Внутренняя поверхность свода была обмазана огнеупорным составом. Первоначально, когда в процессе расчистки были обнаружены куски обмазки с прикипевшими к ним шлаками зеленоватого цвета, возникло предположение о связи печи с обработкой бронзы [21, с. 316]. Однако анализы образцов этих шлаков показали, что медь в них присутствует в качестве незначительной примеси. Шлакообразные накипи образовались на внутренних стенках огнеупорной обмазки печи, изготовленной из обычного песчано-глинистого материала, в результате действия очень высокой температуры. Такая температура достигалась за счет принудительного дутья. С этим, видимо, связаны два больших глиняных блока удлиненной формы (рис. 2, *3*, *4*) из конструкции печи с двумя отверстиями в каждом из них. В восточной части печи находилась площадка из сильно обожженной глины с древесным углем и сажей на ней, которая была, видимо, топочным отделением. В западной части обнаружена яма диаметром 1,30×1,15, глубиной 0,4 м (0,65 м от современной поверхности), заполненная древесным углем и сажей. Свод печи,

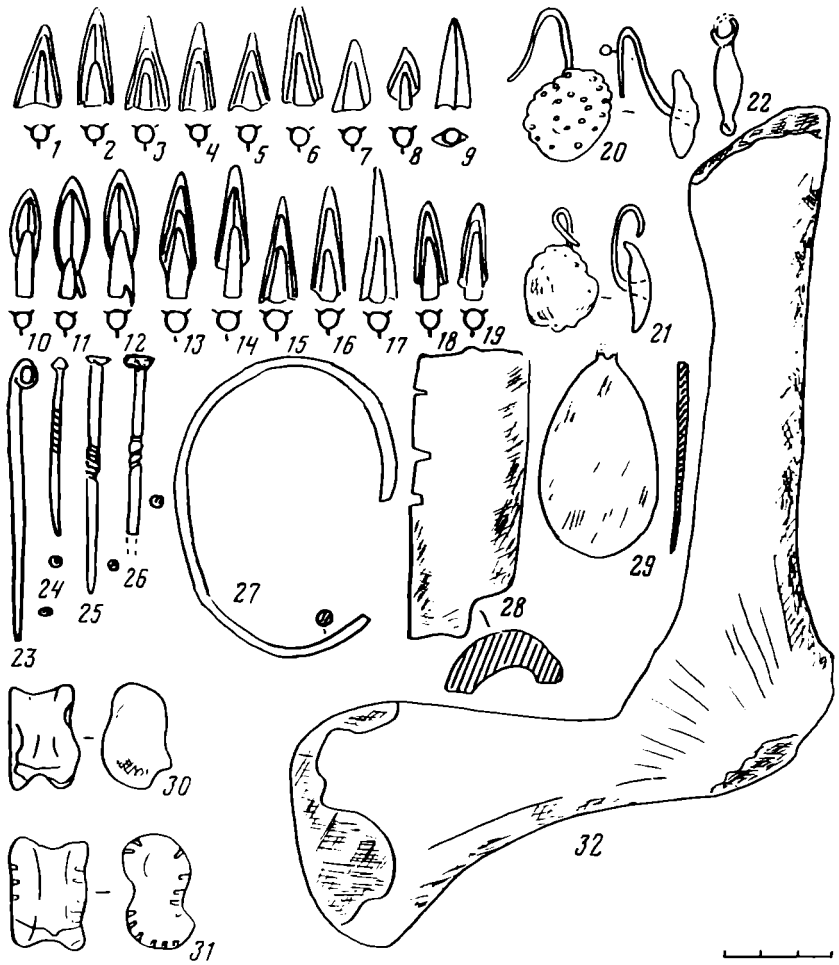


Рис. 3. Изделия из бронзы и кости. *1—19* — наконечники стрел; *20—22*— серьги; *23— 26* — булавки; *27* — браслет; *28* — кость со следами обработки; *29* — подвеска, *30, 31* — астрагалы; *32* — тупик; *1—27* — бронза; *28— 32* — кость

толщина которого до 0,2 м, с внешней стороны тщательно разглажен и побелен. Комплекс существовал в VI в. до н. э., о чем свидетельствует находка в развале бронзовой грибовидной серьги, характерной для архаической эпохи (рис. 3, *21*). Печь была предназначена, очевидно, для цементации железа. Говорить об этом позволяют остатки конструкции, сохранившей следы воздействия высокой температуры, и наличие ямы, заполненной древесным углем,— камеры для цементации. Близкой аналогией являются остатки горна, обнаруженные Б. А. Шрамко на Люботинском городище [22, с. 77, 78].

На поселении вскрыта площадь 4413 м². Из культурного слоя происходят многочисленные находки — изделия из железа, бронзы, кости, камня и глины.

Большую коллекцию составляют ножи. Наиболее широко представлен I тип I группы, по классификации Б. А. Шрамко [23, с. 137],— с дуговидной спинкой и черенком для насаживания ручки (рис. 4, *1—7*). Их лезвия в разрезе клиновидной формы, некоторые экземпляры изготовлены с ребром жесткости вдоль спинки с одной (рис. 4, *1, 3*) или с двух сторон (рис. 4, *6*). Как отмечает Б. А. Шрамко, этот тип появляется еще в предскифский период и распространен на протяжении всего скифского времени [23, с. 137]. Одним экземпляром представлен нож II типа I группы — с дуговидной спинкой. Деревянная ручка насаживалась на черенок, не отделенный от лезвия [23, с. 139, 140]. Здесь сохранились следы дерева (рис. 4, *8*). Ко II группе, по классификации Б. А. Шрамко, относится пять ножей. Они характеризуются тем, что костяная ручка присоединялась к лезвию при помощи заклепок [23, с. 141]. На двух экземплярах сохранились остатки костяных пластинок, составлявших

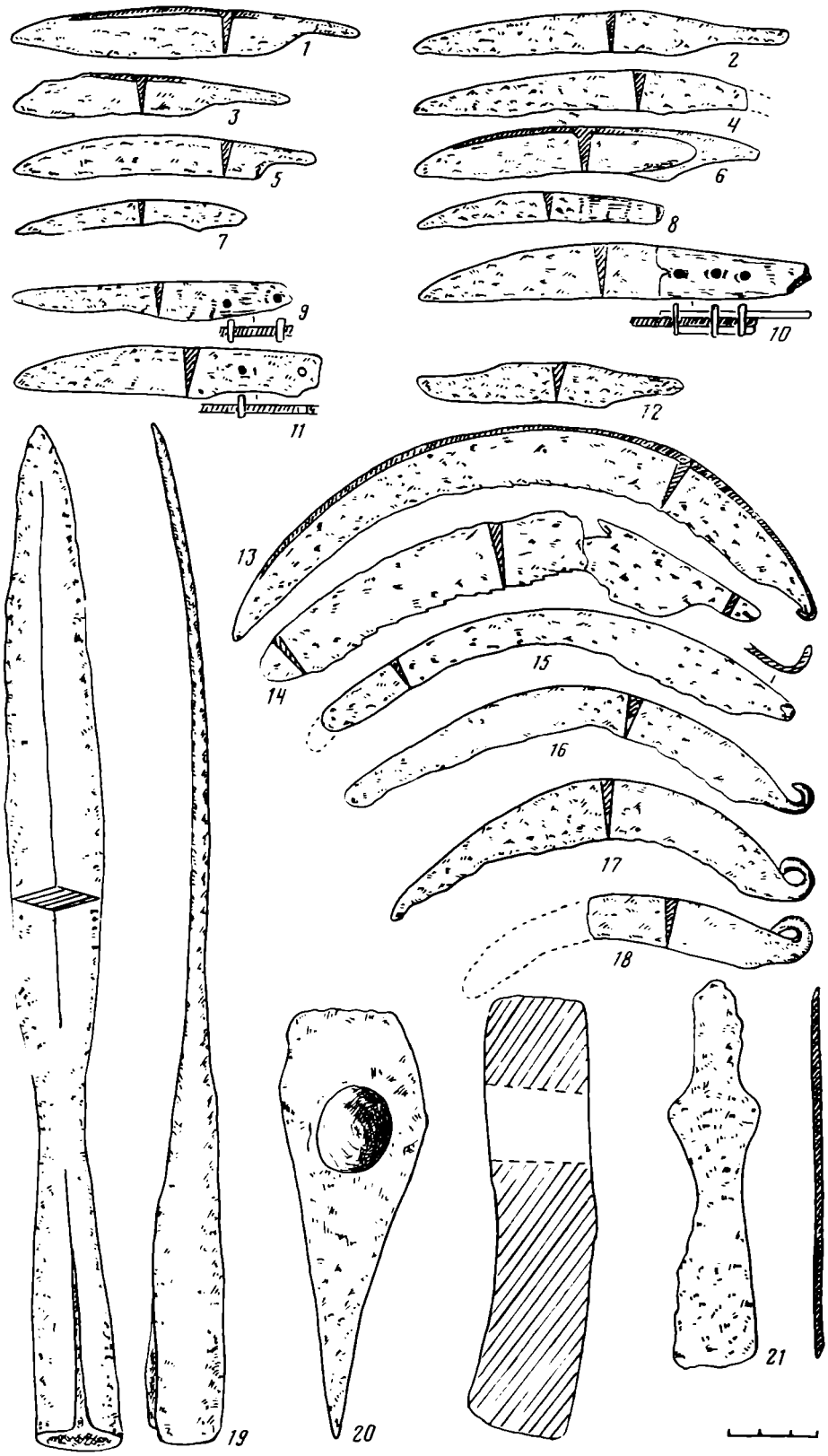


Рис. 4. Изделия из железа. *1—12* — ножи; *13—18* — серпы; *19* — наконечник копья; *20* — топор; *21* — топор-тесло

ручку (рис. 4, *10*), а на трех — заклепки или отверстия от них (рис. 4, *9*, *11*). К III типу I группы относится нож, у которого черенок отделен от клинка слабо выраженными уступами со стороны лезвия и спинки (рис. 4, *12*). Такие изделия переходной к поздним формы встречаются и в период архаики [23, с. 140, 141]. Остальные ножи фрагментированы и не поддаются классификации.

Интересную группу находок составляют серпы (рис. 4, *13—18*), среди которых выделяются четыре типа: с черенком для насадки рукоятки

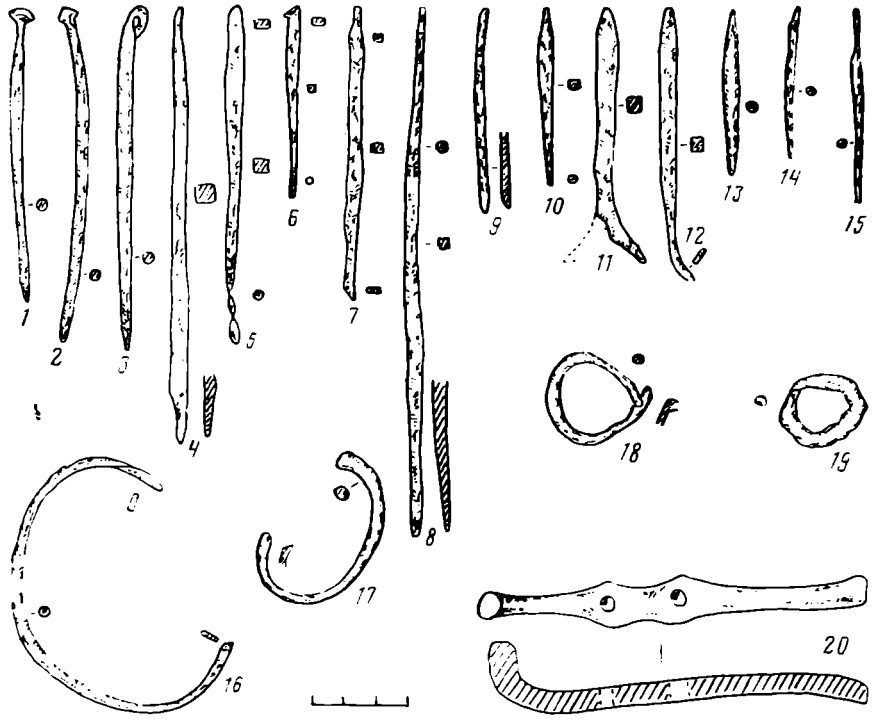


Рис. 5. Изделия из железа. *1—3* — булавки; *4, 8, 12* — резцы; *5* — сверло; *6, 10, 14, 15* — шилья; *7* — долото; *9* — стамеска; *11* — стержень с вилкообразным раздвоением; *13* — стержень с острыми концами; *16* — браслет; *17—19* — кольца от конской упряжи; *20* — псалий

(рис. 4, *14*), со столбиком (рис. 4, *13*, *15*), с крючком (рис. 4, *16*) и петелькой (рис. 4, *17*, *18*). Подобные типы серпов известны и на других поселениях скифского времени. Так, серп со столбиком для рукоятки происходит из Донского городища VI—IV вв. до н. э. у с. Круглое [24, с. 63, табл. 12, *7*], Басовского городища в Посулье [25, с. 70, рис. 20, *2*], Каменского городища на Днепре [26, с. 141, рис. 14, *1*]. Серпы с крючками, загнутыми к спинке, обнаружены на Ширяевском городище в Посеймье [27, с. 116, табл. II, *7*, *8*]. Серпы с петельчатой рукояткой представлены в комплексах селищ Шелковая, Чайка [28, с. 194, рис. 74, *4*, *5*], Черемушны [29, с. 41, рис. 9, *1*] в бассейне Донца, Марицкого городища в Посеймье [30, с. 69, рис. 37, *28*]. Этот тип серпа существовал на протяжении длительного времени, с конца эпохи бронзы и вплоть до раннего средневековья [28, с. 196].

К орудиям труда относится также железный клиновидный проушной топор (рис. 4, *20*). Длина бойка 15,3, ширина 3,4 см, диаметр отверстия для рукоятки 2,5×2,7 см. Обух квадратной формы, размером 3,4× ×3,4 см. Подобные топоры известны в комплексах Люботинского городища [22, с. 75, рис. 3, *1*], в кургане VI в. до н. э. у с. Луки [31, с. 92, табл. 48, рис. 31], а также в группе «Частых курганов» у Воронежа [24, табл. 14, рис. 2].

Орудиями труда являются и железные топоры-тесла. Они клиновидные в разрезе. Одно тесло — с двумя боковыми выступами, длина его 13,7, ширина лезвия 3,3 см (рис. 4, *21*). Такие тесла найдены на Марицком городище [30, с. 69, рис. 37, *24—26*], в грабительском ходе Старшой Могилы [31, с. 161, табл. 3, *10*], в курганах VI в. до н. э. у с. Малая Офирна на Киевщине [32, с. 168, рис. 4, *6*] и в кург. 2 у с. Перебыковцы в Западной Подолии [33, с. 118, рис. 3, *3*], в кург. 7 V в. до н. э. в группе «Частых» [24, с. 67, табл. 14, *6*]. Подобные орудия могли использоваться как землеройные и мотыжки [31, с. 161; 34, с. 73], а также как тесла [30, с. 76]. Они известны в Среднем Поднепровье с конца предскифского периода [35, с. 118; 36, с. 170, табл. 25, *3*]. Второе тесло не имело боковых выступов.

Из железа сделаны также шилья, стамески, долотца, резцы, сверла и обломки стержней от них. Все они четырехгранные в сечении. У одно-

го сверла (рис. 5, *5*) рабочий край перекручен в виде винта. Подобное сверло происходит из Шарповского городища VI—V вв. до н. э. [37, с. 109, табл. VI, *2*]. Второе сверло, представленное обломком, относится к типу лучковых и снабжено небольшими боковыми выступами. Такие сверла известны на Бельском [12, с. 103, рис. 9, *24*] и Люботинском [22, с. 74, рис. 2, *10*] городищах.

У резцов рабочий край расплющен и часто имеет скальпелевидную форму (рис. 5, *4*, *8*). Интересен резец с расплющенным и слегка согнутым рабочим краем (рис. 5, *12*), напоминающий так называемые ложкорезы. Своеобразное изделие в виде двузубой вилки, не имеющее аналогий, представляет собой четырехгранный в сечении стержень, раздваивающийся на конце (рис. 5, *11*). Отростки расходятся под углом 70°, один из них обломан, но хорошо виден след излома.

Долота отличаются тупой верхней частью, по которой наносился удар при работе, угол заточки рабочего края 45° (рис. 5, *7*). Стамески снабжены черенком для насаживания рукоятки и характеризуются меньшим углом заточки — 30° (рис. 5, *9*). Шилья имеют круглый в сечении рабочий край (рис. 5, *6*, *10*, *14*, *15*). Они широко распространены на других поселениях раннего железного века, известны на Бельском [12, с. 103, рис. 9, *14*], Басовском [38, с. 37, табл. 1, *9*], Шарповском [37, с. 109, табл. VI, *1*], Большом Сторожевом [24, с. 69, табл. 15, рис. 16, 17] городищах, на селище Шелковая [*39*, с. 182, рис. 1, *3*, *4*], селище 3 в урочище «Частые курганы» [24, с. 69, табл. 15, рис. 15], Лихачевка и др. Среди находок выделяются два тонких, круглых в сечении стержня, очевидно, обломки железных игл. Такие иглы известны на поселениях в бассейне Ворсклы [12, с. 89, рис. 4, *20*], Северского Донца [28, с. 210, рис. 80, *16*], Дона [24, с. 69, табл. 15, рис. *9*]. Следует назвать также орудие в виде круглого в сечении стержня, оба конца которого острые (рис. 5, *13*).

Предметы вооружения представлены наконечником копья с несомкнутой втулкой (рис. 4, *19*). Ромбовидное в сечении перо имеет слабо выраженный дуговидный профиль. Длина втулки 12, длина копья 35,4, ширина пера и основания втулки 3 см. Аналогичные наконечники происходят из курганов первой половины V в. до н. э. в Посулье [31, табл. 7, рис. 21, 22, табл. 56, рис. 6, 7].

Для датировки поселения важна находка двудырчатого железного псалия (рис. 5, *20*) с загнутыми концами — один плавно, другой под углом. Такие псалии происходят из кург. 14 у хут. Поповка [31, табл. 53, рис. 1], из кург. 499 у с. Басовка [31, табл. 28, рис. 15] в Посулье, из Макеевского кургана [40, с. 150, рис. 2, *1*, *2*] и из других комплексов [41, табл. 14, *279*, *280*], датируемых V в. до н. э. [31, с. 198, 200].

Из железа сделаны также кольца (диаметр их 2,5—5 см), которые, видимо, входили в состав конской упряжи (рис. 5, *17—19*), и обломок втулки какого-то предмета.

О местном производстве железных изделий на городище свидетельствуют многочисленные находки шлаков с вкраплениями железа. Химический и спектральный анализы их показывают, что железо получали сыродутным способом из бедных кварцитовых руд[1]. Важным результатом анализов является обнаружение в шлаках титана. В рудах, которые использовали ремесленники Бельского и Люботинского городищ, также были обнаружены соединения титана [42, с. 96]. В шлаках Полковой Никитовки отмечено относительно большое содержание кремния и марганца.

Бронзовые изделия также изготовлялись на месте. Об этом говорят находки шлаков с корольками меди в раскопах I, IV, X, XII, треугольный в сечении брусок олова весом 17,9 г, бронзовые слитки, а также трехлопастной наконечник стрелы со слегка выступающей втулкой (рис. 3, *17*). Грани его лопастей не заточены, не удален литок на жале

[1] Анализы проведены в металлографической лаборатории Донецкого научно-исследовательского института черной металлургии.

Рис. 6. Городище у с. Полковая Никитовка. Разные находки. *1* — обломок формочки из шифера для отливки ворворок; *2* — фрагмент дна лепного сосуда с отпечатком ткани; *3—7* — фрагменты античной керамики; *8* — остатки жертвоприношения

стрелки, т. е. после отливки наконечник не был по какой-то причине подвергнут доработке и, следовательно, он не использовался по назначению. Местное бронзолитейное производство характеризует и обломок формочки из красного шифера для отливки бронзовых ворворок (рис. 6, *1*). В каменном бруске размером 5—5,5×3,5, толщиной 2,5 см сделаны два гнезда для отливки ворворок двух типов в виде усеченного конуса, причем основание одного гнезда расширяется и оформлено розеткой. Стенки отверстия для отливки ворворок первого типа покрыты резным геометрическим орнаментом. Верхний диаметр отверстия 8, нижний 14 и 22 мм, высота отливаемых изделий 25 мм. У основания одного из отверстий сохранился желобок для заливки металла. Близкая по типу каменная форма VI—V вв. до н. э. происходит из Ольвии. Размеры ее 9,5×5,5, толщина 2,5 см. Предназначалась для отливки ворворок, пронизок и бус [43, с. 42, рис. 1, *в*]. С бронзолитейным производством связаны и обломки глиняных льячек в виде ковшичков глубиной от 1,5 до 2,5 см с носиком для слива и втулкой для деревянной рукоятки (рис. 7, *1*, *2*). Аналогичные льячки найдены на городищах Караван [28, с. 200,

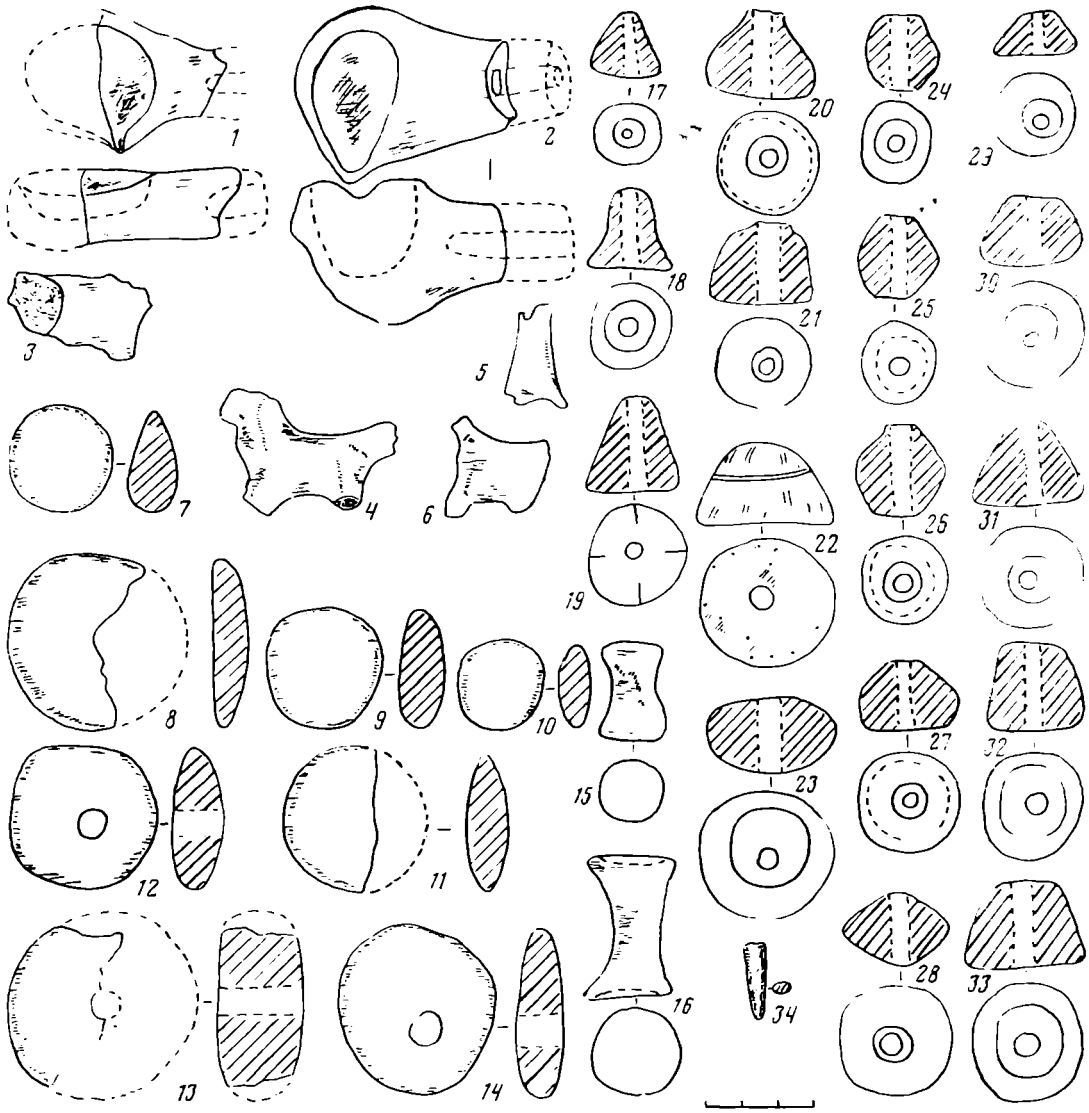


Рис. 7. Изделия из глины. *1, 2* — льячки; *3—6* — обломки зооморфных статуэток; *7—11* — модели лепешек; *12—14* — грузила; *15, 16* — «катушки»; *17—33* — пряслица; *34* — стержень

рис. 77, *14*], Люботин [22, с. 79, рис. 6, *19*], Восточное Бельское [12, с. 103, рис. 9, *30*], Марица [30, с. 70, рис. 38, *1—4*] и др.

Изделия из бронзы представлены прежде всего наконечниками стрел. Основная масса (их найдено 19) — трехлопастные, втульчатые. Среди них выделяются: 1) с выступающей втулкой и овальным очертанием лопастей (рис. 3, *10—12*) — II хронологическая группа, по А. И. Мелюковой [44, табл. 7,*Г 9*), два из них с шипами на втулке, высота наконечников 3—3,5 см; 2) небольшие (высота 2—2,7 см) базисные (рис. 3, *1—7*), получившие распространение на рубеже VI—V вв. до н. э. (II хронологическая группа, по А. И. Мелюковой); 3) с выступающей втулкой и прямым очертанием лопастей (рис. 3, *13, 14*); 4) маленький наконечник (высота 1,7 см) с выступающей втулкой (рис. 3, *8*); 5) со слегка выступающей втулкой, треугольные в продольном сечении, удлиненно-вытянутые, с небольшим основанием (рис. 3, *15—17*), появляются в начале V в. до н. э.; 6) удлиненные, узкие со сводчатой головкой (рис. 3, *18, 19*).

Особняком стоит ромбовидный в сечении со скрытой втулкой наконечник (рис. 3, *9*), по типу восходящий к костяным. Подобные наконечники известны в комплексе кург. 478 у с. Волковцы, датируемом VI—V вв. до н. э. [31, с. 94; табл. 39, рис. 11] и среди находок на городище у хут. Городище [29, с. 33, рис. 4, *21*].

Среди изделий из бронзы и железа имеются украшения: браслеты, булавки и серьги. Браслеты сделаны из круглой в сечении проволоки

диаметром до 3 мм. У железного браслета (размеры его 8,4×6,5 см) несомкнутые концы расплющены (рис. 5, *16*), он относится к типу 3, по классификации В. Г. Петренко [45, с. 53]. Бронзовый браслет (рис. 3, *27*) овальной в плане формы (8,3×6 см), один конец его обрезан, а другой утоньшен, относится к первому варианту типа 5, по В. Г. Петренко [45, с. 54]. Два бронзовых браслета представлены фрагментами.

Большую группу находок составляют стержневидные булавки, характеризующие пять типов, по В. Г. Петренко. Ко второму варианту типа 4 [45, с. 8] относятся две бронзовые булавки с плоской головкой, дуговидно изогнутой шейкой и круглым в сечении стержнем, украшенным в одном случае спиралевидной, а в другом — кольцевой нарезкой (рис. 3, *25*, *26*). Булавки этого типа встречаются только в комплексах VI в. до н. э. [45, с. 11]. Одним экземпляром представлен третий вариант типа 10 [45, с. 14] — железная гвоздевидная булавка с грибовидной шляпкой, дуговидно изогнутой шейкой и овальным расширением в верхней части стержня (рис. 5, *1*). Датируется этот тип концом VII — первой половиной VI в. до н. э. [45, с. 14]. Из железа сделаны гвоздевидные булавки с биконической головкой и гладким стержнем (рис. 5, *2*), относящиеся ко второму варианту типа 16 [45, с. 15] и известные в памятниках VI в. до н. э. Одна бронзовая булавка отличается очень маленькой конусовидной головкой (рис. 3, *24*) и стержнем, орнаментированным спиральной полосой в верхней части,— второй вариант типа 17 [45, с. 15]. Шесть железных булавок (рис. 5, *3*) и одна бронзовая (рис. 3, *23*) относятся к типу 21 [45, с. 18] — гладкий стержень без орнамента, головка загнута в петлю. Булавки этого типа известны на лесостепных поселениях VI—III вв. до н. э. Обнаружены и обломки стержней бронзовых и железных булавок.

Бронзовые серьги, происходящие с городища, двух типов — грибовидные и конусовидные. Первый тип представлен двумя экземплярами. Одна серьга имеет выпуклую овальную шляпку диаметром 1,9×2,5 см с отверстиями по краю. Изнутри к ее центру присоединен бронзовый стержень (рис. 3, *21*). Вторая — с круглой выпуклой шляпкой диаметром 2,6×2,8 см, украшенной двумя концентрическими кругами выпуклых точек, нанесенных пуансоном (рис. 3, *20*); один круг почти у края, другой ближе к центру. Такие серьги из золота, серебра и бронзы известны довольно широко в архаических комплексах, относятся к четвертому варианту типа I, по В. Г. Петренко [45, с. 24]. Серьга второго типа (тип 35, по классификации В. Г. Петренко [45, с. 40]) — литая бронзовая, биконической формы, на нижнем конце небольшое шаровидное утолщение (рис. 3, *22*), дужка была обломана еще в древности. Близкими аналогиями являются серьги из кург. 4 у с. Волковцы и из зольника у с. Черемушны [45, с. 40].

Довольно разнообразны изделия из кости. Интересна поделка из трубчатой кости, выполненная в скифском зверином стиле (рис. 8, *1*). Это головка волка. Верхняя часть ее несколько расширена, и здесь резными линиями очерчены уши. Чуть ниже одного уха намечен глаз. Оскаленная пасть животного изображена двумя параллельными линиями по обеим сторонам трубочки, очерчивающими фигуру в виде овала с острым углом в передней части. Внутри этого пространства кружочки и треугольники — стилизованное изображение зубов. Длина изделия 6,8, ширина вверху 2, внизу 1,2 см, оно использовалось, возможно, в виде ручки какого-то предмета. Ручкой служила, очевидно, и трубочка с хорошо залощенной поверхностью (рис. 8, *15*); длина ее 10,7, ширина в узкой части 1,2, в широкой 2 см. Обнаружены накладные пластинки от ручек ножей (рис. 8, *2, 3, 19*). С железной основой они соединялись при помощи заклепок. Для этого в костяных пластинках просверлены отверстия, вокруг них кость обычно сохраняет следы ржавчины. На одной накладке, украшенной циркульным орнаментом, сохранилась железная заклепка (рис. 8, *2*). Накладные костяные ручки встречаются довольно широко в памятниках скифского времени: в курганах у с. Мастюгино [24, с. 71, табл. 16, *7*], на Люботинском [22, с. 74, рис. 2, *2*], Бельском [23, с. 142.

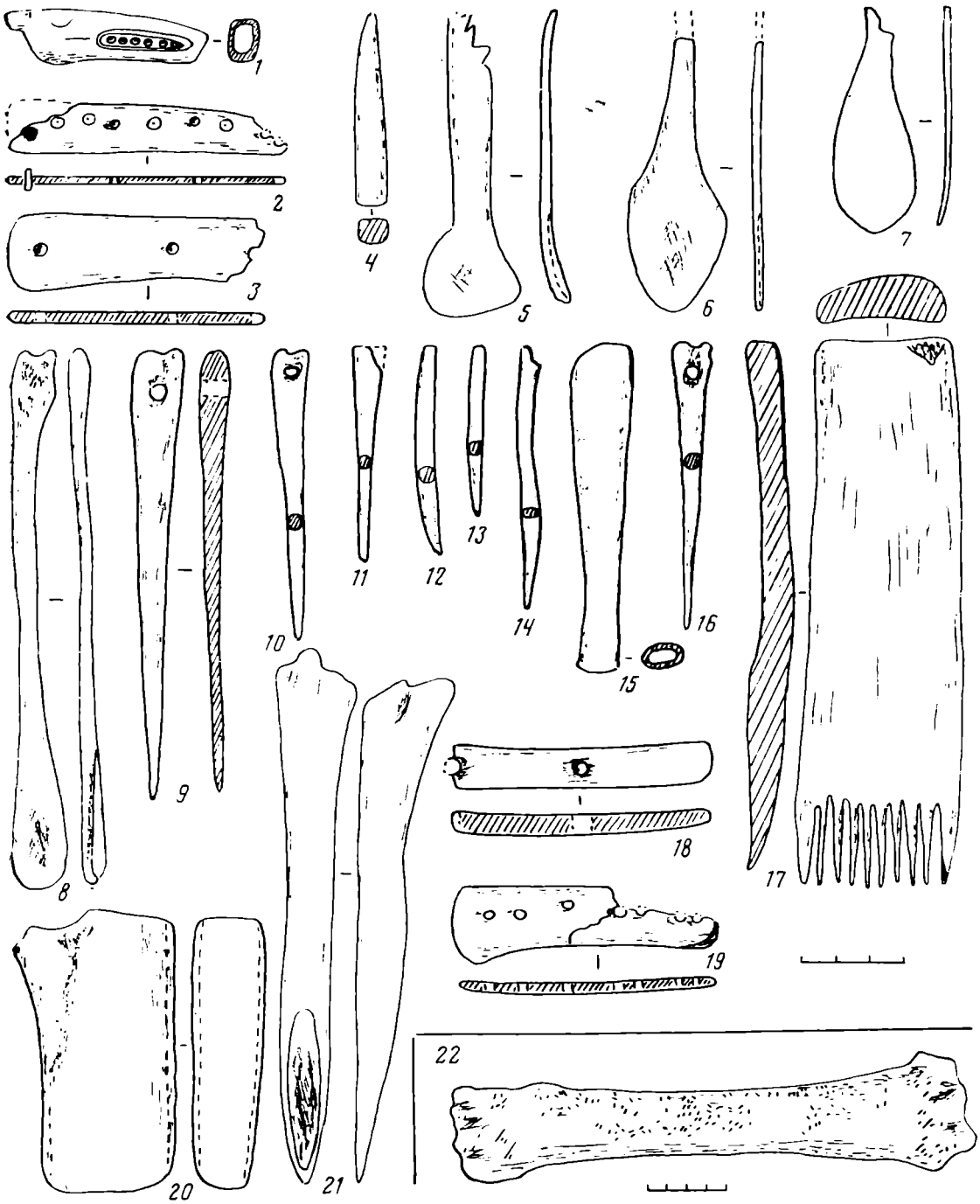


Рис. 8. Изделия из кости. *1, 15* — трубочки; *2, 3, 19* — накладные пластинки от ручек ножей; *4* — заготовка наконечника стрелы; *5—7* — ложечки; *8, 21* — поделки; *9, 10, 16* — иглы; *11, 14* — шилья; *17* — гребень от ткацкого станка; *18* — обломок псалия; *20* — горлышко бурдюка; *22* — наковаленка

рис. 4, *6*, *7* и др.], Караванском [23, с. 144, рис. 5, *3*) и других городищах.

Заслуживает внимания массивный с 10 зубцами гребень из рога (рис. 8, *17*). Длина его 17,7 см, ширина 4,2—5,3, длина зубцов 3,5 см. От длительного использования рабочая часть его заполирована. Такого типа гребни меньшего размера найдены на Московском городище второй ступени чернолесской культуры [35, с. 99, рис. 68, *3*], на Жаботинском поселении [46, с. 177, рис. 4, *23*, *24*]. Эти гребни широко распространены на разных территориях и в различных культурах и предназначались для расчесывания или сбора шерсти [35, с. 104]. Гребень из Полковой Никитовки отличается бóльшими размерами и бóльшим количеством зубцов. Иным было, видимо, и его назначение. Гребни использовались также при ткачестве для уплотнения рядов нитей поперечного переплетения и должны были иметь большую рабочую часть. Вполне вероятно, гребнем от ткацкого станка и была рассматриваемая находка.

Среди изделий из кости выделяется необычный тщательно отполированный предмет в виде овальной в сечении трубочки с раздвоением в верхней части (рис. 8, *20*). Высота изделия 9 см, ширина внизу 4,5, вверху 5,2 см. Схожи с этим предметом костяные горлышки бурдюков, встречающиеся в памятниках салтово-маяцкой культуры [47, с. 155, рис. 42, *10*, *11*].

В комплекс входят также три небольшого размера ложечки (рис. 8, *5—7*). Одна из них сохранилась полностью, длина ее 9,5 см, конец ручки оформлен вырезанными зубчиками (рис. 8, *5*). У двух других ручки обломаны. Возможно, в качестве ложечки использовалась и тщательно отполированная косточка с расширением на конце (рис. 8, *8*). Костяная ложечка с ручкой, оформленной в виде головки лося, происходит из комплекса VI — начала V в. до н. э. селища Шелковая [28, с. 208, рис. 79, *2*, с. 226]. Обычные ложечки с гладкой рукояткой обнаружены на Бельском [10, с. 69, рис. 3, *33*] и Колемакском [48, с. 360] городищах.

Многочисленны находки костяных игл (рис. 8, *9*, *10*, *16*), шильев (рис. 8, *11*) и их обломков (рис. 8, *12—14*). Подобные изделия встречаются в памятниках бассейна Донца [22, с. 75, рис. 3, *3*], Дона [24, с. 69, рис. 15, *18* и др.], Сейма [27, с. 118, табл. III, рис. 6—8; 30, с. 73, рис. 40, *4—14*], Ворсклы [7, с. 69, рис. 32, *33* и др.]. Заслуживает внимания обломок псалия со следами вторичного использования. Он был поломан еще в древности, и место излома тщательно обрезано (рис. 8, *18*). Из кости делали подвески в виде тонких пластинок с ушком (рис. 3, *29*), челюстные и лопаточные кости крупных животных использовали в качестве тупиков для выделки кож (рис. 3, *32*). Такие изделия известны на Лихачевском поселении, в зольниках вблизи Таранова Яра [49, с. 76, рис. 11] и в других памятниках. Довольно часты находки астрагалов овцы и козы со сточенной и заглаженной поверхностью (рис. 3, *30*). Возможно, такая сработанность поверхности явилась следствием использования их в качестве лощил при обработке поверхности сосудов. Подобные сточенные астрагалы обнаружены на поселении у с. Мачуха [49, с. 77, рис. 12, *1—3*]. Края одного из астрагалов Полковой Никитовки вырезаны зубчиками (рис. 3, *31*). Трубчатые кости конечностей крупных животных использовались, очевидно, в качестве подставки или наковаленки, о чем свидетельствуют многочисленные мелкие насечки (рис. 8, *22*). Такие находки есть и на Лихачевском поселении.

Не совсем понятно назначение трубчатой кости, конец которой срезан наискось и залощен (рис. 8, *21*). В качестве наконечника мотыги, как например наконечник из Шелковой [28, с. 194, рис. 74, *1*], она не могла использоваться, так как у нее не был обрезан эпифиз и поэтому ее невозможно было насадить на палку. Трубчатые кости с такой сработанностью известны в этнографических материалах и служили для снятия коры с деревьев. Возможно, так использовался и предмет из Полковой Никитовки.

Из культурного слоя происходят обломки трубочек с отверстиями, пластинки с зубчиками, назначение которых не ясно.

Обработкой кости занимались непосредственно на поселении, что подтверждается многочисленными находками костей со следами резания (рис. 3, *28*), а также заготовкой костяного наконечника стрелы (рис. 8, *4*).

Местной была и обработка камня. Массовыми находками являются отщепы кварцита и песчаника. Из кварцита делали зернотерки, обломки которых встречаются на поселении, и терочники, из песчаника — метательные камни, точильные бруски (рис. 9, *10*), в том числе для точки булавок (рис. 9, *23*), оселки с просверленными для подвешивания отверстиями (рис. 9, *21*, *22*). В разрезе они округлой или подпрямоугольной формы. Особо следует отметить оселок из алевролита (рис. 9, *21*). Его тщательно отполированная поверхность не могла использоваться для заточки или правки каких-либо режущих предметов. Возможно, такой оселок служил амулетом [50]. Для датировки комплекса важна находка обломка ладьевидного блюда из песчаника. Такие блюда ха-

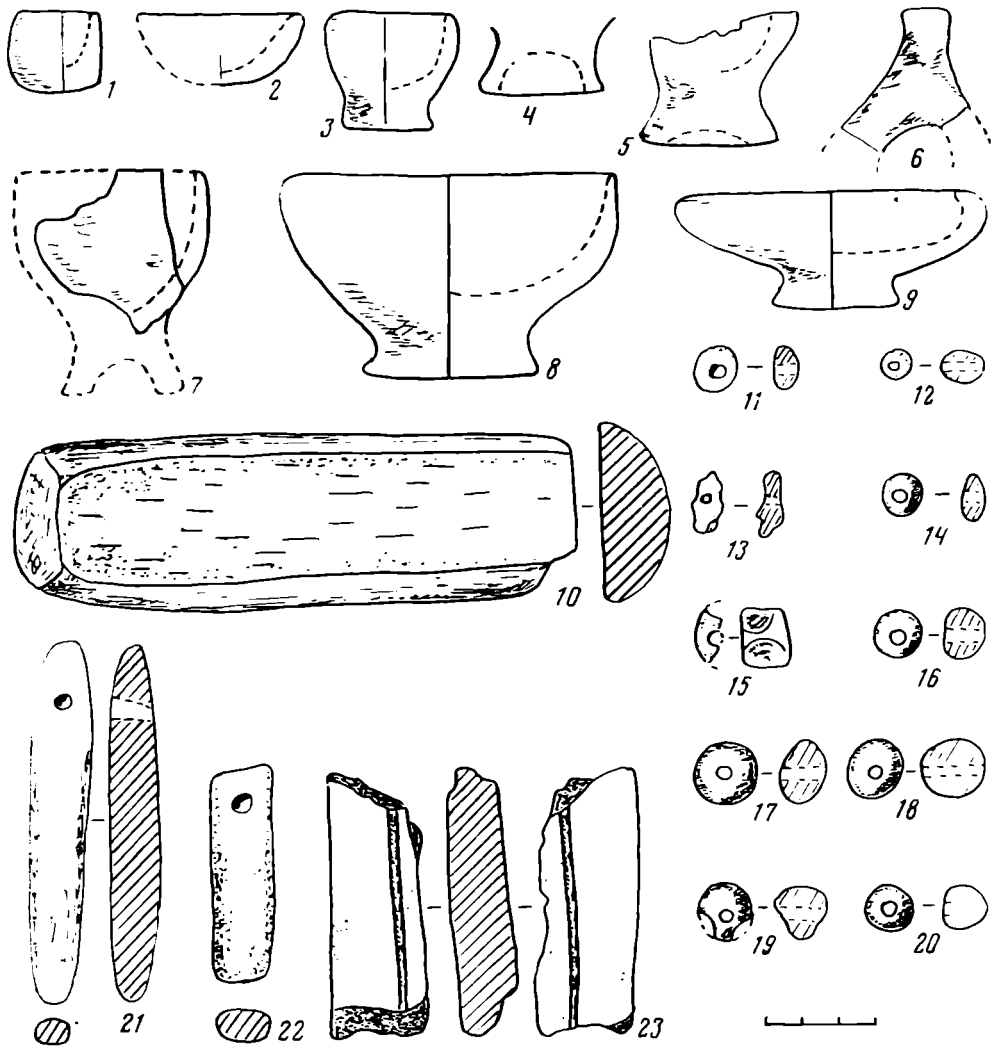


Рис. 9. Изделия из глины, камня и стекла. *1—5, 7—9* — миниатюрные сосудики и их обломки; *6* — обломок ручки черпака; *10* — точильный брусок; *11—20* — бусы; *21, 22* — оселки; *23* — обломок бруска для заточки булавок; *1—9, 14, 16—20* — глина; *10, 21—23* — камень; *11, 13, 15* — стекло

рактерны для архаики [5, с. 50; 31, табл. 19, *3*, табл. 46, *7* и др.], а в V в. до н. э. встречаются крайне редко [51, с. 36].

Наибольшее значение при характеристике облика городища и определения его места среди других памятников имеет, пожалуй, местная лепная керамика. В силу массовости она представляет собой важный вид археологического источника. В процессе раскопок на поселении было учтено около 18 тыс. фрагментов местной лепной посуды, а также несколько целых сосудов.

При характеристике керамики Полковой Никитовки мы опираемся на классификацию, разработанную Б. А. Шрамко на основе материалов Восточного Бельского городища [9]. В комплексе Полковой Никитовки представлены все группы, выделенные Б. А. Шрамко: горшки, кувшины, корчаги, миски, кружки, светильники, цедилки и др., из них наиболее полно — первая.

Горшки изготовлены из грубой глины с примесью шамота и имеют слегка шероховатую поверхность серого, желтоватого, бурого цвета или пятнистую, являющуюся следствием неравномерного обжига. Отдел баночных горшков характеризуют бочковидные и цилиндрические сосуды (рис. 10, *14*). Отдел профилированных представлен следующими типами: слабопрофилированными (рис. 10, *11, 20, 21*), с развитым профилем (рис. 10, *5, 10, 13, 16—18*) и «воротничковыми» (рис. 10, *15, 19*), для которых характерен вертикальный или сегка отклоненный наружу прямой венчик. К отделу специализированых горшков относится несколько

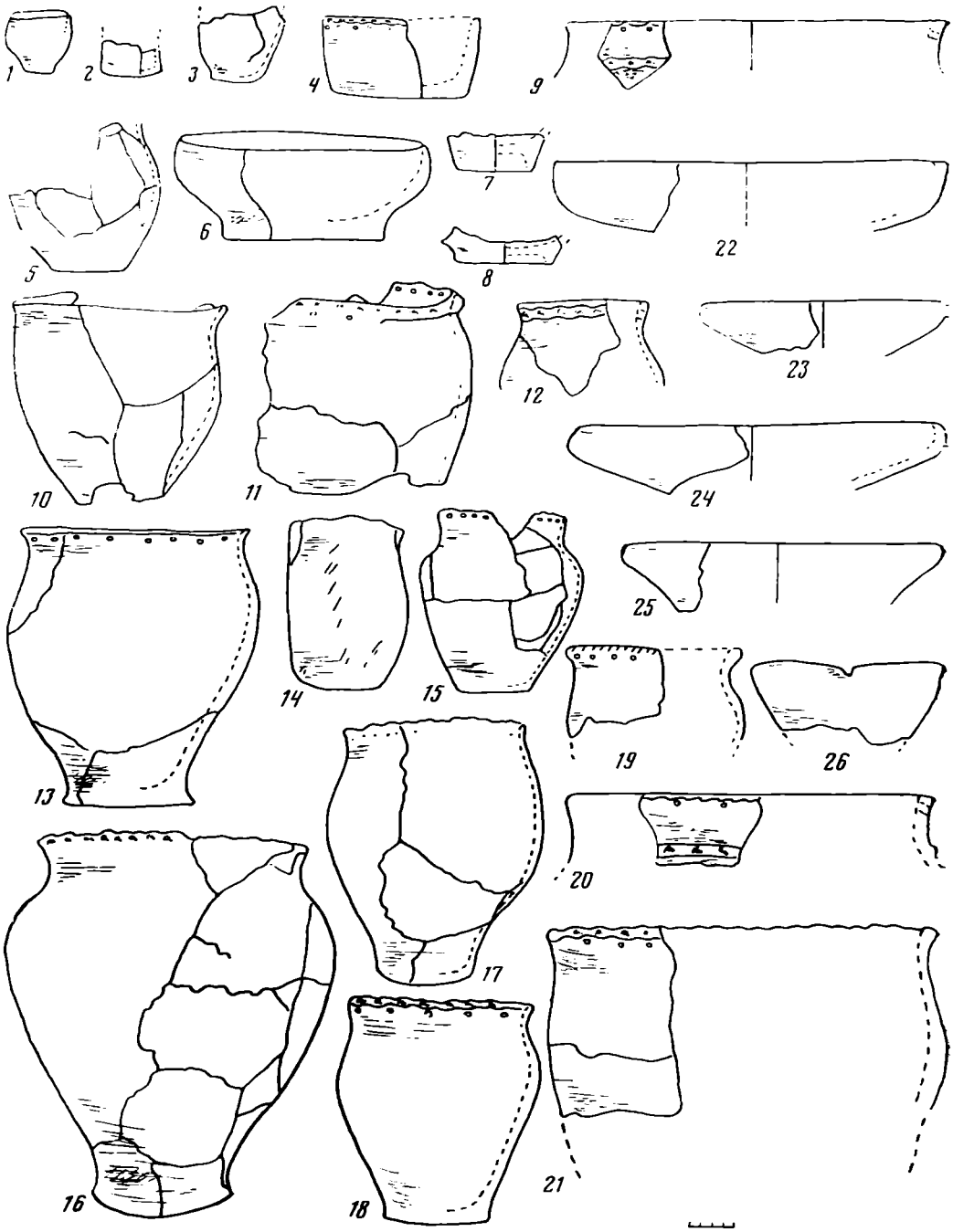


Рис. 10. Керамика городища у с. Полковая Никитовка

фрагментов с носиками для слива в виде заостренного желобка (рис. 10, *26*). На баночных и слабопрофилированных горшках довольно часто встречаются налепные валики, расположенные ниже венчика, который в свою очередь орнаментирован пальцевыми вдавлениями по краю (рис. 10, *9*). Интересны фрагменты с налепным валиком под гладким венчиком (рис. 10, *12*). Этот тип орнаментации, как и украшение валиком ниже венчика с пальцевыми вдавлениями и проколами, встречается только на сосудах архаической эпохи и датируется не позже VI в. до н. э. Известные на поселениях Мачуха, Пожарная Балка и др. сосуды баночного типа отличаются заглаженностью поверхности как внутри, так и снаружи [7, с. 115; 14, с. 118]. Слабопрофилированные горшки характеризуются плавно и слабо отогнутым венчиком в сочетании с покатыми плечиками, большими размерами [9, с. 76]; 62,7% их составляют сосуды с диаметром горла более 20 см. Из всего количества сосудов Полковой Никитовки, имеющих налепной валик, 71% приходится на горшки рассматриваемого типа. Следовательно, данная форма одна из ранних

Слабопрофилированные сосуды — ведущая форма керамики и на Восточном Бельском городище [9, с. 76].

Широкое распространение получили горшки с развитым профилем. Различные по величине и орнаментации, они имеют отогнутый наружу венчик, короткую шейку, крутые плечики. Корпус сосуда, расширяющийся в верхней части, суживается к днищу (рис. 10, *10, 13, 16—18*). Преобладает орнаментация венчика пальцевыми вдавлениями и проколами (40,3% этого типа). Часто встречаются сосуды без орнамента, реже они украшались косыми насечками или пальцевыми вдавлениями с отпечатками ногтя, сочетающимися с проколами, а также одними проколами. Единичны фрагменты с пальцевыми защипами. Следует отметить отсутствие архаической орнаментации в виде налепного валика. Она встречается только на горшках баночной формы и слабопрофилированных. Возможно, что именно из этой формы в результате ее модификации появились профилированные сосуды. Горшки подобного типа встречаются на поселениях и в погребениях VI—V вв. до н. э. в Посулье [4, с. 175, табл. 1, *12*]. Некоторые из них имеют лощеную поверхность. Профилированные сосуды, орнаментированные пальцевыми вдавлениями или косыми насечками по краю венчика и проколами, являются основными находками в памятниках соседних территорий лесостепного Левобережья [22, с. 81, рис. 8, *4*, *17*] и степной Скифии [26, с. 71, табл. III, *1*, *2*].

К группе кувшинов в Полковой Никитовке относится несколько фрагментов вечников, которые не дают возможности проследить отделы, виды и типы, выделенные на Восточном Бельском городище.

Одним фрагментом горла с горизонтально отогнутым широким венчиком представлена и группа корчаг. В лесостепном Левобережье за пределами бассейна Ворсклы они не получили распространения.

Группа мисок отличается от горшков более тщательно подготовленной глиной, в которой почти незаметна примесь шамота. Поверхность их менее шероховатая, но лощение встречается очень редко (0,4% от общего количества фрагментов мисок). Цвет серый, желтоватый, темный до черного. Диаметр в пределах от 17 до 35 см, толщина стенок 0,7—1 см. В Полковой Никитовке имеются все три отдела: простые, вазообразные и вазы на конической ножке. Наибольшее количество мисок, как целых, так и фрагментов, относится к типу с выпукло-вогнутым корпусом вида круглодонных отдела простых (рис. 10, *6, 23, 25*). Отдел вазообразных мисок представлен конусовидными (рис. 10, *24*) и тарелкообразными (рис. 10, *22*), а отдел ваз на конической ножке — фрагментами первого типа — со сравнительно широкой полой ножкой (рис. 10, *7*, *8*). Все типы мисок Полковой Никитовки имеют широкие аналогии среди лесостепных памятников Днепро-Донского междуречья [7, с. 117, рис. 52, *53*; 28, с. 181, рис. 69, *2*, *13*; 31, табл. 59, *6—9*] и днепровского Правобережья [51, табл. 1, рис. 8; 52, с. 180, рис. 5].

Группу кружек характеризуют в основном фрагменты, среди которых можно выделить относящиеся к отделу горшковидных с ручкой. К отделу черпаков относится всего три фрагмента (рис. 9, *6*). Отдел сосудов без ручек составляют чашки (рис. 10, *1*, *3*), чашки-плошки (рис. 10, *4*), небольшие сосудики типа «солонок» (рис. 9, *8*, *9*; 10, *2*), и сюда, видимо, следует отнести маленькие горшочки и мисочки высотой от 2 до 3 см с грубой поверхностью серого или желтоватого цвета с примесью шамота в глине (рис. 9, *1—3*). О культовом назначении этих миниатюрных сосудиков свидетельствуют частые находки их в зольниках [49, с. 71; 53, с. 154 сл.], а также в погребениях взрослых людей [54, с. 374].

Группы цедилок и светильников также представлены фрагментами. Среди последних преобладают рюмкообразные (рис. 9, *4*, *5*, *7*).

Рассмотрев самый массовый материал из раскопок городища у с. Полковая Никитовка, можно сделать ряд выводов. Прежде всего бросается в глаза весьма незначительное количество фрагментов лощеных сосудов (0,2% от общего количества). На других поселениях Поворсклья (Мачуха, Олефирщина, Пожарная Балка, Западное Бельское го-

родище) лощеной керамике принадлежит значительное место. Так, в Пожарной Балке она составляет 25% от общего количества фрагментов [55, с. 125]. Для Полковой Никитовки характерно также отсутствие, за исключением одного фрагмента, врезного геометрического орнамента, инкрустированного белой пастой. Такой тип орнамента встречается на других поселениях бассейна Ворсклы [10, с. 75, рис. 8, *7*, *9*, *10*] и в памятниках Правобережья [56, табл. I, *3* и др.; 57, с. 8, рис. 2, *6* и др.; 58, с. 103] и не известен на Северском Донце. В бассейне Псла найден лишь один обломок миски на городище Кнышевка [59, с. 245, рис. 6, *13*], а в Посулье — единичные экземпляры в курганах [31, табл. 57, рис. 1, *и*].

На ряде поселений в бассейне Ворсклы, а также в днепровском Правобережье широко встречаются миски с наколами изнутри и орнаментированные валиками, расчлененными пальцевыми вдавлениями, которые сочетались с проколами, расположенными по краю или на сгибе. Этот тип мисок отсутствует в Полковой Никитовке. Обращает внимание и почти полное отсутствие в керамическом комплексе городища лощеных черпаков с петельчатыми ручками, которые составляют значительную группу среди посуды Лихачевки, Пожарной Балки [15, с. 247], Западного Бельска [11, с. 113], памятников Правобережья [60, с. 233, рис. 7, *12* и др.], тогда как для соседних территорий лесостепного Левобережья они не характерны, в бассейне же Северского Донца найден один обломок на Люботинском городище [22, с. 81, рис. 8, *44*].

Таким образом, рассматривая керамику Полковой Никитовки и сравнивая ее с материалами синхронных памятников соседних территорий, можно отметить, что по типам сосудов и их орнаментации она обнаруживает близость к комплексам памятников Посулья, Северского Донца, а также Восточного Бельского городища. От нее существенно отличается керамика Западного Бельского городища, Пожарной Балки, Мачухи. Здесь многочисленны параллели с правобережной.

Кроме посуды на поселении найдено большое количество разнообразных изделий из глины: различных форм пряслица (рис. 7, *17—33*), в том числе с прочерченным и точечным орнаментом (рис. 7, *22*) и со следом от нитей на донышке (рис. 7, *19*), катушки (рис. 7, *15*, *16*), грузила (рис. 7, *12—14*), обточенные обломки стенок сосудов, культовые лепешки (рис. 7, *7—11*), зооморфные статуэтки (рис. 7, *3—6*), бусы (рис. 9, *14*, *16—20*), конусы. Непонятно назначение небольшого (длина 2 см), округлого в сечении стержня конусовидной формы из слабо обожженной глины (рис. 7, *34*). Остальные вещи типичны для лесостепных поселений скифского времени [28, с. 180, рис. 68, *12—14*; 49, табл. II, III; 61, с. 72, рис. 19].

У обитателей городища было развито земледельческо-скотоводческое хозяйство. Об этом, помимо орудий труда (мотыжка, серпы, зернотерки), зерновых ям, свидетельствуют также многочисленные отпечатки зерен растений на донышках сосудов. По количеству отпечатков на первом месте просо. Выращивали пшеницу двузернянку, спельту, голозерную пшеницу, ячмень, горох. Было, видимо, и садоводство. Среди отпечатков — зерна яблони-груши. В окрестных лесах собирали дикорастущие плоды терна [62, с. 131].

В культурном слое много костей животных. Часть низ них входит в состав остатков жертвоприношений (рис. 6, *8*), представлявших куски туш забитых животных. Исследование остеологического материала, полученного в 1969—1972 гг., произведенное В. И. Бибиковой и Н. Г. Тимченко, дало следующие результаты.

Как видно из приведенных данных, преобладают остатки домашних животных, составлявших основу экономики поселения. Среди них наибольшее значение имели бык домашний, овца и лошадь. Коз и свиней разводили в ограниченном количестве. Охота не играла сколько-нибудь заметной роли.

Наряду с земледелием и скотоводством были развиты домашние промыслы: гончарство, обработка кости, камня, прядение и ткачество. О последнем свидетельствуют многочисленные пряслица, отпечатки тканей

Животные	Кол-во костей	Кол-во особей	% от общего кол-ва костей	% от общего кол-ва особей
	Домашние			
Крупный рогатый скот (Bos taurus)	522	32	37,36	21,92
Мелкий рогатый скот — овцы, козы (Ovis aries et Capra hireus)	288	41	20,62	28,08
Лошадь (Equus caballus)	453	30	32,43	20,55
Свинья (Sus domestica)	79	19	5,65	13,02
Собака (Canis familiaris)	32	10	2,29	6,85
Всего	1374	132	98,35	90,42
	Дикие			
Тур (Bos primigenius)	1	1	0,07	0,68
Лось (Alces alces)	5	3	0,36	2,06
Олень благородный (Cervus claphus)	1	1	0,07	0,68
Кабан (Sus scrofa)	13	6	0,94	4,12
Медведь (Ursus arctes)	1	1	0,07	0,68
Волк (Canis lupus)	1	1	0,07	0,68
Заяц (Lepus sp.)	1	1	0,07	0,68
Всего	23	14	1,65	9,58

на донышках сосудов (рис. 6, *2*) и гребень от ткацкого станка. Обработка металлов, в первую очередь черных, выделилась в ремесло. Это сопряжено прежде всего с трудоемкостью процесса добычи железа из руд, необходимостью овладения сложной технологией изготовления и дальнейшей обработки железных изделий. Все этапы этого производства отличаются длительностью. Например, продолжительность процесса цементации — 10—15 часов [63, с. 54], значительного времени требовали сооружение горна, выплавка железа из руд, разогревание кузнечного горна, ковка изделий и т. д. Все это требовало специализации труда. О выделении кузнечного производства в ремесло свидетельствуют и находки специализированных орудий производства, предназначенных для обработки железа [64]. Одним из важных центров в развитии черной металлургии и металлообработки Восточной Европы была лесостепь Днепро-Донского междуречья [65, с. 53]. Это подтверждают многочисленные следы в виде железистых шлаков, зафиксированные на многих поселениях, в том числе и в Полковой Никитовке, повсеместное распространение железных орудий труда, предметов вооружения, элементов конской упряжи, украшений. Орудия труда, производившиеся в раннем железном веке, без особых изменений сохраняются на протяжении многих веков. При ручной обработке железа и в настоящее время используются такие же типы кузнечных орудий, как и в далеком прошлом [64, с. 69]. Это говорит об их высоких рабочих качествах, являющихся результатом крупных технических достижений, которые, раз возникнув, способны удовлетворить потребности общества на протяжении длительного периода. Вопросы о времени появления обработки черных металлов, технологии изготовления различных типов изделий изучены и детально рассмотрены в работах Б. А. Шрамко [23; 63—67]. Раскопки на городище Полковая Никитовка дали интересные материалы, дополняющие сведения об уровне развития этого ремесла.

Как известно, обычное кричное железо не отличается большой твердостью. Для придания тех качеств, которые позволили ему занять ведущее место среди всех металлов и дать «ремесленнику орудия такой твердости и остроты, которым не мог противостоять ни один камень, ни один из других известных тогда металлов» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 163), требуется его науглероживание, один из способов которого — цементация заготовок или готовых изделий в специальных печах. Остатки такой печи открыты, как отмечалось выше, в Полковой Никитовке. Металлографические анализы железных предметов из Полковой Никитовки, среди которых топор, тесло, серпы, ножи, шилья, брас-

лет, булавки, игла, показали, что здесь изготавливались вещи, откованные из различных видов стали (кричной, малоуглеродистой и высокоуглеродистой); местные кузнецы владели кузнечной сваркой и приемом цементации изделий и заготовок, хотя значительная часть изделий (58,3%) выполнена еще целиком из кричного железа[2]. Гораздо более высокий уровень характеризует развитие металлургии на Бельском городище, где значительно выше процент стальных изделий; наряду с цементацией и кузнечной сваркой применяли наварку стального лезвия на железную основу [63, с. 39, 43], встречаются самозатачивающиеся лезвия со структурой сварного дамаска [66, с. 57]. Знали, видимо, и термическую обработку при помощи закалки [67, с. 146]. Столь высокий уровень металлообработки связан, надо полагать, с сосредоточием на Бельском городище, одном из крупнейших центров ремесла и торговли в лесостепной части Восточной Европы, большого количества мастеров, которые осваивали методы добычи и обработки железа, совершенствовали технологию. Полковая Никитовка была местным ремесленным центром. Во всяком случае, ее кузнецы обеспечивали население всеми необходимыми железными изделиями.

Обитатели Полковой Никитовки поддерживали связи с греческими государствами Северного Причерноморья, откуда поступала античная керамика, стеклянные бусы. Всего найдено пять бусин: желтая, обломок пастовой с белыми глазками (рис. 9, *15*) и три синие (рис. 9, *11—13*), в том числе округлая, свитая из жгута, с закраиной у отверстия (рис. 9, *11*) — тип 15, по Е. А. Алексеевой [68, с. 64, 65, табл. 33, *2*], существовавший с VI в. до н. э. на протяжении всей античной эпохи.

Среди привозной керамики свыше 350 фрагментов амфор. Большинство из них датируется VI и VI—V вв. до н. э.[3] Это хиосские, протофасосские, лесбосские и ионийские с широкими полосами, выполненными красной, бурой или черной красками (рис. 6, *3*, *4*). Интересен обломок горла амфоры, по венцу которого сделаны насечки. Многие фрагменты носят следы вторичного использования в качестве лощил. Часто встречаются стенки амфор с просверленными в них отверстиями для связывания.

Гораздо меньшую группу составляют фрагменты парадной чернолаковой посуды: стенки и донышки закрытых сосудов VI—V вв. до н. э., в том числе чернофигурных, ионийского килика второй половины VI в. до н. э., вазы типа фикелура второй половины VI в. до н. э. (рис. 6, *5—7*).

Весь комплекс находок как местного производства, так и импортных дает основание датировать городище у с. Полковая Никитовка VI—V вв. до н. э.

Анализ материалов, и прежде всего керамики, показывает близость исследованного памятника с Восточным Бельским (VII—III вв. до н. э.), Коломакским (VI—III вв. до н. э.) городищами и с раскопами II и III (VI—IV вв. до н. э.) Лихачевского поселения, а также с синхронными памятниками междуречья Днепра и Дона, тогда как материалы Западного Бельска, Пожарной Балки, Мачухи, Лихачевки (I, V—VII раскопы) тяготеют к правобережным комплексам. Это позволяет говорить о неоднородности населения бассейна Ворсклы, во всяком случае в VII—VI вв. до н. э. Племена, переселившиеся во второй половине VII в. до н. э. из днепровского Правобережья, заняли, по всей видимости, юго-западную часть лесостепного Поворсклья, преимущественно по правому берегу в среднем течении реки, а к северо-востоку были расселены местные племена. Пришлое население приняло, очевидно, участие в дальнейшем формировании местной культуры, но существенного влияния на этот процесс, как показывают памятники VI—V вв. до н. э., не оказало.

---

[2] Металлографические анализы железных изделий провел В. Д. Гопак.

[3] Определение античной керамики было произведено Н. А. Онайко.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ильинская В. А.* О происхождении культур раннежелезного века в лесостепном Левобережье//КСИА АН УССР. 1955. Вып. 4.
2. *Іллінська В. А.* Кургани скіфського часу Посульсько-Донецького Лісостепу//Археологія. 1962. Т. 14.
3. *Іллінська В. А.* Нові дані про пам'ятки доби бронзи в Лівобережному Лісостепу// Археологія. 1957. Т. 10.
4. *Ильинская В. А.* Керамика скифских погребений Посулья//Вопросы скифо-сарматской археологии. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
5. *Рудинський М. Я.* Археологічні збірки Полтавського музею. Збірник 1, присвячений 35-річчю музею. Полтава, 1928.
6. *Ковпаненко Г. Т.* Поселення періоду пізньої бронзи і раннього заліза поблизу Охтирки//Археологія. 1957. Т. 11.
7. *Ковпаненко Г Т.* Племена скіфського часу на Ворсклі. Київ: Наук. думка, 1967.
8. *Шрамко Б. А.* Походження племен раннього залізного віку на території лісостепового Лівобережжя України//Питання історії народів СРСР Вип. 14. Харьків, 1972.
9. *Шрамко Б. А.* Архаическая керамика Восточного укрепления Бельского городища и проблема происхождения его обитателей//АСГЭ. 1983. Вып. 23.
10. *Шрамко Б. А.* Некоторые итоги раскопок Бельского городища и гелоно-будинская проблема//СА. 1975. № 1.
11. *Шрамко Б. А.* Крепость скифской эпохи у с. Бельск — город Гелон//Скифский мир. Киев: Наук. думка, 1975.
12. *Шрамко Б. А.* Восточное укрепление Бельского городища//Скифские древности. Киев: Наук. думка, 1973.
13. *Радзиевская В. Е.* Работы на Коломакском городище//АО — 1982. М., 1984.
14. *Ляпушкин И. И.* Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа//МИА. 1961. № 104.
15. *Андриенко В. П.* Раскопки у с. Пожарная Балка//АО — 1979. М., 1980.
16. *Моруженко А. А.* Раскопки поселения у с. Лихачевка//АО — 1982. М., 1984.
17. *Багалей Д. И.* Объяснительный текст к Археологической карте Харьковской губернии//Тр. XII АС. Т. I. М., 1905.
18. *Фукс М.* Про городища скитської доби на Харківщині//Зап. Всеукраїнського археологічного комітету. 1930. Т. 1.
19. *Шрамко Б. А.* Отчет о работе скифо-славянской экспедиции Харьковского госуниверситета в 1961 г.//Архив ИА АН УССР. № 1961/24. Ф. э. 3696.
20. *Моруженко А. А.* Оборонительные сооружения городищ Поворсклья в скифскую эпоху//Скифский мир. Киев: Наук. думка, 1975.
21. *Моруженко А. А.* Раскопки городища Полковая Никитовка//АО — 1972. М., 1973.
22. *Шрамко Б. А.* Нові дані про господарство скіфської епохи//Вісн. ХДУ. 1966. № 17. Істор. сер. Вип. 1.
23. *Шрамко Б. А.* Металеві знаряддя виробництва лісостепової Скіфії (ножі)//Питання Історії народів СРСР. Вип. 1. Харків, 1965.
24. *Либеров П. Д.* Памятники скифского времени на Среднем Дону//САИ. 1965. Вып. Д1—31.
25. *Іллінська В. А.* Басівське городище//Археологія. 1965. Т. 18.
26. *Граков Б. Н.* Каменское городище на Днепре//МИА. 1954. № 36.
27. *Іллінська В. А.* Городище скіфського часу на р. Сеймі (за матеріалами досліджень 1950 р.)//Археологія. 1953. Т. 8.
28. *Шрамко Б. А.* Древности Северского Донца. Харков: Изд-во ХГУ, 1962.
29. *Либеров П. Д.* Памятники скифского времени бассейна Северного Донца//МИА. 1962. № 113.
30. *Пузикова А. И.* Марицкое городище в Посеймье. М.: Наука, 1981.
31. *Ильинская В. А.* Скифы днепровского лесостепного Левобережья. Киев: Наук. думка, 1968.
32. *Петровська Е. О.* Курган VI ст. до н. е. біля с. Малая Офірна на Київщині.//Археологія. 1968. Т. 21.
33. *Смирнова Г И.* Новое в изучении археологических памятников северо-западной Скифии//Культура Востока: Древность и раннее средневековье. Л.: Аврора, 1978.
34. *Шрамко Б. А.* К вопросу о технике земледелия у племен скифского времени в Восточной Европе//СА. 1961. № 1.
35. *Тереножкин А. И.* Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев: Изд-во АН УССР, 1961.
36. *Бобринский А. А.* Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т. II. СПб., 1894.
37. *Фабриціус І. В.* Тясминська експедиція//АП. 1949. Т. 2.
38. *Іллінська В. А.* Верхньосульська експедиція 1947 р.//АП. 1952. Т. 4.
39. *Шрамко Б. А.* Поселення скіфського часу біля ст. Шовкова//Археологія. 1964. Т. 16.
40. *Покровська Е. Ф.* Розкопки курганів V ст. до н. е. поблизу м. Шполи//Археологія. 1957. Т. 11.
41. *Ханенко Б. Н., Ханенко В. Н.* Древности Приднепровья. Вып. II. Киев, 1899.
42. *Шрамко Б. А.* К вопросу о значении культурно-хозяйственных особенностей степной и лесостепной Скифии//МИА. 1971. № 177.
43. *Фурманська А. І.* Ливарні форми з роскопок Ольвії//АП. 1958. Т. 7.
44. *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов//САИ. 1964. Вып. Д1-4.
45. *Петренко В. Г.* Украшения Скифии VII—III вв. до н. э.//САИ. 1978. Вып. Д4-5.

46. *Покровская Е. Ф.* Предскифское поселение у с. Жаботин//СА. 1973. № 4.
47 *Плетнева С. А.* От кочевий к городам//МИА. 1967. № 142.
48. *Радзиевская В. Е., Шрамко Б. А.* Раскопки в бассейнах Северного Донца и Ворсклы//АО — 1976. М., 1977.
49. *Рудинський М. Я.* Мачухська експедиція Інституту археології (1946)//АП. 1949. Т. 2.
50. *Грязнов М. П.* Так называемые оселки скифо-сарматского времени//Исследования по археологии СССР. Сб. статей в честь М. И. Артамонова. Л., 1961.
51. *Петренко В. Г.* Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э.//САИ. 1967. Вып. Д1-4.
52. *Яковенко Е. В.* Пастирське городище скіфського часу//Археологія. 1968. Т. 21.
53. *Городцов В. А.* Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губернии в 1906 г.//Тр. XIV АС. Т. III. М., 1911.
54. *Багалей Д. И.* Раскопка курганов в Валковском и Богодуховском уездах Харьковской губ.//Тр. XIII АС. Т. I. М., 1907.
55. *Ляпушкин И. И.* Поселение скифского времени близ дер. Пожарная Балка, Полтавской обл.//КСИИМК. 1951. Вып. 37.
56. *Ильинская А. В.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев: Наук. думка, 1975.
57. *Ковпаненко Г Т* Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. Киев: Наук. думка, 1981.
58. *Покровська Е. Ф., Петренко В. Г., Ковпаненко Г Т* Поселення VIII—VI ст. до н. е. поблизу села Хрещатик на Канівщині//Археологія. 1971. Вип. 2.
59. *Ильинская В. А.* Памятники скифского времени в бассейне р. Псла//СА. 1957. Т. 27.
60. *Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия VII—IV вв. до н. э. Киев: Наук. думка, 1983.
61. *Пузикова А. И.* Поселения Среднего Дона//МИА. 1969. № 151.
62. *Моруженко А. А., Янушевич З. В.* Новые данные о развитии земледельческого хозяйства на поселениях VII—III вв. до н. э. в бассейне Ворсклы//Проблемы археологии Поднепровья III—I тыс. до н. э. Вып. 1. Днепропетровск, 1984.
63. *Шрамко Б. А., Солнцев Л. А., Фомин Л. Д.* Техника обработки железа в лесостепной и степной Скифии//СА. 1963. № 4.
64. *Шрамко Б. А.* Орудия скифской эпохи для обработки железа//СА. 1969. № 3.
65. *Шрамко Б. А.* К истории развития древней металлургии и металлообработки железа//Вопросы истории естествознания и техники. Вып. 4(53). М.: Наука, 1976.
66. *Шрамко Б. А.* Господарство лісостепових племен на території України (VII—III ст. до н. е.)//УІЖ. 1971. № 1.
67. *Шрамко Б. А., Солнцев Л. А., Фомин Л. Д.* Новые исследования техники обработки железа в Скифии//СА. 1971. № 4.
68. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья//САИ. 1978. Вып. Г1-12.

A. A. Moruzhenko

ON THE EARLY IRON AGE SITES IN THE VORSKLA BASIN

Summary

The 1969—1974 finds at the village Polkovaya Nikitovka (Bogodukhov District, Kharkov Region) made by Donetsk University illustrate interesting production complexes of the local iron and bronze processing and a large-scale complex of the advanced landtilling-cattlebreeding economy, varied domestic crafts (pottery, cloth making, bone and some working) and trade with the world of antiquity. The settlement covers the span between the 4th and 5th centuries B. C.

An analysis of the finds (pottery in the first place) points to certain closeness with the Eastern Belsk and Kolomak settlements and the synchronous sites in the Dnieper and Don interfluve. The materials from Western Belsk, Pozharnaya Balka, Machkha and digs I, V-VII of Likhachevka are more close to the right-bank complexes. This points to heterogeneity (at least in the 7th-6th centuries B. C.) of the Vorskla population. It seems that the tribes which had moved here in the latter half of the 7th century B. C. from the right bank of the Dnieper settled the south — western part of the forest-steppe area of the Vorskla basin (mainly along the right bank in the middle reaches) while the indigenous population lived in the north-east. The newly arrived population, evidently, took part in shaping the local culture, though proved unable to considerably affect this process as is illustrated by the 6th-5th-century sites.

К. В. КАСПАРОВА

ОБ ОДНОМ ИЗ ВОЗМОЖНЫХ КОМПОНЕНТОВ ЗАРУБИНЕЦКОГО ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА

В сложной и далеко еще не решенной проблеме происхождения зарубинецкой культуры одной из важнейших задач является изучение погребального обряда. Известно, что специфический зарубинецкий обряд со всей совокупностью признаков нельзя вывести из какой-либо одной культуры. Нет ни предшествующих местных, ни соседних, ни территориально далеких культур, где бы в погребальном ритуале сочетались такие же признаки, в таких же соотношениях, как в зарубинецкой.

В литературе неоднократно рассматривались вопросы, связанные с выявлением генетических корней зарубинецкого обряда путем сопоставления некоторых его признаков по локальным зарубинецким вариантам с обрядом территориально сооответствующих предшествующих культур. Исследователи считают, что в среднеднепровском варианте сохранились некоторые погребальные традиции лесостепных культур позднескифского времени: помещение в могилу ритуальной мясной пищи, иногда остатков сгоревших деревянных плах, возможно, символизирующих древний местный обычай сжигания в могиле деревянного склепа; редкие трупоположения с ориентацией, идентичной позднескифским [1, с. 13, 39; 2, с. 101—104, 121—123]. В верхнеднепровском варианте возможным наследием милоградской культуры предполагают сочетание в обряде двух форм могильных ям, наличие в погребениях битой керамики [3, с. 53]. В полесских захоронениях выявлены черты, связанные с лужицко-поморско-подклешевой средой: имитация каменного ящика обломками сосуда поморского типа, урновый способ захоронения, покрытие урн мисками или частью сосуда — «клёша» [4, с. 289—300; 5, с. 56—59]. Вполне закономерно, что некоторые черты зарубинецкого обряда могут иметь местные корни. Однако рискованно окончательно утвердиться в этом предположении, поскольку упомянутые обрядовые признаки характерны не только для автохтонных предшествующих, но и для более широкого круга культур, в том числе и тех, которые тоже могли в той или иной мере принять участие в формировании зарубинецкой. Сейчас вряд ли кто-либо сомневается в присутствии элементов пришлого характера в зарубинецкой культуре. Так, не были ли привнесены и какие-то особенности погребального ритуала, в том числе и предположительно местные?

О роли юго-западных и северо-западных элементов в формировании зарубинецкой культуры нам уже приходилось говорить [6, с. 57—79; 7, с. 79—89]. Эти и другие многогранные связи зарубинецкой культуры отмечались исследователями, касавшимися самых различных ее аспектов, подкрепляя тем самым наши предположения [8, с. 398, прим. 42; 9, с. 36; 10, с. 213, 214]. Неоднократно подчеркивалось и значение поморско-подклешевой культуры в сложении зарубинецкой [4; 11, с. 205; 12, с. 3—9; 13, с. 258—263]. Приводились также аргументы в защиту местного субстрата [14, с. 13, 16, 157]. Однако пока убедительно не установлено, на чьей стороне в процессе формирования зарубинецкой культуры оказался перевес: сколь велика роль местного населения и каков вклад пришлого. Еще не раскрыт механизм этого процесса, и требуется при-

стальное изучение контактов зарубинецких племен наряду с разработкой других сторон проблемы. Поэтому мне представляется важным рассмотреть истоки зарубинецкого погребального обряда еще в одном из возможных аспектов.

Обратимся к культуре, чью роль в образовании и переформировании многочисленных археологических общностей Европы трудно переоценить,— к кельтской культуре. Общеизвестна значимость кельтско-латенского воздействия и на зарубинецкую культуру, возникшую в удаленной части восточной периферии кельтского мира в фазе Латена C_1, скорее всего в начале II в. до н. э. В предшествующий период, особенно в Латене В (LTB), кельты играли значительную роль в Северном Причерноморье и в Закарпатье. Они проникали в Поднестровье и, вероятно, в Поднепровье, где известны кельтские импорты, в том числе и кельтская керамика [1], не только LTB, но и фазы C_1.

Проникновение латенских элементов не могло ограничиться лишь сферой материальной культуры, они должны были сохраниться и в погребальных ритуалах, выразиться в конкретных их особенностях. Но прежде всего необходимо дать четкую характеристику зарубинецкого типа обряда. Он представляет собой совокупность следующих признаков.

1. Могильники грунтовые (плоские), расположены на берегах рек или вблизи них.

2. Погребения в древности имели наземные опознавательные сооружения (возможно, деревянные столбики).

3. Основной способ захоронения — по обряду кремации, совершаемой на стороне.

4. Редкие захоронения по обряду ингумации отдельных черепов в полесском и среднеднепровском вариантах [2].

5. Незначительный процент кенотафов.

6. На одном могильнике индивидуальные захоронения женщин, мужчин и детей; погребения взрослого с ребенком единичны.

7. Основной тип захоронения остатков кремации — безурновый; реже — урновый и урново-безурновый (отсутствующие в верхнеднепровском варианте).

8. Преобладание захоронений «чистых» остатков кремации в полесском и среднеднепровском вариантах и значительный процент с подсыпкой погребального костра в верхнеднепровском.

9. Сочетание нескольких видов размещения (укладки) в могилы безурнового типа остатков сожжения: а) линзовидные скопления (или компактные кучки) [3]; б) плоская россыпь остатков сожжения на дне ямы; в) укладка остатков сожжения в специальную ямку на дне могильной ямы; г) помещение остатков сожжения с инвентарем, стоящим сверху, в округлую яму, которую они занимают целиком; д) помещение остатков сожжения вперемешку с остатками погребального костра (изредка с инвентарем) в округлую яму; е) расположение остатков сожжения двумя-тремя кучками (россыпями); ж) выделение среди костей обломков черепа и конечностей («анатомический порядок») [4].

10. Сочетание могильных ям удлиненной и округлой форм с преобладанием первых; единично — квадратные.

11. Сочетание ям разных размеров с преобладанием средних длиной 0,8—1, диаметром 0,5—0,7, глубиной 0,5—0,8 м.

12. Соблюдение локальных закономерностей в ориентации удлиненных ям; в полесском и среднеднепровском вариантах преобладание на-

---

[1] Эти вопросы неоднократно рассматривались в литературе: см. [6; 7; 15; с. 12—30, 136—165; 16, с. 315—376; 17]; там же приведены ссылки на основные исследования.

[2] Принадлежность трупоположений к зарубинецкой культуре [14, с. 167] считаю весьма сомнительной ввиду отсутствия данных для их культурной атрибуции.

[3] Этот вид правильнее относить к варианту урновых или особому типу погребений, так как здесь остатки кремации помещались в упаковку из органического материала. Однако следуя принятой традиции в классификации зарубинецких погребений, пока лишь выделяем их среди остальных безурновых.

[4] Виды в—ж встречаются изредка.

правления по линии В—З с отклонениями, в верхнеднепровском — СЗ—ЮВ с отклонениями.

13. Преимущественно соблюдение локальных закономерностей в расположении остатков кремации и керамического инвентаря в противоположных сторонах могильной ямы.

14. Преимущественно отсутствие следов погребального костра на инвентаре.

15. Помещение в могилу напутственной мясной пищи, преимущественно в среднеднепровском варианте.

16. Единичные случаи помещения в могилы кусочков охры, камней сожженных костей животных и птиц.

17. Сочетание различных по составу инвентаря групп погребений наряду с безынвентарными.

18. Сопровождение погребений целыми сосудами, в том числе стандартным набором: горшок, миска, кружка в полесском и среднеднепровском вариантах; иногда присутствие обломков от разных сосудов, преимущественно в верхнеднепровском.

19. Среди сопровождающего инвентаря преобладание украшений (особенно фибул) над редкими орудиями труда и оружием.

Какие же из этих признаков могут иметь истоки в среде латенских культур, какие черты обряда являются общими для них и зарубинецкой?

Погребальный обряд кельтов рассматривать в целом очень сложно, ибо не существовало ни единого кельтского народа, ни монолитной кельтской культуры; не было и единообразного погребального обряда. Кельтские племена в процессе расселения ассимилировали местные, вобрав в той или иной мере их культуру, что привело к образованию локальных кельтских (латенских) регионов. Однако даже попытка поднять здесь эти вопросы уведет в сторону от выяснения наших задач. Поэтому ограничимся характеристикой обряда латенских культур «Восточной Кельтики» [15, с. 7—12 сл.; 16], территориально наиболее близких к зарубинецкому ареалу: Чехии, Моравии, Силезии и Карпато-Дунайского бассейна.

Для кельтов, начиная с фазы LTB, характерным становится обычай хоронить умерших на бескурганных могильниках, которые приходят на смену курганам. В топографии плоских могильников прослеживается тенденция расположения на склонах, у рек или других водных потоков [18, с. 130; 19, с. 192]. Как правило, на кельтских кладбищах совершались индивидуальные захоронения, но довольно часто встречаются двойные трупоположения: мужские и женские; женские и детские; двух воинов [20, с. 291; 21, с. 388]. Детских погребений очень мало, по крайней мере в Карпатской котловине,— всего 5%, по данным И. Буйны, который предполагает, что детей могли хоронить каким-то другим способом, неуловимым для археологии [22, с. 418, 419].

Могильники обычно биритуальные, в целом со значительным преобладанием обряда ингумации (около 70%), но с различным соотношением погребений с трупоположением и трупосожжением в локальных регионах. Кроме того, есть кладбища, где хоронили только по одному из этих обрядов, или с редкими исключениями для другого.

Единично на могильниках встречаются погребения черепов, связанные, вероятно, с культом головы, который был широко распространен у кельтов [23, с. 39, 40]. Редки и погребения-кенотафы [24, с. 37, 49, 95], за исключением, пожалуй, югославского могильника Карабурма, где их было около 30% [25, с. 18—41, 44] [5].

Представление о соотношении обрядов ингумации и кремации по различным регионам латенской культуры [6] дает табл. 1, из которой видно,

---

[5] Тодорович предполагает, что в некоторых из этих захоронений не сохранились остатки кремации ввиду полного сгорания умершего. Это представляется маловероятным, тем более что во многих карабурмских кенотафах находилось оружие и их как раз резонно считать могилами в честь погибших воинов.

[6] В настоящей работе не ставилась задача дать исчерпывающий анализ обряда. Цифры, приведенные в табл. 1, отражают количество погребений на основных извест-

Таблица 1

Соотношение обрядов ингумации и кремации в восточнолатенских регионах

Регион	Всего учтено погребений	Ингумация		Кремация	
		количество	%	количество	%
Северо-Западная Румыния	210	54	26	156	74
Центральная Румыния	115	8	7	107	93
Северо-Восточная Югославия	85	8	9,4	77	90,6
Северо-Западная Венгрия	80	44	55	36	45
Восточная Венгрия	75	49	65	26	35
Юго-Западная Венгрия и Северная Югославия	100	85	85	15	15
Восточная Словакия	28	4	15	24	85
Юго-Западная Словакия	533	438	82,2	95	17,8
Чехия	399	380	95	19	5
Моравия	505	414	82	91	18
Южная Польша	120	90	75	30	25

что наибольший процент погребений с кремациями приходится на Центральную Румынию, Северо-Восточную Югославию, Восточную Словакию и Северо-Западную Румынию. Особняком стоит еще один регион, не учтенный в табл. 1, где захоронения совершались только по обряду сожжения. Это латенско-фракийская группа памятников Падеа — Панагюрска Колония, возникшая в результате продвижения в фазе LTC_1 кельтов-скордисков с территории Северной Югославии на фракийские земли. Она делится на две части, из которых одна занимает Южную Румынию. Здесь отмечены плоские могильники, в основном с безурновыми погребениями, где остатки сожжения занимали большую яму или лежали в кучке рядом с инвентарем.

Во второй, североболгарской, группе преобладали небольшие курганчики, иногда с каменными кругами, насыпанными под трупосожжениями, совершенными на месте без могильной ямы, или над урнами. В обеих группах почти все погребения — мужчин-воинов. Инвентарь, в основном оружие и предметы уздечного набора, носит следы огня, а оружие еще и согнуто, сломано [15, с. 74—86, 135—138; 23, с. 102, 103].

Развитие погребального обряда латенской культуры происходило по линии вытеснения исконного кельтского обычая ингумации обрядом кремации, но практически оба ритуала в разных соотношениях сосуществовали на протяжении почти всей истории кельтов. Особенно долго обычай ингумации сохранялся в западных областях, а также Чехии, Моравии.

Обряд сжигания умерших появляется в LTB_1, в эпоху кельтской экспансии[7]. Однако, как правило, на многих восточнокельтских могильниках наиболее ранними оказываются трупоположения воинов-пришельцев и относящихся к этому сословию женщин.

Некоторые исследователи предполагают [20, с. 302—306], что появление обычая кремации у кельтов свидетельствует о влиянии автохтонного населения земель, захваченных ими в период экспансии, хотя достаточно аргументов и против этого мнения. Так, в Верхней Силезии на могильнике Кетж трупоположения кельтов расположены рядом с синхронными местными позднелужицкими сожжениями фазы LTB_1, в инвентаре которых выступают явные кельтские элементы. Несмотря на происходящий здесь процесс смешивания двух этнических групп, для кельтов-воинов использовался только обычай ингумации [26, с. 9—72] до конца существования могильника.

ных нам могильниках. Использованы данные по основным регионам Карпатского бассейна по работе И. Буйны [22, с. 314—431], с дополнениями по могильникам, не вошедшим в нее. Полагаем, что новые и неучтенные данные не изменят эти среднестатистические показатели.

[7] Отдельные трупосожжения встречаются и в LTA [16, с. 325].

Нижнесилезская группа кельтов, мигрировавшая из районов Чехии, также долго сохраняла традиции обряда трупоположения, и лишь на заключительном этапе (LTC_1—C_2) появляются редкие трупосожжения, в том числе и воинов [27, с. 41, 42, 60—63; 28, с. 209, 210]. То же самое наблюдается и на кельтских погребениях в Малопольше (Ивановице) [27, с. 107, 108]. Такой консерватизм в погребальных обычаях, по мнению исследователей, характерен для локальных групп, оторванных от центральных районов латенской культуры [27, с. 78, 79].

Ранние трупосожжения зафиксированы в Чехии, Моравии, Австрии, в Карпатской котловине [27, с. 60; 29, с. 36], особенно в ее восточных регионах. Например, на восточнословацком могильнике Ижковцы в его ранней фазе LTB_2/C_1 погребения воинов совершались не только по обряду трупоположения, но и по обряду кремации. Таким же способом их продолжали хоронить и позднее [22, с. 342, 343, табл. 3; 30, с. 151—186]. Аналогичная ситуация на могильнике Маня [21, с. 411—416].

Преобладание безурновых сожжений в латенских могильниках Трансильвании и Северо-Западной Румынии, по мнению В. Зирры [31, с. 47—56], скорее всего является результатом заимствований у местного населения, поскольку на исконных кельтских землях обряд кремации не имеет корней. А на Венгерской низменности, когда пришли кельты в конце IV в. до н. э., еще продолжала существовать смешанная иллиро-фракоскифская группа Сентеш-Векерзуг, в обряде которой сочетались ингумации и два типа захоронений останков кремации — безурновый и урновый. У других же автохтонных групп, соседних и местных, вошедших в контакт с кельтами-пришельцами, безурновый тип сожжения не применялся (даки прах хоронили в прикрытых урнах; у скифских племен Трансильвании в это время был принят обряд трупоположения). З. Возьняк, рассматривая обряд кремации у кельтов Трансильвании, не исключает возможности, что применение ими этого способа захоронения умерших может быть связано с влиянием группы Сентеш-Векерзуг, а также куштановицкой культуры, где он господствовал. Однако исследователь справедливо отмечает, что обряд сжигания центральноевропейским кельтам был известен еще до их вторжения в Трансильванию в фазе LTB_2, возможно даже в B_1 [15, с. 53—56]. Это, естественно, свидетельствует против первого предположения как единственного толкования возникновения обряда кремации у кельтов, но, вероятно, объясняет быстрое восприятие кельтами-пришельцами местных обычаев.

Убедительно мнение Б. Бенадика, считающего, что переход к обряду трупосожжения в каждой кельтской области имел свое историческое объяснение [32, с. 386]. В эту эпоху в погребальном ритуале происходили изменения в общеевропейском масштабе.

Отметим, что во всех латенских регионах рано появляются не только обряд кремации, но оба способа захоронения праха (безурновый и урновый), причем не только в тех областях, где последний можно расценивать как заимствование у местных племен (гето-даков в Румынии, иллирийцев в Югославии), но и в Чехии, Моравии, Юго-Западной Словакии.

На могильниках Карпатской котловины процент захоронений с трупосожжениями в целом начинает возрастать в конце фазы LTB_2. При этом углубляются различия в обряде между северо-западными областями и южными и восточными регионами. По исследованиям Й. Буйны [22, с. 339, 340], в Юго-Западной Словакии и Северо-Западной Венгрии в это время доминируют ингумации, а в регионах Северо-Западной Румынии уже более половины всех датированных погребений — кремации с преобладанием безурнового типа. Такая же ситуация в Северной Югославии; в Венгрии, в области восточнее Дуная, сожжения составляют одну треть погребений. В фазе C_{1a} уже повсюду доминируют сожжения. Наступает период наибольшей концентрации населения; в это время закладываются новые могильники. Но к концу фазы C_1 большинство их в рассматриваемых регионах перестает функционировать, кроме некрополей кельтов-скордисков, которые существуют до начала римского вре-

мени [33, с. 432; 34, с. 37, 58; 35, с. 112—114]. Незначительное количество погребений с сожжениями фазы C_2 отмечено в Северо-Западной Румынии [36, с. 178, 189]. Отдельные невыразительные трупосожжения с бедным инвентарем и случайные находки этого времени спорадически встречаются и в Словакии [37, с. 15—28; 38, с. 284, рис. 1, *10*; 39, с. 100; 40, с. 36, рис. 1; 41, с. 30, рис. 3].

В Карпатском бассейне, а также в Чехии, Моравии в фазе C_2 происходят изменения в кельтском погребальном ритуале — обряд захоронения становится неуловимым. В это же время интенсивно развиваются укрепленные центры поселений — оппиды, комплексы которых не дают соответствий в могильниках. Однако в Центральной Европе кельтские некрополи с трупосожжениями продолжают функционировать до конца позднего латена [42, с. 38—40; 43, с. 37—39; 44, с. 59, 72; 45, с. 26, 32, 79—81].

Обратимся к интересующим нас конкретным особенностям обряда кремации в восточнолатенских регионах, интенсивность которого приходится на фазу C_{1a}[8]. Нормой являлось сжигание умерших на стороне и захоронение праха без примеси остатков погребального костра; лишь изредка встречаются вкрапления угольков и золы среди обломков кальцинированных костей или рядом с ними [20, с. 290, 300; 24, с. 94, 116, 117; 46, с. 14, 16; 47, с. 176—184]. Встречаются два типа захоронений — безурновые и, реже урновые. Среди последних незначительный процент урн, прикрытых миской или камнем. Кроме того, имеются сведения о редких случаях урново-безурновых захоронений и о прикрывании остатков сожжения сосудом или его частью [20, с. 304, 376, 401; 30, с. 174; 48, с. 409, 410; 49, с. 187, 188; 50, с. 91, 128][9]. Для трупосожжений синхронно использовались две основные формы могильных ям: удлиненные (прямоугольные или овально-вытянутые) и, реже, округлые; иногда урны находились в подквадратных ямах[10]. Удлиненные принято трактовать как повторение формы, необходимой для трупосожжений. Они и ориентированы обычно одинаково.

Так, на могильнике Маня среди более 100 погребений из 17 сожжений в 14 ямы были ориентированы с севера на юг, как и подавляющее большинство ингумаций [46, с. 13—67]. На могильнике Холиаре, где представлен только обряд трупосожжения, 15 погребений — в ямах, вытянутых по линии С—Ю, 10 — в округлых [24, с. 88, 89].

Заметим, что латенские регионы различаются ориентацией трупоположений. В Чехии, Моравии нормой являлась ориентация скелета головой на север, что не исключало отклонений и обратных направлений [20, с. 292, 302—304; 50, с. 87; 51, с. 18—35; 52, с. 276—278; 53, с. 77, 78]. Примером последнего служит могильник Бучовице с 19 трупоположениями, ориентированными головой на восток [20, с. 396]. В основной части Карпатской котловины и особенно в Юго-Западной Словакии преобладала южная ориентация [21, с. 388, рис. 4; 24, с. 116, 117; 32, с. 345; 46, рис. 4, *15*; 54, с. 457—469]. Особняком стоит восточнословацкий регион, представленный могильником Ижковцы, где в редких трупоположениях костяки обращены головой на восток и почти все вытянутые ямы с сожжениями имеют широтную ориентацию [30, с. 172—174]. В единственном трупосожжении из Кралевского Хлмца того же региона овальная яма вытянута по линии ВСВ—ЗЮЗ [55, с. 390, рис. 1].

---

[8] К этому времени, скорее всего к периоду, соответствующему подфазе $C_{1в}$, по хронологии, предложенной Й. Буйной для Карпатской котловины [22, рис. 4], относится начало зарубинецких могильников [17, с. 114, 115].

[9] Провести подсчет соотношений двух типов по всем регионам не представлялось возможным, так как в публикациях не всегда указан тип погребения. В Карпатском бассейне среди трупосожжений, проанализированных Й. Буйной, урновых — 14,2% [22, с. 348, табл. 4]; в Северной Югославии урны составляют около 40% [25, с. 10—42]; то же в Моравии [50, с. 88]; в Чехии нам известно всего около 10 [20, с. 304].

[10] Цифровые соотношения ям разных форм привести невозможно ввиду отсутствия данных во многих публикациях.

В Северо-Западной Румынии костяки чаще ориентированы на север, северо-восток, запад и северо-запад, хотя встречаются и другие направления [49, с. 187; 56, с. 8]. Такая же нестабильность ориентации в венгерских могильниках [47, с. 176—184; 57, с. 149; 150; 58, с. 178—198].

На севере Югославии костяки обращены головой преимущественно на запад, но отклонения и здесь очень часты [25, с. 42—46; 59, с. 16—18]. В тех районах, где трупоположения имеют нестабильную ориентацию и преобладают трупосожжения, для последних чаще используются ямы округлой и неправильной формы.

Кроме основных региональных различий в ориентации ям на каждом могильнике действовали собственные нормы со своими отклонениями от них [20, с. 15; 60, с. 388].

Размеры могильных ям разнообразны вне зависимости от региона, они варьируют в каждом крупном могильнике. Для трупоположений преобладали большие и глубокие (длиной более 2 м и около 2 м глубиной), хотя встречаются и совсем небольшие (в том числе детские). В среднем размеры ям взрослых 1×2 м при глубине 1—1,4 м. В трупосожжениях ямы меньше, но удлиненные часто не уступают средним параметрам ям с костяками. Округлые, котловидные в профиле, достигают 1,5 м в диаметре, но чаще 0,6—0,8 м при глубине 0,4—0,9 м. Детские сожжения и урновые погребения совершались в ямах меньших размеров.

Существовала определенная зависимость между размерами, сложностью устройства ям и богатством инвентаря. Здесь отражалась социальная дифференциация кельтского общества. О высоком положении умершего, о его принадлежности к сословию воинов свидетельствовал не только богатый состав инвентаря, но и устройство ровика вокруг могилы, деревянная или каменная обкладка ямы, ее глубина и обширность[11] [24, с. 83—98, 116; 53, с. 73—81; 61, с. 22—25].

Отмечено также, что погребения с трупоположением более глубокие, чем кремации, а среди последних урновые глубже ямных [20, с. 401; 50, с. 87—89; 24, с. 19, 27, 30, 74, 117; 56, с. 120—125]. Эти детали обряда убедительно прослеживаются по могильнику Маня, полностью раскопанному и прекрасно опубликованному [21, 46].

К концу существования плоских латенских могильников значительно чаще появляются погребения в небольших, мелких ямах нечетких форм, что исследователи специально отмечают, считая их предвестниками перелома в обряде, наступившего к началу позднелатенского времени [39, с. 100].

К числу важных признаков погребального ритуала, выделенных нами при анализе зарубинецкого обряда, относится способ укладки остатков кремации в могилах безурнового типа. К сожалению, не во всех описаниях погребений (и не только кельтских) эта деталь обряда отмечается. Ю. Медуна [50, с. 91] выделяет четыре варианта размещения в ямах праха и сопровождающего инвентаря, упоминая при этом и о способе укладки пережженных костей: a) остатки сожжения прикрыты обломками сосуда; b) остатки сожжения, обломки сосудов и остальной инвентарь в беспорядке находятся в яме; c) остатки сожжения сложены в кучку в яме и около них стоят неповрежденные сосуды; d) остатки сожжения лежат в кучке, и среди них металлические вещи, керамики совсем нет. Указания на те или иные способы помещения остатков кремации имеются и в других работах [15, с. 52; 20, с. 304—306; 21, с. 339, 400, 421; 24, с. 83—98, 114; 30, с. 152—174; 48, с. 409, 410; 49, с. 187—198; 56, с. 120—125; 62, с. 129, 130], однако нигде они специально не классифицированы. Полагаем, что данных достаточно для выделения в кельтском обряде сожжения двух основных видов укладки

[11] В данном контексте нет необходимости рассматривать эти особенности устройства кельтских могил, явно ненужные для сравнительного анализа в интересующем нас плане.

пережженных костей: 1 — компактной кучкой на дне ямы[12]; 2 — россыпью, чаще по центральной части дна ямы. Зафиксированы случаи сочетания обоих видов в одном захоронении. Третий вид (известный в зарубинецком обряде), когда косточки сложены в ямку, вырытую в дне могильной ямы, встречается в кельтских погребениях крайне редко [24, с. 11—39, 139]. Иногда в урновых погребениях остатки кремации размещались в так называемом «анатомическом порядке»: кости черепа сверху, а конечностей внизу [24, с. 74—83].

Во взаимном расположении в могилах остатков кремации и сопровождающего инвентаря твердых закономерностей не установлено[13]. Но некоторые региональные отличия и особенности отдельных могильников прослеживаются.

В словацком могильнике Маня [21, с. 383—422; 46, с. 13—72, рис. 4—15] для трупосожжений (их около 12%) использовались почти такие же длинные прямоугольные могильные ямы, как и для трупоположений. В одной трети погребений остатки сожжения располагались в южной стороне ямы (и почти все скелеты здесь обращены головой на юг), в остальных кости находились в средней или северной частях ямы; чаще применялся первый вид укладки костей; реже — второй вид. Сосуды обычно ставились по длинной оси ямы, как в трупоположениях. В других могильниках этого региона чаще всего остатки сожжения и инвентарь не имели строго определенного местоположения в могильных ямах [24, с. 89—98 сл.].

В связи с этой чертой обряда интерес представляет восточнословацкий могильник Ижковцы. В отличие от юго-западных регионов здесь трупосожжения составляли 85%. Размеры ям меньше, большинство ям овальные; другая и ориентация могил: за небольшим исключением, они вытянуты по линии В—З (редкие здесь костяки ориентированы на восток). В 1/3 удлиненных ям остатки кремации и сосуды занимали противоположные стороны, причем прах лежал чаще в западной. В остальных ямах кости и инвентарь сосредоточены в средней части [30, рис. 4, 23, 29, 36, 39, 42, 46]. Преобладал второй вид укладки, реже, первый, а иногда остатки кремации покрывались сосудом. Среди костей и рядом с ними помещались украшения и оружие. Здесь, как и в других кельтских могильниках, остатки кремации воинов покрывались щитом, повторяя ритуал захоронения в обряде ингумации [20, рис. 84; 30, рис. 26; 46, рис. 5—7]. В погребении из Кралевского Хлмца неплотная кучка костей занимала северо-западную часть ямы, а по длинной ее оси с востока — северо-востока на запад — юго-запад располагался инвентарь [55].

В могильниках Центральной и Северо-Западной Румынии, где в целом преобладают трупосожжения, закономерностей в расположении остатков кремации и инвентаря не наблюдалось. Так, в Апахиде (100% сожжений) пережженные кости в виде россыпи размещались в самых различных частях овальных и округлых ям; в трех погребениях прах лежал кучкой. На костях или рядом находился инвентарь [62, с. 129—140, рис. 4—8]. В Чиумешти (80% сожжений) в ямах нечеткой формы, округлых, вытянуто-овальных, иногда подквадратных, размером в среднем 0,9×1,2 м, остатки кремации и инвентарь только иногда занимали противоположные стороны [15, с. 52; 31, с. 48; 56, с. 14, 120—124]. В Пишкольте при сочетании двух видов укладки, с преобладанием первого, инвентарь помещался вокруг костей или в стороне от них [49, с. 188].

В моравских могильниках встречались различные вариации взаиморасположения остатков пережженных костей и сопровождающего инвентаря: они находились в беспорядке в могильной яме или последний

---

[12] Отнесение таких захоронений к типу безурновых условно (см. прим. 3). Правильно выделять их в особый тип [9, с. 15; 63, с. 65, 66; 64, с. 143, 144, 172, 173; 65, с. 74—76].

[13] Выделение этого признака затруднено, так как исследователи далеко не всегда его отмечают; часто в публикациях отсутствуют и графические схемы погребений.

около кучки костей; с любой стороны стояли сосуды; иногда металлические вещи лежали среди кучки костей [50, с. 91]. Не удается уточнить, имелись ли какие-то твердые правила в этой особенности обряда в редких безурновых сожжениях Чехии [20, с. 303—305, 321, рис. 95; 19, с. 197, рис. 2].

Не соблюдались определенные нормы в размещении инвентаря и остатков сожжения ни в венгерских, ни в югославских могильниках. Чаще отмечено, что керамика и кости лежали в различных частях могилы, иногда в противоположных [25, с. 10, 42—46; 27, с. 176—184, рис. 2—5, 13; 58, с. 148—150].

Таким образом, судя по имеющимся данным, можно предполагать, что в биритуальных могильниках с преобладанием трупоположений длинные ямы использовались чаще и для трупосожжений. Здесь и при размещении инвентаря тоже чаще повторялись нормы, принятые в обряде ингумации. В могильниках с незначительным процентом ингумаций или без них трупосожжения совершались обычно в овальных и округлых ямах, остатки кремации и инвентарь располагались по-разному. Но почти на каждом могильнике имелись трупосожжения, где кости и сосуды занимали противоположные стороны могильной ямы.

Для кельтского погребального обряда весьма характерен обычай сопровождения умерших богатым инвентарем: сосудами, набором разнообразных украшений. Особенно отличались богатством погребения мужчин-воинов и женщин, принадлежащих к этому сословию. Погребения с оружием на могильниках составляли в среднем 20—25% [20, с. 311], со значительными колебаниями на разных памятниках, что в основном связывается с их хронологической позицией [48, с. 411, 412]. Воинов часто хоронили со стандартным набором оружия: меч, копье, щит, иногда нож-секач [14]. В трупосожжениях обоих типов встречается намеренно согнутое или сломанное оружие. Для трупоположений, насколько нам известно, этот обычай не характерен [27, с. 107, прим. 11] [15] Имеющиеся у нас данные о ритуале намеренной порчи оружия еще раз подтверждают региональные различия в погребальном обряде населения «Восточной Кельтики». Так, в Юго-Западной Словакии, Моравии, Чехии, где обряд ингумации преобладает, закономерен и небольшой процент погребений с поврежденным оружием [20, с. 335; 21; 24; 48; 67]. И все же на некоторых могильниках они составляют половину от немногих трупосожжений с оружием (Холиаре, Понетовице [24, с. 141, 142; 50, с. 129—133]). А в восточнословацком могильнике Ижковцы, с высоким процентом кремаций и при 40,7% погребений с оружием, согнутые мечи были только в двух сожжениях [30]. В Северо-Западной Румынии, и особенно в Семиградье, обряд кремации господствовал, но среди многочисленных захоронений воинов преобладают сожжения с целым оружием [15, с. 44, 45, 51—55, рис. 3].

Другая картина в Северо-Восточной Югославии, где также преобладал обычай кремации и много воинских могил [59, с. 18]. В Карабурме последние составляют 42,6%, и половина (сожжения и один кенотаф) — с согнутыми и сломанными мечами [25, с. 11—44, 71]. Ритуал порчи оружия типичен и для других латенских могильников Славонии и Срема [68, табл. V, *1*, *2*; XI, *5—8*; XII, *5—9*; XIII, *11*; XVIII, *1—4* и др.]. Этот обычай получил широкое распространение и в группе Падеа-Панагюрска Колония, особенно в Олтении, связанной происхождением с упомянутым югославским регионом [15, с. 74—86].

Для затронутого вопроса определенный интерес представляют кельтские могильники в Польше с преобладающим обрядом ингумации и высоким процентом погребений с оружием [27, с. 79]. В биритуальном могильнике Кетж только трупоположения сопровождались оружием, и

---

[14] В погребениях воинов в могильниках Восточной Венгрии, Западной и Центральной Румынии, кроме того, встречались металлические части боевых повозок [15, с. 53; 20, с. 250—266, 271; 66].

[15] К числу исключений принадлежит известное раннелатенское погребение из Шопрона (Венгрия) с согнутым мечом [16, с. 325].

оно не было согнуто [26]. То же наблюдается во вроцлавской группе, в Собоциско, где применялся только обряд ингумации. А в Гловнине, где половина погребений с сожжениями, в двух из них фазы C_1/C_2 мечи согнуты. Аналогичная картина в двух погребениях того же времени из Ивановиц [27, с. 41, 42, 60—63, 107, 108].

Хронологическая позиция рассмотренной черты обряда однозначна во всех кельто-латенских регионах: она характерна для периода доминирования обычая кремации умерших, т. е. для LTC_1 [22, с. 342—344, 406—409; 50].

В связи с ритуалом сопровождения погребенных сосудами отметим, что их появление в числе даров становится чаще по мере развития культуры, а кроме того, помещение в могилу трех-четырех и более экземпляров характернее для восточных кельтских регионов, особенно Карпатской котловины [15, с. 54, 55; 20, с. 298, 299; 27, с. 76, прим. 110]. Подчеркнем еще одну деталь: в кельтских могилах кроме целых сосудов довольно часто встречаются и обломки от разных, нереконструируемых сосудов, разбитых при совершении погребения [24, с. 94, 108; 30, погр. 11, 23, 24 и др.; 46, погр. 6, 13, 15, 23, 32 и др.].

Встречается и металлический инвентарь, особенно оружие со следами пребывания на погребальном костре; иногда вторичным обжигом затронуты и сосуды (например, в Ижковцах в 22% сожжений) [30, 50, 55].

По составу сопровождающего инвентаря погребения разделяются на несколько групп — от очень богатых до безынвентарных. Исследователи выделяют пять социальных групп населения [20, с. 306—311; 22, с. 319—431].

На последнем этапе развития латенских могильников, в конце LTC_1, обычай богатых приношений постепенно затухает, успев, однако, перейти на территорию, где до тех пор он не был распространен, к племенам, попавшим под воздействие кельтской культуры [23, с. 114, 115].

Важной чертой в латенском погребальном ритуале является сопровождение умершего напутственной пищей — частью туши или куском мяса, чаще свиньи или кабана, иногда рогатого скота, реже диких животных и птиц. Культ кабана, как известно, играл большую роль в кельтских верованиях [20, с. 299, 300]. Кости животных находились в любой части могильной ямы, чаще около сосудов, иногда в мисках. В могильнике Маня кости свиньи (изредка птиц) присутствовали почти в 50% погребений, в том числе в большинстве трупосожжений. Куском мяса сопровождались как бедные инвентарем погребения, так и богатые, равным образом мужские, женские и детские [21, с. 403, 404; 46, с. 13—67]. Примерно такая же картина в других словацких могильниках, в венгерских и румынских [15, с. 54; 24, с. 302—306; 49; 57, с. 148]. В Апахиде кости животных, иногда птиц, присутствовали почти в каждом погребении [62].

Однако в некоторых латенских регионах в трупосожжениях этот обычай наблюдался реже. В Ижковцах из 27 погребений только в одном сожжении обнаружены зубы животного [30, с. 154]. Не было костей и в Кралевском Хлмце того же региона [55]. В Моравии кости животных встречены лишь в четырех кремациях [50, с. 91], а в погребениях с трупоположениями значительно чаще (в Маломержеце-Брно 28%). Примерно такая же ситуация наблюдается в Чехии [20, с. 300, 400; 24, с. 303]. Кости животных сопровождали также кельтские погребения Силезии [26; 27, с. 41, 82; 69, табл. 7]. Эта черта обряда характерна и для группы Падеа-Панагюрска Колония [15, с. 84].

Погребения кельтов-скордисков, судя по могильнику Карабурма, не сопровождались костями животных, но они встречались в культовых ямах на могильнике вместе с фрагментами керамики, золой, углем.

Среди мелких деталей обряда можно отметить редкие случаи присутствия в могилах кусочков охры; чаще встречались камни, как отдельные, так и в виде ограды погребений [20, с. 298—304]. Однако последнее относится уже к конструктивным деталям устройства погребений, рассматривать которые здесь нет необходимости.

На этом, пожалуй, исчерпывается характеристика основных особенностей кельто-латенского погребального обряда для указанных выше регионов в пределах поставленной задачи, а именно выявление тех признаков обрядности, которые можно сопоставить с обрядом зарубинецкой культуры. Поэтому не рассматривались многие детали обряда трупоположения, особенно воинских и «княжеских» погребений, ибо очевидно, что специфические для них черты в зарубинецком обряде отсутствуют. Тем не менее остановиться на обоих способах захоронения было необходимо, поскольку их связывают общие признаки, иногда переходящие от одного обряда к другому.

Итак, основные черты погребального обряда латенской культуры «Восточной Кельтики» в целом в период LTB и C — это плоские могильники с преобладанием биритуальных, с преимущественно индивидуальными захоронениями по обряду ингумации мужчин, женщин, детей и редкими двойными; редкие кенотафы и единичные погребения черепов; отсутствие нарушенных погребений — свидетельство наличия в древности внешних обозначений могил. Основные признаки обряда кремации сводятся к следующему.

1. Кремирование на стороне.
2. Постепенное увеличение трупосожжений, доминирующих в фазе C_1.
3. Преобладание трупосожжений в восточных регионах (Восточная Словакия, Северо-Западная и Центральная Румыния, а также Олтения и Северо-Восточная Югославия.
4. Сочетание урнового и безурнового типов погребений с преобладанием второго.
5. Преобладание «чистых» захоронений над редкими с остатками костра.
6. Сочетание двух видов укладки остатков кремации в могильной яме безурновых погребений: а) компактной кучкой; б) плоской россыпью; изредка укладка праха в «анатомическом порядке» в урновых и единично в безурновых могилах; изредка укладка в две-три кучки.
7. Сочетание двух форм могильных ям — удлиненных и округлых, с преобладанием первых в регионах и на могильниках, где преобладает обряд ингумации.
8. Сочетание ям разных размеров и глубины: удлиненные, в среднем 1,5×1,0 м, часто до 2 м, глубиной около 1 м; округлые — 0,5—1,0, глубиной 0,5—0,8; урновые погребения обычно глубже безурновых.
9. Региональные различия — в основных направлениях удлиненных ям, повторяющих ориентацию трупоположений.
10. Во взаимном расположении остатков сожжения и инвентаря отсутствие строгих норм; чаще прах и инвентарь в средней части ямы; на некоторых могильниках тенденция к противоположному размещению праха и инвентаря с сосудами.
11. В погребениях воинов преимущественно соблюдение обычаев накрывания щитом и ритуальной порчи оружия.
12. Преимущественно соблюдение обычая сопровождения умершего мясной пищей.
13. Дифференциация погребений по составу инвентаря.
14. Сопровождение умерших целыми сосудами; часто дополнительно черепками разных сосудов.
15. В вещевом инвентаре преобладание украшений, принадлежностей одежды и оружие над редкими орудиями труда.
16. Преимущественно помещение в могилу сосудов без следов вторичного обжига в отличие от предметов личного убора и оружия, обычно сопровождавших умерших при кремации.

В табл. 2 сведены основные признаки обряда кремации десяти латенских регионов[16] и трех вариантов зарубинецкой культуры. Сравни-

[16] Для Карпатской котловины принято региональное членение И. Буйны [22], за исключением регионов C и D, объединенных ввиду близости основных признаков обряда кремации. Отсутствие точных данных о многих признаках не позволяет нам провести цифровые сопоставления. Полагаем, что предложенные приблизительные показатели в целом правильно отражают ситуацию.

Таблица 2

Сопоставление признаков погребального обряда зарубинецкой и латенских культур

Культура, вариант, регион	Способ захоронения				Признаки обряда трупосожжения																			
					тип трупосожжения						остатки кремации без примеси костра	остатки кремации с остатками костра					кенотаф с остатками костра	укладка остатков кремации в ямах безурновых погребений						укладка остатков кремации в «анатомическом» порядке
												безурновые			урновые									
	кремация	ингумация	захоронение черепа	кенотаф	безурновый	урновый	урна открыта	урна закрыта	урново-безурновый	прах накрыт сосудом		перемешаны	в виде вкраплений	в виде поленьев	в урне	рядом с урной		«кучка»	«россыпь»	в специальной яме	заполняя всю яму	вперемешку с остатками костра	в 2—3 кучках, россыпях	
Варианты зарубинецкой культуры																								
Полесский	З	—	Е	Р	З	Р	П	Ч	Е	—	З	Ч	Ч	Е	Е	Р	Е	П	Ч	Р	Е	Р	Е	Р
Среднеднепровский	З	Е	Е	Р	З	Р	Р	Е	Е	—	З	Р	П	Р	—	—	Е	Ч	П	Е	Е	—	Р	Ч
Верхнеднепровский	Т	—	—	Р	Т	—	—	—	—	—	П	О	Ч	Е	—	—	Е	Р	П	┼	┼	Ч	Е	Е
Регионы латенской культуры																								
Восточная Словакия	З	Р	—	—	Т	—	—	—	—	Е	З	—	Р	—	—	—	—	Ч	П	—	—	—	Е	
Северо-Западная Румыния	З	Ч	┼	┼	З	Р	П	Е	Е	Е	З	—	┼	Е	Е	Е	—	П	Ч	├	—	—	Е	
Центральная Румыния	З	Р		┼	З	Е	П	┼			З	—	┼	┼	Е			П	Ч			—		
Северо-Восточная Югославия	З	Р	—	Ч	П	О	П	Ч	Е	Е	З	—	Ч	Е	Ч	├	Р	Ч	Ч	—		—		
Северо-Западная и Восточная Венгрия	О	П		Е	З	Ч	Ч	Р	┼		З	—	Р		Е	Е	Е	┼	┼					┼
Юго-Западная Венгрия и Северная Югославия	Р	З	—	┼	П	Р	Ч	┼			З	—	┼		Е			┼	┼					┼
Юго-Западная Словакия	Р	З	Е	Р	З	Ч	П	Е	┼	Е	З	—	Р	—	Е	├	Е	П	Ч	Е	Е		Е	Е
Чехия	Р	З	┼	┼	З	Ч	П	Е		┼	З	—	Е		┼	┼		┼	Ч					┼
Моравия	Р	З	┼	┼	П	О	П	О	Е	Е	З	—	Р	—	Е	Е		П	Ч		┼	—	├	Е
Южная Польша (Силезия)	Ч	П	—	┼	Ч	П	П	Ч	—	—	З	—	┼		┼			├	П	—		—	—	—

Примечание. *Т* — только этот признак; *З* — признак преобладает значительно (70—99% погребений); *П* — признак преобладает (50—69% погребений); *О* — признак встречается очень часто (35—49% погребений); *Ч* — признак встречается часто (20—34% погребений); *Р* — признак встречается редко (5—19% погребений); *Е* — признак встречается единично (до 5% погребений); ┼ — признак есть; — — признака нет. Пустая клетка — нет сведений; стрелка указывает преобладающую ориентировку трупоположений в данном регионе.

Таблица 2 (окончание)

Культура, вариант, регион	Признаки обряда трупосожжения													Инвентарь (основные категории)														
	форма могильных ям			основные ориентировки могильных ям				расположение в яме праха и сосудов			кости животных не сожженные	следы погребального костра		целые сосуды	черепки битых сосудов	набор: горшок, миска, кружка	украшения и предметы одежды								орудия труда	оружие в сожжениях	
	удлиненные	округлые	квадратные	В — З	СВ — ЮЗ	СЗ — ЮВ	С — Ю	в противоположных сторонах	в середине ямы	сосуды вдоль — прах в середине		на сосудах	на вещах				фибулы	булавки	браслеты	кольца	бусы	гривны	подвески	пояса, пряжки		целое	ритуально испорчено
Варианты зарубинецкой культуры																												
Полесский	П	О	Е	П	Ч	Р	Е	П	Ч	—	Е	Е	Р	З	Е	Ч	П	Ч	Р	Ч	Р	—	Ч	Е	Е	Е	—
Среднеднепровский	П	Ч	Е	З	Р	Р	Р	З	Р	—	П	Е	Р	З	Е	Ч	З	Е	Е	Е	Е	—	Е	Е	Е	Е	—
Верхнеднепровский	З	Ч	—	Е	Е	П	Р	З	Р	—	Е	Е	П	П	О	—	П	Е	Ч	Е	Р		Е	Е	Ч	Р	—
Регионы латенской культуры																												
Восточная Словакия	Ч	Ч		З		—	Е	Ч	Ч	Е	Е	Ч	Ч	З	Ч	—	П		О	Е	—			О	Р	Ч	Р
Северо-Западная Румыния	Ч	З	+	—	+	+	+	+	П	—	П	Р	Ч	З	Ч	—	П		О	Е	Р	Ч	Р	О	Р	П	Ч
Центральная Румыния	Ч	П		—	—	—	—	+	П		З	Р	Ч	З	Ч	—	П		О	Р	Е	Ч	Р	Ч	Р	П	Ч
Северо-Восточная Югославия	+	+	+	+	—	—	—		П			—	Ч	З	—		П		О	Ч	Е	О	Р	Ч	Р	Р	З
Северо-Западная и Восточная Венгрия	Ч	О	Е	+	—	—	—	—	—	Ч	П	—	—	З	+		П		О	Ч	Е	О	Р	Ч	+	Р	Ч
Юго-Западная Венгрия и Северная Югославия	+	+		—	+	+	+	+	Ч	—	—		Ч	З	+		П		Ч	Р	+	О	Р	Ч	Р	Р	Ч
Юго-Западная Словакия	П	Ч	Е	Е	Е	Е	З	Ч	Ч	Ч	П	Ч	Ч	З	Е	—	П	—	О	Р	Р	О	Р	Ч	Р	Р	П
Чехия	П	Ч		Е	Е	Е	З		+	+	Ч	+	Ч	З	Е	—	П	—	О	Р	+	Ч	Р	Ч	+	Р	Ч
Моравия	П	Ч	Е	Е	Е	Е	З	+	+	+	Р	Е	Ч	З	Р	—	П	—	О	Р	Р	Ч	Р	Ч	Р	Ч	О
Южная Польша (Силезия)	Р	Р	—	—	+	—	+	—	+	—	Р		Ч	З	+	—	П	—	О	Р	Р	Ч	Р	Ч	Р	+	Ч

тельный анализ показывает совпадение большинства признаков. Однако выделить признаки, встречаемые только в латенских культурах и только в зарубинецкой, невозможно: многие из них (способ захоронения — кремация, типы погребений, обычай очищать прах от следов погребального костра или присутствие последних и некоторые другие) характерны и для других европейских культур «полей погребений». Именно это и затрудняет выяснение истоков зарубинецкого обряда. В этой связи очень важно сопоставить мелкие особенности ритуала, создающие его специфику. Полагаем также, что наличие совокупности общих признаков обряда для обеих сравниваемых культур позволит не без основания считать, что это явление носит неслучайный характер. Посмотрим, имеется ли такой комплекс признаков, а также какие конкретные культурные регионы имеют наиболее тесные связи. Во-первых, надо отметить, что обряд кремации — почти единственный способ погребения у зарубинцев (кроме единичных черепов и редких кенотафов), преобладает над ингумацией и на значительной части восточнолатенской области — в ее восточных регионах: в Северо-Восточной Югославии, почти во всей Румынии и в Восточной Словакии. Как и для зарубинецкой культуры, более характерен безурновый тип трупосожжений. Довольно много урн в Северо-Восточной Югославии и Моравии. Высокий процент урновых захоронений в Силезии за счет специфического (кельто-лужицкого) могильника Кетж. Преобладают урны открытые, но встречаются и закрытые, чаще миской. Предполагалось, что погребения отдельных черепов в зарубинецком обряде черта кельтская, однако на латенских могильниках они встречаются очень редко. Отмечены два вида размещения остатков кремации в безурновых погребениях: в виде россыпи на дне ямы и плотной кучкой. И тот и другой вид характерен и для зарубинецкого обряда [17], где они четко фиксированы в Полесье и на Среднем Поднепровье.

Совершенно определенно в латенском и зарубинецком обрядах сочетались три формы ям: удлиненные (прямоугольные и овальные), округлые и, редко, квадратные. Наблюдается преобладание ям округлой формы в восточных латенских регионах по сравнению с западными. По этому признаку последние как будто ближе зарубинецким, особенно Верхнеднепровского региона, но размеры зарубинецких ям значительно меньше латенских. В зарубинецкой культуре, где нет трупоположений, традиция длинных ям постепенно исчезает. Замечено также, что в восточных регионах среди удлиненных ям больше овальных, чем длинных, и размеры их меньше по сравнению с таковыми в западных регионах. Это тоже приближает восточнолатенские регионы к зарубинецким, где четкие прямоугольные ямы единичны.

Если в зарубинецком обряде ориентация могильных ям — один из четких признаков обряда, то о латенских трупосожжениях этого сказать нельзя. В большинстве регионов, где этот обряд преобладает (Румыния, Венгрия, Югославия), немногие удлиненные ямы ориентированы по-разному. Исключением является восточнословацкий регион с ямами, вытянутыми аналогично зарубинецким в Полесье и на Среднем Днепре. А в западных регионах преобладает меридиональная ориентация, не свойственная зарубинецкому обряду.

С твердыми традициями в ориентации могильных ям в зарубинецком обряде связана еще одна специфическая черта, не имеющая точных аналогий в других культурах,— норма в размещении праха и погребальных приношений (сосудов) преимущественно в противоположных сторонах удлиненной ямы (иногда такая же зависимость — в округлых ямах). Для латенского обряда этот признак нетипичен (и очень редко указывается в описаниях), но почти на каждом могильнике имеются погребения с такой особенностью. Например, в Ижковцах такая тен-

---

[17] Для латенских регионов показатели этого признака в табл. 2 в значительной мере условны.

денция явно существовала, однако наравне с погребениями, где остатки кремации и инвентарь располагались в середине ямы.

Для всех латенских регионов характерны «чистые» погребения, но почти на каждом могильнике, как и в зарубинецкой культуре, есть захоронения с вкраплениями угольков и золы, наиболее часто — в Югославии (около 20%). Погребений, характерных для Верхнего Поднепровья и полесского могильника Семурадцы, где обломки костей перемешаны с остатками костра, среди латенских нет. Единичны и остатки костра в виде плах, подобные которым известны в зарубинецком обряде. В латенских захоронениях чаще, чем в зарубинецких, инвентарь носит следы пребывания на костре, в том числе иногда и сосуды.

Для верхнеднепровского варианта характерен обычай разбивания сосудов при совершении погребения и помещение фрагментов в могилу. Обычно его рассматривают как наследие милоградской культуры, но в погребениях последней битая керамика значительно преобладает над целыми сосудами, которые там крайне редки в отличие от захоронений зарубинецких и латенских, где черепки являются незначительным добавлением к целым формам. Заметим, что обломки нереконструируемых сосудов чаще всего встречаются в захоронениях Восточной Словакии и Румынии.

Еще один признак, общий для обряда латенской культуры и зарубинецкой, преобладающий в ее среднеднепровском варианте,— присутствие в захоронениях несожженных костей животных. Изредка встречались они в полесских погребениях и единично в Чаплинском могильнике. Напомним, что в восточнословацких погребениях тоже не было костей животных, кроме зубов животных (сожженных или нет — неясно) в одном погребении [30, с. 154]. Совсем не соблюдался этот типично кельтский обычай в Северо-Восточной Югославии. Таким образом, отсутствие данного признака тоже сближает некоторые латенские и зарубинецкие регионы.

Ритуал сопровождения умерших несколькими сосудами в безурновых и урновых погребениях характерен для зарубинецкой и особенно восточнолатенской культуры, где их количество бывает еще больше. Однако ассортимент керамики и ее формы различаются. Только для зарубинцев Среднего Поднепровья и Полесья специфичен набор, состоящий из горшка, миски и кружки. В погребениях Верхнего Поднепровья кружки отсутствуют.

Вещевой инвентарь латенских погребений отличается богатством и разнообразием, особенно в сравнении с зарубинецкими. Общеизвестно, что типично кельтская деталь одежды — фибулы латенских типов — заняла ведущее место среди украшений у зарубинецких племен (как, впрочем, и у других латенизированных народов). Другие же категории украшений в зарубинецкой культуре в основном иных типов. Браслеты — обязательная принадлежность кельтского инвентаря — у зарубинцев не только редки, но и очень просты по форме: проволочные и пластинчатые, единично — литые, крупные трехвитковые. У кельтов больше распространены другие типы — литые, разнообразно орнаментированные; не только наручные, но и ножные, а также стеклянные и сапропелитовые, которых тоже нет у зарубинцев. Отсутствуют у них и гривны, столь характерные для кельтов. А у последних нет булавок, которыми довольно богаты погребения Полесья. Типично кельтская принадлежность одежды — пояса и цепи — в зарубинецких погребениях встречаются очень редко и совершенно другого типа.

Зарубинецкие подвески, характерные более всего для Полесья (пластинчатые, трапециевидные, входившие в состав ожерелья), значительно отличаются от подвесок латенских типов, обычно литых, фигурных, которые часто подвешивались к поясу и служили амулетами. Единичные подвески, подобные зарубинецким, известны в группе Падеа (Олтения), а также в раннелатенских и гальштатских могильниках Средней Европы, особенно в Паннонии, куда они проникли, вероятно, с юга от

иллирийцев — яподов [15, с. 124, рис. 12, 14, *а*; 29, табл. V, *1*, VI, *1*; 70, табл. III, *1*, V, *1*; 71, рис. 8, 16, 17].

Реже других украшений распространены в обеих культурах кольца. В зарубинецкой это проволочные, многовитковые, пластинчатые. Различные варианты подобных колец встречаются и у кельтов, у которых имеются также литые перстни. В отличие от инвентаря зарубинецких погребений для кельтского типичны разнообразные типы амулетов (колечки, колесики и др.).

Бусы не были широко распространены в среднелатенское время. в некоторых могильниках обеих культур они очень редки. Несколько выделяется Верхнее Поднепровье: в 13% погребений их было 1164 экз. Вместе с бусами в ожерелья зарубинцев входили спиральные и пластинчатые трубочки, кельтам не свойственные. В верхнеднепровской чаще, чем в других зарубинецких группах, погребенных сопровождали простейшие орудия труда: ножи, пряслица, точильные бруски, части зернотерок, изредка иглы, проколки. По латенским обычаям орудие труда тоже редко клали в могилы; иногда встречаются такие же, как у зарубинцев, предметы повседневного обихода, а в отличие от них еще и ножницы и единично — другие вещи. Характерный для кельтов обычай сопровождение умерших оружием, притом разнообразным, у зарубинцев встречается очень редко. И представлено оно только наконечниками копий и дротиков. В Верхнем Поднепровье они находились в 5,2% захоронений, а в других регионах — единично. Есть и другая существенная разница. В зарубинецкие погребения помещено целое оружие в отличие от кельтских, где преобладают намеренно поврежденные мечи и копья. Однако достаточно часто встречается и целое оружие, например, в Восточной Словакии, в Моравии. Заметим, что зарубинецкие наконечники копий по пропорциям аналогичны латенским типам периода LTC.

Интересно еще одно обстоятельство: технические особенности изделий кузнечного ремесла зарубинецких племен Среднего Поднепровья позволяют сближать их с традициями латенской металлообработки, которые заметно отличаются от технологических приемов местного скифского населения. А в двух других зарубинецких группах прослежены черты кузнечного производства северогерманских культур и оксывской [72, с. 171].

Из изложенного очевидно, что выделить конкретный регион, наиболее близкий зарубинецкой культуре или одному из ее вариантов, не удается. По ряду признаков много общего с восточнословацким, но он представлен незначительным количеством погребений. Сходные элементы обрядности обнаруживаются у латенского населения Румынии и Северо-Восточной Югославии. Таким образом, можно вычленить группу признаков, общих для всех латенских регионов и для зарубинецкой культуры в целом, а также признаки, связывающие локальные зарубинецкие группы и отдельные латенские. Различные элементы латенской обрядности оказываются разбросанными в разных зарубинецких вариантах, отражаясь в специфике их погребальных обычаев.

Присутствие в зарубинецком обряде комплекса признаков, близких к латенскому, не следует относить за счет абстрактного понятия «латенская вуаль». Погребальные обычаи, как известно, связаны с религиозными представлениями населения и не могут быть результатом торговых контактов и опосредствованных культурных влияний. Их появление, очевидно, можно объяснить инфильтрацией носителей латенских традиций в ареал зарубинецкой культуры в период ее формирования. В новой среде под воздействием различных факторов некоторые особенности обряда частично трансформировались; появились также элементы, воспринятые от других племен, сохранились какие-то традиции местного населения, и в результате сложился погребальный ритуал, характерный для зарубинецкой культуры.

О вероятном участии латенского компонента в формировании зарубинецкой общности, обусловленном археологической и исторической

ситуацией в Северном Причерноморье, Закарпатье и прилегающих областях, нам уже приходилось говорить, рассматривая юго-западные элементы в ее материальной культуре [6, 7].

Полагаю, можно допустить, что конкретный вклад латенского населения не следует исключать и из сферы духовной культуры зарубинцев, причем вклад не только кельто-иллирийских племен, но и населения Карпатской котловины.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Петренко В. Г.* Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э.//САИ. 1967. Вып. Д1-4.
2. *Максимов Е. В.* Среднее Приднепровье на рубеже нашей эры. Киев: Наук. думка, 1972.
3. *Мельниковская О. Н.* Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М.: Наука, 1967.
4. *Кухаренко Ю. В.* К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры//СА. 1960. № 1.
5. *Каспарова К. В.* Новые материалы могильника Отвержичи и некоторые вопросы относительной хронологии зарубинецкой культуры Полесья//АСГЭ. 1967. Вып. 17.
6. *Каспарова К. В.* Роль юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры//СА. 1981. № 2.
7. *Каспарова К. В.* Некоторые типы фибул зарубинецкой культуры (к вопросу о ранней дате и юго-западных связях)//Проблемы археологии. Вып. II. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978.
8. *Woźniak Z.* Die Östliche Randzone der Latènkultur//Germania. 1976. Jg. 54. Hb. 2.
9. *Niewęgłowski A.* Obrządek pogrzebowy ludności kultury przeworskiej na przełomie er (II wiek p. n. e.— II wiek n. e.). Wrocław: Ossolineum, 1981.
10. *Babeş M.* Paftalele latène tîrzii din sud — estul Europei//SCIVA. 1983. T. 34. № 3.
11. *Никитина В. Б.* Памятники поморской культуры в Белоруссии и на Украине//СА. 1965. № 1.
12. *Мачинский Д. А.* К вопросу о происхождении зарубенецкой культуры//КСИА. 1966. Вып. 107.
13. *Каспарова К. В.* Памятники рубежа нашей эры в белорусском Полесье//I Międzynarodowy kongres archeologii clowiańskiej. T. 2. Wrocław, 1969.
14. *Максимов Е. В.* Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев: Наук. думка, 1981.
15. *Woźniak Z.* Wschodnie pogranisze kultury lateńskiej. Wrocław: Ossolineum, 1974.
16. *Rosen-Przeworska J.* Z problemów Celtyki Wschodniej//Archeologia Polski. 1981. T. XX. Z. 2.
17. *Каспарова К. В.* Зарубинецкая культура в хронологической системе культуры эпохи Латена//АСГЭ. 1984. Вып. 25.
18. *Čižmař M.* Keltske pohřebište v Makotřasich, okr. Kladno//PA. 1978. P. LXIX. Č. 1.
19. *Fröhlich I.* Keltský zàrový hrob bojovnika ze Semic v jižnich Čechach// AR. 1984. T. XXXVI. № 2.
20. *Filip J.* Keltové ve Střední Evrope. Praha, 1956.
21. *Benadik B.* Keltisches Gräberfeld in Maňa//SIA. 1978. R. XXVI. № 2.
22. *Bujna J.* Spiegelung der Sozialstruktur auf latènezeitlichen Gräberfelder im Karpatenbecken//PA. 1982. R. LXXII. Č. 2.
23. *Godłowski K.* Okres latèński w Europie. Krakow, 1977.
24. *Benadik B., Vlček E., Ambros C.* Keltské pohrebiskà na juhozàpàdnom Slovensku. Bratislava, 1957.
25. *Todorović J.* Praistorijska Karaburma I. Beograd, 1972.
26. *Gedl M.* Gräber der Latènkultur in Kietrz, bezirk Opole//Zeszyty naukove Universytetu Jagellońskiego. Prace archeologiczne. 1978. Z. 26.
27. *Woźniak Z.* Osadnictwo celtyckie w Polsce. Wrocław: Ossolineum, 1970.
28. *Woźniak Z.* Starsza faza kultury latèńskiej w Polsce i jej oddzialywania//Prahistoria ziem Polskich. T. IV Wroclaw: Ossolineum, 1979.
29. *Bognar — Kutziàn I.* Some New Early La Tène Finds in the Norther Danube Basin// Alba Regia. Székesfehérvàr. 1975. T. XIV
30. *Vizdal J.* Zachranny výskum keltskeho pohrebiska v Ižkovciach//SIA. 1976. R. XXIV. № 1.
31. *Zirra V.* Influence des Geto-Daces et de leurs voisins sur l'habitat celtique de Transylvanie//Alba Regia. 1975. T. XIV.
32. *Benadik B.* K otàzke chronologických vztahov keltských pohrebisk na Slovensku// SIA. 1963. R. XI. № 2.
33. *Čižmař M.* Relativni chronologie keltskych pohřebišt na Morave//PA. 1975. R. LXVI. Č. 2.
34. *Meduna J.* Das Keltische Oppidum Stare Hradisko in Mähren//Germania. 1970. Jg. 48. Hb. 1.
35. *Todorović J.* Skordisci. Novi Sad; Beograd, 1974.
36. *Zirra V.* Beiträge zur Kenntnis der Kellischen Latène in Rumänien//Dacia. N. S. 1971. T. XV.

37. *Benadik B.* Zur Datierung des jungsten Horizontes der keltischen Flachgräberfelder im mittleren Donaugebiet//Simposium Ausklang der Laténe-Zivilization und Anfänge der Germanischen Besiedlung im Mittleren Donaugebiet. Bratislava, 1977.
38. *Pieta K.* Zu Besiedlungsproblem in der Slowakei an der Wende der Zeitrechung// Simposium Ausklong der Latene-Zivilization und Anfänge der Germanischen Besiedlung im Mittleren Donaugebiet. Bratislava, 1977.
39. *Peita K.* The La Tene Period//Archaeological Research in Slovakia//Xth International Congress of Prehistoric and Protohistoric Sciences. Mexico, 19—24 October 1981. Nitra, 1981.
40. *Pieta K.* Probleme der Erforschung der dakischen Besiedlung in der Slowakei//Thraco-Dacica. T. III. Bucuresti, 1982.
41. *Batora I.* Archeologické nàlezy z Levic//Archeologiské výskumy a nàlezy na Slovensky v roku 1981. Nitra, 1982.
42. *Hodson F. R.* The La Tène Cemetery at Münsingen-Rain. Catalogue and Relative Chronology//Acta bernensia. 1968. T. V.
43. *Polenz H.* Mittel- und spätlatenezeitliche Brandgräber aus Dietzenbach, Landkreis Offenbach am Main//Studien und Forchungen. Neue Folge. Hf. 4. Langen, 1971.
44. *Haffner A.* Zum Ende der Latènezeit im Mittelrheingebiet unter besonderer Berücksichtigung des Trierer Landes//Archäologisches Korrespondenzblatt. 1974. № 4.
45. *Riekhoff S.* Münzen und Fibeln aus dem Vicus des Kastells Hüfingen (Schwarzwald-Baar Kreis)//Saalburg Jahrbuch. Bericht des Sallburg Museums. 1975. T. XXXII.
46. *Benadik B.* Maňa. Keltisches Gräberfeld. Fundkatalog//Materialia Archaeologica Slovaca. T. V. Nitra, 1983.
47. *Hellebrandt M.* Elözetes jelentés a Vàc-Kavicsbànyai kelta temetõ 1969—1970. evi feltárásáról//AÉ. 1971. V. 98. № 2.
48. *Benadik B.* Keltské pohrebisko v Bajči-Vlkanove//SlA. 1960. R. VIII. № 2.
49. *Németi J.* Contributions concernant le facies latènien du Nord-Ouest de la Roumanie a la lumière des découvertes celtiques de Pişcolt//Alba Regia. 1975. T. XIV.
50. *Meduna J.* Laténské žárové hroby na Moravé//PA. 1962. R. LIII. Č. 2.
51. *Waldhauser J.* Přispevek k laténu severozápadnich Čechi//AR. 1975. T. XXVII. № 1.
52. *Meduna J.* Postavení Moravy v rámci středoevropského laténu//PA. 1961. R. LII. Č. 1.
53. *Čižmař M.* Spolecenska struktura moravskych Keltu podle výskumu pohrebist//Casopis Moravskeno Musea. 1972. T. LVII.
54. *Dušek M.* Keltské pohrebisko vo Svätom Petri//SlA. 1960 R. VIII. № 2.
55. *Budinský-Krička V* Keltsky žarovy hrob z Kral'ovskeho Chlmca, okres Trebišov//AR. 1975. T. XXVII. № 4.
56. *Zirra V.* Un cimitir celtic in nord-vestul României. Ciumeşti I. Baia Mare, 1967.
57. *Hunyady I.* Keltàk a Kárpátmedenceben. Dissertationes Pannonicae II. Budapeşt, 1944.
58. *Kaposvari Gy.* Das Keltische Gräberfeld von Jaszbereny — Cseröhalom//AÉ, 1969. V 96. № 2.
59. *Todorović J.* Kelti u jugoistočnoj Evropi. Dissertationes. T. VII. Beograd, 1968.
60. *Benadik B.* Chronologické vztahy keltských pohrebísk na Slovensku//SlA. 1962. R. X. № 2.
61. *Benadik B.* Keltské pohrebisko v Palárikove//Archeologické výskumy a nálezy na Slovensku v roku 1974. Nitra, 1975.
62. *Zirra V.* La necropole la Tene d'Apahida. Nouvelles considerations//Dacia. 1976. T. XX.
63. *Никитина Г Ф.* Погребальный обряд культур полей погребений Средней Европы в I тысячелетии до н. э.— первой половине I тысячелетия н. э.//Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тысячелетии до н. э.— I тысячелетии н. э. М.: Наука. 1974.
64. *Могильников В. А.* Погребальный обряд культур III. до н. э.—III в. н. э. в Западной части Балтийского региона//Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тысячелетии до н. э.— I тысячелетии н. э. М.: Наука, 1974.
65. *Domański G.* Studia z dziejow srodkowego Nadodrza w III—I wieku p. n. e. Wrocław: Ossolineum, 1975.
66. *Végh K. K.* Keltische Wagengräber in Ungarn//Posavski muzej Brežice. Kn. 6. Keltski voz, 1984.
67. *Chropovský B.* Laténske pohrebisko v Nebojsi, okr. Galanta//SlA. 1958. T. VI. № 1.
68. *Majnarič-Pandžič N.* Keltsko-latènska kultura u Slavoniji i Srijemu//Acta Musei Cibalensis. 1970. T. 2.
69. *Węgrzynowicz T.* Szczątki zwierzęce jako wyras wierzeń w casach ciałopalenia zwlok. Warszawa, 1982.
70. *Marton L.* A korai la Téne — kultura Magyarországon//Archaeologia Hungarica. 1933. T. XI.
71. *Ierem E.* Zur Geschichte der späten Eisenzeit in Transdanubien. Späteisenzeitliche Grabfunde von Beremend//Acta archaeologica. 1973. T. XXV. № 1—2.
72. *Вознесенская Г. А.* Металлообработка на позднелатенском поселении Галлиш-Ловачка//СА. 1984. № 4.

K. V. Kasparova

ON A POSSIBLE COMPONENT OF THE ZARUBINTSY BURIAL RITE

Summary

The origin of the Zarubintsy culture can be clarified through the origins of its burial rite. The entire rite does not correspond to any of its component parts (Pomorze, Late Scythian, Milograd and Jastorf cultures, according to some researchers). Kasparove looks at the features of the cremation rite practiced by the la Tène cultures of the «Eastern Celtica» evident over ten regions and compares them with the three variants of the Zarubintsy culture. She concludes that some of the features of the Zarubintsy rite can be found in the La Tène rite in eastern Slovakia, Rumania and south-eastern Yugoslavia. This can be interpreted as a result of an infiltration of the Celtic-La Tène traditions in the nacsent Zarubintsy entity.

Е. А. РЯБИНИН, Н. Б. ЧЕРНЫХ

СТРАТИГРАФИЯ, ЗАСТРОЙКА И ХРОНОЛОГИЯ НИЖНЕГО СЛОЯ СТАРОЛАДОЖСКОГО ЗЕМЛЯНОГО ГОРОДИЩА В СВЕТЕ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ладожское поселение, возникшее в конце I тыс. н. э. в низовьях Волхова, является одним из наиболее интересных памятников предгосударственного и раннегосударственного периодов в истории Северной Руси. Расположенное на стратегически важном отрезке международных торговых артерий, оно с самого начала существования служило перевалочным пунктом на пути «из заморья» в глубь материка. Это определило своеобразие облика ранней Ладоги, проявившееся как в хозяйственной деятельности ее жителей, так и в полиэтничном составе обитателей поселка и нашедшее яркое выражение в археологическом материале древнейших слоев памятника. Прекрасная сохранность дерева и изделий из органики в нижних напластованиях, насыщенность ранних горизонтов вещевыми находками повышают особую информативную значимость этого археологического объекта.

Исследования Ладоги до последнего времени были сконцентрированы на так называемом Земляном городище — древнейшем участке поселения, примыкающем к левому берегу Волхова и отделенном с напольной стороны мощными земляными укреплениями конца XVI в. Раскопками Н. И. Репникова (1909—1913 гг.) и В. И. Равдоникаса (1938—1940, 1945, 1947—1950, 1957—1959 гг.) здесь было в общей сложности вскрыто около 2500 м² и изучена основная часть площади, ограниченная валами [1, с. 27, 28] (рис. 1, *1*).

В 1973—1975 гг. работы на городище были продолжены Четвертым отрядом Староладожской экспедиции ЛОИА АН СССР (начальник экспедиции А. Н. Кирпичников, начальник отряда Е. А. Рябинин) [2—4]. В течение трех полевых сезонов изучался участок 1, заложенный на перемычке в западной части земляных валов и примыкавший с запада к раскопу В. И. Равдоникаса 1948—1950 гг. (рис. 1, *2*). Площадь раскопа, составлявшая первоначально 80 м², была расширена на уровне нижних горизонтов толщи Е до 136 м² за счет недоследованных участков предшествующих полевых изысканий.

В процессе этих работ была впервые осуществлена попытка стратиграфического деления в полевых условиях напластований горизонта E_3, позволившая выделить не менее трех слоев и соответствующих им строительных этапов в жизни первоначальной Ладоги. Был открыт ряд жилых, хозяйственных и производственных сооружений VIII—XVI вв., получена серия спилов из горизонтов Д и Е, пригодная для дендрохронологического анализа. Результаты первого цикла изысканий уже получили полное освещение в археологической литературе [1, с. 27—75; 5, с. 161—177; 6, с. 39—43; 7, с. 76—80]. Однако крайне ограниченная площадь раскопок определила известную узость информативной базы. Достаточно указать, что все выявленные сооружения, за единичным исключением, были исследованы лишь частично, вследствие чего непонятными оставались характер и назначение многих построек. На участке 1 не удалось обнаружить выраженных строительных остатков весьма важного в историко-культурном отношении горизонта E_2, отмеченного на ранее вскрытых площадях сплошным слоем пожара. Из-за фрагментарности открытых объектов не представлялось возможным судить и о

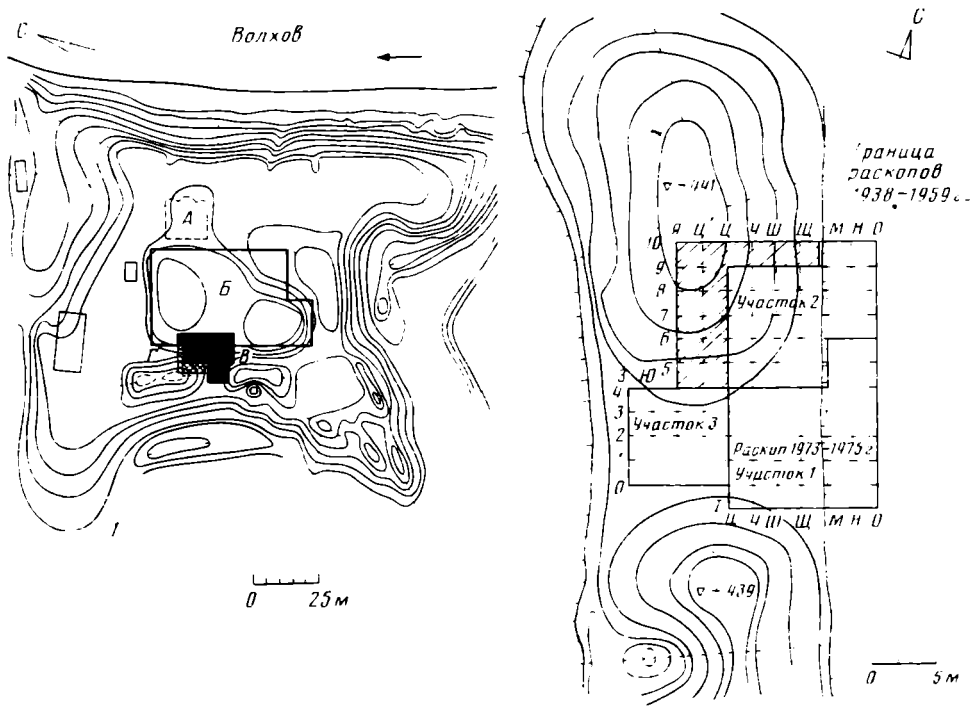


Рис. 1. Староладожское Земляное городище. План раскопов 1909—1985 гг. (*1*) и 1973—1985 гг. (*2*). *А* — остатки каменного храма Климента XII в.; *Б* — площадь раскопок 1909—1959 гг.; *В* — площадь раскопок 1973—1985 гг.; *Г* — прорезка вала (1981 г.)

характере застройки участка в разные периоды. Сложности сохранялись в определении дендрохронологии нижних горизонтов, особенно горизонтов Д и $Е_2$. Все это обусловило необходимость продолжения раскопок, которые и были возобновлены одним из авторов настоящей статьи в 1981 г. [8—11].

Выбор новых участков определялся в первую очередь задачей доследования частично вскрытых сооружений в нижних слоях городища. Вследствие этого были заложены два раскопа, один из которых — участок 2 — являлся продолжением участка 1 в северном направлении, примыкая вместе с тем к западной границе раскопа 1948—1950 гг., а участок 3 представлял собой западную прирезку к участку 1. Площадь новых раскопов составила 169 м², общая же площадь, вскрытая за последнее десятилетие,— 325 м² (около 13% площади, исследованной на городище за весь предшествующий период).

Культурные отложения на рассматриваемых участках были перекрыты земляными укреплениями, достигавшими высоты 4 м. Это определило особую трудоемкость работ по снятию насыпного грунта (вал в значительной своей части был сооружен из культурного слоя древнего поселения, вследствие чего прорезался вручную со всей необходимой фиксацией), но вместе с тем мощная балластная насыпка обусловила именно здесь и наилучшую сохранность строительных остатков.

В результате исследований 1981—1985 гг. удалось полностью вскрыть большинство археологических объектов, фрагментарно выявленных в процессе раскопок 1973—1975 гг., и открыть ряд новых интересных сооружений. Большая серия образцов, пригодных для дендрохронологического анализа, позволила не только уточнить датировки нижних горизонтов городища, предварительно установленные на материалах предшествующих изысканий [7, с. 76—80], но и дала возможность впервые определить хронологию некоторых строительных ярусов, время функционирования которых оставалось неясным (таблица).

В данной статье мы остановимся лишь на основных результатах исследования горизонтов Д и Е, связанных с новыми данными о страти-

Материалы дендрохронологической шкалы Староладожского Земляного городища из раскопок 1973—1975 и 1981—1985 гг.

Годы раскопок	Горизонт В	Горизонт Д	Горизонт E_1	Горизонт E_2	Горизонт E_3			Всего
					бурый гумус I	черный гумус	бурый гумус II	
1973—	—	11	42	27	9	80	38	207
1975		1*	1*	1*	1	3*	2	9
1981—	2	31	67	35	92	67	25	319
1985		2	3	1	5	5	3	19

Примечание. В числителе — количество образцов, в знаменателе — количество датированных сооружений.

* Постройки, доследованные и получившие свои окончательные датировки в ходе раскопок 1981—1985 гг.

графии, домостроительстве и хронологии древнейшей Ладоги. Характеристика напластований приводится снизу вверх — от начального освоения исследованных участков до их застройки в X в.[1] При этом более подробное описание дано лишь для комплексов, вскрытых в 1981—1985 гг. и ранее не публиковавшихся, и только в самой сжатой и общей форме — для сооружений, уже нашедших освещение в археологической литературе.

Предматерик, на уровне которого зафиксированы первые следы человеческой деятельности, представляет собой темный торфяниковый слой толщиной 0,08—0,12 м с включениями голубоватой материковой глины — вивианита. Изредка в предматериковом слое встречаются включения навоза и щепы.

На исследованной площади наблюдается естественное понижение первоначальной поверхности в западном направлении, фиксировавшееся и при раскопках 1938—1959 гг. Так, если уровень древней почвы в восточной (прибрежной) части поселения (кв. Г—$К_{1-6}$) отмечен на глубине 1,6—1,8 м от репера [13, с. 102], то по линии квадратов М он составляет уже 2,2—2,3 м, а у западной границы участка 3 достигает 2,7 м. Устанавливаемая общая картина понижения площади на запад от берега Волхова (примерно 1 м на 40 м расстояния) представляется весьма интересной. Возможно, она отражает топографические особенности, определившие границы раннего поселенческого «пятна» и позднее, уже в XVI в., учтенные строителями при возведении укреплений с напольной стороны городища.

При зачистке предматерика выявлены контуры канавообразных углублений и ям, врезанных в материковую глину. Заполнение ям — гумус коричневого цвета, насыщенный щепой и навозом. Аналогичный характер имела и залегающая выше прослойка мощностью 0,25—0,35 м («бурый гумус II» горизонта E_3 по полевой номенклатуре), на которой и зафиксированы наиболее ранние жилые и хозяйственные постройки. Отмеченное обстоятельство в ряде случаев затрудняет решение вопроса о конструктивной взаимосвязи предматериковых углублений с начальной строительной деятельностью на древней почве или же с периодом последующего накопления «бурого гумуса II». К тому же известно, что ранние жилища Ладоги, возводившиеся в сырой, заболоченной местности, устанавливались на подсыпке из грунта (нередко из культурного слоя), тем самым оказываясь выше уровня окружающей поверхности [14, с. 24, 25]. Вследствие этого строительные остатки на уровне предматерика и вышележащей гумусной прослойки рассматриваются в качестве единого пласта сооружений, разумеется, с учетом

[1] Цифровые обозначения сетки участков (1—10) соответствуют нумерации аналогичных линий квадратов раскопов В. И. Равдоникаса. Линии Ц—Щ и Э—Ц′, появившиеся в результате расширения раскопанной ранее площади к западу, отмечены литерами, продолжающими в алфавитном порядке существующую сетку староладожских раскопов (с запада на восток — линии М—Ф, А—Л). Все нивелировочные отметки приводятся от общепринятого репера — условной точки на глубине 0,6 м от поверхности восточной границы раскопа 1938—1959 гг. [12, с. 14].

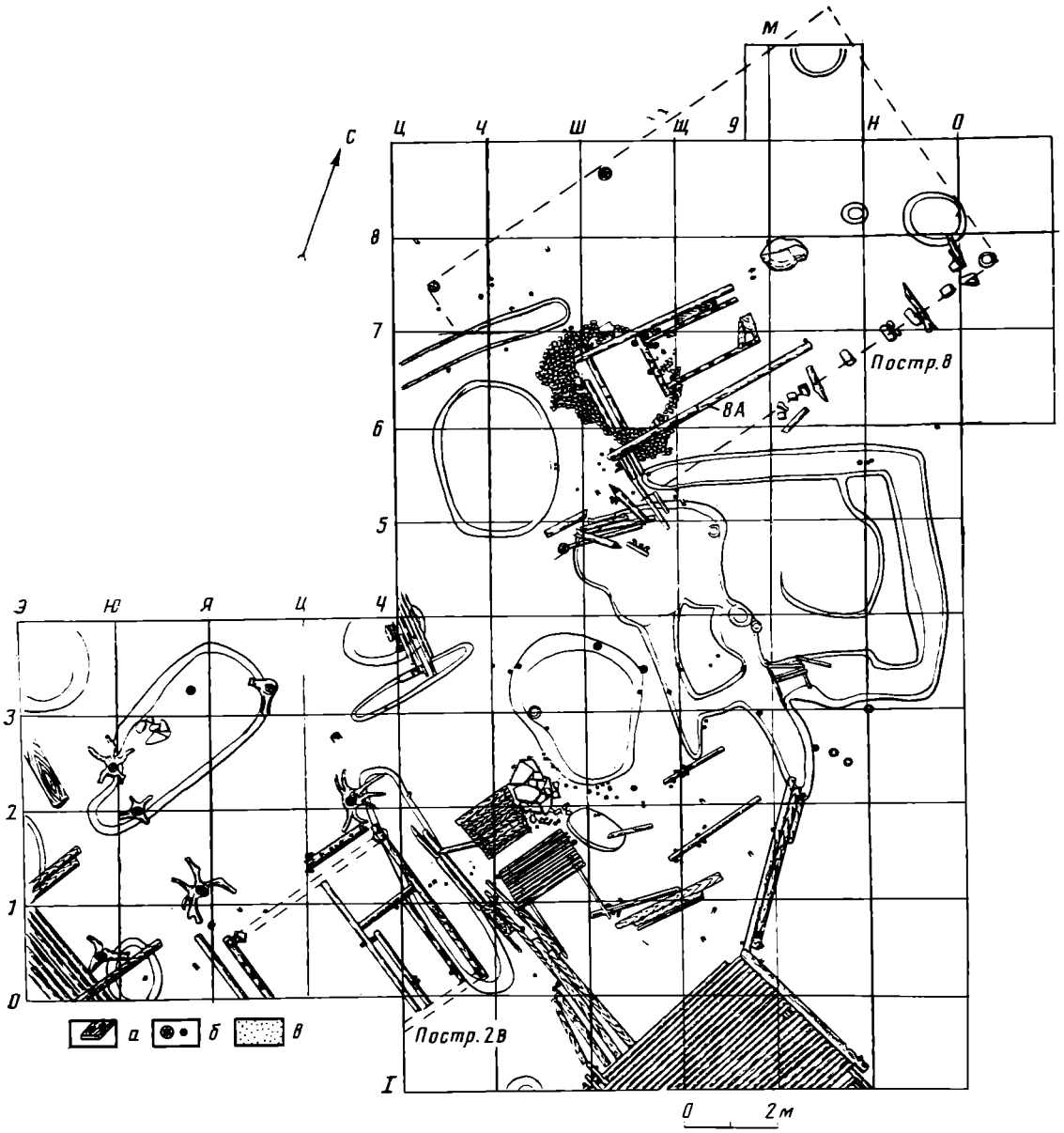


Рис. 2. План нижнего строительного яруса горизонта E_3 (предматерик и слой «бурый гумус II»). *а* — обугленное дерево; *б* — столбы и колья; *в* — песок

всех стратиграфических и дендрохронологических различий между ними (рис. 2).

Начальный этап освоения участка связан прежде всего с производственной деятельностью первопоселенцев. Об этом красноречиво свидетельствовали уже материалы раскопок участка 1 в 1973—1975 гг. [1, с. 54—62], но лишь при доследовании участка 2 в 1985 г. удалось достаточно полно выявить основную часть располагавшегося здесь обширного ремесленного комплекса.

Основу последнего составляла крупная наземная постройка 8, возведенная непосредственно на предматериковой поверхности и занимавшая всю северную часть вскрытой площади. Судя по имеющимся данным, она имела столбовую конструкцию и легкие, вероятно плетеные, стены. Контуры производственного сооружения трассированы остатками опорных столбов и фундаментом из крупных уплощенных валунов и обрубков бревен, прослеженных по линии юго-восточной стороны постройки. Размеры реконструируемой мастерской (10,4—11,0)×6,5 м, ее площадь составляет 68—71 м^2.

В юго-восточной части помещения на незначительной подсыпке из гумуса располагалось кольцо из колотого камня с внешним диаметром 2,8—3,2 м, заполнение которого насыщено углем (нивелировочные отметки 2,10—2,25 м). Есть основания рассматривать этот объект в ка-

честве основания горна. Еще в период существования мастерской на его месте было возведено новое производственное устройство (8А), от которого сохранился бревенчатый каркас, камни же в основном были разобраны на фундамент для вышележащей жилой постройки (кв. $Ч_6Ш_{5-6}М_6$, нивелировочные отметки 1,85—2,00 м). Внешние контуры этого сооружения образуют два расположенных параллельно на расстоянии 1,7—1,9 м друг от друга бревна диаметром 0,18 и длиной 3,8—4,8 м, закрепленные с помощью вбитых с наружной стороны кольев. Его основной объем занят обноской прямоугольного очага размерами 2,4×1,1 м, сложенной из обугленных и фиксируемых кольями бревен диаметром 0,10—0,12 м.

Ко времени функционирования первоначального горна относится появление обширной ямы овальных очертаний размерами 2,6×3,3 и глубиной около 0,5 м, располагавшейся у западной оконечности каменного кольца. Эта яма, врезанная в плотный и водонепроницаемый вивианит, могла служить водоемом, использовавшимся в производственных целях.

В центре мастерской находился огромный валун размерами 1,0×0,7 м, установленный на тонкую прослойку щепы времени строительства ремесленного объекта. Поверхность камня целиком покрыта выбитыми углублениями и насечками, явно указывающими на то, что последний служил кузнечной наковальней.

Производственный характер постройки определяется составом встреченных в ней находок. В «пятне» мастерской обнаружено свыше 600 шлаков, преимущественно локализующихся на участке между горном и наковальней; резко преобладают железные шлаки, изредка встречаются и стекловидные (бронзолитейные) шлаки. Кроме того, здесь же найдены 50 отходов железообрабатывающего производства, бракованные изделия из железа и ряд целых кованых предметов. Показательно наличие в постройке нескольких миниатюрных (ювелирных) и более крупных (кузнечных) зубил, а также обломков глиняных тиглей.

Рассматриваемая мастерская составляла лишь часть обширного ремесленного участка, прослеженного в пределах вскрытого раскопа на площади около 200 м². В 4 м к югу от постройки, непосредственно на предматерике, расчищена вымостка из плитнякового камня размерами 1,6×0,8 м (кв. $Ч_{1-2}$). Крупные обломки плиты плотно прилегали друг к другу. Поверх камней и вокруг них зафиксирована линза белого песка с большим содержанием угля. Вымостка оконтурена линией из часто вбитых кольев. Судя по продолжению аналогичной оградки из кольев, с этим сооружением связано и расположенное к востоку от вымостки ямообразное углубление размерами 3,3×3,8 м (кв. $Ч_{2-3}Ш_{2-3}$). Последнее по своей форме, размерам и соотношению с каменной конструкцией близко напоминает предполагаемый водоем рядом с горном мастерской и, по-видимому, имело сходное функциональное назначение. Концентрация же в районе вымостки находок, связанных с ювелирным производством (обломки и целые экземпляры тиглей, литейная формочка, слитки олова и свинца, обрезки бронзовых проволок и пластинок), позволяет интерпретировать этот объект в качестве остатков металлоплавильной печи.

Между металлоплавильной печью и кузнечно-ювелирной мастерской, также на уровне предматерика, выявлена система канавообразных углублений, окружающая площадку четырехугольной формы размерами примерно 4,0×4,8 м (кв. $Ш_{2-3}$—$Щ_{2-3}М_{3-5}Н_5$).

На площадке, в заполнении канавы и рядом с ней, зафиксировано скопление железных шлаков, отходов железообработки и готовой продукции (34 изделия или их фрагмента). Но особый интерес представляет открытие здесь в 1975 г. клада кузнечно-ювелирных инструментов, включающего 26 предметов; среди них 7 клещей разных типов, 3 молотка, ювелирная наковальня и наковаленка для тиснения и чеканки изделий из цветных металлов, волочильня, гвоздильня, зубила, пробои, ювелирные ножницы, 2 перовидных сверла и т. д. О ранней дате клада свидетельствует наличие в его составе бронзового изделия, выполненно-

го в вендельском стиле (VII—VIII вв.). Это древнейший инструментарий мастера-профессионала, зафиксированный до сих пор как в Северной, так и в Восточной Европе и примерно на два столетия удревняющий начало собственно ремесленного производства на этих территориях [1, с. 54—64, рис. 21, *1—7*, 22, *1—149*, 23, *14*, 24, *1—34*]. Не вызывает сомнения, что именно его владелец и являлся хозяином выявленного в основании культурного слоя Ладоги выразительного кузнечно-ювелирного производственного комплекса.

Время начального освоения исследованного участка и появления первых ремесленных объектов на уровне предматерика может быть установлено на основе дендрохронологических данных. Так, серия образцов, взятых из оградки металлоплавильной печи, показала, что последняя была сооружена после 756 г. Расположенные рядом с печью на том же уровне пешеходные мостки (кв. $Ц_1Ч_{0-3}$) были сооружены из тонких бревен и горбыля, дата рубки которых четко укладывается в интервал между 759 и 762 гг. В 50-е годы VIII в. возводятся и частично прослеженные в основании культурного слоя бревенчатые настилы в кв. $Ц_3$ (дендродаты 754, 756 гг.) и в кв. $Э_0$ (755 г.). Очевидно, в середине 750-х годов началось функционирование и обширной мастерской в северной части раскопа. Во всяком случае, производственное устройство 8А, перекрывающее первоначальный горн этой мастерской, но функционально связанное с последней, дендрохронологически датируется временем около 763 г.

Древнейшее жилище (постройка 2В) открыто в кв. $Я_0Ц'_{0-1}Ц_{1-0}$ (рис. 3, *1*). Оно было возведено на слое «бурого гумуса II» и приподнято над заболоченной древней почвой на 0,30—0,35 м (уровень от репера в среднем — 2,05—2,10 м). Это четырехугольный, рубленный «в обло» сруб размерами 4,1×4,2 м. От постройки сохранились нижние венцы южной и северной стен, а также часть западного венца. Бревна обуглены. Под углы сруба подложены крупные обломки плиты, нижние венцы дополнительно укреплены вбитыми рядом с ними кольями. Посередине венца северной стенки имеется прямоугольная выемка длиной 0,6 и глубиной 0,04 м.

В северо-восточном углу жилища, несколько отступя от северной стены, стояла прямоугольная печь длиной 2,3 и шириной 1 м. Опечек сооружен из тонких бревен, западная сторона ограждения сохранилась на два венца. К основанию печи примыкает переводина под пол, проходящая по центральной оси жилища. Внутри сруба расчищен разброс из плашек и обрубков горбыля, возможно относящихся к разобранному верху каркасной обноски печи; здесь же, а также рядом с постройкой зафиксировано скопление камней из разобранного отопительного сооружения.

С южной стороны сохранилось наружное ограничительное бревно, отстоящее от стенки на 0,25 м. Оно расположено на 0,15 м ниже основания первого венца, что свидетельствует о наличии небольшой подсыпки из культурного слоя под сруб, ограниченной дополнительными бревнами. Еще одна конструктивная деталь выявлена в 0,25 м от западной стенки жилища. Это укрепленный кольями массивный горбыль длиной 1,5 и шириной 0,18 м, по продольной оси которого выдолблены прямоугольные пазы размерами 0,06×0,06 и 0,06×0,08 м; в одном из них сохранились остатки деревянного шипа. Расположение рассматриваемой детали четко против отделенной переводиной «очажной» секции жилища и точное совпадение ее размеров с шириной последней позволяют видеть в ней не вторично использованный, а предназначенный именно для этой постройки элемент наборной конструкции.

Со срубным жилищем стратиграфически связаны остатки сооружения, основой которого являлись «стулья» — пни с остатками корневой системы, открытые к западу от избы. Верхняя площадка большинства «стульев» обуглена, на одной из них еще можно проследить центральный прямоугольный шип. Нивелировочные отметки основания пней составляют в среднем 2,45—2,58 м, установлены они на тонкой прослойке

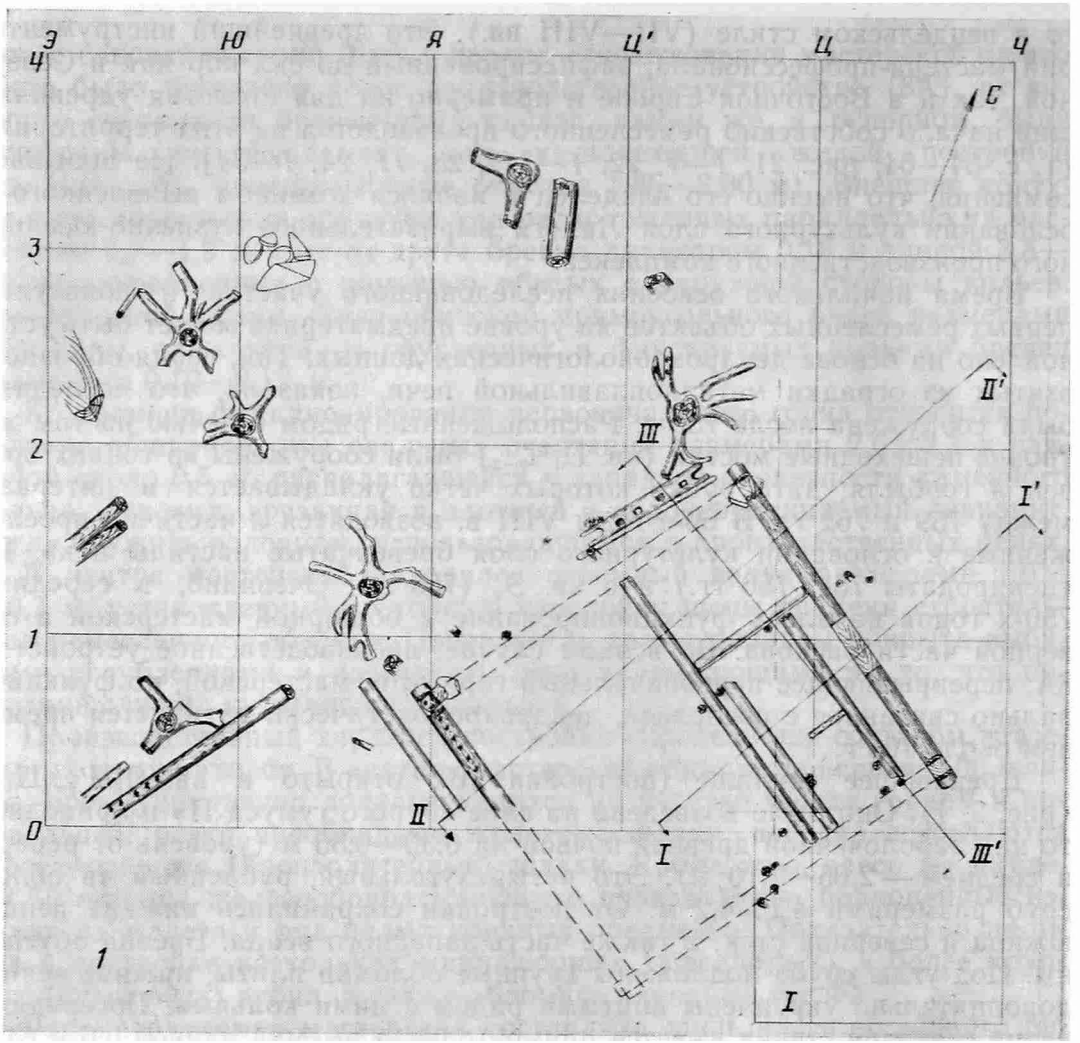

Э
Ю
Я
Ц'
Ц
Ч
С
3
2
1
0
II'
III
I'
II
I
III'
1
I

Рис. 3, *1*

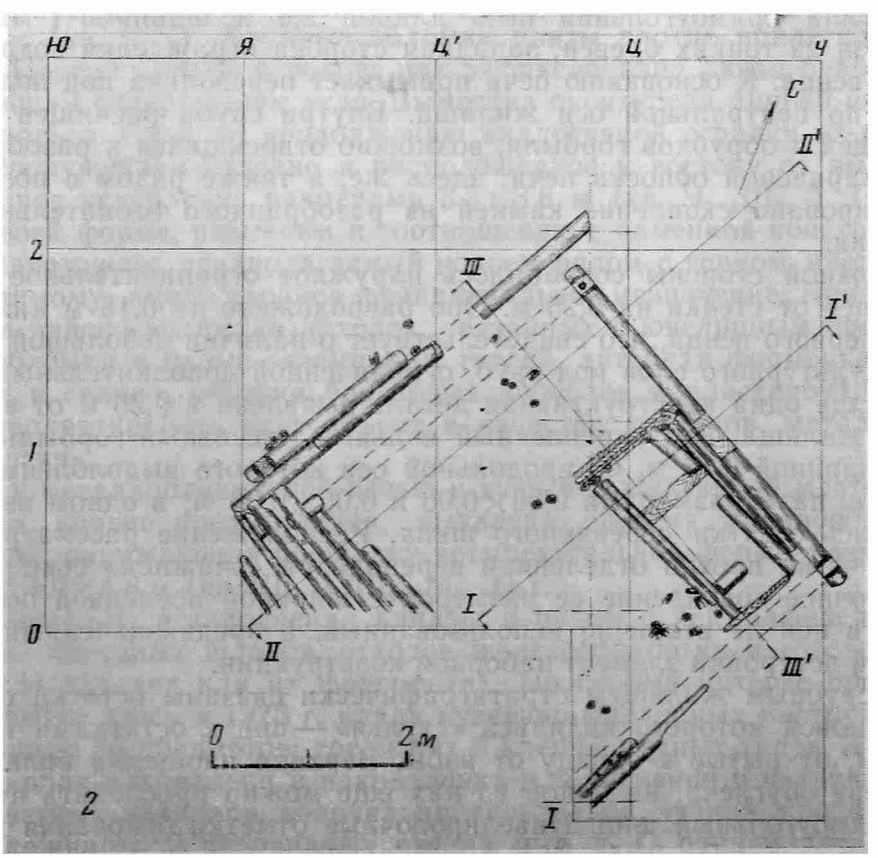
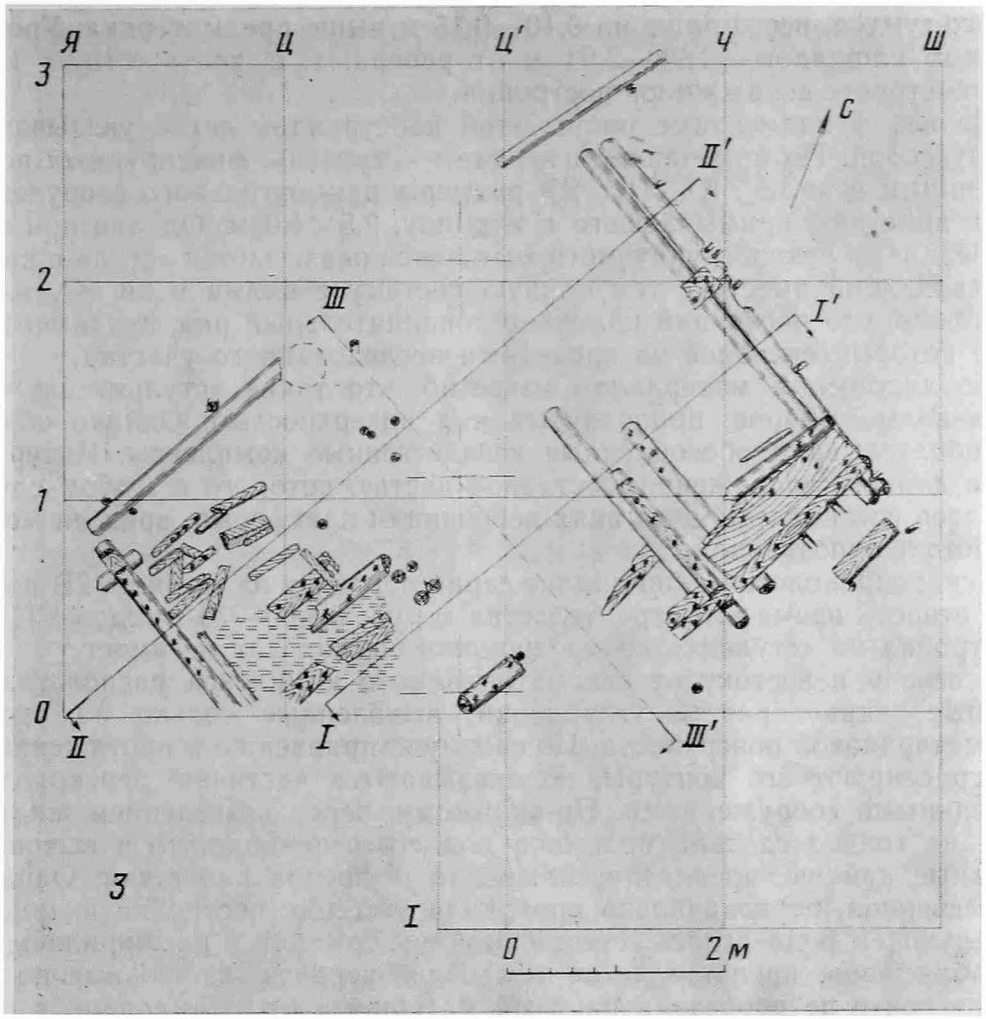

Ю
Я
Ц'
Ц
Ч
С
II'
2
III
I'
1
0
I
II
III'
0
2 м
2
I

Рис. 3, *2*



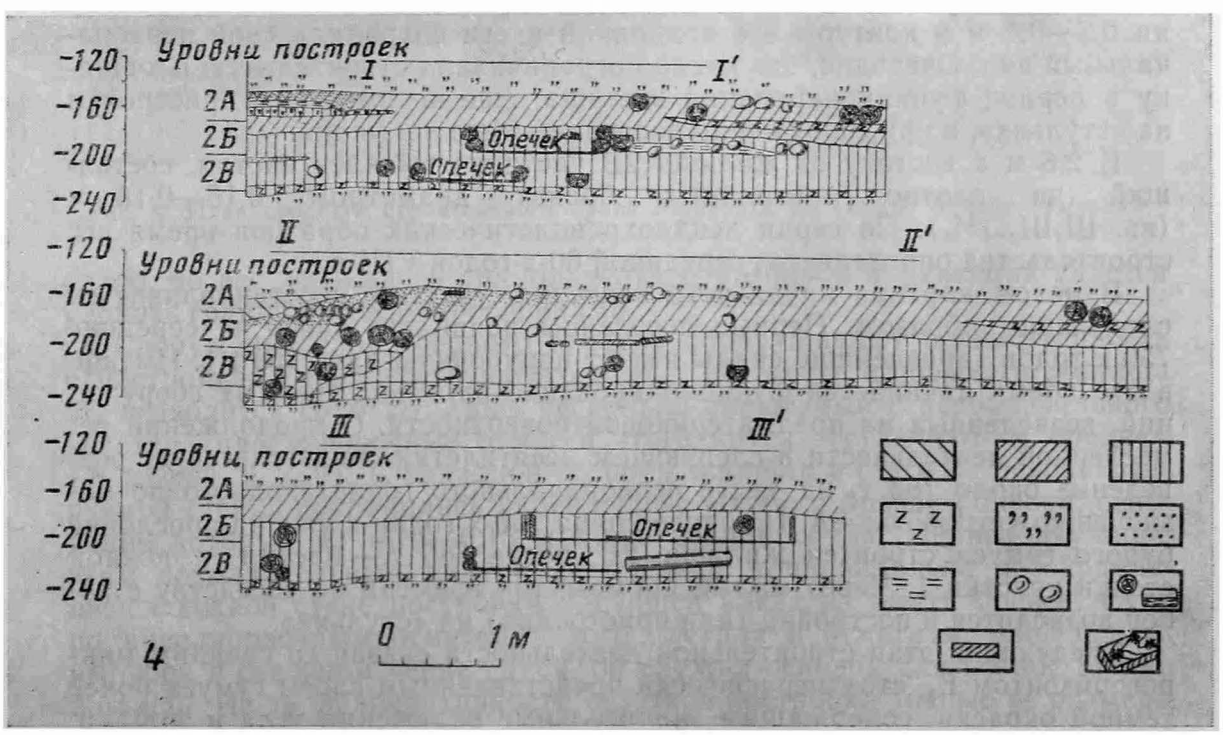


Рис. 3. Горизонт E_3. Планы и разрезы ярусов постройки 2. *1* — нижний строительный ярус (2В); *2* — средний строительный ярус (2Б); *3* — верхний строительный ярус (2А); *4* — разрезы: *а* — серый гумус; *б* — коричневато-серый гумус; *в* — черный гумус; *г* — щепа; *д* — навоз; *е* — песок; *ж* — прокаленная глина; *з* — камни; *и* — бревна; *к* — доски; *л* — обугленное дерево

бурого гумуса, всего лишь на 0,10—0,15 м выше предматерика. Уровень верхних площадок — 1,97—2,04 м от репера, т. е. соответствует положению второго венца жилой постройки.

Не все фундаментные опоры этой конструкции четко увязываются между собой. По намечающимся рядам «стульев», фиксируемых по углам пнями в кв. $Э_2$, $Ю_1$, $Ц_2'$, $Я_2$, размеры прямоугольного сооружения, почти вплотную примыкавшего к жилищу, 3,5×4,0 м. Однако при этом за пределами реконструируемого комплекса оказывается «стул» в кв. $Э_6$, составляющий вместе с тем единую систему с пнями в кв. $Ю_1$ и $Ц_2'$ Возможно, что последний намечает дополнительный ряд фундаментных опор, который оказался за пределами исследованного участка.

По ладожским материалам известно, что такие «стулья» служили основанием амбаров, приподнятых над поверхностью. Однако обычно они образовывали обособленные хозяйственные комплексы. Интерпретация данного сооружения, составной частью которого в любом случае являлась установленная на пнях деревянная платформа, вряд ли может быть столь однозначной.

Дендрохронологический анализ серии образцов из жилища 2В позволяет отнести время его строительства к рубежу 60—70-х годов VIII в., пристройка на «стульях» дендрохронологических дат не имеет.

К северу и востоку от рассматриваемого комплекса располагались крупные канавообразные углубления, выявленные только на уровне предматериковой поверхности. По своему направлению и протяженности они трассируют его контуры, но оказываются частично перекрытыми деревянными сооружениями. По-видимому, перед возведением жилища была не только сделана подсыпка под его основание, но и выкопаны обводные канавы, предназначенные для осушения площадки. Одна из них, северная, первоначально проходила у стенки постройки и лишь в последующем подверглась естественной деформации и расширилась; такое объяснение представляется тем более вероятным, что именно эта канава почти не прорезала плотный материк, а была выкопана в рыхлом «буром гумусе II» и в не менее рыхлом предматерике. Что касается западного углубления, то последнее было врезано в вивианитовую глину на 0,3—0,4 м и контуры его придонной части сохранили свой первоначальный вид. Очевидно, эта канава ограничивала строительную площадку в период функционирования жилища, еще не имевшего пристройки на «стульях», и при сооружении последней была засыпана.

В 2,6 м к востоку от жилища 2В частично выявлен настил, состоящий из плотно пригнанных бревен диаметром 0,16—0,18 м (кв. $Ш_1Щ_{1-0}М_1$). По серии дендрохронологических образцов время его строительства определяется серединой 60-х годов VIII в.

В целом картина начального освоения участка восстанавливается следующим образом. Первые поселенцы появились здесь в середине 750-х годов (древнейшие спилы имеют порубочную дату 753 г.). Именно в это время начинается функционирование производственных сооружений, возведенных на предматериковой поверхности. О продолжении ремесленной деятельности в следующем десятилетии свидетельствует возведение около 763 г. на месте первоначального горна сходного по назначению устройства 8А. Не ранее конца 760-х годов и уже на прослойке бурого гумуса строится жилище 2В, после 765 г.— настил у южной стенки участка 1. Через малый промежуток времени по соседству с избой возводится и постройка (или пристройка) на «стульях».

Следующий этап строительной деятельности связан со средним микрогоризонтом $Е_3$, стратиграфически представленным слоем гумуса более темной окраски, содержащим значительные включения угля и золы и, в отличие от нижележащего «бурого гумуса II», насыщенным преимущественно не навозом, а слоистыми отложениями щепы («черный гумус» горизонта $Е_3$ по полевой номенклатуре, рис. 4). Следует оговорить, что четкая дифференциация слоев наблюдается лишь в районах застройки. На незанятых площадях стратиграфические различия выражены

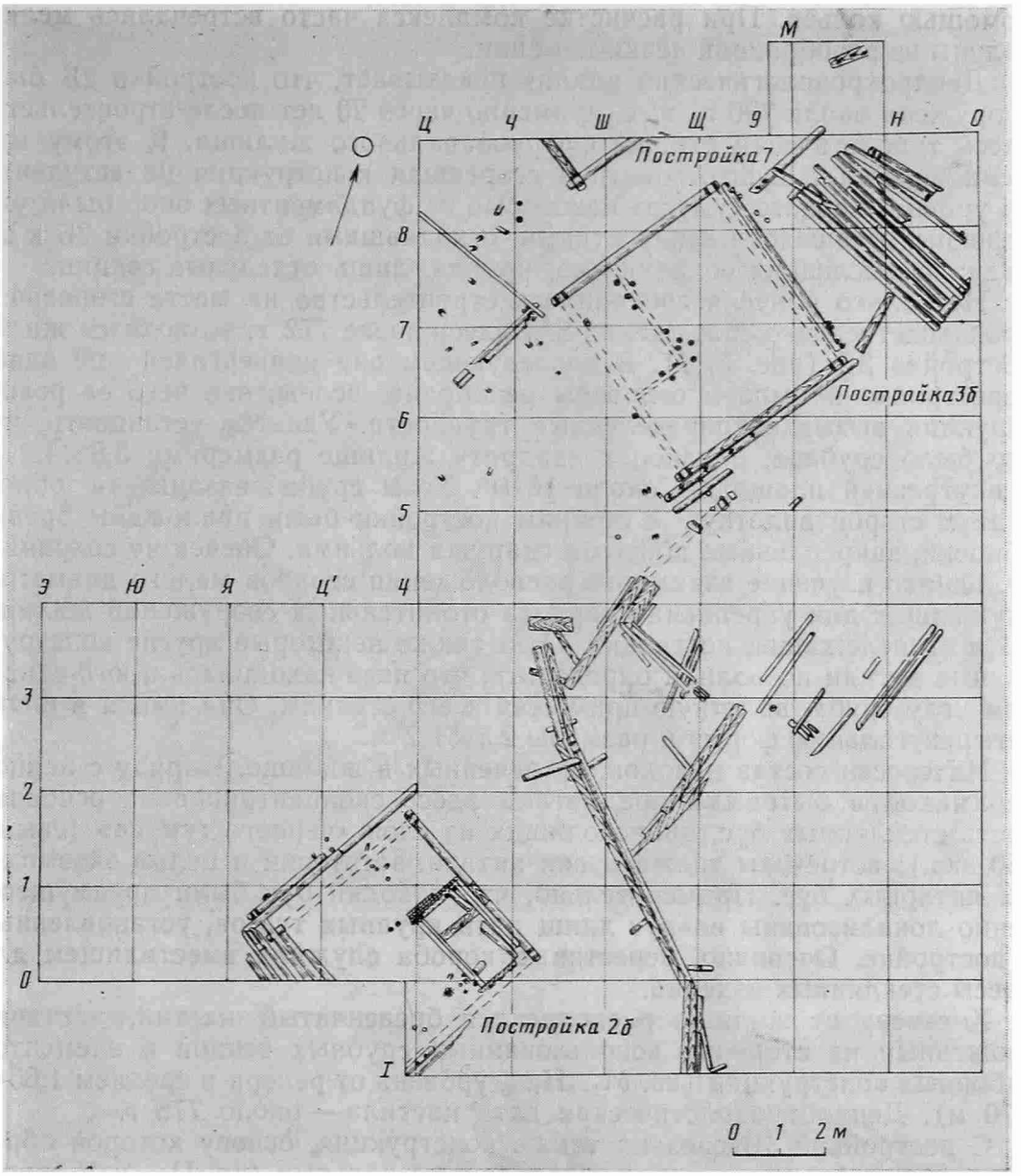


Рис. 4. План среднего строительного яруса горизонта E_3 («слой черного гумуса»)

слабо, но все же и здесь при тщательной разборке и фиксации удается уловить границы между прослойками.

Сооружения слоя «черного гумуса» обнаруживают преемственность с постройками предшествующего этапа. На месте сгоревшего жилища 2В возводится сруб 2Б, лишь несколько смещенный с первоначального участка (нивелировочные отметки этого яруса составляют в среднем 1,8 м; рис. 3, *2, 4*). С западной стороны жилища в 0,3 м от реконструируемой стенки сохранились укрепленные кольями бревна обноски, основание которых на 0,10—0,15 м ниже венцов сруба. Перпендикулярно этим дополнительным наружным бревнам и параллельно несохранившейся южной стене постройки расчищен накат из шести бревен. Судя по нивелировочным отметкам этого настила и отметкам чашевидных вырубок в северном венце сруба, он служил основой для южной стенки жилища. Из-за фрагментарности остатков постройки точные ее размеры не устанавливаются. Ясно лишь, что это была небольшая, близкая к квадрату изба, внутренняя площадь которой не превышала 16 м².

Как и в срубном жилище 2В, прямоугольный опечек размерами 2,2× ×1,2 м располагался в северо-восточном углу постройки. По длинным боковым сторонам он был обнесен двумя ярусами бревен, с торцов ограничен толстыми досками, установленными на ребро и фиксируемыми с

помощью кольев. При расчистке комплекса часто встречались мелкие валуны из разобранной печки-каменки.

Дендрохронологический анализ показывает, что постройки 2Б была сооружена около 790 г., т. е. примерно через 20 лет после строительства здесь типологически сходного первоначального жилища. К этому времени перестала существовать и сгоревшая конструкция на «стульях»: на уровне «черного гумуса» некоторые из фундаментных опор были уже перекрыты пешеходными мостками, отходившими от постройки 2Б к западу; от последних сохранились, правда, лишь отдельные секции.

Несколько ранее возобновилось строительство на месте сгоревшего производственного сооружения 8А. Здесь после 772 г. возводится жилая постройка 3Б (рис. 5, *1*). В последующем она подверглась еще одной перестройке и была в основном разобрана, вследствие чего ее реконструкция вызывает определенные трудности. Удается установить, что это было срубное, близкое к квадрату жилище размерами 3,8×4,2 м, с внутренней площадью около 16 м². Углы сруба связаны «в обло», с двух сторон вплотную к стенкам постройки были приложены бревна обноски, закрепленные вбитыми снаружи кольями. Опечек не сохранился, однако изучение взаимного расположения столбов малого диаметра, служивших для укрепления каркаса отопительных сооружений жилища 3Б и вышележащей постройки 3А, а также некоторые другие конструктивные детали позволили определить, что печь находилась в юго-западном углу сруба, вплотную примыкая к его стенкам. Она имела в плане четырехугольную форму и размеры 2,5×1,2 м.

Интересен состав находок, встреченных в жилище. Наряду с лепной керамикой и бытовыми предметами здесь сконцентрирована основная часть стеклянных бус, происходящих из слоя «черного гумуса» (свыше 150 экз.); встречены также куски янтаря, заготовки и целые экземпляры янтарных бус. Примечательно, что находки бус были преимущественно локализованы вокруг днищ пяти крупных туесов, установленных в постройке. Очевидно, берестяные короба служили вместилищем для массы стеклянных изделий.

К северу от жилища располагался бревенчатый настил, частично сложенный из вторично использованных срубных венцов и элементов наборных конструкций (кв. $М_{7-8}Н_{7-8}$, уровень от репера в среднем 1,65—1,70 м). Дендрохронологическая дата настила — около 778 г.

С постройкой 3Б связана также конструкция, основу которой образуют тонкие бревна и жерди, укрепленные кольями (кв. $Ц_{6-8}$). У северной стенки участка 2 выявлен угол еще одной рубленной «в обло» постройки (№ 7), расположенной в 3,4 м от жилища, параллельно последнему (кв. $Ч_8Ш_8$, нивелировочные отметки 1,75—1,80 м). Порубочные даты венцов сруба позволяют отнести его сооружение ко времени около 782 г.

Характер строительных остатков в слое «черного гумуса» свидетельствует о том, что в последней четверти VIII в. на исследованном участке функционировали два малых однотипных жилища, отстоящих друг от друга на расстоянии около 9 м. К ним примыкали подсобные постройки, о чем можно судить по фрагментарно выявленному жилищно-хозяйственному комплексу 3Б. В 780-е годы между жилищами были проложены пешеходные мостки, состоявшие из нескольких секций и перекрывавшие уже пришедший, по-видимому, в негодность бревенчатый настил в южных квадратах раскопа.

Вышележащий ярус стратиграфически отмечен коричневым слоем гумуса, насыщенным навозом и щепой («бурый гумус I» горизонта $Е_3$ по полевой номенклатуре). Сооружения верхнего микрогоризонта $Е_3$ обнаруживают преемственность с предшествующей застройкой участка, но состав их заметно меняется (рис. 6). Именно на этом уровне происходит окончательное оформление «жилого гнезда», основу которого составляла срубная постройка 3А.

Изба была возведена непосредственно на остатках жилища 3Б (рис. 5, *2*). От северной стороны постройки сохранился нижний венец

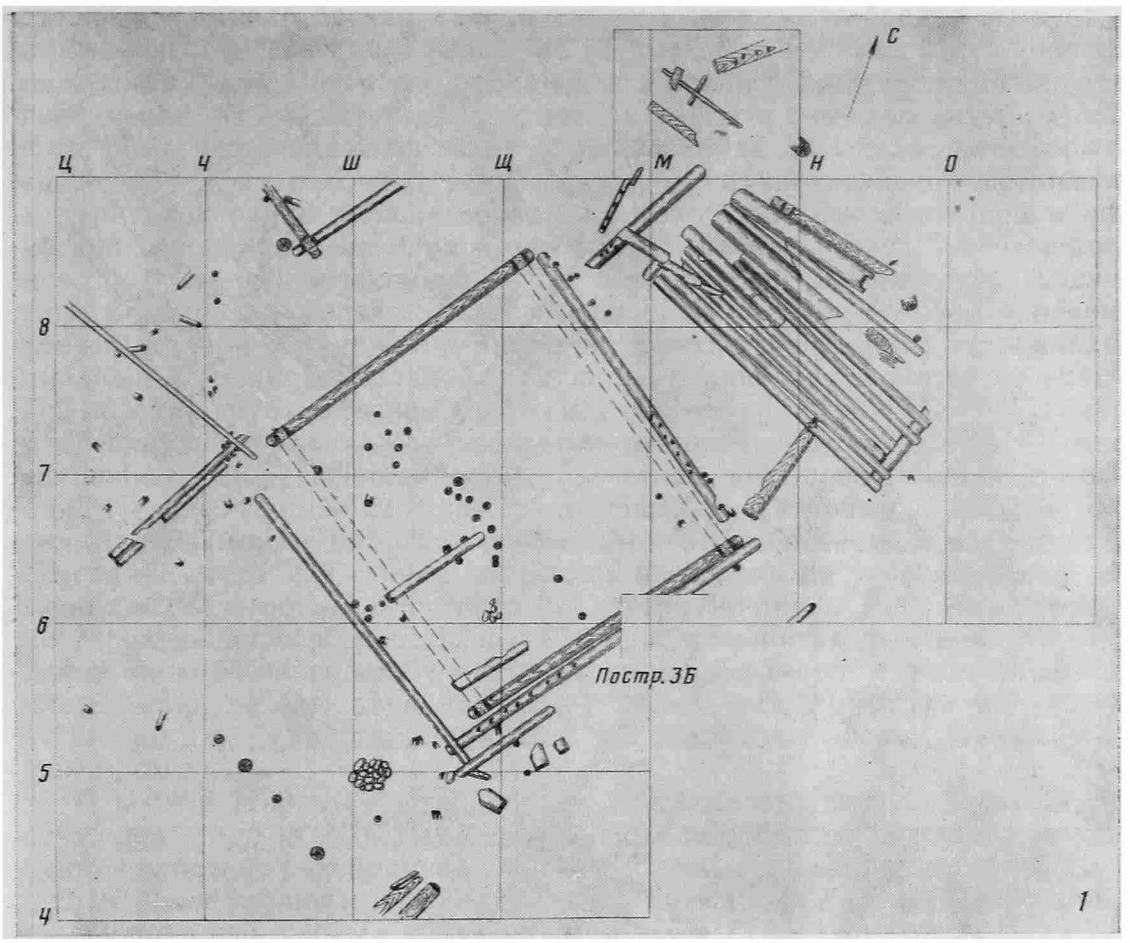


Рис. 5, *2*

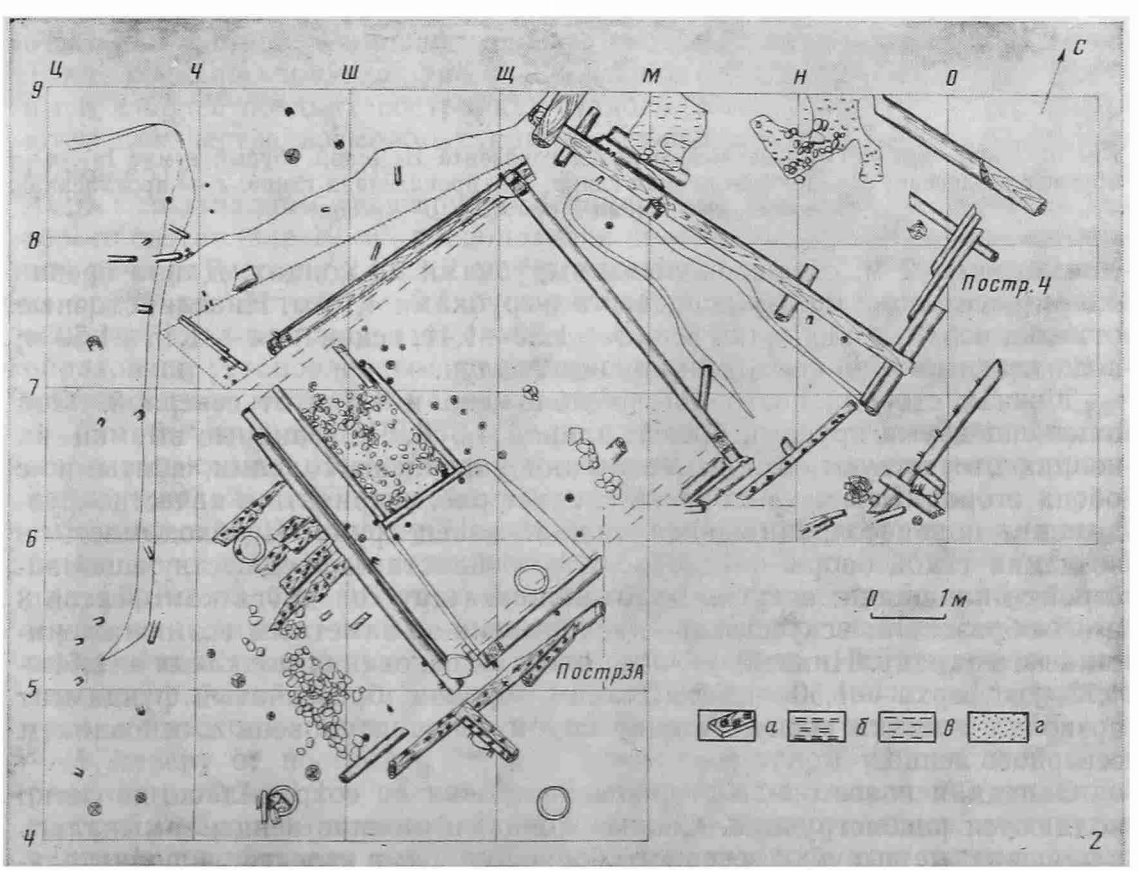


Рис. 5. Горизонт E_3. **Планы ярусов постройки 3 и прилегающих участков.** *1* — нижний строительный ярус (3Б); *2* — верхний строительный ярус (3А); *а* — обугленное дерево; *б* — прокаленная глина; *в* — необожженная глина; *г* — песок

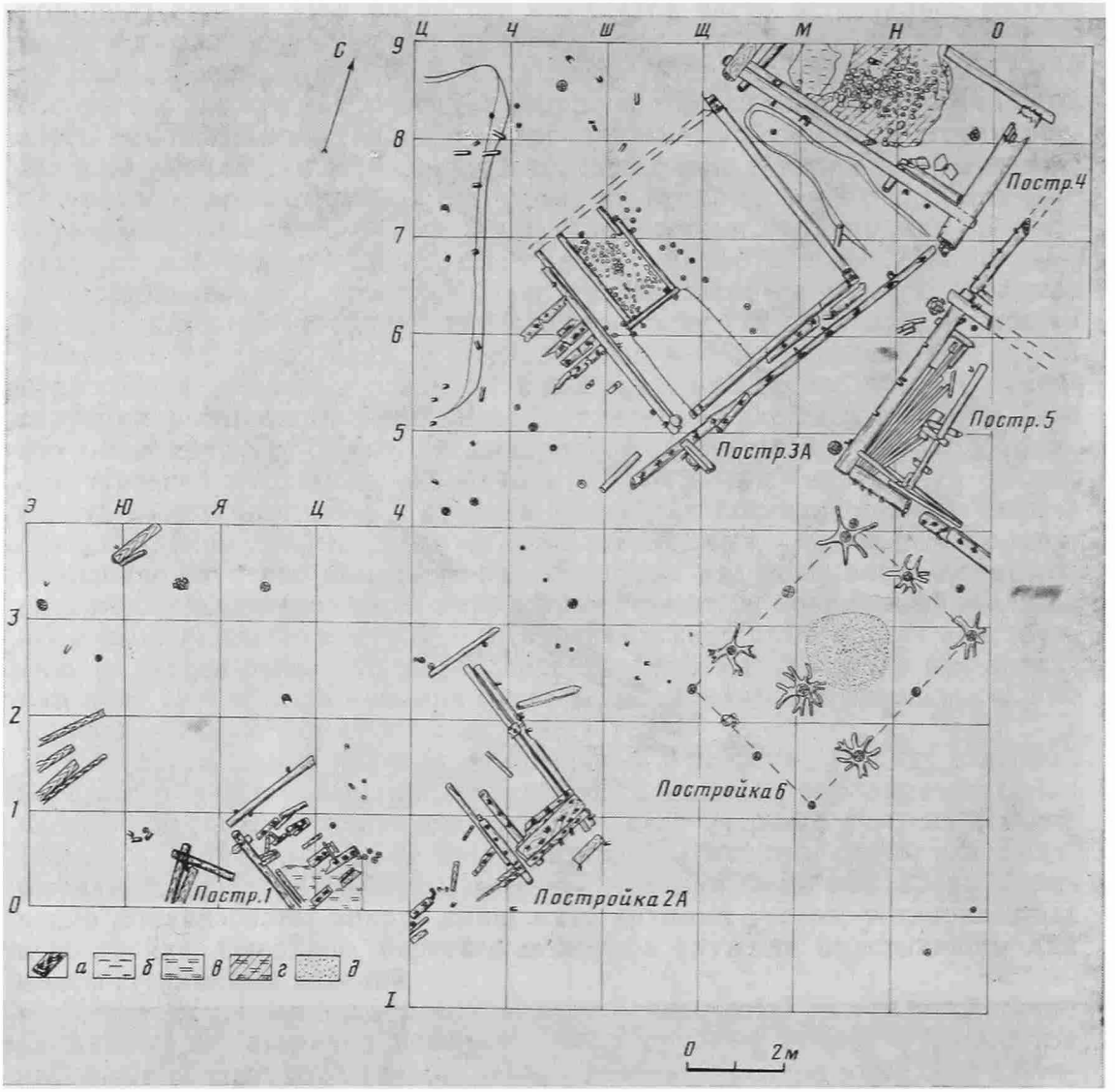


Рис. 6. План верхнего строительного яруса горизонта E_3 (слой «бурый гумус I»). *а* — обугленное дерево; *б* — необожженная глина; *в* — прокаленная глина; *г* — прокаленная глина, смешанная с гумусом; *д* — песок

диаметром 0,2 м, с чашевидными вырубками на концах. Длина бревна 4,8 м, расстояние между концевыми вырубками 4,15 м. Нивелировочные отметки верхней площадки венца — 1,30—1,41, основания — 1,45—1,50 м; под западный край подложен крупный валун.

Южная сторона постройки расположена в 4,6 м от северной. Она отмечена двумя ярусами бревен длиной 4,6 м. Чашевидные выемки на концах отсутствуют, основание стенки укреплено кольями, вбитыми с обеих сторон. Эти ярусы бревен следует рассматривать в качестве фундамента под несохранившийся нижний венец сруба. Необходимость в создании такой опоры обусловлена особенностями предшествующей застройки площадки: остатки наложившихся друг на друга комплексов 8 и 3Б образовали искусственное всхолмление с заметным его понижением к юго-западу. Нивелировочные отметки основания подклада — 1,61—1,73, его верха — 1,50—1,54 м; таким образом, бревенчатый фундамент позволил поднять южную стенку сруба на один уровень с основанием северного венца.

Западная и восточная стороны постройки не сохранились, но легко поддаются реконструкции. Своими концами нижние венцы замыкались в чашевидные вырубки северного бревна сруба; в качестве дополнительной подкладки под противоположный край восточного венца был использован крупный валун, установленный с внутренней стороны бревенчатого фундамента. Снаружи вплотную к реконструируемой восточной

стенке примыкало бревно, закрепленное кольями. Это бревно стыкуется с оконечностью северного венца, но от южной стенки его отделяет промежуток в 0,4 м. Интересно поддающееся расшифровке функциональное назначение этой конструктивной детали. Дело в том, что внутри срубного помещения зафиксирована утрамбованная земляная платформа, сооруженная из плотного темного гумуса со значительной примесью материковой глины и локализованная между восточной стенкой и обноской основания печи. Она имеет правильные прямоугольные очертания, на 0,10—0,15 м приподнята над окружающей поверхностью. Такую форму площадка могла сохранить лишь при наличии боковой деревянной рамы. При обращении к плану постройки устанавливается совпадение южной границы земляной платформы с чашевидной вырубкой внешней обноски сруба и точное положение последней против двух столбиков у опечка, интервал между которыми составляет около 0,2 м. Можно заключить, что бревенчатый каркас возвышенной площадки перед печью одним своим концом был зажат столбами-фиксаторами, а вторым соединен «в замок» с наружным дополнительным бревном. В этом случае основание восточной стенки опиралось не только на угловой валун, но и на боковую обноску платформы внутри жилища. Рассматриваемая конструктивная особенность потребовала дополнительных мер по утеплению нижней части сруба именно с восточной стороны. Этим и объясняется наличие еще двух наружных бревен, уложенных на 0,7—0,8 м от стенки и служивших для укрепления земляной насыпки (завалинки) перед домом.

С южной стороны постройки располагался сгоревший дощатый настил, перекрытый углистыми линзами и набросом из камней и прокаленной глины от разобранной печи. Обугленные доски шириной до 0,20—0,25 м были уложены перпендикулярно бревенчатому фундаменту стенки и опирались своими концами на верхнее бревно подклада. Под тяжестью грунта они просели и имеют излом посередине; очевидно, настильные доски не имели промежуточных лаг. С внешней стороны деревянная платформа ограничена рядом столбов, расположенным в 2,2 м от стенки жилища и имевшим общую протяженность также около 2,2 м. Такие настилы, проходившие только вдоль одного фасада дома, известны и в более поздних постройках Ладоги (горизонт Д) и интерпретируются в качестве возможных крытых галереек — сеней (см., например [15, с. 65]).

В юго-западном углу срубного помещения, внутренняя площадь которого составляла 19 м^2, располагался прямоугольный каркас разобранной печи размерами 2,4×1,2 м. Он вплотную примыкал к западной стене сруба, но отстоял на 0,4 м от южной. С длинных сторон печь была обнесена тонкими бревнами диаметром около 0,1 м, поперечная обвязка образована установленным на ребро горбылем. Каркас закреплен с помощью кольев и столбов малого диаметра.

Столбы диаметром 0,08—0,12 м зафиксированы и по центральной оси всего жилища. Некоторые из них связаны с отопительным сооружением нижележащей постройки 3Б, но основная часть относится к рассматриваемому комплексу. Намечается довольно регулярная линия столбовых конструкций, отстоящая от печи и примыкающей к ней земляной платформы на 0,4—0,5 м. У большинства столбов вершина обрублена и уплощена, многие из них имеют следы обугленности. Нивелировочные отметки верха варьируют в диапазоне от —1,25 до —1,55 м, но в целом для центральной линии столбов устанавливается совпадение верхнего уровня с несколько более приподнятой южной частью жилища.

К северу от постройки 3А под некоторым углом к последней и на расстоянии 0,7—2,2 м располагалась постройка 4, отделенная от жилого сруба обводной канавой (рис. 5, *2*). Это прямоугольное, вытянутое в плане сооружение, внутренние размеры которого составляют около 6×3 м (нивелировочные отметки, в среднем — 1,30—1,40 м от репера). Его основание образуют затесанные наполовину бревна диаметром 0,22—0,35 м. Длинные стороны конструкции уложены непосредственно

на грунт или на подклады из обрубков бревен и не имеют концевых вырубок. Связка по углам обеспечивалась наличием чашевидных выемок с нижней стороны поперечных стенок.

Внутри постройки зафиксированы развал разобранного очага или печи, занимающий основную часть площади, но обнаруживающий преимущественную концентрацию в западной половине сооружения. Он представлен скоплением колотого камня, а также мощными линзами прокаленной до кирпичного обжига и необожженной серой глины.

К востоку от обоих сооружений на расстоянии 0,8—2,0 м располагалась постройка 5, вскрытая лишь частично. Она представлена двумя секциями, образованными взаимно перпендикулярными бревнами без угловых связей «в замок». Бревна укреплены кольями, вбитыми в основном с наружной стороны сооружения. По углам расположены крупные столбы диаметром 0,20—0,25 м. Внутри комплекса расчищены остатки настила из жердей. Нивелировочные отметки постройки 5 составляют — 1,40—1,50 м от репера.

В 1 м к югу от нее исследовано основание амбара (постройка 6) в виде «стульев» — пней с остатками корневой системы — и вкопанных в землю столбов [1, с. 48—49]. Столбы и «стулья», имевшие центральные шипы на верхней затесанной площадке, служили фундаментом для постройки хозяйственного назначения, приподнятой над поверхностью и не подвергавшейся действию сырости.

Параллельно южной линии фундаментных пней располагался дополнительный ряд столбов, поддерживавших предмостье амбара. Размеры последнего, определяемые расстоянием между шипами крайних угловых «стульев», 4×3 м, предмостья — 2×1,1 м.

Четыре тесно расположенные постройки составляли единый жилищно-хозяйственный комплекс. К западу от него прослежена длинная канава, ограничивающая участок «жилого гнезда». Еще более показательно ограждение этого участка, отмеченное четкой линией из кольев и столбов малого диаметра — опор для плетня. На юге изгородь примыкала к предмостью амбара, далее к западу тянулась почти параллельно жилой постройки на расстоянии 1,5—2 м от сеней последней и затем поворачивала на север, точно следуя контурам восточного края обводной канавы.

За пределами оконтуриваемой таким образом усадьбы оказывается лишь постройка 2А, отражающая заключительный этап строительной деятельности на площадке, ранее занятой срубными жилищами 2В и 2Б. О преемственной связи верхнего яруса с нижележащими постройками свидетельствует не только их положение на одном и том же участке при непосредственном наложении разновременных остатков сооружений, но и сходство планировки, размеров, конструктивных элементов (рис. 3, *3*, *4*).

Жилище 2А (нивелировочные отметки 1,4—1,5 м от репера) было уничтожено пожаром и в основном разобрано; к тому же оно вскрыто не полностью. Сохранились лишь частично выявленный в границах раскопа южный венец сруба с чашевидной вырубкой на конце и, по-видимому, почти вплотную примыкавшие к северной и западной стенам постройки, фрагменты наружных бревен обноски. Реконструируемые размеры жилого помещения 4×4 м, его площадь около 16 м^2. В заполнении сруба и особенно к северо-западу от него по скату площадки встречено много камней от разобранного отопительного сооружения. В южной половине жилища зафиксирован наброс из обгоревших трехгранных брусьев, плашек и горбыля, имевших одинаковые размеры (0,58—0,60 м). Есть основания их также рассматривать в качестве деталей опечка. Сама печь находилась в юго-западном углу избы. Именно здесь локализована линза прокаленной глины с углями, примыкающая к частично прослеженной бревенчатой обноске, уложенной параллельно южной стенке сруба в 0,1 м от ее нижнего венца. Предполагаемая длина опечка по продольной оси 2,2—2,4 м.

С севера к срубу примыкал сгоревший и в значительной степени уже разобранный настил из массивных досок и горбыля, уложенный на поперечные бревенчатые лаги. Лаги фиксируются с помощью кольев, по своему протяжению они соответствуют длине жилища. Ширина настила, проходившего вдоль стены дома, достигает 2 м. Представляется очевидным конструктивное и функциональное тождество этой пристройки с дощатой платформой жилища 3А. Заслуживает внимания и то обстоятельство, что в обоих неоднократно перестраивавшихся жилых комплексах сени появляются не сразу, а лишь в верхнем микрогоризонте E_3.

С юго-запада от рассматриваемого объекта, но несколько выше по уровню расчищен обрубленный угол сруба, также имеющий следы обугленности (постройка 1). Судя по ряду данных, это часть разобранного основания избы 2А, использованная в качестве подклада под какое-то несохранившееся сооружение.

Существенным дополнением к приведенной характеристике застройки верхнего микрогоризонта E_3 являются дендрохронологические определения отдельных комплексов, а также некоторые материалы, документирующие назначение вскрытых сооружений.

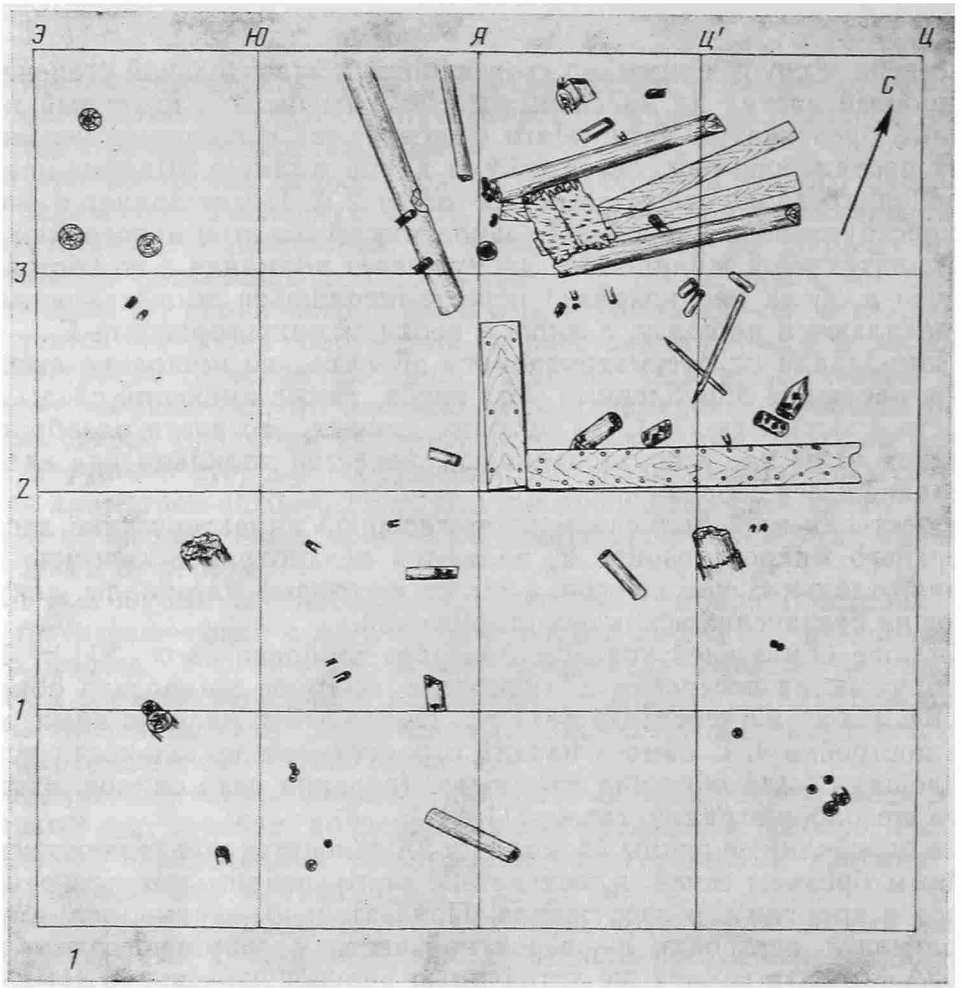
Жилище обитателей усадьбы 3А было срублено около 811 г. Тогда же сооружаются постройки 5 (наиболее поздняя дендродата образцов 809 г.) и амбар на «стульях» (811 г.). Около 815 г. рядом с ними возводится постройка 4. С самого начала строительной деятельности усадебная площадь была обнесена изгородью (верхняя дата спилов, взятых с кольев и столбов оградки, также 811 г.).

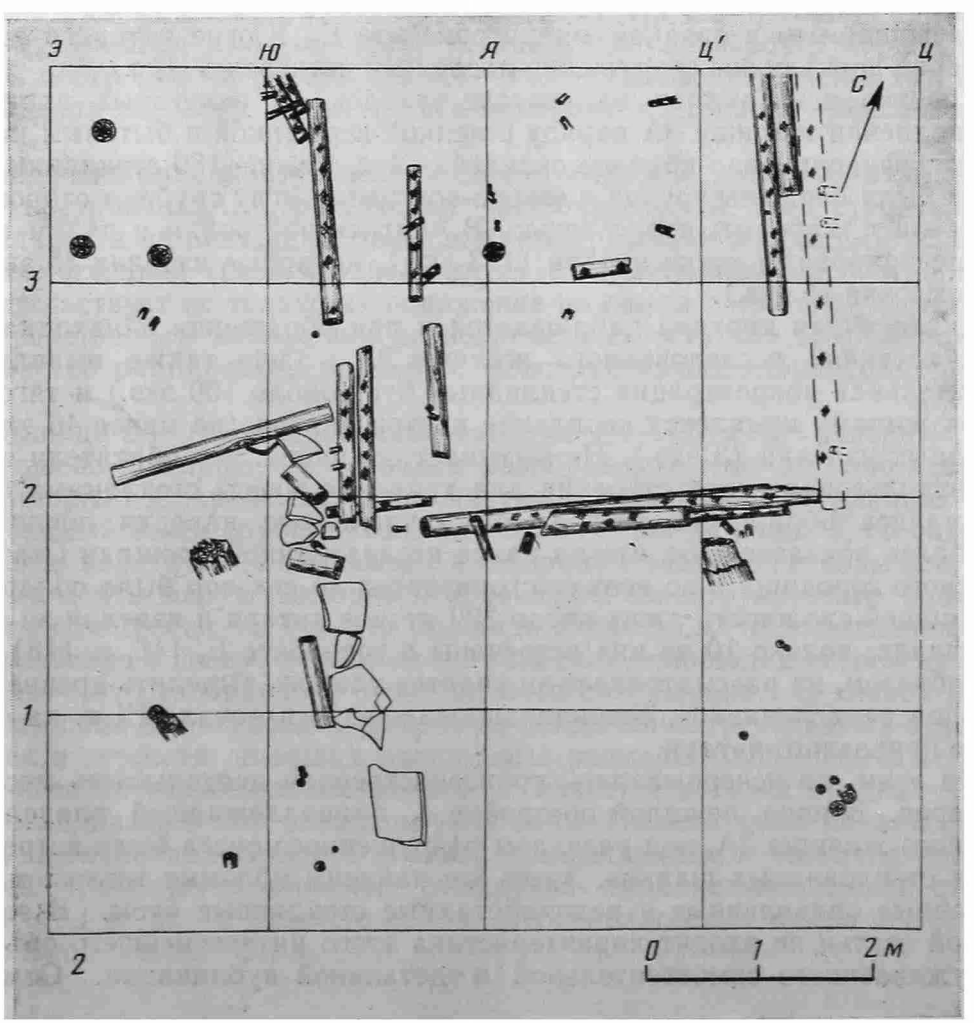
Все определимые спилы из жилища 2А относятся ко вторично использованным бревнам сеней и вследствие этого непригодны для решения вопроса о времени его сооружения. Показательно, однако, что образцы из фрагмента постройки 1 — вероятной части разобранного основания избы 2А — имели всю ту же устойчивую порубочную дату — 811 г. Развернувшаяся в 10-х годах IX в. на всей исследованной площади активная строительная деятельность была вызвана пожаром, археологически прослеживаемым в среднем микрогоризонте E_3, в огне которого единовременно погибли все сооружения последней четверти VIII в.

Коротко остановимся на составе находок из некоторых построек. В заполнении жилища 3А наряду с лепной керамикой и бытовым инвентарем зафиксировано крупное скопление бус. Свыше 150 стеклянных изделий были сложены грудой в северо-восточном углу сруба, в стороне от земляной платформы перед печью. В «пятне» постройки и рядом с ней сконцентрированы куски янтаря (153 экз.), янтарные изделия (5 экз.) и их заготовки (5 экз.).

Аналогичная картина наблюдается и при обращении к находкам из лишь частично исследованного жилища 2А. Здесь также выявляется значительная концентрация стеклянных бус (около 100 экз.) и тяготеющее к жилому комплексу скопление кусков янтаря (не менее 46 экз.) и янтарных изделий (3 экз.). Не вызывает сомнения, что обитатели обеих изб использовали свои строения для хранения массы стеклянных бус и занимались обработкой янтаря. Многочисленные находки последнего тем более показательны, что на ранее исследованной площади Староладожского городища и во всех его горизонтах до сих пор было обнаружено в общей сложности лишь около 320 кусков янтаря и изделий из этого материала; только 10 из них встречены в горизонте E_3 [16, с. 118]. Таким образом, на рассматриваемом участке удалось выделить древнейшие жилища ремесленников, специализировавшихся в начале IX в. на обработке привозного янтаря.

Но этим не исчерпывалась производственная деятельность местных мастеров. В явно нежилой постройке 4, принадлежавшей владельцам срубного жилища 3А, под развалом разрушенного очага были встречены сотни стекловидных шлаков. Здесь же найдены обломки тиглей, многочисленные оплавленные и недоработанные стеклянные бусы. В задачи данной статьи не входит характеристика этого интереснейшего объекта, заслуживающего самостоятельной и детальной публикации. Отметим


Э
Ю
Я
Ц'
Ц
С
3
2
1
1


Э
Ю
Я
Ц'
Ц
С
3
2
1
2
0
1
2 м

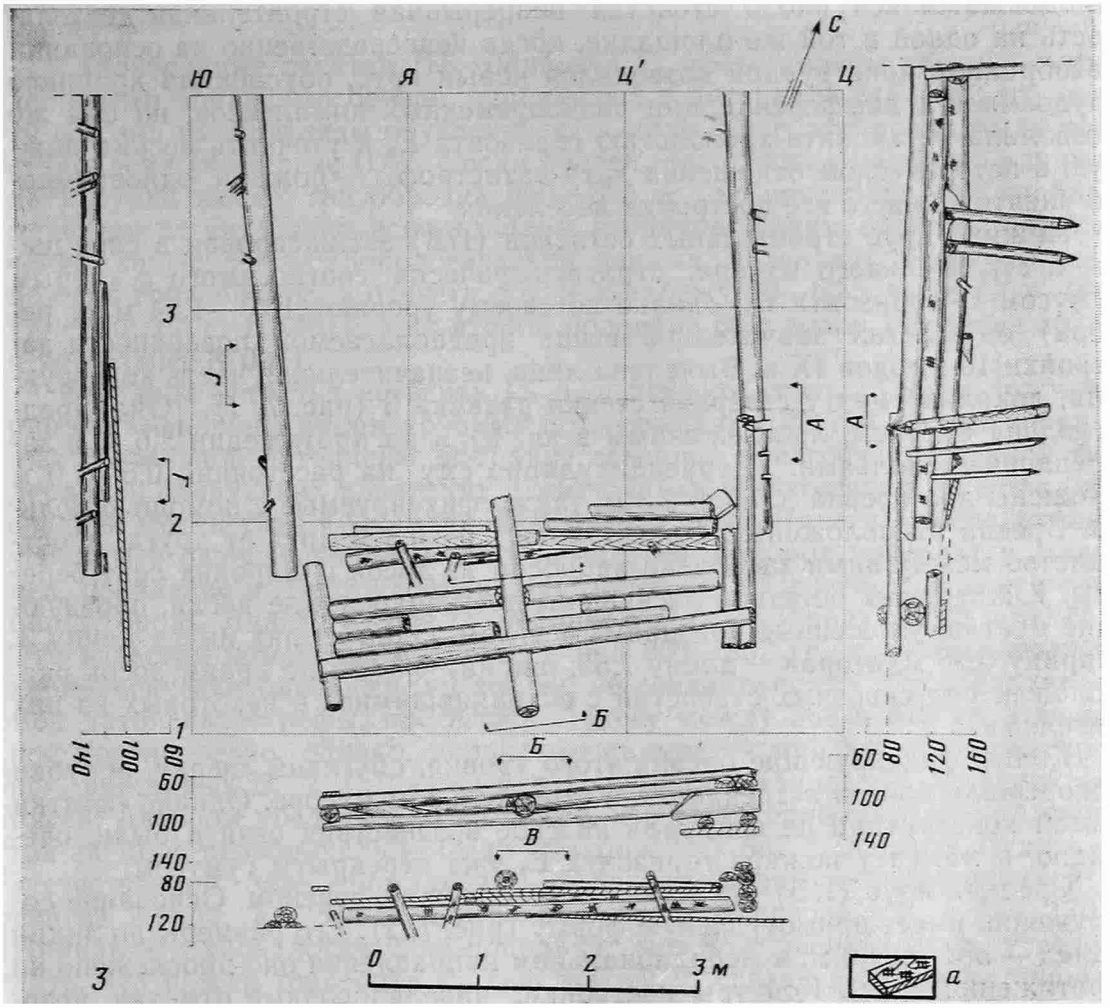


Рис. 7. План ярусов сооружения II. *1* — уровень горизонта E_3(IIВ); *2* — уровень горизонта E_2(IIБ); *3* — уровень горизонта E_1(IIА); *а* — обугленное дерево

лишь, что лабораторные химико-технологические исследования показали: постройка 4 — это стеклодельная мастерская, работавшая на привозном сырье. В литературе уже высказывалось мнение о возможности существования в Ладоге VIII—X вв. производства стеклянных украшений из привозных полуфабрикатов и стеклянного боя [17, с. 8, 9], но решить этот вопрос не удавалось из-за отсутствия на исследованной площади бесспорных остатков стеклодельных мастерских [18, с. 89—111]. Вместе с тем существуют данные, свидетельствующие о попытках организации стекловарения в IX—X вв. в некоторых раннегородских торгово-ремесленных центрах Балтийского региона (Волин, Хедебю) [18, с. 111], с которыми древняя Ладога поддерживала самые тесные контакты. Открытая в низовьях Волхова мастерская начала IX в.— древнейшее свидетельство существования этого производства как в Восточной, так и в Северной Европе.

Вышележащий горизонт E_2, отмеченный на основной площади поселения сплошным слоем пожара, на рассматриваемом участке почти не выявляется. Это обусловлено радикальным изменением застройки в последующий период, сопровождавшейся полной разборкой более древних сооружений. При раскопках 1973—1975 гг. на уровне E_2 лишь изредка встречались разбросанные и обугленные бревна и доски, за единичными исключениями оказавшиеся непригодными для дендрохронологического анализа. В процессе возобновившихся работ на участке 3 был открыт стратиграфически сложный объект II, начальный этап сооружения которого (IIВ) относится к концу существования микрогоризонта E_3, средний (IIБ) — к горизонту E_2, верхний (IIА) — к горизонту E_1; последний в свою очередь перекрыт плохо сохранившимся настилом горизонта Д.

Продолжавшаяся около столетия непрерывная строительная деятельность на одной и той же площадке, когда непосредственно на основании разобранной конструкции возводился новый ярус, обусловила крайнюю трудоемкость дифференциации разновременных комплексов, но она же позволила установить хронологию горизонта E_2 и уточнить весьма важную в историческом отношении дату катастрофы — пожара, одновременно уничтожившего все постройки поселения.

Нижний ярус строительных остатков (IIВ) зафиксирован в слое щепы и строительного мусора, стратиграфически соотносимого с «бурым гумусом I» горизонта E_3; однако по своему уровню (1,40—1,54 м от репера) он залегал значительно выше предполагаемой поверхности застройки 10-х годов IX в. Выявлена лишь незначительная часть конструкции, локализуемая у северной стенки раскопа 3 (рис. 7, *1*). Она представлена бревном, прослеженным в кв. $Ю_{2-3}$ на протяжении 2,6 м и закрепленным кольями. Перпендикулярно ему на расстоянии 0,5—1,0 м уложены два бревна длиной 2,3 м, также фиксируемые с помощью кольев. Бревна расположены на расстоянии 0,6—0,8 м друг от друга, пространство между ними заполнено набросом из досок и широких лент бересты. Южнее этих остатков расчищены две корабельные доски, образующие мостки, уложенные под прямым углом. Одна из них имеет длину 3, ширину 0,36 м, вторая — длину 1,55, ширину 0,36 м; по краям досок расположен ряд сквозных отверстий с сохранившимися в некоторых из них нагелями.

Колья, фиксирующие бревна этого уровня, обуглены сверху, обрубки обгоревших бревен встречаются в строительном мусоре. Однако остатки самой конструкции не испытали на себе воздействия огня и были, очевидно, к моменту пожара горизонта E_2 уже перекрыты гумусом.

Средний ярус (IIБ) представлен обгоревшим деревом. Основание сооружения имеет прямоугольную форму (рис. 7, *2*). Его размеры по линии запад — восток 4,6 м, в меридиональном направлении оно прослежено на протяжении 4,3 м. Контуры постройки, нивелировочные отметки которой составляют в среднем 1,25—1,40 м, образованы уложенными в один — три ряда бревнами и горбылем, закрепленными с помощью кольев, вбитых с наружной стороны.

Верхний ярус (IIА) представляет по существу возобновление пострадавшего в огне сооружения (рис. 7, *3*). На обгоревшие остатки, трассирующие стороны конструкции, были уложены сверху новые бревна и горбыль; для их фиксации использовались как колья, крепившие нижележащий ярус IIБ, так и колья, вбитые на последнем этапе строительства. Единственное конструктивное изменение выразилось в появлении южной пристройки шириной 1,0—1,2 м. С боков последняя была ограничена короткими бревнами, служившими продолжением западной и восточной сторон комплекса. Кроме того, она прочно связывалась с основным сооружением посредством поперечного бревна, один конец которого опирался на южную стенку постройки, в средней части был замкнут в чашевидной вырубке бревна внутри пристройки, а вторым концом зажат между двумя ярусами бревен ее южной оконечности.

Характер сооружения свидетельствует о его хозяйственном назначении. От постройки горизонта E_2 сохранилось лишь основание, утопленное в слое строительного мусора. Заполнение верхней перестроенной части, относящейся к горизонту E_1,— стойловый спрессованный навоз. Очевидно, комплекс II на протяжении всего времени своего существования использовался в качестве хлева.

Значительная серия дендродат, полученная для этого объекта, полностью подтвердила объективность произведенного в полевых условиях его деления на яруса. Порубочные даты дерева с уровня IIВ относятся к 20—30-м годам IX в., наиболее вероятное время начального строительства — около 838 г. Функционирование сооружений верхнего микрогоризонта E_3 (слой «бурого гумуса I») в 30-е годы IX в. подтверждается и другими данными. Так, в рассмотренной выше постройке 5, возведенной около 811 г., расчищен более поздний, но явно связанный с этим хозяй-

ственным сооружением настил из жердей и горбыля, уложенный не ранее 837 г.

Строительные остатки IIБ горизонта E_2 представлены восемью определимыми образцами бревен, срубленных в интервале 845—863 гг.; почти все они имеют следы обугленности. Около 871 г. постройка была восстановлена (комплекс IIА). Среди бревен этого уровня наиболее раннюю дату рубки имеют три образца 860—865 гг., но последние (по крайней мере два из них) явно использованы вторично. Таким образом, привлечение новых дендрохронологических данных позволяет уточнить дату пожара горизонта E_2 и отнести его не к рубежу 50—60-х годов IX в. (ср. [7, с. 80; 19, с. 47, 48]), а ко второй половине 60-х годов (не ранее 863 г. и не позднее 870 г.).

Середина — третья четверть IX в. в истории северорусских территорий ознаменованы рядом крупных политических событий, зафиксированных Начальной летописью: изгнание северной предгосударственной федерацией славянских и финских племен варягов-находников за море (последние могли уйти в Скандинавию только через Ладогу), последующие усобицы в разноэтничной местной среде («и вста род на род») и, наконец, появление в Ладоге Рюрика («И придоша к Словеном первее и срубиша городъ Ладогу и седе старейший в Ладозе Рюрик») [20, стб. 15]. Эти известия помещены в летописи под 859—862 гг., т. е. оказываются хронологически близкими, но все же не совпадающими с устанавливаемой датой катастрофы, постигшей Ладогу между 863 и 870 гг. Указанное противоречие, однако, полностью снимается при учете корректировок, внесенных Б. А. Рыбаковым в хронологию начальных киевских записей. Автором убедительно показано, что сообщение об изгнании варягов за море первоначально было приурочено к 867 г. Затем в Ладоге — «естественной базе норманнов» — появился Рюрик, обосновавшийся в ней на 2 года, а в 870 г. переселившийся в Новгород [21, с. 169, 170]. Приняв эти хронологические поправки, можно с уверенностью утверждать, что пожар горизонта E_2 действительно связан с одним из бурных событий раннегосударственной истории Руси, в полулегендарной форме запечатленных в летописных списках [2].

Вышележащий горизонт E_1 представлен, в первую очередь, хорошо сохранившейся обширной постройкой с печью в центре — самым крупным «большим домом» из сооружений этого типа, исследованных на поселении, отличающимся к тому же рядом интересных конструктивных особенностей (рис. 8). Данный комплекс, частично вскрытый еще в 1950 г., был полностью изучен в ходе раскопок 1973 и 1981 гг. В связи с тем, что эта постройка уже получила достаточно полное освещение в публикациях [1, с. 39—47; 6, с. 39—43], здесь мы приводим лишь самую общую ее характеристику.

Границы всего строительного комплекса определяются по длинным и массивным бревнам обноски, с трех сторон окружающих срубное помещение. Его размеры (16,6—17,3) × 10,0 м, общая площадь составляет около 170 м². Северное бревно обноски имеет на концах чашевидные вырубки, в которые уложены затесанные снизу края перпендикулярных бревен; с наружной стороны обвязка укреплена вбитыми кольями.

Основу комплекса составляет срубное жилище, отделенное от западной и восточной сторон обноски промежутком шириной около 1 м. Южная стенка сруба сохранилась на два, остальные на один венец. Венчатые стены, рубленные «в обло», сложены из бревен диаметром 0,18—0,20 м. Размеры жилого помещения 10,7×7,45 м, его площадь составляет около 77,5 м².

---

[2] Г. Ф. Корзухина, датировавшая пожар серединой IX в., писала по этому поводу: «Естественно возникает вопрос: не связаны ли тревожные события, начавшиеся для жителей „Земляного городища" с общего пожара (E_2) и закончившиеся коренным изменением всего облика поселка, с появлением на мысе новой группы людей? С изменением внешнего облика поселения в культурном слое появляются не встречающиеся ранее амфоры, скандинавские вещи, гирьки и пр.» [19, с. 82, 83]. В действительности древности северноевропейского происхождения представлены и в более ранних слоях, однако значительно чаще они начинают встречаться именно после этого пожара.

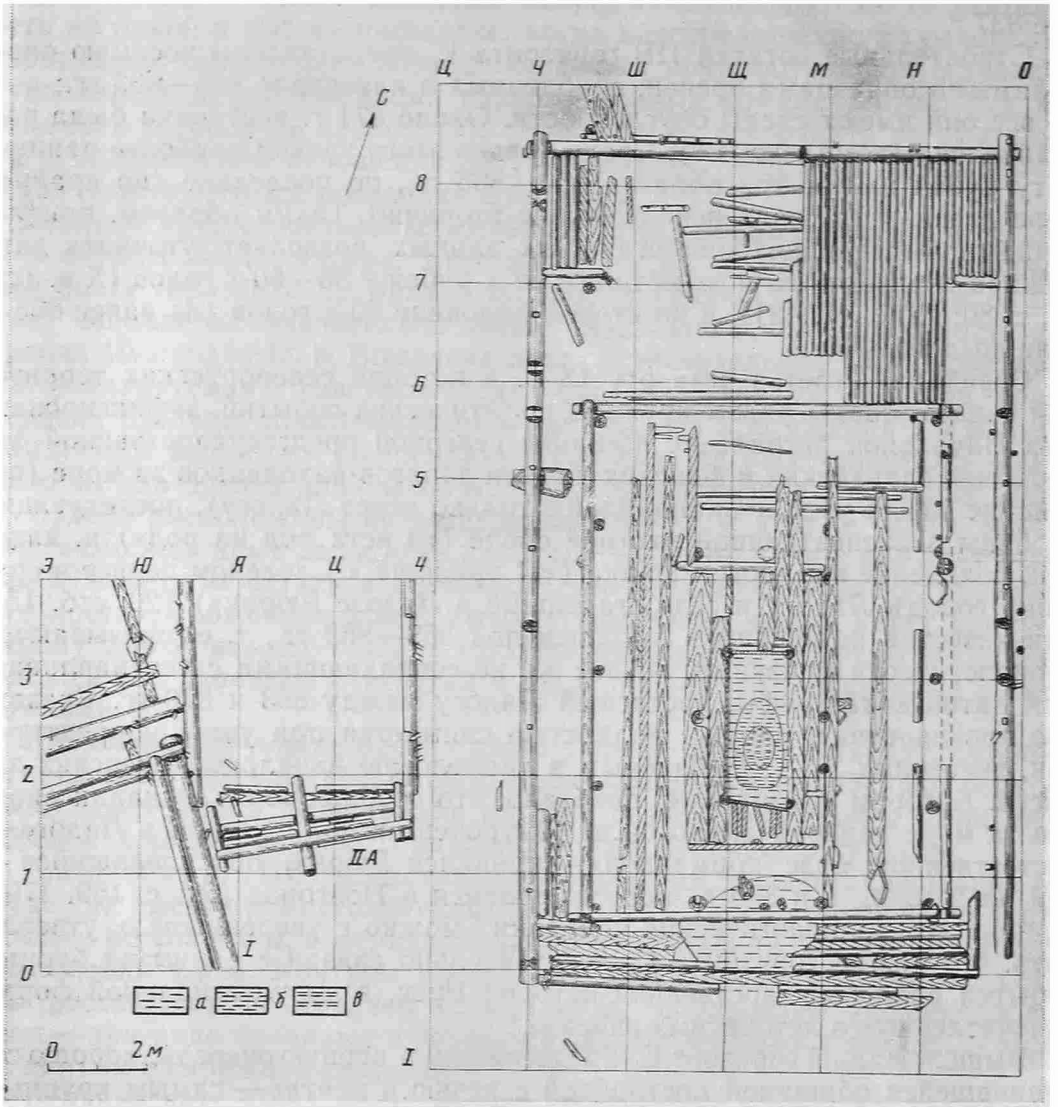


Рис. 8. План строительных остатков горизонта E_1. *а* — необожженная глина; *б* — прокаленная красная глина; *в* — прокаленная белая глина

Внутри сруба выявлены остатки столбов, расположенных в четыре ряда. Крайние ряды столбов вплотную примыкали к западной и восточной стенам жилища, средние отстояли от них на расстоянии 2 м, отмечая среднюю треть помещения шириной 3,5 м. По центральной продольной оси сруба располагалось отопительное сооружение, несколько смещенное к южной стене постройки. Сохранилось его основание в виде платформы из плотной утрамбованной глины размерами 3,0×1,3 м. С четырех сторон основание обнесено каркасом из досок, связанных столбами в углах опечка. Вся средняя часть отапливаемого помещения имеет сплошное дощатое покрытие пола, непосредственно стыкующееся с обноской глинобитной платформы. Остатки настила отмечены и в боковых третях жилища.

Фрагментарное состояние отопительных сооружений в ладожских «больших домах» допускает возможность их интерпретации и в качестве очагов, и в качестве печей. В данном же случае речь может идти только о печи. Во-первых, само наличие дощатой опалубки и сплошного деревянного пола вокруг платформы свидетельствует в пользу того, что мы имеем дело не с открытым очагом. Во-вторых, при разборке глинобитного основания выяснилось, что лишь часть его подвергалась воздействию огня: прокаленное до кирпичного обжига пятно, имеющее форму правильного овала с прямосрезанным южным краем, близко подходящим к южной стороне платформы, соответствует, по всей вероятности, форме и

размерам печи. Последняя занимала среднюю и южную части глиняного основания, а своим устьем была обращена к югу.

С южной стороны сруба находился и вход в постройку. Он отмечен настилом, примыкавшим с наружной стороны к стенке жилища. Центральную часть настила занимает платформа из утрамбованной необожженной глины, продолжение которой зафиксировано внутри помещения. С нею же связано и скопление остатков столбов у южной стенки с внутренней стороны. Глинистая линза образует площадку на уровне середины второго венца, служившую основой для деревянного приступка у входа. Дверной проем начинался с третьего венца и находился на одной линии с реконструируемым устьем печи.

Отапливаемое помещение было связано с северной пристройкой посредством боковых галерей, основу которых составляли западное и восточное бревна обноски. На поверхности последних сохранились многочисленные пазы и вырубки для установки вертикальных тесаных столбов с продольными пазами для наборных стенок; такие конструктивные детали неоднократно встречались при разборке рассматриваемого объекта.

В целом обширное сооружение, исследованное в горизонте E_1, представляло собой единый и закрытый со всех сторон жилищно-хозяйственный комплекс, состоящий из жилого сруба с печью в центре, пристройки с бревенчатым покрытием пола и боковых галерей, перекрытых общей крышей.

При строительстве «большого дома» широко использовались детали разобранного морского судна (корабельные доски, шпангоуты). Некоторые данные позволяют интерпретировать исследованный комплекс в качестве жилища обосновавшейся в Ладоге купеческой артели. Возможно, именно такие рубленые дома северных торговцев-русов, рассчитанные на 10—20 человек («меньше или больше»), наблюдал на берегах Волги в 921—922 гг. багдадский путешественник Ибн-Фадлан [22, с. 79, 135]. Дополнительный дендрохронологический анализ позволил уточнить дату строительства этого объекта, в предварительном плане определенную на материалах раскопок 1973 г., и отнести его ко времени около 894 г.

К горизонту E_1 принадлежат также две хозяйственные постройки, локализованные на участке 3 к западу от «большого дома». Одна из них, описанная выше (сооружение IIA), использовалась, по-видимому, для содержания скота. Аналогичное назначение имела и расположенная впритык постройка I, заполненная стойловым навозом. Выявлен лишь угол этой конструкции, образованный двумя рядами бревен; наружное северное бревно замкнуто в чашевидную вырубку на конце более массивного восточного, с внешней стороны основание постройки закреплено вбитыми кольями. Дендродата хлева I — 878 г. Таким образом, оба хозяйственных сооружения на участке 3 были возведены еще до строительства «большого дома» и, очевидно, связаны с иным жилым сооружением горизонта E_1.

После разборки пришедшей в негодность обширной постройки с печью в центре на ее месте был возведен типологически сходный, но значительно хуже сохранившийся и не полностью вскрытый комплекс горизонта Д (рис. 9, 10). Южная часть сооружения, образованная остатками жилого помещения, отделена от нижележащего уровня прослойкой бурого гумуса мощностью около 0,2 м, насыщенной строительным мусором — щепой, обрубками бревен, досками и плахами. Северная часть уложена непосредственно на бревенчатый пол пристройки «большого дома» и утоплена в черное гумусное заполнение, накопившееся за время функционирования этого объекта. Если нивелировочные отметки постройки горизонта E_1 составляют в среднем 1,05—1,30 м от репера, то вышележащий уровень характеризуется нивелировочными отметками — 0,80—1,20 м.

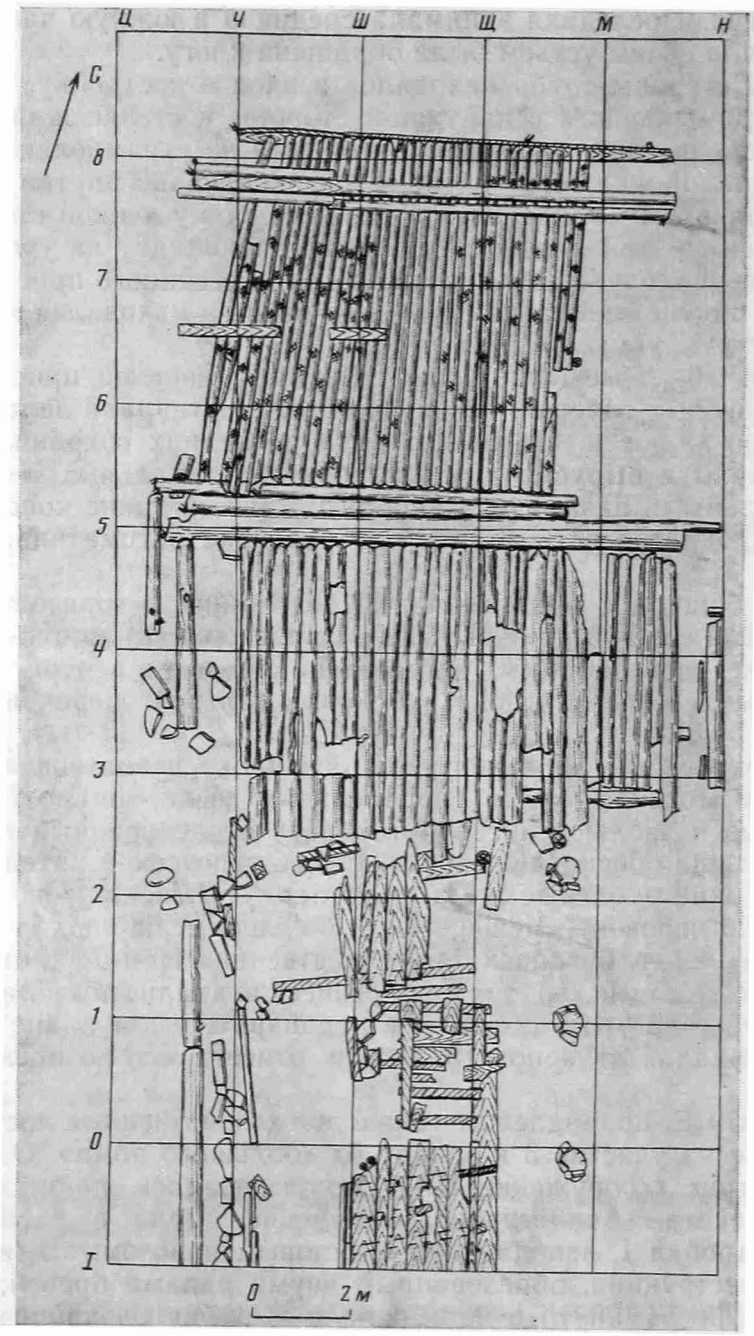


Рис. 9. План застройки горизонта Д по материалам раскопок 1973—1985 гг. (нижний уровень настилов)

Фрагментарность постройки горизонта Д и особенно почти полностью разобранной основы этого комплекса — срубного отапливаемого помещения — затрудняет его реконструкцию. Некоторые детали удается восстановить лишь при сопоставлении этого сооружения с «большим домом» горизонта E_1. Выделяется его домообразующая часть, занимающая центральные и южные квадраты раскопа. С запада и севера она ограничена уложенными перпендикулярно друг к другу мощными бревнами обноски диаметром 0,3—0,4 м. Западная ограничительная линия (кв. $Ц_{1-5}$) состоит из нескольких стыкующихся торцами бревен; в ней имеется разрыв, но, по-видимому, поздний, связанный с последующей разборкой комплекса. Бревна неошкурены, в местах стыка сохранились колышки-фиксаторы. В пределах раскопа западная обноска прослежена на протяжении 11,8 м.

Северное ограничительное бревно, также не подвергавшееся поверхностной обработке, выявлено полностью (линия кв. $Ц_5$—$М_5$). Его длина, соответствующая размерам постройки, 8,4 м. На западном конце

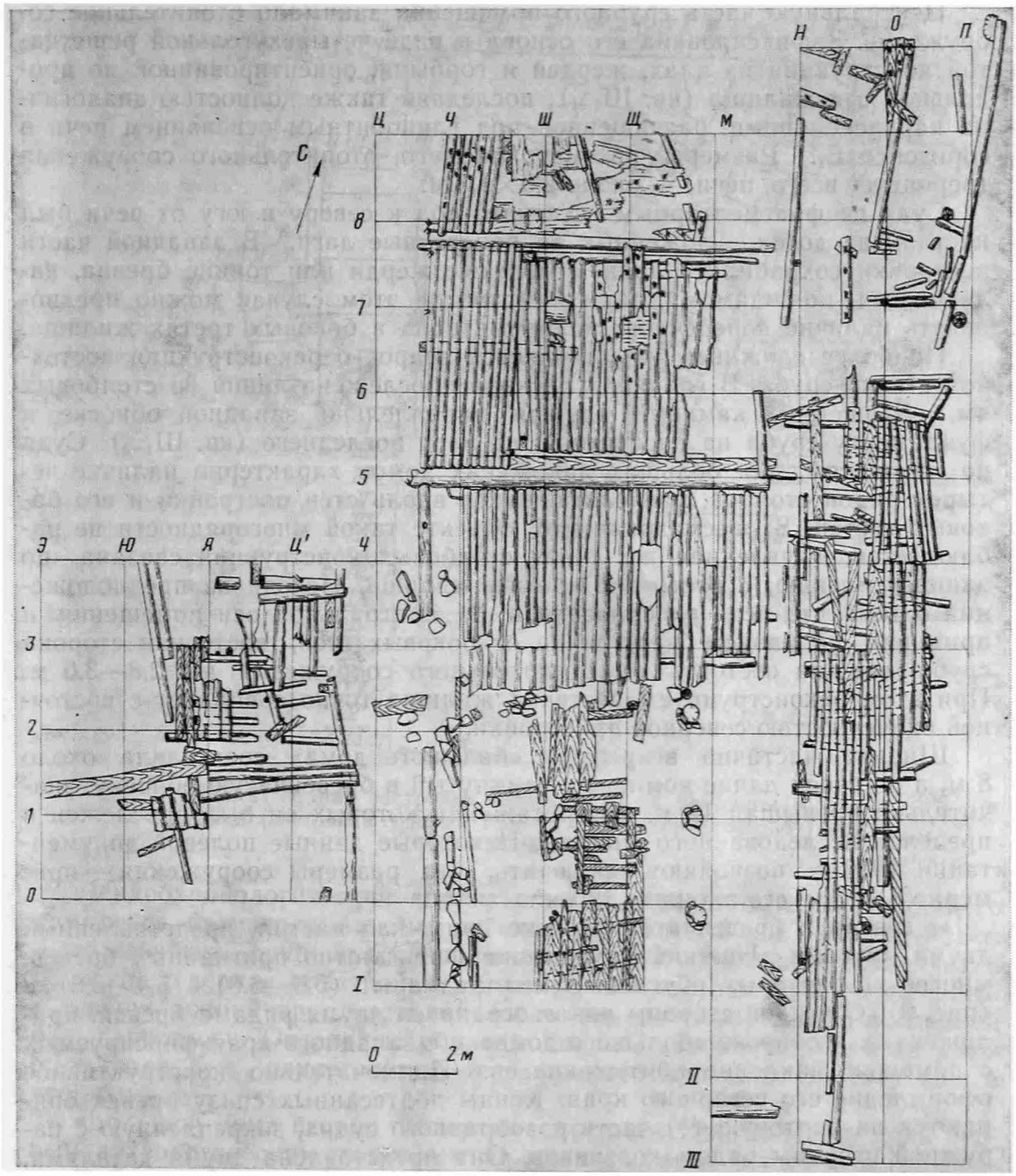


Рис. 10. План застройки горизонта Д по материалам раскопок 1950 и 1973—1985 гг. (верхний уровень настилов)

имеется вырубка, в которую замкнута перпендикулярная обноска. Судя по отчетной документации 1950 г., когда была вскрыта восточная часть сооружения, обноска с этой стороны не применялась или же была разобрана в древности.

Нижние венцы сруба не сохранились. Его западная стенка трассирована фундаментом из плитняка и валунов, уложенным с внутренней стороны ограничительного бревна. Северная сторона реконструируется по наличию подкладочных камней в кв. $Ч_2$, остатков столбов в кв. $Ш_2$ и, самое главное, линией окончания настила, примыкавшего к срубу с севера. Последний представлен полуразложившейся древесиной, но, судя по всему, состоял из плотно прилегающих друг к другу тонких бревен и горбыля. Он был настлан по продольной оси сооружения, одним концом подходя впритык к северному бревну обноски, вторым опираясь на поперечную лагу. По своему положению и конструктивным особенностям он близко напоминает бревенчатый накат в холодной пристройке «большого дома» горизонта $Е_1$. Размеры настила — 8,0× ×4,4 м.

Центральную часть срубного помещения занимало отопительное сооружение. Зафиксирована его основа в виде четырехугольной решетчатой конструкции из плах, жердей и горбыля, ориентированной по продольной оси жилища (кв. $Ш_{0-1}$); последняя также полностью аналогична каркасной раме, расчищенной под глинобитным основанием печи в горизонте E_1. Размеры рассматриваемого отопительного сооружения (вероятнее всего, печи) — около 2,0×1,3 м.

Судя по фрагментарным остаткам, пол к северу и югу от печи был настлан из досок, уложенных на поперечные лаги. В западной части постройки сохранились лишь отдельные жерди или тонкие бревна, являющиеся, по-видимому, также лагами; в этом случае можно предполагать наличие поперечного покрытия пола в боковых третях жилища.

Наиболее сложным представляется вопрос о реконструкции восточной стенки сруба. В границах раскопа прослежена линия из столбовых ям, обложенных камнем, идущая параллельно западной обноске и фундаменту сруба на расстоянии 5,5 м от последнего (кв. $Ш_{1-2}$). Судя по аналогиям, для больших ладожских домов характерно наличие четырех рядов столбов, располагавшихся вдоль стен постройки и его боковых третей. В рассматриваемом объекте такой многорядности не наблюдается, выявленная же линия столбовых конструкций связана, по нашему мнению, с восточной третью жилища. Исходя из предположения о том, что печь располагалась по центральной оси помещения и примерно на равном расстоянии от боковых стен, восточная сторона сруба должна отстоять от отопительного сооружения на 2,8—3,0 м. При этом реконструируемая стенка жилища точно совпадает с восточной оконечностью северной пристройки.

Ширина частично вскрытого «большого дома» составляла около 8 м, а по своей длине комплекс, замкнутый в бревенчатую обноску, значительно превышал 12 м, на протяжении которых он был прослежен в пределах исследованного участка. Некоторые данные полевой документации 1950 г. позволяют заключить, что размеры сооружения — примерно 8×15 м, его площадь 120 м².

С севера к бревенчатой обноске примыкал настил, представленный двумя ярусами. Нижний ярус сложен из плотно пригнанных бревен, многие из которых обуглены; его размеры (5,6—6,0)×(5,4—5,8) м (рис. 9). С южной стороны накат ограничен двумя рядами бревен, приложенных к обноске «большого дома» и с западного края фиксируемых с помощью наклонно вбитых кольев. Примечательно конструктивное оформление его северного края. Концы подтесанных снизу бревен опираются на бортовую (?) часть разобранного судна, закрепленную с наружной стороны рядом колышков. Она представлена двумя деталями, состыкованными концами и образующими прямую линию. Их длина составляет соответственно 5,2 и 1,75 м, дендродаты разобранного судна — 807, 808 гг.

После пожара настила на его месте был возведен новый ярус, причем подстилающие лаги укладывались непосредственно на сгоревшие бревна наката. Восстановленная секция по своей длине полностью соответствует размерам предшествующего наката, по ширине же точно совпадает с протяженностью северной обноски жилого комплекса (рис. 10). Вместе с тем на этом этапе строительных работ сооружается еще одна секция настила, являющаяся его протяжением в северном направлении (кв. $Ц_8Ч_8$). Она сохранилась лишь частично и представлена фрагментом наката из обгоревших бревен.

С рассматриваемым объектом связан и настил, исследованный в 1950 г. вдоль всей восточной стороны «большого дома» [23]. Он также носит следы подновления и ремонта, сложен из бревен, горбыля и досок, опирающихся на часто расположенные поперечные лаги. Ширина настила составляет 3,0—3,5 м. С учетом всех настильных сооружений выявляется необычайно крупная и сплошная застройка «целостного жилого гнезда», площадь которой составляет не менее 270—300 м².

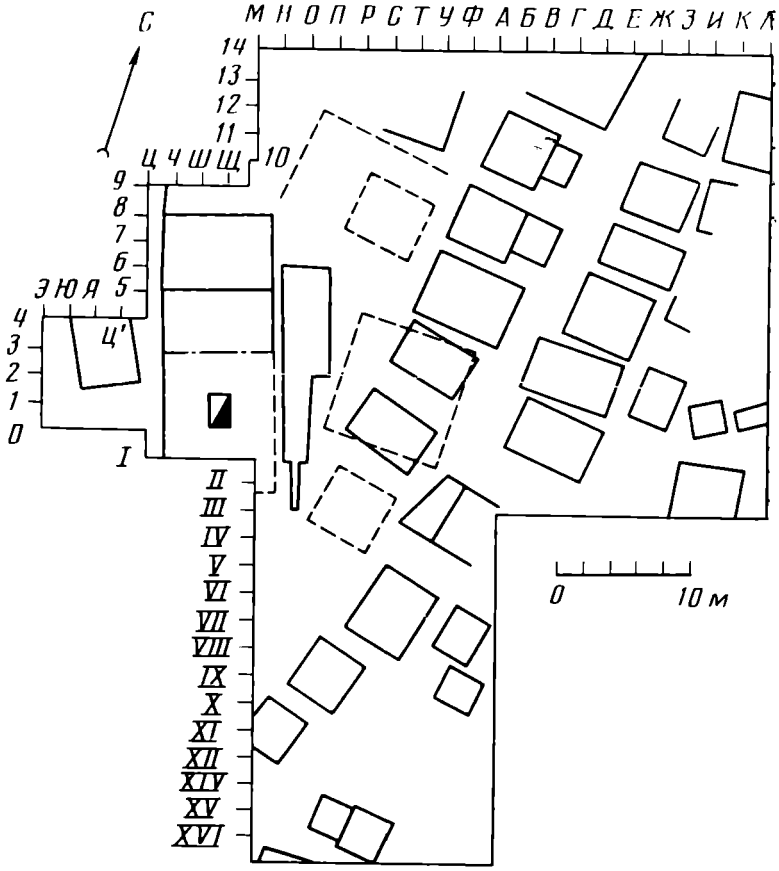


Рис. 11. Схема застройки горизонта Д на Земляном городище (застройка участка 1938—1959 гг. приведена по [40, с. 102, рис. 1])

Дендрохронологический анализ показал, что строительство данного комплекса производилось на рубеже 920—930-х годов. Около 931 г. было возведено срубное жилище и связанная с ним общей бревенчатой обноской северная пристройка; тогда же был настлан и расположенный к северу нижний ярус настила. После пожара около 954 г. последний был перестроен. Отдельные образцы спилов, давшие порубочные даты 60-х годов X в., свидетельствуют о функционировании объекта еще в это время.

«Большой дом» второй четверти — середины X в. является пока первым археологическим указанием на наличие таких построек в горизонте Д Староладожского городища. Однако можно ожидать, что в дальнейшем будут обнаружены и другие аналогичные комплексы. Во всяком случае, факт существования в X в. обширных домов с отопительным сооружением в центре подтверждается материалами раскопок В. П. Петренко на так называемом «посаде» Ладоги [24, с. 32—36].

При обращении к сводному плану горизонта Д наглядно устанавливается обособленное положение рассматриваемого комплекса в общей системе застройки этого уровня (рис. 11). Он не только резко отличается по размерам и конструкции от тесно расположенных друг к другу и образующих рядовую уличную застройку малых срубных жилищ с печью в углу, но характеризуется и иной ориентировкой, соответствующей направлению «большого дома» нижележащего горизонта. По всей вероятности, появление в горизонте Д обширной постройки с печью в центре эволюционно связано с домостроительными традициями той группы населения, которая обосновалась на рассматриваемом участке в конце IX в.

О. И. Давидан, проанализировавшая состав находок из жилищ горизонта Д, высказала предположение о том, что в северо-восточной части исследованной площади поселения (т. е. в непосредственном соседстве от «большого дома») располагался ремесленный квартал.

В жилищах-мастерских обитали косторезы, занимавшиеся также и ювелирным делом, резьбой по янтарю, обработкой железа; ремесленники выступали подчас и в качестве торговцев. Вместе с тем это население еще не отделилось полностью от сельского хозяйства. Топография Ладоги X в. рисует типичную картину городского посада, занятого жилищами довольно зажиточных людей, которые «в своем быту широко пользовались ремесленными изделиями местных мастеров и привозными вещами» [25, с. 101—105].

В «большом доме» не зафиксировано следов ремесленной деятельности, не было обнаружено в нем и находок, прямо указывающих на сельскохозяйственные занятия его обитателей. Внутри жилища и на настиле встречены две весовые гирьки, золотой узкопластинчатый перстень с завязанными концами, фрагменты двух стеклянных кубков ближневосточного происхождения (один из них с богатой полихромной росписью), односторонний составной гребень, миниатюрный железный топорик вотивного назначения, костяная игральная шашка — «король» и четыре круглые фишки из песчаника (одна неорнаментированная, три украшенные крестовидными насечками с одной или обеих сторон), также, по-видимому, являвшиеся игральными принадлежностями; относительно редко попадались стеклянные бусы. Состав находок явно указывает на высокий социальный статус владельцев обширной постройки и их связь с международной торговлей. Определенный интерес вызывает и наличие в жилище миниатюрного топорика — символа бога-громовника [26, с. 91—101]. Культ этого бога — славянского Перуна, скандинавского Тора — пользовался особой популярностью в языческой дружинной среде. Очевидно, в постройке X в. обитала группа людей, принадлежавшая к тому же социальному кругу, что и торговцы-воины, осевшие здесь в конце IX в.

В заключение подведем краткие итоги исследований по узловым проблемам, названным в начале статьи.

1. Стратиграфия поселения. В нижнем горизонте E_3 выделяются три слоя, соответствующие трем ярусам жилой застройки; на некоторых участках возможно вычленение нежилых сооружений предматерикового уровня. Отмеченный пожаром горизонт E_2 четко фиксируется лишь в районах плотной застройки и далеко не на всей площади поселения может служить ярким дифференцирующим признаком. Горизонты E_1 и Д в стратиграфическом отношении не имеют существенных различий. Все это свидетельствует об известной условности традиционной стратиграфической шкалы Староладожского городища, к тому же не всегда увязываемой с определенными строительными ярусами.

2. Хронология древнейшей Ладоги (рис. 12). Постройки горизонта E_3 относятся к 750—830-м годам. При этом нижний ярус датируется 750—760-ми, средний — 770—790-ми, верхний — 800—830-ми годами. Сооружения горизонта E_2 возводились в 840-х годах и сгорели в пожаре второй половины 60-х годов IX в. Постройки горизонта E_1 датируются временем после пожара и до 20-х годов X в. В 930—960-е годы функционирует «большой дом» горизонта Д, в период существования которого происходит перепланировка основной части поселения и сложение городской уличной застройки. Верхняя хронологическая граница горизонта Д остается неясной: вышележащие слои разрушены при строительстве в XII в. каменного храма Климента, и лишь в XIII в. на исследованном участке фиксируются первые, более поздние сооружения.

3. Домостроительство и застройка. В процессе раскопок 1973—1985 гг. зафиксирована в целом обратная по сравнению с традиционной схемой картина развития и смены раннего домостроительства. В горизонте E_3 открыты квадратные в плане небольшие срубные избы с печью в углу, образовывавшие вместе с хозяйственными и производственными постройками обособленные «жилые гнезда». В них проживали ремесленники, занимавшиеся производствами, связанными с огнем (кузнечно-ювелирная мастерская второй половины VIII в., стеклодельная мастерская начала IX в.) и обработкой янтаря. Постройки гори-

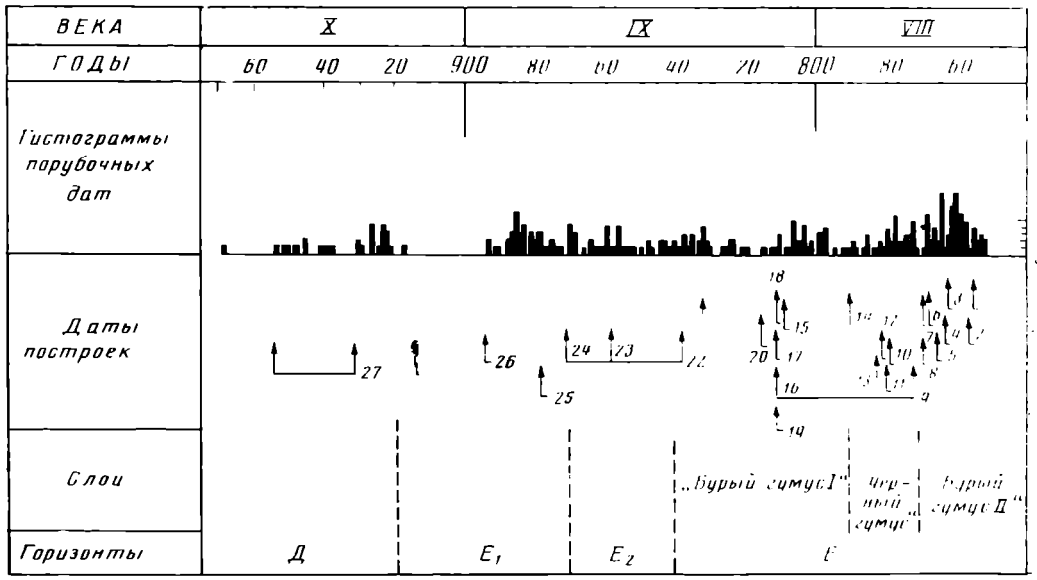


Рис. 12. Абсолютная хронология горизонтов, слоев и построек древнейшей Ладоги по данным дендроанализа. *1* — настил, кв. Э$_0$, слой Е$_3$, «бурый гумус II», раскоп 1984 г.; *2* — настил, кв. Ц$_3$, слой Е$_3$, «бурый гумус II», раскоп 1975 г.; *3* — настил, кв. Ц$_1$Ч$_{0-3}$, слой Е$_3$ «бурый гумус II», раскоп 1975 г.; *4* — постройка 8А, слой Е$_3$, граница «черного гумуса» и «бурого гумуса II»; *5* — настил, кв. Ш$_1$Щ$_{1-0}$ М$_1$, слой Е$_3$, граница «черного гумуса» и «бурого гумуса II», раскоп 1975 г.; *6* — мостки, кв. Ч$_4$—Ш$_{4-5}$, слой Е$_3$, граница «черного гумуса» и «бурого гумуса II», раскоп 1984 г.; *7* — постройка 2В, слой Е$_3$, граница «черного гумуса» и «бурого гумуса II», раскоп 1974, 1975 и 1984 гг.; *8* — мостки, кв. М$_{1-2}$, слой Е$_3$, «черный гумус», раскоп 1975 г.; *9* — постройка 3Б, слой Е$_3$, «черный гумус», раскоп 1984 г.; *10* — настил, кв. М$_{7-8}$, Н$_{7-8}$, слой Е$_3$, «черный гумус», раскоп 1984 г.; *11* — мостки, кв. Э$_2$Ю$_1$, слой Е$_3$, «черный гумус», раскоп 1984 г.; *12* — мостки, кв. Щ$_1$, Ш$_0$, Ц$_2$, слой Е$_3$, «черный гумус», раскоп 1974 г.; *13* — постройка 7, слой Е$_3$, «черный гумус», раскоп 1984 г.; *14* — постройка 2Б, слой Е$_3$, «черный гумус», раскоп 1974, 1975 и 1984 гг.; *15* — постройка 5, слой Е$_3$, «бурый гумус I», раскоп 1982 г.; *16* — постройка 3А, слой Е$_3$, «бурый гумус I», раскоп 1982 г.; *17*—постройка 6, слой Е$_3$, «бурый гумус I», раскоп 1982 г.; *18* — постройка 1, слой Е$_3$, «бурый гумус I», раскоп 1982 г.; *19* — оградка, кв. Ц$_{4-7}$, слой Е$_3$, «бурый гумус I», раскоп 1982 г.; *20* — постройка 4, слой Е$_3$, «бурый гумус I», раскоп 1982 г.; *21* — мостки, слой Е$_3$, «бурый гумус I», раскоп 1982 г.; *22* — постройка IIВ, слой Е$_3$, «бурый гумус I», раскоп 1982 г.; *23* — постройка IIБ, слой Е$_2$, раскоп 1975 и 1982 гг.; *24* — постройка IIА, слой Е$_1$, раскоп 1982 г.; *25* — постройка I, слой Е$_1$, раскоп 1982 г.; *26* — «большой дом», слой Е$_1$, раскоп 1973—1975, 1981 и 1982 гг.; *27* — постройка, слой Д, раскоп 1973, 1981 и 1982 гг.

зонтов Е$_1$ и Д представлены обширными жилищами с печью в центре, обитатели которых имели прямое отношение к дальней торговле и, вероятно, к военному делу. Нельзя не заметить, что по характеру деятельности хозяева жилищ VIII — начала IX в. были значительно ближе к ремесленникам посада X в., чем жившие по соседству с последними владельцы «больших домов». В связи с этим вполне закономерен вопрос о связи различных домостроительных традиций прежде всего с социально-экономической дифференциацией раннего ладожского общества, возможно осложненной и этнической неоднородностью населения.

Рассмотренными в данной статье сюжетами, разумеется, не исчерпывается вся качественно новая информация, полученная в ходе семилетних раскопок Староладожского Земляного городища. Надеемся, однако, что введение в научный оборот лишь некоторых, но наиболее важных результатов последних исследований будет способствовать дальнейшему развитию разработок в области раннесредневековой археологии Русского Севера.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рябинин Е. А.* Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на Земляном городище 1973—1975 гг.)//Средневековая Ладога. Л.: Наука, 1985.
2. *Рябинин Е. А.* Отчет о работах Четвертого отряда Староладожской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в 1973 г.//Архив ИА АН СССР Р-1. № 5227.
3. *Рябинин Е. А.* Отчет о полевых исследованиях Четвертого отряда Староладожской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в 1974 г. Ч. I. Исследование Земляного городища в пос. Старая Ладога//Архив ИА АН СССР. Р-1. № 5346.

4. *Рябинин Е. А.* Отчет об археологических исследованиях Четвертого отряда Староладожской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1975 г. Ч. I. Раскопки Земляного городища в Старой Ладоге//Архив ИА АН СССР. Р-1. № 6320.
5. *Рябинин Е. А.* Скандинавский производственный комплекс VIII века из Старой Ладоги//Скандинавский сборник. Вып. XXV. Таллин, 1980.
6. *Рябинин Е. А.* Новые данные о раннем ладожском домостроительстве//Проблемы изучения древнего домостроительства в VIII—XIV вв. в северо-западной части СССР. Рига: Зинатне, 1983.
7. *Черных Н. Б.* Дендрохронология древнейших горизонтов Ладоги (по материалам Земляного городища)//Средневековая Ладога. Л.: Наука, 1985.
8. *Рябинин Е. А.* Отчет о полевых исследованиях Староладожского Земляного городища в 1981 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1. № 8551.
9. *Рябинин Е. А.* Отчет о полевых исследованиях Староладожского Земляного городища в 1982 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1. № 8971.
10. *Рябинин Е. А.* Отчет о работе Ижорской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1984 г. Ч. II. Исследование Староладожского Земляного городища//Архив ИА АН СССР. Р-1. № 10637 А.
11. *Рябинин Е. А.* Отчет о работе Ижорской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1985 г.// Архив ИА АН СССР Р-1. № 11255.
12. *Равдоникас В. И.* Старая Ладога (из итогов археологических исследований 1938—1947 гг.). Ч. I//СА. 1949. Т. XI.
13. *Давидан О. И.* Стратиграфия нижнего слоя Староладожского городища и вопросы датировки//АСГЭ. 1976. Вып. 17.
14. *Спегальский Ю. П.* Жилище Северо-Западной Руси IX—XIII вв. Л.: Наука, 1972.
15. *Раппопорт П. А.* Древнерусское жилище//САИ. 1975. Вып. Е1-32.
16. *Давидан О. И.* Янтарь Старой Ладоги//АСГЭ. 1984. Вып. 25.
17. *Львова З. А.* Восточнославянские стеклянные украшения VIII—XII вв. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1961.
18. *Львова З. А.* Стеклянные бусы Старой Ладоги. Ч. II//АСГЭ. 1970. Вып. 12.
19. *Корзухина Г Ф.* О времени появления укрепленного поселения в Ладоге//СА. 1961. № 3.
20. Ипатьевская летопись//ПСРЛ. 1962. Т. 2.
21. *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
22. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу/Пер. и комм. акад. Крачковского И. Ю. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939.
23. Чертежи Староладожской экспедиции//Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 35. 1950 г. Д. 83.
24. *Петренко В. П.* Планировка и постройки Ладоги X в.//Проблемы изучения древнего домостроительства в VIII—XIV вв. в северо-западной части СССР. Рига: Зинатне, 1983.
25. *Давидан О. И.* К вопросу об организации косторезного ремесла в древней Ладоге// АСГЭ. 1977. Вып. 18.
26. *Даркевич В. П.* Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве//СА. 1961. № 4.

E. A. Ryabinin, N. V. Chernykh

THE STRATIGRAPHY, LAYOUT AND CHRONOLOGY OF THE LOWER LAYER IN THE STARAYA LADOGA EARTHERN FORTIFIED SETTLEMENT IN THE LIGHT OF RECENT STUDIES

Summary

Staraya Ladoga, an early urban centre in the north of Russia.

The earliest stage of the area investigated embraces a large-scale blacksmith and jewellery complex of 750-760. It included a large building on pillars (about 70 sq m) with a hearth and a stone anvil, a small shop for cold-processing of metal and a metal-smelting hearth (Fig. 2). The nature of productive activity is illustrated by the numerous finds of slags and refuse of forging and jewellery making and a taletelling hoard of instruments of a skilled master. In the last quarter of the 8th century there appeared small log dwellings with a stove tucked into the corner (Figs. 3-5). This type of dwelling survived till the mid-9th century. In the early 9th century a household complex appeared (with a dwelling house, outside household constructions and a glass making shop which used imported raw materials) (Fig. 6).

The E_1 horizon also contains the «large house» (about 170 sq m) with the central room heated by a stove, an unheated addition to the house and roofed galleries running along the sides (dated by dendrochronology to 894). There is every ground to believe that the building was used by a trading team (Fig. 8).

In the early 930s the same site was taken by a similar, though a much larger, household complex inhabited by the people connected with military matters and trade with distant lands (Figs. 9-11).

В. И. ШРАЙБМАН, С. А. СЕРКЕРОВ, Т. А. СИДЕЛЬНИКОВА,
В. С. ФЛЕРОВ

НОВОЕ В ПРИМЕНЕНИИ МАГНИТОРАЗВЕДКИ И ЭЛЕКТРОРАЗВЕДКИ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ГРУНТОВЫХ ПОГРЕБЕНИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Приступая к исследованию любого грунтового могильника, не имеющего четко выраженных естественных границ и внешних признаков отдельных погребений, археолог сталкивается со значительными трудностями. При этом первоначально ему приходится решать две основные задачи: 1) определение границ могильника, имеющих, как правило, очень сложные контуры, формирование которых зависело от самых разнообразных факторов (характер грунтов, рельеф, погребальные обычаи и т. д.); 2) определение структуры могильника, т. е. характера расположения на его площади погребений (ряды, бессистемные скопления и т. д.). На основании этого может быть более или менее точно решена третья задача — прогнозирование общего количества погребений.

Хорошо известно, что определение границ грунтовых могильников и их внутренней структуры проводится фактически вслепую, путем закладки многочисленных шурфов и раскопок. Эта работа растягивается на многие годы, но цель достигается лишь в очень редких случаях. В качестве примера можно указать на известный могильник Маяцкого городища, границы которого, притом весьма приблизительно, удалось определить лишь к концу седьмого полевого сезона [1, с. 141—144]. Даже в тех случаях, когда могильник имеет какие-то естественные границы (овраги, обрывы, реки), это еще не означает, что они полностью совпадают с его реальными границами.

Не менее, если не более сложным является определение (прогнозирование) общего количества погребений на том или ином могильнике. Даже если определена структура и плотность (количество погребений на единицу площади) на одном участке могильника, то нет гарантии, что они будут такими же на прочих, не раскопанных участках. Достаточно указать на уже вошедший в литературу прогноз числа погребений на Нетайловском могильнике, построенный лишь на усредненных данных и интуиции его исследователя Д. Т. Березовца [2, с. 80]. Мы не порицаем Д. Т. Березовца и других исследователей за неточность или субъективность прогнозов (другого пути пока не было), а лишь указываем на них и на непроверяемость без раскопок таких прогнозов.

Если в отношении небольших по площади (кстати, это тоже надо определить) грунтовых могильников выяснение границ, структуры и иных параметров в какой-то мере возможно, то для больших могильников, протянувшихся на сотни метров и занимающих десятки тысяч квадратных метров, эта задача практически нерешаема. Если же такая цель и будет поставлена, то для ее достижения потребуются значительные средства.

Описанная ситуация в изучении грунтовых могильников, сложившаяся на заре археологии, сохраняется и по настоящее время. Одним из наиболее эффективных выходов из нее является внедрение в полевую археологическую практику дистанционных методов геофизической разведки. При этом наибольшие результаты могут быть достигнуты

при использовании не одного метода, а нескольких взаимодополняющих друг друга. Полигоном для выработки методов поиска грунтовых погребений приборами геофизической разведки послужил комплекс археологических памятников Клин-Яр III в северо-западном предместье г. Кисловодска.

Урочище Клин-Яр представляет собой долину с пологими склонами, расположенную между известняковыми останцами, на одном из которых, северном, расположено городище Клин-Яр. Длина долины около 1 км, ширина до 300 м. Вся восточная половина урочища занята сложным комплексом, состоящим из наложившихся друг на друга и пересекающихся поселения и могильника кобанской культуры, могильника рубежа нашей эры — IV в. н. э. с преобладанием ямных погребений и катакомбного аланского могильника V—VIII в. н. э.

Следует отметить, что к началу исследования границы всего комплекса, а также составляющих его разновременных и разнохарактерных памятников не были известны ни в малейшей степени[1]. Положение усугублялось, как выяснилось уже в первом полевом сезоне 1983 г., сложной геологической структурой урочища. Она характеризуется резкими перепадами мощности гумусового слоя, суглинков и глубин крыши подстилающего их песчаника. В таких условиях прогнозировать локализацию каждого из памятников Клин-Яра не представлялось возможным, совершенно не была известна их структура и планировка. Наряду с раскопками отводящихся под строительство участков, некоторые из которых оказались свободными от культурных слоев и погребений (это было установлено только после проведения на них раскопок), были начаты сначала экспериментальные, а затем уже и производственные работы по электро-, магнито- и сейсмоисследованию археологического полигона. Были также использованы и данные аэрофотосъемки. Они дали некоторое представление о геологии памятника и поселении, но погребения на аэрофотоснимках не прослеживались.

Цель настоящей работы — ознакомить не с результатами археологического исследования в урочище Клин-Яр (этому будут посвящены специальные публикации), а с отработанной здесь принципиально новой методикой дистанционного изучения археологических объектов[2]. В данном случае речь пойдет о геофизических исследованиях на катакомбном могильнике Клин-Яр III.

Клин-ярские раннесредневековые катакомбы довольно стандартны. Они состоят из дромосов длиной в среднем около 3 м при глубине 1—2 м и овальных погребальных камер с купольным сводом. Длина камер около 2 м, ширина 1—1,5, высота свода в среднем около 1 м. Камеры всегда заполнены грунтом и закрыты каменными плитами. Определенной закономерности в расположении катакомб нет: наряду со скоплениями встречаются и отдельно расположенные [3].

Изучение геофизическими методами археологических памятников Клин-Яра III началось в 1983 г. В первый год в основном были проведены опытно-методические работы электроразведкой методом вертикального электрического зондирования и профилирования, магниторазведкой с наземным магнитометром М-27, измеряющим вертикальную составляющую магнитного поля Земли, и сейсморазведкой методом преломленных волн. В последующие годы геофизические работы проводились на базе применения более совершенной аппаратуры (магнитометр ММП-203) и по определенной, выработанной в результате опыта схеме. В настоящее время выработана методика исследования Клин-Яра III геофизическими методами, которую, исходя из созданной фи-

[1] Раскопки в урочище Клин-Яр были вызваны начавшимся здесь без предварительного согласования с органами охраны памятников строительством животноводческого комплекса Управления санаториями на Кавминводах Четвертого главного управления Минздрава СССР. Раскопки производила Клин-Ярская экспедиция ИА АН СССР (начальник — В. С. Флёров).

[2] Геофизические исследования могильника Клин-Яр III проводились на основе договора о научно-техническом содружестве между кафедрой полевой геофизики МИНГ им. акад. И. М. Губкина и Институтом археологии АН СССР.

зико-геологической модели изучаемого объекта, разделяют на два этапа.

На первом этапе проводится электроразведка[3] методом вертикального электрического зондирования. По результатам его осуществляется районирование территории памятника. Устанавливаются участки, обладающие достаточной мощностью глин и суглинков, что предопределяет перспективность их на поиски захоронений типа катакомб. Дело в том, что все катакомбы могильника Клин-Яр III выкапывались только в суглинках и никогда в массиве подстилающего суглинок песчаника. Для сооружения даже самых мелких катакомб требовался пласт гумуса и суглинка, суммарная толщина которого была не меньше 1,5—2,0 м. На тех же участках, где песчанистая скала подходила к поверхности ближе чем на 1,5 м, катакомбы не сооружались. Здесь могли располагаться только неглубокие ямные погребения, для поиска которых разрабатывается иная методика, но на той же принципиальной основе (см. ниже).

На втором этапе на выделенных электроразведкой перспективных участках памятника проводится микромагнитная съемка с целью обнаружения отдельных катакомб.

Рассмотрим методику проведения геофизических измерений, обработки и интерпретации результатов на каждом этапе. Как известно, электроразведка успешно применялась в археологии при изучении различных памятников как в Советском Союзе, так и за рубежом [4—6]. Применение методов электроразведки основано на различии удельного электрического сопротивления горных пород. Электроразведочные работы в урочище Клин-Яр проводились с целью изучения строения разреза и выделения участков с вероятным присутствием катакомб.

Верхняя часть разреза на исследовавшемся участке состояла из трех слоев. Приповерхностная часть представлена гумусовым слоем с удельным сопротивлением 30—50 Ом·м, мощность его по площади работ изменяется от 0,5 до 1 м. Второй слой — глины и суглинки, в этом слое обнаружены катакомбы, он и является объектом поиска. Сопротивление этого слоя меньше, чем верхнего, и составляет 10—20 Ом·м, мощность изменяется от 0,3 до 3 м. Ниже суглинков и глин залегает песчаник, который имеет повышенное сопротивление порядка 70—80 Ом·м. Этот слой является опорным горизонтом. Таким образом, удельное сопротивление горных пород изменяется по вертикали, что является благоприятным для применения методов электроразведки.

Исследования проводились методом вертикального электрического зондирования. Установка состояла из двух питающих электродов — A и B и двух измерительных электродов — M и N, расположенных на одной прямой и симметрично относительно центра установки точки 0, к которой относятся результаты измерений [7]. В качестве электродов A и B в питающей линии использовались металлические стержни длиной 0,7 м. Через электроды A и B от батареи ГРМЦ-6 в землю поступал электрический ток силой I, между измерительными электродами A и B измерялась разность потенциалов ΔU с помощью серийного электроразведочного полевого прибора АЗ-72 [8]. Этот же прибор использовался для определения силы тока I в питающей цепи. Глубинность исследования в этом методе зависит от расстояния между питающими электродами A и B (разноса). Чем больше величина разноса, тем больше глубина исследования. В результате измерений определяется кажущееся удельное сопротивление на каждом разносе по формуле $\rho_к = K\frac{\Delta U}{I}$, где K — коэффициент установки, измеренный в м. Его величина зависит от расстояния между электродами. Кажущееся сопротивление является сложной функцией, зависящей от удельных сопротивлений слоев, слагающих разрез, их мощности и глубины залегания. На

[3] Электроразведка проводилась под руководством доцента кафедры полевой геофизики МИНГ им. акад. И. М. Губкина канд. техн. наук Т. А. Сидельниковой.

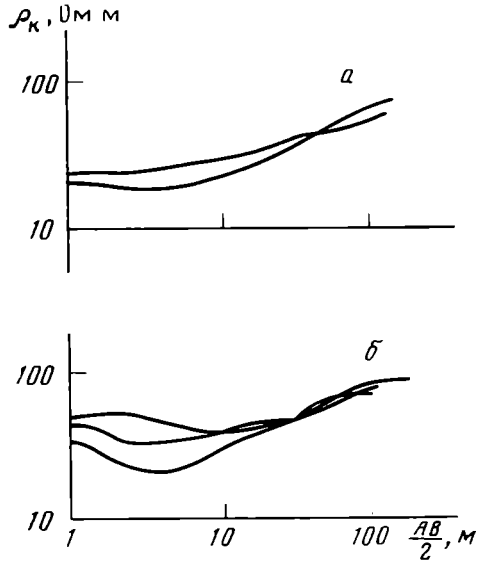


Рис. 1

Рис. 1. Пример типичных кривых ВЭЗ. *а* — двухслойные; *б* — трехслойные

Рис. 2. Разрезы кажущегося сопротивления по профилям I, II

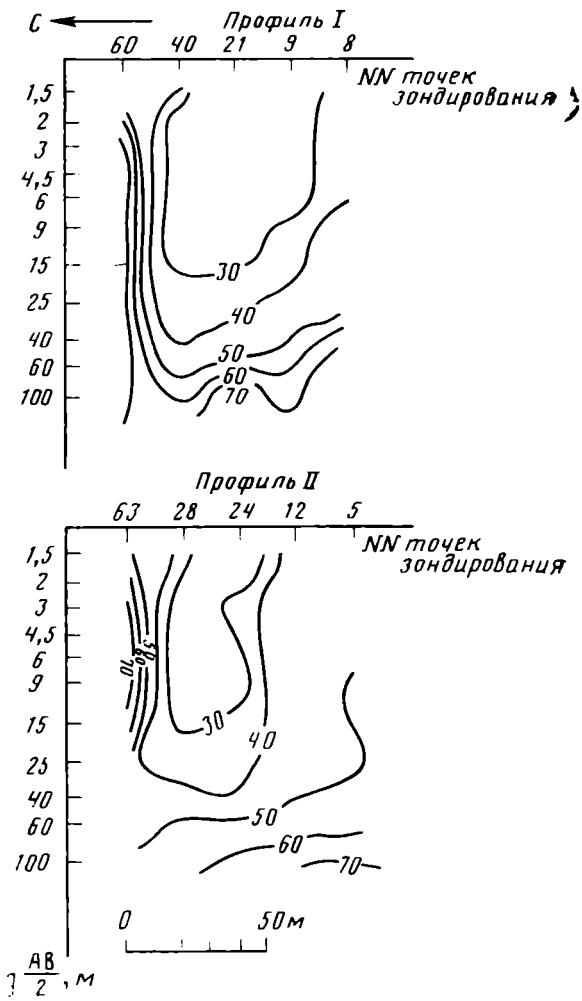


Рис. 2

одной стоянке прибора (точке зондирования) выполнялось 15—20 измерений на разных разносах. Минимальный разнос составлял 1 м, максимальный разнос $\frac{АБ}{2}$ =100—150 м. Особенностью данного разреза являлась небольшая глубина верхнего слоя, поэтому для уверенного определения его мощности было увеличено количество измерений с малыми разносами. По результатам измерений строились графики зависимости $\rho_к$ от $\frac{АБ}{2}$ (кривые ВЭЗ). Они четко отражают изменение удельного сопротивления слоев с глубиной. В нашем случае второй слой на кривых представлен минимумом, а песчаник — третий слой — характеризуется повышенным сопротивлением, образует правую восходящую ветвь кривой. На рис. 1 приведены наиболее типичные кривые ВЭЗ.

Из опыта исследований на этой площади была выбрана следующая сеть наблюдений. Расстояние между профилями 20—30 м, расстояние между двумя соседними зондированиями по профилю составляло 10—20 м. Профили были разбиты строго с запада на восток. Измерительные и питающие линии раскладывались вдоль профиля. Такое направление было выбрано из-за резкого изменения рельефа местности в направлении север — юг, чтобы уменьшить его искажающее влияние на измеряемые значения $\rho_к$. Проводились контрольные измерения со сменой прибора. Ошибка измерений не превышала 5%. За две недели работы было выполнено 48 зондирований.

Интерпретация состояла из двух этапов: качественного и количественного. На первом этапе строились карты типов кривых ВЭЗ. Было получено два типа кривых: двухслойные кривые, характеризующие разрез, в котором выклиниваются глины и суглинки, и трехслойные

типа Н ($\rho_1 > \rho_2 < \rho_3$) (рис. 1). Двухслойные кривые были получены в северной части площади. Шурфы подтвердили полученные результаты. Строились разрезы кажущегося сопротивления, которые дают качественное представление о геоэлектрическом разрезе (рис. 2). Эти разрезы показывают изменение $\rho_к$ вдоль линии профиля в вертикальной плоскости. На приведенных разрезах в северной части каждого профиля изолинии $\rho_к$ имеют вертикальное расположение, что указывает на резкие изменения глубины залегания песчаника.

При количественной интерпретации полевые кривые сопоставлялись с теоретическими, заранее рассчитанными на ЭВМ для известных разрезов. В результате определялись удельные сопротивления слоев, их мощности и глубина залегания песчаника. По данным интерпретации построены геоэлектрические разрезы по профилям с учетом дневного рельефа местности (рис. 3). По результатам количественной интерпретации построена структурная карта по поверхности песчаника (рис. 4). В каждой точке зондирования определена суммарная мощность гумусового слоя, суглинок и глин. Погрешность полевых измерений и определения глубины песчаника позволили провести изолинии с сечением 0,5 м. На карте выделяются участки, где глубина залегания песчаника превышает 3 м, в пределах которых возможно присутствие катакомб.

Итак, целью первого этапа геофизической разведки был не поиск непосредственно археологических объектов, в данном случае катакомбных погребений, а выявление участков памятника, на которых их присутствие наиболее вероятно, во-первых, и выделение участков, на которых наличие катакомб исключено, во-вторых. Эта цель была успешно достигнута. При этом было установлено, что реальная площадь, на которой следует ожидать открытие катакомб, оказалась в несколько раз меньше, чем это предполагалось до проведения электрозондирования.

В качестве эксперимента данные электроразведки были перепроверены методом сейсмической разведки[4]. Результаты не имели существенных различий.

Содержанием второго этапа был уже непосредственный поиск катакомб на участках, определенных электроразведкой. Он осуществлялся магнитометрией[5].

Применение результатов измерений различных элементов геомагнитного поля на археологических памятниках с целью изучения известны по ряду публикаций [9—11]. Как правило, эти работы связаны с возможностью выявления по данным магнитных съемок каменных кладок, древних кострищ, гончарных печей и других археологических объектов.

Поиск магнитометрическим методом погребений на грунтовых могильниках, в том числе в катакомбных, по специально отработанной методике наблюдений, обработке и интерпретации результатов представляет собой по своей сущности *принципиально* иную задачу. Такого рода исследования впервые проведены на могильнике Клин-Яр III.

Идея применения магнитной съемки для поисков археологических захоронений исходила из следующей физико-геологической модели. Катакомбы в Клин-Яре III располагаются в глинах и суглинках четвертичного возраста, которые обладают, как и любая горная порода, определенной величиной намагниченности. Поскольку в четвертичное время поле Земли не претерпевало инверсий [12], можно считать, что вектора индуктивной намагниченности J_i и ориентационной намагниченности J пород, слагающих эти отложения, совпадают по направлению. Следовательно, суммарный вектор намагниченности J не нарушен-

[4] Сейсморазведка на Клин-Яре III проводилась под руководством доцентов кафедры полевой геофизики МИНГ им. акад. И. М. Губкина канд. техн. наук. Ю. В. Напалкова и канд. геол.-мин. наук Л. А. Сердобольского.

[5] Методика магнитометрических исследований на Клин-Яре III разработана и реализована в полевых условиях профессорами кафедры полевой геофизики МИНГ им. акад. И. М. Губкина лауреатом Государственной премии СССР д-ром геол.-мин. наук В. И. Шрайбманом (1986) и д-ром геол.-мин. наук С. А. Серкеровым.

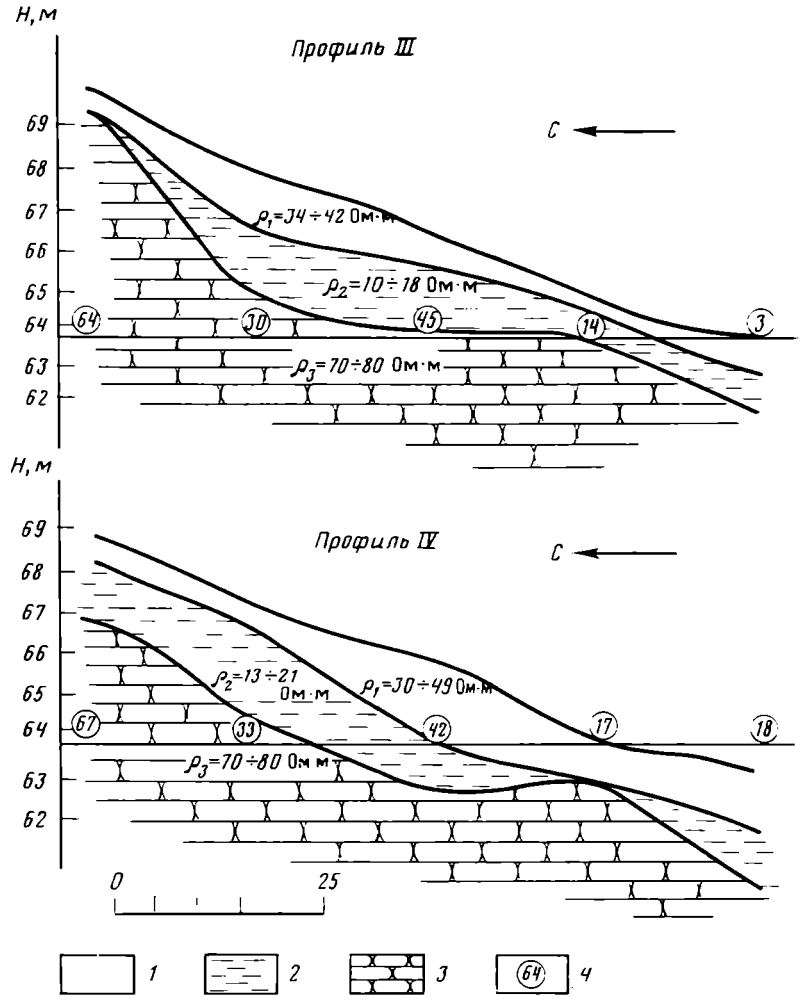


Рис. 3. Геоэлектрические разрезы по профилям III, IV. *1* — гумусовый слой; *2* — глины и суглинки; *3* — песчаник; *4* — номер ВЭЗ

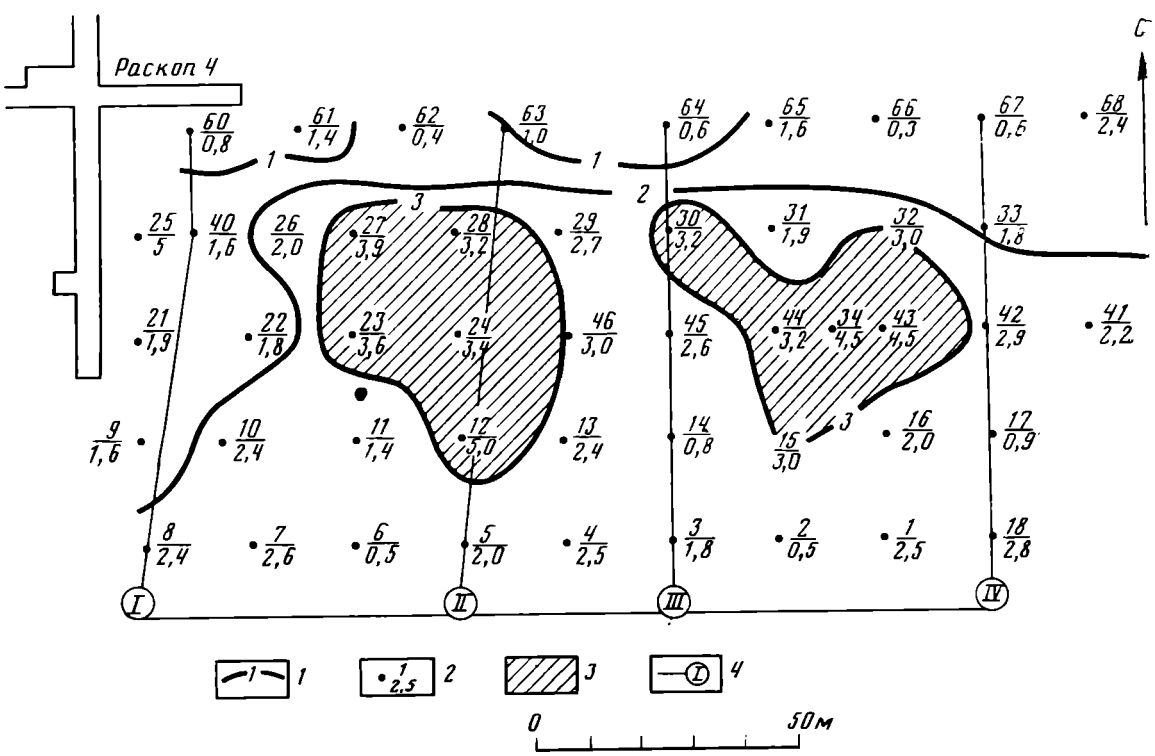


Рис. 4. Структурная карта по поверхности песчаника. *1* — изолинии глубины, м; *2* — числитель — номер зондирования, знаменатель — значения глубины, м; *3* — область, в которой глубина песчаника больше 3 м; *4* — номер профиля

ных перекопом глин и суглинка представляет собой сумму указанных составляющих $J=J_1+J_0$. Эта намагниченность обуславливает определенный положительный фон магнитной индукции, измеряемой на поверхности наблюдений. Погребальные сооружения (катакомбы) заполнены этими же отложениями, однако перекопанными. Первоначальная структура залегания существенно нарушена. Поэтому вектора ориентационной остаточной намагниченности частичек этой горной породы разноориентированы и суммарная величина ее в этих объектах сведена к нулю или близкому к нулю значению. Отсюда породы, заполняющие дромосы и погребальные камеры, должны характеризоваться относительно меньшей величиной суммарного вектора намагниченности по сравнению с вмещающими отложениями и, следовательно, отображаться в измеряемом поле магнитной индукции локальными минимумами. Аналогичная картина должна иметь место не только на катакомбных могильниках, но и в могильниках с иными типами погребений, а также на поселениях (хозяйственные ямы, строительные котлованы). В последнем случае, однако, при том условии, если ямы и котлованы вмещены в слои, не потревоженные в период антропогена, но не в культурные слои.

Для проверки справедливости этой физико-геологической модели были отобраны образцы горных пород из заполнения дромосов и вмещающих отложений. Определения остаточной намагниченности этих образцов проводились на рок-генераторах. Измерения остаточной намагниченности любезно согласились провести д-р геол.-мин. наук, сотрудник ГИН АН СССР Г. З. Гурарий и доцент МГРИ Н. Д. Коваленко. Как известно, для измерения остаточной намагниченности необходимо выпилить из образцов кубики определенных размеров. К сожалению, из-за большой хрупкости высушенных образцов выпилить из них кубики точных размеров не удалось. Поэтому по результатам измерений на рок-генераторах можно было сделать скорее качественный, чем количественный, вывод. Он заключается в том, что остаточная намагниченность вмещающих пород по модулю превышает таковую дромосов приблизительно на 5 нТл, а направление остаточной намагниченности значительно менее стабильно у дромосов, чем у вмещающих пород. Таким образом, уже первыми определениями магнитных свойств полностью подтверждена предложенная магнитная модель изучаемого археологического объекта.

Для оценки влияний катакомб на магнитное поле проведено математическое моделирование, в задачу которого входил расчет распределения вертикальной составляющей Z напряженности магнитного поля над захоронением.

Основные типы катакомб Клин-Яра III состоят, как указывалось, из узкого длинного дромоса и камеры почти шарообразной формы. Дромосы и камеры могут быть аппроксимированы соответственно горизонтальной дипольной линией длиной $2l$ и вертикальным диполем.

Выражение, определяющее величину вертикальной составляющей напряженности магнитного поля от горизонтальной дипольной линии длиной $2l$, вдоль профиля x (при $y=0$),

$$Z=\frac{2ml}{(x^2+h^2)}\,\frac{2h^4+(h^2-x^2)(x^2+l^2)}{(x^2+h^2+l^2)^{5/2}}, \qquad (1)$$

где $2l$ — длина линии, равная длине дромоса; h — глубина залегания дипольной линии от поверхности Земли; m — магнитный момент ($m=JS$; $S=ab$ — площадь сечения дромоса в вертикальной плоскости, перпендикулярной линии простирания дипольной линии (дромоса); a, b — соответственно ширина и высота дромоса; J — величина вектора намагничения).

Совместим с линией простирания дромоса ось y, а ось x установим перпендикулярно линии простирания через середину дромоса. Тогда

при $y=0$ и значениях параметров $a=0{,}7$ м, $b=1{,}43$ м ($S=1$ м^2), $l=1$ м и $h=1$ м формула (1) будет иметь вид

$$\frac{Z}{J}=\frac{2}{(x^2+1)^2}\cdot\frac{2+(1-x^2)(x^2+1)}{(x^2+2)^{3/2}} \qquad (2)$$

Величина Z вертикального диполя или вертикально намагниченного шара, аппроксимирующего погребальную камеру, определяется из формулы

$$Z=m\frac{2h^2-x^2-y^2}{(x^2+y^2+h^2)^{5/2}}, \qquad (3)$$

где $m=JU=\frac{4}{3}\pi R^3J$ — магнитный момент шара; U — объем шара; R — радиус шара. Примем глубину залегания центра шара $h=1{,}5$ м, а $R=1$ м. Тогда получим $m=4{,}2J$ (м^3) и

$$\frac{Z}{J}=4{,}2\frac{4{,}5-x^2-y^2}{(x^2+y^2+2{,}25)^{5/2}}. \qquad (4)$$

По формулам (2) и (4) оценим над захоронением величину магнитной аномалии Z. Над моделью погребения начало координат совместим с

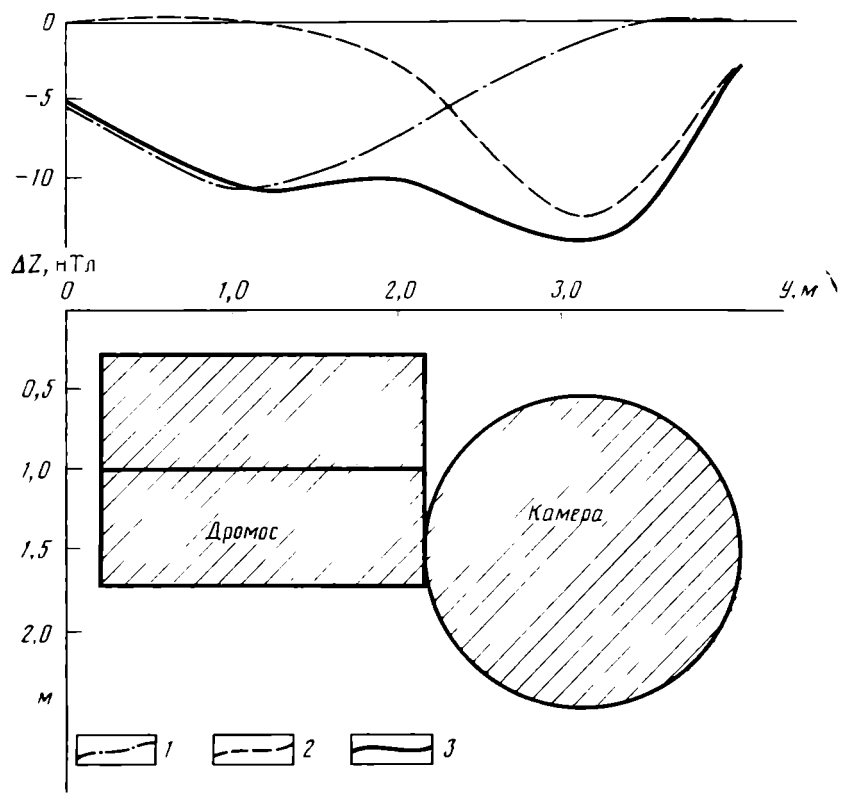


Рис. 5. Графики значений модельного поля ΔZ. *1* — от дромоса; *2* — от камеры; *3* — суммарных значений аномалии ΔZ от дромоса и камеры

центром дромоса. Рассмотрим вначале величину Z вдоль оси x. При этом с применением формул (2) и (4) суммарный эффект дромоса и камеры можно определить из формулы

$$\frac{Z}{J}=\frac{2}{(x^2+1)^2}\cdot\frac{2+(1-x^2)(x^2+1)}{(x^2+2)^{3/2}}+4{,}2\frac{0{,}5-x^2}{(x^2+6{,}25)^{5/2}}. \qquad (5)$$

Найденные из формулы (5) значения Z/J даны ниже:

x	0.00	0.30	0.50	1.00	1.50	2.00	3.00
Z/J	2.12	1.92	1.61	0.87	0.43	0.23	0.06

Более интересными являются результаты вычислений магнитного поля вдоль линии простирания оси дромоса (при $x=0$), которые про-

водились при тех же параметрах модели. Результаты расчета суммарного эффекта дромоса и камеры вдоль оси (вдоль линии простирания дромоса) при $x=0$ приведены ниже и на рис. 5, на котором показаны эффекты от каждого возмущающего тела отдельно.

y	−2.00	−1.50	−1.00	−0.50	0.00	0.20	0.60	0.80
Z/J	0.36	0.71	1.30	1.80	2.13	2.15	2.07	2.02
y	1.00	1.50	1.80	2.00	2.20	2.40	3.00	3.50
Z/J	2.10	2.52	2.80	2.84	2.68	2.28	0.94	0.24

Из табл. видно, что максимальная амплитуда аномалии Z над захоронением достигает величины приблизительно 2,8 нТл при $J=1$. При этом область максимума характеризуется значениями поля 2,0—2,8 нТл.

Если $J=-5$ нТл (рис. 5), то максимальная отрицательная аномалия над захоронением будет иметь амплитуду в $Z_{max}=10—14$ нТл. Исходя из теоретических соотношений, можно считать, что такие же по амплитуде аномалии над захоронениями будут и у ΔT Необходимо только иметь в виду, что минимум ΔT может быть смещен относительно катакомбы в зависимости от угла намагничения.

Полученные результаты моделирования явились основанием проведения микромагнитной съемки на археологическом полигоне. Микромагнитная съемка археологического полигона проводилась путем измерения модуля вектора индукции магнитного поля в абсолютных значениях наземными протонными магнитометрами ММП-203, чувствительность которых составляет 1,0—1,5 нТл. Цикл измерения магнитометра ММП-203 составляет 3 с, поэтому производительность работ с ним при проведении микромагнитной съемки может быть доведена до нескольких сотен измерений в 1 ч. Для учета суточных вариаций один магнитометр в районе съемки работал как вариационная станция с интервалом отсчета в 5 мин.

Съемка проводилась по профилям с шагом между точками наблюдения в 1 м. Расстояние между профилями равно также 1 м.

Существенное значение для эффективности съемки имеет выбор оптимального расстояния магнитоизмерительного преобразователя (МИП) магнитометра ММП-203 от поверхности Земли. Большая его высота (1—1,5 м от поверхности земли) приводит к значительному уменьшению влияния захоронений на магнитное поле. Наоборот, измерения непосредственно с поверхности земли приводят к появлению помех, обусловленных различными включениями в пахотном слое. В результате многочисленных экспериментов установлена оптимальная высота МИП при съемке, составляющая 0,3—0,5 м.

По результатам измерений были рассчитаны аномалии магнитной индукции ΔT, представляющие собой отклонения измеренных значений с учетом вариации от среднего, рассчитываемого по достаточно протяженному профилю из 50 и более точек. Точность съемок, рассчитываемая по повторным наблюдениям, на достаточно большом числе точек составила 1,0—1,5 нТл. Магнитные аномалии представлены в виде карт-графиков.

Микромагнитной съемкой закартирована восточная часть памятника, которая, по данным электроразведки, характеризуется достаточно мощным слоем глин и суглинка (более 2 м). В этой зоне памятника располагаются захоронения катакомбного типа. Всего микромагнитной съемкой была покрыта площадь, составляющая 1,2 га.

На построенной карте графиков ΔT фиксируются магнитные аномалии различного типа. В основном интенсивность поля меняется от −15 до +15 нТл. На фоне такого характера поля встречаются резко интенсивные аномалии амплитудой до 50—100 нТл, обусловленные различными металлическими предметами в пахотном слое. Такие аномалии представляют собой помехи, легко распознаются и исключаются из анализа. Интересно отметить, что интенсивная магнитная аномалия,

зафиксированная над одним из дромосов, оказалась связанной с лопатой[6], обнаруженной в результате раскопок на глубине 1,5 м.

Наибольший интерес для поисков захоронений, как показали теоретические расчеты, представляют локальные минимумы интенсивностью до 10—15 нТл, фиксируемые на двух — четырех соседних графиках. Анализ построенных карт графиков ΔT показывает, что характер слоя на территории съемки существенно различен. Можно выделить два типа аномального магнитного поля. Первый тип характерен для зон, примыкающих к уже известным раскопанным захоронениям, характеризуется дифференцированным магнитным полем с достаточно большим количеством минимумов, представляющих интерес. Второй тип представляет собой слабоинтенсивное магнитное поле без наличия локальных минимумов. Он характерен для южной части съемки, где, по мнению археологов, захоронения мало вероятны. Таким образом, уже качественное районирование территории съемки по характеру магнитного поля дает правдоподобную картину распределения захоронений.

Эталонные съемки на раскопанных захоронениях положительного результата не дали, поскольку при таких наблюдениях на показания магнитометра сильно влияют породы отвала. Поэтому единственный способ оценки эффективности поисков захоронений по магнитным аномалиям состоял в проверке раскопом выделенных на основе анализа карты графиков отрицательных магнитных аномалий интенсивностью 10—15 нТл. Было выделено девять отрицательных аномалий, в пределах которых была проведена еще более детальная магнитная съемка по сети 0,5×0,5 м. На основе полученных результатов намечены контуры раскопов для проверки выделенных магнитных аномалий. В восьми из девяти намеченных раскопов прогноз полностью оправдался. В одном случае отрицательная магнитная аномалия оказалась в зоне практического отсутствия глин и суглинка (не были учтены данные электроразведки[7]) и связана с перекопом, относящимся к кобанскому поселению.

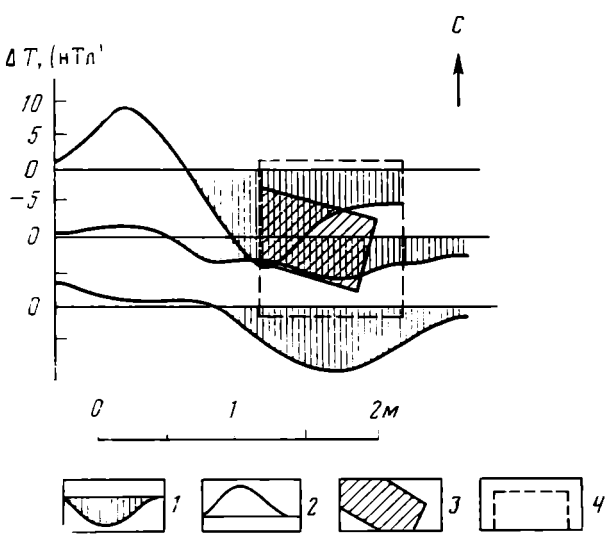


Рис. 6. Графики значений ΔT. *1* — отрицательная аномалия; *2* — положительная аномалия; *3* — положение дромоса; *4* — граница раскопа

Следует отметить и другой пример, когда зафиксирована отрицательная магнитная аномалия вертикальной составляющей поля интенсивностью более 20 нТл. Причина появления аномалии такой интенсивности, как было определено после раскопок, связана с суммарным воздействием расположенных в близком соседстве двух катакомб. Больше магнитных минимумов таких интенсивности и размеров, связанных с захоронениями, нами не зафиксировано. На рис. 6 показаны магнитные минимумы в виде графиков ΔT и соответствующий им дромос, установленный в результате последующих раскопок. На магнитной карте намечен целый ряд «перспективных» минимумов, а также прослеживаются положительные аномалии интенсивностью до 20 нТл. Проведенные раскопки установили в этом месте повышенной мощности гумусовый слой с кам-

[6] Лопата, вероятнее всего, оставлена экспедицией А. П. Рунича, проводившего небольшие раскопки здесь в 1968 г. Плана расположения своего раскопа А. П. Рунич не оставил. Данная находка позволяет восстановить его местоположение.

[7] Считаем необходимым указать на эту ошибку, иллюстрирующую необходимость и ценность комплексного применения обоих описанных методов.

нями. Однако окончательно природа этой положительной аномалии пока не установлена.

Описанные геофизические исследования проводились в условиях сложного рельефа и сложной геологии полигона, тем не менее они оказались вполне успешными, что лишний раз подчеркивает правильность их принципиальной основы и практическое значение. В ходе электроразведки существенные, имеющие практическое значение погрешности вообще отсутствовали, а точность магниторазведки превысила ожидаемую. Уже на начальном этапе эксперимента она достигла 90%. Использованное оборудование оказалось полностью пригодным для выполнения поставленных задач, хотя и не предназначалось для археологических исследований.

Считаем необходимым подчеркнуть, что по мере осуществления экспериментальных и практических работ все большее значение приобретали моделирование и лабораторные исследования. Дальнейшее совершенствование предложенных методов должно идти по линии теоретических разработок.

Наряду с описанными полевыми работами Т. А. Сидельникова успешно испытала в 1986 г. предложенную ею методику поиска электрометрией кобанских погребений в каменных ящиках в условиях того же могильника Клин-Яр III. В ходе магниторазведки наряду с катакомбами удавалось выявлять иные сооружения, в частности незначительные по объему сооружения из камня.

В заключение необходимо остановиться еще на одном аспекте проведенных в Клин-Яре геофизических работ — экономическом. Их стоимость за сезон составляет несколько тысяч рублей, в то время как экономический эффект достигает десятков тысяч. Он определяется двумя факторами: первый — это прямая экономия за счет громадного сокращения сроков разведывательных работ и их объема; второй — исключение из возможного объема работ неперспективных, «пустых» участков. Последнее особенно важно при широкомасштабных охранных раскопках на новостройках. Наконец, предложенные дистанционные методы позволяют обоснованно планировать сроки, финансирование и объем трудозатрат на исследование того или иного грунтового могильника.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Флёров В. С.* Маяцкий могильник//Маяцкое городище. М.: Наука, 1984.
2. *Иченская О. В.* Об одном из вариантов погребального обряда салтовцев по материалам Нетайловского могильника//Древности среднего Поднепровья. Киев: Наук. думка, 1981.
3. *Флёров В. С.* Кобанские и аланские памятники под Кисловодском//АО—1983. М., 1985.
4. *Комаров В. А., Фокин А. Ф., Франтов Г. С.* О применении метода вызванной поляризации при археологических поисках кострищ с углем//СА. 1967. № 1.
5. *Шилик К. К.* Опыт электроразведки методом симметричного профилирования//СА. 1967. № 3.
6. *Кляшторный С. Г.* Об использовании геофизических методов в археологической разведке//СА. 1958. № 4.
7. *Матвеев Б. К.* Электроразведка при поисках месторождений полезных ископаемых. М.: Недра, 1982.
8. *Бобровников Л. З., Кадыров И. Н., Попов В. А.* Электроразведочная аппаратура и оборудование. М.: Недра, 1985.
9. *Грошевой Г. В., Галкин Л. Л., Зайончковский М. А.* Археологическая разведка магнитометром направленного действия//СА. 1967. № 3.
10. *Дудкин В. П.* К вопросу о применении дифференциального магнитометра в археологической разведке//СА. 1970. № 1.
11. *Загний Г. Ф., Круц В. А., Русаков О. М.* Опыт применения протонного магнитометра в археологии//СА. 1971. № 3.
12. Палеомагнитология/Под ред. Храмова А. Н. Л.: Недра, 1982.

V. I. Shraibman, S. A. Serkerov, T. A. Sidelnikova, V. S. Flerov

THE NEW ELEMENTS OF GEOPHYSICAL EXPLORATION IN STUDYING GROUND BURIALS IN THE NORTHERN CAUCASUS

Summary

The article deals with the methods and techniques of geophysical exploration on the archaeological testing ground in the Northern Caucasus. At the first stage, aimed at defining the ground burials' boundaries we used the vertical electrical sounding method and at dividing the exploring area into zones. We have identified the zones of thick clay and loam deposits and the zones which, more likely, contained catacomb burials. (Catacomb burials were rarely made in masses of sandstone covered by loam.) At the second stage the micromagnetic exploration of the areas mentioned above was used to spot individual catacombs. It was presumed that the rock filling the burial chambers was less magnetised than the rock which had not been moved. These areas are described as local magnetic field minimum. The geophysical methods have proved to be economic since they reduce the amount of work and time needed to carry out a comparable amount of work by traditional methods.

Публикации

А. Е. КРАВЦОВ

ПАМЯТНИКИ ПОЗДНЕГО МЕЗОЛИТА И ЭПОХИ БРОНЗЫ В ПОДМОСКОВНОЙ МЕЩЕРЕ

В настоящее время в позднем мезолите Волго-Окского междуречья выделяются бутовская и иеневская культуры [1], в раннем неолите — верхневолжская культура [2]. Их ареалы исследованы пока неравномерно, большинство раскапывавшихся памятников лежит в бассейне Верхней Волги, окские изучены значительно слабее. Комплексы раннего неолита в бассейне Оки выделены типологически из старых коллекций, содержащих смешанные материалы [3, рис. 13] и, за редким исключением, не отражены в литературе [4]. Немногочисленны и почти не опубликованы памятники, относящиеся к рубежу мезолита и неолита. Между тем, в последние годы в Мещерской низине в бассейне Оки В. В. Сидоровым, А. Н. Сорокиным, А. С. Фроловым, М. Г Жилиным, А. В. Трусовым выявлен ряд памятников интересующего нас времени. Эти материалы должны вводиться в научный оборот и учитываться при дальнейшей разработке вопросов хронологии и локальных вариантов указанных культур, генезиса местного раннего неолита.

В 1978—1983 гг. отрядом археологической экспедиции Музея истории и реконструкции г. Москвы под руководством автора исследовалась группа позднемезолитических и ранненеолитических стоянок на р. Цне и ее притоках в западной части Мещеры. Материалы одной из них — стоянки Панюшенка — предлагаются вниманию читателей [1]. На площади стоянки также вскрыто фатьяновское погребение, которое вместе с другими ранее не опубликованными материалами эпохи бронзы из района работ отряда расширяет круг источников по московской группе памятников фатьяновской культуры.

Стоянка открыта в 1979 г., раскапывалась в 1982—1983 гг. Она находится на территории Егорьевского района Московской области, в 0,7—0,8 км от дамбы Рыбхоза, перегораживающей долины рек Цны и Панюшенки, и расположена на небольшом мысу первой надпойменной террасы р. Панюшенки (левого притока Цны) высотой 2,0 м в 0,5—0,6 км от ее устья. Стоянка задернована; ее площадь приблизительно 30×20 м². Заложен раскоп 120 м² (рис. 1). Стратиграфия: дерн — 3—7 см; серая лесная почва — 7—25 см; белесый подзол — 7—30 см; рыжевато-желтый песок — видимая глубина (до 90 см от поверхности). На контакте третьего и четвертого слоя развит ортзанд. Находки залегали в трех верхних слоях и в верхней части четвертого слоя горизонтом мощностью 50—60 см. Пятна, исключая кострищные, не читаются.

Обнаружено семь кострищ (рис. 1, II). Кострище 3 (кв. Н—9, 10; О—9) выявлено на глубине 15 см от поверхности сразу под почвенным слоем. Оно подовальное, 106×100 см, с темным углистым заполнением мощностью до 18 см. В заполнении керамика эпохи раннего железа. Остальные шесть кострищ выявлены на глубине 40—50 см на фоне рыжевато-желтого песка. Кострища 1, 2, 4—6 группируются в юго-восточной части раскопа. Кострище 2 находилось на кв. М—9, 10; Н—8—10

[1] Приношу благодарность В. М. Лозовскому, принимавшему участие в подготовке материалов к публикации.

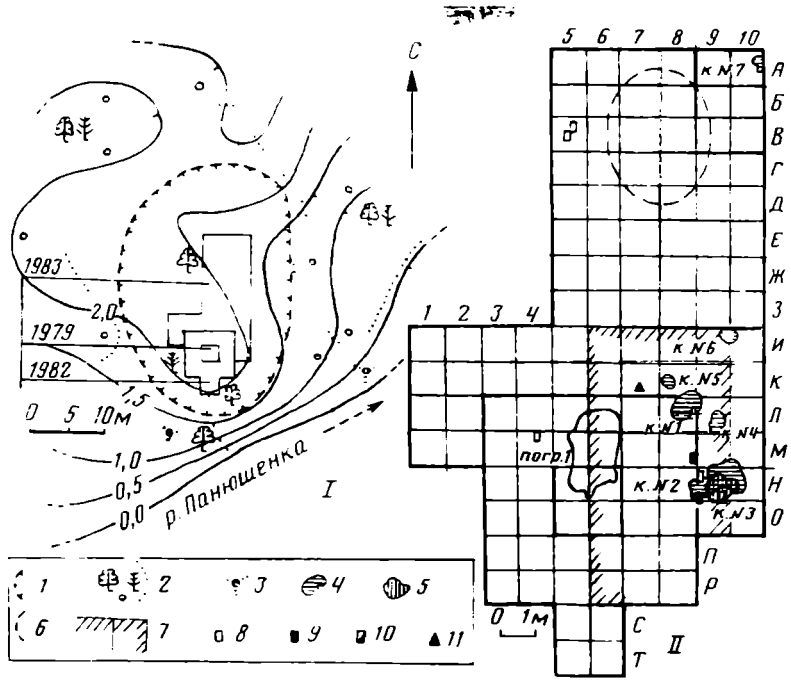


Рис. 1. Стоянка Панюшенка. I — топографический план. II — схема раскопа. *1* — границы стоянки; *2* — лес, его границы; *3* — кустарник; *4* — неолитические и мезолитические кострища; *5* — кострище эпохи раннего железа; *6* — границы северного скопления находок на пласте III; *7* — южный участок с повышенной концентрацией находок; *8* — ямочно-гребенчатая керамика; *9* — ямчатая керамика; *10* — керамика эпохи раннего железа; *11* — «клад»

под кострищем 3, но значительно глубже. Оно неправильной формы (180×100 см), овального сечения, мощность заполнения до 20 см; в заполнении скребок, резец, пластина, 28 отщепов и чешуек, кальцинированные обломки костей, 8 фрагментов ямчатой и 1 фрагмент ямочной керамики. Для кострища получена дата по C_{14} 5590±160 лет назад (ГИН – 3219). В 1 м севернее (кв. Л, М–9) — кострище 4 подовальной формы (74×50 см) с котловидным профилем, мощностью 30 см; в заполнении 10 отщепов и чешуек. В 0,5 м к северо-востоку от кострища 4 — кострище 1 (кв. К, Л–8) овальной формы (105×62 см), мощностью 32 см с осколками терморасщепленного куска кремня. Около него 3 крупных необработанных камня. На том же квадрате (К–8) — округлое кострище 5 (50×45 см) мощностью до 30 см с обломком скребка, отщепами и чешуйками. Кострища 1 и 5 нарушены корнями; возможно, это части одного объекта. Кострище 6 располагалось в 1,5 м севернее кострища 1 (кв. И–8,9), оно подовальной формы (50×32 см), с линзовидным профилем, мощность 13 см, находок нет. В 0,8 м к западу от кострища 5, на несколько меньшей глубине найдены 4 опоковых заготовки рубящих орудий, лежащих друг на друге, условно обозначенные как «клад» (кв. К–7); нивелировочные отметки кострища 5 — –41/68, «клада» — –32/53 см. Вероятно, заготовки были сложены у кострища. Планиграфическая и стратиграфическая компактность описанных объектов позволяет предположить их относительную синхронность. В северной части раскопа обнаружено кострище 7, уходящее в восточную стенку (кв. А–10), мощность заполнения 24 см, в заполнении 2 отщепа, рядом — скопление отщепов, чешуек и 3 отбойника. Кроме того, на кв. Л,М,Н — 5,6 открыто фатьяновское погребение.

Исключая инвентарь погребения, найдено 2583 предмета из камня и 35 фрагментов керамики (рис. 2–6). Керамика неоднородна, залегала скоплениями. Ямочно-гребенчатая керамика представлена 16 фрагментами: 14 от одного сосуда найдены на кв. В–5, по одному

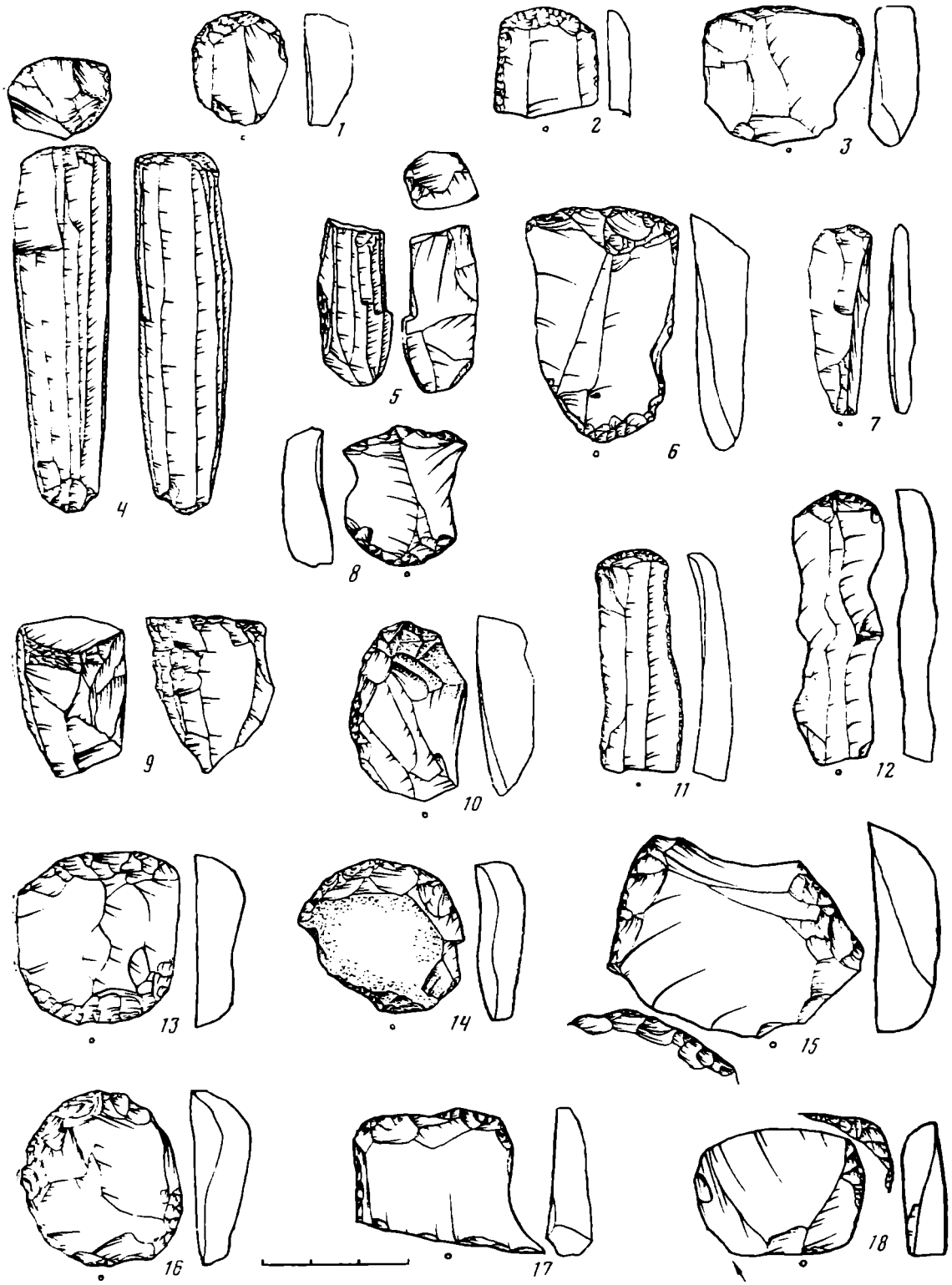


Рис. 2. Стоянка Панюшенка. Кремневый инвентарь

фрагменту встречено на кв. Н—9 (в кострище 2) и М—4 (рис. 1, II; 6, *1*, *2*). Глиняное тесто содержит примесь песка и дресвы. Орнамент из глубоких конических ямок и горизонтальных рядов наклонных оттисков короткого зубчатого штампа. Эта керамика характерна для развитого этапа льяловской культуры. В кострище 2 и восточнее (кв. М—8, О—8) найдено 8 фрагментов своеобразной ямчатой керамики от 2—3 сосудов (рис. 1; II; 6, *4*—*7*). Внешний слой коричневый, внутренний темно-серый, толщина 0,5—0,7 см, видимая примесь — шамот. Округлые или овальные поверхностные вдавления покрывают всю поверхность, нанесены строчечно, с различной частотой в строке, в двух случаях в технике отступающей лопаточки. В качестве штампа ис-

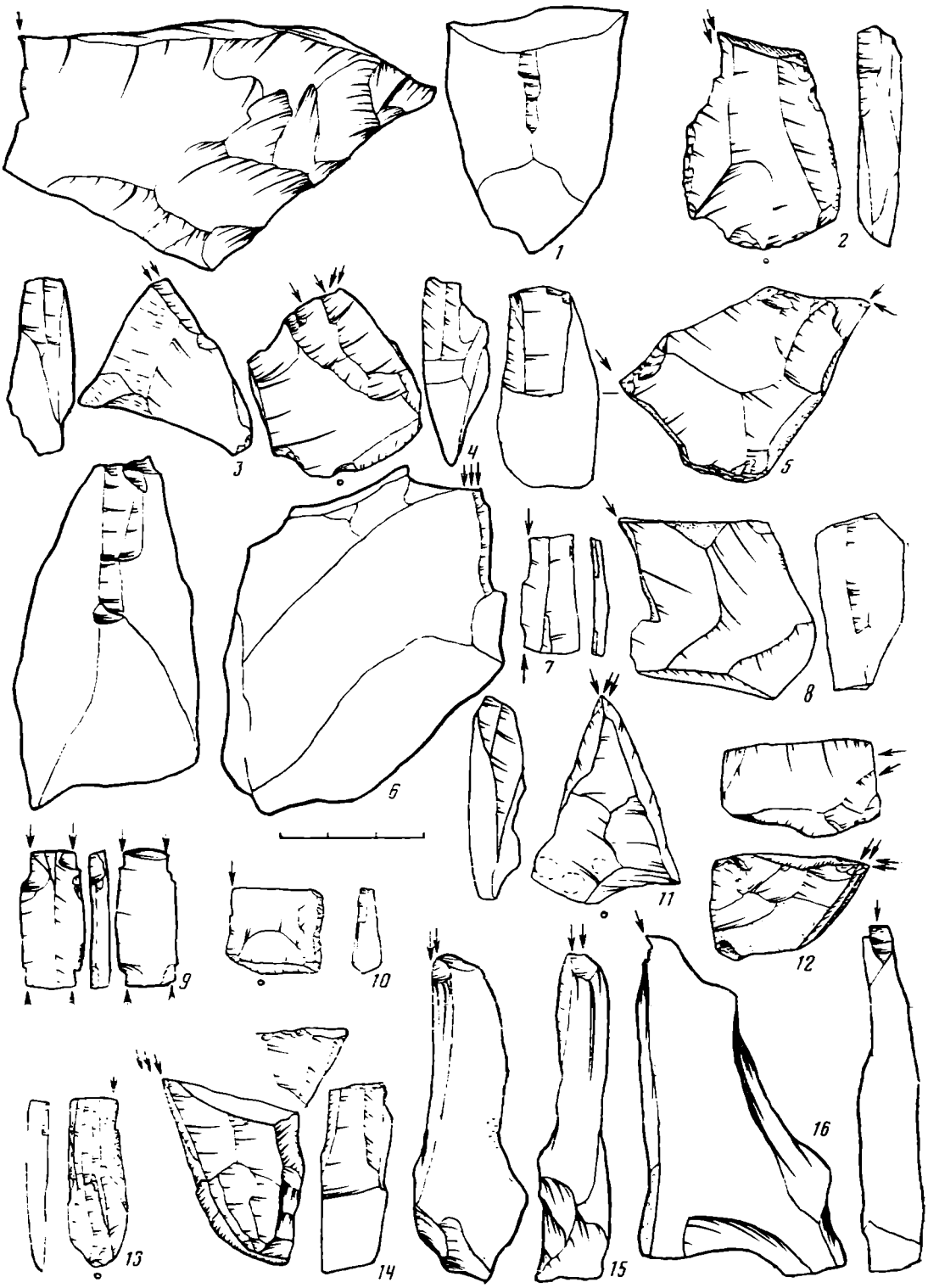


Рис. 3. Стоянка Панюшенка. Кремневый инвентарь

пользовалась палочка с неровным срезом или щепка. Венчик — один, вдавления на нем более глубокие, край чуть отогнут, срез плоский, с оттисками навитой на палочку веревочки. На некоторых фрагментах заметна штриховка. Керамика с близкой орнаментацией, но с органическими примесями известна в неолите Посожья, причем И. М. Тюрина считает стоянки Залесье и Шепотовичи, содержащие такую керамику, наиболее ранними [5]. Значительные коллекции керамики, сходной с нашей, получены А. С. Смирновым при раскопках стоянок Добродеево II и III на притоке Сожа р. Ипуть [6]. Вероятно, возраст ямчатой керамики определяется радиоуглеродной датой кострища 2, которую вряд ли следует относить на счет единичного фрагмента ямоч-

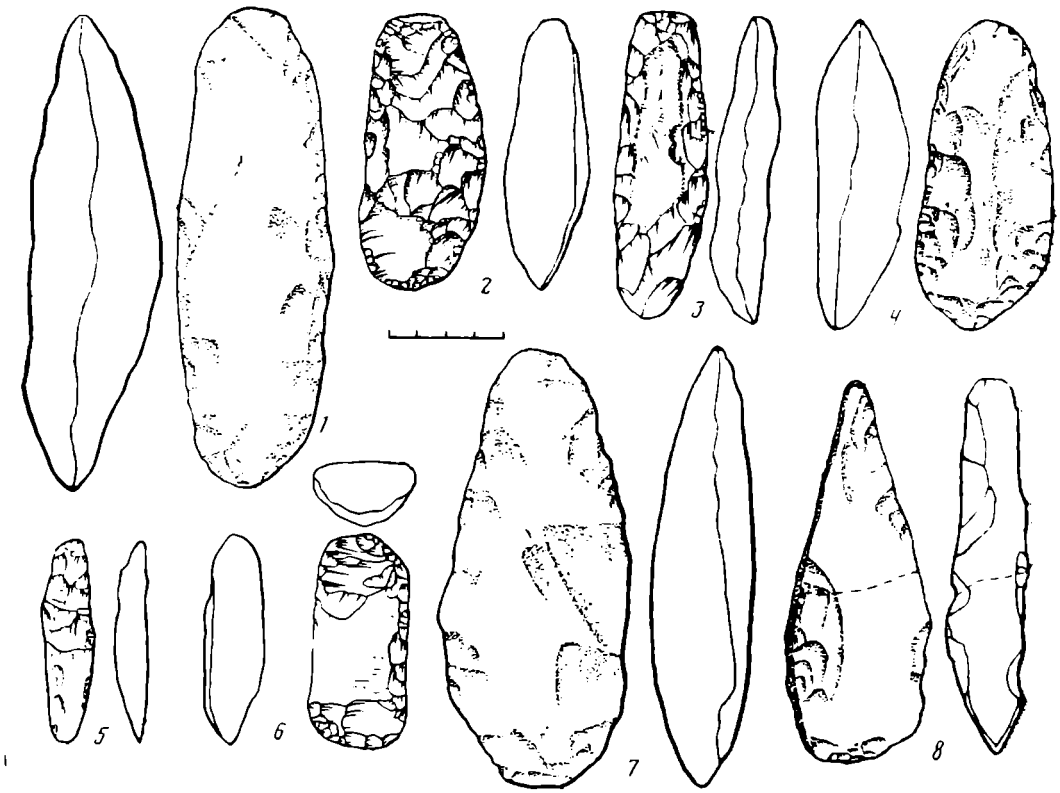


Рис. 4. Стоянка Панюшенка. Развитый неолит. Рубящие орудия (*2, 5, 6*) и заготовки (*1, 3, 4, 7, 8*). *1, 4, 7, 8* — «клад»

но-гребенчатой керамики. Заметим, что к кострищу 2 и соседним 1, 4—6 тяготеют почти все обнаруженные орудия развитых неолитических форм.

В кострище 3 найдено 11 фрагментов слабо профилированного горшка без орнамента (рис. 1; II; 6, *3*), керамика коричневая, черная в изломе, примеси — песок и шамот, толщина 1,1 см. Сосуд относится к эпохе раннего железа.

Для изготовления орудий в основном использовался разноцветный кремень очень низкого качества, происходящий из россыпи моренных кремней в 1,0 км от стоянки. Ряд изделий из лучшего сырья. Это нуклеусы, пластины, орудия из пластин из серого полупрозрачного, черного и розоватого кремня и часть скребков, рубящих орудий и заготовка наконечника стрелы из желтого или желтовато-коричневого кремня; последние связаны с ямчатой или ямочно-гребенчатой керамикой. Изредка использовались опока (рубящие орудия), песчаник (абразивы), кварц и кварцит (отбойники).

Отбойников 8 экз. (0,3% всех предметов из камня), ретушеров из отщепов 6 (0,2%). Есть шлифовальная плита и точильный камень с узким глубоким желобком на торце.

Нуклеусов 10 экз. Три призматические или подпризматические одноплощадочные. Два из них от пластин (рис. 2, *4, 5*), с ретушированными площадками, у одного с тыльной стороны оформлено ребро. Третий нуклеус призматический от микропластин и отщепов. Два подконические (рис. 2, *9*) от пластин и отщепов (одно- и двухплощадочный со сходящимися под углом площадками). Два нуклеуса от отщепов полностью сработаны и утратили первоначальную форму, еще 3 представлены осколками. Есть уплощенная заготовка нуклеуса и 5 нуклевидных кусков. Сколов подправки нуклеусов 49: 4 продольных скола, 5 площадок (2 фасетированы), 26 ребристых пластин (14 обработаны по двум, 12 по одной грани), 3 заостренных нижних конца нуклеусов, 11 отщепов фасетирования площадок. Снятие пластин прослеживается на сохранившихся участках рабочих граней в 27 случаях, пластин и

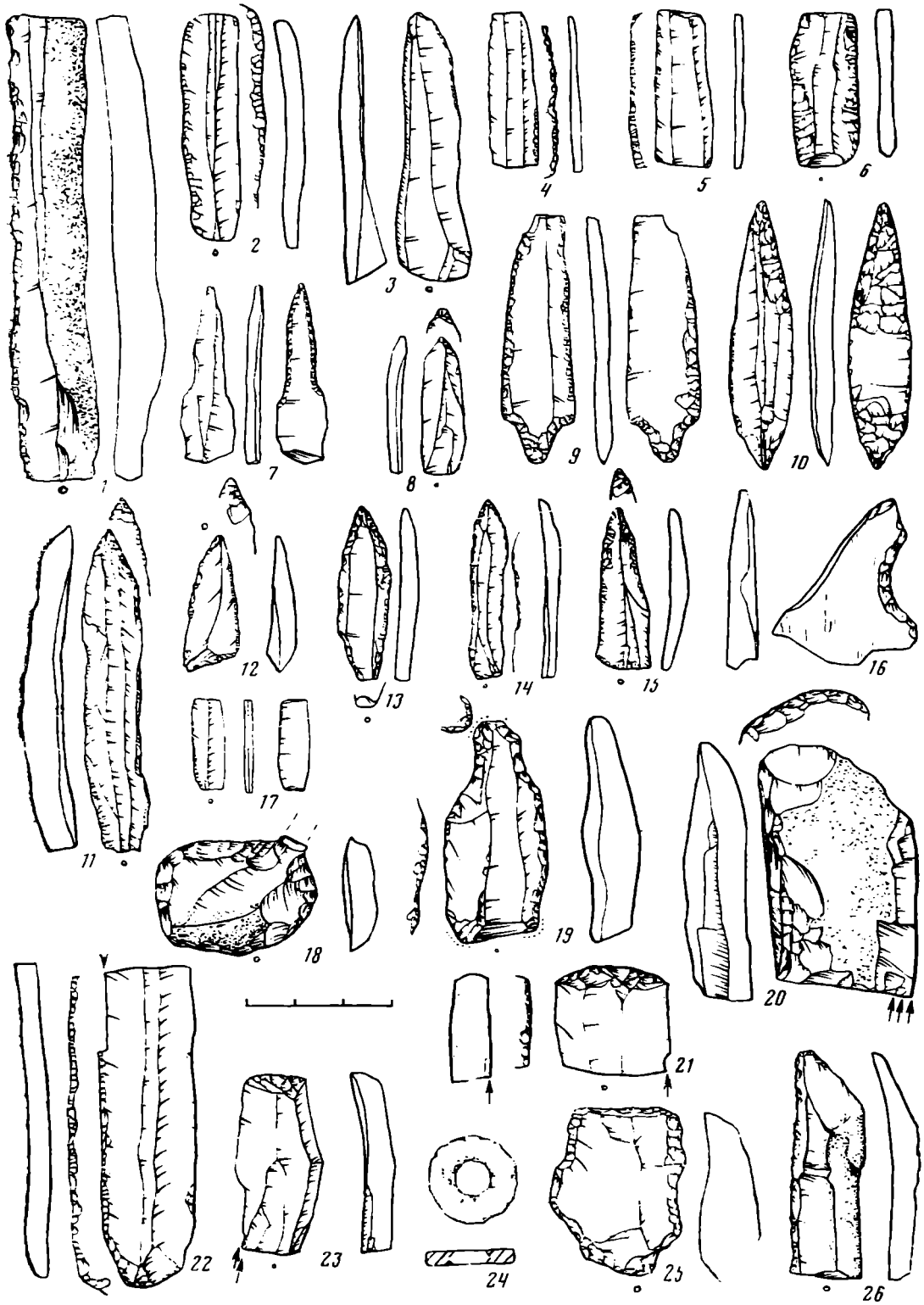


Рис. 5. Стоянка Панюшенка. Изделия из камня

отщепов совместно — в 4 случаях. Суммарно нуклеусы и сколы с них составляют 2,5% предметов из камня.

Отщепов 675 экз. (26,1%), преобладают мелкие (1—3 см в поперечнике), крупные (более 5 см) единичны. Очень много осколков — 1083 экз. (41,9%), среди которых преобладают массивные фрагменты разбитых кусков и желваков, часто со следами терморасщепления; из них часто изготавливались резцы, скобели, реже — скребки. 23,4% отщепов и 33,7% осколков сохраняют участки корки или естественной поверхности кремня, что наряду с обилием осколков придает инвентарю стоянки специфический, грубый облик. Пластин всего 124 (4,8%), в

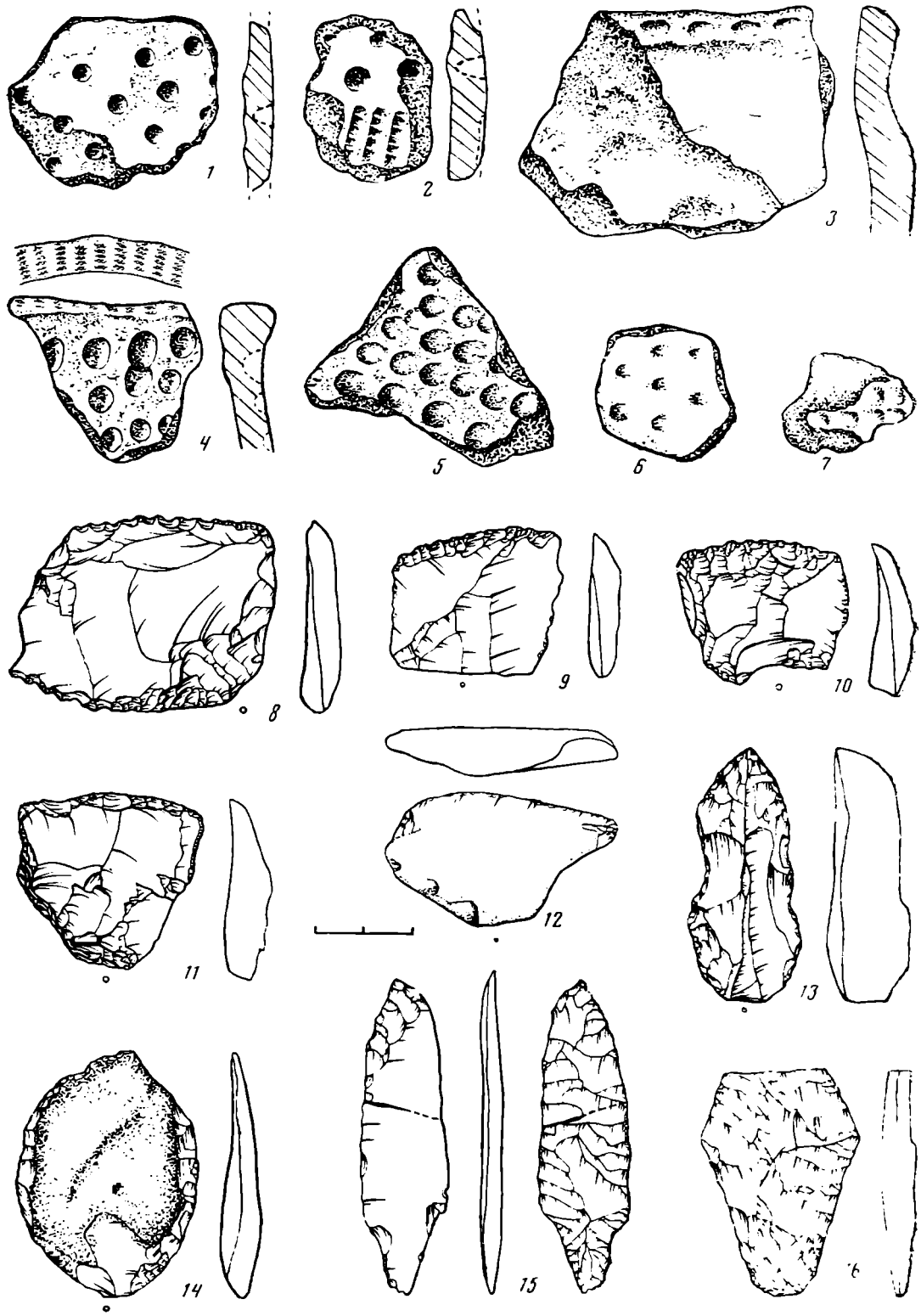


Рис. 6. Стоянка Панюшенка. Развитый неолит (*1, 2, 4—16*) и эпоха раннего железа (*3*). Керамика (*1—7*) и кремневый инвентарь (*8—16*)

основном они правильные (0,8—1,2×0,2—0,4 см); самые мелкие имеют размеры 0,4×0,1 см, единичные крупные — до 2,0×1,2 см. Из 106 фрагментов пластин только 9 рассечены ударом в верхнее и 2 — контрударом в боковое ребро, прочие сломаны. Десять имеют на углах миниатюрные ретушь или сломы, указывающие на использование их в качестве вкладышей. Чешуек мало — 258 экз. (9,99%). Резцовых отщепов 17. Найдено 14 нерасщепленных кусков низкокачественного кремня.

Среди предметов со вторичной обработкой есть 2 краевых скола, типа резцовых, с лезвий орудий и 10 отщепов со шлифованных орудий

(3 — кремень, 7 — опока); остальные 319 (12,3%) — орудия, заготовки и обломки.

Скребков 51 экз. Концевых — 17 экз. (рис. 2, *2, 3, 6, 8, 11—13*; 6, *9—11*), в том числе 6 из отщепов треугольных или трапециевидных очертаний (рис. 6, *9—11*) с частично ретушированными боковыми краями, с дугообразными или дугообразно скошенными лезвиями, в двух случаях пильчатыми. Они встречены только рядом со скоплениями керамики (близ кострища 2 и на кв. В—7) и являются относительно поздними. Такие скребки обычны на льяловских и волосовских стоянках. Среди прочих концевых скребков 4 — на пластинах; 7 — с дугообразными (1 — с суженным); 4 — с дугообразно скошенными лезвиями (2 двойные); 4 — с подправкой мелкой ретушью бокового края (2 пластины, 2 отщепа). Боковых (рис. 2, *10*) и угловых (рис. 6, *12*) скребков из отщепов по 2 экз. Угловые имеют суженные лезвия. К угловым примыкает массивный скребок из осколка с узким лезвием, обработанным крутой ретушью, напоминающий резчик. Указанные скребки с узкими лезвиями найдены близ описанной группы кострищ в юго-восточной части раскопа, что, как и их морфологические особенности, позволяет отнести их к развитому неолиту. Пять скребков — подокруглые (рис. 2, *1*). 1 — округлый (рис. 2, *16*), 3 — подчетырехугольные, в том числе 1 — с чередующимися лезвиями (рис. 2, *15, 17*), 2 — «скробача»; все из отщепов. К скребкам отнесено четырехугольное орудие из отщепа с полукрутой пильчатой ретушью по боковым краям (рис. 6, *8*), оно найдено на кв. О—8 (близ кострища 2) вместе с морфологически выраженными скребками поздней группы с такой же обработкой лезвий. Обломков скребков из отщепов 17 экз. Микроскребками, вероятно, являются пластинка с затупленным дугообразным концом (рис. 2, *7*) и пластинчатый отщеп с концом, скошенным крутой ретушью.

Скобелей 16 экз. (рис. 5, *16*), с дугообразными выемками, ретушированными как со спинки, так и с брюшка. Один скобель — из пластины, 8 — из отщепов (2 двойные), 6 — из массивных осколков, 1 — из испорченной двусторонней заготовки. Преобладают орудия с широкими (более 10 мм) выемками — 11 экз., лишь 1 орудие — с узкой (менее 5 мм), прочие — с выемками средней ширины.

Самая многочисленная категория — резцы — 74 экз. На окончаниях или сломах заготовок — 56 экз. (рис. 3, *1—3, 6—10, 13—16*). По ширине кромок они делятся на узкие (до 2 мм), средней ширины (2—4 мм) и широкие (более 4 мм). Из пластин изготовлено 11 экз. (9 узкие, 2 средней ширины), из отщепов — 14 (4 узкие, 6 средней ширины, 4 широкие), из массивных осколков и кусков — 23 (2 узкие, 4 средней ширины, 17 широкие), из испорченных нуклеусов — 6 (2 средней ширины, 4 широкие), из сломанной двусторонней заготовки (средней ширины) — 1, из резцового отщепа (узкий) — 1. Ширина кромки зависела от типа заготовки. За редким исключением сколы короткие. Один резец с четырьмя лезвиями (пластина), 1 с тремя (отщеп), 4 с двумя (2 пластины, 1 отщеп, 1 осколок). Несмотря на преобладание грубых массивных орудий, многофасеточные нуклевидные резцы единичны.

Угловых резцов (с лезвиями, сформированными разнонаправленными сколами) 9 экз. (рис. 3, *4, 11, 12*). Из отщепов — 3, из осколков — 2, из куска кремня — 1, из нуклеусов — 2, из двусторонней заготовки орудия — 1. Один резец из осколка с кромкой средней ширины, прочие — широкие, причем 4 из них нуклевидные, а 1 — срединный.

Среди резцов обоих типов встречаются плоские. Лезвие 1 резца на отщепе оформлено мелкой полукрутой ретушью. Четыре двойных орудия объединяют лезвия типа угловых с лезвиями на окончаниях или сломах заготовок (2 отщепа, 2 осколка, 3 с широкими, 1 с узким и средней ширины лезвиями) (рис. 3, *5*). Еще 4 — с узкими кромками на окончаниях или сломах, объединенными с лезвиями, оформленными ретушью (1 пластина, 3 отщепа).

Ножей 18 экз. (4 отщепа, 13 пластин, 1 осколок) (рис. 5, *2, 3*; 6, *14*). Они обработаны пологой и полукрутой приостряющей ретушью. Ножи

из отщепов ретушированы со спинки, 1 овальный, остальные аморфные с ретушью на участках краев. Один из них найден рядом со скоплением ямочно-гребенчатой керамики (кв. Б—6), 3 — близ поздних кострищ (кв. П—8, Н—10), что, как и морфологические признаки овального ножа, позволяет отнести их к развитому неолиту. Один нож из пластины остроконечный, концы прочих сломаны; 8 обработаны по одному краю (4 — с брюшка, 2 — со спинки, 2 — с перемежающейся ретушью), 5 — по двум краям (2 — с брюшка, 1 — со спинки, 2 — противолежащей ретушью), иногда частично.

Три однолезвийные пилки из пластин (рис. 5, *1, 4*) имеют рабочие края, обработанные со спинки крутой или полукрутой ретушью. У одного орудия край зазубрен и смят, у других — ретушь пильчатая, края без видимых следов сработанности.

Выразительна серия сверл — 7 экз. (5 пластин, 2 отщепа) (рис. 5, *8, 11, 12, 15*). Шесть симметричные, 1 асимметричное. Только 1, изготовленное из пластины, имеют короткий выделенный рабочий конец, концы прочих не выделены. Жальца 5 сверл обработаны крутой и полукрутой ретушью со спинки, 2 — аналогичной противолежащей, у 4 также имеется плоская ретушь на жальце с брюшка. На боковых краях встречается более или менее регулярная, мелкая, недеформирующая ретушь.

Развертка — одна, симметричная, из бугорковой части пластины, обработана крутой ретушью со спинки и плоской с брюшка. Проколки две (рис. 5, *7*): одна симметричная из пластинки, вероятно, из черешка наконечника, с выделенным длинным круто ретушированным с брюшка жальцем, вторая асимметричная из отщепа с невыделенным рабочим концом, обработанным мелкой ретушью со спинки. Вероятно, проколкой является и симметричное острие из пластинки, конец которого обработан крутой ретушью со спинки, а края — противолежащей полукрутой ретушью (рис. 5, *14*).

Найдено 5 рубящих орудий и 7 заготовок. Два целых овальных тесла с высокой спинкой (рис. 4, *2, 6*) и обушок аналогичного орудия сделаны из низкокачественного кремня путем двусторонней оббивки; одно из них незначительно пришлифовано (рис. 4, *6*). Обушок еще одного тесла из опоки приострен и частично подработан шлифовкой. Узкое овальное долотцо (рис. 4, *5*) изготовлено из хорошего желтовато-коричневого кремня и частично шлифовано с двух сторон, включая лезвие. Найдена двусторонне оббитая заготовка большого долота таких же пропорций и материала (рис. 4, *3*). Четыре оббитых опоковых заготовки составляли упомянутый «клад» (рис. 4, *1, 4, 7, 8*). Одна на начальной стадии обработки, подтреугольная, с узким обухом, с симметричными сечениями. Три другие — овальные заготовки тесел с высокой спинкой; одна по размерам и пропорциям аналогична орудиям из слоя, две — более крупные. Заметим, что в «кладе» также были найдены отщеп, отщеп с ретушью и вкладыш (рис. 5, *17*), попавшие, очевидно, из слоя. Кроме того, найдена двусторонне оббитая маленькая овальная заготовка из кремня и обломок заготовки из опоки.

Ретушированных вкладышей из фрагментов пластин 15 экз. (рис. 5, *5, 6, 17*). Тринадцать с мелкой краевой ретушью: 9 с пологой или полукрутой приостряющей по одному краю (1 — со спинки, 6 — с брюшка, 1 — перемежающейся), 5 с полукрутой и крутой по двум краям (2 — со спинки, 2 — противолежащей, 1 — с противолежащей миниатюрной ретушью на диагонально расположенных участках краев). Один вкладыш обработан по краям со спинки отжимной «неолитической» приостряющей ретушью (рис. 5, *6*).

Наконечников стрел из пластин 4 экз. (рис. 5, *9, 10, 13*). Один иволистный, длинное перо и короткий насад обработаны плоской ретушью с брюшка так, что без обработки остается лишь незначительная средняя часть, такая же ретушь имеется на конце и по одному краю пера со спинки, по другому краю — мелкие нерегулярные фасетки. Второй — с обломанным концом, треугольно-черешковый, он ретуширован по пе-

риметру со спинки, а по черешку и одному краю — и с брюшка. Третий представлен обломком пера с двусторонней краевой обработкой. Сюда же включено листовидное острие со слегка скошенными концом и насадом, круто и полукруто ретушированное по периметру со спинки; при основании на брюшке имеется уплощивающий скол.

Двусторонний подромбический наконечник дротика (рис. 6, *16*) найден на кв. Г—5 и увязывается с льяловской керамикой, происходящей с кв. В—5.

Близ описанной группы кострищ на кв. К—8 найдена сломанная при обработке заготовка черешкового наконечника стрелы, обработанная отжимной ретушью со спинки и с начальной обработкой со стороны брюшка (рис. 6, *15*). Здесь же обнаружена грубая двусторонняя заготовка наконечника из куска кремня.

Комбинированных орудий 18 экз. Преобладают комбинации со скребками. Скребков-резцов 6 (рис. 2, *18*; 5, *20, 21, 23*). Три концевые скребка (2 пластины, 1 отщеп) объединены с резцами на сломах или противоположных концах заготовок, к ним примыкает аналогичное орудие из осколка. Двойной угловой скребок с чередующимися лезвиями комбинирован с плоским резцом на окончании заготовки, угловой микроскребок — с угловым резцом; оба из отщепов. Скребков-скобелей из отщепов 3 (рис. 2, *14*; 5, *25*): концевой скребок имеет две выемки на боковых краях, четырехугольный скребок — многовыемчатый скобель, полукруглый скребок — скобель с выемкой при основании. Встречены такие орудия из отщепов, как четырехугольный скребок-сверло (жальце сверла обломано, рис. 5, *18*), подокруглый скребок-проколка. Концевой микроскребок на пластине комбинирован с однолезвийной пилкой (рис. 5, *26*).

Два резца на сломах длинных пластин имеют дополнительную обработку краев заготовок приостряющей ретушью и определены как резцы-ножи (рис. 5, *22*). Нуклевидный резец на окончании заготовки объединен со скобелем, угловой — с проколкой (оба из отщепов).

Орудие из крупной пластины определено как сверло-скобель-скребок-нож (рис. 5, *19*). Это тройное асимметричное сверло с выделенным концевым жальцем и двумя невыделенными на углах слома пластины, обработанными полукрутой и крутой ретушью, а концевое — и пологой ретушью с брюшка. Жальца смяты, по бокам концевого жальца дугообразные выемки скобелей, один край обработан крутой скребковой ретушью, второй, зазубренный и смятый,— пологой противолежащей.

Есть резчик с клювовидным лезвием из массивного пластинчатого отщепа, обработанный по периметру крутой и полукрутой, заходящей на спинку ретушью. Такие орудия характерны для комплексов развитого и позднего неолита. По бокам мелкой ретушью оформлены выемки скобелей (рис. 6, *13*). Вместе с этим орудием по характеру обработки и форме к развитому неолиту, возможно, следует отнести четырехугольные скребки, комбинированные со сверлом и скобелем (рис. 5, *18, 25*).

Найдено 24 неопределимых обломка орудий и заготовок из отщепов и осколков, 8 из пластин, 60 отщепов с нерегулярной краевой ретушью, подвеска из членика окаменевшей криноидеи (рис. 5, *24*).

Наибольшее число находок собрано на глубине 20—30 см от поверхности (пласт III) — 1003 экз. (38,3%), вверх и вниз от этого уровня число находок резко убывало. Морфологически выраженные ранние и поздние формы встречались в пластах с II по V (пласты I и VI очень бедны находками). Доля пластин и орудий из пластин в кремневом инвентаре (всего 199 экз.— 7,7% всех предметов из камня) с I по V—VI (суммарно) пласт изменяется мало: пласт I — 8,4%, II — 8,1%, III — 6,3%, IV — 8,0%, V—VI — 7,8% и, по крайней мере, не возрастает в нижних горизонтах слоя.

Планиграфически выделяются два участка с повышенной концентрацией находок (рис. 1, II). Первый (южный) — на месте кострищ 1—6,

к западу и юго-западу от них, включает квадраты И—Р — 6—8, И—О — 9 и не имеет отчетливых границ; относительно высокая насыщенность слоя сохраняется на всех горизонтах. Второй (северный) захватывает кв. Б—Г — 7, 8 и частично А,Д — 7,8, Б—Г — 6,9. Концентрация находок наблюдалась в пластах III и IV, причем в пласте III скопление имело форму овала (4×3 м), вытянутого с севера на юг. В первое скопление попадает большинство орудий поздних форм, ямчатая и два фрагмента ямочно-гребенчатой керамики. Здесь или рядом (в южной части раскопа) найдены заготовки двусторонних наконечников, шлифованное долотцо и заготовка подобного орудия, пять из шести трапециевидных скребков, четырехугольный скребок с пильчатыми лезвиями. В северной части раскопа поздние формы представлены только наконечником дротика и трапециевидным скребком, привязанными к льяловской керамике с кв. В—5, и резчиком-скобелем на кв. Е—10. Показательно, что в южной части раскопа обнаружены все кремневые отщепы со следами шлифовки (3 экз.), а севернее линии квадратов З — только опоковые. Очевидно, что характер указанных скоплений находок разный. Раннее поселение с мезолитоидным инвентарем занимало весь мыс, и северное скопление обозначает какой-то хозяйственный объект (постройку ?) на его площади. Насыщенность слоя находками в южной части раскопа связана с многократными посещениями прибрежной части мыса в более позднее время, с которыми связаны кострища 1, 2, 4—6; северная часть раскопа «загрязнена» поздним материалом значительно меньше.

Исходя из планиграфического и типологического анализа, считаем возможным отнести к развитому неолиту кроме указанных выше орудий специфическую форму скребков с суженными лезвиями (2 угловых из отщепов и 1 из осколка), найденных вокруг кострища 1, а также все или почти все рубящие орудия и их заготовки, безусловно тяготеющие к группе поздних кострищ: на кв. Н—6 их найдено 2 экз.; на кв. Н, М—7, М—4,8, О—8 — по 1 экз.; на кв. К—6 — 4 экз. («клад»). Исключение составляет невыразительный обломок орудия из опоки, найденный вместе с отщепами из того же материала в пределах северного скопления на кв. Б—9. Кроме того, принадлежность рубящих орудий к позднему комплексу находок подтверждается следующими наблюдениями. «Клад» обнаружен на глубине 36—48 см от поверхности близ кострища 6, пятно которого прослеживалось на 9 см глубже верхней отметки «клада». Ямки вокруг «клада» не прослежено, но если она и была, то выкопана из верхних горизонтов слоя. Если же «клад» был просто сложен у кострища 6, это еще отчетливее указывает на его поздний возраст, так как тесла найдены друг на друге in situ и были не потревожены, что исключается, если бы на мысу продолжало позднее функционировать поселение. Одна из заготовок в «кладе» по размерам, форме и технике полностью соответствует готовым теслам из слоя, что указывает на их синхронность. На соседних стоянках Жабки-III и Черная-I, не содержащих примеси развитого неолита, близких по инвентарю Панюшенке в целом и давших значительные серии тесел, кремневые рубящие орудия, как правило, отличаются мелкими размерами, меньшей массивностью, а пришлифованных кремневых тесел с высокой спинкой и шлифованных узких долот вообще не встречено.

К раннему комплексу стоянки следует относить следующие типы изделий: нуклеусы от пластин и от пластин и отщепов совместно; все или большинство пластин; концевые скребки из пластин и отщепов, исключая орудия трапециевидных и треугольных очертаний; возможно, боковые скребки из отщепов; значительную часть скребков из отщепов с ретушью по периметру или большей части периметра; бóльшую часть резцов; ножи, пилки, перфораторы, наконечники из пластин; вкладыши; большинство комбинированных орудий. Принадлежность части изделий со вторичной обработкой и распределение между ранним и поздним комплексами отщепов, осколков и чешуек остается неясной, поэтому полные статистические данные не приводятся. Однако в целом очень

значительная доля осколков (в том числе крупных), высокий процент первичных отщепов и осколков, малочисленность чешуек, низкий процент орудий, относительно большое количество нуклевидных и отбойников указывают на основную функциональную специализацию стоянки как мастерской, причем обработка камня была первичной, связанной с сортировкой моренного материала и отбором сырья лучшего качества, которое, вероятно, уносилось на места долговременных поселений. К таковым, на р. Цне относятся упомянутые Жабки-III и Черная-I, где куски и осколки кремня, непригодные к обработке, почти не встречаются [7]. Здесь же периодически занимались и другими видами хозяйственной деятельности, но долговременного поселения не было, о чем свидетельствует лишь единственное кострище 7 в северной части раскопа, причем и оно, судя по концентрации рядом с ним осколков, отщепов и отбойников, связано с обработкой камня.

Ранний комплекс орудий стоянки обнаруживает позднебутовские черты: симметричные наконечники на пластинках; концевые, подокруглые, округлые скребки, в том числе на отщепах, получившие в поздних бутовских стоянках уже широкое распространение; обычные для них ножи, пилки, перфораторы, вкладыши из пластин; сохраняется преобладание в инвентаре резцов [8]. Но имеются и различия хронологического характера. Наконечники стрел обработаны по периметру, ретушь распространяется на большую часть заготовки, появляются элементы двусторонней ретуши. По технике обработки наконечники стрел стоянки Панюшенка аналогичны однотипным изделиям из ранненеолитических стоянок Верхнего Поволжья [3, с. 57, рис. 9], ранней стоянки Бисерова озера [9, с. 37, рис. 14, *6*] и др. Среди резцов преобладают грубые из аморфных заготовок с широкими и короткими сколами, «боковых» мало, ретушных нет совсем. Среди вкладышей имеется изделие, обработанное отжимной ретушью. Совершенно не представлены геометрические формы, пластинки с затупленным краем, косые острия. Традиции микролитизации в значительной мере утрачены. Деградирует техника расчленения пластин, вкладышевая техника. Эти признаки указывают на протонеолитический возраст стоянки, которая с учетом специфичности комплекса и низкого качества сырья может быть сближена с Давыдковской стоянкой [10]. Подобные комплексы изделий из камня часто уже сопровождаются керамикой типа тычковой или накольчатой. Ее отсутствие в материалах может объясняться неполным исследованием стоянки, ее функциональной специфичностью, плохой сохранностью керамики. Нельзя исключать и того, что обитатели стоянки еще не использовали керамику. Таким образом, ранний комплекс находок стоянки Панюшенка может быть отнесен к финальному мезолиту или к начальной стадии верхневолжской ранненеолитической культуры и датирован концом VI — первой половиной V тыс. до н. э. [11].

В 1982 г. в раскопе на кв. Л, М, Н—5,6 открыто одиночное фатьяновское погребение [12]. Могильная яма глубиной 80 см от современной поверхности прослежена на уровне дна (рис. 7, *1*) по оконтуривавшим ее тонким железистым прослойкам. Она подчетырехугольная, со скругленными углами (220—240×140—160 см), ориентирована по линии ССВ — ЮЮЗ. По ее контуру выявлены три углистых пятна — два округлые (19×19 и 39×48 см) на кв. М—5 и Н—6,7 и овальное (50×10—22 см) на кв. Н—5,6. Разрезы показали наличие ямок глубиной соответственно 7, 11 и 6 см от уровня выявления. Возможно, они связаны с каким-то надмогильным сооружением, аналогии которому нам неизвестны. На дне ямы встречались мелкие угольки, очевидно связанные с истлевшей подстилкой. В могильной яме обнаружены сосуд, сверленый топор-молоток, клин, 4 наконечника стрел, нож и отщеп. В разрезе заметно, что погребение было несколько нарушено корнями. Судя по аналогиям, несохранившийся скелет лежал головой на юг-юго-запад. В таком случае сосуд находился рядом с головой, боевой топор и клин — у пояса, стрелы, нож и отщеп — у ног.

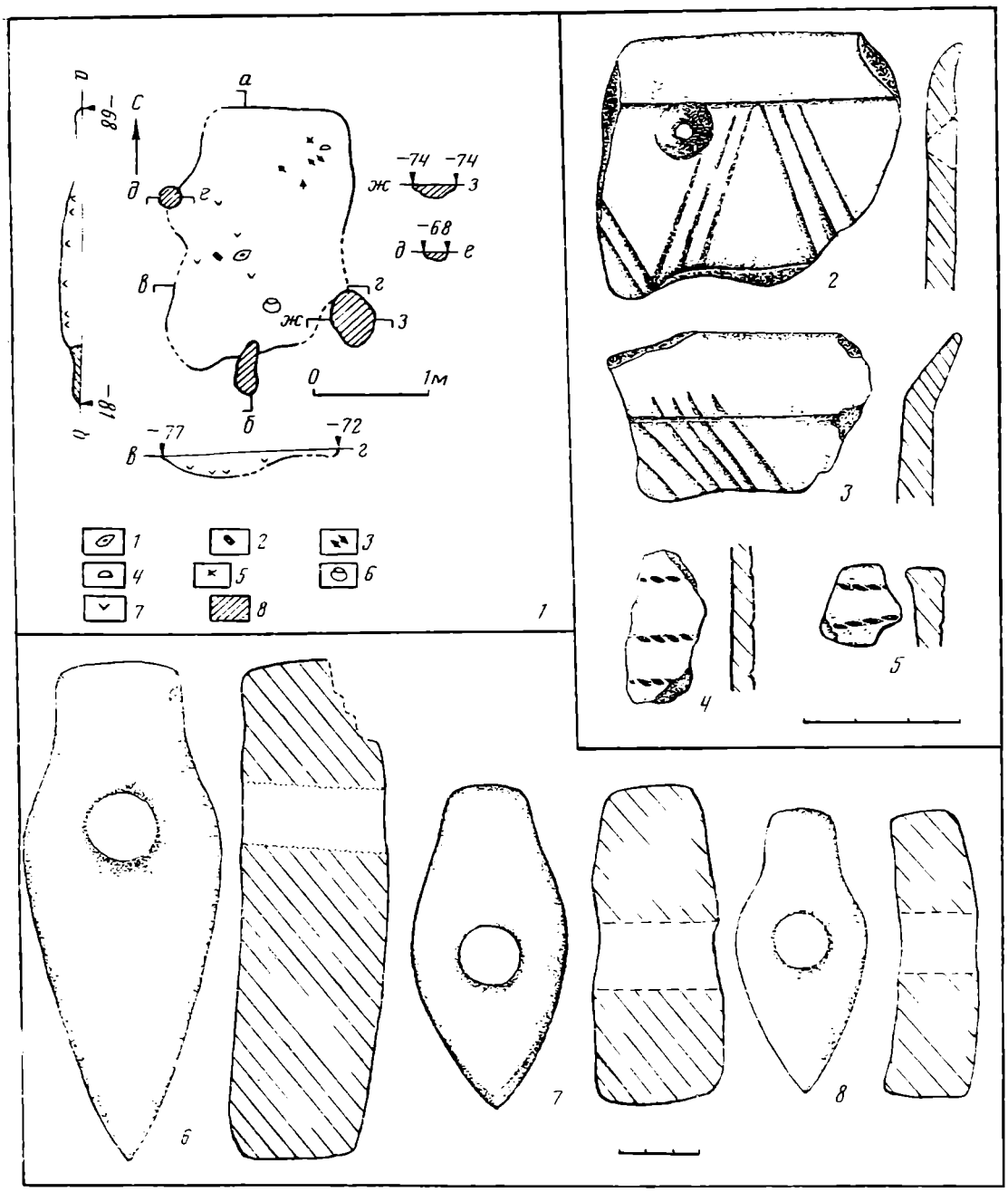


Рис. 7. Фатьяновские памятники и случайные находки на территории Егорьевского района Московской обл. *1* — погребение на стоянке Панюшенка, план и разрезы; *1* — сверленый топор; *2* — клин; *3* — наконечники стрел; *4* — нож; *5* — отщеп; *6* — сосуд; *7* — уголь; *8* — углистые пятна (*2—5* — фатьяновская керамика со стоянки Колионово; *6—8* — каменные сверленые топоры-молотки, найденные на территории Егорьевского района)

Сосуд (рис. 8, *5*) высотой 13,5 см, с диаметром горла 14 см, слабого обжига, со светло-коричневой поверхностью, черный в изломе, вылеплен из глины без видимых примесей, толщина стенок 5—7 мм. Сосуд шаровидный, приземистый, с невысокой шейкой, поставленной под углом к тулову с расширенными плечиками. Ямка на дне отсутствует, венчик прямой, со слегка утолщенным и закругленным краем. Он занимает промежуточное положение между сосудами подтипа В-4д и типа Нш-4, по Д. А. Крайнову, соответственно встреченными в Фатьяновском, Вауловском, Буньковском и Детчинском могильниках [13, с. 98, 103]. Шейка сосуда орнаментирована наклонными оттисками короткого мелкозубчатого штампа. Ниже — на плечиках — две параллельные бороздки, пространство между которыми разделено горизонтальным нарезным зигзагом на две группы взаимопроникающих треугольников; треугольники, опущенные вершиной вниз, заполнены двумя—четырьмя

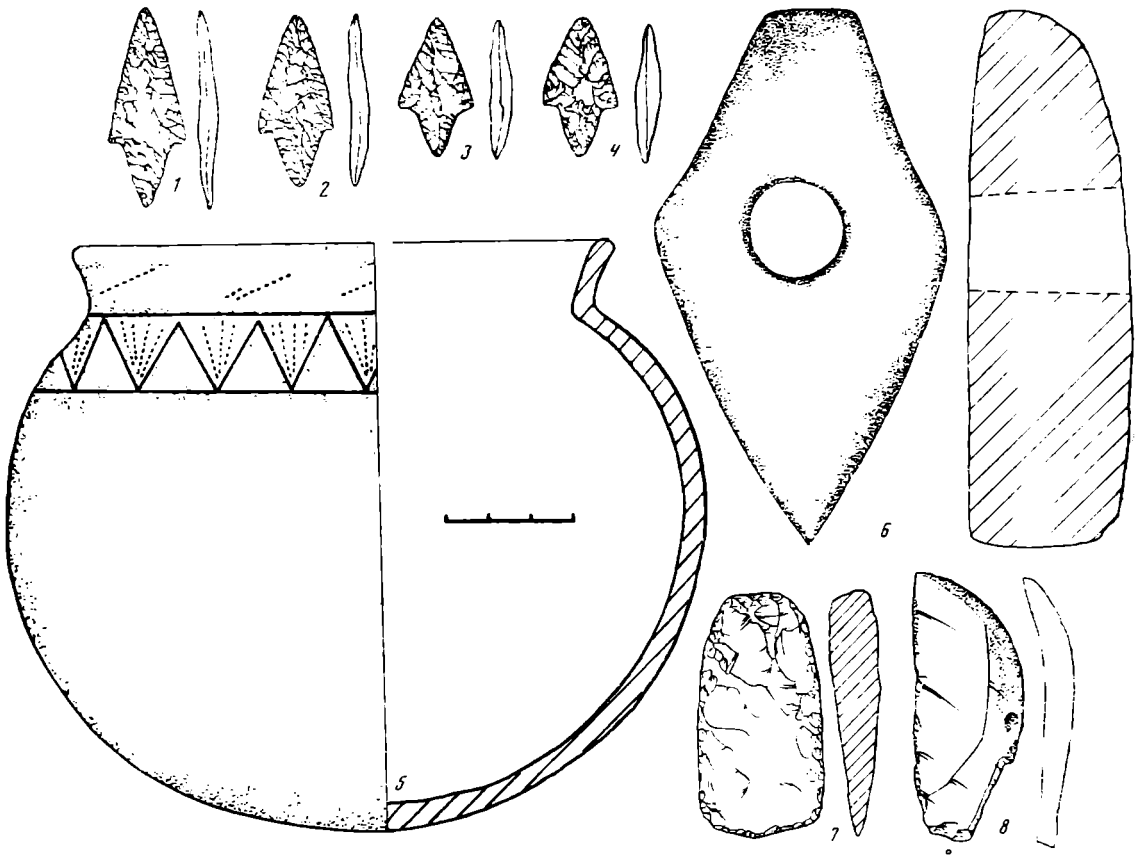


Рис. 8. Инвентарь фатьяновского погребения на стоянке Панюшенка. *1* — топор; *2* — клин; *3* — наконечники стрел; *4* — нож; *5* — отщеп; *6* — сосуд; *7* — уголь; *8* — углистые пятна

веерообразно расходящимися из вершины оттисками того же зубчатого штампа. Сверленый топор-молоток (рис. 8, *6*) относится к типу ромбических усеченных. Он сделан из зеленовато-серого диорита; сверлина гладкая, слегка суживающаяся к нижней части. Топоры этого типа характерны для могильников Московской, Калининской и Рязанской областей [13, с. 49, 50]. Кремневый клин небольших размеров, подпрямоугольный, тонкообушковый, с линзовидным сечением. Шлифовка частичная, лезвие подправлено ретушью. Клин относится к типу 12, по Д. А. Крайнову, и имеет аналогии в Фатьяновском и Змеевском могильниках [13, с. 66]. Наконечники стрел треугольно-черешковые (рис. 8, *1—4*), идентичные наконечникам из Истринского и Буньковского могильников [13, с. 69, 70]. Нож (рис. 8, *8*) из широкого пластинчатого отщепа с обработкой одного края со спинки пологой ретушью аналогичен изделиям из Истринского могильника [13, с. 73]. Таким образом, вещи из погребения находят аналогии в инвентарях поздних могильников московско-клязьминской (Буньковский, Истринский), верхневолжской (Фатьяновский, Вауловский) и окско-деснинской (Детчинский) групп фатьяновской культуры.

Кратко остановимся на прочих фатьяновских памятниках и случайных находках из района работ отряда. В 1977 г. на пашне у южной окраины д. Навошино Шатурского района Московской обл., на возвышенном участке берега ручья Навошинки, впадающего в р. Летовку (левый приток Цны), рабочими совхоза «Спартак» был найден длиннообушковый сверленый топор-молоток[2] с цилиндрической гладкой сверлиной (рис. 7, *7*) подтипа До-4, по Д. А. Крайнову [13, с. 43]. Большинство подобных топоров в московской группе найдено на юго-западе Московской и в Рязанской областях. Д. А. Крайнов определяет хронологические рамки длиннообушковых топоров второй четвертью

[2] Хранится в Егорьевском краеведческом музее.

II тыс. до н. э. Однако идентичный нашему топор имеется и в материалах Истринского могильника [14, табл. XIV, *3*]. Топография местонахождения Навошино позволяет предположить наличие здесь разрушенного погребения или могильника.

В фондах Егорьевского музея хранятся еще два сверленых топора, не опубликованных ранее. Оба происходят с территории Егорьевского района. Один среднеобушковый [3], наиболее близкий к подтипу Со-5, по классификации Д. А. Крайнова [13, с. 43], но отличается изогнутостью, меньшей массивностью, резким переходом раздутого тулова в цилиндрический обух (рис. 7, *8*). Ранее подобные топоры выделялись тем же автором в особый тип обушковых изогнутых, отмечалось их распространение в южной части территории московской группы и их южные (катакомбные) аналогии [14, с. 33]. Среди среднеобушковых (не изогнутых) наиболее сходны с нашим экземпляры из Протасовского и Истринского могильников [14, табл. XIII, *6, 9*].

Второй топор короткообушковый (рис. 8, *6*) [4], с цилиндрической, наклонной к обуху сверлиной с нарезами; обух попорчен. Топоры этого типа широко распространены в восточной части ареала фатьяновской культуры [15, табл. 3], что указывает на их поздний возраст [13, с. 40]. В московской группе ближайшими аналогиями являются топор из Загорье-Муратовского могильника, находка у с. Подчерково Дмитровского района Московской обл. [14, табл. XII, *20, 22*], а также один из топоров из Истринского могильника [14, табл. XIII, *14*]. Близ с. Никиткино Егорьевского района найден коротколопастной хордовый топор-молоток [14, табл. XVII, *8*], по очертаниям, пропорциям и размерам также весьма близкий к описанному.

Среди фатьяновских памятников р. Цны особо отметим стоянку Колионово, открытую автором в 1978 г. Стоянка находится в 2,5 км к югу-юго-востоку от д. Колионово Егорьевского района Московской обл., расположена на мысу первой надпойменной террасы правого берега р. Цны высотой до 2,5 м. Стоянка хорошо задернована, площадь распространения культурного слоя точно не установлена, но составляет не менее 1000 м². В 1979 г. заложен раскоп 6×4 м², давший следующую стратиграфию: 1 — дерн 4—8 см; 2 — серая лесная почва 8—14 см; 3 — рыжий песок 38—52 см; 4 — подстилающий светлый песок. Находки встречались в слоях 1—3 до глубины 60 см и включали кремневые отколки, чешуйки (259 экз.), ножевидные пластины (23), нуклеусы (2), орудия и их обломки (28, считая отщепы с ретушью), керамику эпохи неолита и бронзы (110 экз.), незначительное количество средневековой керамики XIV—XV вв. В кремневом инвентаре отмечаются как мезолитоидные формы (наконечник на пластине, резцы на углах сломанных пластин), так и орудия с двусторонней отжимной ретушью (обломки наконечников дротиков). Обломки неолитической посуды представлены 51 фрагментом поздней ямочно-гребенчатой керамики (венчики отогнутые и с «воротничком», встречаются наклонные и овальные ямки, рамчатый штамп, кружковый орнамент), аналогичной некоторым материалам стоянок Черная Гора, Владычинская Береговая I и других памятников Рязанской, Владимирской и восточной части Московской областей, соответствующих второму этапу рязанской культуры, по И. К. Цветковой [16, с. 104—107]. Керамика эпохи бронзы (57 фрагментов) по технологическим признакам идентична сосуду из описанного погребения на стоянке Панюшенка, лишь немногие фрагменты содержат заметную примесь песка в формовочной массе. Два фрагмента орнаментированы шнуровыми оттисками, три — горизонтальными бороздками и группами наклонно поставленных нарезок (рис. 7, *2—5*), прочие — без орнамента. Край венчика одного сосуда со шнуровым орнаментом имеет атипичный бортик на внутренней стороне, однако в целом фатьяновская принадлежность керамики эпохи бронзы не вызы-

[3] Егорьевский музей ОФ № 4926.
[4] Егорьевский музей НВФ № 2475.

вает сомнений. Венчики с нарезным орнаментом принадлежали высокошейным сосудам и находят аналогии по профилировке и по орнаменту в материалах поселения Дикариха [17, с. 209, рис. 3] и в ряде восточных фатьяновских (балановских) памятников атликасинского и ошпандинского этапов (Галанкина Гора, Васильсурское и др.) [18, табл. 14, *5*; табл. 17, *8, 10*]. Кстати, в восточных памятниках относительно часто встречается и мотив веерообразно расходящихся из углов горизонтального зигзага гребенчатых отпечатков [18, табл. 14, *24*; табл. 15, *14*; табл. 16, *48*], отмеченный на сосуде из погребения на стоянке Панюшенка. На стоянке найдено еще два неорнаментированных фрагмента лепных сосудов, отличающихся от фатьяновских большей толщиной (до 8 мм), бурыми включениями в глиняном тесте и красноватым оттенком поверхности; учитывая наличие орудий ранних форм, их, скорее всего, следует считать ранненеолитическими. Выделить комплекс кремневого инвентаря, связанного с фатьяновской керамикой, не представляется возможным, однако знаменателен уже сам факт обнаружения поселения с хорошо выраженным (более 50% всей керамики) фатьяновским культурным слоем. Колионовская стоянка — не единственное фатьяновское поселение на юго-востоке Московской обл. Ранее фатьяновский культурный слой с остатками жилища был обнаружен В. В. Сидоровым всего в 35 км северо-восточнее на стоянке Воймежное I в Шатурском районе Московской обл. [19, 20]. Примечательны и находки отдельных фрагментов шнуровой, возможно, фатьяновской керамики на р. Цне на раннепоздняковской (определение Т. Б. Поповой) стоянке Лелечи I у с. Лелечи и на пашне у с. Никиткино Егорьевского района. Близ с. Никиткино был найден и упоминавшийся выше коротколопастной хордовый топор-молоток. Вероятно, целенаправленные поиски приведут к открытию новых фатьяновских поселений на р. Цне и в бассейне р. Оки в целом. Описанная группа фатьяновских памятников и случайных находок на юго-востоке Московской обл. имеет узкие хронологические рамки и может датироваться серединой II тыс. до н. э. Ее поздний возраст подтверждается и наличием поселений, и ощутимыми восточными (балановскими) чертами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Крайнов Д. А., Кольцов Л. В.* 25 лет (1959—1983) Верхневолжской экспедиции Института археологии Академии Наук СССР//СА. 1983. № 4.
2. *Крайнов Д. А., Хотинский Н. А., Урбан Ю. Н., Молодцова Е. М.* Древнейшая ранненеолитическая культура Верхнего Поволжья//Вестн. АН СССР. 1973. № 5.
3. *Крайнов Д. А., Хотинский Н. А.* Верхневолжская ранненеолитическая культура//СА. 1977. № 3.
4. *Цветкова И. К., Кравцов А. Е.* Керамика стоянки Владычинская-Береговая//СА. 1982. № 2.
5. *Тюрина И. М.* Неолитические памятники Посожья//КСИА. 1967. Вып. 111.
6. *Смирнов А. С.* Раскопки стоянки на реке Ипуть//АО—1981. М., 1982.
7. *Кравцов А. Е.* Отчеты о работах Мещерского отряда АЭ МИРМ в Егорьевском и Шатурском районах Московской области 1980—1983 гг.//Архив ИА АН СССР. Р-1, № 7832, 8508, 9581.
8. *Сорокин А. Н.* Мезолит Великих Мещерских озер//СА. 1984. № 1.
9. *Фосс М. Е.* Неолитическая стоянка Бисерово озеро//КСИИМК. 1959. Вып. 75.
10. *Сидоров В. В.* Давыдковская стоянка на реке Яхроме//СА. 1973. № 2.
11. *Крайнов Д. А.* Хронологические рамки неолита Верхнего Поволжья//КСИА. 1978. Вып. 153.
12. *Кравцов А. Е.* Работы на реке Цне и ее притоках//АО—1982. М., 1983.
13. *Крайнов Д. А.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М., 1972.
14. *Крайнов Д. А.* Памятники фатьяновской культуры. Московская группа//САИ. 1963. Вып. В1-19.
15. *Брюсов А. Я., Зимина М. П.* Каменные сверленые боевые топоры на территории Европейской части СССР//САИ. 1966. Вып. В4-4.
16. *Цветкова И. К.* Племена рязанской культуры//Тр. ГИМ. 1970. Вып. 44.
17. *Никитин А. Л.* Дикариха//МИА. 1963. № 110.
18. *Бадер О. Н., Халиков А. Х.* Памятники балановской культуры//САИ. 1976. Вып. В1-25.
19. *Сидоров В. В.* Отчет о работе Московского отряда Окской экспедиции в 1975//Архив ИА АН СССР. Р-1, № 4876.
20. *Сидоров В. В.* Отчет о полевой работе археологического отряда Московского областного краеведческого музея в 1976 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1, № 6780.

A. E. Kravtsov

THE LATE MESOLITHIC AND BRONZE AGE SITES IN MESHCHERA NEAR MOSCOW

Summary

The recent excavations in the Volga-Oka interfluve brought to light late Mesolithic cultures of the Butovo and Ienevo (1) and the early Palaeolithic Upper Volga (2) types. The sites of the period which saw the transition from the Mesolithic to Neolithic are few and poorly studied. The area of the Upper Volga culture is studied in a patchy manner with archaeologists concentrating on its northern and western (the Upper Volga) parts with the Oka basin mainly ignored. The author publishes materials from the Panyushenka camp on the river Tsna (left tributary of the Oka) in the western part of the Meshchera lowland. The proto-Neolithic aceramic complex is easily detached, both typologically and planigraphically, from the later (developed Neolithic) materials. This complex is seen as a successor to the later sites of the Butovo type. The camp is dated to the first half of the fifth millennium B. C. The author also publishes a Fatyanovo-type burial found on the site. This find is considered in the context of unpublished materials of the same culture from the river Tsna and its tributaries, the most interesting among the sites being the Kolionovo settlement. The Fatyanovo sites from the Tsna basin are dated to a later period of the middle of the second millennium B. C.

В. А. ЛОПАТИН, Н. М. МАЛОВ

СРУБНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ В ПОДБОЯХ НА ЕРУСЛАНЕ

В 1981 г. Заволжский отряд археологической экспедиции Саратовского университета проводил охранные раскопки в бассейне р. Еруслана. В первой Мурманской группе, расположенной на водоразделе около совхоза «Луговского» Ровенского р-на Саратовской обл., был исследован курган 1, содержавший захоронения с необычной для срубной культуры данного региона формой могильной ямы.

Сильно расплывшаяся насыпь диаметром 20 и высотой 0,25 м[1] снималась при помощи скрепера с оставлением одной бровки, ориентированной по линии восток — запад. Стратиграфия: гумус, перемешанный распашкой с верхними слоями насыпи, выделялся темно-серой полосой мощностью от 0,15 до 0,2 м; насыпь — до 0,35 м; погребенная почва — 0,15—0,2 м; материк — желтая глина. Материковые могильные выбросы, а также следы досыпок насыпи не зафиксированы. В процессе снятия насыпи на глубине от 0,7 до 0,8 м найдены три мелких обломка костей домашних животных. В материке выявлен заплывший ров и четыре могильные ямы, расположенные в один ряд по линии восток — запад. Глубина рва 1—1,2, ширина 0,5—1 м. Он имеет форму овального полукольца с загнутыми под прямым углом и направленными к центру кургана концами, между которыми в восточной части памятника оставлен проход шириной 7 м. Судя по параметрам рва, первоначальный диаметр насыпи мог быть равен 13—17 м. На дне рва, в его северо-западной части, найден череп лошади без нижней челюсти (рис. 1, *5*).

Погребение 1 обнаружено в 5 м к западу от центра кургана. Подбойная могила имела подпрямоугольную форму входной ямы, которая была ориентирована по линии ССЗ—ЮЮВ (рис. 2). Длина входной ямы 1,1, ширина 0,65, глубина 1,56 м. Подбой оборудован под западной стенкой, параллельно ей и на такую же длину. Ширина ниши до 0,65 м. Дно подбоя ниже дна входной ямы на 0,1 м. Свод покатый. На некоторых участках дна отмечены следы незначительной посыпки мелом. В нише подбоя расчищены остатки детского скелета плохой сохранности. Погребенный лежал в скорченном положении на левом боку головой к северо-северо-востоку. Руки, согнутые в локтях, кистями помещались перед грудью. Между черепом и северной стенкой подбоя, слегка завалившись на бок, помещался срубный лепной сосуд баночной формы со слабо профилированной шейкой и несколько отогнутым наружу венчиком (рис. 3, *1*). Высота сосуда 17, диаметр венчика 15, диаметр днища 8 см. Внешняя светло-коричневая поверхность имеет следы сглаживания штампом. При выборке заполнения входной ямы найден обломок венчика баночного срубного сосуда (рис. 3, *2*). Внешняя поверхность черепка серая, слегка заглажена, в примеси имеются песок и шамот. Диаметр венчика сосуда был равен 12 см.

Погребение 2, центральное, расположено в 0,8 м к западу от условного центра насыпи. Подбойная могила с подпрямоугольной входной ямой, ориентированной по линии север — юг, вероятно, являлась основной и древнейшей в кургане (рис. 4). В верхней части длина входной ямы равна 1,85, ширина 1,55 м. Восточная стенка ямы оборудована двумя ступеньками. Ширина ступенек 0,3 и 0,6 м, глубина соответственно

[1] Высота и глубина указываются в тексте от условного центра насыпи, обозначенного знаком «0».

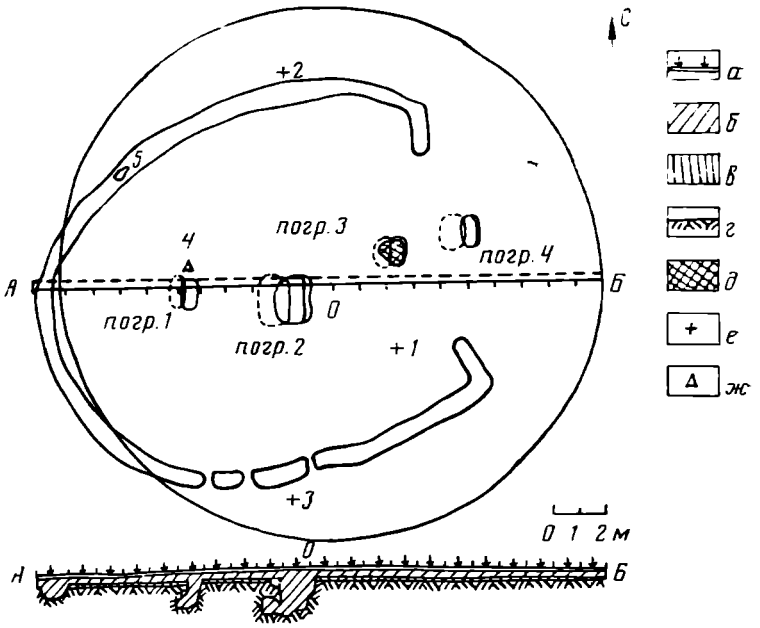


Рис. 1. План и профиль Мурманского кургана. *а* — гумус, *б* — насыпь, *в* — слой погребенной почвы, *г* — материк, *д* — перекоп, *е* — обломки костей животных, *ж* — фрагмент керамики

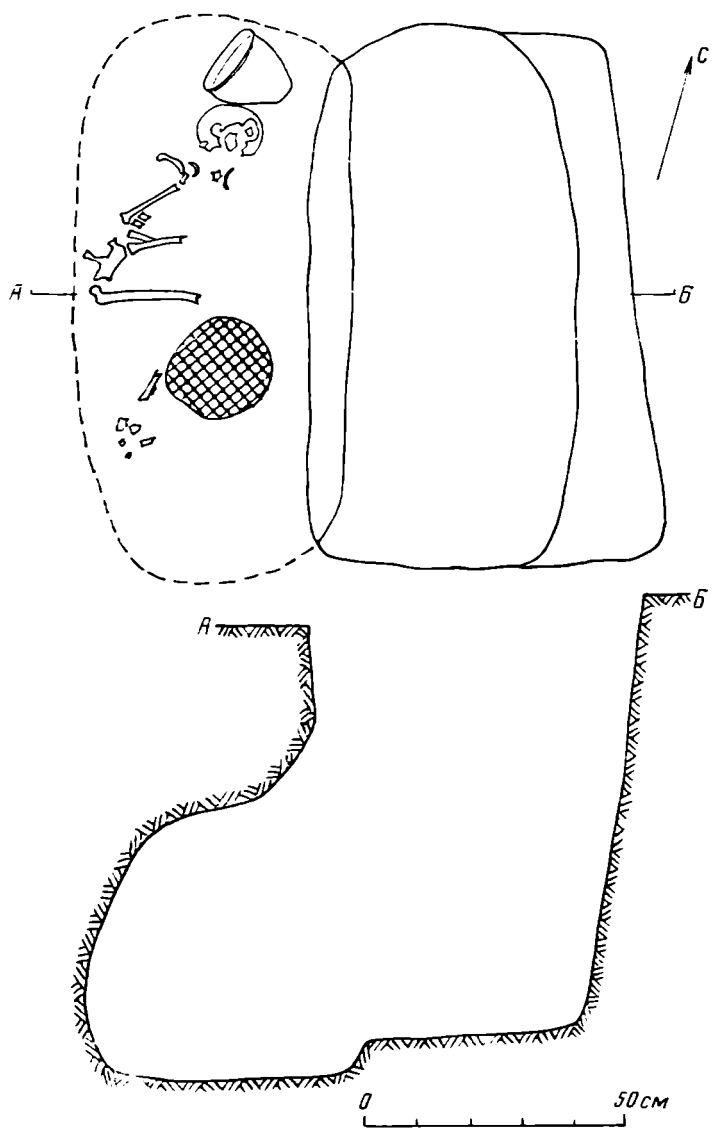


Рис. 2. План погр. 1 из Мурманского кургана

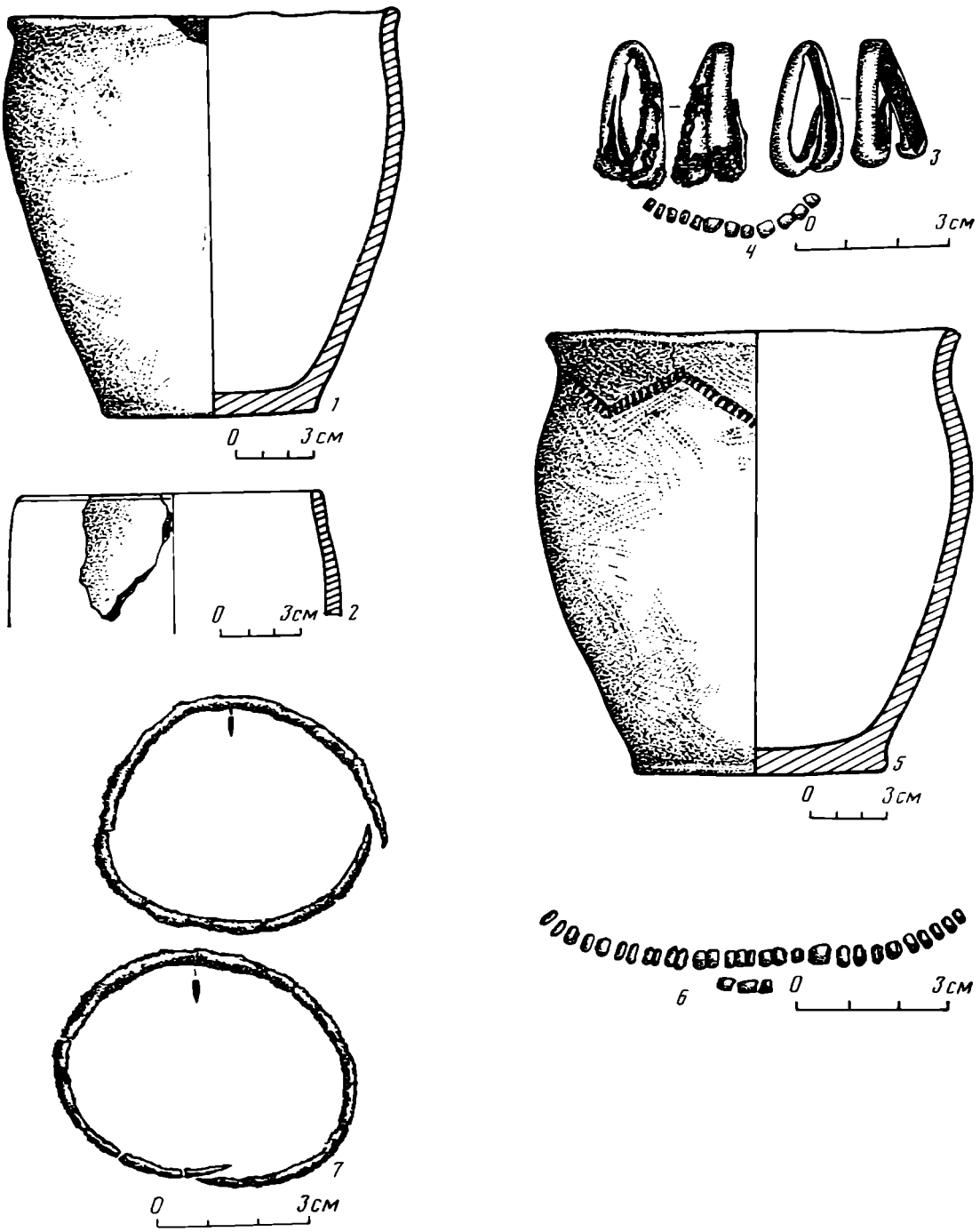


Рис. 3. Инвентарь из погребений Мурманского кургана. *1, 2* — погр. 1; *3, 4* — погр. 2; *5—7* — погр. 4; *1, 2, 5* — глина, *3* — бронза, золото, *4* — сурьма, *6* — паста, сурьма, *7* — бронза

1,38 и 1,83 м. Дно шахты имеет ширину 0,5 и глубину 2,04 м. Под западной стенкой, параллельно входной шахте, устроен подбой со сводчатым потолком высотой 0,75 м. Вход в подбойную камеру имел высоту 0,36 м и был загорожен закладом из вертикально поставленных деревянных плашек диаметром 5—7 см. Длина подбоя 2,2, ширина 1,6 м. Его дно выше дна входной ямы на 3—4 см. На дне подбойной камеры отмечена слабая меловая подсыпка.

В нише подбоя расчищено парное погребение женщины с ребенком (по-видимому, новорожденным). Женщина была погребена в скорченном положении на левом боку головой к северу — северо-востоку. Руки согнуты в локтях, кисти перед лицом. Ноги подогнуты в коленях под острым углом. На черепе, длинных костях рук и ног, а также на стопах заметны были следы окраски красной охрой. Около правого бедра лежал кусочек коричневой охры. Возле шейных позвонков обнаружена бронзовая, желобчатая в сечении подвеска, обложенная тонкой золотой

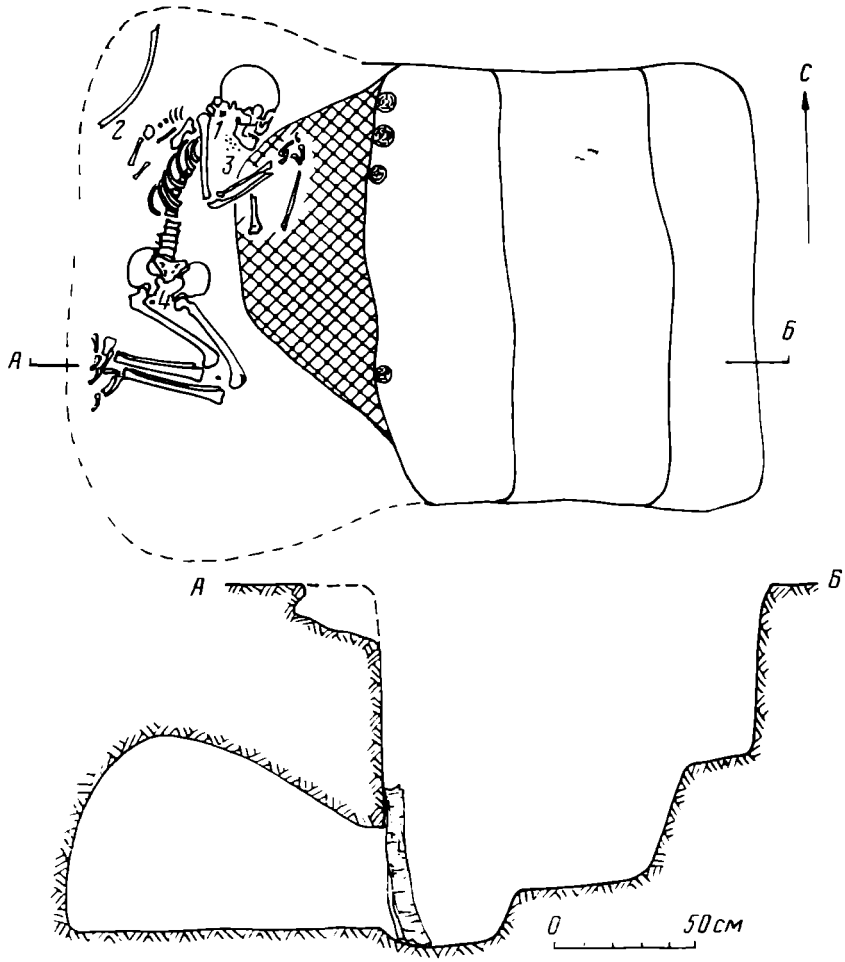


Рис. 4. План погр. 2 из Мурманского кургана. *1* — подвеска, *2* — ребро животного, *3* — бусы

фольгой. Золотая обкладка аналогичной подвески зафиксирована под черепом (рис. 3, *3*). Возле нижней челюсти найдено восемь сурьмяных бусин цилиндрической формы (рис. 3, *4*). В северо-западном углу подбоя лежало ребро животного. Под скелетом местами прослеживался волокнистый тлен от растительной подстилки.

За спиной женщины около правой лопатки находился частично сохранившийся скелет грудного ребенка (рис. 4). Судя по расположению правого крыла таза, бедренных костей, нескольких позвонков и ребер, скелет ребенка лежал на спине, ноги при этом были в вытянутом положении.

Погребение 3 находилось в 2,5 м к северо-востоку от условного центра кургана, между погребениями 2 и 4. Подбойная могила, сильно потревоженная грызунами, имела подпрямоугольную входную яму, ориентированную по линии ССЗ—ЮЮВ. Длина ямы 1,2, ширина 1, глубина до деформации 1,05 м. По периметру входной ямы и по большей части подбоя проходила крупная нора грызунов. На сохранившейся части подбоя, посыпанного мелом, найдены остатки детского скелета — переотложенные фрагменты плечевой кости, нижней челюсти, ребер. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 4 выявлено в 4,5 м к северо-востоку от центра насыпи. Подбойная могила имела подпрямоугольную входную яму, ориентированную по линии север — юг (рис. 5). Длина входной ямы 1,4, ширина 0,8, глубина 0,85 м. Восточная стенка ямы воронкообразно сужалась ко дну, обильно посыпанному мелом и частично поврежденному норами грызунов. Под западной стенкой входной ямы был устроен подбой с покатым сводом, вход в который был оборудован небольшой ступенькой шириной 0,17 м. Высота входа в подбой 0,7 м. Длина подбоя 1,36, ширина 0,8 м. В глубине ниши, ближе к ее западной стенке, было рас-

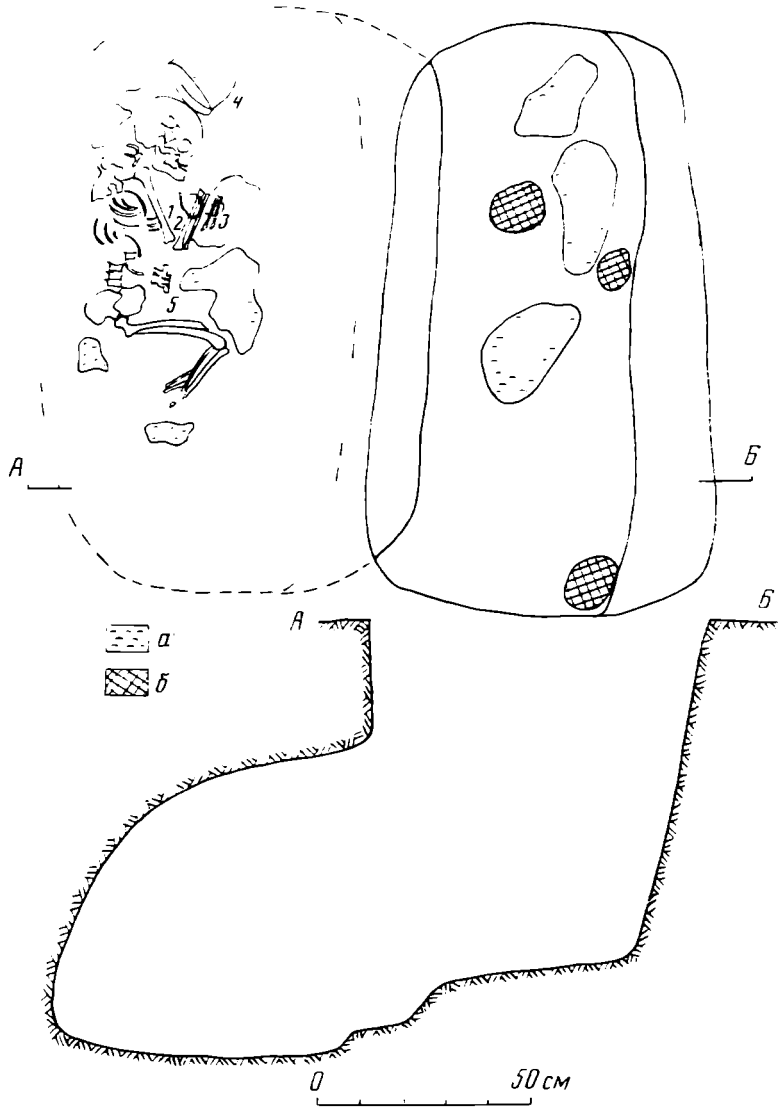


Рис. 5. План погр. 4 из Мурманского кургана. *а* — мел, *б* — перекоп. *1* — бусы, *2, 3* — браслеты, *4* — сосуд, *5* — кусочек бересты

чищено детское захоронение, лежавшее на меловой подсыпке. Толщина мелового слоя местами достигала 1,5—2 см. Умерший лежал скорченно на левом боку, головой к северу — северо-востоку, руки согнуты в локтях, кисти перед лицом, ноги подогнуты в коленях под острым углом. Между черепом и северной стенкой подбоя находился лепной срубный сосуд с рельефно выделенной шейкой, украшенной зигзагом крупнозубчатого штампа (рис. 3, *5*). Внешняя темно-коричневая поверхность горшка носит следы сглаживания штампом. В примеси отмечены песок и шамот. Высота сосуда 17,5, диаметр венчика 16, наибольшее расширение тулова 17, диаметр днища 10 см. Возле нижней челюсти собраны 23 пастовые и три сурьмяные бусины, вероятно от ожерелья (рис. 3, *6*). На локтевых и лучевых костях рук прослежены обломки тонких бронзовых пластинчатых браслетов с заходящими друг за друга и сужающимися концами. В сечении оба браслета подпрямоугольные с одной заостряющейся гранью (рис. 3, *7*). Возле тазовых костей найден бесформенный кусочек бересты.

Для погребений Мурманского кургана характерной формой могилы является яма с подбоем, скелет в которой всегда лежит в позе, обычной для срубной культуры: скорченно на левом боку, черепом на север или северо-восток, руки при этом согнуты в локтях и протянуты к лицу. Необходимо отметить, что в местоположении покойника в могиле на-

блюдается определенная закономерность. Он помещался в подбой так, чтобы лицо всегда было повернуто к входной яме, т. е. в ту сторону, откуда его опускали в могилу. Входные ямы в погребениях Мурманского кургана всегда расположены с восточной стороны от подбоев, со стороны восхода солнца, а спиной к западу, на его закат.

С. Н. Братченко отмечает для катакомбных погребений Нижнего Дона такую же закономерность в расположении скелетов — лицом к входной шахте и к солнечной стороне [1, с. 21].

В катакомбных захоронениях Элистинского могильника, как и в Мурманском кургане, устойчивым признаком является положение умерших на левом боку скорченно, лицом к выходу из катакомбы [2, с. 6].

Примечательно также, что вход («врата?») на погребальный памятник через разомкнутые концы рва располагался в восточной части, со стороны восхода солнца. Следовательно, покойник помещался в могиле лицом не только к входной яме и к восходу солнца, но также и к месту входа на погребальную площадку. Думается, что по этим же причинам значительная часть «богатых» погребений покровского типа, устроенных в просторных ямах, содержит скелеты, расположенные ближе к западной стенке, спиной к ней — на заход солнца, а лицом к восточной — на восход солнца и, возможно, к предполагаемому входу в памятник.

Все четыре погребения Мурманского кургана устроены в один ряд по линии запад — восток, где самыми крайними являются детские захоронения 1 и 4. Нельзя не заметить, что погребение 4 расположено непосредственно между разомкнутыми концами рва, в центральной части предполагаемого входа к месту совершения захоронений. Вероятно, данное погребение было совершено самым последним, так как вход на курган успел частично, а может быть и полностью, заплыть расползающейся насыпью до его появления.

Входные ямы всех мурманских погребений имеют прямоугольную форму с округленными углами и обычно ориентированы длинными сторонами по линии север — юг. Только в погребении 4 входная шахта ориентирована с северо-запада на юго-восток. Подбойные камеры устроены под длинной западной стенкой входной ямы, имеют подпрямоугольную форму, сводчатый или куполообразный потолок. Пол подбоя, как правило, чуть ниже дна входной шахты. Только в центральном захоронении Мурманского кургана дно подбоя выше дна входной ямы. Возможно, это связано с тем, что здесь вход в камеру был закрыт деревянным закладом. Таким способом обычно закрывалась камера в погребальных сооружениях катакомбной культуры [1, с. 19].

В целом погребальные сооружения публикуемого кургана по своей форме аналогичны нижнедонским катакомбам с шахтой в виде прямоугольника, параллельно расположенной с камерой (группа 2, тип 1 и 2, по С. Н. Братченко) [1, с. 6, 7, рис. 6].

Следует отметить также, что вдоль восточной стенки в погребениях 2 и 4 были оставлены ступеньки. При этом они более выражены в основном захоронении. По своей форме, размерам камер и их глубине, а также по наличию ступенек мурманские могилы в целом наиболее близки катакомбным захоронениям Заволжья с небольшими подбоями и камерами несовершенных форм, выявленными в разные годы на р. Еруслане у сел Старой Полтавки и Харьковки, у с. Бережновки и в Быковских курганах [3, с. 65, 66].

Во всех погребениях дно могилы было посыпано мелом. Охра и кости животного встречены только в погребении 2, где, судя по желобчатым подвескам и бусам, погребена женщина с ребенком. Центральное погребение выделяется еще и тем, что подвески, найденные в нем, были обложены золотой фольгой.

На срубных памятниках Нижнего Поволжья височные украшения из золота встречаются крайне редко. Идентичная височная подвеска с золотой фольгой, аналогии которой П. С. Рыков находил на Кавказе, происходит из кургана около с. Ново-Озерного на р. Чегане [4, с. 58,

59, рис. 16]. Близкое по форме золотое височное кольцо с расширенными и заостренными концами обнаружено в одном из богатых катакомбных погребений Элистинского могильника [2, с. 115, табл. 12, *1*].

Большое число подвесок андроновского облика с золотой фольгой обнаружено в погребальных памятниках срубной культуры Среднего Поволжья [5, с. 50, 51], где золотые украшения известны с ямно-полтавкинского времени [6, с. 37, рис. 4, *8*].

На основании сходства в технике исполнения срубные височные желобчатые кольца были отнесены О. А. Кривцовой-Граковой к одному из семи типов украшений андроновского облика, которые с древнейших времен привозились на Волгу из Приуралья вместе с другими вещами и металлическим сырьем [7, с. 64, 65]. Большинство исследователей считают, что обкладка подвесок золотом также указывает на их андроновскую принадлежность, тем более что у андроновцев подобный технологический прием имеет большее распространение, чем у срубников [8, с. 72; 9, с. 135]. Наиболее ранние алакульские височные кольца в полтора оборота с позолотой известны в Синташтинском могильнике, датируемом В. Ф. Генингом XVI в. до н. э. [10, с. 95].

В четвертой могиле, вероятно, была погребена девочка, так как здесь встречены пастовые, а также сурьмяные бусы и медные пластинчатые браслеты подтреугольного сечения, нетипичные для поволжских срубников.

В сводке Е. Н. Черныха присутствуют круглые, полукруглые и желобчатые в сечении срубные браслеты [11, с. 70, 71, рис. 61]. Браслеты из тонкой пластины, но подпрямоугольного сечения и с разомнутыми концами обнаружены на селище Рыкань 2 [12, с. 96, 97, рис. 2, *13*], а также Малом Боршевском поселении [13, с. 154, рис. 10, *2*] в слоях, относимых к среднему и финальному этапу среднедонской катакомбной культуры [14, с. 66—75, рисунок на вклейке]. Судя по работам А. Д. Пряхина, браслеты с прямоугольным сечением не известны в смешанных и поздних абашевско-срубных комплексах, хотя часто встречаются на абашевских памятниках. Так, четыре браслета с прямоугольным сечением, изготовленные, вероятно, из прута, а не из пластины, как в мурманском погребении 4, найдены в курганах доноволжской абашевской культуры [15, с. 41, 42, рис. 12, 13] и детском баланбашском погребении 1 в могильнике у Никифоровского лесничества [15, с. 86, 87, рис. 19, *9, 10*; 16, с. 147, 148, рис. 3, *1, 2*].

Что касается пастовых и рубчатых сурьмяных бус, то они довольно часто входят в состав инвентаря погребений бережновского и покровского горизонтов срубной культуры [17, с. 75; 18, с. 18—20] и совершенно отсутствуют в полтавкинских памятниках [19, с. 9—12].

Н. Я. Мерперт рассматривает наличие пастовых кольцевидных, двух- и трехчастных бусин «как одно из свидетельств связей с Северным Кавказом» [20, с. 149]. Украшения подобного типа из пасты и серебра, по мнению В. И. Мамонтова, попадали к раннесрубным племенам Волго-Донского междуречья также в результате обмена [21, с. 25]. В. И. Марковин считает пастовые бусы, встречаемые в дольменах Западного Кавказа, высокоценными для того времени украшениями, являющимися одним из предметов переднеазиатского импорта [22, с. 272—274, рис. 132, *11—23*]. М. А. Итина подметила, что голубые, белые, ребристые, а также двух- и трехчастные пастовые бусины появляются в Южной и Западной Сибири позже, чем у племен срубной культуры Поволжья и Приуралья, где они в основном распространены в срубных погребениях второй половины II тыс. до н. э. [23, с. 88, 89]. Е. Е. Кузьмина, ссылаясь на исследования, посвященные фаянсовым изделиям Древнего Египта, Передней Азии, Англии и других районов Европы, с некоторыми оговорками приняла для пастовых бус срубной и андроновской культуры Евразии дату около 1400 г. до н. э. [24, с. 138]. Несмотря на слабую разработанность типологии и хронологии пастовых бус Восточной Европы и Кавказа [1, с. 147], в последние годы наметилась тенденция удревнять дату их появления в степных

культурах эпохи бронзы. Некоторые разновидности пастовых бус, обнаруженных в катакомбных и многоваликовых памятниках, на основании зарубежных исследований сейчас датируются 1800 г. или началом 1700 г. до н. э. [1, с. 147; 25, с. 26].

Два детских погребения — 1 и 4 — содержали лепные сосуды срубной культуры, находившиеся между черепом и северной стенкой камеры. Оба сосуда имеют округлые бока и вертикальные пропорции. Если у баночного сосуда венчик едва отогнут наружу, то горшок из четвертого захоронения имеет выделенную шейку.

Сероглиняный горшковидный сосуд аналогичной формы и с близкой орнаментацией происходит из кургана 9 Покровского могильника [4, с. 56, рис. 12].

Главной особенностью срубных погребений Мурманского кургана, на наш взгляд, является подбойная форма могилы. Как известно, такие погребальные сооружения в данном регионе были распространены в досрубное время. По данным Н. К. Качаловой, подбойные могилы характерны для поздних полтавкинцев [19, с. 13, 14]. В срубной культуре Заволжья подбойные могильные ямы обнаружены впервые.

В правобережных районах Нижнего Поволжья, граничащих с Подоньем, подбойная срубная могила исследована В. П. Шиловым около ст. Кременской [26, с. 97, 98, рис. 5, *4, 5*].

В днепровском Надпорожье, Приазовье, Нижнем Поднепровье и Молдавии иногда встречаются подбойные могилы, относящиеся, по мнению С. Н. Братченко, к позднесрубному времени [27, с. 13, рис. 1, *19—22*, с. 16, 17]. Он не связывает их появление с катакомбными памятниками, поскольку от них они «отделены во времени бабинской культурой, где катакомбная форма могил отсутствует» [27, с. 17]. Однако, если учитывать типологическую близость подбойных позднесрубных могил и позднейших катакомб среднебронзовой эпохи, отмеченную С. Н. Братченко [27, с. 17], а также присутствие подбоев в культуре многоваликовой керамики [28, с. 5; 29, с. 29; 30, с. 84; 31, с. 79; 32, с. 51], такая связь представляется нам наиболее вероятной. Не случайным является тот факт, что подбойные могилы срубного времени встречаются преимущественно на той территории, которая до этого периода была в основном занята катакомбными или близкими к ним племенами. Катакомбные племена начали проникать и оседать в заволжских степях в полтавкинскую эпоху, что нашло отражение в материальной культуре и погребальном обряде археологических памятников данного региона [19, с. 16]. Этот процесс продолжался вплоть до срубной эпохи [19, с. 16], в пользу чего свидетельствуют находки отдельных вещей [33, с. 10, рис. 1]. Присутствие многоваликовой керамики и каменных боевых топоров на раннесрубных памятниках позволяет исследователям не исключать определенного воздействия катакомбных или близких им племен на формирование отдельных вариантов срубной культуры Подонья [34; 35, с. 15] и Украины. Многоваликовая керамика также иногда встречается в Нижнем Поволжье как на полтавкинско-катакомбных, так и на раннесрубных памятниках [36]. В срубных погребениях Поволжья также известны находки каменных боевых топоров [4; 37, с. 10, рис. 4, *7*; 38, с. 34], однозубых крюков: Комаровское поселение [39, с. 161, рис. 4, *4*], Медянниково (кург. 2, погр. 8) [40, с. 186], широко распространенных в катакомбных древностях. Топор из Надеждино-Куракино В. И. Марковин относит к предметам северокавказского типа [41, с. 141].

Срубное погребение 7 из кургана 62 Второго Бережновского могильника сопровождалось двумя сосудами, один из которых имеет катакомбный облик [42, с. 61, рис. 22, *13*]. Ряд элементов раннесрубного погребального обряда скорее всего имеет истоки в катакомбных древностях, во всяком случае, их трудно вывести только из полтавкинской культуры. Это прежде всего кенотафы, положение покойника скорченно на левом боку, наличие на краю могил костей животных и т. д. Все эти данные позволяют допускать, что катакомбные племена, проникавшие

в северные районы Нижнего Поволжья, также оказали определенное воздействие на формирование срубной культуры данного региона. Но степень этого влияния не следует излишне переоценивать и абсолютизировать.

Определяя место мурманских погребений в рамках срубной культуры Заволжья, необходимо учитывать, что полтавкинские памятники, в которых прослеживается катакомбное влияние, существовали до XVII в. до н. э. включительно [19, с. 14], а по мнению В. А. Сафронова, до середины среднебронзового века, датируемого им XVI — серединой XIV в. до н. э. [43, с. 15]. С одной стороны, мурманские захоронения имеют сходство с катакомбно-полтавкинскими могилами по форме погребальной камеры. С другой — их погребальный обряд и инвентарь указывают на принадлежность к одной из групп самых ранних срубных памятников Заволжья. Поэтому мурманские срубные погребения можно в общих чертах отнести ко второй половине XVI — началу XV в. до н. э., или к середине II тыс. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев: Наук. думка, 1976.
2. *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Элистинский могильник (по раскопкам 1964 года)// Тр. Калм. НИИЯЛИ. 1971. Вып. 3.
3. *Фисенко В. А.* Погребальный обряд племен катакомбной культуры Юго-Востока// Археологический сборник СГУ. Саратов. 1966.
4. *Rukov P.* Die Chvalynsker kultur der Bronzezeit an der unteren Wolga//ESA. 1927. I.
5. *Агапов С. А., Иванов А. Ю.* Об одном типе украшений срубной культурно-исторической общности Среднего Поволжья//Тр. КГПИ. 1979. Т. 221.
6. *Васильев И. Б.* Могильник ямно-полтавкинского времени у с. Утевки в Среднем Поволжье//Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж. Изд-во Ворон. ун-та, 1980.
7. *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы//МИА. 1955. № 46.
8. *Аванесова Н. А.* Серьги и височные подвески андроновской культуры//Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975.
9. *Итина М. И.* История степных племен Южного Приаралья//ТХАЭЭ. 1977. Т. X.
10. *Генинг В. Ф.* Хронологические комплексы XVI в. до н. э.//Новейшие открытия советских археологов (тез. докл.). Ч. 1. Киев, 1975.
11. *Черных Е. Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья//МИА. 1970. № 172.
12. *Матвеев Ю. П., Екимов Ю. Г.* Поселение эпохи бронзы Рыкань 2//Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж: Изд-во Ворон. ун-та, 1980.
13. *Пряхин А. Д., Винников А. З.* Итоги исследования Малого Боршевского городища на р. Дон//Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж: Изд-во Ворон. ун-та, 1980.
14. *Матвеев Ю. П.* Культурно-историческая оценка памятников с многоваликовой керамикой//Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж: Изд-во Ворон. ун-та, 1980.
15. *Пряхин А. Д.* Погребальные абашевские памятники. Воронеж: Изд-во Ворон. ун-та, 1977.
16. *Васильев И. Б., Пряхин А. Д.* Бескурганный абашевский могильник у Никифоровского лесничества в Оренбуржье//СА. 1979. № 2.
17. *Качалова Н. К.* Ранний горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья//СА. 1978. № 3.
18. *Качалова Н. К.* Относительная периодизация срубных погребений Нижнего Поволжья//Тр. КГПИ. 1978. Т. 221.
19. *Качалова Н. К.* Племена Нижнего Поволжья в эпоху средней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Л., 1965.
20. *Мерперт Н. Я.* Материалы по археологии Среднего Заволжья//МИА. 1954. № 42.
21. *Мамонтов В. И.* О раннесрубных памятниках Волго-Донского междуречья//СА. 1981. № 3.
22. *Марковин В. И.* Дольмены Западного Кавказа. М.: Наука, 1978.
23. *Итина М. А.* Могильник бронзового века Кокча 3//Материалы Хорезмской экспедиции. 1961. Вып. 5.
24. *Кузьмина Е. Е.* Периодизация могильников Еленовского микрорайона андроновской культуры//Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М.: Наука, 1964.
25. *Березанская С. С.* Северная Украина в эпоху бронзы. Киев: Наук. думка, 1982.
26. *Шилов В. П.* Проблемы освоения степей Нижнего Поволжья в эпоху бронзы//АСГЭ. 1964. Вып. 6.
27. *Братченко С. Н.* Погребения срубной культуры//Вильнянские курганы в днепровском Надпорожье. Киев: Наук. думка, 1977.
28. *Березанская С. С.* Основные результаты изучения культуры многоваликовой керамики//Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Тез. докл. Донецк, 1979.

29. *Березанская С. С.* Северная Украина в эпоху бронзы. Киев: Наук. думка, 1982.
30. *Отрощенко В. В.* Могильники степного Поднепровья//Тр. КГПИ. 1978. Т. 221.
31. *Шарафутдинова Э. С.* Памятники культуры многоваликовой керамики на Нижнем Дону//Тр. КГПИ. 1978. Т. 221.
32. *Шарафутдинова И. Н.* Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. Киев: Наук. думка, 1982.
33. *Качалова Н. К.* О связях полтавкинских племен с катакомбными//АСГЭ. 1968. Вып. 10.
34. *Латынин Б. А.* К вопросу о памятниках с так называемой многоваликовой керамикой//АСГЭ. 1964. Вып. 6.
35. *Чередниченко Н. Н.* История срубных племен Подонья: Автореф. дис. канд. ист. наук. 07.00.06. Киев, 1973.
36. *Малов Н. М.* Некоторые итоги изучения поселений эпохи бронзы северных районов Нижнего Поволжья//Тез. докл. конф. «Достижения советских археологов в XI пятилетке». Баку, 1985.
37. *Скарбовенко В. А.* Погребения эпохи бронзы Новопавловского курганного могильника//Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981.
38. *Рыков П. С.* Археологическая экспедиция по Хопру//Сообщ. ГАИМК. 1931. № 8.
39. *Алихова А. Е.* Комаровское поселение у Моечного озера//МИА. 1958. № 61.
40. *Малов Н. М.* Охранные работы в Правобережных районах Саратовского Поволжья// АО—1978. М., 1979.
41. *Марковин В. И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.)//МИА. 1960. № 93.
42. *Синицын И. В.* Древние памятники в низовьях Еруслана//МИА. 1960. № 78.
43. *Сафронов В. А.* Хронологическая система энеолита и бронзового века юга Восточной Европы//Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Тез. докл. Донецк, 1979.

V. A. Lopatin, N. M. Malov

TIMBER-FRAME SHAFT BURIALS ON THE ERUSLAN RIVER

Summary

In 1981 the Trans-Volga Detachment of the Saratov University archaeological expedition conducted diggings in the Eruslan basin. Mound No. 1 in the Murman group (Rovnoe District, Saratov Region) contained burials in an untypical pit with a shaft. This is the first ever find of a complex combining the features of the catacomb and timber-frame cultures. These burials are similar, on the one hand, to the catacomb-Poltavkino burials (the shape of the burial pit) and, on the other, the earliest Trans-Volga sites (the burial rite and grave goods). They are dated between the latter half of the 16th-early 15th centuries B. C.

С. Н. САНЖАРОВ

ПОГРЕБЕНИЯ ДОНЕЦКОЙ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ С ИГРАЛЬНЫМИ КОСТЯМИ

В основу нашей работы положен анализ погребальных комплексов донецкой катакомбной культуры Северского Донца, задача хронологического членения которой уже поставлена [1, с. 142]. Классификационным признаком выбраны игральные кости, обнаруженные в ряде донецких погребений. Несмотря на то, что этот специфический материал был известен еще со времени раскопок В. А. Городцова в Изюмском уезде [2, с. 194—195; 3, с. 56], он не стал предметом специального изучения. К настоящему времени из бассейна Северского Донца происходят шесть погребений донецкой катакомбной культуры, в которых найдено 15 игральных костей.

I. Село Шпаковка, 1901 г. [2, с. 316—318], кург. 9, погр. 5, впускное. Высота кургана 1,8, диаметр 26 м. В северном секторе кургана на глубине 1,8 м выявлена подпрямоугольная в плане входная шахта (1,16××0,98 м) глубиной 0,45 м. Под южной стенкой шахты устроен вход (1,16×0,45 м) в погребальную камеру, закрытый шестью вертикальными бревнами. Свод катакомбы, размеры которой 2,31×1,8×0,53 м, обрушился в древности. Ее длинная ось ориентирована по линии восток—запад. На дне, на белом и буром тлене, костяк взрослого человека в скорченном положении, на правом боку, с разворотом на спину, головой на восток. Угол скорченности тупой, угол в коленях острый. Руки вытянуты вдоль туловища, кисть левой руки — на левом тазобедренном суставе. У головы — два орнаментированных сосуда, около правого плеча — кусочки смолы и остатки бронзовых предметов. Перед локтем правой руки — кусок красной охры, две игральные кости и три изделия из кости. В ногах положены череп и кости конечностей овцы. Под черепом, коленями и ступнями ног прослежена посыпка из порошка красной охры (рис. 1, *1*).

1. Сосуд 1 с короткой прямой шейкой и высоко поставленными уплощенными боками. Орнаментирован поясками из ногтевых вдавлений и оттисками зубчатого штампа, образующими горизонтальную елку (рис. 1, *2*).

2. Сосуд 2 с короткой, слегка расширяющейся кверху шейкой и выпуклыми боками. Край шейки украшен косыми и вертикальными оттисками однорядного шнура, по горлышку нанесены горизонтальные отпечатки такого же шнура. На боках орнамент состоит из концентрических окружностей и треугольных шнуровых композиций, окаймленными отпечатками круглого штампа (рис. 1, *3*).

3. Две игральные кости бипирамидальной формы со сглаженными гранями, на которых нанесены знаки в виде черточки, креста и двух треугольников, соединенных в основании (рис. 1, *4*).

II. Город Александровск, 1972 г. [4] [1], кург. 2, погр. 6, впускное. Высота кургана 0,7, диаметр 13—14 м. На расстоянии 3,6 м на юго-запад от центра кургана на глубине 0,9 м выявлена входная шахта (1,87××0,8 м) вытянутой прямоугольной формы, ориентированная по линии юго-восток — северо-запад. Дно — на глубине 2,7 м. Под северо-восточной стенкой шахты — широкий (1,73×0,65 м) вход в погребальную ка-

[1] Приносим искреннюю признательность С. Н. Братченко за предоставленную возможность опубликовать погребальные комплексы из г. Александровска и г. Сватово

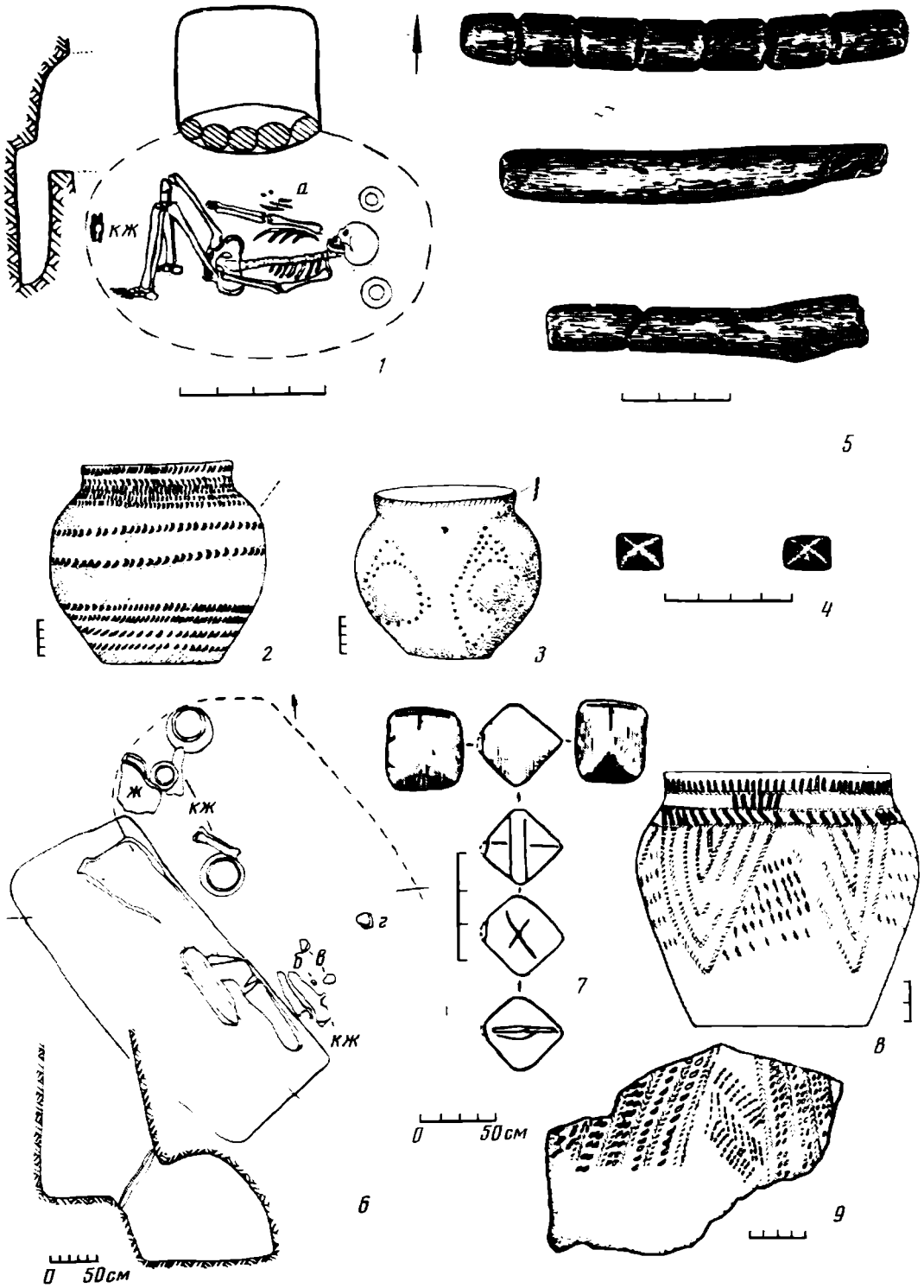


Рис. 1. Планы и разрезы погребений и инвентарь. *1—5* — с. Шпаковка, кург. 9, погр. 5; *6—9* — Александровск, кург. 2, погр. 6 (*а, б* — игральные кости; *в* — кремневые отщепы; *г* — терочник)

меру, перекрытый тремя плитами песчаника. Дно катакомбы опущено на 0,8 м ниже уровня дна входной шахты. В плане катакомба овальной формы, размером 2,37×1,2 м, высотой около 1 м. Костяк отсутствовал.

В северной части камеры — два сосуда и два фрагмента от горшков, использованных под жаровни. Под ними — кости животного. Южнее — конечности животного и третий большой сосуд. В южной части камеры выявлены два кремневых отщепа, бипирамидальная игральная кость и кости конечностей животного. В глубине камеры зафиксированы пятно и куски красной охры, терочник из куска светлого песчаника (рис. 1, *6*).

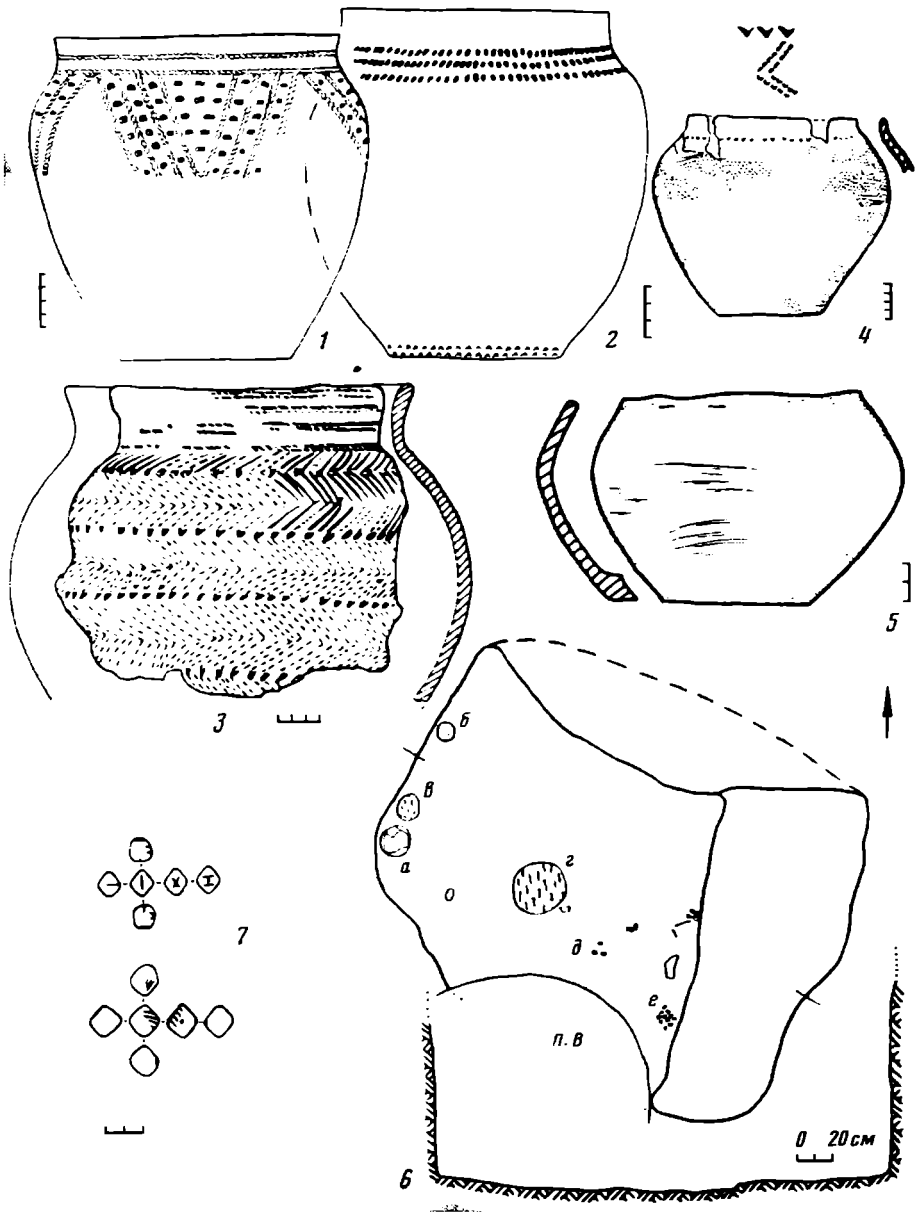


Рис. 2. План и разрез погребения, инвентарь. *1—3* — Александровск, кург. 2, погр. 6; *4—7* — Александровск, кург. 10, погр. 12 (*а, б* — сосуды; *в, г* — деревянные сосуды; *д* — игральные кости; *е* — угли)

1. Сосуд с короткой раструбной шейкой и высоко поставленными боками. По горлу орнаментирован горизонтальными линиями из двухрядного шнура. Так же выполнены свисающие городки на плечиках (рис. 2, *1*).

2. Сосуд 2 с вытянутым туловом и короткой прямой шейкой. Украшен по всему тулову отпечатками двухрядного шнура, который образует горизонтальные композиции по шейке и ряды треугольников на плечиках вершиной вниз с вертикальными и косыми черточками (рис. 1, *8*).

3. Сосуд 3 с яйцевидным туловом и прямой короткой шейкой. Орнаментирован по плечикам тремя рядами полукруглых вдавлений палочки, в придонной части — двумя рядами треугольных вдавлений (рис. 2, *2*).

4. Жаровня из крупного фрагмента верхней части горшка с высокой прямой шейкой. По шейке орнамент нанесен в виде горизонтальных рядов двухрядного шнура, плечики и бока украшены поясками из ногтевых защипов и косыми оттисками гребенчатого штампа, образующими елочный орнамент (рис. 2, *3*).

5. Жаровня из обломка боковины сосуда. Орнамент выполнен оттисками двухрядного шнура и гребенчатого штампа (рис. 1, *9*).

6. Игральная кость бипирамидальной формы с четырьмя сглаженными выпуклыми гранями, на которых нанесены знаки в виде вертикальной черточки, креста и двух параллельных линий с перпендикулярами по центру (рис. 1, *7*).

7. Терочник из куска светлого песчаника.

III. Город Александровск, 1972 г. [4], кург. 10, погр. 12, впускное. Высота кургана 0,5, диаметр около 20 м. В центральной части кургана на глубине 1,15 м выявлена большая подквадратная могильная яма (2,82×2,4 м), ориентированная по линии юго-восток — северо-запад. Дно на глубине 1,68 м. Костяк погребенного отсутствовал.

В западной части на дне обнаружены два глиняных сосуда и остатки деревянной миски. В центральной части могилы находился древесный тлен в форме круга (блюдо?), пятна красной и розовой охры. В восточной части на дне выявлены три игральные кости, два овечьих астрагала, древесные угли и кости крупного животного (рис. 2, *6*).

1. Сосуд 1 с короткой шейкой и плавно выпуклыми боками. Вся поверхность украшена поясками из оттисков гребенчатого штампа, образующих горизонтальный елочный орнамент, ограниченный сверху оттисками фигур в виде хвоста ласточки (рис. 2, *4*).

2. Сосуд 2 без шейки со скошенным внутрь венчиком и выпуклыми боками (рис. 2, *5*).

3. Игральные кости (3 экз.) бипирамидальной формы со сглаженными гранями (одна кость утеряна). На гранях нанесены черточки, точка с черточками (рис. 2, *7*).

IV. Город Сватово, 1974 г. [5], кург. 12, погр. 2, впускное. Высота кургана 2,9, диаметр около 60 м. На расстоянии 16,6 м от центра кургана на северо-восток — восток на глубине 0,93 м зафиксирована входная шахта в плане подпрямоугольной формы с округленными углами (1,44××1,04 м), глубиной около 2 м, ориентирована по линии юг — юго-восток — север—северо-запад. На дне шахты четыре черепа животных с конечностями. Вход в камеру устроен под западной стенкой входной шахты. Его ширина 1,4 м. Свод катакомбы обрушился в древности. Устье камеры закрывалось плахами. Катакомба в плане овальной формы, размером 2×1,38 м. Дно — на глубине 3,28 м. На дне два костяка (взрослого и ребенка) в скорченном положении на правом боку, головой на юго-восток. В изголовье костяка взрослого человека два сосуда, рядом охра в виде комка, два астрагала овцы. Перед правой рукой — мраморное навершие булавы, ниже, у пояса — бронзовые бусины, три игральные кости, астрагал и глоточные зубы карповых рыб[2]. У колен обнаружено пятно красной охры (рис. 3, *1*).

1. Сосуд 1 с расширяющейся шейкой, орнаментированной оттисками шнура и круглого штампа в виде горизонтальных линий. По тулову нанесены тесемчатые фестоны, обрамленные оттисками спирали (рис. 3, *7*).

2. Сосуд 2 с прямой шейкой, украшенной рядами оттисков шнура. На плечики, бока и придонную часть вдавлениями палочки нанесен горизонтальный елочный орнамент (рис. 3, *5*).

3. Мраморное навершие булавы грушевидной формы с остатками деревянной рукояти. В проушном отверстии зафиксированы радиально расположенные бронзовые пластинки (рис. 3, *2*).

4. Яйцевидный комок охры в виде граненой заготовки для стачивания порошка краски (рис. 3, *6*).

5. 18 бронзовых мелких бусин бочонковидной формы (рис. 3, *3*).

6. Три игральные кости бипирамидальной формы со сглаженными гранями, на которых нанесены знаки в виде черточки и точек (рис. 3, *8*).

---

[2] Определение произведено научным сотрудником Института зоологии АН УССР Н. Г. Тимченко.

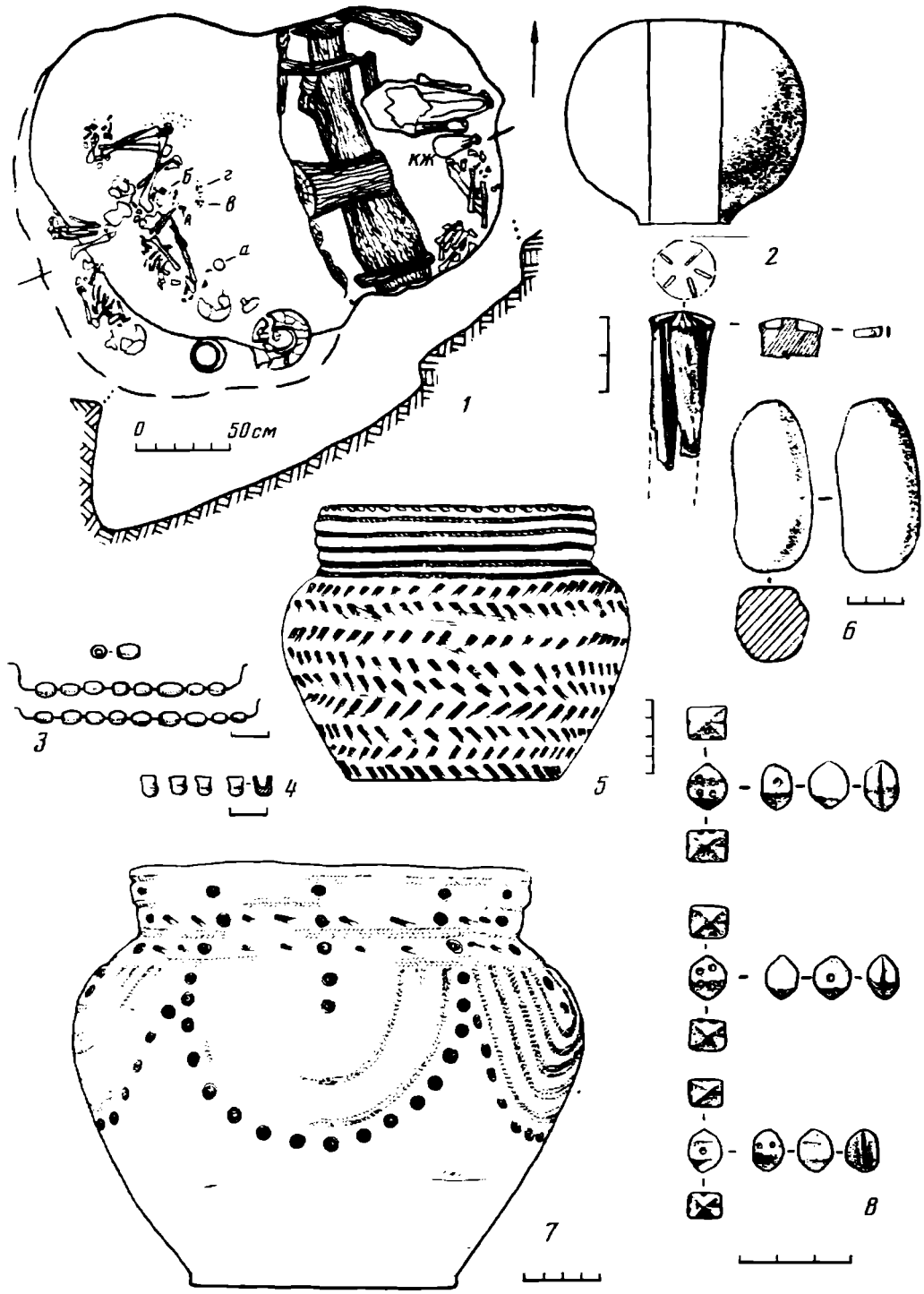


Рис. 3. План, разрез и инвентарь погр. 2, кург. 12 близ г. Сватово (*а* — булава; *б* — зубы-бусины; *в* — бронзовые бусины; *г* — игральные «кубики»)

7 Глоточные зубы карповых рыб, использованные в качестве бусин (рис. 3, *4*).

V. Поселок Николаевка, 1983 г.[3], кург. 1, погр. 4, основное. Высота кургана 1,7, диаметр около 40 м. В центральной части кургана на глубине 1,5 м зафиксирована входная шахта погребения в плане подпрямоугольной формы (1,76×1,38 м), ориентирована по линии север—юг. На глубине 3,18—3,22 м, вдоль восточной стенки, шахта снабжена высоким уступом размером 1,68×0,74 м. Дно шахты устроено на глубине 4,2—4,3 м. Вход в катакомбу находился под западной стенкой входной шахты на всю ее длину. Первоначально он закрывался вертикально стоящими

[3] Раскопки автора в составе Донецкой экспедиции ДонГУ в 1983 г.

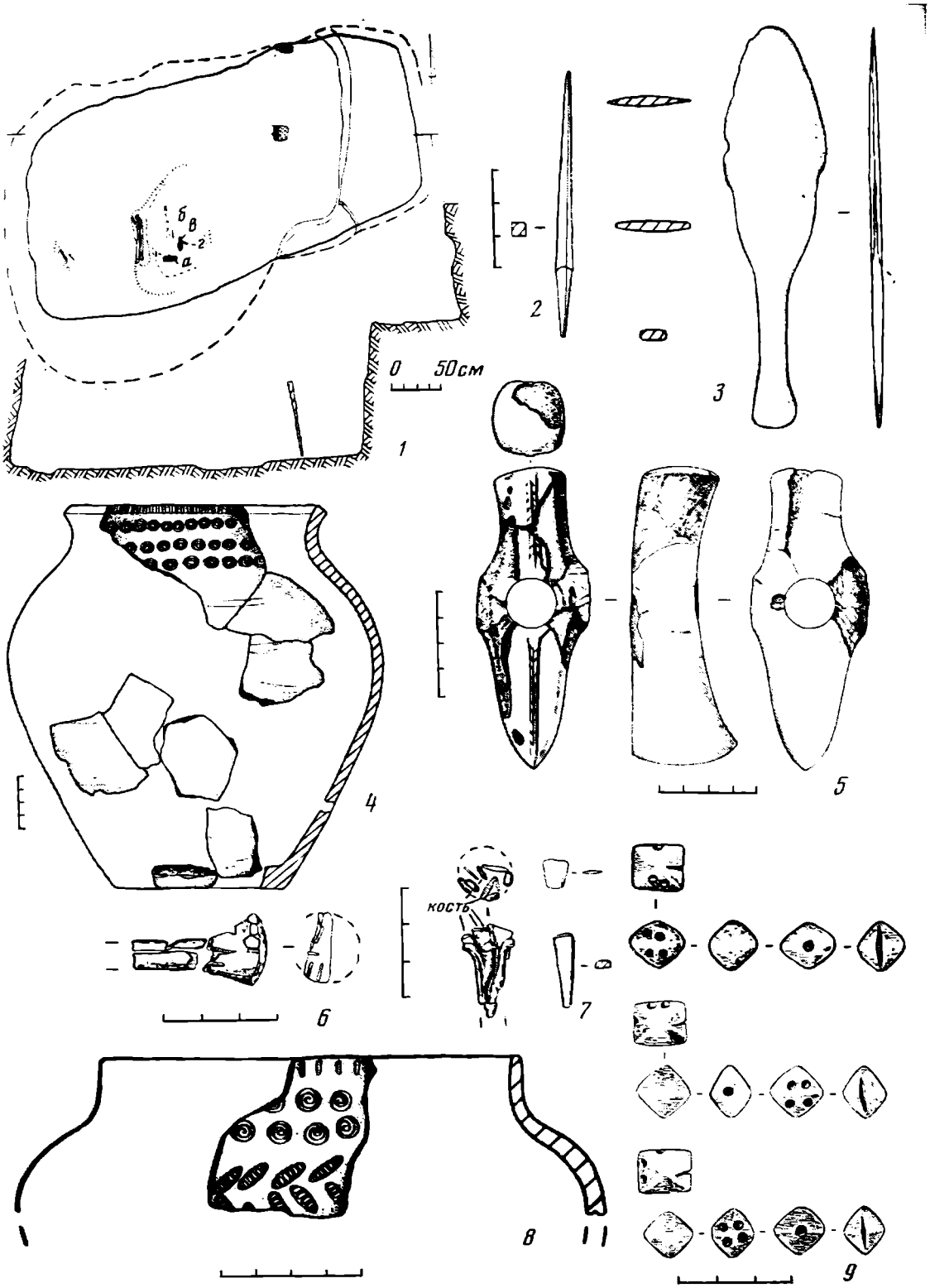


Рис. 4. План, разрез и инвентарь погр. 4, кург. 1 близ пос. Николаевка (*а* — каменный топор; *б* — бронзовое шило; *в* — бронзовый нож; *г* — игральные кости)

плахами. Все погребальное сооружение и костяки погребенных сильно повреждены норами крупных землеройных животных.

Катакомба в плане округлой формы (2,71×2,45 м), ее свод обрушился в древности. Дно катакомбы — на глубине 4,37—4,53 м. На нем частично прослеживались пятна коричневого тлена и красной охры. У западной стенки камеры на слое белого и коричневого тлена обнаружены кости таза и ног новорожденного ребенка[4], согнутых под тупым углом.

[4] Антропологические определения костяков в курганах у пос. Николаевка произведены антропологом Е. А. Шепель.

Судя по сохранившимся костям, ребенок был ориентирован головой на юг. В центральной части камеры на пятне белого, коричневого и желтого тлена находились кости левой руки взрослого человека со следами развитой мускулатуры. Перед рукой лежал каменный топор-молоток с остатками деревянной рукояти (длина рукояти 44, толщина 1,5 см), бронзовый нож, бронзовое шило и три игральные кости (рис. 4, *1*).

1. Стройный сосуд с высоко поставленными боками и короткой отогнутой шейкой. По шейке орнаментирован тремя рядами оттисков круглого штампа, по венчику — вертикальными вдавлениями палочки (рис. 4, *4*).

2. Верхняя часть небольшого сосуда с короткой прямой шейкой и скругленными боками. По краю шейки орнаментирован оттисками палочки, на плечиках — два круговых ряда вдавлений круглого штампа. Бока украшены горизонтальной елкой, выполненной оттисками «гусеничкой» (рис. 4, *8*).

3. Полированный топор-молоток из черного базальта с белыми вкраплениями[5]. Спинка топора-молотка прямая, боковины слегка выпуклы и уплощены, брюшко несколько вогнуто. Лезвие дуговидной формы, обушок слегка расширяется. На спинке проушное отверстие окантовано слабым валиком, по центру от лезвия к обушку проходит валик-хордочка с короткими насечками в елочку. На уплощенных боковинах валиком выполнен знак в виде горизонтальной восьмерки (рис. 4, *5*). В проушном отверстии сохранились остатки деревянной рукояти с радиальной системой бронзовых и костяных клинышков. Бронзовые пластинки имеются и на другом конце деревянной рукояти (рис. 4, *6—7*).

4. Бронзовый нож с раскованным подтреугольным окончанием клинка (рис. 4, *3*).

5. Бронзовое четырехгранное шило с коротким насадом (рис. 4, *2*).

6. Три игральных «кубика» из слоновой кости, окрашенные солями меди в матово-зеленый цвет[6]. Они имеют бипирамидальную форму со сглаженными гранями, на которых имеются черточки и точки-кружочки (рис. 4, *9*).

VI. Поселок Николаевка, 1983 г.[7], кург. 2, погр. 2, основное. Высота кургана 1,85, диаметр около 36 м. В центре кургана на глубине 1,8 м выявлена прямоугольная в плане входная шахта (1,3×1,1 м), ориентированная длинной осью по линии юг—юго-восток—север—северо-запад. В 1,25 м к северо-востоку от северо-восточного угла шахты на глубине 0,45 м найдена жаровня из боковины сосуда, содержащая древесные угольки и красную охру. Вдоль восточной стенки входной шахты на глубине 3,71—3,76 м устроена ступенька шириной 0,55 м. Еще одна ступенька в западной части шахты на глубине 3,89 м. Ее ширина 0,4 м. На ступеньках в северной части шахты обнаружены два черепа и кости конечностей крупного и мелкого животных. Щелевидный вход в камеру (1,73×0,5 м) устроен под западной стенкой входной шахты. Он первоначально закрывался кусками коры. В плане катакомба подпрямоугольной формы с округленными углами, размером 1,84×1,53×0,5 м. Дно камеры находилось на глубине 4,21 м. Свод плоский, стенки вертикальные. У западной стенки камеры на слое речного песка и коричневого тлена — костяк мужчины 25—35 лет с деформированным черепом в скорченном положении на правом боку, головой на юго-восток. Угол скорченности прямой, угол в коленях острый. Руки вытянуты вдоль туловища к бедрам. У изголовья на слое желтого тлена — орнаментированный сосуд и бронзовый нож. Перед правой рукой пять кремневых наконечников стрел, каменный топор-молоток с остатками деревянной рукояти (ее длина 31, ширина 2 см) и пятно желтого тлена (рис. 5, *1*). В ногах находился производственный набор для обработки древков и кремневых на-

---

[5] Визуальные минералогические определения каменных изделий произведены зав. кафедрой геологии Донецкого политехнического института проф. Л. П. Нестеренко.

[6] Определение материала костей произведено старшим научным сотрудником Минералогического музея АН СССР В. А. Корнетовой.

[7] Раскопки автора в составе Донецкой экспедиции ДонГУ в 1983 г.

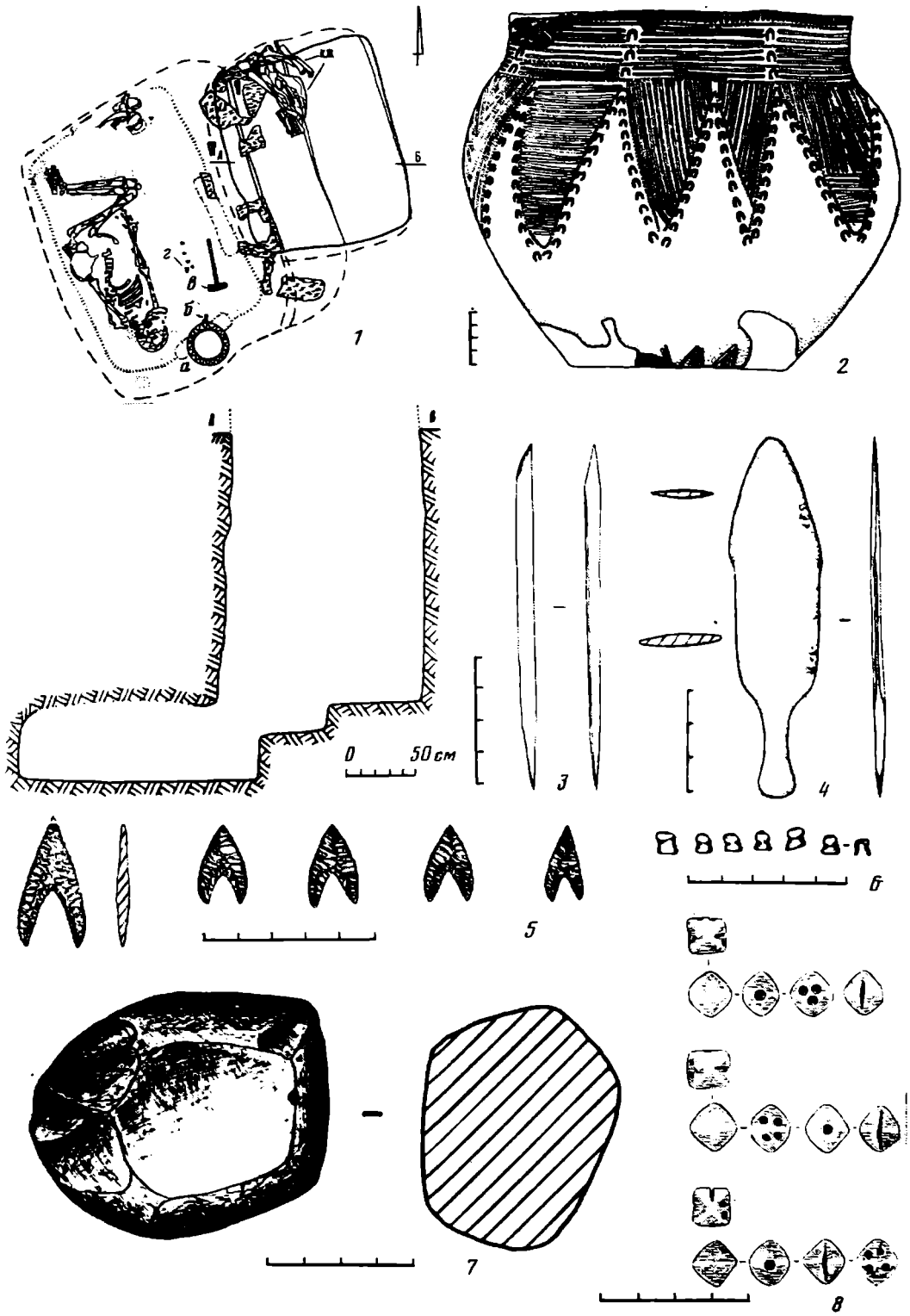


Рис. 5. План, разрез и инвентарь погр. 2, кург 2 близ пос. Николаевка (*а* — сосуд; *б* — бронзовый нож; *в* — каменный топор; *г* — кремневые наконечники стрел)

конечников стрел. Он состоял из четырех роговых отжимников, пары «выпрямителей» из песчаника, ископаемой раковины, комка охры, каменного тесла в двух обломках, заготовки из кремня, каменной наковаленки и бронзового резца. Сверху производственный набор окаймляла низка из зубов рыбы, использованных в качестве бусин (окантовка мешочка, где хранился набор?). Восточнее производственного набора найдены три игральные кости (рис. 6, *1*).

1. Широкий сосуд с приподнятыми округлыми боками. Плечики плавно переходят в прямую шейку. Край шейки украшен вертикальными вдавлениями перевитого шнура. Шейка орнаментирована горизон-

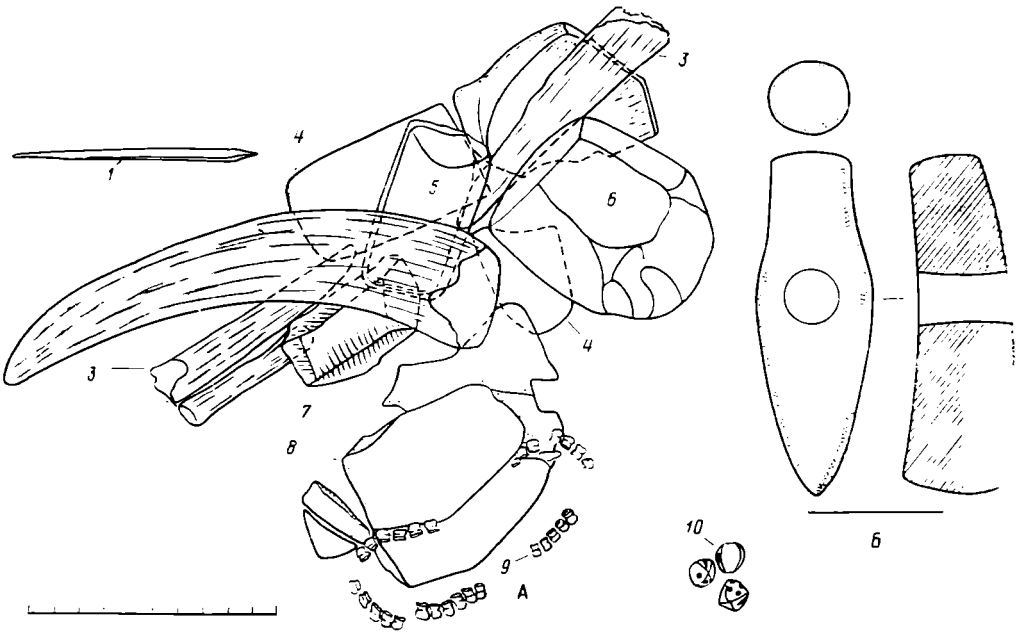


Рис. 6. Местоположение находок в производственном комплексе (*А*) и топор-молоток (*Б*) из погр. 2, кург. 2 близ пос. Николаевка (*1* — бронзовый резец; *2* — раковина; *3* — роговые отжимники; *4* — каменное тесло; *5* — песчаниковые «выпрямители» стрел; *6* — каменная наковаленка; *7* — заготовка из кремня; *8* — изделие из охры; *9* — костяные бусины; *10* — игральные «кубики» из кости)

тальными оттисками двухрядного и перевитого шнура, подковообразным штампом. От горла к придонной части спускаются треугольники из двухрядного шнура, заштрихованные горизонтальными, вертикальными и косыми оттисками перевитого шнура. Треугольники окаймлены подковообразным штампом. На придонной части имеются заштрихованные треугольники вершиной вверх из отпечатков палочки (рис. 5, *2*).

2. Жаровня в виде фрагмента прямоугольной формы.

3. Бронзовый нож с коротким, раскованным на конце черешком, прямым параллельным лезвием и раскованным подтреугольным окончанием клинка (рис. 5, *4*).

4. Кремневые наконечники стрел (5 экз.) сердцевидной формы с глубокими выемками и тонкими усиками (рис. 5, *5*).

5. Слабоизогнутый топор-молоток из диабаза с цилиндрическим обушком, дуговидным лезвием и сверлиной в центральной части (рис. 6, *2*).

6. Бронзовый резец в виде четырехгранного стержня со скошенным, сточенным по бокам лезвием и утонченным коротким насадом (рис. 5, *3*).

7. Клиновидное тесло из кварцита (рис. 7, *2*).

8. Прямоугольные песчаниковые плитки (2 экз.) с продольным желобком по центру (рис. 7, *5*).

9. Наковаленка из многогранного окатыша (рис. 5, *7*).

10. Заготовка из оранжевого кремня (рис. 7, *6*).

11. Четыре роговых отжимника. Один в виде цилиндрического стержня (рис. 7, *1*).

12. Бусины из глоточных зубов карповых рыб (рис. 5, *6*).

13. Ископаемая раковина (рис. 7, *4*).

14. Три игральные кости бипирамидальной формы со сглаженными гранями, на которых изображены точки и черточки (рис. 5, *8*).

15. Изделие из красной охры овальной формы с продольными гранями (рис. 7, *3*).

Рассмотрим характерные признаки выделяемой группы погребений. Описанные катакомбы имеют ряд общих признаков. Все они принадлежат к типам 5 и 6 первой группы, по классификации С. Н. Братченко [2, с. 20]. Входные шахты прямоугольной формы с различной степенью округленности углов. В плане шахты «накладываются» на часть дна

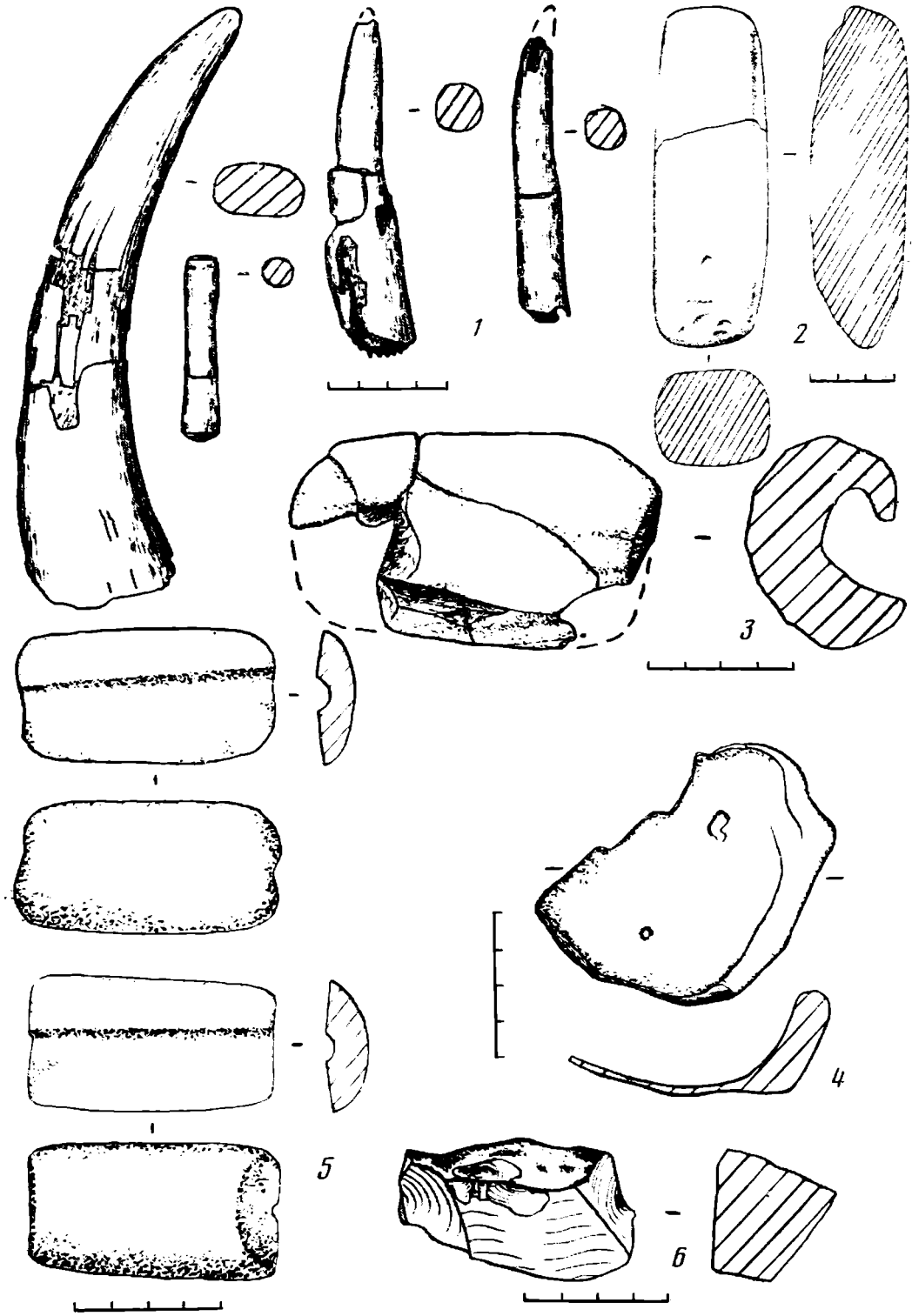


Рис. 7. Инвентарь из погр. 2, кург 2 близ пос. Николаевка

камер. Под длинной стенкой входного колодца устраивались длинные ступеньки-уступы, ведущие в погребальные камеры. Особенностью группы является невысокий, по всей длине стенки вход в камеру, закрытый в основном деревянным заслоном (бревна, плахи, кора). Лишь в одном случае устье было перекрыто каменными плитами (Александровск, кург. 2, погр. 6). Камеры в плане овальной формы. В погр. 2, кург. 2 из Николаевки костяк находился в прямоугольной камере — весьма редкое явление. В трех погребениях (Сватово, кург. 12, погр. 2; Николаевка, кург. 1, погр. 4; Николаевка, кург. 2, погр. 2) длинная ось погребального сооружения направлена по линии восток—запад с небольшими отклонениями к югу или к северу. Важно отметить, что устройство камер

под длинной стенкой входной шахты наблюдается в погребениях харьковско-воронежской[8] (среднедонской) культуры Среднего Дона и левобережья Донбасса [2, с. 75, 76], где имеют место как несколько измененные донецкие элементы, так и собственно харьковско-воронежские (этапы I и II, по классификации А. Т. Синюка) [6, с. 156, 157].

Полная законченность данного типа катакомбных устройств свидетельствует о принадлежности к развитому этапу донецкой катакомбной культуры, в отличие от ранних Т-видных конструкций, а также сооружений с подквадратной шахтой и системой боковых уступов, лоткообразным спуском к арочному устью камеры [7, с. 35]. Говоря о погребении в подквадратной яме (Александровск, кург. 10, погр. 12), отметим, что подобные сооружения использовались носителями донецкой катакомбной культуры [1, с. 33], но данная группа по сравнению с захоронениями в катакомбах весьма малочисленна [1, с. 61].

Исключением из обряда ингумации являются два погребения (Александровск, кург. 2, погр. 6 и кург. 10, погр. 12), где при полном соблюдении всего погребального обряда не зафиксированы остатки погребенных. Их уместно рассматривать как кенотафы. Частичное разрушение погр. 4, кург. 1 из Николаевки снижает возможности привлечения его для широких аналогий. В остальных погребениях умершие укладывались в скорченном положении на правом боку, лицом к выходу. Кисти рук вытянуты к бедрам. Угол скорченности костяков от тупого до прямого, угол в коленях острый. Головой погребенные ориентировались в часть света, ограниченного сектором в 90—180°. Направление рук к бедрам и сильная скорченность ног отличают данную группу от донецких памятников и сближают с позднекатакомбными погребениями [1, с. 21, 61, 62].

Под костяками прослеживалась подстилка из коричневого тлена. Характерна посыпка черепа, рук, ног (в особенности колен) порошком красной или алой охры. В погр. 2 из кург. 2 у Николаевки под костяком зафиксирован слой желтого речного песка. Погребальный инвентарь укладывался у головы или перед костяком, реже в ногах. Сосуды всегда стоят у изголовья. В погребениях присутствуют жаровни, угли и куски охры. Практически во всех погребениях с игральными костями встречены черепа и кости конечностей домашних животных.

Обряд описанных погребений находит полные аналогии в памятниках донецкой катакомбной культуры, однако выделяется некоторыми поздними элементами.

Наиболее многочисленную категорию находок представляет керамический комплекс. Он включает короткошейные горшки с плавным и выделенным переходом основания шейки в плечики, сосуды с высокой, слегка расширяющейся шейкой (отделы II и III, по классификации С. Н. Братченко) [1, с. 36—41]. В одном погребении встречен сосуд без шейки (Александровск, кург. 10, погр. 12), а в погр. 4 кург. 1 у Николаевки — высокий горшок с короткой раструбной шейкой. Подобные типы входят в состав керамического инвентаря донецкой группы, хорошо представленной в работе С. Н. Братченко. Отметим только, что сосуды без шейки известны среди бахмутских памятников [1, с. 63].

Характерной особенностью выделяемых памятников являются способ и характер орнаментации сосудов. Шнуровые композиции (концентрические окружности, фестоны, заштрихованные треугольники вершиной вниз и прямоугольные полотенца) окаймлены круглыми, подковообразными и короткими веревочными штампами. Встречается горизонтальный елочный орнамент из оттисков гребенки, «гусеничек» и вдавлений палочки, образующие круговые пояски. На сосудах с елочным орнаментом имеются ногтевые защипы. Преобладает обычай украшать край шейки

---

[8] Здесь мы придерживаемся именно этого исторически сложившегося термина, который наиболее точно определяет территориальное распространение культуры, ибо большое количество бытовых и погребальных памятников Северского Донца при использовании термина «среднедонская культура» остаются вычлененными.

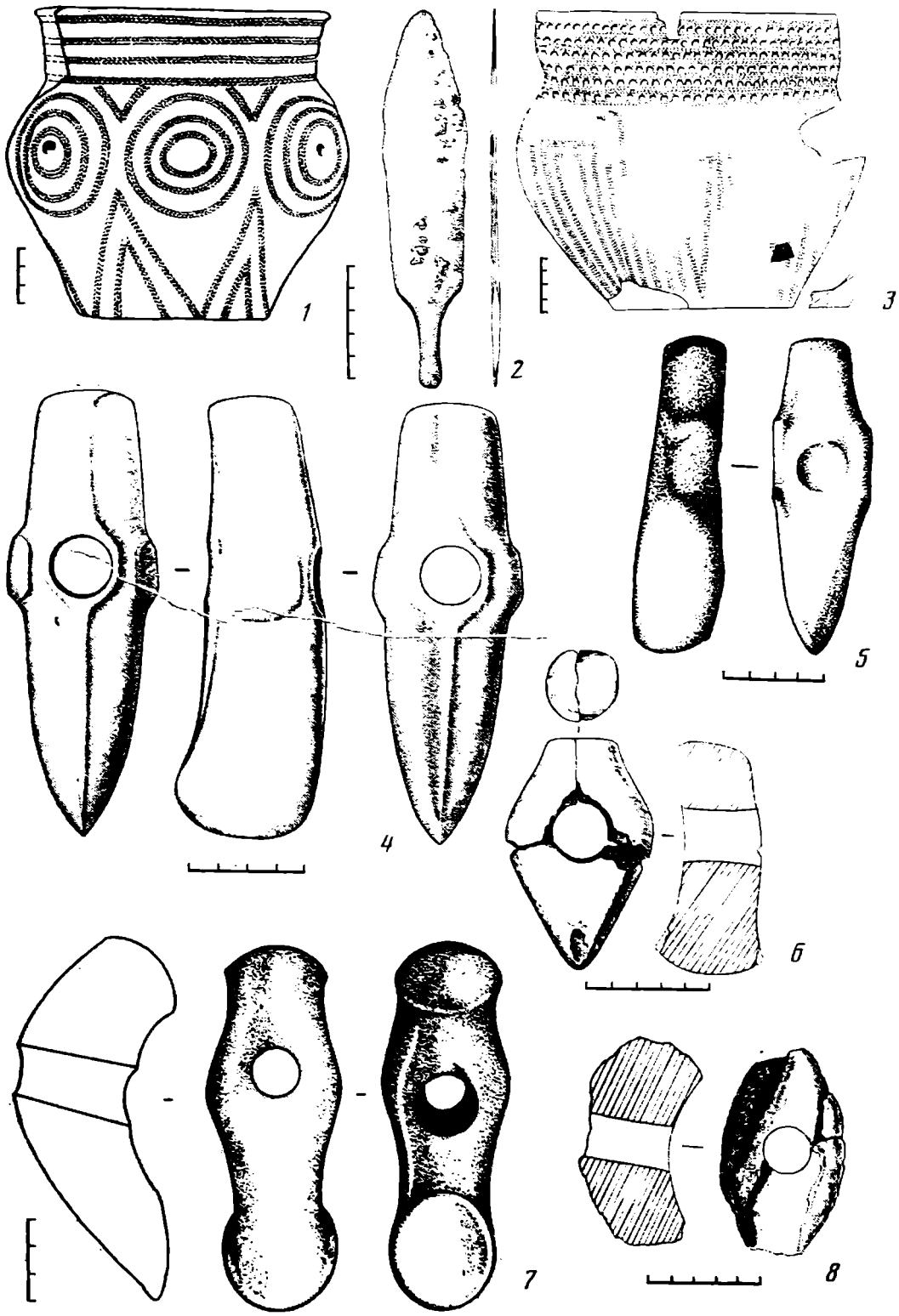


Рис. 8. Сосуды, бронзовый нож и топоры-молотки. *1* — г. Краматорск; *2, 3* — с. Терны, кург. 1, погр. 3; *4* — пос. Николаевка, кург. 3, погр. 2; *5* — с. Шевченко, курган. группа 2, кург. 2, погр. 12; *6* — с. Новониколаевка, курган. группа 2, кург. 2, погр. 1; *7* — с. Красное; *8* — пос. Николаевка, кург. 3, погр. 5

вертикальными вдавлениями палочки, штампом из простого и перевитого шнура. На сосудах из Шпаковки и Николаевки придонная часть орнаментирована заштрихованными треугольниками вершиной вверх, которые на некоторых донецких сосудах заметно удлинены (рис. 8, *1*). Некоторые из перечисленных признаков хорошо представлены на керамике Лесостепи [8, с. 32, рис. 6], в ранних для Среднего Дона поселениях харьковско-воронежской группы (Северовосточное I; Университет-

ское I—III и Шиловское) [9, с. 26—37], а также в погребальных комплексах [6, с. 110].

Из всей группы приведенных бронзовых изделий определенно датирующими могут быть признаны только ножи (2 экз.). Они представлены орудиями с четко выраженным черешком, раскованным на конце, параллельным тупым лезвием и раскованным и заостренным подтреугольным окончанием клинка. С. Н. Братченко видит в ножах этого типа (расковка в верхней трети клинка), входящих в состав комплексов донецкой катакомбной культуры, исходную форму для ножей поздних типов [1, с. 51]. Подобные орудия С. Н. Кореневский выделяет во вторую группу, включающую материалы катакомбных, бабинских, полтавкинских и северокавказских памятников [10, с. 36—40]. Поздний характер этих ножей для эпохи средней бронзы отмечает Н. К. Качалова [11, с. 10]. На Северском Донце аналогичные формы известны из катакомбных погребений у с. Малая Камышеваха [2, табл. VII, *9*], с. Терны (рис. 8, *2*, *3*), а также г. Краматорска, с. Новониколаевка, с. Николаевка, г. Александровска [10, с. 38]. Несколько экземпляров происходит из бабинских комплексов на Среднем Дону у с. Нижняя Ведуга [12, рис. 42, *6*], с. Ильмень [13, с. 9], с. Шкурлат [6, с. 82, рис. 33, *5*, с. 94, рис. 36, *5*]. Широкое распространение ножей с раскованным подтреугольным окончанием клинка в позднекатакомбных и бабинских памятниках дает основание ограничить время их возникновения и частичного распространения (ввиду их незначительного количества по сравнению с другими бронзовыми изделиями донецкого типа) позднекатакомбным этапом. Исходя из датировки донецкой катакомбной культуры 2000—1700 гг. до н. э. [1, с. 142], нами могут быть приняты хронологические рамки в пределах конца XVIII в. до н. э.

Прочий металлический инвентарь (четырехгранное шило, бочонковидные бусины) получили широкое распространение в памятниках эпохи бронзы. Особый интерес представляет бронзовый резец (Николаевка, кург. 2, погр. 2), пока не имеющий аналогий в донецких комплексах. По форме он близок стамескам, но отличается сточенными боковыми гранями рабочей части, скругленностью лезвия и коротким утончением для насада. Возможно, данное орудие является чисто донецкой новацией. Его использование вполне целесообразно для нанесения тончайшей зубчатой ретуши на края кремневых наконечников стрел, что подтверждается нахождением орудия в составе описанного производственного набора.

Изделия из камня представлены грушевидной булавой и двумя топорами-молотками. В погр. 2 из кург. 12 у г. Сватово найдено грушевидное навершие булавы из мрамора, имеющее аналогии в материальной среде донецкой катакомбной культуры [1, с. 55]. На территории Донетчины каменные навершия булав встречены еще в комплексах Мариупольского могильника [14, с. 60—61, 71—73, 75—76] и, как было доказано, являлись не столько практическим оружием, сколько символом власти [14, с. 32, 33; 15, с. 40]. Примечательно, что в проушном отверстии навершия были зафиксированы радиально расположенные бронзовые пластинки, служившие украшением своеобразного скипетра.

Каменные топоры-молотки представлены двумя типами. К первому относится топор-молоток (погр. 2, кург. 2, Николаевка) с выделенным обушком, широко распространенный в памятниках эпохи средней бронзы [1, с. 53]. Топор-молоток второго типа (погр. 4, кург. 1, Николаевка) представляет ограниченную группу, отличительной чертой которой являются слегка выпуклые уплощенные боковины. Случайная находка подобного изделия хранится в Новочеркасском музее [16, с. 23, табл. II, *10*]. Обломок аналогичного орудия найден в бабинском погребении у с. Хащевое на р. Самаре [17, с. 7, рис. 3, *1—2*]. На Донетчине заготовка такого же топора-молотка выявлена в позднекатакомбном погребении у с. Шевченко (рис. 8, *5*), а целый отполированный топор-молоток из базальта известен из Николаевского курганного могильника (рис. 8, *4*).

Приведенные данные свидетельствуют о позднекатакомбном харак-

тере топоров-молотков с уплощенными боковинами. Мастерство в изготовлении парадных каменных топоров-молотков, наличие тонкого орнамента и полировка поверхности — все это говорит об их особой роли в жизни древнего населения. В литературе утвердилось мнение о парадных топорах-молотках как о своеобразных символах власти [18, с. 28; 19, с. 163—172; 20, с. 165]. Детально этот вопрос рассмотрен в статье И. Н. Шарафутдиновой [21, с. 64—70]. Ею же высказана мысль о том, что топоры-молотки выделяют погребения лиц, имеющих «непосредственное отношение к религиозным обрядам» [21, с. 68].

В последнее время на Северском Донце выявлена целая серия каменных топоров-молотков (рис. 8, *4—8*; 9, *1—3*), которые могут быть отнесены к материальной культуре донецких катакомбных племен, что указывает на распространенное использование подобных «скипетров» в социальной жизни последних.

Сердцевидные кремневые наконечники стрел с выемкой в основании (Николаевка, кург. 2, погр. 2) известны во всех группах катакомбной общности.

Наличие производственного комплекса, связанного с изготовлением стрел (Николаевка, кург. 2, погр. 2) свидетельствует о высоком для своего времени уровне производительной деятельности, отражает усложнение социальных форм жизни катакомбного общества [22, с. 86]. В его состав входило два обломка кварцитового тесла, пока что не имеющего аналогий в донецких комплексах.

Зубы-бусины ввиду естественного происхождения не могут служить ни определяющим, ни датирующим признаком. В качестве украшения зубы рыб использовались с эпохи неолита [14, с. 73].

Как уже говорилось, в погребальных комплексах на Северском Донце известно 15 игральных «кубиков», изготовленных из кости. Примечательно, что один набор из трех костей (Николаевка, кург. 1, погр. 4) выточен из слоновой кости, что соответственно расширяет представления о характере связей населения эпохи бронзы северопричерноморских степей и цивилизации Древнего Востока. Известные кости имеют форму октаэдра со сглаженными гранями, ввиду чего поверхность делится на четыре выпуклые подромбические зоны. Впервые подобные изделия были обнаружены при раскопках В. А. Городцова в Изюмском уезде. Он же и предложил названия данным предметам, основываясь на некотором сходстве с современными игральными костями, и возможный вариант игры [2, с. 194, 195, 316—318]. Уникальность находки обусловила осторожное отношение к ним как катакомбной категории инвентаря, в результате чего кости долгое время оставались практически неизученными [23, с. 171—173]. В настоящее время аналогичные предметы зафиксированы и на Нижнем Дону в погребениях эпохи средней бронзы [24, с. 51, рис. 85, *4*; 25, с. *4—6*].

В период бронзы определенную роль игральных костей выполняли бараньи и козьи астрагалы, в большинстве встречающиеся в детских захоронениях. Их игральные функции не вызывают сомнения [2, с. 194; 26, с. 52]. Предмет, аналогичный астрагалу, но вырезанный из слоновой кости, найден в гробнице Тутанхамона [27, с. 239].

Игральные «кубики» из катакомбных могил являют собой иной, специфический вид изделия, более всего сходный с современными игральными костями со знаками на гранях. Игральные кости имели распространение в раннее средневековье в Средней Азии [28, с. 31, рис. 9], известны в италийских и латенских памятниках [29, с. 722], встречаются в древностях среднеминойского III периода Крита [30, с. 188]. Древнегреческий вазописец Эксекий (середина VI в. до н. э.) запечатлел на чернофигурной амфоре героев Троянской войны, играющих в кости, изобразив Ахилла и Аякса в полном вооружении перед боем [31, с. 92, рис. 63]. Обращает на себя внимание тот факт, что древние письменные памятники фиксируют игру в кости не среди простых людей, а среди героев, царей или же самих богов. Так, Геродот сообщает об игре в кости фараона Рампсинита с богиней Гатор, владычицей мертвых [32, с. 118,

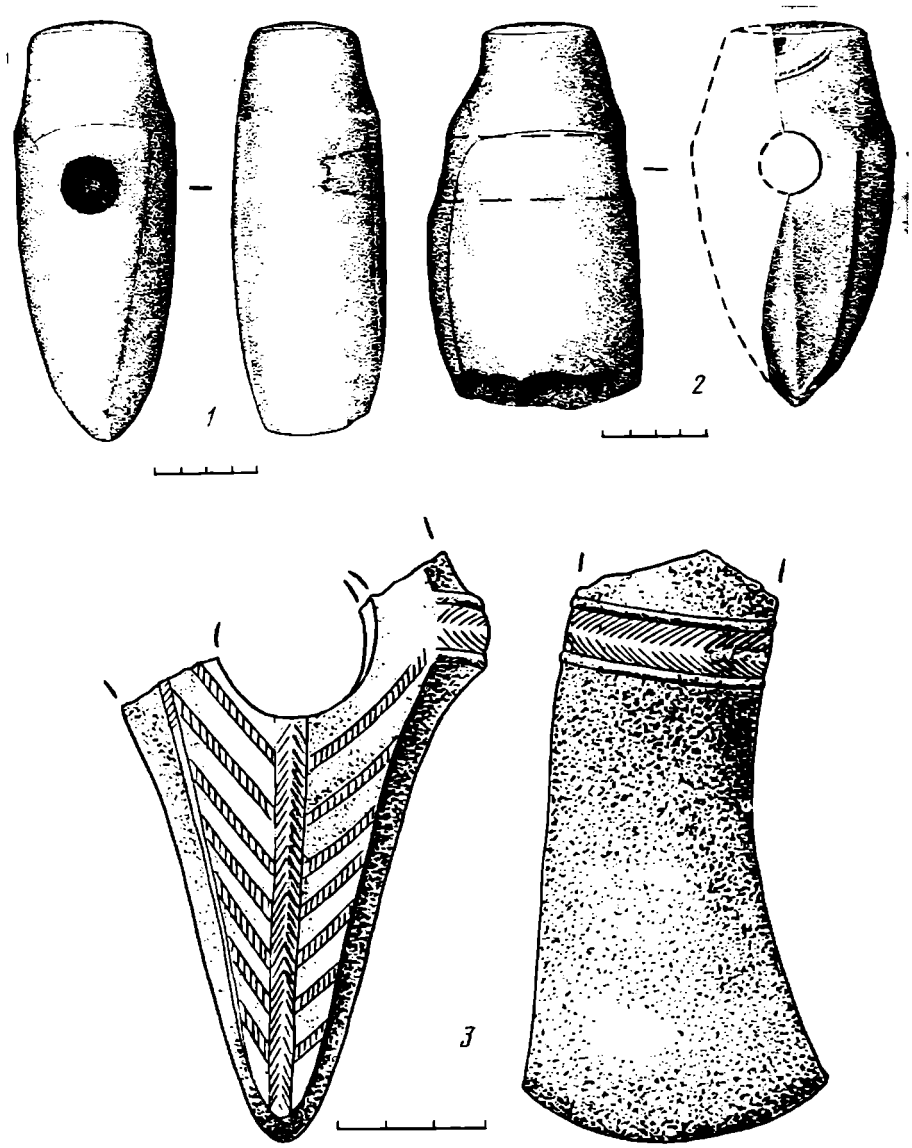


Рис. 9. Топоры-молотки: *1* — с. Семеновка; *2* — г. Славяногорск; *3* — с. Райгородка

513]. Адипарва сохранила сведения об увлечении игрой в кости бога Шивы [33, с. 496], а гонимый судьбой Юдхиштхира выдает себя за «брахмана Канка, искусного в метании костей, любителя этой игры» [34, с. 8]. Даже то, что древнеиндийская письменная традиция называет божество Двапара, олицетворяющее игральные кости [33, с. 647], дает возможность говорить о весьма непростой роли последних в религиозной жизни народов Древнего Востока. Разнообразные вариации чисел, выпадающие на игральных костях, использовались в процессе гаданий и предсказаний [35—37]. Естественно, использование клеромантии (гадание при помощи жребия) в культовых целях уже предполагает наличие в общественном сознании древнего общества устойчивой взаимосвязи между явлениями жизни и природы и возможности выделившихся лиц (старейшин, вождей, жрецов) вступать в интересах всего коллектива в «контакт» с божествами, трактовать их волю, что само собой утверждает религиозное обоснование социального положения старейшины. В предсказательных действиях клеромантия выступала совместно с арифмомантией беря за основу магическое объяснение числам и их вариациям [38, с. 25, 177], что впоследствии нашло отражение в учении пифагорийцев, пытавшихся при помощи арифметики моделировать мир, выразить отношения между вещами [39, с. 67; 40, с. 58, 59].

Если с этой точки зрения подойти к литературным памятникам древних ариев, зафиксированных Махабхаратой, где описывается материал игральных костей (камень, золото, слоновая кость), их цвет (голубой, черный, красный), система очков (двапара — два очка, крита — четыре очка) [34, с. 8, 80, 186], то предписанные многолетние скитания братьев Пандавов представляются не результатом проигрыша в игре в кости, а следствием волеизъявления божеств, выраженного посредством игры в кости.

Объяснение четырем граням фигуры октаэдра донецких игральных костей связано вообще с особой ролью четверки у индоарийских народов. Так, мифологические воззрения ариев говорят о существовании четырех мировых периодов [34, с. 190], основная часть вед состоит из четырех сборников, древнейшими ведийскими божествами являлись Адити, Варуна, Дьяус и Притхиви, в жертвенных обрядах возлияния сомы участвовало лишь четыре жреца [41, с. 178, 182, 193].

Таким образом, уместно предположить, что игра в кости первоначально имела культовый характер, была прерогативой определенного сословия, связанного с выполнением жреческих функций.

В памятниках древнейшей письменности стран Древнего Востока мы находим знаки, дающие возможность расшифровать символы, имеющиеся на игральных костях. Если сгруппировать грани костей в вертикальные колонки, разместив в них идентичные знаки (рис. 10), то выявляются две основные категории. К первой относятся кости, где имеются знаки в виде вертикальной черточки, одной точки-кружка и четырех таких же кружков.

Наиболее ранние памятники письменности, датирующиеся эпохой первых государственных образований в Древней Месопотамии, касаются хозяйственной деятельности. Именно необходимость учета и контроля приводит к образованию письма [42, с. 19]. Хозяйственный учет требует применения действенной системы нумерации. Ввиду определенной общности социальной жизни, сходных условий и направлений экономического развития на древнейших памятниках письма фиксируются и сходные числовые знаки, тогда как возникает множество вариаций истолкования собственно знаков письма [38, с. 33]. Одинаковые числовые обозначения возникают в Уруке, Эламе, собственно по всему Древнему Востоку. Единица изображалась в виде вертикальной черты, клина, вытянутого эллипса [38, с. 33; 43, с. 67; 44, с. 27], цифра 10 обозначалась в виде небольшого кружка [22, с. 114; 38, с. 33; 44, с. 27]. Возникновение подобных знаков О. Нейгебауер связывает с техникой нанесения символов на таблички [38, с. 33]. Он же приводит текст из Фари, где единица обозначается в виде вертикальной черты, а цифра 40 — четырьмя малыми кружками [38, с. 33, табл. 4, *б*], что аналогично знакам на донецких костях первой категории. Ввиду этого можно предположить следующее: на донецких игральных костях, где знаки представлены черточкой и кружочками, нанесены цифры 1, 10, 40. В основе такой нумерации лежит аддитивный принцип, заключающийся в применении нескольких основных знаков для 1, 10, 100 и т. д., а остальные числа представлены в виде n, $10n$, $100n$ и т. п. [40, с. 12]. Если предположить наличие единого принципа нумерации и системы обозначения на игральных костях, то возможно расшифровать и знаки второй категории. При аддитивном принципе знаки более высокого порядка по своему начертанию и более сложные, чем предшествующие. Вертикальная черта (единица) имеется на всех категориях игральных костей, но остальные символы представлены косым крестом и фигурой в виде двух схематичных треугольников с параллельными основаниями. В результате вполне допустимо предположить, что косой крест обозначает десятку, а треугольники — цифру 40. Естественно, представить значение этих цифр для катакомбного населения практически невозможно. Однако цифра 40 у многих народов являлась предельной, что и вызывало особое отношение к ней. Наличие двух систем в нумерации при аддитивном принципе можно объяснить с двух позиций. Либо социальные верхи использовали для

Продолжение

№	Местонахождение	Система знаков				№	Местонахождение				
1	Шпаковка к.9 п.5					8	Сватово к.12 п 2				
2						9					
3	Александровск к.2 п.6					10	Николаевка к.1 п.4				
4						11					
5	Александровск к.10 п.12					12					
6						13	Николаевка к.2 п.2				
7	Сватово к 12 п.2					14					
						15					

Рис. 10. Системы знаков на игральных костях

пророческих операций особую систему обозначений чисел, в отличие от рядовых общинников, как это было на Древнем Востоке [35, с. 212], либо это указывает на этническую неоднородность населения донецкой катакомбной культуры [45, с. 57]. Первое представляется более вероятным, так как на Северском Донце «кубики» со знаками-кружками найдены в богатых погребениях с парадными каменными топорами-молотками и булавой, рукояти которых инкрустированы бронзовыми пластинками.

Таким образом, погребальные комплексы с игральными костями могут быть датированы позднедонецким временем катакомбной культуры, т. е. концом XVIII в. до н. э. Они выделяют определенный погребальный обряд и инвентарь, который можно принять за основу дальнейшего этапно-хронологического членения донецких памятников. Сами же кости есть основания считать «магическими» атрибутами, необходимыми при пророческих операциях. Присутствие игральных костей в погребениях социальной верхушки катакомбного общества обоснованно указывает на выполнение последними жреческих функций в масштабе всего коллектива, что дает основание рассматривать некоторые донецкие погребения как погребения вождей-жрецов или же семейных старейшин-жрецов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев: Наук. думка, 1976.
2. *Городцов В. А.* Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 года//Тр. XII АС. М., 1905. Т. I.
3. *Городцов В. А.* Каталог выставки XII Археологического съезда в Харькове. Харьков, 1902.
4. *Братченко С. Н.* Отчет об исследованиях Северодонецкой экспедиции у г. Александровска в 1972 г.//Научный архив ИА АН УССР. Ф. Э. 1972/33.
5. *Братченко С. Н., Шарафутдинова Э. С., Смирнов А. М.* Отчет Левобережного отряда Северско-Донецкой экспедиции за 1974 г (раскопки курганов в Сватовском районе на Луганщине, г. Сватово, с. Петровка, с. Ковалевка)//Научный архив ИА АН УССР, ф. э. 1974/13 а.
6. *Синюк А. Т.* Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1983.
7. *Санжаров С. Н.* К вопросу о древнеямных элементах в среде донецкой катакомбной культуры//Тез. докл. конф. «Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР». Киев, 1981.
8. *Братченко С. Н.* К вопросу о сложении бабинской культуры (многоваликовой керамики)//Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. Киев: Наук. думка, 1977.
9. *Пряхин А. Д.* Поселения катакомбного времени Лесостепного Подонья. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1982.
10. *Кореневский С. Н.* О металлических ножах ямной, полтавкинской и катакомбной культур//СА. 1978. № 2.
11. *Качалова Н. К.* Эрмитажная коллекция Н. Е. Бранденбурга (эпоха бронзы)//САИ. 1974. Вып. В4-12.
12. *Либеров П. Д.* Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М.: Наука, 1964.
13. *Качалова Н. К.* Ильменские курганы//АСГЭ. 1970. Вып. 12.
14. *Макаренко М.* Маріупільский могильник. Киев. 1933.
15. *Крупнов Е. И.* Древняя история и культура Кабарды. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
16. *Раев Б. А.* Каталог археологических коллекций. Новочеркасск: Ленуприздат, 1979.
17. *Ковалева И. Ф., Марина З. П., Чернявская Н В., Никитин С. В.* Курганный могильник эпохи бронзы у с. Хащевое//Курганные древности Степного Поднепровья (III—II тыс. до н. э.). Днепропетровск: Изд-во Днепропетровск. ун-та, 1979. Вып. 3.
18. *Брюсов А. Я., Зимина М. П.* Каменные сверленые боевые топоры на территории Европейской части СССР//САИ. 1966. Вып. В4-4.
19. *Мерперт Н. Я* Ритуальные модели топоров из Эзеро//Памятники древнейшей истории Евразии. М.: Наука, 1975.
20. *Круглов А. П., Подгаецкий Г В.* Родовое общество степей Восточной Европы//Изв. ГАИМК. 1935. Вып. 119.
21. *Шарафутдінова І. М.* Орнаментовані сокири-молотки з катакомбних поховань на Інгулі//Археологія. 1980. № 33.
22. *Рындина Н. В.* К проблеме классификационного членения культур медно-бронзовой эпохи//Вестн. МГУ. 1978. № 6.
23. *Попова Т Б.* Племена катакомбной культуры//Тр. ГИМ. 1955. Вып. 24.
24. *Федорова-Давыдова Э. А.* Раскопки курганной группы Шахаевская II на р. Маныче//Древности Дона. М.: Наука, 1983.
25. *Максименко В. Е., Косяненко В. М., Горбенко А. А.* Исследование Сладковского курганного могильника//Материалы к семинару «Исследования Азово-Донецкой археологической экспедиции в 1983 году». Азов, 1983.

26. *Марковин В. И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы//МИА. 1960. № 93.
27. *Картер Г* Гробница Тутанхамона. М.: Наука, 1959.
28. *Кошеленко Г. А.* Родина парфян. М.: Сов. художник, 1977.
29. *Ранке И.* Человек. Т. 2. СПб., 1902.
30. *Пендлбери Дж.* Археология Крита. М.: Изд-во АН СССР, 1950.
31. *Ривкин Б. И.* Малая история искусств. Античное искусство. М.: Искусство, 1972.
32. *Геродот.* История в девяти книгах/Пер. и примеч. Стратановского Г. А. Л.: Наука, 1972.
33. Махабхарата. Кн. I. Адипарва/Пер. и коммент. Кальянова В. И. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
34. Махабхарата. Кн. IV. Виратапарва/Пер. и коммент. Кальянова В. И. Л.: Наука 1967.
35. *Оппенхейм А.* Лео. Древняя Месопотамия. М.: Наука, 1980.
36. *Рагозина З. А.* История Халдеи. СПб., 1902.
37. *Маккуин Дж. Г.* Хетты и их современники в Малой Азии. М.: Наука, 1983.
38. *Нейгебауер О.* Точные науки в древности. М.: Наука, 1968.
39. История математики с древнейших времен до начала нового времени. Т. 1. М.: Наука, 1970.
40. *Стройк Д. Я.* Краткий очерк истории математики. М.: Наука, 1978.
41. *Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф.* Древняя Индия (исторический очерк). М.: Наука, 1969.
42. *Домокош Варга.* Древний Восток: у начал истории письменности. Будапешт, 1979.
43. *Иоганнес Ф.* История письма. М.: Наука, 1979.
44. *Хинц В.* Государство Элам. М.: Наука, 1977.
45. *Санжаров С. Н.* Об одной категории металлических изделий эпохи бронзы юга Восточной Европы//Тез. докл. конференции «Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы». Донецк, 1979.

S. N. Sanzharov

BURIALS OF THE DONBASS CATACOMB CULTURE WITH DIES

Summary

The Seversky Donets basin has yielded six funerary complexes of the catacomb culture which included fortune-telling dies. The burials are dated to the late Donbass period of the catacomb culture (late 18th century B. C.). It is noteworthy that the fortune-telling dies came, together with symbols of power such as axes and a mice, from rich burials, probably those of priest-chiefs or family priest-elders.

С. И. АНДРУХ

ПОГРЕБЕНИЕ РАННЕСКИФСКОГО ВОИНА В ПРИСИВАШЬЕ

На территории Крыма скифские племена появляются со второй половины VII в. до н. э. [1, с. 73; 2, с. 76]. Однако памятников раннескифского времени здесь немного, и, за редким исключением, они представлены впускными погребениями в курганах эпохи бронзы [3, с. 66]. Погребения знатных скифов с воинскими наборами представлены незначительным количеством и зачастую бывают разграбленными. В сводке Е. В. Черненко для Центрального Крыма учтено 10 находок панцирей IV—III вв. до н. э. [4, с. 11, рис. 1, с. 17, прил. 1]. В целом для всей территории Скифии известно всего несколько неразграбленных могил воинов в тяжелом вооружении [5, с. 171]. Поэтому исследованное нами захоронение скифского воина, погребенного с набором защитного и наступательного вооружения, дает ценный материал для изучения погребального обряда, вооружения и социального состава скифского общества в VI—V вв. до н. э. и заслуживает подробной публикации.

Рассматриваемый комплекс был исследован Северо-Крымской экспедицией ИА АН УССР в 1983 г. при раскопках кургана у с. Вишневка Красноперекопского р-на. Курган располагался в 3 км к юго-востоку от с. Вишневка на равнинной местности. Высота кургана 2,3 м, диаметр 45 м. Под насыпью кургана обнаружено 23 погребения эпохи бронзы и одно скифского периода [1].

Погребение впускное, обнаружено в 12,1 м к северу от репера на глубине 2,1 м. Могильная яма ориентирована в направлении запад — восток с небольшим отклонением (рис. 1). Максимальная длина погребальной камеры 1,75 м. Яма сужалась к востоку и расширялась к западу, имея соответственно ширину 0,54 и 0,82 м. В области расширения с южной стороны яма имела небольшой уступчик шириной 5 см. Глубина ямы от уровня обнаружения контуров 0,4 м. Ко дну могила сужалась из-за незначительной скошенности продольных стенок. Дно слегка вогнутое, выложено тонким слоем камки, на которую был положен погребенный. Сверху он также был покрыт спрессованным слоем камки толщиной 15—20 см.

Скелет мужчины в возрасте около 35 лет [2] лежал вытянуто на спине, головой на запад, череп завалился влево. Правая рука была вытянута, а левая положена поперек туловища (кисть на костях таза). Под костяком на дне ямы найден набор защитного вооружения, состоявший из панциря, набедренников и наголенников [3] Справа от туловища на краю панциря лежал наконечник копья, направленный острием к западной стенке ямы, а рядом с ним — подток копья. Слева от погребенного — от середины плечевой кости до бедренной — находился горит со стрелами. На древках, выше костей таза, лежал массивный железный конусовидный предмет, покрытый сверху тонкой золотой пластиной. Меч-акинак с двумя золотыми розетками на клинке (третья была найдена у таза) располагался поперек тазобедренных костей. По всему позвоночнику

---

[1] Выражаю глубокую благодарность начальнику экспедиции В. А. Колотухину за предоставленную возможность публикации материала.

Погребение взято монолитом и хранится в фондах Симферопольского краеведческого музея.

[2] Определение С. П. Сегеды.

[3] Способ положения защитных доспехов в погребении имеет аналогии в дружинных захоронениях у с. Новорозановка [6] и учхоза «Самарский» [7].

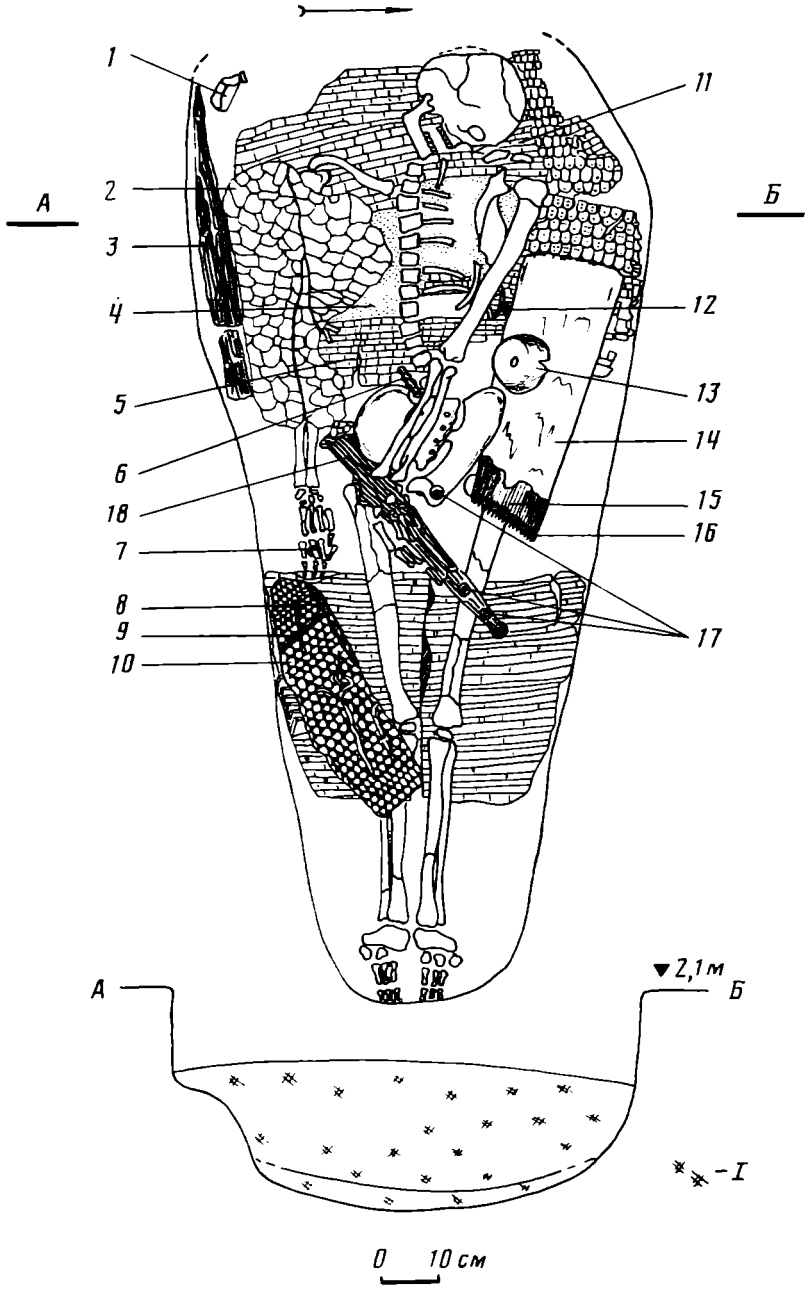


Рис. 1. План и разрез погребения. *1* — подток копья; *2* — внешняя сторона панциря (изображение пластин дано схематически); *3* — наконечник копья; *4* — участок спрессованной кожи; *5, 11* — внутренняя сторона панциря; *6* — бронзовая застежка; *7* — золотое кольцо; *8* — кожаный валик; *9* — кожаный ремешок; *10* — набедренники; *12* — костяная пластинка; *13* — биметаллический «конус»; *14* — горит; *15* — древки стрел; *16* — наконечники стрел; *17* — золотые розетки; *18* — меч, *I* — камка

погребенного прослежен тлен кожаного изделия. Выше правой половины таза, у пояса, находилась бронзовая застежка. Под застежкой сохранился фрагмент кожи темно-коричневого цвета. На безымянный палец правой руки было надето золотое кольцо. Ноги погребенного упирались в стенку ямы так, что фаланги находились почти в вертикальном положении.

Инвентарь.

I. Панцирь наборный, на кожаной основе. Лежал в развернутом положении, лицевой частью вниз. Левая сторона его была откинута на стенку погребальной ямы, правая частично перекрывала грудную клетку погребенного и была повернута лицевой частью вверх. Панцирные пластины вырублены из железного листа при помощи штампа, о чем свидетельствуют их одинаковые размеры и толщина пластин различных типов. Они были нашиты на сплошную кожаную основу, от которой со-

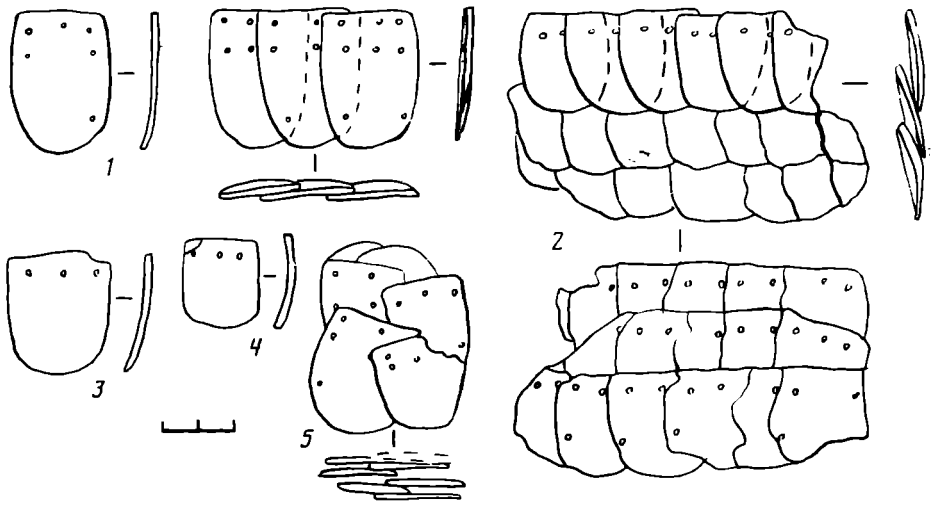


Рис. 2. Панцирные наборные пластины. *1* — пластинки типа 1; *2* — пластинки типа 2а; *3* — пластинки типа 2б; *4* — пластинки типа 3; *5* — система набора панцирных пластин у изголовья

хранились отпечатки на внутренней стороне. Со стороны спины панцирь, по-видимому, был укреплен дополнительным слоем кожи (в области грудной клетки под скелетом обнаружены остатки нескольких спрессованных слоев кожи желто-красного цвета).

В состав панцирного набора входили пластины, разделяющиеся по форме и размерам на три основных типа.

1. Большие продолговатые пластины с прямоугольным верхним краем и округлым, слегка изогнутым вовнутрь нижним. У верхнего края расположено шесть отверстий — в два ряда по три отверстия в каждом — и одно боковое при изгибе пластины справа. Размеры — 3,8×3, 3,6×2,6, 3,6×2,8 см (рис. 2, *1*).

2а. Средние, такой же формы. На них пробиты четыре отверстия, из которых три расположены в ряд вдоль верхнего края и одно боковое справа. Размеры — 3×2,2 см (рис. 2, *2*).

2б. Аналогичные вышеописанным. Боковое отверстие слева. Размеры — 2,7×2,7 см (рис. 2, *3*).

3. Маленькие пластины с прямоугольным верхним краем и округлым, изогнутым нижним. У верхнего края пробито три отверстия в ряд. Размеры — 2,3×2, 2,5×1,9 см (рис. 2, *4*).

У черепа пластины расположены в два-три слоя. В набор входили пластины типа 1 и 2б (рис. 2, *5*). Систему набора проследить не удалось.

Верх панциря набран из пластин типа 2а. Число сохранившихся рядов — 12 (подсчет производился на участке слева от костяка). В верхней части панциря пластины заворачивались и образовывали два слоя, верхний из которых был обращен лицевой частью вверх.

Середина панциря состояла из 10 рядов и была набрана из пластин типа 1. После нарушенного промежутка шириной в 3 см отмечены два ряда пластин типа 2а. Низ панциря образовывали два ряда из самых крупных пластин типа 1.

Длина панциря 52 см, максимальная ширина 110 см (разрушенный участок с левой стороны составлял 5—10 см). Панцирь в верхней части был сильно разрушен, поэтому его реконструкция затруднительна. Он, очевидно, относится к типу панцирей с оплечьями, на что указывает наличие в неразрушенной верхней части двух-трех рядов пластин. Выяснить форму разреза у шеи не представляется возможным. Его положение в погребении позволяет говорить, что панцирь состоял из одного полотнища и застегивался на левом боку. Панцирный набор плавно переходит от концентрического у горла к горизонтальному на груди[4].

[4] Аналогичное расположение пластин приведено в реконструкции М. В. Горелика [8, с. 146, рис. 1].

Пластины набирались на основу снизу вверх, справа налево, прямоугольной частью вверх. Верхние пластины располагались непосредственно над нижними, перекрывая их на одну треть. Для обеспечения большей подвижности панциря пластины крепились друг к другу и к кожаной основе с помощью ремешков, продетых в боковые верхние отверстия, в то время как среднее отверстие служило для непосредственного крепления данной пластины к коже. Чтобы избежать расхождения чешуек при колющем ударе, через боковое верхнее отверстие нижней пластины и боковое нижнее верхней продевался скрепляющий ремешок[5].

По мнению Е. В. Черненко [4, с. 30, 31, 136] подобная система набора панциря прекращает свое существование в начале I тыс. до н. э., однако публикуемый экземпляр в сочетании с аналогичной находкой из погребения IV в. до н. э. у г. Орджоникидзе [8, с. 149] позволяет предполагать более длительное время существования панцирей такого рода.

На лицевой стороне панцирных пластин прослежены отпечатки ткани. Аналогичные отпечатки на наружной стороне пластин отмечены в погр. 1 кург. 490 у с. Макеевка [9, с. 26]. Возможно, поверх панциря набрасывалась какая-то накидка.

II. Нижняя часть доспехов состояла из наборных пластинчатых, выполненных в «чешуйчатой» манере набедренников и наголенников, набранных на кожаной основе. Набедренники изготовлены из двух подпрямоугольных полотнищ длиной 43 см, шириной вверху 40 см, внизу — 35 см. Так же как и панцирь, они были положены внутренней стороной вверх. С левой стороны край полотнища был откинут и опирался на стенку ямы; край правого полотнища был завернут лицевой частью вверх и перекрывал ногу погребенного в коленной части. На обоих полотнищах насчитано по 42 ряда пластин. Система набора набедренников аналогична панцирной.

Прослежено два типа пластин.

1. Пластины с прямоугольным верхним краем и округлым, слегка изогнутым внутрь нижним. По верхнему краю пробито три отверстия, расположенных в ряд. Размер — 2×2 см.

2. Узкие продолговатые пластины размером 2×1,5 см. Количество отверстий то же.

На внутренней стороне пластин прослежены следы кожаной основы. Аналогичные следы шириной 2—4 см имеются по краям лицевой стороны пластин (рис. 1, *8*). Видимо, набедренники были украшены кожаным валиком, проходящим в их продольной части. С внешней стороны, на расстоянии 10 см ниже верхнего края, отмечен также след кожаного ремешка шириной 1 см (рис. 1, *9*), который, возможно, служил для стягивания набедренников на ноге. По всей лицевой поверхности пластин сохранились отпечатки ткани, аналогичные отпечаткам на панцире.

Подробности набора наголенников не выяснены, так как они были положены под набедренники. Только по слегка выступающим краям из-под правого полотнища набедренников можно было отметить, что длина их составляет 25 см, ширина — 20 см.

III. Застежка бронзовая литая, цилиндрической формы, покрыта четко выраженными рельефными валиками, с перехватом для петли в центре. Длина 6,3 см, диаметр 0,6 см (рис. 3, *8*). Подобные застежки широко распространены в скифских погребениях и датируются VI—V вв. до н. э. [10, с. 40]. Идентичная застежка была найдена в кург. 4 у с. Макеевка [11, с. 149, табл. 20, *12*]. Преобладает мнение, что подобного рода застежки предназначались для застегивания клапанов горитов на карманах для стрел [10, с. 32—38, 40, 41; 12, с. 50, 51]. Однако ее расположение у пояса, с правой стороны погребенного, в сочетании с остатками кожаного изделия, прослеженными как под самой застежкой, так

---

[5] М. В. Горелик полагает, что с помощью боковых отверстий скреплялись нижние концы чешуек [8, с. 149], однако на нашем панцире достоверно прослежено, что эти отверстия служили для соединения верхней и нижней пластин.

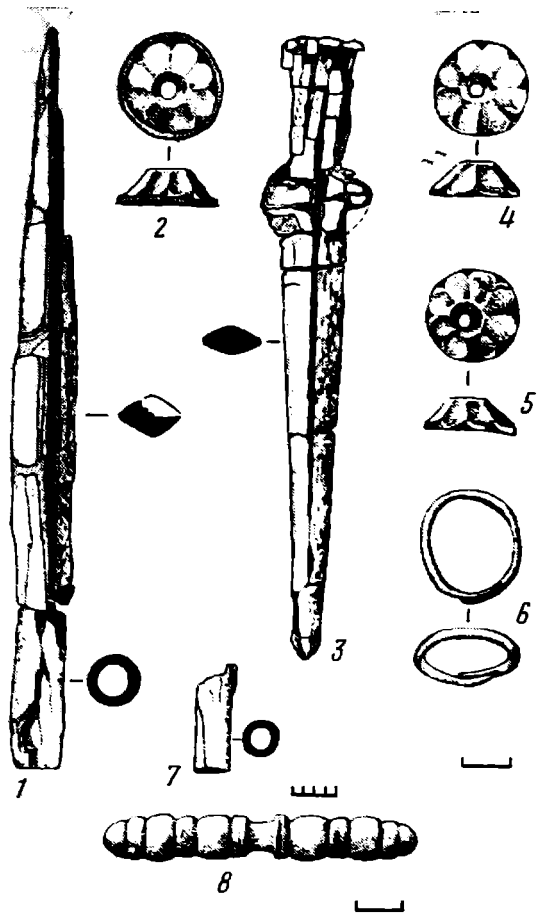


Рис. 3. Инвентарь погребения. *1* — наконечник копья; *2, 4, 5* — золотые розетки; *3* — меч; *6* — золотое кольцо; *7* — подток копья; *8* — бронзовая застежка

и по всему позвоночнику погребенного, позволяют интерпретировать ее как портупейную, а фрагменты кожи — как остатки портупеи. Подобное расположение застежек, изготовленных из кости, зарегистрировано всего в двух случаях — в погр. 3 кургана 5 Койсугского могильника [13, с. 171, рис. 3, *1*, с. 180] и предскифском погребении у с. Васильевка [14, с. 89].

IV. Наконечник копья очень плохой сохранности с сильно вытянутым пером, которое расширено в нижней части и плавно переходит во втулку. Перо в разрезе имеет форму ромба. Втулка сужается к перу, в разрезе цилиндрическая. Общая длина наконечника 60 см, длина пера 47 см, втулки — 13 см. Ширина грани пера 5 см, диаметр втулки 4 см. Отношение длины втулки к перу 1 : 3,6, ширина пера к длине 1 : 9,4. Во втулке сохранились остатки дерева (рис. 3, *1*).

Подток копья в сечении цилиндрической формы. Длина 9 см, диаметр 3 см. Внутри сохранилось дерево (рис. 3, *7*).

V. Меч-акинак с брусковидным навершием и почковидным перекрестием плохой сохранности. Клинок двулезвийный с параллельными сторонами, в сечении имеет форму сильно вытянутого ромба. Длина меча 50 см, длина клинка 35 см, ширина 4,5 см (рис. 3, *3*). Меч лежал в ножнах, от которых сохранились остатки дерева и кожи. На конце ножен отмечено расширение, производящее впечатление своеобразного наконечника, изготовленного из одного с ножнами материала.

Типологическое определение меча затруднительно в связи с его плохой сохранностью. Однако с определенной долей вероятности его можно отнести к 1-му типу I отдела по классификации А. И. Мелюковой [15, с. 47—49]. Наиболее широкое распространение подобных наконечников относится к VI — началу V в. до н. э.

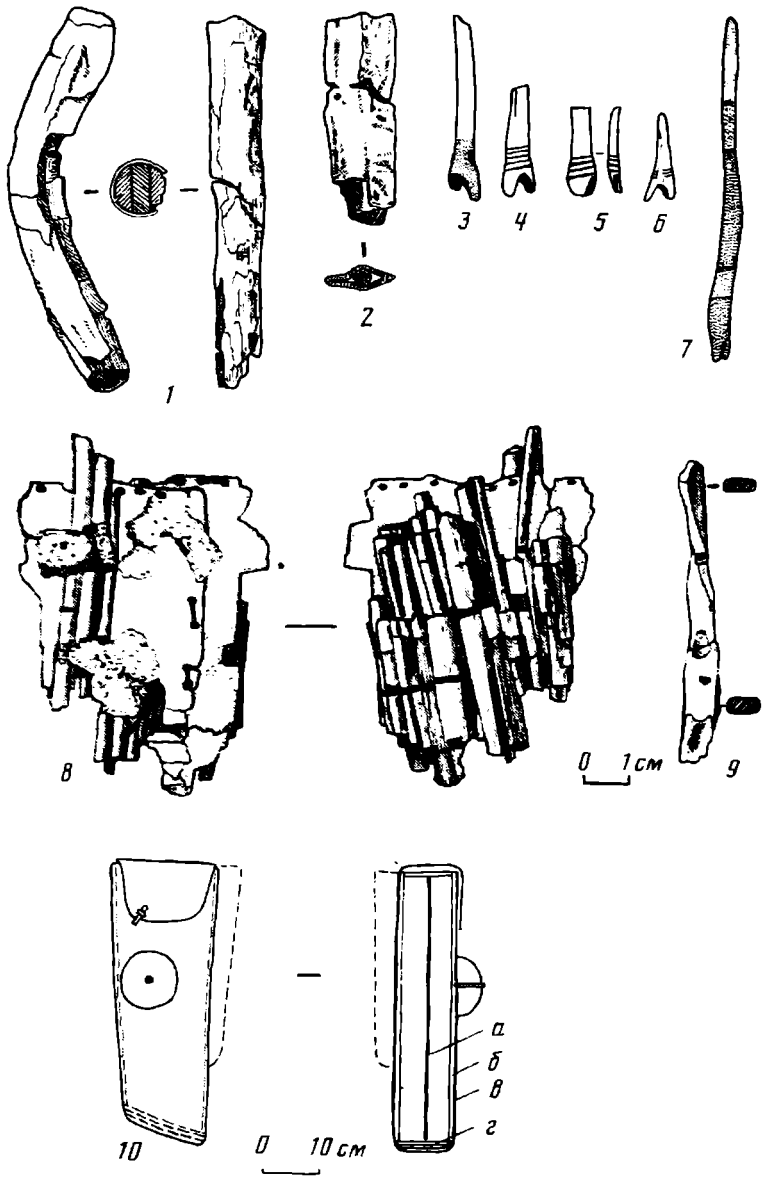


Рис. 4. Деревянные и костяные изделия. *1* — фрагмент лука (?); *2* — древко стрелы в кожаном футляре; *3—7* — фрагменты древков стрел; *8* — фрагмент отделений горита; *9* — костяная пластинка; *10* — схематическая реконструкция горита: *а* — кожаная перегородка отделений для стрел; *б* — деревянный каркас горита; *в* — кожаное покрытие горита; *г* — слой кожи, укрепляющий дно

К наружной части ножен в качестве украшения крепились три золотые бляшки-накладки.

Две бляшки — из золотой фольги в форме восьмилепестковой розетки с плоскими гранями, раздваивающимися к основанию. На вершине имеется овальное углубление с отверстием в центре. Диаметр основания 1,9 см, диаметр верхней части 0,7—0,75 см, высота 0,6 см, диаметр отверстия 0,2 см (рис. 3, *4*, *5*).

Третья бляшка аналогична вышеописанным по форме, но отличается от них тем, что по внешнему краю ее основания напаяна рифленая проволока. На одной из лепестковых граней имеется маленькое отверстие, возможно случайное. Диаметр основания 2 см, высота 0,7 см, диаметр отверстия 0,35 см, толщина проволоки 0,1 см (рис. 3, *2*).

Подобные украшения на ножнах меча неизвестны. В скифских погребениях отмечено всего две находки довольно крупных бронзовых ворворок (курган 401 у с. Журовка и погр. 2 кург. 1 у с. Макеевка) [11, с. 41]. Более часто ворворки (в том числе две золотые) встречаются вместе с мечом в савроматских погребениях [16, табл. 14, *35*]. Однако эти пред-

меты отличаются от розеток и интерпретируются исследователями как способствующие креплению меча к ремню.

VI. Рядом с погребенным был положен горит трапециевидной формы. Длина левого края 50 см, правого — 46 см. Ширина вверху 17,5 см, внизу — 15 см. Он был изготовлен из темно-коричневой кожи, прослеженной по всей длине древков. С внутренней стороны горит был укреплен деревянным каркасом из лиственной древесины[6], а в нижней части — дополнительным вторым слоем кожи (рис. 4, *10*). Так, в области наконечников прослежена тонкая кожа бежевого цвета, которую с внешней стороны подстилала основная, темно-коричневая кожа. Возможно, горит состоял из нескольких отделений. На это указывают остатки лоскутов кожи, найденных в его верхней части, подшитых друг к другу, и наличие древков с обеих сторон. Участок кожи размером 7×6 см был сшит из двух лоскутов темно-коричневого цвета, наложенных один на другой и подшитых по вертикали и горизонтали. Сохранилась участками нить шитья, с длиной стежка 0,5 см. Основное количество древков шло по внутренней стороне большого лоскута. С обратной стороны сохранилось три древка, на которых фрагментарно отпечаталась кожа, ограничивающая это отделение (рис. 4, *8*). Аналогичный сшитый обрывок кожи, происходящий из нижней части горита, отмечен в могиле 2 кургана у с. Ерковцы [17, с. 213]. Свидетельством того, что горит имел несколько отделений являются, возможно, и находки из других комплексов: в погр. 2 Двугорбой Могилы наконечники стрел лежали в два яруса, каждый толщиной в три слоя [18, с. 157]; в погр. 1 кург. 2 в урочище Носаки стрелы лежали в несколько рядов в два яруса [19, с. 70]; а в кург. 5 у с. Протопоповка наконечники стрел были уложены тремя параллельными рядами [20, с. 272].

С правой стороны горита на расстоянии 12,5 см от оперения древков найдена прямоугольная в сечении костяная пластинка с перекрученными почти на 90° гранями длиной 6,7 см, шириной 0,5—0,7 см. Один конец ее был заострен, а второй слегка поврежден. На одной из граней имеется небольшая насечка. На расстоянии 4 см от заостренного конца на одной из плоскостей было сделано искусственное углубление подовальной формы (рис. 4, *9*). Возможно, эта пластинка являлась своеобразной застежкой клапана горита.

Не исключено, что массивный железный конус со слегка выпуклым дном, плакированный сверху золотой пластиной, украшал лицевую сторону горита. Диаметр основания конуса 10 см, высота 4 см. В центре дна имеется отверстие диаметром 0,9 см. По краям основания и у отверстия золотая пластина покрыта железной коррозией. Большое количество ее у отверстия позволяет думать, что изделие крепилось к поверхности горита при помощи железного стержня. На железном ребре основания и частично на золотой пластине отмечены следы кожи и ткани (рис. 5, *20*).

По своей форме данный предмет близок к золотым «конусам», найденным в кург. 400 у с. Журовка [11, с. 44, 141, табл. 16, *16*], в Острой Томаковской Могиле [5, с. 98], в погребении кург. 6 на землях учхоза «Самарский» [7, с. 99], в кургане у с. Ильичево [21, с. 160] и в кургане у г. Арциз [22, с. 252]. В отличие от вышеуказанных наш предмет биметаллический — железная основа плакирована золотом.

В связи с разрушенностью большинства погребений, в которых были найдены подобные изделия, до сих пор не сложилось единого мнения о их назначении. На этот счет существует несколько точек зрения. А. П. Манцевич высказала предположение об использовании «конусов» как части головного убора [21, с. 160]. М. И. Артамонов рассматривал предмет из Острой Могилы как «очень крупную ворворку» для подвешивания большой кисти к шее лошади [23, с. 28]. По мнению А. М. Лескова, к которому присоединились И. Ф. Ковалева и С. Е. Мухопад, «кону-

[6] Определение всех пород дерева произведено ст. н. с., канд. биол. наук М. И. Колосовой на кафедре экологии, анатомии и физиологии растений Ленинградской лесотехнической академии им. С. М. Кирова.

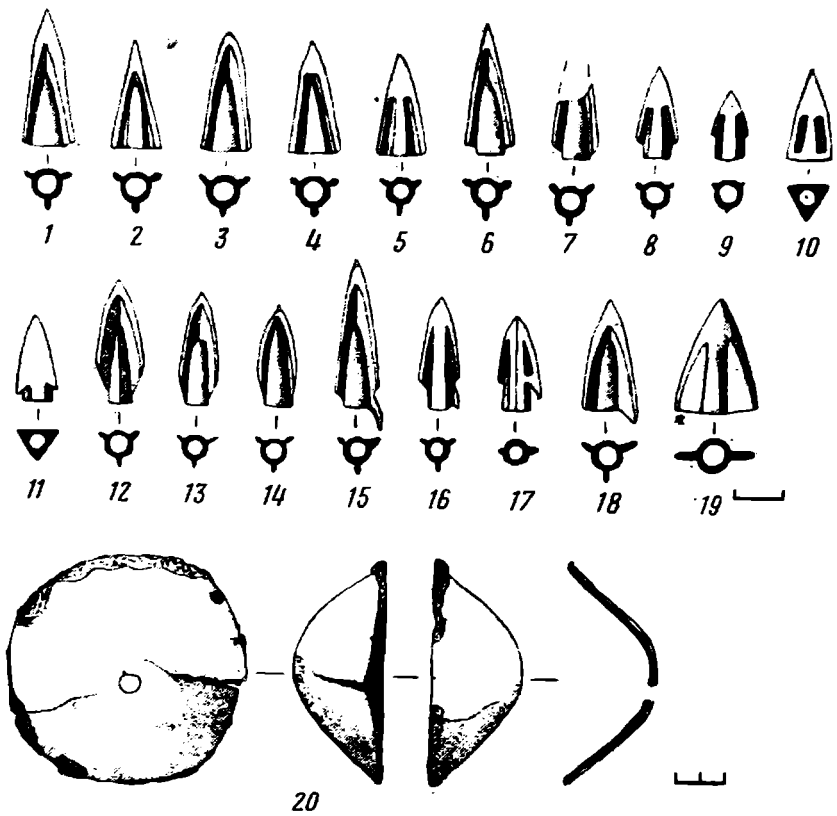


Рис. 5. Бронзовые наконечники стрел (*1—19*) и железный «конус», плакированный золотой пластиной (*20*)

сы» служили основой жезла [7, с. 101; 21, с. 160]. В. Г. Петренко не исключает, что золотой конусовидный предмет из Журовки мог быть украшением колчана [11, с. 44]. Обратив внимание на связь «конусов» с оружием, Е. В. Черненко предположил, что они украшали нижнюю часть (дно) горитов [10, с. 62]. Целостность исследуемого погребения позволяет полагать, что наш предмет, как и все вышеуказанные, был украшением лицевой поверхности горита.

Подтверждением этого вывода является изображение подобных «конусов» на горитах каменных скифских «баб», датируемых VI—IV вв. до н. э. [24, с. 45]. К настоящему времени опубликовано восемь изваяний с горитами, на поверхности которых прослеживаются круглые выпуклые предметы с небольшим углублением в центре дна [25—27]. Они либо прорезаны в камне, либо переданы рельефно. В некоторых случаях на изображениях блях видны нанесенные крест-накрест ремни. По-видимому, бляхи с отверстиями крепились к гориту при помощи стержня, проходящего через отверстие, а при отсутствии его — посредством перекрещенных ремней. Расположение блях на поверхности горита разнообразно, но чаще всего они помещены в верхней или нижней левой его части. Возможно, бляха не являлась единственным украшением, так как на горите стелы из ст. Бесскорбной прослеживалось несколько нашитых пластин. Своеобразным «конусом» являлась по-видимому округлая бляха на горите из Витовой могилы, окруженная пластинками, выполненными в зверином стиле [1, табл. XX]. Изображение подобного предмета присутствует на золотой бляшке в виде фигуры скифа из Куль-Обы [28, с. 102, рис. 41], а также на горитах скифов из сцены на Чертомлыцкой амфоре [23, табл. 167, 174]. Среди аналогий вне памятников скифского круга можем указать на железный «конус», плакированный золотыми листиками и скобочками, из кургана у с. Сары[7]. Не исключено, что

[7] К. Ф. Смирнов высказал предположение, что данный предмет мог быть умбоном от савроматского щита [29, с. 75, рис. 42, *2*].

обычай украшения горитов имеет аналогии и в более отдаленных культурах. Так, например, можно интерпретировать бляху на горите из памятника ананьинской культуры [30, с. 198, рис. 75, 7].

Хотя стрелам и предметам торевтики соответствует широкая датировка — VI—IV вв. до н. э., хронологические рамки «конусов», найденных в перечисленных погребениях, ограничиваются более узким периодом — концом VI—V в. до н. э.

С правой стороны горита под древками найдено несколько фрагментов дерева (дуба), отличных от каркасной конструкции. Наибольший из них — длиной 8 см, диаметром 1,2 см, изогнутый в центральной части на 1 см — состоял из трех пластин и был покрыт корой (рис. 4, *1*). Возможно, эти фрагменты являются остатками сложносоставного лука, подобного найденному в кург. 2 группы «Три брата» [31, с. 247, рис. 6, *1*, *2*].

Древки стрел изготовлены из березы. Они сохранились на всю длину — 45—50 см. Оканчиваются небольшим расширением, образующим ушко с выемкой для тетивы. Толщина древков у основания и возле ушка 0,3—0,5 см (в одном случае, у двухлопастного наконечника, толщина древка равнялась 0,8 см). Ширина и глубина выемок в ушках от 0,3 до 0,5 см. Окончания древков, входящие во втулку наконечника, подвергались специальной обработке. Бóльшая часть их была заострена в виде конуса, конец которого приобретал форму треугольника или четырехугольника. Толщина древков в этом месте зависела от диаметра втулки наконечника.

Древки у оперения окрашены чаще всего в ярко-красный и черный цвета, темно-синяя и ярко-голубая окраска встречаются реже. Следы окраски отмечены на расстоянии от 1 до 9 см начиная от ушка. В одном случае участок древка длиной 7,3 см был раскрашен чередующимися поперечными полосами разной длины, выполненными в пяти цветах: у оперения — черная полоса длиной 1,3 см, потом темно-красная — 0,6 см, черная — 2,5 см, желтая — 0,1 см, красная — 1,1 см, темно-коричневая — 1,6 см (рис. 4, *7*). Даже когда древки были окрашены в разные цвета, цвет в выемке для тетивы оставался красным. Подобная окраска характерна для древков скифских стрел. Наиболее точно она зафиксирована во втором Трехбратнем кургане [31, с. 246, 247, рис. 2, *15*, *16*] и подробно рассмотрена в работе Е. В. Черненко [10, с. 24, 25]. В связи с плохой сохранностью древков и их сильной спрессованностью взаимосвязь между типами стрел и способом окраски древков выяснить не удалось. В некоторых случаях по краю древка непосредственно у выемки прослежены горизонтальные круговые насечки, чаще на красном фоне черные, на черном — красные (рис. 4, *4—6*). Возможно, эти насечки свидетельствуют о креплении в данном месте оперения. Кроме того, следует отметить находку нескольких фрагментов древков, заключенных в кожу. Лучше всего сохранился обломок древка длиной 4,5 см, окутанный тонкой темно-коричневой кожей, прошитой по краям (рис. 4, *2*). Можно предположить, что она являлась своеобразным вариантом оперения или служила для его крепления. Аналогичные находки нам неизвестны.

Колчанный набор состоял из 296 бронзовых наконечников стрел, подразделяющихся по поперечному разрезу на три отдела: I — двухлопастные, II — трехлопастные, III — трехгранные.

I отдел — 3 экз.

1. Двухлопастные со сводчатой головкой и короткой граненой втулкой — 2 экз. (рис. 5, *17*). Втулка подчеркнута короткими вертикальными бороздками. Одна из лопастей слабо выражена, обрезана под прямым углом ко втулке, вторая обрезана под острым углом и выступает в виде короткого шипа. Высота наконечников 2,0—2,1 см, ширина лопастей 1 см.

2. Базисные двухлопастные со сводчатой головкой — 1 экз. (рис. 5, *19*). Втулка выделена ложковидными углублениями. Высота 2,5 см, ширина 1,8 см.

II отдел — 289 экз.

1. Трехлопастные базисные с башневидной головкой, внутренней втулкой, выделенной ложковидными углублениями, — 51 экз. (рис. 5, *1*). Лопасти слегка изогнуты, обрезаны вровень со втулкой, под прямым углом к ней. Высота 3 см, ширина 1 см.

2. Трехлопастные базисные с треугольной головкой. Втулка выделена ложковидными углублениями — 68 экз. (рис. 5, *2*). Лопасти обрезаны под прямым углом ко втулке. Высота 2, реже 2,5 см, ширина 1 см.

3. Трехлопастные базисные со сводчатой головкой — 1 экз. (рис. 5, *в*). Втулка выделена ложковидными углублениями, лопасти обрезаны под прямым углом к ней. Высота 2,5 см, ширина 1 см.

4. Трехлопастные базисные с трехгранной головкой, отделенной от втулки П-образным углублением — 71 экз. (рис. 5, *4*). Лопасти обрезаны под прямым углом ко втулке. Высота 2,5 см, ширина 1 см. При внимательном рассмотрении видно, что все наконечники отлиты в одной либо нескольких формах, изготовленных по одному шаблону и из одного и того же материала.

5. Трехлопастные базисные с трехгранной головкой, отделенной от втулки вертикальными вырезами, — 59 экз. (рис. 5, *5*). Высота 1,8—2,2 см, ширина 1 см. В 28 случаях головка имела пирамидально-башенный вид, видимо, из-за вторичной подточки.

6. Трехлопастные с треугольной головкой и слабо выступающей втулкой — 6 экз. (рис. 5, *6*). Втулка подчеркнута ложковидными углублениями. Лопасти обрезаны под прямым углом. Высота 2,6—2,8 см, ширина 1 см.

7. Трехлопастные со слабо выступающей втулкой — 1 экз. Лопасти обрезаны под тупым углом ко втулке. Головка не сохранилась (рис. 5, *7*). Втулка выделена ложковидными углублениями. Ширина лопасти 1 см.

8. Трехлопастные с треугольной трехгранной головкой и слабо выступающей втулкой — 20 экз. (рис. 5, *8*). Втулка граненая, выделена вертикальными бороздками. Лопасти обрезаны под тупым углом. На 13 экз. головки носят следы подточки. Высота 1,6—2,2 см, ширина 0,7—0,9 см.

9. Трехлопастные с треугольной трехгранной головкой и выступающей втулкой — 1 экз. (рис. 5, *9*). Лопасти узкие, отделены от втулки короткими вертикальными вырезами. Концы обрезаны под прямым углом. Высота 1,6 см, диаметр втулки 0,6 см.

10. Трехлопастные с остролистной головкой и слабо выступающей втулкой — 2 экз. (рис. 5, *12*). Втулка граненая, подчеркнута ложковидными углублениями. Лопасти обрезаны под тупым углом. Высота 2,8 см, ширина 1 см.

11. Трехлопастные с остролистной головкой, носящей следы подточки, и слабо выступающей втулкой — 2 экз. (рис. 5, *13*). Лопасти обрезаны под тупым углом. Высота 2,4 см, ширина 0,8 см.

12. Трехлопастные с лавровидной головкой и почти не выступающей втулкой — 2 экз. (рис. 5, *14*). Высота 2 см, ширина 0,7 см.

13. Трехлопастные с треугольной головкой и слабо выраженной втулкой — 3 экз. (рис. 5, *15*). Лопасти узкие, обрезаны под тупым углом. У окончания одной из лопастей начинается длинный шип. Высота 3,3 см, ширина 1 см.

14. Трехлопастные с треугольной трехгранной головкой и ярко выраженной слегка граненой втулкой — 1 экз. (рис. 5, *16*). Лопасти узкие, обрезаны под тупым углом. У окончания одной из лопастей начинается короткий шип, заканчивающийся на уровне втулки. Высота 2,5 см, ширина 1 см.

15. Трехлопастные базисные со сводчатой головкой — 1 экз. (рис. 5, *18*). Втулка выделена ложковидными углублениями. На головке видны следы подточки. Лопасти обрезаны под прямым углом ко втулке. Одна лопасть опущена вниз и образует подобие шипа. Высота 2,5 см, ширина 1 см.

III отдел — 4 экз.

1. Трехгранные базисные с треугольной головкой — 1 экз. (рис. 5, *10*). На каждой грани вырезано по две вертикальные бороздки. Лопасти обрезаны под прямым углом. Высота 2 см, ширина 1 см.

2. Трехгранные с треугольной головкой и очень слабо выступающей втулкой — 3 экз. (рис. 5, *11*). Концы граней обрезаны под острым углом ко втулке. Высота 1,9 см, ширина 0,9 см.

Уточнение возраста колчанного набора имеет большую значимость для определения хронологических рамок погребения. Важно отметить, что здесь представлен один из самых больших по количеству стрел набор[8] Все описанные типы наконечников стрел относятся ко второй хронологической группе — VI—V вв. до н. э. [15, с. 19—23, табл. V]. Конкретизировать возраст набора в пределах второй половины VI — первой половины V в. до н. э. позволяет соотношение отдельных типов между собой. Преобладают трехлопастные базисные наконечники стрел (257 экз.), отличающиеся своей массивностью при среднем отношении высоты наконечника к его ширине, равном 1 : 2,4—1 : 2,5, что говорит о тяготении их к началу V в. до н. э. Эти наконечники встречены повсеместно в скифских погребениях VI—V вв. до н. э. степи и лесостепи: в рядовых погребениях Крыма [3, рис. 19, *1*, рис. 20, *2*; рис. 107, *3*], в Золотом кургане [15, табл. 7Е, *1*, *2*, *6*, *7*], в кург. 447 у с. Пастырское, в кург. 482 у с. Басовка [9, с. 39, табл. 14, с. 48, табл. 25], в дружинных погребениях у с. Новорозановка [32, с. 69, рис. 3, *1*] и учхоза «Самарский» [7, с. 95, рис. 4, *2*] и т. д. Более архаичные наконечники стрел (рис. 5, *8—19*) представлены единичными экземплярами (39) и не являются определяющими для датировки комплекса. Интересен двухлопастный наконечник (рис. 5, *19*). Такие наконечники редки в погребениях VI—V вв. до н. э. и встречаются в колчанных наборах в единичных экземплярах. Подобные найдены в насыпи Краснокутского кургана [33, с. 63, 64, рис. 18, *1м*), в кург. 478 у с. Великие Будки [15, табл. 7, *А3*], однако наш экземпляр отличается от них массивностью.

VII. Кольцо проволочное золотое неправильной овальной формы, с заходящими друг за друга концами (рис. 3, *6*). Проволока граненая. Четко видны три грани, четвертая, внешняя закруглена. Концы заострены. Диаметр кольца 2—2,2 см, толщина проволоки 0,1 см. Золотые проволочные кольца, аналогичные описываемому, чрезвычайно редки в скифских погребениях и встречены только в погребении дружинника у г. Арциз [22, с. 252] и в богатейших царских курганах. По классификации В. Г. Петренко, они относятся к 1-му типу I отдела и датируются второй половиной VI—V в. до н. э., в редких случаях доживают до IV в. до н. э. [34, с. 59, табл. 51, *3*, *4*].

Таким образом, на основании анализа датирующего материала данное погребение можно отнести к рубежу VI—V — первой половине V в. до н. э.

По характеру и составу инвентаря погребение у с. Вишневка стоит в одном ряду с захоронениями тяжеловооруженных скифских воинов, исследованными на землях учхоза «Самарский», у с. Новорозановка и у г. Арциз, а сам погребенный может относиться к представителю высшего военного сословия, составляющего как бы промежуточное звено между знатью и массой рядового населения.

Скромные размеры ямы, положение погребенного и тесное размещение инвентаря позволяют предполагать, что захоронение было совершено в спешке (условия военных действий, перекочевок и т. д.) [5, с. 359], видимо, в период массового проникновения скифов в Крым и установления господства над местными племенами [2, с. 76, 77].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Граков Б. Н.* Скифы. М.: Наука, 1971.
2. *Ольховский В. С.* О населении Крыма в скифское время//СА. 1982. № 4.
3. *Щепинский А. А., Черепанова Е. Н.* Северное Присивашье. Симферополь, 1969.

[8] Рассмотрению оптимального количества стрел в горите уделено определенное внимание в работе Е. В. Черненко [10, с. 126—128, прил. 5—7]. Из его сводки следует, что наш набор является вторым после набора в кургане Марицыно IC.

4. *Черненко Е. В.* Скифский доспех. Киев: Наук. думка, 1968.
5. *Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия VII—IV вв. до н. э. Киев: Наук. думка, 1983.
6. *Шапошникова О. Г.* Погребение скифского воина на р. Ингул//СА. 1970. № 3.
7. *Ковалева И. Ф., Мухопад С. Е.* Скифское погребение конца VI—V вв. до н. э. у с. Александровка//Древности Степной Скифии. Киев: Наук. думка, 1982.
8. *Горелик М. В.* Реконструкция доспехов скифского воина из кургана у. г. Орджоникидзе//Скифы и сарматы. Киев: Наук. думка, 1977.
9. *Галанина Л. К.* Скифские древности Поднепровья//САИ. 1977. Вып. Д1-33.
10. *Черненко Е. В.* Скифские лучинки. Киев: Наук. думка, 1981.
11. *Петренко В. Г.* Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э.//САИ. 1967. Вып. Д1-4.
12. *Клочко В. И.* Новые данные о типах скифских горитов в колчеданных наборах VI в. до н. э.//Новые исследования археологических памятников на Украине. Киев: Наук. думка, 1977.
13. *Кореняко В. А., Максименко В. Е.* Погребения раннего железного века в бассейне Нижнего Дона//СА. 1978. № 3.
14. *Міхлін Б. Ю.* Передскіфське поховання поблизу с. Василівка//Археологія. 1979. № 30.
15. *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов//САИ. 1964. Вып. Д1-4.
16. *Смирнов К. Ф., Петренко В. Г.* Савроматы Поволжья и Южного Приуралья//САИ. 1963. Вып. Д1-9.
17. *Мозолевский Б. Н.* Скифский курган у с. Ерковцы//Скифский мир. Киев: Наук. думка, 1975.
18. *Привалова О. Я., Зарайская Н. П., Привалов А. И.* Двугорбая Могила//Древности Степной Скифии. Киев: Наук. думка, 1982.
19. *Бидзиля В. И., Болтрик Ю. В., Мозолевский Б. Н., Савовский И. П.* Курганный могильник в урочище Носаки. Киев: Наук. думка, 1977.
20. *Бородулин В. Г.* Исследования на территории Харьковской области//АО—1976. М., 1977.
21. *Лесков А. М.* Богатое скифское погребение из Восточного Крыма//СА. 1968. № 1.
22. *Алексеева И. Л.* Раскопки курганов в междуречье Дуная — Днестра//АО—1972. М., 1973.
23. *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов. Прага; Ленинград: Артия; Сов. художник, 1966.
24. *Раевский Д. С.* Скифские каменные изваяния в системе религиозно-мифологических представлений ираноязычных народов Евразийских степей//Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М.: Наука, 1983.
25. *Шульц П. Н.* Скифские изваяния//Художественная культура и археология античного мира. М.: Наука, 1976.
26. *Шульц П. Н.* Скифские изваяния Причерноморья//Античное общество. М.: Наука, 1967.
27. *Шульц П. Н., Навротский Н. И.* Прикубанские изваяния скифского времени//СА. 1973. № 4.
28. *Хазанов А. М.* Золото скифов. М.: Сов. художник, 1975.
29. *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
30. *Халиков А. Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII—VI вв. до н. э.). М.: Наука, 1977.
31. *Бессонова С. С.* Погребение IV в. до н. э. из Трехбратнего кургана//Скифские древности. Киев: Наук. думка, 1971.
32. *Шапошникова О. Г., Ребедайло Г. П.* Курганная группа у с. Новорозановка//Древности Поингулья. Киев: Наук. думка, 1977.
33. *Мелюкова А. И.* Краснокутский курган. М.: Наука, 1981.
34. *Петренко В. Г.* Украшения Скифии VII—III вв. до н. э.//САИ. 1978. Вып. Д4-5.

S. I. Andrukh

A BURIAL OF A SCYTHIAN WARRIOR IN THE SIVASH AREA

Summary

In 1983 the North Crimean Expedition of the Institute of Archaeology (USSR AS) discovered a secondary Scythian burial in a Bronze Age mound near the village of Vishnevka (Krasnoperekopsk District, Crimea Region). The dead was placed on his back in an extended position and oriented to the west. A set of defensive armour (a suite of armour, a tasse and a cuisse) was found under it. His offensive arms consisted of a short sword (*akinakes*), a spear head and a gorythos. The sheath was embellished with three gold rosettes, the right side of the gorythos carried an ornament in the shape of an iron conical object covered with a gold plaque. On the right hand there was a wire gold finger-ring with overlapping ends. The suit of armour, which had detachable pallettes, was made of a single sheet and fastened on the left side.

The dating material relates the burial to the late 6th — first half of the 5th century B. C. Its grave goods extends the series of burials of heavily armed Scythian warriors.

А. А. АНАРБАЕВ

АХСИКЕНТ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ
(Итоги и перспективы исследования)

Величественные руины древнего домонгольского Ахсикента (Ахсикета) расположены на правом берегу Сырдарьи, на месте городища Эски Ахси (Старый Ахси), в 25 км к юго-западу от г. Намангана, рядом с селениями Гул-кишлак и Шаханд. Первое упоминание о памятнике мы находим в работе венгерского этнографа Уйфальви [1, с. 85], посетившего Фергану в начале последней четверти XIX в., и в рецензии Д. Л. Иванова, написанной на эту работу [2]. В последующие годы городище посетил и обследовал капитан А. И. Брянов [3], востоковед Н. И. Веселовский [4], краевед И. А. Кастанье [5] и др.

В. В. Бартольд первый обобщил сведения средневековых письменных источников о топографии. В них, в частности, говорилось, что в Ахсикенте имелись цитадель, шахристан и рабад [6, с. 218], что подтвердилось в ходе археологических исследований в 40-х и 60-х годах [7, с. 244; 8, с. 56—58; 9, с. 79; 10, с. 20—22]. В 1939 г. Ахсикент осмотрел М. Е. Массон и отметил, что около 2 тыс. лет назад здесь находился крупный городской центр. Верхние слои городища относятся к XII — началу XIII в. [11, с. 53].

В 1948 г. Ахсикент посетил А. Н. Бернштам и провел здесь археологические исследования. Он снял план городища и заложил несколько раскопов. Были зафиксированы цитадель, шахристан (Ахси IA) и два рабада (рабад I — древний, рабад II — поздний [7, с. 244]) [1].

Основываясь на полученном материале, А. Н. Бернштам пришел к выводу, что первоначальная жизнь на городище начинается по крайней мере с кушанского времени, однако расцвет Ахсикента восходит только к тюркскому (VI—VIII вв.) и более позднему времени (IX—X вв.), причем в это время он становится крупным торговым и ремесленным центром Ферганы [7, с. 247].

В 1957—1959 гг. изучением Ахсикента занимался сотрудник Наманганского музея Ю. Т. Чуланов. Результаты обследования городища наряду с данными других исследователей позволили Ю. Т. Чуланову прийти к заключению, что первоначально на территории городища Ахсикент находился город античного периода, а в период средневековья на его основе складывался феодальный город с мощной цитаделью, внутренним городом (шахристаном и торгово-ремесленным предместьем — рабадом) [12, с. 199]. В начале XIII в. город был полностью разрушен монголами и прекратил существование. Позднее, при Тимуридах (в XV в.), Ахсикент был основан в другом месте и просуществовал до XVII в. включительно [12, с. 197].

В начале 60-х годов С. Рахимов и И. Ахраров под общим руководством Я. Г Гулямова начали вскрывать на территории восточного рабада (Ахси III) остатки средневековой бани. В последующие годы (1967—1969 и 1976—1977 гг.) археологические работы велись еще в арке, шахристане (Ахси IA, Ахси IБ) и западном рабаде (Ахси II). В результате почти полностью были вскрыты так называемая женская баня (Ахси III), остатки жилого дома IX—XI вв. (Ахси II), более чем в 10 пунктах городища производились шурфовки и зачистки. И. Ахраров, обобщив все полученные материалы, пришел к заключению, что руины

[1] А. Н. Бернштам принимает за древний рабад шахристан 2 (Ахси IБ).

Ахсикента состоят из трех территориально обособленных и разновременных городищ: античного, домонгольского и тимуридского. После запустения античного Ахсикента (Ахси II) рядом сложился раннесредневековый Ахсикент (Ахси I), который просуществовал до монгольского завоевания [10, с. 21, 22].

О. Г Большаков в своей обобщающей работе, намереваясь внести некоторые уточнения в описание Ахсикента, принимает внутренний шахристан (Ахси IA) за цитадель [13, с. 202, 204, рис. 85, *1*].

В конце 50-х годов в Ахсикенте побывал художник А. И. Смирнов. Он собрал богатую коллекцию средневековой керамики и бронзовых предметов [14, 15]. Отдельные бронзовые предметы из его коллекции опубликовала В. Л. Воронина [16, с. 133—137].

В настоящей статье мы остановимся на результатах работ на городище Эски Ахси[2] за 1979—1980 гг.[3] В эти годы работы велись на восьми объектах городища (рис. 1). Из них пять — это продолжение старых раскопов (раскопы I, III, IIIа, VII, VIII), три — новые (IV, VI, IX). Кроме того, проводились разведки, многочисленные расчистки в естественных обрывах и промоинах. В результате получены ценные материалы, характеризующие историческую топографию и основные хронологические этапы жизни домонгольского Ахсикента.

Твердо установлено, что городище Эски Ахси состоит из остатков цитадели, шахристана (Ахси IA, Ахси IБ)[4] и рабада (Ахси II, Ахси III) (рис. 1).

Цитадель находится в юго-западном углу городища. Ее сохранившаяся часть приближается в плане к треугольнику размером (100—80) × × (30—8) м. Южный и юго-западный фас имеет резкий обрыв к р. Сырдарье, с севера и северо-востока цитадель отделена от шахристана (Ахси IA) рвом. Цитадель изучается на двух объектах (раскопы III, IIIа). На раскопе III вскрыта часть комплексов помещений, расположенных по одной линии в один ряд, вытянутый с запада на восток вдоль северной стены арка (рис. 2). Примыкая друг к другу, помещения не имели непосредственной связи с проходами (кроме помещений 2 и 2а) и существовали изолировано друг от друга, с индивидуальным выходом на север, кроме помещения 1, где зафиксированы лесенки для подъема на крепостную стену. Перекрытия были плоскими. Стены в основном каркасные и возведены из специальной ленточной пахсы («ломбаз») с применением сырцовых и местами жженых кирпичей. В двух помещениях обнаружены широкие суфы-лежанки. На полу всех помещений имеются очаги. Интересно отметить скопление в помещениях большого количества булыжников (от 2 до 10—12 кг). Уровень пола на 2,5 м ниже уровня пола XII — начала XIII в.

Керамический материал разделяется на два комплекса. Первый комплекс керамики получен из заполнений помещений и представлен смешанным материалом (среди посуды XII—XIII вв. встречаются фрагменты керамики X—XI вв.); второй комплекс обнаружен на полу помещений и относится к XII—XIII вв. Выделяются лепные расписные сосуды «псевдотрипольского» типа, представленные кувшинами (рис. 3), горшками, кружками. Все они расписаны в основном различным геометрическим орнаментом. Аналогичные расписные сосуды встречены на ряде памятников Ферганы, а также Средней Азии и датируются XII—XIII вв. [7, с. 255—261; 17, с. 226; 18, с. 39—45, рис. 11, 12; 19, с. 161,

---

[2] Руины домонгольского Ахсикента у местного населения именуются Эски Ахси (Старый Ахси). Исходя из этого, мы назвали этот памятник городище Эски Ахси. Но в литературе он уже известен как городище Ахсикент или Ахсикет. Позднефеодальный город Ахсикент (XIV—XVII вв.) находится на расстоянии 6—7 км к северо-западу от городища Эски Ахси и у местного населения именуется Янги Ахси (Новый Ахси) или просто Ахси. Об этом городе более подробно см. [9, с. 79; 12, с. 203—205].

[3] В раскопках принимали участие археологи А. А. Анарбаев, И. А. Ахраров, З. И. Усманова, Г. В. Шишкина, Г Мирзалиев, О. Папахристу, О. Иневаткина, Х. Муминов, С. Акчурина, И. Аржанцева и др.

[4] Шахристан условно разделяется на две части: внутренний (Ахси IA) и наружный (Ахси IБ).

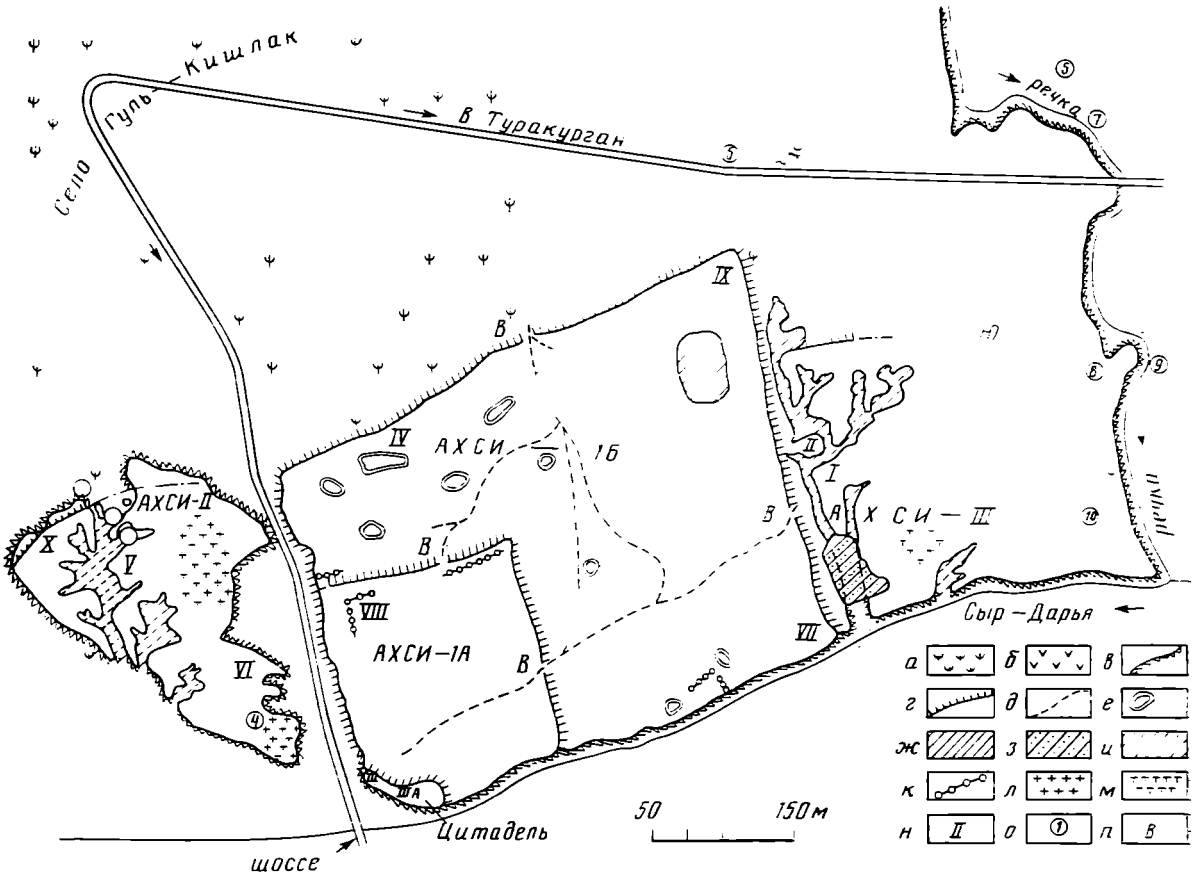


Рис. 1. План городища Эски Ахси. *а* — хлопчатник; *б* — виноградник; *в* — обрывы; *г* — крепостные стены; *д* — улицы; *е* — хаузы; *ж* — базарная площадь; *з* — средневековая свалка; *и* — участки, где полностью уничтожены культурные слои; *к* — водопроводные линии; *л* — поздние кладбища; *м* — остатки средневекового могильника; *н* — раскопочные объекты; *о* — археологические пункты, выявленные в результате разведочных работ; *п* — ворота

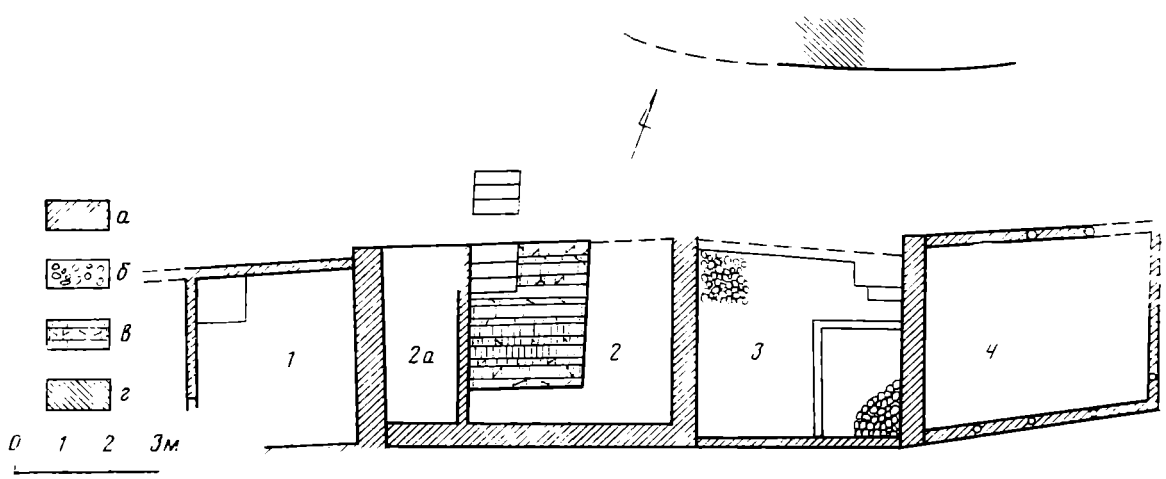


Рис. 2. План раскопа III. *а* — стены военного арсенала; *б* — булыжники; *в* — вымостка из жженых кирпичей; *г* — крепостная стена

табл. VI; 20, с. 179—184; 21, с. 47 и др.]. Имеется глазурованная посуда — блюда, чаши (рис. 4, *9*).

При раскопках в заполнении помещений обнаружены металлические изделия из железа и бронзы. Особый интерес представляют железные черешковые наконечники стрел лавролистной формы. Кроме того, встречались производственные шлаки и небольшие куски железной крицы. На полу помещения 2 обнаружен сельскохозяйственный инструмент — кетмень.

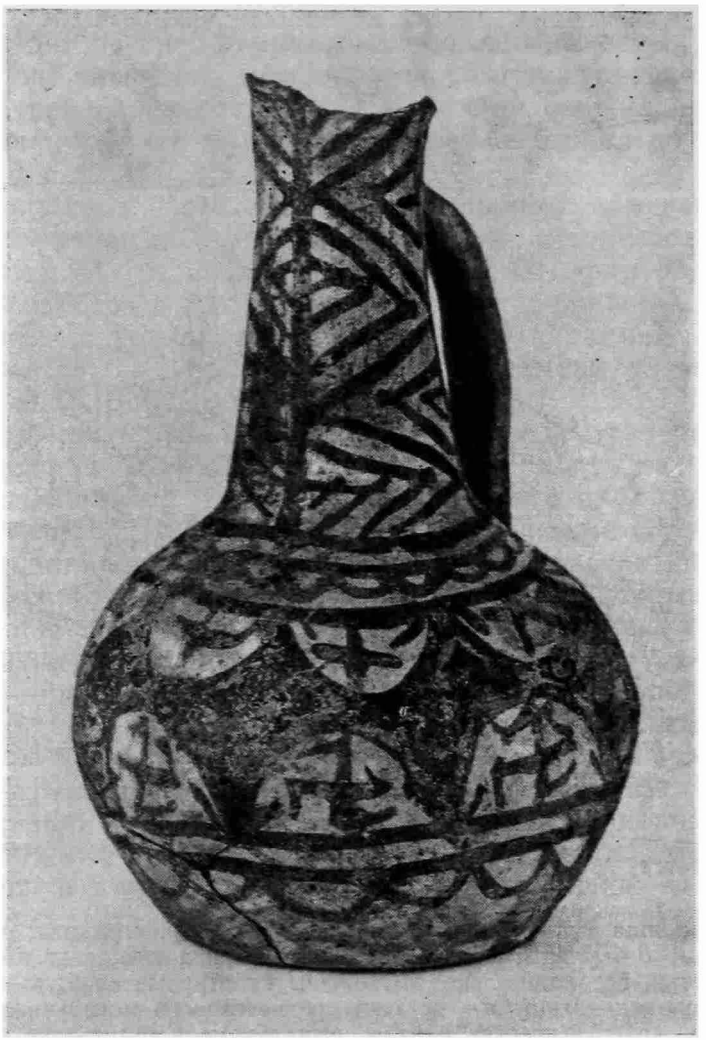


Рис. 3. Расписной кувшин из раскопа III

Исследования этих помещений позволили прийти к выводу, что во второй половине или даже в последней четверти XII в. вдоль северных стен арка был возведен вышеописанный комплекс помещений, который является остатками военного арсенала — казарм, связанных с последним периодом жизни цитадели. Об этом свидетельствуют, во-первых, сама планировка и интерьер этого объекта, во-вторых, наличие большого количества булыжников, выполнявших роль ядер при обороне крепости.

О ранней истории цитадели дали возможность судить работы на раскопе IIIа. Шурф был заложен с целью выяснения культурных напластований и изучения северного фаса крепостной стены цитадели.

В результате раскопочных работ установлено четыре периода с несколькими строительными этапами. Мощность культурных напластований 6,3 м. К первому периоду относятся нижние слои (рис. 5, слои 13—20), которые дали наиболее выразительную керамику с красным ангобом и частичным лощением. Это фрагменты мисок и чаш с простым овальным, загнутым внутрь или иногда прямым краем и корпусом конической формы (рис. 6, *1*, *3*). Имеются красноангобированные кувшины с низким горлом, простым, овальным в сечении отогнутым краем и со следами лощения. На плечиках от трех до шести небольших бороздок (рис. 6, *14*). В самых нижних слоях обнаружено несколько фрагментов небольших и средних красноангобированных кувшинов, которые имеют низкое горло и по плечикам валики. Венчик плавно отогнут наружу (рис. 6, *13*). Такие сосуды находят аналогии в ряде памятников Ферганы первых веков нашей эры [22, с. 117, рис. 1, *1б*, рис. 3, *IIIа*, *IIIк*].

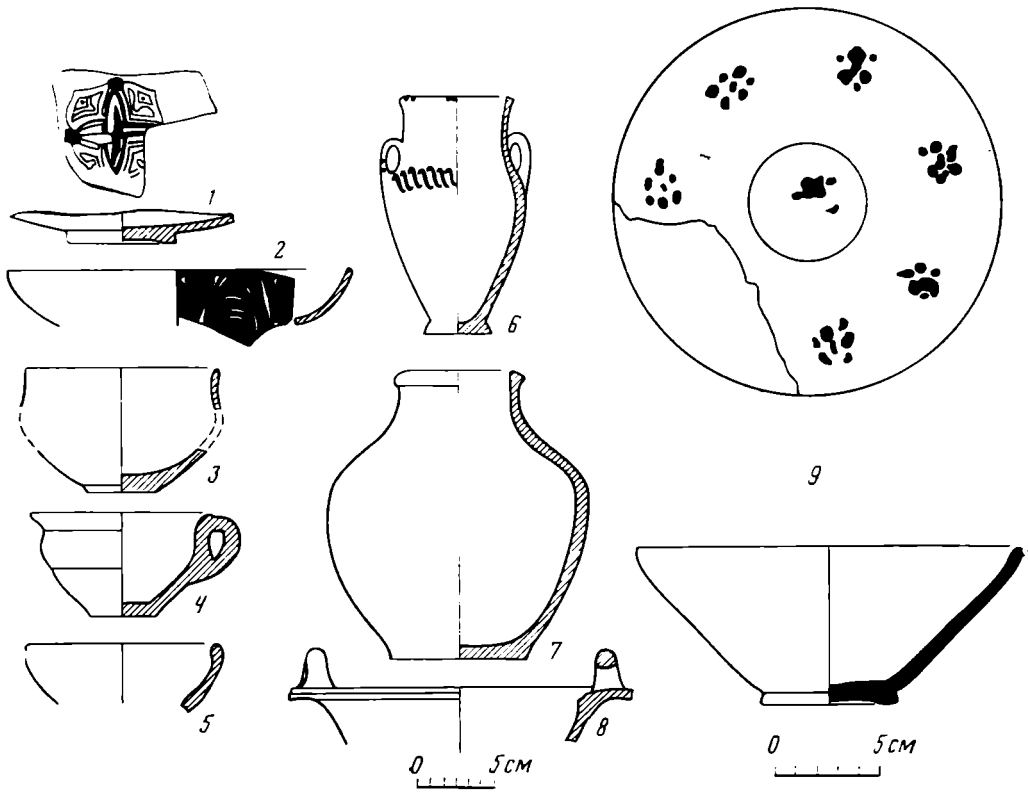


Рис. 4. Керамика из верхних слоев раскопов III, VII, IX

Несколько выше открыта мощная кладка из сырца размером 60×35×(10—12) см, с клеймами в виде овалов разных размеров, проведенных пальцем. Она отнесена ко второму периоду. По-видимому, это остатки какого-то монументального сооружения. В кладке обнаружено только несколько невыразительных фрагментов керамики. Судя по стратиграфии, это сооружение возведено не позднее VIII в., при этом более ранние слои (V—VII вв.), видимо, уничтожены. Поэтому слой, подстилающий кладку, по структуре отличается от всех остальных культурных слоев и дает перемешанный материал.

Следующий период связан с функционированием конюшни и имеет два строительных этапа (верхний — пол и слои 2—8; рис. 5). Особенно интересно отметить частично вымощенный пол, под ним гумусный слой толщиной 40—50 см с остатками циновки. Исходя из стратиграфии и керамического материала, этот период с остатками конюшни можно датировать X—XI вв.

Последний период связан с забутовкой пространства от крепостной стены до северных стен вышеописанных помещений раскопа III и датируется концом XII — началом XIII в. Поверхность забутовки служила площадкой перед крепостной стеной и входила в систему фортификации арка (рис. 5).

Ахси IA — внутренний шахристан площадью около 8 га, в плане имеет прямоугольную форму (рис. 1). По микрорельефу с трех сторон его (кроме южной) прослеживаются крепостные стены. А. Н. Бернштам в конце 40-х годов зафиксировал на стенах Ахси IA три башни. Сейчас их выделить трудно. Вдоль северных и восточных стен по микрорельефу зафиксирован глубокий ров и городские ворота.

Ахси IA изучался в основном с помощью стратиграфического шурфа (рис. 1, раскоп VIII) [5]. В результате раскопок выявлено 25 культурных слоев мощностью 7,5 м (рис. 7); в каждом культурном слое зафиксировано от двух до пяти, иногда более 10 микрослоев. Они залегают идеально в стратиграфическом отношении, последовательно один за другим.

[5] Шурф был заложен в 1976 г. И. А. Ахраровым, продолжен в 1979—1980 гг. О. Иневаткиной.

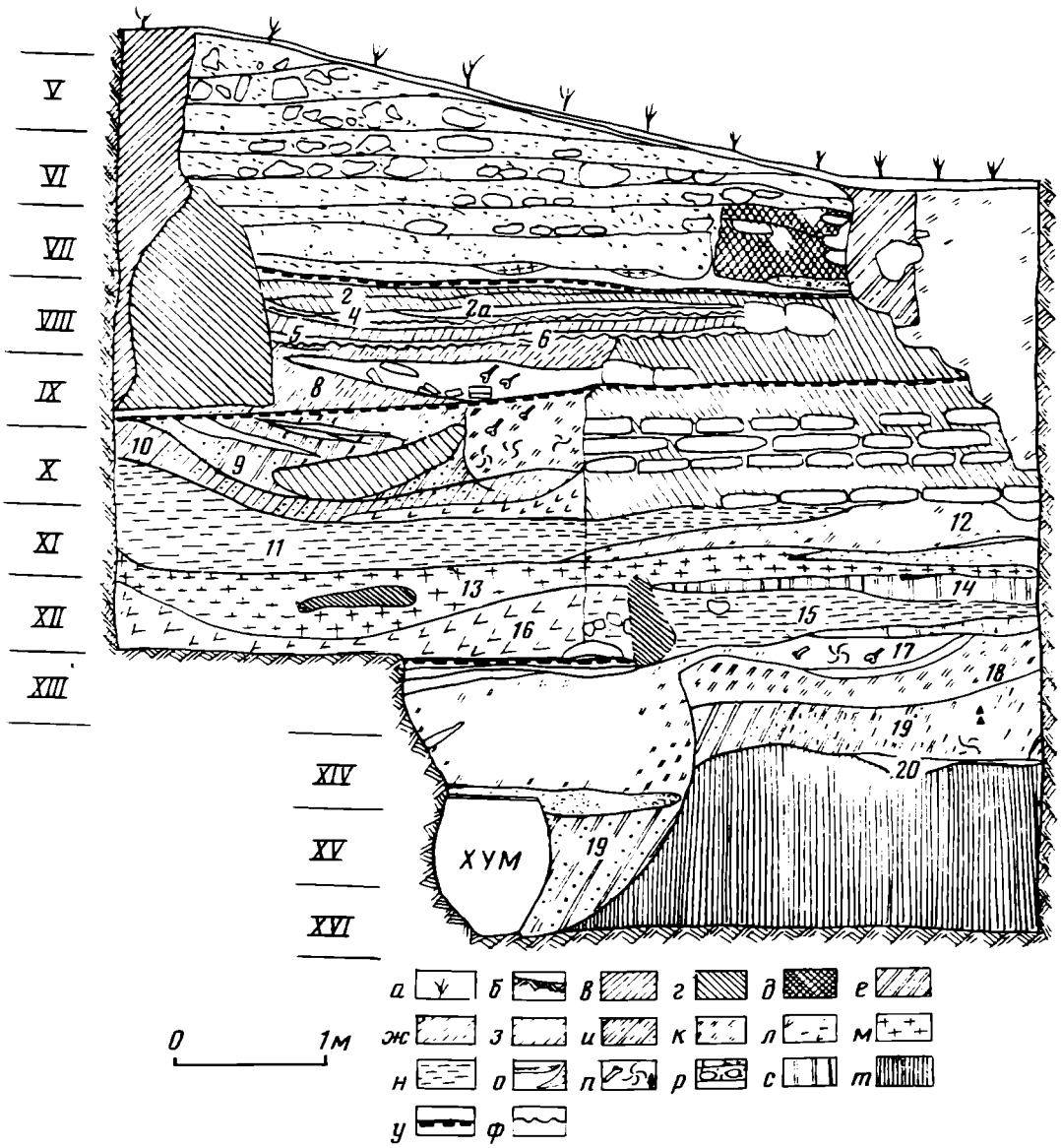


Рис. 5. Восточная стена стратиграфического раскопа IIIа. *а* — дерн; *б* — край раскопа; *в* — крепостная стена; *г* — пахса: *д* — стенка из пахсы и сырца; *е* — комковатый темно-коричневый грунт с керамикой, угольками; *ж* — оплыв с включением извести; *з* — темно-серый грунт с золой и угольками; *и* — плотная земля с оплывом; *к* — яма и перемешанный грунт; *л* — плотная земля с включением извести; *м* — темно-серый лёссовый грунт; *н* — однородная плотная земля; *о* — зольник; *п* — кости животных и керамика; *р* — кладка из ломбаза с применением гувалака; *с* — рыхлый грунт с золой; *т* — материки; *у* — пол; *ф* — камышовый настил

Нижние слои не нарушены поздними ямами (рис. 7). В напластованиях выделяются четыре периода обживания данного участка Ахси IA.

Слои с 21-го по 6-й, мощностью 4—4,5 м, выделены в первый период и датируются II в. до н. э.— IV в. н. э. Внутри этого периода выявлены три этапа. Первый охватывает самые нижние слои — 21, 20 и 18, где обнаружено большое количество керамики, кости крупного и мелкого рогатого скота, пропитанные гумусом.

Выделяются в основном две формы глиняной посуды. Это миски конической формы, с простым овальным краем, прямым или загнутым внутрь, с внутренней и внешней стороны покрытые красным ангобом со сплошным лощением (рис. 6, *1*, *2*). Другая часто встречающаяся форма — полусферические чаши с отогнутым наружу краем, ангоб красный, слабое сплошное лощение (рис. 6, *4*). Такие сосуды встречены в ряде античных памятников Ферганы [22, с. 117, рис. 1, с. 130, 132; 23, с. 79, рис. 2, *Iв*]. Имеются фрагменты от больших толстостенных кувшинов без ангоба, с внешней поверхностью светлого и розового цветов. Хорошо

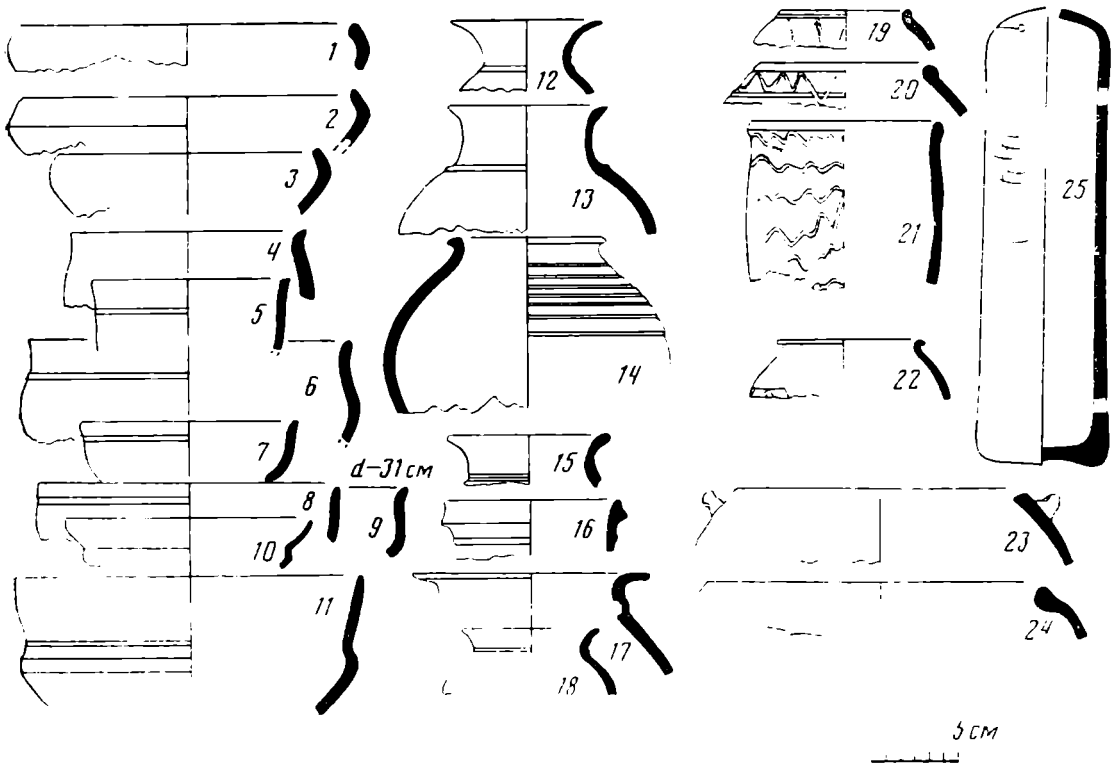


Рис. 6. Керамика из нижних слоев раскопа VI и VIII

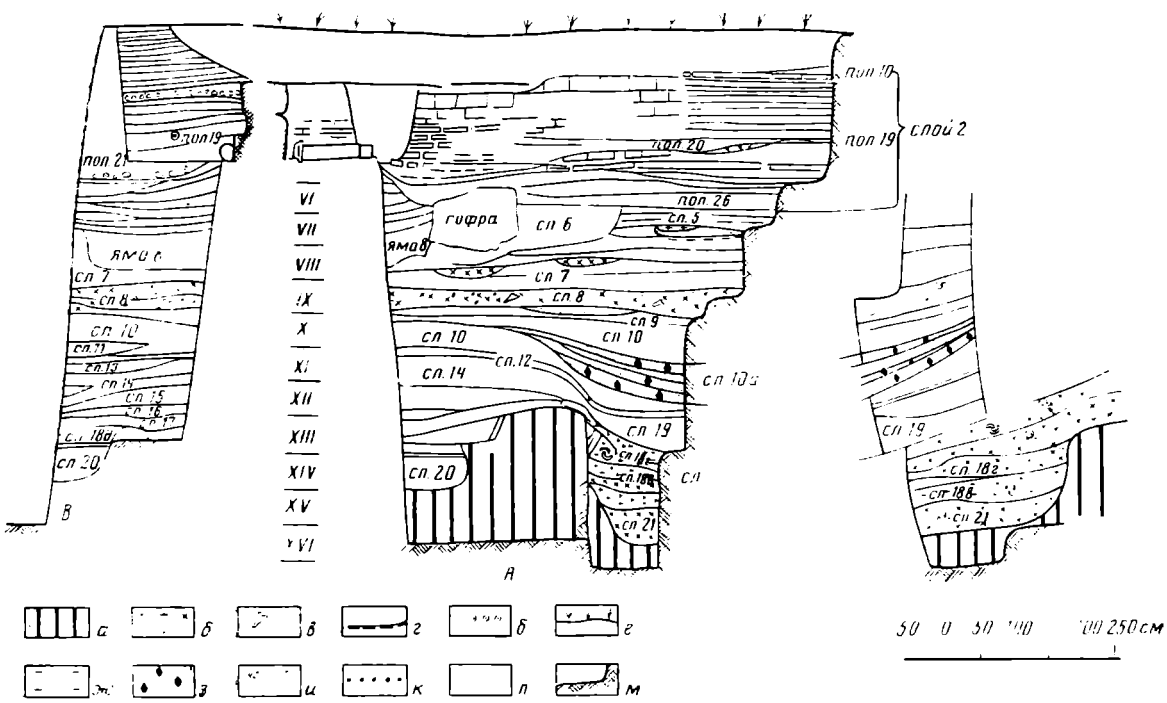


Рис. 7. Стратиграфический раскоп VIII. *А* — восточная стенка; *Б* — южная стенка; *В* — северная стенка. *а* — материк; *б* — гумус и гумусированный грунт; *в* — кости животных; *г* — пол; *д* — булыжники; *е* — дерн; *ж* — рыжевато-коричневый грунт с гумусом; *з* — зольник с угольками; *и* — керамика; *к* — галька; *л* — рыхлый перемешанный грунт; *м* — край раскопа (чертеж О. Иневаткиной)

представлены небольшие и средние красноангобированные кувшины, которые имеют низкое горло и по плечикам валики. Венчик плавно отогнут наружу (рис. 6, *12*).

Ко второму этапу относятся слои 19, 17—13 (рис. 7). Они возникли в результате постепенного накапливания остатков выброшенного бытового и хозяйственного мусора. Здесь прослежено увеличение количества прежних форм и появление некоторых новых форм сосудов: большая полусферическая миска со слегка отогнутыми наружу стенками и округ-

лым краем; чаша с цилиндрическим туловом, под венчиком имеются валики (рис. 6, *6*, *5*). Кувшины аналогичны найденным в слоях первого этапа. Появляется одна новая форма кувшина — с вытянутым небольшим туловом, без ангоба и без лощения.

В целом керамика первого и второго этапа первого периода, по типологии Н. Г Горбуновой, входит в комплекс Фергана II/1, который датируется в пределах от конца III в. до н. э. до II в. н. э. [22, с. 143].

Третий этап первого периода начинается со слоя 12 и охватывает слои до 7-го включительно (рис. 7). На этом этапе увеличивается ассортимент керамической посуды. В слое 12 появляются так называемые миски и чаши с перегибом (рис. 6, *10*, *11*) и горшки с процарапанным орнаментом (рис. 6, *19—22*). В слоях 10—8 увеличивается их количество. Становится разнообразнее набор сосудов этой категории. Ангоб на мисках и чашах красный, красно-коричневый, бурый, с отличным лощением до металлического блеска. Из прежних форм, продолжавших бытовать в третьем периоде, следует отметить большие полусферические миски и чаши со слегка отогнутым наружу венчиком. Под венчиком вместо валика появляются бороздки (рис. 6, *8*, *9*). Сравнительный анализ керамического комплекса третьего этапа с другими памятниками Ферганы дал нам основание включить его в комплекс Фергана II/2 и датировать II—IV в. н. э. [22, с. 137, 138, рис. 6, *7*, *8*, *19—21*, *10*, *14*; 24, с. 37, 41, 127].

Следующий, второй период связан с функционированием жилых построек с тандырами. К нему относятся слои 6, 5 и нижняя часть слоя 2, т. е. уровни полов 26, 25 (рис. 7). Керамика второго периода представлена в основном кружками, кувшинами, хумами. Вместе с ними в переотложенном виде встречены фрагменты керамики более раннего периода. В слоях 6 и 5 обнаружены цилиндрические кружки с петлевидной ручкой, которые датируются монетой (фельс) династии Аббасидов, ал-Махди и Ма"бад, чеканенной в 148 г. Хиджры (765—766 гг. н. э.) в Бухаре[6]. Аналогичные кружки из других памятников Ферганы Б. А. Литвинский и Н. Г. Горбунова датируют VI—VIII вв. [24, с. 107—111; 25, с. 70]. Кроме того, в слое 6 найдена одна чачская монета, которая относится к VII—VIII вв. На полу 26, который перекрывает слой 6, обнаружены две халифатские монеты, относящиеся ко второй половине VIII в. Верхняя граница второго периода датируется глазурованной керамикой X в.

Третий период характеризуется постройкой производственных сооружений, с которыми связаны 23 уровня полов (рис. 7), толщиной около 2,5 м, со следами железоделательного ремесла, т. е. здесь мастерские работали в течение двух-двух с половиной веков (X—XII вв.). Наряду с многочисленной керамикой были обнаружены остатки горна, куски железа, фрагменты тиглей и оплавленная глина. К началу третьего периода относится водопроводная линия, идущая в направлении север — юг, в сторону цитадели. Водопровод в виде сводчатой галереи, внутри которой проложен трубопровод из больших кубуров диаметром 26 см, сооружен из жженых кирпичей размером (26—28) × (14—16) × × (3—4) см.

Последний, четвертый период связан с заключительным этапом жизни города (конец XII — первая четверть XIII в.). К этому периоду относится вымостка из жженого кирпича, очаг из перевернутого котла и бадрабная яма.

Таким образом, мы получили материалы, позволяющие проследить характер обживания Ахси IA с последних веков до нашей эры до первой четверти XIII в. н. э. В этих хронологических рамках слабо выражен период V—VI вв. н. э.

Ахси IБ — второй большой шахристан с площадью более 20 га в плане имеет как и Ахси IA, прямоугольную форму (рис. 1). В микрорельефе выделяются мощные крепостные стены, на которых зафиксировано более

[6] Все монеты определены Б. Д. Кочневым.

Рис. 8. Фрагмент глазурованного сосуда с изображением попугая (раскоп IV)

20 различных холмиков, принятых за башни [7, с. 245, рис. 102; 13, с. 204, рис. 85, *1*].

Ахси IБ исследовался тремя раскопами. Один из них — раскоп IV расположен в северо-западной части Ахси IБ, на так называемой башне 4 (рис. 1). Здесь сейчас выявлены два периода обживания, в них прослежены следы ремесленного производства.

I. Самые верхние, плохо сохранившиеся слои очагов и в одном случае горна связаны с железообрабатывающими мастерскими, которые функционировали в XII в. Зафиксировано несколько ям, одна из которых была полностью заполнена различными битыми тиглями.

II. Ниже вышеупомянутых слоев раскопана мастерская с восемью уровнями полов, где обнаружены железные шлаки, зола, фрагменты тиглей, ошлакованный и закопченный грунт, иногда обмазки горнов. На некоторых полах найдены остатки различных по своей конструкции и назначению очагов и горнов. Мастерская расположена на неровном, холмистом месте, поэтому, судя по остаткам стен, ее комнаты располагались террасами. Здесь обнаружено более 10 ям, заполненных керамикой, тиглями, золой и другим мусором. В яме 4 обнаружен фрагмент глазурованного сосуда с изображением попугая (рис. 8). За пределами мастерской находился большой производственный отвал, насыщенный шлаками, фрагментированными тиглями и керамикой XI в. Встречены также фрагменты керамики X и XIII вв. Все это свидетельствует об интенсивной производственной деятельности данной мастерской на протяжении XI в. и, может быть, начала XII в.

В северо-восточном углу Ахси IБ между двумя холмиками (так называемыми башнями) был заложен раскоп IX, размером 10×10 м, позднее расширенный к северу (рис. 1). В связи с отсутствием в верхних слоях архитектурных остатков объект постепенно превратился в стратиграфический шурф и доведен до горизонта, относящегося к VIII в.[7] Исследован мощный производственный и бытовой отвал, где удалось зафиксировать 22 культурных слоя, насыщенных керамикой, золой, отходами производства (рис. 9). Все слои отделяются друг от друга тонкими лёссовыми прослойками.

Самые нижние слои (22—14) состоят из уплотненной или рыхлой земли с зольными и гумусными микрослоями (рис. 9), связанные в основном с деятельностью медников, где встречается только неглазурованная керамика и нет ни одного сосуда с красным ангобом. Среди них

[7] В 1981 г. шурф был доведен до горизонтов VII—VIII вв. В результате работ были зафиксированы остатки крепостной стены и жилой монументальной архитектуры.

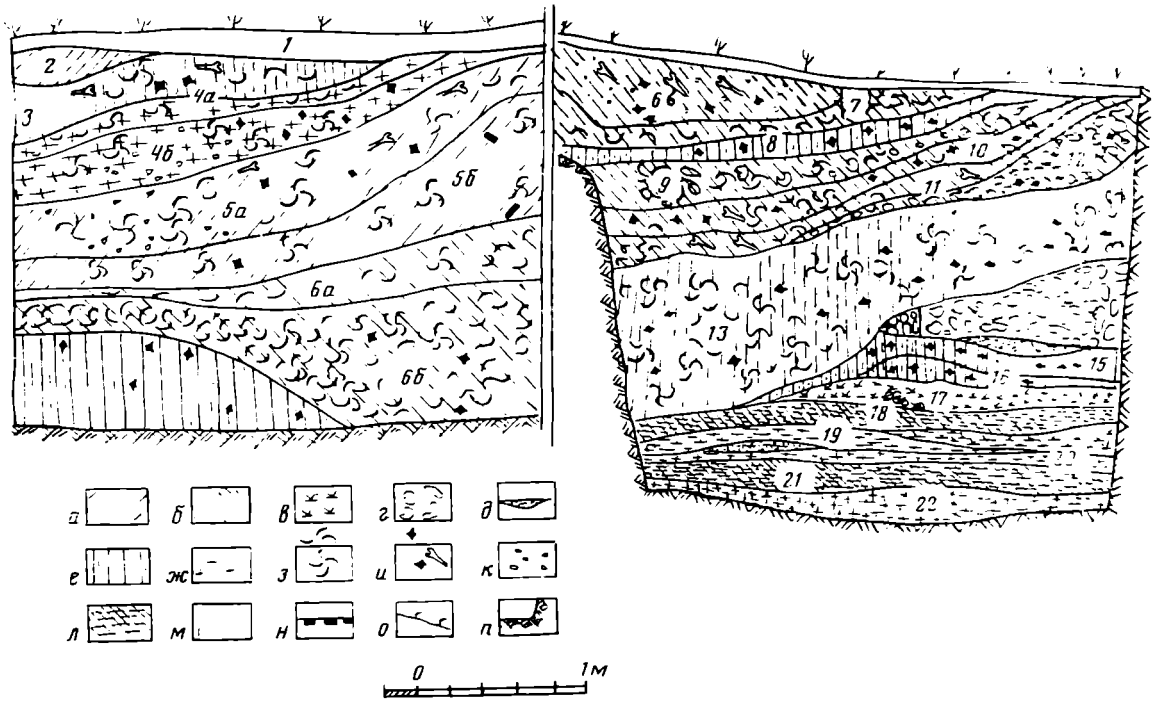


Рис. 9. Восточная стенка стратиграфического раскопа IX. *а* — рыхлый грунт светло-коричневого цвета; *б* — рыхлый грунт коричневого цвета с золой и угольками; *в* — неоднородный грунт светло-коричневого цвета; *г* — завал сырца и пахсы; *д* — зольник; *е* — сыпучий грунт серовато-коричневого цвета с золой и угольками; *ж* — неоднородный рыхлый грунт пепельного цвета; *з* — керамика; *и* — кости животных и уголь; *к* — тигли; *л* — уплотненный грунт темно-коричневого цвета с включениями угольков, прожженого сырца; *м* — грунт средней плотности коричневатого цвета; *н* — пол; *о* — дерн; *п* — край раскопа

выделяются сероглиняная кружка с гофрированным венчиком, чаша с прямым или отогнутым слегка венчиком и полусферическая чаша с вогнутым венчиком (рис. 4, *3—5*). Эта посуда датируется VIII — началом IX в. Начиная со слоя 13 и выше (рис. 9) очень много фрагментов керамики X—XII вв. (рис. 4, *1, 2, 8*), костей животных (в особенности рогов), тиглей, железных криц, встречены отдельные железные и медные предметы.

Приведенные данные свидетельствуют об интенсивном развитии на протяжении IX—XII вв. металлургического и металлообрабатывающего ремесла в северо-восточной части Ахси IБ.

Изучение Ахси IБ продолжено на раскопе VII, находящимся в его юго-восточном углу, у самого обрыва, образованного в результате действия р. Сырдарьи (рис. 1) [8]. Раскопками вскрыта часть жилого квартала с многочисленными перестройками помещений. Всего выявлено 14 помещений, из них 13 выделены в три комплекса (пом. 1, 2, 4, 4а, 11, 11а; пом. 3, 7; пом. 5, 6, 8, 8а, 9), а помещение 10 выделено отдельно (рис. 10). Судя по стратиграфии, строительным материалам и керамическим сборам, в квартале выявлено три периода жизни. К первому периоду относятся мощные сырцовые стены, зафиксированные в северо-восточной части квартала, и фрагменты глазурованной керамики X—XI вв.

В следующий период функционировали почти все помещения, кроме помещения 10 (жилые, подсобные и хозяйственные). Получен хороший керамический комплекс, выделяются глазурованная (рис. 11; рис. 4, *6*) и неполивная посуда (рис. 4, *7*). Этот период датируется XI—XII вв.

К последнему, третьему периоду относится помещение 10, раскопанное над помещениями 4 и 4а, две бадрабные ямы и остатки двух горнов. В помещении обнаружены куски ошлакованного лёсса, тигли и большое количество керамики XII—XIII вв. Особый интерес представляют фрагменты расписных сосудов «псевдотрипольского» типа, которые в Эски

[8] Раскоп был начат в 1967—1968 гг. И. Ахраровым.

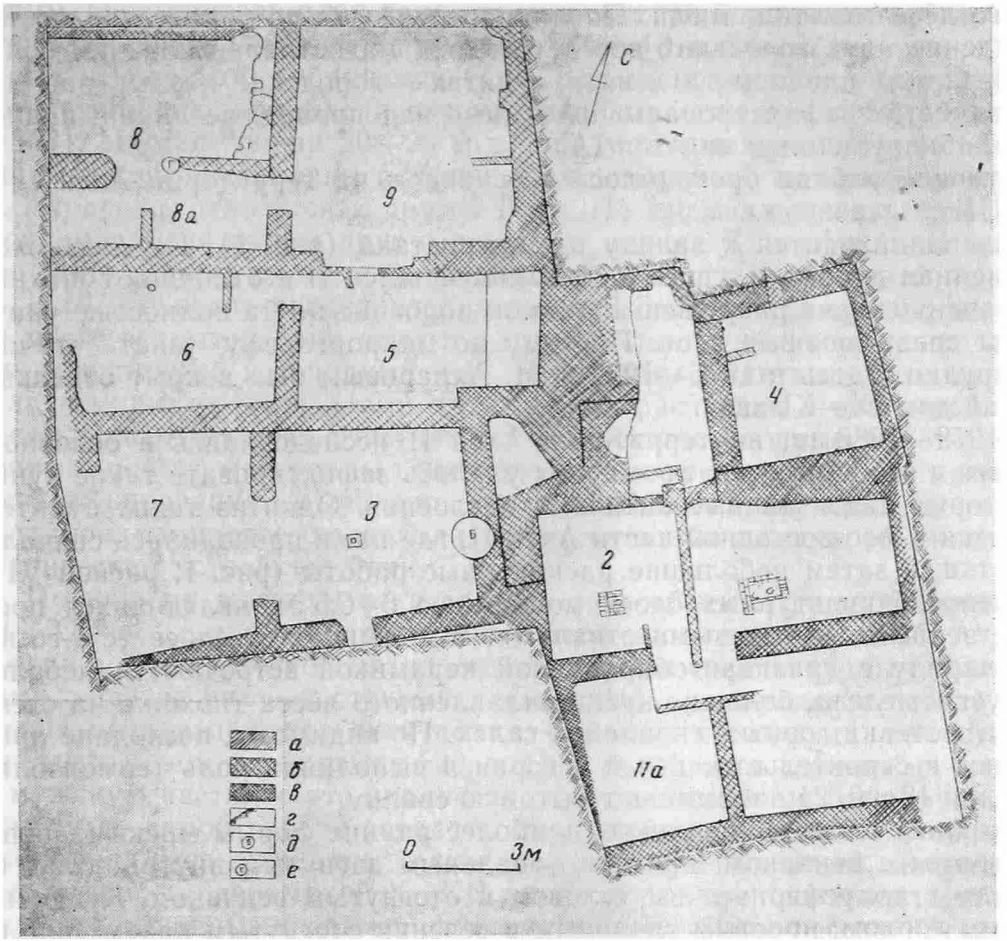


Рис. 10. План раскопа VII. *а* — стены третьего строительного периода; *б* — стены второго строительного периода; *в* — стены первого строительного периода; *г* — край раскопа; *д* — бадраб; *е* — горн

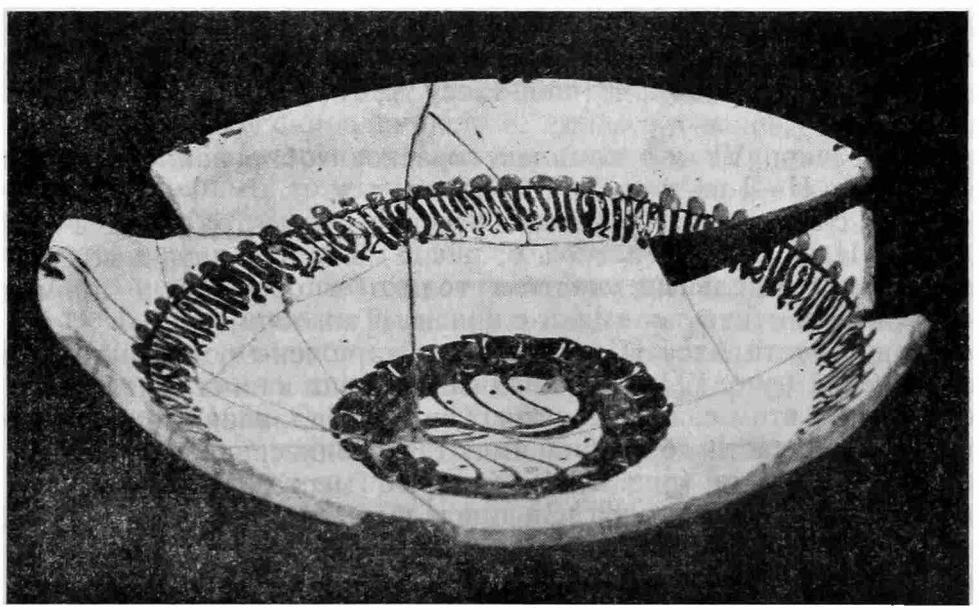


Рис. 11. Глазурованный сосуд из раскопа VII

Ахси встречаются только в верхнем слое. Сооружения третьего периода перекрывают постройки предыдущих периодов и относятся к концу XII — началу XIII в.

Наряду с раскопками на территории Ахси IБ постоянно проводились топографические наблюдения и местами произведены небольшие расчистки. По всему городищу (шахристану) зафиксированы куски ошлако-

ванного лёсса, шлаки, тигли. По микрорельефу было определено местонахождение двух городских ворот, четырех магистральных улиц, большой базарной площади, в девяти пунктах — городские хаузы (рис. 1). В трех местах зафиксированы подземные водопроводные линии, аналогичные обнаруженным на Ахси IA.

Изучение рабада проводилось в основном на территории Ахси II и Ахси III.

Ахси II находится к западу от шахристана (рис. 1). Их разделяет современная дорога, идущая в Джамашуй. Ахси II в отличие от шахристана очень сильно разрушен. В южной половине почти полностью уничтожены средневековые слои. Поэтому по микрорельефу узнать что-нибудь трудно. Здесь в 1976—1977 г. И. Ахраровым был вскрыт отдельно стоящий дом IX—XI вв.

В 1979—1980 гг. на территории Ахси II исследовались в основном каньоны, в его обрывах и промоинах удалось зафиксировать такие пункты, которые дали мощные античные наслоения. Один из таких пунктов находится в юго-восточной части Ахси II, где нами проводились сначала расчистки, а затем небольшие раскопочные работы (рис. 1, раскоп VI). Выявлено 26 культурных слоев мощностью 6—6,5 м, являющихся производственными и бытовыми отвалами. В большинстве слоев (с 1-го по 17-й) наряду с красноангобированной керамикой встречаются небольшие куски железа, большие куски оплавленного лёсса (похожи на стенки печи), стенки горна и скопления галек. По-видимому, последние применялись в строительстве печей и горна и выполняли роль термоизоляции. Слои 18, 20, 21 напоминают бытовую свалку.

В нижних слоях обнаружены наиболее ранние формы миски конической формы с венчиком прямым, овальным загнутым внутрь (рис. 6, *2*, *3*) или с полусферическим туловом и отогнутым венчиком. Кувшины с низким горлом, простым овальным в сечении отогнутым краем (рис. 6, *17*, *18*). Хорошо представлена кухонная керамика (рис. 6, *23*, *24*). Аналогичная посуда датируется Н. Г Горбуновой II—I вв. до н. э. и I—II вв. н. э. [22, с. 117, рис. 1, *IIIа*, *IIIб*; с. 138, рис. 6]. Более ранние формы — миски с перегибом появляются в слое 16 и встречаются до самого верхнего слоя, а посуда с процарапанным орнаментом зафиксирована со слоя 13 (рис. 6, *21*, *22*). В самых нижних слоях найдены фрагменты лепных хумов, хумча и фляг. В верхних слоях увеличивается ассортимент красноангобированной посуды, которая датируется II—IV вв. н. э.

В целом раскоп VI дал комплекс красноангобированной керамики, относящейся ко II—I вв. до н. э. и I—IV вв. н. э.

Античные слои зафиксированы в основном в центральных и южных частях Ахси II. К северу (раскоп V, рис. 1) мощные античные слои отсутствуют, а на отдельных участках только в обрывах и промоинах встречаются фрагменты керамики с красным ангобом.

В северной части Ахси II в обрывах обнаружены остатки двух средневековых печей (рис. 1, *1*, *2*), по-видимому, одна из них связана с плавкой металла. Об этом свидетельствуют сильно оплавленные стенки печи. В юго-восточной части городища имеются позднесредневековые кирпичеобжигательные печи (рис. 1, *4*), которые местами уничтожили все древние и средневековые слои. За пределами северных стен Ахси II в обрывах зафиксировано более 10 бадрабных ям, содержащих в основном керамику X—XII вв. (рис. 1, *3*).

Ахси III находится к востоку от шахристана и, как и Ахси II, сильно разрушен действиями сбросовых вод. В результате образовались глубокие каньоны, где почти полностью уничтожены культурные слои. Здесь в обрывах нам удалось определить время залегания нижних слоев Ахси III, предварительно отнесенных к VIII—IX вв.

В начале 60-х годов на территории Ахси III была зафиксирована баня, где в течение нескольких лет периодически проводились раскопки (рис. 1, раскоп I). Результаты первых лет были опубликованы И. Ахра-

ровым. Опубликовав план бани, он отметил, что баня имеет крестообразную планировку и относится к началу XI в. [8, с. 56—57].

На основе этой публикации О. Г. Большаков сделал реконструкцию и отметил, что баня Ахсикента находит аналогии в Хаммамабаде [13, с. 308]. На расстоянии 20—25 м к западу от вышеупомянутых помещений были зафиксированы остатки двух помещений, которые, по мнению И. Ахрарова, относятся к другой бане. По его заключению, здесь в восточном рабаде рядом друг с другом в начале XI в. функционировали две бани, одна из которых была женской [8].

В 1979 г. после предварительного ознакомления, нам стало ясно, что на месте вскрытой бани имеются три архитектурных комплекса; два из них — восточный и западный — И. Ахраровым были выделены как женская и мужская бани. Нами произведены расчистки в восточном комплексе и на отдельных участках небольшие раскопочные работы. Полученные новые материалы уточняют планировку бани и время ее функционирования. Выявлено три строительных периода. Зачистки в западном комплексе позволили получить новые данные об инженерно-техническом устройстве бани.

По нашему мнению, на исследованном объекте функционировали в XI—XII вв. не две самостоятельные бани, как предполагал И. Ахраров, а одна с очень сложной планировкой, с тремя архитектурными комплексами[9]: два из них — восточный и западный — из восьми и девяти помещений предназначены для купания, а между ними, судя по остаткам, находились комнаты отдыха [26, с. 4]. Что касается деления на женскую и мужскую часть, то это вполне допустимо. Открытые бани функционировали до самой гибели города[10] На территории Ахси III в обрывах и промоинах зафиксированы также остатки огромных печей, многочисленные бадрабы с керамикой X—XII вв. и гигантские производственные отвалы, насыщенные тиглями, шлаками, оплавленным лёссом. Отвал площадью около 0,5 га находится в юго-западной части Ахси III и является городской свалкой (рис. 1). Его мощность местами достигает 6 и 7 м. Здесь в отдельных пунктах зафиксированы только одни тигли. В некоторых местах произведены небольшие расчистки и в результате получены различные образцы тиглей с фрагментами керамики X—XII вв. Внутри битых тиглей имеются остатки оплавленного железа и стекломассы с древесным углем.

Тигли изготовлены ручным способом из специальных огнеупорных глин. По форме все они одинаковые, цилиндрические, с прямым или слегка вогнутым заостренным венчиком и вогнутым дном, отличаются только по размерам и толщине стенок. Под венчиком имеется маленькое отверстие, предназначенное, по-видимому, для выпуска газов, которые выделяются при плавильном процессе. Тигель закрывался специальной крышкой, в центре которой есть отверстие (рис. 6, *25*). Почти такой же формы тигли упоминаются в минералогическом трактате великого Бируни [27, с. 235], отмечавшим, что изготовление таких специальных огнеупорных тиглей было непростым делом. Огнеупорность ахсикентского тигля равняется 1650° С [28, с. 157, табл. 4][11].

Предварительное изучение всех полученных тиглей, как из раскопов, так и из подъемного материала, сопоставление полученных данных с описанием Бируни технологии получения тигельной стали [27, с. 235—240] дают основание прийти к следующему выводу. Ахсикентские тигли в основном были предназначены для выплавки высококачественных металлов, в частности стали. Об этом свидетельствуют вышеупомянутые тигли с остатками оплавленного железа и стекломассы с углями. Древесный уголь, видимо, использовался в качестве карбюризатора.

[9] Может быть, даже с четырьмя архитектурными комплексами. Об этом свидетельствует третья коммуникационная линия, идущая с северо-запада в общий поглощающий колодец, предназначенный для использования вод.

[10] В обрыве, далеко за пределами Ахси III, обнаружены остатки еще одной бани (рис. 1, *9*).

[11] В литературе существует мнение о том, что ахсикентские тигли служили для варки стекла [28, с. 80, 81, с. 52—57; 29, с. 94]. Это мнение ошибочно.

На восточном участке Ахси III и за его пределами, в обрывах и промоинах, выявлены мощные слои X—XII вв. (рис. 1, *6—8, 10*) и остатки архитектурных сооружений из жженого кирпича XI в. (рис. 1, *5*). Средневековые слои (X—XII вв.) зафиксированы далеко за пределами городища — на территории современного с. Шаханд [12]. Итак, полученные материалы полностью подтверждают правильность сообщения Ибн-Хаукаля и Истахри о том, что протяженность города равна приблизительно трети фарсаха [13, с. 202, прим. 35; 30, с. 25].

Вышеизложенные материалы дают возможность прийти к следующим выводам. Ахсикент, как и все остальные большие города Средней Азии, состоит из трех частей: цитадели, шахристана прямоугольной формы (Ахси IA и Ахси IБ) и обширного рабада [13].

Сейчас можно предположить, что территория Ахсикента начала обживаться не позднее начала II в. до н. э. Территория античного города захватывала площадь арка, двух шахристанов (Ахси IA и Ахси IБ) и западную часть средневекового рабада (Ахси II). Тем самым вносятся существенные уточнения в историческую топографию домонгольского Ахсикента [14].

Сложение городского организма со всеми его элементами на городище Эски Ахси предварительно относим ко II—I вв. н. э. Ахсикент как центр Касанского земледельческого оазиса находился в экономически выгодном положении, т. е. хорошая экологическая среда, расширение горнорудной и городской промышленности, а также развитие международной торговли всесторонне способствовали быстрому развитию городской культуры. В городской промышленности особое место занимало железоплавильное и железообрабатывающее ремесло (раскоп VI). Археологически период V—VII вв. пока слабо выделен, однако в письменных источниках VII—VIII вв. Ахсикент упоминается как местопребывание владетеля [31, с. 319; 32, с. 529]. Анализируя это сообщение, А. Н. Бернштам предполагал, что в это время Касан, где сидел один из тюркских владетелей Йебочжи, уже фактически уступил место Ахсикенту [7, с. 247]. Период VIII в. хорошо представлен только на одном объекте (раскоп VIII), где выявлены остатки жилой архитектуры и обнаружено несколько халифатских монет. Отдельные керамические находки VII—VIII вв. обнаружены в обрывах и промоинах на северном участке Ахси II. Это, конечно, не дает полного представления о городской жизни. Но по многочисленным письменным источникам мы знаем, что этот век для народов Средней Азии был очень тяжелым. Арабы разграбили захваченные ими города и селения, принудили ее жителей принять новую веру [33, с. 186—209; 34, с. 317—331].

По микрорельефу и раскопкам хорошо читается средневековая топография: хаузы, большая базарная площадь, производственные и жилые постройки, водопроводные линии, местами следы улиц и городские ворота (рис. 1). Эти археологические наблюдения согласуются с обобщениями письменных источников. Согласно Ибн-Хаукалю и Истахри, в шахристане и рабаде имелась проточная вода и многочисленные хаузы (водоемы). Кроме того, шахристан обладал пятью воротами [30, с. 25; 35, с. 477; 36, с. 30]. Как уже отмечалось, сейчас археологически установлено наличие двух шахристанов, о чем источники умалчивают. Поэтому, анализируя имеющиеся материалы, как археологические, так и источниковедческие, мы пришли к выводу, что отмеченные в источниках пятеро ворот находились в стенах первого и второго шахристана. Сейчас по микрорельефу установлено местонахождение четырех ворот (рис. 1).

Ахсикент при Саманидах считался главным городом Ферганской долины [30, с. 25; 37, с. 116]. Через него проходил один из основных торговых путей из Передней Азии к восточной границе халифата [32, с. 531].

---

[12] Село Гул-кишлак находится прямо на территории средневекового рабада.

[13] Остатки рабада на плане (рис. 1) обозначены как Ахси II и Ахси III.

[14] Разделение домонгольского Ахсикента на два территориально обособленных разновременных городища — античное и средневековое [10, с. 21—22; 29, с. 88] — ошибочно.

Он имел свой монетный двор, где в IX—X вв. производился удельный чекан Саманидского государства [38, с. 110—141]. С середины X в. владетелями Ферганы становятся крупные сановники [38, с. 141], которые занимают определенные места в многоступенчатой феодальной иерархии. Однако археологически город IX—X вв. выявлен сравнительно слабо из-за мощных наслоений XI—XII вв. Несмотря на это, имеющиеся материалы, хотя и немногочисленные, говорят о том, что Ахсикент в IX—X вв. был не только политическим, но и экономическим и культурным центром Ферганского удела Саманидского государства. Значительная часть шахристана была занята ремесленниками (раскоп VIII—IX).

На территории восточного рабада — Ахси III, начиная с IX в. постепенно оформляется мощный производственный комплекс. Об этом свидетельствуют остатки огромных печей и гигантских производственных отвалов. Согласно сообщениям письменных источников, в IX—X вв. из Ферганы вывозили медь и железо [32, с. 532]. В это время на территории западного рабада — Ахси II находились отдельно стоящие дома (раскоп V). Северная часть Ахси II была занята ремесленниками.

Начиная с конца IX и X вв. крепостные стены шахристана теряют свое фортификационное значение (раскопы IV и IX). В это время город всесторонне благоустраивается. В самом конце X — начале XI в. сооружается уникальное гидротехническое сооружение — подземный водопровод [39, с. 92] [15] Возводятся общественные бани со сложными подземными коммуникациями.

Самыми мощными на городище являются слои XI—XII вв., которые прослеживаются повсеместно в арке, шахристане и рабаде. В это время рабад был густо обжит, как и шахристан. После того как политическое первенство перешло к Узгенду, Ахсикент постепенно перестает упоминаться в письменных источниках.

В XI в. Ахсикентский монетный двор продолжает функционировать. Теперь здесь чеканятся монеты от имени различных представителей Караханидской династии [41, с. 129, 130; 42, с. 128, 129; 43, с. 43]. С последней четверти XI в. выпуск монет в пределах Караханидского государства заметно сокращается, а в некоторых районах прекратился [44, с. 173; 46, с. 165]. Например, с этого времени не встречаются монеты, выпущенные в Ахсикенте. Во второй половине XII в. возобновился монетный чекан в Бенакете [45, с. 166] и Фергане (Маргилан, Касан) [44, с. 173].

Однако археологические работы на городище показывают, что Ахсикент в XI — начале XII в. оставался крупным экономическим центром, а Узгенд, видимо, являлся в основном политико-административным центром Ферганы. В этот период город территориально растет за счет рабада, массовое заселение которого началось с IX—X вв. Интенсивно развиваются все виды ремесел, особенно металлургическое и металлообрабатывающее производства, т. е. Ахсикент становится городом металлургов и ремесленников, где мастера успешно справлялись с производством тигельной стали. В городе металлургия развивалась только по вторичной обработке металла, т. е. городские мастера, получая полуфабрикаты из горнорудных районов, вторично их плавили и получали различные виды стали, вплоть до тигельной [46].

Такое заключение наводит на мысль, что в X—XII вв. металлургам и искусным мастерам-кузнецам Ахсикента, видимо, был известен секрет выплавки так называемой булатной стали, из которой можно отковывать чудесные мечи — острые, как бритва, и гибкие, как тонкие ветви виноградной лозы. В письменных источниках есть сообщения о том, что из Ферганы наряду с другими товарами вывозили оружие, в частности мечи [32, с. 532].

Ремесленные кварталы располагались повсеместно, в шахристане и рабаде. В городском ремесле большое место занимает производство ке-

[15] Отметим, что аналогичные сооружения XII—XIII вв. обнаружены в Шахрухие [40, с. 92, 93].

рамики и стекла, особенно производство глазурованной керамики. В это время Ахсикент как один из крупнейших в Средней Азии центров производства ремесленной продукции выделялся по выпуску художественной [47, с. 55] и неглазурованной керамики[16] Среди неглазурованных сосудов почти каждый десятый отреставрирован в древности и использован вторично.

Во второй половине XII — начале XIII в. капитально ремонтируются крепостные стены города, т. е. возводятся почти заново. На цитадели создается целая фортификационная система с военным арсеналом-казармой. В материальной культуре Ахсикента появляются новые, ранее неизвестные расписные формы керамики, которые, видимо, свидетельствуют о появлении в Ахсикенте новой этнической группы. В начале XIII в. Ахсикент, как и многие другие города Ферганы, сильно пострадал во время военных походов Мухаммада Хорезмшаха [6, с. 433; 48, с. 330].

Отметим, что прямых сведений письменных источников о разрушении Ахсикента монголами нет. Но на основе косвенных доказательств, полученных в результате археологических исследований, предполагается, что окончательная гибель города связана с монголами, после чего город Ахсикент возник в другом месте, на месте городища Янги Ахси.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ujfalvy de Mezö-Kovesd Ch. E.* Expedition scientifique française en Russie, en Siberie et dans le Turkestan. Le Syr-Daria, le Zerafchane, le pays Septrivieres et la Siberie-occidentale. II. P., 1879.
2. Туркестанские ведомости. 1881. № 1.
3. *Лыкошин Н. С.* Очерки археологических изысканий в Туркестанском крае до учреждения Туркестанского кружка любителей археологии//Среднеазиатский вестник. Ташкент, 1896.
4. ОАК за 1882—1888 гг. СПб., 1891.
5. *Кастанье Н. А.* Историко-этнографическая поездка в Наманганский уезд Ферганской области//Изв. Туркестанского отдела Русского географического общества. X, 1. Ташкент, 1914.
6. *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия//Собр. соч. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
7. *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тяньшаня и Памиро-Алая//МИА. 1952. № 26.
8. *Ахраров И.* Археологические исследования городища Ахсыкет в 1960 г.//ОНУз. 1960. № 8.
9. *Ахраров И.* Новые археологические материалы с городища Ахсикет XV—XVI вв.// ОНУз. 1969. № 8—9.
10. *Ахраров И.* К исторической топографии Ахсикета//Средневековые города Средней Азии и Казахстана. Тезисы к совещанию в г. Фрунзе. Л., 1970.
11. *Массон М. Е.* Экспедиция археологического надзора на строительстве Большого Ферганского канала//КСИИМК. 1940. Вып. IV.
12. *Чуланов Ю. Г* Городище Ахсыкет//СА. 1963. № 3.
13. *Большаков О. Г* Город в конце VIII вв.//Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука, 1973.
14. *Смирнов А. И.* Керамика Ахсыкета//Декоративное искусство СССР. 1960. № 1.
15. *Смирнов А. И.* Находки Средней Азии//Декоративное искусство СССР. 1963. № 5.
16. *Воронина В. Л.* Бронза Ахсикета из коллекции А. И. Смирнова//Средняя Азия в древности и средневековье. М.: Наука, 1977.
17. *Заднепровский Ю. А.* Археологические работы в Южной Киргизии в 1954 г.//Тр. КАЭЭ. 1969. Т. IV.
18. *Заднепровский Ю. А.* Средневековая расписная керамика Ферганы. КСИА. 1969. Вып. 120.
19. *Кожемяко П. Н.* Оседлые поселения Таласской долины//Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе. 1963.
20. *Атаханов Т Н.* Расписная керамика из средневекового городища Туткаул//Материальная культура Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1978.
21. *Литвинский Б. А., Давидович Е. А.* Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда на территории Кулябской области в 1953//Докл. АН ТаджССР. 1954. Вып. 11.
22. *Горбунова Н. Г* Керамика поселений Ферганы первых веков нашей эры//Тр. ГЭ. 1979. Т. XX.
23. *Горбунова Н. Г.* Некоторые вопросы хронологии Ферганской керамики с красным ангобом//АСГЭ. 1971. Вып. 13.
24. *Литвинский Б. А.* Керамика из могильников Западной Ферганы. М.: Наука, 1973.

[16] Получена богатая коллекция неглазурованной керамики VIII — начала XIII в. Ее изучение позволяет выявить особенности развития и изменения ферганской неглазурованной керамики как на ранних, так и на более поздних этапах.

25. *Горбунова Н. Г.* О раннесредневековой керамике Ферганы//УСА. 1979. № 4.
26. *Анарбаев А. А.* Мухандислар иши//Совет Узбекистони. 1981. 10 апреля.
27. *Ал-Бируни Абу-р-Райхон Мухаммед ибн-Ахмад.* Собрание сведений для познания драгоценностей (минералогия)/Пер. Беленицкого А. М. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
28. *Абдуразаков А. А., Безбородов М. А.* Средневековые стекла Средней Азии (Опыт химической характеристики). Ташкент: Фан, 1966.
29. *Папахристу О. А., Ахраров И. А.* Стекло из раскопа в арке домонгольского городища Ахсикет//ИМКУз. 1981. Вып. 16.
30. *Бетгер Е. К.* Извлечение из кн. «Пути и страны» Абу-л-Касыма-ибн-Хаукаля//Археология Средней Азии. Ташкент, 1957.
31. *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. М.; Л.; Издво АН СССР, 1950.
32. *Бартольд В. В.* Статьи из энциклопедии ислама//Собр. соч. Т III. М.: Изд-во вост. лит. 1965.
33. История Узбекской ССР. Т. 1. Ташкент: Фан, 1967
34. *Гафуров Б. Г* Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М.: Наука, 1972.
35. *Strange G. Le.* The Lands of the Eastern Caliphate. Cambridge, 1905.
36. Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М.: Наука, 1973.
37. Hudud al Alam. The regions of the world. A persian geography 372 A. H. (982 A. D.)// Translated and explained by Minorsky V. L., 1870.
38. *Давидович Е. А.* Монеты Ферганы как источник для характеристики института феодальных пожалований за службу в Средней Азии X в.//Письменные памятники Востока. 1969. М., 1972.
39. *Анарбаев А. А.* Благоустройство средневекового города Средней Азии. Ташкент: Фан, 1981.
40. *Буряков Ю. Ф.* Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса (Историко-археологические очерки Чача и Илака). Ташкент: Фан, 1975.
41. *Кочнев Б. Д.* Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Ч. 1 (Саманиды, Караханиды, Джаниды)//ИМКУз. 1978. Вып. 14.
42. *Кочнев Б. Д.* Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Ч. 2. (Караханиды)//ИМКУз. 1979. Вып. 15.
43. *Федоров М. Н.* Политическая история караханидов во второй половине XI в.//НЭ. 1980. Т. XIII.
44. *Кочнев Б. Д.* К истории денежного обращения в Средней Азии в XI—XII вв.// ИМКУз. 1975. Вып. 12.
45. *Кочнев Б. Д.* Шаш (Чач) и Илак при Караханидах (по нумизматическим данным)// Древняя и средневековая культура Чача. Ташкент, 1979.
46. *Папахристу О. А.* Черная металлургия Северной Ферганы: По материалам археологического исследования городища Аксихент IX — начала XIII в.: Автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1985.
47. *Шишкина Г. В.* Глазурованная керамика Согда (вторая половина VIII — начало XIII в.). Ташкент: Фан, 1979.
48. The Encyclopaedia of Islam. New ed. V 1. Leiden — London, 1968.

A. A. Anarbayev

AKHSIKENT IN ANTIQUITY AND THE MIDDLE AGES
(Results and Prospects of Archaeological Studies)

Summary

The article summarises archaeological investigations conducted in 1979 and 1980 in Akhsikent. The digs involved eight objects (Fig. 1) and survey works with strippings in places of naturally formed exposures. The materials obtained permit us to recreate the historical topography and chronology of Akhsikent prior to the Mongolian conquest.

It has been established that the settlement consisted of what remained of the citadel, shakhristan (Akhsi-IA, Akhsi-IB) and rabad (Akhsi-II, Akhsi-III) (Fig. 1). It looks as if Akhsikent territory attracted settlers not later than the early 2nd century B. C. The ancient town included the arc, shakhristan (Akhsi-IA, Akhsi-IB) and the western part of the mediaeval rabad (Akhsi-II). The town proper emerged by the 2nd-1st centuries B. C. (tentative dating). This was the period when smelting of metals and metalworking appeared which were to flourish later. In the mid-2nd century steel was smelted in crucibles. In the 9th and 10th centuries Akhsikent, the capital of the Ferghana district of the Samanides state, came to the forefront in local politics.

In the 11th century the political and administrative centre shifted to Uzgend with Akhsikent retaining its economic importance within the Ferghana district and its role as a centre of handicrafts.

Б. Г. ВАСИЛЬЕВ

ФРЕСКИ ЦЕРКВИ КЛИМЕНТА 1153 г. В СТАРОЙ ЛАДОГЕ
(по материалам раскопок)

Староладожским отрядом экспедиции ЛОИА АН СССР в 1979—1980 гг. были вскрыты и детально изучены остатки церкви Климента 1153 г., расположенной на территории Земляного городища в Старой Ладоге [1]. В районе раскопок собрано большое количество фрагментов штукатурки с древней живописью. Удовлетворительная сохранность красочных слоев позволила приступить к исследованию художественных особенностей росписи XII в. Кроме того, уточнены вопросы техники и технологии грунта фресок. Визуальные наблюдения дополнены данными лабораторных исследований, проведенных в техническом отделе Ленинградского филиала института «Спецпроектреставрация» [2].

Интерес к первоначальной живописи церкви Климента обусловлен многими причинами. Памятник имеет летописную дату [3, с. 8]. Значительна роль в развитии монументального искусства Новгородской земли строителя храма — архиепископа Нифонта. Своеобразен художественный строй живописи Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря в Пскове, созданного при участии Нифонта. Наконец, фрески церкви Климента — это новая страница в истории древнерусской монументальной живописи.

Техника и технология грунта фресок. Основной компонент грунта фресок, раствора кладки церкви Климента — известь от светло-серого до кремового оттенков, полученная обжигом мергелистых известняков [2, с. 1]. В качестве органического наполнителя в готовый раствор добавлена мелко иссеченная солома, трубчатая в срезе. Эпизодично встречается щепа. В число твердых добавок раствора грунта фресок входят мелкая и крупная кирпичная крошка, мелкая известняковая крошка. Случайный характер имеют вкрапления мелкой крошки известнякового песчаника, древесного угля, шлака, гипса, кварца [2, с. 1]. В растворе кладки органические наполнители уступают место крупной кирпичной и известняковой крошке. Полная идентификация различных по цвету образцов раствора грунта фресок доказывает, что тоновые и некоторые структурные различия раствора (слоистость теста, рыхлость, повышенная твердость) находятся в прямой зависимости от пропорционального соотношения органических и твердых добавок. По лабораторным данным соотношение вяжущее: наполнитель колеблется от 6 1 до 12 : 1 [2, с. 1].

Известняковая крошка в составе раствора грунта фресок — явление в практике древнерусской строительной технологии уникальное[1] В церкви Климента она применялась в небольшом количестве, но достаточно стабильно, чтобы говорить о случайном попадании в раствор. Н. Петров наблюдал наличие толченого известняка в грунтах фресок склепа Деметры в Керчи [4, с. 2], Е. А. Домбровская — в храме Атени в Грузии [5, с. 19], Л. М. Шуляк при изучении развалин Нередицкого храма зафиксировала небольшое количество «мелкого боя плитняка» в растворе кладки здания [6, с. 133]. Включение известняковой крошки в раствор церкви Климента логично рассматривать и как практику строительной артели, и как активное использование местных материалов.

Ю. Н. Дмитриев при исследовании техники и технологии древнерус-

[1] Не исключено, что лабораторные исследования грунта фресок других памятников Киевской Руси XI—XII вв. помогут уточнить этапы эволюции технологии приготовления раствора.

ской монументальной живописи выделял два вида грунта, отличные характером извести и составом наполнителей [7, с. 246, 247]. Грунт фресок церкви Климента содержит признаки обоих видов.

Оригинальным признаком техники подготовки грунта фресок выступает многослойность штукатурки (до трех, местами до четырех слоев) [8, с. 53, 56; 9, с. 211]. По другим памятникам известно, что в новгородских фресках XII в. распространен двуслойный грунт [10, с. 31]. В смоленских памятниках XII—XIII вв. грунт однослойный [11, с. 142]. Многослойность грунта фресок церкви Климента поверяется по характерным следам расслоения всей массы штукатурки на некоторых фрагментах либо по видимым местам расслоения на сколах фресок. Подразумевается, что в число слоев грунта фресок не входит слой обмазки кладки. Способы сцепления грунта фресок со слоем обмазки кладки ранее не рассматривались[2]. При работе с фрагментами фресок церкви Климента из коллекции Староладожского музея выявлено три способа соединения грунта с обмазкой кладки. В количественном отношении меньше всего образцов фресок, на оборотной стороне которых прослежен рельефный волнообразный жгутик, соответствующий насечкам на обмазке кладки в виде волнообразной канавки. Рапорт волны 2—3 см, ширина и глубина канавки 0,3—0,5 см. Насечки исполнены деревянной круглой на конце палочкой, возможно, из инструмента строителя. Значительно больше фрагментов сохранили на обороте следы ступенчатых насечек. Шаг и глубина ступеньки свободно варьировались по размерам в пределах от 0,2 до 1 см. Плоскости и углы ступенек, геометрически правильные по форме, могли быть нанесены по обмазке кладки длинной деревянной доской. Оба способа сцепления грунта фресок со слоем обмазки кладки разного характера насечками уступают обычному способу соединения гладких поверхностей. Вероятнее всего, оба способа насечек использовали на сводах интерьера для более надежного укрепления грунта фресок.

По окончании строительства зодчие по-своему освятили храм. На грунте фресок встречены рельефные изображения четырехконечных «процветших» крестов, надписи-граффити.

Многослойный грунт фресок церкви Климента однороден по составу, но отличен цветом и составом наполнителей от раствора обмазки кладки. Последний идентичен раствору кладки и бута. Четырехслойный фрагмент (СЛМ-37830) имеет следующие размеры по толщине (в см): общий — 4,2—4,5, интонако — 0,3—0,5, арричиато — 0,6—0,8, третий слой — 0,6—1,5, четвертый слой — до 2,5. Данные размеры в основном сходны с размерами толщины слоев грунта других фресок церкви Климента.

Изучение фрагментов фресок, обломков строительного мусора дало возможность уточнить некоторые особенности техники строительства здания. На поверхности грунта фресок встречены рельефные отпечатки от торцов круглых деревянных связей. Лицевая сторона этих фресок по характеру сохранившейся на них живописи свидетельствует в пользу распространения поперечных направляющих связей по всей высоте кладки[3] В коллекции Староладожского музея есть фрагменты швов связующего раствора между рядами кладки толщиной до 6,5 см, с гладко отполированной одной торцовой стороной. Швы уходили в глубину кладки не менее чем на 15 см. Обе подушки швов сохранили следы от плинфы, которые соединялись раствором. Следов вторичной обмазки полированной поверхности торца не обнаружено. Возможно, что отдельные участки стен храма были украшены в технике полосатой кладки. Среди остатков строительного мусора церкви Климента значительное место в количественном отношении занимают огромные блоки цемяночной массы раствора, выполнявшего функцию бута кладки.

Техника живописи. Роспись интерьера церкви Климента производи-

---

[2] В. В. Филатов наблюдал в росписи Мелетово между двумя слоями штукатурки процарапанные «косые пересекающиеся линии». Не исключено, что это также род насечек [8, с. 57].

[3] Поперечные круглые связи открыты в толще западной стены церкви Климента, в ее нижних частях, экспедицией 1979 г. [12, с. 4].

лась по византийской традиции: сверху вниз и от середины по сторонам. Об этом свидетельствует способ стыковки участков грунта внахлест. Традиционно бо́льшая часть нахлеста приходится на красную полосу отгранки [8, с. 52]. Встречена также стыковка «световых дней» по самым разнообразным цветовым плоскостям: по серому фону, по зеленому фону, на границе желтого и серого, желтого и зеленого и т. д. [7, с. 253; 8, с. 52].

В числе основных вспомогательных элементов живописи церкви Климента следует выделить графью, роль которой весьма многообразна. Одной линией ографлены круги нимбов, однако буквально единичны примеры применения графьи по окружностям арочек либо медальонов. Эпизодично встречена графья в виде прямых линий. Бо́льшая часть графьи на фресках имеет неопределенный характер по своему ритму. Это, например, две параллельные линии, направляющие красную полосу шириной около 1,5 см по серому фону либо линии с разным геометрическим ритмом, иногда до пяти рядом проложенных линий.

Ограниченное использование графьи на нимбах, в полукружиях арок, медальонов и, напротив, широкое ее применение на отдельных живописных участках фресок говорит о различном уровне мастерства художников, украшавших церковь Климента, а также о значительной роли знаменщика, вероятно, на второстепенных частях ансамбля. Ю. Н. Дмитриев, касаясь вопроса использования графьи, крайне осторожно заметил о ее редком применении «в контурах и непрочных частях рисунка» [7, с. 264]. Только нимбы ографлены в росписи Мирожа [13, с. 34]. Нимбы двойной графьей, кресты на омофорах святителей, арки, медальоны ографлены в церкви Георгия в Старой Ладоге. Ограниченно применялась графья в росписях Смоленска [11, с. 142]. Однако в отличие, например, от последних художники церкви Климента строго следовали в рисунке ритму графьи.

Подготовительный рисунок контура будущих изображений наносился жидкой серой и красно-коричневой тонкой линией шириной около 0,3—0,6 см.

Заслуживает внимания характер живописной поверхности фресок церкви Климента. Многие фрагменты имеют хорошо отполированную «вощеную» поверхность. Аналогичных примеров в монументальной живописи домонгольской Руси много [14, с. 228, 237, 239, 253; 15, с. 26]. В. В. Филатов считает, что поверхность фресок полируется «благодаря прибавлению органических веществ или добавлению их в краски при исполнении живописи по свеженанесенной штукатурке» [8, с. 69]. На живописной поверхности фресок церкви Климента часто встречаются раковины, образованные выпадом органических наполнителей, добавленных в слой интонако либо в раствор краски, но эффект полировки достигается не во всех случаях. По Витрувию, полировке обязательно предстоит многослойный грунт живописи [15, с. 23]. Н. М. Чернышев, имитируя в лабораторных условиях античный грунт, пришел к выводу, что «блеск поверхности фрески достигается закатыванием ее в сыром состоянии до и после окраски» [15, с. 25]. На некоторых фрагментах с «вощеной» поверхностью хорошо видны следы уплотнения поверхности круглым деревянным предметом. Другим возможным фактором полировки служит многослойный грунт фресок церкви Климента. Уточним, что полировка видна только в местах однослойной живописи.

Живопись церкви Климента многослойная, в основном трехслойная, местами до пяти слоев. Первый живописный слой проложен по интонако в технике фрески. Нанесенный жидкой краской слой фона или рефти образует частые затеки (пропитку) во влажный слой грунта. На исследованных фрагментах встречены затеки серой, желтой, красной и зеленой краски. Наблюдение пропитанной краски позволило сделать вывод о неизменяемости перечисленных колеров в затеке и на лицевой поверхности фрески [16, с. 21]. Неизменяемость красного цвета в росписи церкви Климента доказывает и абсолютная идентичность колера при его сравнении на открытых участках с местами, где он открылся после отме-

ливания пастозно проложенных верхних живописных слоев[4].

Колорит фресок церкви Климента построен на гармоничных и контрастных отношениях широкой гаммы полутонов и чистых цветов белого, серого, красного, желтого, зеленого. Голубой использован крайне ограниченно. Как показали лабораторные исследования, все пигменты представляют натуральные породы: охры желтые, красные (различных оттенков), зеленые земли, ляпис-лазурь, мел, гипс и древесный уголь [2, с. 23].

В числе малоосвещенных вопросов стоит проблема смешения пигментов для фресковой живописи. Путем микрохимического и микроскопического анализа удалось установить технологию приготовления пигментов фресок церкви Климента. Популярный в палитре коричневый цвет в многообразных оттенках получен смешением охры с углем; серый — охра и мел (известь); белый — мел (известь) и гипс; розовый — охра, мел (известь) и гипс. Уголь добавлялся для усиления тонов зеленого цвета [2, с. 18—20]. Таким образом, мел (известь), гипс и уголь служили основными смесителями для приготовления пигментов в живописи церкви Климента [7, с. 66; 8, с. 214; 13, с. 34; 17, с. 80, 81]. Основные колеры приготовлялись в чистом виде.

В качестве связующего пигментов для первого живописного слоя на всех исследованных образцах каких-либо органических соединений не обнаружено. В верхних живописных слоях для некоторых пигментов в роли связующего использован белок, «разновидность которого определить не удалось из-за достаточного перерождения его в процессе старения» [2, с. 21—23]. Лабораторные исследования связующего пигментов не противоречат визуальным наблюдениям по технике живописи. Некоторые пигменты верхних слоев смываются водой. Такую же картину наблюдала Е. Г Шейнина на фресках храма на Рачевке в Смоленске [18, с. 33]. Все смываемые пигменты фресок церкви Климента приготовлены на белковом связующем, что, вероятно, объясняется способом их нанесения в технике альсекко.

В палитре мастеров росписи ведущее место принадлежит серому цвету, использованному в качестве рефти и фона изображений. Жидкой серой краской, как отмечалось выше, художники делали подмалевок в отдельных сценах. Тона серого цвета свободно варьированы от светло-серого до глубокого по тону темно-серого, почти иссиня-черного[5]. По лабораторным данным, образцы фресок серого цвета чистые, без следов других, например голубых, покрывочных колеров [2, с. 21—23]. В церкви Климента серый цвет определен в качестве рефти там, где его полностью перекрывают верхние живописные слои. В таких случаях увидеть слой рефти можно на торцах скола фресок в срезе красочных слоев и в местах отмеливания прописок. Классическое использование серой рефти под неустойчивые на известковом грунте голубые тона в церкви Климента получило широкую популярность. Рефть проложена под тона красного, коричневого, зеленого, желтого, голубого и белого цветов. Встречены и обратные примеры, когда серый фон полностью перекрывает основу желтого, зеленого и коричневого цветов. Тончайшая градация цветовой гаммы основного колера — характерная особенность живописи церкви Климента. От нежно-розового до темно-красного тона разработан красный цвет. Популярность красного цвета обусловлена его широким использованием в качестве фона, рисунка как на декоративных частях росписи, так и в личном письме. От светло-зеленого, салатного до темно-зеленого с промежуточным оливковым варьированы тона зеленого цвета. В качестве фона и в роли охристых пробелов применялся желтый цвет. Популярным в палитре мастеров росписи оказался коричневый цвет, как разбеленный до кремового, так и сгущенный до темно-коричневого. По наблюдениям фресок коллекции Староладожского музея,

---

[4] Е. А. Домбровская считала, что краска существует без изменений при условии сохранности углекислокальциевой пленки [5, с. 195].

[5] В. В. Филатов считает, что серый фон — «результат утраты верхнего ярко-синего или голубого тона» [19, с. 51].

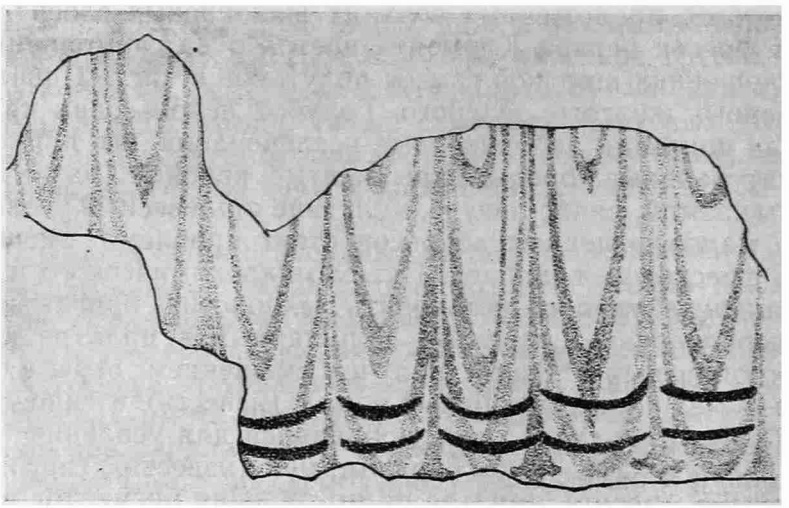


Рис. 1. Декоративные «завесы» на стене церкви Климента 1153 г (раскоп Н. И. Репникова 1909—1913 гг.)

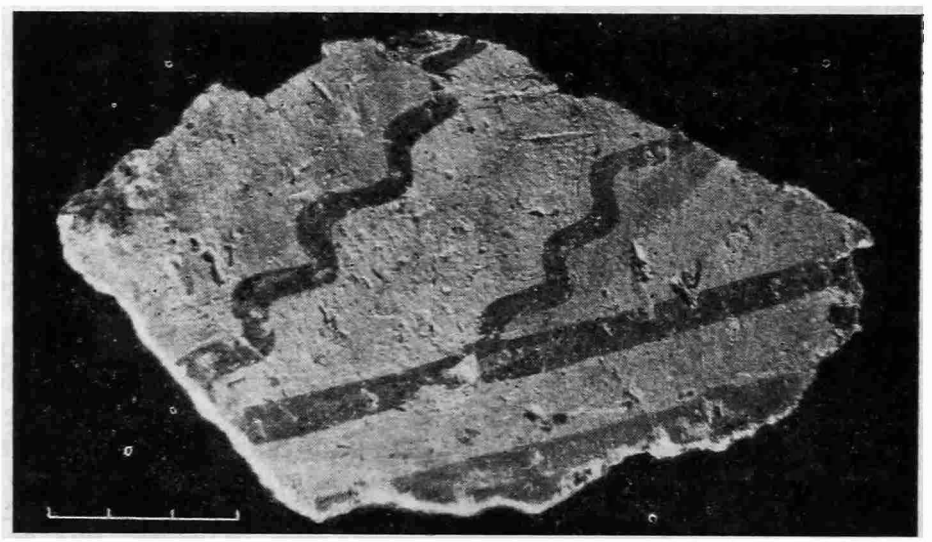


Рис. 2. Фрагмент фрески церкви Климента. СЛМ-41488

белому цвету отведено в живописи сравнительно небольшое место. Это белые полосы отгранок, пробела на одеждах, простейшие орнаментальные мотивы и совсем редко — в качестве фона.

Декоративная часть росписи. Для реконструкции декоративной части системы росписи церкви Климента использованы материалы фотоархива ЛОИА АН СССР (Q 523-14-17, 24, 25), коллекции СЛМ.

На отдельных участках стен экспедицией Н. И. Репникова в 1912—1913 гг. зафиксированы остатки декоративного пояса в основании живописного ансамбля. На фото хорошо читается однообразный мотив драпировки так называемых «завес» (рис. 1). По рапорту частых складок, по общему линейному характеру рисунка, образующего как ритм складок, так и стилизованный мотив «процветшего» креста, такого рода орнамент близок «завесам» храма на Протоке рубежа XII—XIII вв. [11, с. 20, илл. 3, 7, 9, 14, 15, 17]. В церкви Климента мотив «завес» представляется самым ранним в декоративной системе памятников монументальной живописи домонгольской Руси. Наряду с «завесами» по фрагментам коллекции СЛМ достаточно четко обозначаются два мотива «полилитии». Довольно большая группа фрагментов фресок образует «струйчатый» орнамент, хорошо известный в памятниках Новгорода и Смоленска [20, с. 235]. «Струйчатый» орнамент представляют параллельно проложенные тонкие волнистые линии с ослабленным по тону рисунком рядом нанесенных тонких прямых полос (рис. 2). Волнистый

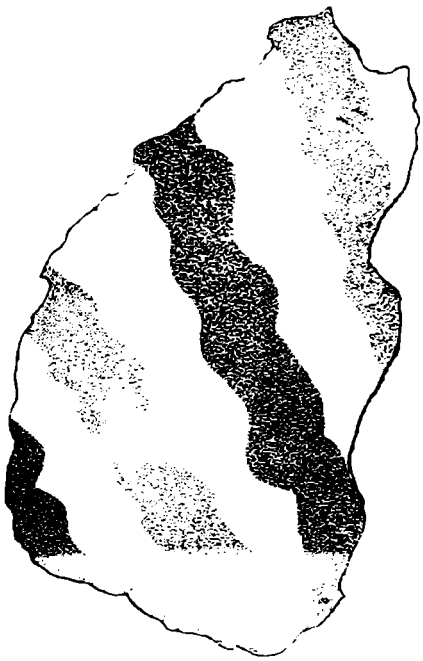


Рис. 3. Фрагмент. СЛМ-41504

рисунок темно-красного цвета идет от широкой полосы темно-красной филенки в диагональном ритме, т. е. составляет известный мотив имитации «мрамора». Едва видимые параллельные прямые полосы исполнены светло-серым цветом. Другой вид «струйчатого» орнамента — также диагонально нанесенные волнистые линии чередующихся полос красного и зеленого цвета, но без параллельных прямых линий (рис. 3). Ширина полос первого вида орнамента — 0,5, второго — 2 см. Характерно, что по ритму прямых или волнистых полос «полилитии» предварительной разметки графьей нет. Ближайший известный аналог орнаменту второго вида можно наблюдать в росписи лопатки подцерковья Николо-Дворищенского собора Новгорода.

Несколько сотен фрагментов фресок входят в группу, образующую ранее неизвестный орнаментальный мотив, образованный сочетанием в геометрическую форму широких прямых полос красного, зеленого и желтого цвета на белом фоне. Желтая полоса служит отгранкой ромбовидных и шестиугольных фигур, внутри которых в диагональном ритме пересекаются красные и зеленые полосы, завершающиеся мотивом трилистника (рис. 4). Мотив представляет необычный образец гармоничного сочетания линейно-геометрического и растительного орнамента.

В декоративной системе росписи церкви Климента широко использован мотив «побега лозы». Во всех случаях рисунок стебля — белого цвета, шириной около 0,5 см. Фон для мотива самый разнообразный: красный, зеленый, желтый, коричневый, серый. Как правило, орнамент замкнут на поле широкой прямой полосы, ограниченной по краям белой и темно-красной линиями. На фрагменте СЛМ-41618 стебель украшает светло-красный фон пояса полукружия арки (рис. 5). Подобное применение мотива известно в росписи, обрамляющей полукружия окон башни Георгиевского собора Юрьева монастыря. Характерно, что орнамент типа ременного плетения, также весьма популярного в новгородском искусстве, среди фрагментов фресок церкви Климента не встречен.

В систему росписи входили изображения, обрамленные арочкой на колонках и в медальонах. Мотив украшения широкого пояса арочки и медальона — так называемый киматион — идентичен и состоит из непрерывного рапорта полукружий, в которые заключены пучки травного орнамента. Данный мотив был популярным на Руси в пределах XII — начала XIII в., причем уже в Нередице или в смоленских фресках и ростовских миниатюрах он превращен в упрощенную схему. Графическая

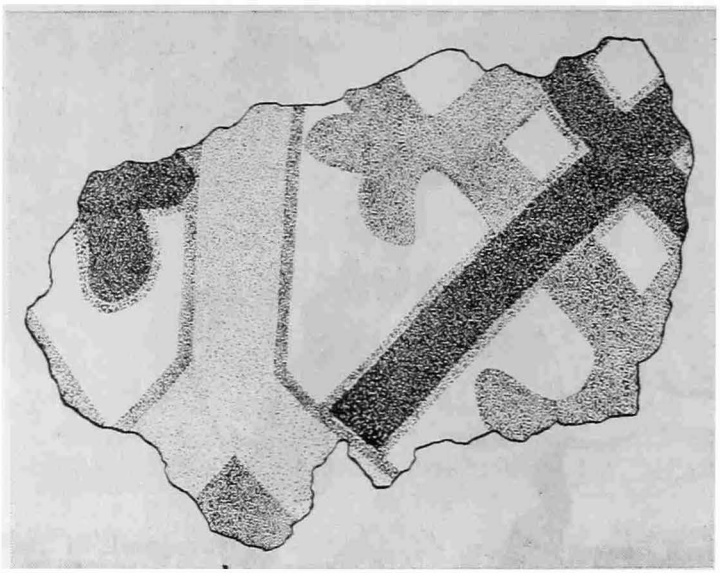


Рис. 4. Фрагмент СЛМ-41530

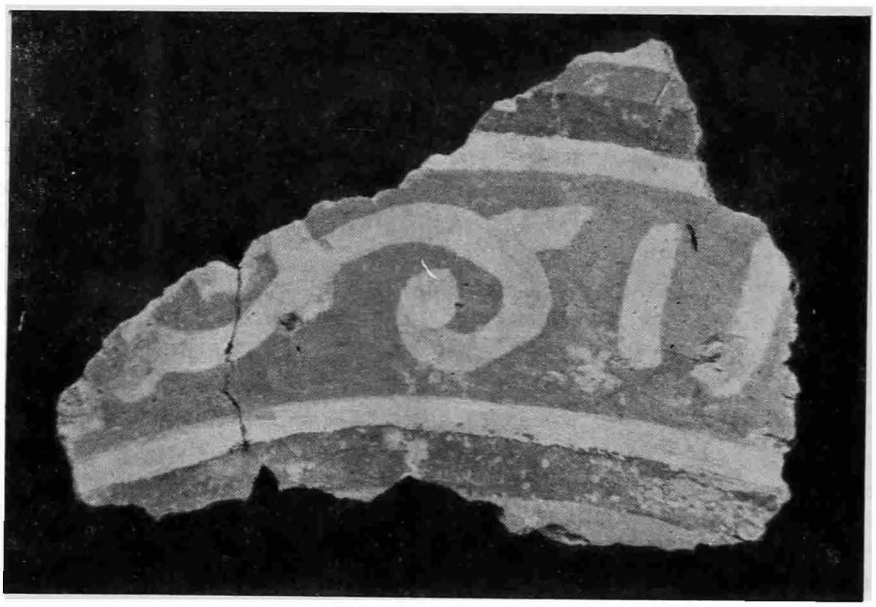


Рис. 5. Фрагмент. СЛМ-41618

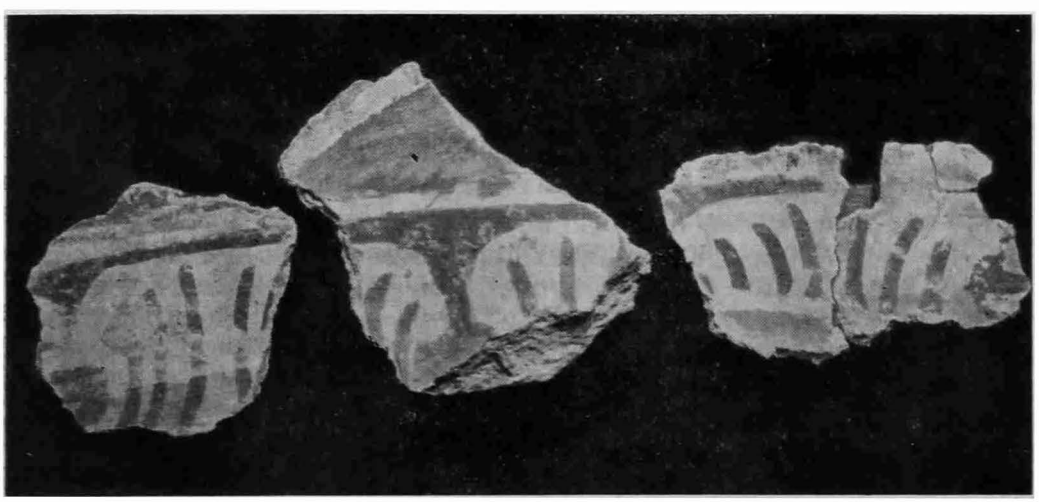


Рис. 6. Фрагмент. **СЛМ-41513—41515**

жесткость рисунка мотива в указанных примерах скорее имеет истоками памятники мелкой пластики Византии [21, рис. 78, 82, 85]. Вероятно, предшествующий этап стилизации киматиона представлен в сценах «Успение», «Приведение Христа на суд фарисеев» Мирожского собора. В коллекции СЛМ фрагментов с рисунком пояса арочек либо медальонов достаточно много, чтобы говорить об использовании этого мотива в различных частях росписи. Наиболее полный вид орнамента включает основной белый пастозный по фактуре фон пояса с последовательно проложенными в его нижней части полосами светло-красного и светло-зеленого цвета. Поле под каждой арочкой гирлянды украшено симметричной композицией пучка травы в виде тонких овальных линий темно-красного цвета (рис. 6). Стволы колонок, поддерживающих арки, на византийских миниатюрах украшает мотив стилизованной гирлянды в виде частого диагонального рисунка тонкими слегка провисающими линиями, перевязанными узлами по всей высоте колонки [22, илл. 253, 345]. Так же колонки украшены на фресках церкви Георгия в Старой Ладоге. Простейшими диагональными параллельными насечками украшены парные колонки в памятниках прикладного искусства Византии [21, рис. 82, 84, 87; 22, илл. 86—92, 94—97]. На фрагментах церкви Климента рисунок диагонально перекрещивающихся линий гирлянды выполнен темно-красными линиями с характерными узлами связок, идущих вдоль линии отгранки колонки (рис. 7). Известная датировка росписи церкви Георгия в Старой Ладоге позволяет уточнить, что более ранним примером использования в обрамлении отдельных персонажей арок на колонках можно считать фрески церкви Климента в Старой Ладоге.

Некоторое представление о масштабах изображений в росписи церкви Климента дает белый жемчуг — традиционное украшение одежды, деталей сюжетных сцен. Размеры капель жемчуга колеблются в пределах 1—2,5 см. Крупный жемчуг, по примеру церкви Георгия в Старой Ладоге, нанесен на одеждах увеличенных по пропорциям персонажей, которые обычно располагают в верхних регистрах живописного ансамбля. На некоторых фрагментах белые капли жемчуга нанесены по предварительно намеченному рисунку жидкой коричневой краской.

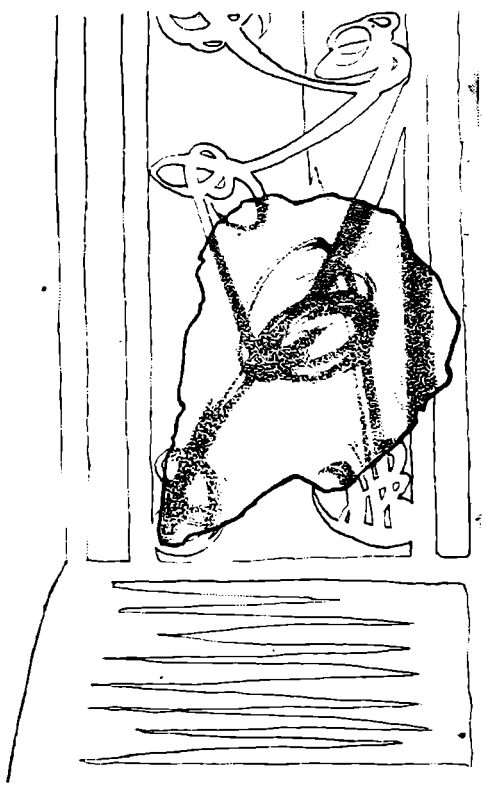


Рис. 7 Фрагмент СЛМ-41588

В целом характер декора фресок церкви Климента соответствует традиционной системе, сложившейся в монументальной живописи Древней Руси XI—XII вв., предваряя в том числе новый этап обращения к мотивам других видов изобразительного искусства Византии. В основе художественного решения орнамента несомненно господствует линейно-графический принцип стиля новгородской настенной живописи.

* * *

В результате комплексного исследования техники и технологии грунта фресок и живописи церкви Климента удалось расширить методологию подхода к подобного рода археологическому материалу. Очевидно, что всестороннее изучение технических основ подготовки и производства работ дает максимум исходных данных для последующей сравнительной характеристики практики монументального строительства и живописи.

Думается, что по разрешению этих вопросов в других памятниках возможно выявление важных проблем квалификации артелей зодчих и художников, стиля техники строительства, датировки. По фрагментам фресок достаточно убедительно читаются некоторые художественные особенности живописи ансамбля. Здесь в перспективе при полном объеме собранных фрагментов возможно определение многих вопросов стиля живописи.

По технологии приготовления раствора грунта фресок наиболее оригинальным признаком выступает добавка мелко истолченной известняковой крошки. Не исключено, что известняковая крошка призвана была дополнить количественный состав твердых наполнителей наряду с кирпичной крошкой [12, с. 2]. В свою очередь, при дальнейшем упрощении приемов строительства, например в церкви Николы на Липне, кирпичную крошку заменяют песком [23, с. 9]. Традиция добавки песка в раствор грунта в Новгород, возможно, переходит из практики владимиро-суздальского и смоленского зодчества [11, с. 134; 24, с. 361].

Вероятно, отмирающей традицией следует признать многослойный грунт фресок церкви Климента. Уже здесь вряд ли это явление было повсеместным по храму.

В технике строительства ладожских церквей XII в. способ скрепления грунта фресок с обмазкой на сводах с помощью ступенчатых насечек был распространен широко. Об этом свидетельствуют подобные же рельефные отпечатки на грунте фрагментов фресок церквей Георгия и Успения Богородицы. При изучении граффити, сделанных по обмазке кладки, можно получить дополнительную информацию по истории строительства и жизни храма до начала росписи.

К особенностям технологии приготовления краски можно отнести хорошо усвоенный мастерами церкви Климента прием смешения пигментов, вплоть до образования нового коричневого цвета, весьма популярного в живописи храма. Не по этой ли технологии приготовляли коричневую краску, известную только по собранным фрагментам, мастера росписи георгиевской церкви в Старой Ладоге? Удалось установить, что в основном первый живописный слой нанесен на интонако в технике чистой фрески без применения органического связующего [2, с. 22, 23]. Отдельные элементы живописи, вероятно, исполнялись сразу по свеженанесенному фону, также без добавления органического связующего в пигменты. Жидкие и пастозные верхние прописки с добавлением белкового связующего сделаны в технике альсекко. О том, что нет достаточно прочного сцепления верхних слоев с первым, говорит их отмеливание чешуйками [7, с. 256] и довольно легкое смывание. Таким образом, живопись церкви Климента исполнена в смешанной технике фреско-секко.

Весьма характерным признаком декоративной системы росписи церкви Климента был многообразный набор орнаментальных мотивов, суммированных здесь, а в дальнейшем по-разному распространенных в других стенописях Древней Руси. Не встречается на фресках Новгорода XII в. мотив «завес», хорошо усвоенный, однако, мастерами Смоленска. Полилития приобретает уже строго регламентированный характер «мраморировки» в росписи церкви Георгия в Старой Ладоге. В этом же памятнике художники активно поддерживают прием компоновки отдельных изображений в арки на колонках с некоторой долей стилизации элементов орнамента, с усилением графичности рисунка.

В колорите фресок церкви Климента с большей силой звучат живописные тенденции стиля, еще прочно связанного с художественной культурой XI — первой половины XII в. Устойчивость живописных традиций художественной артели, украсившей храм, с особой яркостью прослеживается в приемах личного письма. Именно в этом в первую очередь намечается расхождение в манерах мастеров Мирожа и церкви Климента. В немногих фрагментах из собрания Староладожского музея лики написаны по оливковому санкирю с охристым вохрением и легкой подрумянкой, без чистых пробелов. Контуры элементов лика едва намечены тонкой темно-красной линией (СЛМ-39039, 39040). Уточним, что сужде-

ние о некоторых особенностях стиля фресок построено на материале коллекции, содержащей свыше 20 тыс. фрагментов. Это примерно составляет пятую часть живописного ансамбля. Сделаны первые попытки классификации фресок с целью возможной реконструкции отдельных частей росписи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Раппопорт П. А.* Археологические исследования памятников древнего новгородского зодчества//Новгородский исторический сборник. Вып. 1(11). Л.: Наука, 1982.
2. *Бубнов В. И., Амосова А. Е., Глебова Л. М.* Отчет о физико-химическом исследовании пигментов и связующих с образцов фресковой живописи церкви Климента XII в. в Старой Ладоге (рукопись). Л., 1982. Архив Староладожского музея.
3. Новгородская четвертая летопись//ПСРЛ. 1848. Т. 4.
4. *Петров Н.* Типик о церковном и настенном письме//ЗРАО. 1899. Т. XI. Вып. 1—2.
5. *Домбровская Е. А.* О заболеваниях древней фресковой живописи и методах ее реставрации//Практика реставрационных работ. Вып. 1. М.: Гос. изд-во архитектуры и градостроительства, 1950.
6. *Шуляк Л. М.* Раскопки церкви Спаса-Нередицы близ Новгорода//Практика реставрационных работ. Вып. 1. М.: Гос. изд-во архитектуры и градостроительства, 1950.
7. *Дмитриев Ю. Н.* Заметки по технике русских стенных росписей X—XII вв.//Ежегодник Ин-та истории искусства. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
8. *Филатов В. В.* К истории техники стенной живописи в России//Древнерусское искусство. Художественная культура Пскова. М.: Наука, 1968.
9. *Филатов В. В.* Манера живописи и первоначальный колорит росписи в куполе Софии Новгородской//Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. М.: Наука, 1973.
10. *Гапоненко Т. Г.* Монументальная живопись. М.; Л., 1931.
11. *Воронин Н. Н.* Смоленская живопись XII—XIII веков. М.: Искусство, 1977.
12. *Раппопорт П. А., Большаков Л. Н.* Ладожский отряд. Отчет о раскопках церкви Климента в Старой Ладоге (рукопись). Л., 1980. Архив Староладожского музея.
13. *Соболева М. И.* Стенопись Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря в Пскове//Древнерусское искусство. Художественная культура Пскова. М.: Наука, 1968.
14. *Виннер А. В.* Материалы и техника монументально-декоративной живописи. М.: Искусство, 1953.
15. *Чернышев Н. М.* Искусство фрески в Древней Руси. М.: Искусство, 1954.
16. *Филатов В. В.* Техника древнерусской монументальной живописи. М., 1976.
17. Теофил. Записка о разных искусствах//Сообщ. ВЦНИЛКР. 1963. № 7.
18. *Шейнина Е. Г.* Методика снятия стенных росписей храма XII в. в Смоленске.// КСИА. 1965. Вып. 104.
19. *Филатов В. В.* Применение физических методов исследования при изучении стенной живописи//Сообщ. ВЦНИЛКР. 1969. № 24/25.
20. *Воронин Н. Н.* Смоленские миниатюры XIII в.//Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. М.: Наука, 1973.
21. *Банк А. В.* Прикладное искусство Византии IX—XII вв. М.: Наука, 1978.
22. *Даркевич В. П.* Светское искусство Византии. М.: Искусство, 1975.
23. *Коротков Н. П.* Химический анализ грунтов древнерусских фресок. М., 1929.
24. *Филатов В. В.* Фрагмент фрески церкви Рождества Богородицы в селе Городня// Древнерусское искусство Москвы и прилежащих к ней княжеств XIV—XVI вв. М.: Наука, 1970.

B. G. Vasiliev

THE 1153 FRESCOES IN ST. CLIMENT CHURCH IN STARAYA LADOGA (According to Archaeological Materials)

Summary

The 1979—1980 digs in St. Climent Church in Staraya Ladoga yielded fresco fragments used here to discuss the techniques, priming and some artistic features of the 1153 frescoes. The priming was marked by lime additions and consisted of many (up to four) layers. This is quite unusual for Old Russian fresco painting. The archaeologists discovered that the priming and the wall plaster were joined together by means of wave-like and step-like notches. The painting was done in the technique of secco. All paints were natural, the brown one obtained by mixing ochre and charcoal. The upper layers displayed an albumin bond. The motifs of «curtain» (Fig. 1), polylith (Fig. 2, 6) and vertical floral ornaments (Fig. 5) can be found. The author identified the framing of individual figures with small arches as the earliest artistic device of Novgorodian frescoes (Fig. 6, 8). The linear-graphic style is combined with the stable traditions of Russian artistic culture of the 11th-first half of the 12th centuries.

Т. П. ТИМОФЕЕВА

К ВОПРОСУ ОБ ОРНАМЕНТЕ ФРИЗОВЫХ КОЛОНОК ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКИХ БЕЛОКАМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ XII—XIII ВЕКОВ

В системе пластического декора владимиро-суздальских памятников XII—XIII веков каждая декоративная зона — порталы, аркатурно-колончатый фриз, стенные рельефы, барабан — выполняет собственную композиционную, художественную и смысловую роль. Аркатурно-колончатый фриз — характерный признак фасадного декора, отражающий эволюцию стиля. При изучении белокаменной скульптуры фриз всегда принимался во внимание, но никогда не был темой специального исследования. Резьба наиболее развитых фризов (Дмитриевского собора во Владимире, Рождественского в Суздале и Георгиевского в Юрьеве-Польском), изученная в сравнении,— материал, еще не нашедший должного применения в исследовании стилистики и семантики скульптуры, манер резьбы; сравнительный анализ резьбы фризов может уточнить спорные датировки.

В отличие от прочих декоративных зон (исключая порталы) важнейший сюжет во фризах — орнаменты, наибольшее разнообразие и индивидуальность которых свойственны колонкам (фустам) [1].

Сравнительному анализу орнаментальных схем фризовых колонок трех памятников — Дмитриевского, Рождественского и Георгиевского соборов — посвящена настоящая работа [2]

Фризы этих памятников сохранились не полностью; особенно много утрат среди колонок как наиболее уязвимых элементов: ведь колонка не закреплена в кладке, а свободно входит в консоль и капитель. Поэтому прежде всего необходимо определить для каждого памятника подлинные колонки. Во фризе Дмитриевского собора подлинных колонок меньшинство, а поздние повторяют несколько незамысловатых схем, как скопированных с древних оригиналов, так и не имеющих среди них аналогий. Реставрация 1837—1839 годов не оставила документации с фиксацией утрат и замен, поэтому подлинность колонок устанавливается визуально, а также путем сравнений и умозаключений. Кроме 6 колонок в правом прясле северного фасада, подлинность которых общепризнана [1, с. 306; 8, с. 131; 10, с. 292], древними представляются колонки абсид, кроме 4-й, 6-й и 10-й [3] Во фриз Дмитриевского собора попали и 14 колонок с разобранных башен, в основном на северный и западный фасады, вблизи северо-западной башни [11, с. 50; 12, с. 197].

---

[1] Орнамент, в том числе архитектурный,— область, далеко еще не изученная. Исследования орнамента с интересующими нас ракурсами принадлежит Г. К. Вагнеру [1—3], В. Н. Щепкину [4], Т. И. Макаровой [5], А. В. Шубникову [6], Е. В. Смирницкой [7]. Знаменательно, что терминология в определении орнаментальных схем отличается описательным характером и отсутствием единообразия.

[2] Фризы наряду с прочей скульптурой рассматривает Г. К. Вагнер [1—3]: описывает и систематизирует орнаменты фризов Дмитриевского, Рождественского и Георгиевского соборов, но в первом случае говорит только о колонках абсид и правого прясла северного фасада, во втором — не разграничивает подлинных и реставрационных колонок. Целиком посвящена фризу Дмитриевского собора статья С. М. Новаковской [8], но в ней не рассматривается орнамент фустов. Единичные наблюдения приводит Н. Н. Воронин [9, с. 387].

[3] Такого мнения придерживается Г. К. Вагнер [1, с. 306] и С. М. Новаковская [8, с. 131, 132], доказавшая с точки зрения технологии кладки нетронутость этих частей абсид.

Подлинными кажутся нам следующие колонки[4]: С, л; 1, 2, 4, 6; С, ц: 1, 4, 5, 6, 9; З, л: 1, 2, 4, 5; Ю. п: 3. Эти колонки — часть исчезнувшей конструкции — башни, не совпадающей с Дмитриевским собором хронологически и стилистически, поэтому они требуют особенного внимания. От многочисленных поздних колонок древние отличает гораздо более насыщенный, индивидуальный по рисунку, живой по исполнению резной орнамент.

Фриз Рождественского собора в Суздале являет иную картину. Это наиболее крупный и целостный декоративный пояс, сохранившийся от фасадной пластики собора. Однако и он дошел до нас далеко не полностью. Реставрационные работы, освободившие памятник XIII века от поздних пристроек[5], потребовали восполнения утрат. В результате появилось большое количество новых реставрационных колонок, которые не были выделены при изучении фриза[6].

Приступая к настоящей работе, мы задались прежде всего целью определить подлинные колонки. Кроме визуальных наблюдений, мы воспользовались фотоматериалами архива Владимирских реставрационных мастерских, фиксирующими фриз с утратами колонок и после их восполнения гипсовыми новоделами [15]. Это выявило совершенно определенно подлинные фусты. Их оказалось 36 (из 92). На 4 из них рельеф стерт и практически не читается[7] Кроме этого, мы привлекли фрагменты фустов, попавшие во время ремонтов и реставраций в коллекции музеев. Их оказалось 20[8].

Таким образом, мы располагаем более чем полусотней колонок, что составляет больше половины фриза Рождественского собора.

Третий памятник — Георгиевский собор — сохранил небольшое число фризовых колонок: 12 на северном и 5 на западном фасадах; южный фриз не сохранился. К ним добавляются 3 фрагмента из коллекции Владимиро-Суздальского музея-заповедника.

Колонки каждого памятника своеобразны по рисунку орнаментов, однако все их многообразие поддается классификации[9]. Схему орнамента колонок составляет фигурная рамка (часто с внутренним заполнением), приходящаяся на фронтальную поверхность фуста, и боковое заполнение вынутого фона внутри или за пределами рамки. Орнамент колонок в композиционном отношении является бордюром, расположенным вертикально, а внутренние, вписанные изображения можно опреде-

---

[4] Мы будем пользоваться следующими обозначениями: Д — Дмитриевский собор, Б — башни, Р — Рождественский собор, Г — Георгиевский собор, Ю — южный, З — западный, С — северный фасады, А — абсида; прописная буква — прясло (л — левое, п — правое, ц — центральное, м — малое); арабская цифра — положение колонки от левой границы прясла, (1, 2, 3 ...) — порядковый номер схемы в таблице орнаментальных схем фризовых колонок.

[5] Реставрации собора посвящены статьи А. Д. Варганова [13, 14].

[6] Резьбе аркатурно-колончатого фриза Рождественского собора посвящена глава в книге Г. К. Вагнера [3]. Материал автора — визуальные наблюдения без лесов. Памятник покрыт известковой побелкой, что еще более затрудняет изучение мелких элементов. Автор ограничивается беглым обзором орнаментов, в основном колонок южного фасада. При этом не указываются конкретно подлинные и реставрационные фусты.

[7] Приводим местоположение этих колонок: Ю, л: 1—9; Ю, м; 1—7; Ю, ц: 1; Ю, п: 6, 9; С, л: 2, 3, 4, 6, 9; С, ц: 1; С, м: 6, 7; С, п: 2, 4, 6; З, п: 2, 4, 5, 6, 7, 8. На колонках Ю, п: 9; С, л: 9; С, м: 6, 7 рельеф стерт.

[8] В коллекции Владимиро-Суздальского музея-заповедника — 16 фрагментов от Рождественского собора, поступившие во время исследований и реставрации собора в 1930—1960-е годы; 2 фрагмента — в Русском музее из собрания К. К. Романова, который участвовал в реставрационных работах в Суздале; 2 фрагмента — в эрмитажной коллекции. Все они индивидуальны и представляют собой части разных колонок. Не обо всех есть документальные сведения. Но по размерам (диаметр 13—14,5 см), пропорциям (одинаковая толщина всего фуста, без сужения к одному концу, это заметно на фрагментах достаточной длины), плоскостной манере резьбы и рисунку орнаментов все они должны быть отнесены именно к Рождественскому собору. В это число не вошел 1 фрагмент, находящийся на временном хранении в музее им. Щусева. Там же находится колонка Дмитриевского собора, не привлеченная нами.

[9] В. Н. Щепкин выделил три существенных признака орнамента: мотив, способ сочетания мотивов, рама [4, с. 58]. Их мы положили в основу классификации.

лить в основном как розетки. Наиболее целесообразной представляется самая общая классификация по характеру рамки:

I — геометрический орнамент-плетенка;
II — овоидное или миндалевидное плетение;
III — ромбовидное плетение;
IV — сердцевидный орнамент;
V — замкнутый орнамент [10];
VI — вьющийся побег.

Итогом этой классификации является таблица орнаментальных схем, составленная из 100 образцов орнаментов на материале 109 колонок [11] (рис. 1, *1*, *2*).

Разберем каждую группу. Орнаменты-плетенки представляет прежде всего и обильнее всего Дмитриевский собор (15 колонок из 25). Плетенки дают несколько вариантов: корзиночное плетение частое (1) и редкое (2), трехструйчатое (3), разреженное плетение (4 и 3 в основании), такое же, но усложненное (5, 6), петлевидное (7, 8). От плетенок собственно Дмитриевского собора отличается орнамент башен, представленный 1 колонкой: двойная ромбическая плетенка с кольцом вокруг средокрестия, один из двух контуров заканчивается спиральными усиками (9). Три колонки Рождественского собора, отнесенные нами в эту же группу, значительно отличаются от остальных. Основной признак их схем — мотив кольца. На одной из них — кольчужное плетение, переходящее в нижней части в копьевидное (10). Орнамент другой колонки составлен взаимно пересеченными параболами, перехваченными в местах пересечения кольцами (11). Третья колонка орнаментирована более прихотливо: образованная непрерывной линией фигура округлых очертаний с переплетениями по вертикальной оси и обращенными к центру внутренними кринами. Места стыковок двух фигур обведены кольцами (12). Заметим, что такой фигуры больше нет ни в этом, ни в других фризах.

Особенностью орнаментов первой группы является почти полное отсутствие в них растительных мотивов и вообще внутреннего заполнения.

Наиболее представительна вторая группа — плетение в виде овалов. Оно характерно для всех трех соборов, а также башен. Генетически этот мотив близок к плетенкам, т. к. тоже образуется путем пересечения волнистых линий, но в отличие от плетенок усложнение здесь не количественное — за счет нескольких образующих линий, а качественное — введением в овальную рамку птиц и пальметт, а также акцентированием мест разрядки. Оформление соединительных звеньев многовариантно: средокрестие с раздвоенным контуром (13—15, 20, 21, 24, 26—30, 39—45), с каплевидной петлей, переходящей в контур или пальметту (15, 18, 20, 21), со сцеплением волнистых линий (18, 34—37), иногда трансформированным в бусину (52) или другую фигуру (50), с поперечной плетенкой (54, 55). Нередко простое соединение овалов. Обычно сочетание сразу нескольких вариантов — не только на одной колонке, но и в одном средокрестии. Внутренним заполнением рамки служат пальметты в виде пяти- и семилистного крина, многолепесткового пышного аканта,

---

[10] Этот термин относительно бесконечного орнамента-бордюра мы употребляем здесь с оговоркой. При определении этой группы нам пришлось отступить от принципа деления по рамке, т. к. эти орнаменты ее не имеют. По генетическому принципу в их основе — замкнутые самостоятельные фигуры-розетки, следующие одна за другой. Подобным же образом строятся и некоторые сердцевидные схемы, но их целесообразно отнести в четвертую группу по выразительной рамке.

[11] Вне ее остались 2 колонки Дмитриевского собора, не имеющие аналогий с прочими орнаментами: звери и птицы в арочках из «шнура перлов» в правом прясле северного фасада и трилистники в левой абсиде.

Пока статья находилась в редакции, коллекция Владимиро-Суздальского музея-заповедника пополнилась еще рядом фрагментом резных колонок: возвращены из музея им. Щусева два упоминавшихся нами фрагмента — один, происходящий из Дмитровского собора, и один из Рождественского; в процессе реставрационных работ вскрыты и переданы музею семь фрагментов колонок Георгиевского собора, прежде заложенных в кладку и недоступных обзору. Все они укладываются в нашу таблицу, не внося ничего принципиально нового.

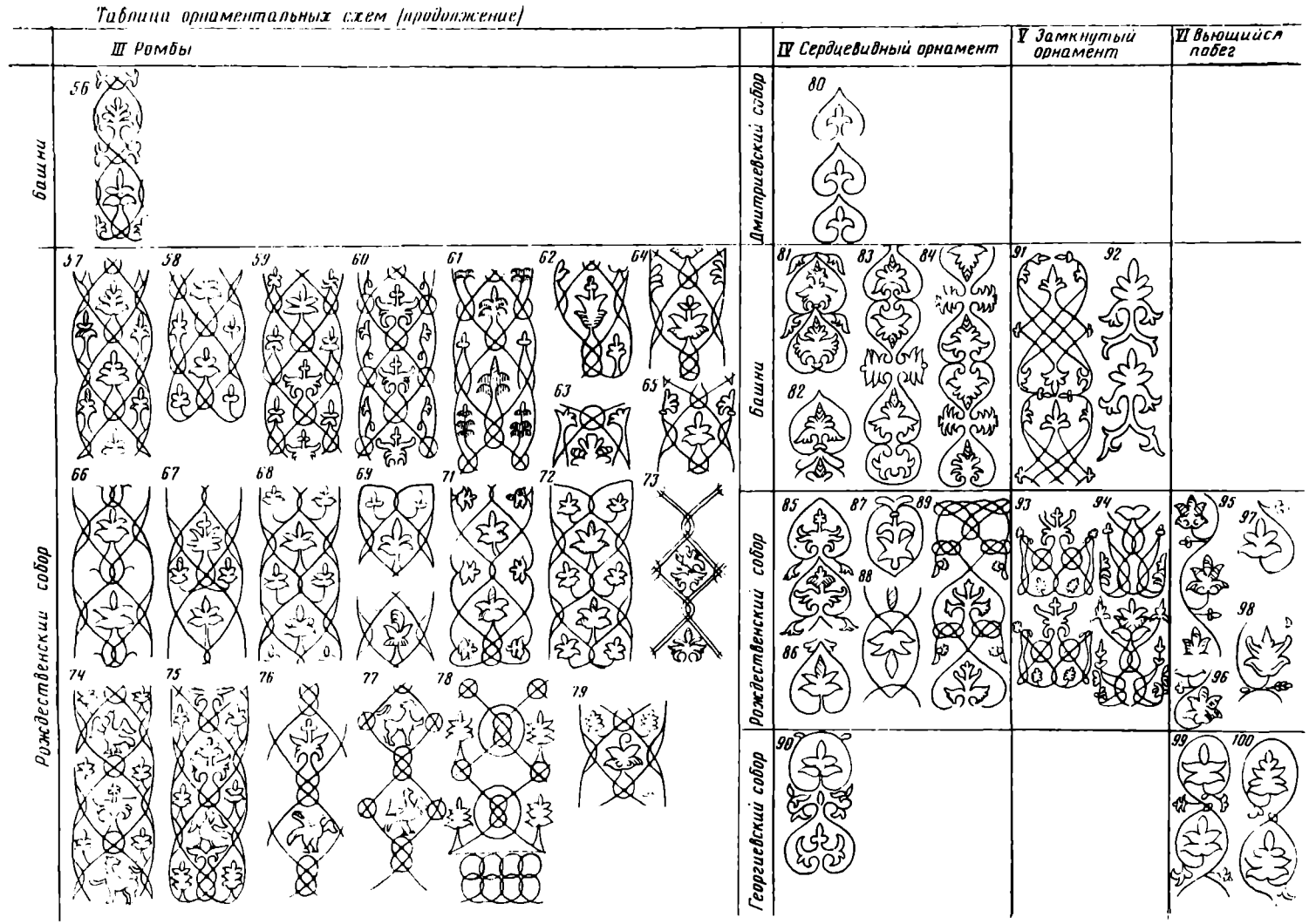


Таблица орнаментальных схем (продолжение)
III Ромбы
IV Сердцевидный орнамент
V Замкнутый орнамент
VI Вьющийся побег
Башни
Рождественский собор
Дмитриевский собор
Башни
Рождественский собор
Георгиевский собор
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
97
98
99
100

Рис. 1.

Рис. 1, 2

Таблица орнаментальных схем [продолжение]

двухъярусной раскидистой пальметты, ориентированных вверх, вниз или свисающих со стеблей вправо или влево.

Овоидный орнамент каждого памятника имеет свои особенности. На Дмитриевском соборе колонок этой группы 5—3 на абсидах, 2 в правом делении северного фасада. Овалы слегка заостренной формы, красивого четкого рисунка, не перегруженного вписанными и промежуточными элементами. На 2 колонках рамку заполняют пятилистные крины, переходящие в петлю вокруг средокрестия или в раздвоенный контур рамки. Есть редкие варианты оформления стыка (16) и внутреннего заполнения (14). На одной колонке овалам предшествует плетенка двух типов (17). Овалы башен (6 колонок из 14) особенно индивидуальны. Усложняется оформление средокрестия. Дважды раздвоенный контур переходит в пальметту (22, 23). Этот прием встречается еще только во фризе Георгиевского сбора (41, 45). Есть вариант, который больше ни разу не повторяется (19). Пальметты, заполняющие рамку, в основном пяти- и семилистны. На единственной колонке в рамку вписаны многолепестковые пальметты, со свисающими нижними листьями, продиктовавшие более крупный размер овалов (23). Такой же крупный масштаб — на колонке Рождественского собора (37). Рождественский собор (15 колонок) добавляет к уже описанным вариантам сдвоенные малые овалы в средокрестии, напоминающие плетенку (30—33), а также более простые сочетания. Формы пальметт разные, в том числе многолепестковый акант. Масштаб пальметты определяет ритм рамки: от трех неполных крупных раппортов до четырех умеренных. На колонках Георгиевского собора овалы являются господствующим мотивом (17 из 20 колонок). Форма их своеобразна: часто круглая, иногда слегка квадратная. Способов соединения овалов несколько: средокрестие с раздвоенным контуром (таких большинство), вполне замкнутые овалы, соприкасающиеся друг с другом непосредственно или через бусину.

Оригинальны 2 колонки с промежуточным звеном в виде горизонтальной плетенки (54, 55). Они обнаруживают сходство с колонкой Рождественского собора, где подобные плетенки повисают по бокам сердцевидной рамки (89). Среди фигур, заполняющих овалы, особняком стоит шестнадцатилучевая фигура, производящая впечатление солярного диска. В целом орнамент колонок Георгиевского собора кажется лаконичным, рафинированным и схематичным по сравнению с другими фризами. Сохранившиеся колонки приходятся на северный и соседний с ним угол западного фасада, а для Георгиевского собора это парадная сторона, т. к. северным фасадом он обращен внутрь дворища. Вряд ли несохранившие-

---

Рис. 1, *1, 2*. Таблица орнаментальных схем фризовых колонок владимиро-суздальских белокаменных памятников XII—XIII вв. I — плетенки. *1* — Д, С, п. 2. 5; А, ц, 1; *2* — Д, А, ц, 5; А, п, 2; *3* — Д, С, п. 1; *4* — Д, А, п, 3; *5* — Д, А. п, 1; А, ц, 7; *6* — Д, А, л, 5; *7* — Д, А, п, 5, 6; А, ц. 3, 9; *8* — Д, А, л, 1; *9* — Б, С, ц, 9; *10* — Р, Ю, л, 5; *11* — Р, Ю, л, 8; *12* — Р, Ю, м, 1. II — овалы. *13* — Д, С, п. 3; *14* — Д, А, л. 3; *15* — Д, С, п, 4; *16* — Д, А, п, 4; *17* — Д, А, ц, 6; *18* — Б, Ю, п. 3; *19* — Б, С, л, 1; *20* — Б, 3, л, 4; *21* — Б, С, л. 2; *22* — Б. С, ц, 6; *23* — Б, С, ц, 4; *24—26* — Р, коллекция ВСМЗ; *27* — Р, С, п. 6; *28* — Р, С. л. 3; *29* — Р, С, л, 4; *30* — Р, С, л. 6; *31* — Р. коллекция ГРМ, *32—33* — Р, коллекция ВСМЗ: *34* — Р. С, п, 4; *35* — Р. С. п, 2; *36* — Р. коллекция ВСМЗ; *37*—Р, Ю, м. 4; *38*—Р. Ю, м, 3; *39* — Г, С, п, 5; *40*—Г, С, п, 2; *41*—Г, С, п 4; *42*—Г коллекция ВСМЗ; *43* — Г. С, ц, 6; *44* — Г, С, ц, 2; *45* — Г, С, п, 6; *46* — Г, С, ц, 3; *47* — Г, коллекция ВСМЗ; *48* — Г, С, ц. 9; *49* — Г, коллекция ВСМЗ; *50* — Г, С, ц, 7; *51* — Г, С. ц. 8; *52*—Г. С, п. 3; *53* — Г, С, п, 3; *54* — Г. С, п. 1; *55* — Г, 3, л, 5. III — ромбы. *56* — Б, С, ц, 5; *57* — Р, 3, р. 7; *58* — Р, коллекция ГРМ; *59* — Р, Ю, м, 6; *60* — Р. 3, п, 6; *61* — Р, 3, п. 2; 2; *62—65*—Р, *66* — Р, Ю, м, 7; *67*—Р, М, м,5; *68*—Р, Ю п, 6; *69*—Р коллекция ВСМЗ; *70* — Р, коллекция ГЭ; *71* — Р, Ю, л, 3; *72* — Р, коллекция ВСМЗ; *73* — Р. Ю, л, 7; *74* — Р, Ю, л, 6; *75* — Р. Ю. м, 2; *76* — Р, Ю, л, 1; *77* — Р, Ю, л, 2; *78* — Р, Ю, л. 9; *79* — Р, коллекция ГЭ. IV — сердцевидный орнамент. *80* — Д, А, ц, 2. 8. 10: *81* — Б, С, ц, 1; *82* — Б, 3, л, 1; *83* — Б, 3, л. 2; *84* — Б, С, л, 6; *85* — Р, Ю. л, 4; *86* — Р, С, л, 2; *87* — Р, Ю, ц, 1; *88* — Р, С, ц, 1; *89* — Р, 3, п, 4; *90* — Г, 3, л, 3. V — замкнутый орнамент. *91* — Б, С, л, 4; *92* — Б, 3, л, 5; *93* — Р, 3, п, 5; *94* — Р, 3, п, 8. VI — вьющийся побег. *95—98* — Р, коллекция ВСМЗ; *99* — Г, 3, л, 2; *100* — Г, 3, л, 4

ся колонки южного фасада, обращенного к валу, были интереснее северных.

Орнамент третьей группы — ромбовидное плетение — представлен во фризах двух памятников: башен Дмитриевского собора (1 колонка, 56) и Рождественского собора (23 колонки, 57—79). Ромбический рисунок образуется, как правило, пересечением двух крупномасштабных овоидных рамок, уходящих в боковые закругления колонки, так что доминирует более частый ромб, занимающий фронтальную поверхность. При этом акцентированы не только стыковки ромбов, но и их боковые вершины. Способы оформления средокрестий менее разнообразны, чем в овалах. Наиболее част прием каплевидной петли с пальметтой. Боковые средокрестия почти всегда обведены красивой выгнутой петлей. Ромбы и боковые ячейки заполняют пальметты разного рисунка, реже птицы и барсы (в южном фризе Рождественского собора). Конфигурация ромбов колеблется от жесткой геометрической до почти овальной. Масштаб и ритм тоже варьируют: от трех до шести полных раппортов. Единственный раз (на колонке Рождественского собора) рамку образует двойной контур (73). Заметим попутно, что все рельефные контуры рамок имеют бороздку. В эту группу мы отнесли схему без внутреннего заполнения ромба, с крупным кольцом вокруг плетенки — «восьмерки», акцентирующей средокрестие, с кольчужным плетением в нижней части (78). Эта схема сходна с другой, отнесенной нами к первой группе (11), но в отличие от нее имеет ярко выраженный ромбический рисунок.

Орнаменты четвертой группы вряд ли можно назвать плетением; каждая фигура орнамента самостоятельна, образована своим контуром, иногда даже не переходящим в соседний; лишь в одном случае они перекрывают друг друга. Общее число этих колонок невелико (80—90), но они есть во всех фризах. Один вариант, наиболее простой, дает Дмитриевский собор: следующие одно за другим, иногда с некоторым интервалом аккуратные «сердечки» с вписанным кримом-трилистником. Он повторен на 3 колонках; некоторая разница между ними — в конфигурации «сердечек». Очень близок к ним орнамент Георгиевского собора (90). Иные варианты предлагают башни Дмитриевского собора. Особенно оригинальны два из них (83, 84). Их раппорт состоит из двух зеркально (относительно горизонтали) расположенных сердцевидных фигур с пальметтами внутри [12]. Орнаменты Рождественского собора, причисленные к этой группе, имеют свою конфигурацию: листовидную или близкую к ней. По сравнению с прочими гораздо живей и пластичней уже упоминавшаяся нами колонка (89) с сердцевидным плетением и свисающими по бокам горизонтальными плетенками.

Орнаменты пятой группы немногочисленны, всего 4 колонки: по 2 с башен и Рождественского собора. Один из орнаментов с башен (91) зеркально симметричен относительно как вертикали, так и горизонтали. Его составляет пятилистный крин на ромбическом основании. Крин окружают узкие трилистники и полукрины; их стебли раздваиваются и образуют сетку. Орнамент состоит всего из двух таких фигур, распространенных на весь фуст. Другой вариант замкнутого орнамента (92) — сложного рисунка пальметта без рамки и без всякого окружения, составляющая раппорт,— встречается единственный раз, тоже среди колонок с башен.

Последняя группа орнаментов — вьющийся побег-лоза со свисающими слева и справа пальметтами, ввернутыми в изгиб лозы [13]. В существующих фризах этот орнамент вырезан на 2 колонках Георгиевского собора. Благодаря длинным завернутым внутрь стеблям, он воспринимается почти как овальный. Кстати, колонки — одно из немногих мест в декоре белокаменных памятников, где применяется вьющийся побег [14].

---

[12] Таким орнаментом присущ символ симметрии ($a:2\cdot m$) [6, с. 74—75]. К ним можно причислить еще несколько (12, 91), а также простые плетенки. Овалы, ромбы и сердцевидные бордюры имеют вид симметрии ($a\cdot m$) [6, с. 72—73].

[13] Орнамент с символом симметрии ($\bar{a}$) [6, с. 67].

[14] Редкость этого сюжета во владимиро-суздальской скульптуре белокаменных памяников отмечает Т. И. Макарова [5, с. 376].

Почти во всех описанных группах участвуют коллекционные колонки [15]. Остановимся на них особо.

Фрагменты колонок Рождественского собора представляют в пределах своих групп разные варианты, в общих чертах совпадающие с фасадными. Овалы (шесть фрагментов) в местах стыковки оформлены раздвоенным контуром с петлей и без нее (24—26), сдвоенными петлями (31—33), сцеплением волнистых линий (35) [16]. На одном из фрагментов в овал вписана пальметта красивой редкой формы (26), более нигде во фризах нами не обнаруженной. Ромбовидный орнамент коллекционных колонок тоже добавляет новые штрихи к фризу. Так, на фрагменте из Русского музея (58) боковые заполнения разные: с одной стороны каплевидная петля с пальметтой, с другой — стебелек с тремя округлыми листочками. Такое нарушение симметрии замечено нами еще на двух коллекционных фрагментах (24, 62). Несколько фрагментов — концевые обломки, заостренные для вставки в консоль или капитель. Орнамент на них не прерывается механически, а имеет начало и конец: переплетенные в вершинах ромба и овала линии загибаются горизонтально, переходя в боковой контур, или завершаются пальметкой. Еще два фрагмента (из Эрмитажа) отличаются навершием пальметт, в других схемах не обнаруженным: в одном случае это спиральный завиток (79), в другом — склоненный влево букет из трех лепестков (70) Четыре фрагмента орнаментированы вьющимся побегом со свисающими пальметтами [17] Необычен рисунок одной из пальметт (98). В отличие от колонок Георгиевского собора в этом мотиве линия побега кажется более плавной и правильной. Эти фрагменты существенно обогащают фасадный фриз Рождественского собора, не имеющего в своем настоящем составе вьющейся лозы.

Хотя количество колонок невелико и различно для каждого памятника, попытаемся установить закономерность в эволюции орнамента фризовых колонок. По степени нарастания разнообразия в орнаментальных мотивах рассмотренные памятники можно расположить следующим образом: Дмитриевский собор — башни Дмитриевского собора — Рождественский собор, затем наблюдается упрощение и схематизация на Георгиевском соборе. Однако это не возврат к началу, а упрощение на достигнутом уровне, скорее упорядочение. Преобладающие на Дмитриевском соборе плетенки в дальнейшем исчезают. Излюбленным мотивом украшения Рождественского собора становится ромб. Овалы, присутствующие уже на Дмитриевском соборе, на Георгиевском вытесняют и ромб, и плетенку; исчезает и одинокая пальметта, промелькнувшая на башнях. Везде есть в скромном количестве сердцевидная фигура. На Рождественском соборе появляется вьющийся побег, превратившийся на Георгиевском почти в овоидное плетение. На башнях Дмитриевского собора в плетенку вводится кольцо, на основе которого строится кольчужное плетение суздальского памятника; в дальнейшем плетенка исчезает. Ромб, первый и единственный раз возникший на

---

[15] Два фрагмента из лапидария Владимиро-Суздальского музея-заповедника мы намеренно не привлекли. Вероятна их принадлежность Дмитриевскому собору. Однако фрагмент плетенки кажется нам поздним, т. к. пропорции его решительно не соответствуют пропорциям подлинных колонок: толщина обломка совершенно одинакова на обоих концах, несмотря на его достаточную длину (41 см), а колонки Дмитриевского собора сужаются кверху. Один конец обломка заострен для вставки в консоль; при этом совсем незаметно характерных для подлинных камней следов тески, которые есть на концевых фрагментах Рождественского собора. Схема плетенки воспроизведена верно (4), но жгуты как бы слишком туго стянуты; на подлинных колонках они сплетены не столь плотно, с зазорами. Второй фрагмент слишком мал, чтобы судить о схеме его орнамента.

[16] Одна из этих колонок (31) находится в Русском музее. Фрагмент невелик: на нем поместилась только двойная петля, начало верхнего и часть нижнего овала и верх двухъярусной пальметты в виде крестообразного трилистника. Сюжетно и стилистически такой орнамент характерен именно для Рождественского собора. Большую часть занимает двойная петля, свойственная как овоидному плетению, так и ромбическому. Однако изгиб петли тяготеет скорее к овалу, чем к ромбу.

[17] Два из них (95, 96) кажутся нам частями одной колонки.

башнях, очень популярен на Рождественском соборе, а на Георгиевском вовсе отсутствует. Заполнение орнаментальной рамки тоже меняется в сторону унификации: уже нет зверей и птиц, много одинаковых пальметт, нет штриховки на лепестках.

Этапным явлением кажется фриз башен. Гораздо более развитый и насыщенный по рисунку, зрелый по стилю сравнительно с Дмитриевским собором, орнамент фриза по ассортименту схем мало чем уступает Рождественскому собору, несмотря на разницу в количестве сохранившихся образцов. Фриз башен предвосхищает орнаментальные схемы колонок Рождественского собора: плетение с мотивом кольца, ромбический и замкнутый орнамент, штриховку лепестков, смелость в выборе масштаба. Поражает богатство линий и гармония форм [18].

Колонки далеко не исчерпывают орнаментального богатства аркатурно-колончатого фриза, а тем более целого памятника. Вероятно, орнамент фустов стилистически, иконографически и по смыслу связан с прочими звеньями фризовой системы: консолями и капителями, интерколюмниями, тимпанами и антревольтами, а орнамент фриза — только часть фасадной скульптуры, которая, в свою очередь, не изолирована от других жанров прикладного искусства. Вероятно, ближайшие аналогии орнаменту фустов надо искать в прочих непрерывных орнаментах: на колонках и архивольтах порталов, лопатках, горизонтальных фризах. Тем не менее колонки при своей многочисленности все-таки гораздо более индивидуальны. Исследование совокупности орнаментов, а затем и разгадка их смысла могут стать программой дальнейших работ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вагнер Г. К.* Скульптура Древней Руси. Владимир, Боголюбово. М.: Искусство, 1969.
2. *Вагнер Г. К.* Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. Юрьев-Польской. М.: Наука, 1964.
3. *Вагнер Г. К.* Белокаменная резьба древнего Суздаля. М.: Искусство, 1975.
4. *Щепкин В. Н.* Русская палеография. М.: Наука, 1967.
5. *Макарова Т. И.* Симметрия в растительном орнаменте Древней Руси//Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978.
6. *Шубников А. В.* Симметрия. М.; Л.: Наука, 1940.
7. *Смирницкая Е. В.* К вопросу о стилистических принципах средневекового зооморфного орнамента (на материале древнерусских серебряных наручей)//Художественный язык средневековья. М.: Наука, 1982.
8. *Новаковская С. М.* К вопросу о поздних рельефах в резьбе Дмитриевского собора во Владимире (аркатурно-колончатый фриз)//СА. 1978. № 4.
9. *Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV веков. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
10. *Мацулевич Л. А.* Хронология рельефов Дмитриевского собора во Владимире-Залесском. Пг., 1922.
11. *Новаковская С. М.* К вопросу о галереях белокаменных соборов владимирской земли//КСИА. 1981. Вып. 164.

[18] Датировка башен спорна. Н. Н. Воронин сближает время сооружения башен и Дмитриевского собора [9, с. 423]. С. М. Новаковская считает башни близкими предшественниками Рождественского собора [11, с. 50]. М. С. Гладкая помещает башни хронологически после Рождественского собора: Доклад «О группе плоских рельефов Дмитриевского собора во Владимире», сделанный на Краеведческих чтениях, посвященных уроженцу г. Владимира, Почетному гражданину города, доктору исторических наук, лауреату Ленинской премии Н. Н. Воронину 16.12.1981 года [12, с. 196]. Вслед за А. В. Столетовым, она связывает их постройку с пожаром 1229 года [12, с. 199; 16, с. 122]. Трудно решить, пользуясь только материалом фризов, что построено раньше: башни или Рождественский собор 1222—1225 годов. Несомненно лишь то, что барельефно-графическая манера резьбы и как принадлежность ее — виртуозное владение рисунком сближает башни с Рождественским, а не с Дмитриевским собором. С другой стороны, богатство и разнообразие схем, свобода в их построении отдаляют башни и от Георгиевского собора. В то же время пропорции башенных фустов, сужающихся кверху, и сгармонированные с ними пропорции орнамента гораздо больше напоминают Дмитриевский собор, чем Рождественский или Георгиевский, где эти принципы почти забыты. В этом смысле башни оказываются между Дмитриевским и Рождественским соборами. Но слишком небольшое число башенных колонок не позволяет дать фризу конкретное место в хронологическом ряду.

12. *Гладкая М. С., Скворцов И. А.* О трех группах рельефов Дмитриевского собора во Владимире//Памятники истории и культуры. Вып. 2. Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд-во, 1983.
13. *Варганов А. Д.* К архитектурной истории суздальского собора (XI—XVII вв.)// КСИИМК. 1945. Вып. XI.
14. *Варганов А. Д.* Новые данные по архитектурной истории суздальского собора XI—XIII вв.//СА. 1960. № 4.
15. Научный архив ВСЭНРПМ. Фототека. Шифр С17.
16. *Столетов А. В.* К истории архитектурных форм Дмитриевского собора в г. Владимире//Вопросы охраны, реставрации и пропаганды памятников истории и культуры. Вып. III. М., 1975.

T. P. Timofeyeva

ON THE NATURE OF ORNAMENTATION OF COLUMNS WITH FRIEZES OF 12TH-13TH-CENTURY VLADIMIR-SUZDAL ARCHITECTURAL MONUMENTS

Summary

The arcature frieze was a special feature of the Vladimir-Suzdal architecture of the 12th—13th centuries. The columns of three sites bear carved ornaments: St. Demetrius Cathedral in Vladimir, the Nativity Cathedral in Suzdal and St. Georges Cathedral in Yuriev-Polsky. In the 19th century many sham columns and fourteen earlier columns from the demolished towers of St. Demetrius Cathedral were added to the frieze of the cathedral. The frieze of the Nativity Cathedral also contains numerous later additions.

Having separated the original and the sham columns and having taken into account the fragments of columns from the Nativity and St. Georges cathedrals we classified the ornaments into six groups: frets, ovals, lozenges, heart-shaped, closed and floral ornaments. The article contains a table of ornamental patterns with 100 schema illustrating a certain regularity in ornamental evolution. The frieze of the towers of St. Demetrius Cathedral, most elaborate and highly varied (the dating is uncertain) marked a stage in artistic development.

The columns of the towers should be placed, chronologically, between St. Demetrius and the Nativity cathedrals.

Дискуссии

В предлагаемом разделе редакция публикует критические замечания и отклики об основных теоретических положениях статьи В. А. Башилова, Э. Н. Лооне «Об уровнях исследования и познавательных задачах археологии» (СА, № 3, 1986 г.).

Редакция благодарит всех, принявших участие в дискуссии, и надеется, что столь успешно начатое обсуждение послужит стимулом к полезному разговору о других вопросах, не менее животрепещущих и дискуссионных для археологии.

В. Н. БОРЯЗ

О ПРАВОМЕРНОСТИ ВЫДЕЛЕНИЯ «РЕКОНСТРУКТИВНОГО» УРОВНЯ ИССЛЕДОВАНИЯ В АРХЕОЛОГИИ

Одним из признаков перехода советской археологии на очередной этап своей зрелости как науки является тенденция к осмыслению не некоторой суммы изолированно взятых теоретических проблем, а комплекса проблем весьма высокого уровня общности, причем комплексность здесь обретает силу методологической установки и одновременно средства решения каждой проблемы в зависимости от степени познания всех прочих и, наоборот, когда решение одной из проблем становится условием прогресса в познании всей их системы в целом.

Этот признак, если его применить в качестве критерия оценки публикаций, свидетельствует, что статья В. А. Башилова и Э. Н. Лооне соответствует современным потребностям и характеру развития советской археологической науки.

Особенность авторского подхода состоит в том, что, избрав центральным объектом анализа проблему уровней исследования в археологии как такую, от решения которой зависит понимание многих сопряженных с нею проблем, В. А. Башилов и Э. Н. Лооне ставят целью оспорить традиционную точку зрения о дифференциации исторического и археологического познания на два уровня — эмпирический и теоретический, выдвигая и обосновывая гипотезу о существовании именно трех подобных уровней — реконструктивного, эмпирического и теоретического. Авторы подчеркивают, что выделение реконструктивного уровня и признание его самоценности связано «с невозможностью для историка непосредственно наблюдать события, происходившие в прошлом». В силу этого обстоятельства «историческая наука принципиально отличается от наук естественных, да и от некоторых обществоведческих дисциплин, например социологии. Содержание первого уровня исследования заключается в реконструкции конкретных событий и явлений прошлого на основании письменных источников» [1, с. 197]. Проанализируем эти основания. Первый тезис — о невозможности для историка непосредственно наблюдать прошлые события — тривиален и опровержению не подлежит. Но превращение его в критерий принципиального отличия исторической науки от естествознания и ряда обществоведческих дисциплин должно быть подвергнуто не только обсуждению, но и критическому отрицанию.

Ведь выражения «события, происходившие в прошлом», «события прошлого» по самому своему общему смыслу служат для обозначения тех событий, которые возникли, протекли и завершились на определен-

ной временной дистанции от настоящего, при условии, что в таком случае мы под «настоящим» понимаем временной период непосредственной жизнедеятельности познающего субъекта, совершающего научное отображение процессов развития. Но отсюда следует, что представители любых наук находятся в равном гносеологическом отношении, ибо процессы развития, завершившие свой ход до наступления так понимаемого настоящего времени, не могут быть объектами непосредственного наблюдения, какова бы ни была природа этих процессов, но могут быть объектами опосредованного наблюдения по вторичным, третичным и т. д. следам их протекания, при посредстве экспериментального воспроизводства самих процессов, объектов прошлого и порождаемых ими производных явлений и пр.

Иначе говоря, при строгом употреблении понятия «события (процессы, объекты) прошлого» выясняется, что астрономия, геология, география, биология, история, археология, социология обладают как раз принципиально схожими гносеологическими возможностями и испытывают сопоставимые трудности при исследовании такого типа событий, что такой критерий, как невозможность непосредственного наблюдения прошлых событий, скорее всего оказывается еще одним признаком принципиального единства видов научного знания, чем их отличия, а тем более абсолютизации своеобразия истории как науки, доведенной до представления об ее уникальности. На строгом использовании понятия «события (процессы, объекты) прошлого» приходится настаивать, чтобы искоренить одну из причин этих неверных гносеологических выводов. Так, например, авторы статьи, вновь подчеркивая гносеологическую специфичность отстаиваемой ими триадной схемы, пишут: «Предлагаемая схема отличается от естественно-научной прежде всего существованием первого, реконструктивного уровня, который отражает специфику истории как науки о прошлом и не нужен ученым-естественникам, непосредственно наблюдающим исследуемые процессы и объекты» [1, с. 198]. Но концовка этого вывода свидетельствует о том, что авторы не заметили произведенной ими подмены понятий; одно дело «прямо наблюдать» «исследуемые», т. е. текущие сейчас, в настоящем, в ходе эксперимента, процессы и взаимодействия, и другое — «прямо, непосредственно наблюдать» то, что к настоящему времени прекратило свое существование как процесс, состояние, предмет.

Желая найти в пределах меры такого критерия определенные различия в процессах познания природных и общественных явлений, правомерно было бы говорить о разнице в соотношении возможностей непосредственного и опосредованного наблюдения изучаемых естествознанием или общественными науками процессов и явлений. Но, во-первых, подобная разница соотношений не может быть истолкована как признак принципиального различия естественных и исторических наук, а во-вторых, для современной астрономии, физики, химии и прочих наук «непосредственное наблюдение» на деле оказывается весьма сложно организованным опосредованным познавательным процессом, что, впрочем, можно сказать и о тех разделах исторических наук, объектом которых выступают реалии современности — здесь также «непосредственное наблюдение», будучи принципиально возможным, по необходимости обращается в опосредованное.

Опуская всю прочую систему аргументации в доказательство того, что различия исторических и естественных наук существуют именно в пределах их принципиального единства, подчеркнем лишь то обстоятельство, что когда естественным и общественным наукам необходимо изучать «прошлые состояния» их объектов, то они вырабатывают соответствующие этой задаче методы своих исследований, причем именно по причине принципиального единства этих наук оказывается возможным заимствование методов одной области науки для целей другой. В противном же случае такой перенос методов подпал бы под объективное вето.

Итак, если убрать из начальных обоснований авторов статьи тезис о принципиальном отличии исторической науки от прочих наук из-за якобы существующей только для нее невозможности непосредственно наблюдать события прошлого, то приходим к выводу, что единственным аргументом в пользу того, чтобы процесс реконструкции конкретных событий и явлений прошлого на основании письменных источников квалифицировать как первый, реконструктивный уровень исторической науки, оказывается сама необходимость такой реконструкции. Но поскольку мы выяснили, что для любой науки невозможно непосредственное наблюдение событий прошлого, а значит, тоже существует необходимость тем или иным способом реконструировать их, то, последовательно придерживаясь логики рассуждений, следует заключить, что все науки, решающие подобного рода задачи, должны обладать в качестве первого реконструктивным уровнем исследования.

Понятно, что этого вывода авторы не формулируют и не могут сформулировать из-за принятой ими установки об уникальности исторической науки. Однако правомерно предположить, что сама идея принципиального отличия исторической науки от других наук возникла потому, что ни в одной другой области знания, где необходимо исследовать прошлые состояния объекта познания, а значит, реконструировать их научными средствами, до сих пор не было выдвинуто требование переосмыслить структуру познавательного процесса. Это, на наш взгляд, могло иметь место по двум причинам: либо в этих науках исторически не сформировались достаточные гносеологические предпосылки для выделения особого, отличающегося от эмпирического реконструктивного уровня исследования, либо само содержание, итоги познавательного процесса в единстве с арсеналом методов познания не дают действительных критериев вычленения из эмпирического уровня исследований еще одного — нового, реконструктивного уровня. Конечно, нас сейчас в первую очередь интересуют не возможные причины исторического характера, а причины гносеологические. А это значит, что в качестве главного встает вопрос об установлении действенных критериев правомерности выделения реконструктивного уровня из эмпирического.

Выше мы показали, что в соответствии с аргументацией В. А. Башилова и Э. Н. Лооне в качестве такого критерия выступает только необходимость процесса реконструирования событий прошлого. Но поскольку не менее необходимыми для развития исторической науки оказываются и все другие этапы и стадии познания, то, очевидно, что необходимость реконструкции не может быть критерием именно дифференциации, расчленения процесса познания на его составные, иерархически соподчиненные части.

Этот вывод распространяется, конечно, и на археологическую науку, поскольку В. А. Башилов и Э. Н. Лооне, обращаясь к археологической практике, апеллируют именно к тем ее сторонам, которые свидетельствуют о необходимых процедурах поиска и фиксации ископаемых объектов, систематизации раскопанного материала и реконструкции конкретных картин общественной жизни прошлых эпох на примерах конкретного поселения или захоронения умершего [1, с. 198].

Итак, выдвинутый авторами критерий вычленения реконструктивного уровня из эмпирического не является действительным критерием, а значит, их позиция еще не отличается от той, которую они охарактеризовали как традиционную. Такое отличие тем труднее признать, поскольку авторы сами в осуществленном ими кратком историографическом обзоре показали наличие в археологической литературе целого ряда попыток дифференциации эмпирического уровня познания в археологии.

Например, В. Д. Викторова, как отмечают В. А. Башилов и Э. Н. Лооне, в работах 1975 и 1979 гг. дифференцировала эмпирический уровень исследования на два этапа, первый из которых характеризовала целью создания «эмпирических фактов археологии», что весьма близко по

смыслу реконструктивному уровню исследований, как его описывают авторы статьи.

Точно так же В. Ф. Генинг, точку зрения которого тоже излагают В. А. Башилов и Э. Н. Лооне, в рамках эмпирического уровня с учетом первой цели археологического познания — формирования эмпирического базиса исследования выделяет первую задачу: сбор и фиксацию артефактов. Но ведь такая стадия исследования вполне может рассматриваться в качестве аналогичной тому же реконструктивному уровню, по терминологии В. А. Башилова и Э. Н. Лооне.

Следовательно, уже этих двух примеров из современной археологической литературы оказывается достаточно для заключения, что позиция В. А. Башилова и Э. Н. Лооне отличается от воззрений их предшественников лишь стремлением утвердить идею абсолютной самостоятельности так называемого реконструктивного уровня взамен тезиса об относительной самостоятельности такого рода фазы археологического познания.

В этом пункте рассуждений уместно поставить вопрос: в какой мере для археологии важна проблема дифференциации процесса познания на его уровни, и в частности самого эмпирического уровня? С одной стороны, история археологии свидетельствует, что археологическое познание стихийно, в силу накопления эмпирического материала, совершенствования и обогащения методов познания, развития взаимосвязей с другими науками, повышения степени обобщения исторических фактов дорастает до охвата всей совокупности проблем — от самых конкретных, частных, процедурных до наиболее абстрактных, общих, методологических — относительно независимо от того, оказывается ли уже эта совокупность объектом гносеологического анализа и какой в итоге такого анализа представляется ее структура (по числу уровней познания, характеристике их специфики и пр.). С этой точки зрения для археологической практики не имеет существенного значения, признаем ли мы реконструктивный (и аналогичные ему) уровень исследования первым и самостоятельным или отнесем его к изначальному эмпирическому подуровню.

Но, с другой стороны, та же история археологии доказывает, что археология в своем развитии познает не только объективно-исторический процесс, но и процесс собственного становления как науки, т. е. реализует свою гносеологическую функцию. Отсюда следует, что поиск доказательных и истинных решений фундаментальных гносеологических проблем есть важнейшее средство совершенствования археологии в ее гносеологическом аспекте. Но такого рода прогресс в конечном счете выступает и условием перехода археологической науки на новый качественный уровень исследования древних обществ как объективного процесса. Наряду же с воздействием на археологическую практику развитие гносеологической функции археологии одновременно является способом развития общей системы теоретического знания в археологии и ее понятийно-категориального аппарата.

В качестве примера влияния решения гносеологических проблем на формирование понятийного аппарата археологии может служить опять же точка зрения В. А. Башилова и Э. Н. Лооне. Действительно, авторы, казалось бы, решают сугубо гносеологическую задачу — обосновывают правомерность выделения из процесса эмпирического исследования в качестве самостоятельного такого уровня, в рамках которого ископаемые объекты фиксируются, описываются, систематизируются, а затем на этой основе реконструируются конкретные события прошлого. Но на самом деле авторы статьи одновременно решают и логическую задачу по конкретизации понятия «реконструкция», поскольку это понятие применяется ими для обозначения только данного уровня познания. А это означает, что содержание используемого понятия предопределяется лишь основными признаками охарактеризованного таким образом этапа познания, т. е. применение его сводится исключительно к воссозданию событий прошлого, познающихся на основе раскопок отдельно взятых памятни-

ков. Очевидно, что семантическая нагрузка понятия «реконструкция» в таком случае подвергается значительному ограничению вопреки сложившейся в археологической науке практике использования его по отношению к мысленному воспроизведению событий, состояний, связей, отношений, процессов прошлого любой степени общности, любого пространственно-временного масштаба, доступного средствам археологического познания.

Вообще следует иметь в виду, что неоправданное сужение смысла любого понятия может иметь негативные логические последствия: введение новых, излишних понятий для перекрывания образовавшегося «белого семантического пятна», ненужная перестройка логических отношений в узле соподчиненных понятий и пр. Все это еще раз подчеркивает необходимость предельно строгого обоснования теоретических позиций, к какой бы области археологического познания они ни относились.

Поскольку осуществленное авторами статьи ограничение смысла понятия «реконструкция» не обосновывается, да и, очевидно, обосновано быть не может, постольку и анализируемый ими уровень исследования именовать «реконструктивным» неправомерно, так как и прочие уровни познания способны, хотя и в разной степени, выполнять эту познавательную роль.

Итак, рассмотрев все специфические характеристики того выделяемого В. А. Башиловым и Э. Н. Лооне уровня исследования, который трактуется ими как первый, самостоятельный, доэмпирический, реконструктивный, мы не нашли пока основательных аргументов, свидетельствующих о правомерности авторской точки зрения. Однако, подчеркивая специфичность этого уровня исследования, авторы сопоставляют его со следующим, вторым, который они весьма традиционно и, очевидно, для контраста именуют эмпирическим. Поэтому возникает необходимость рассмотреть, на основе каких признаков В. А. Башилов и Э. Н. Лооне определяют его качественное своеобразие в отличие от первого уровня исследований.

Второй, эмпирический уровень исследований характеризуется авторами через единство разнообразных форм, методов и результатов познания. Он предполагает: 1) «сравнение материалов различных памятников непосредственно и по публикациям, выявление в них сходных, повторяющихся черт и определенных различий», что «завершается, как правило, выделением археологических культур»; 2) осмысление этого материала посредством «перевода» его «в термины исторической науки» в качестве основы картин истории «различных регионов в различные эпохи»; 3) решение вопросов «о стадиальной принадлежности объектов из разных регионов или хронологических периодов» и исследование генетических связей и отдельных сторон жизни древних обществ—экономики, технологии, идеологии и др. [1, с. 198].

Прежде всего отметим то существенное обстоятельство, что путем сравнения авторских характеристик первого и второго уровней исследования обнаруживается новое бесспорное доказательство внутреннего единства этих уровней, о чем авторы умалчивают в своих рассуждениях. Такое единство проистекает из факта единого для двух уровней изначального объекта изучения в качестве главного источника знаний о событиях прошлого, так как именно выявленный в итоге полевых исследований, непосредственно данный, систематизированный и описанный материал выступает затем исходным и основным объектом всех прочих познавательных операций, отнесенных авторами к эмпирическому этапу исследований. Это еще один аргумент против выделения «реконструктивного» уровня из эмпирического. Но констатация этого факта вскрывает новые противоречия в логике развития темы.

Действительно, совокупность характерных для эмпирического уровня признаков авторы статьи одновременно рассматривают и как признаки качественного отличия этого уровня от предшествующего. А это означает, что на «реконструктивном» уровне фиксация и даже систематизация и описание памятников должны вестись, в соответствии с логикой авторов,

без применения метода сравнения, без использования анализа с целью выявления общих свойств и имеющихся различий, при отказе от осмысления полученного материала в терминах исторической, а тем более, если довести до конца авторскую мысль, социологической науки, и т. д. В иной формулировке такого рода запреты равносильны утверждению, что первым критерием квалификации исследования как эмпирического или «реконструктивного» оказывается набор применяемых методов познания: на «реконструктивном» уровне допустимо использование метода систематизации, тогда как прочие методы будто бы являются прерогативой только эмпирического уровня. Несколько позже авторы явным образом утверждают эту идею, считая, что «Каждой из ступеней исследования соответствуют как свои специфические задачи, так и, в значительной мере, свои методы» [1, с. 199], относя к основным методам реконструктивного уровня прежде всего методы раскопок, первичной обработки материала.

В соответствии с авторской позицией вторым критерием разнесения разных исследований по уровням будет служить различие применяемого терминологически-понятийного аппарата: язык описания памятников прошлого на «реконструктивном» уровне не должен включать исторические и социологические термины, понятия и категории.

Из сопоставления характеристик первого и второго уровней исследования выводимо и третье отличие их. Так, можно заключить, что для первого уровня исследования типично изучение именно отдельного памятника (конкретного поселения, захоронения и пр.). И только второму уровню исследования присуще изучение совокупности памятников, что равносильно введению количественного критерия различения уровней познания: один объект — много объектов.

Наконец, по тем же основаниям можно заключить и о природе четвертого критерия различия данных уровней, которым оказывается допустимая степень обобщения археологического материала. На «реконструктивном» уровне обобщения, как можно понять авторов, еще не имеют места: здесь речь идет о выявлении конкретных признаков, позволяющих сформировать конкретную картину жизни отдельного поселения или способа захоронения умершего. На эмпирическом же уровне обобщение необходимо и достигает той степени, когда возможно выделение культур, установление стадиальной принадлежности памятников или исследование развития специфических сфер жизни древних обществ в целом (экономики, технологии, идеологии и пр.). Следовательно, эти положения в переводе на язык философских категорий означают, что «реконструктивный» уровень есть уровень познания отдельного, и только отдельного, а эмпирический — познания особенного вследствие движения мысли от множества отдельных объектов путем обобщения их различных свойств, связей, отношений до выделения некоторого особенного качества и выражения его в соответствующих понятиях археологической и исторической науки.

Всякая классификация, систематизация, конечно, предполагает деление определенного множества, установление критериев такого процесса, разнесение по классам, группам, уровням соответствующих объектов с указанием границ между ними. И с этой точки зрения действия В. А. Башилова и Э. Н. Лооне, как и других исследователей такого рода задач, обусловлены природой самих задач. Но в ходе решения всегда возникает одна и та же проблема — найти адекватный природе задачи способ ее решения, предполагающий в качестве своих конкретных проявлений соответствующие критерии и определенные операции их применения. Представляется, что В. А. Башилову и Э. Н. Лооне в их рассуждениях не удалось полностью соблюсти эти условия, зачастую они впадают либо в неоправданные ограничения познавательных операций, либо в недостаточно аргументированное рассечение на части единых по своей гносеологической природе процедур и пр.

Так, в частности, трудно понять основания резкого ограничения возможностей метода систематизации, а тем более описания материалов

раскопанного памятника в силу требования осуществлять их без использования методов сравнения, аналогии и не квалифицируя материал в терминах исторической, этнографической, социологической науки. Ведь метод систематизации, даже взятый сам по себе, именно потому, что он по своей природе является абстрактно-формальным, т. е. безразличным к качественной природе систематизируемого материала, может быть применен к весьма разнокачественным объектам (как материальным, так и идеальным), а значит, основан на самых разных в качественном отношении критериях систематизации. Это, во-первых, означает, что он может быть использован не только на «реконструктивном», но и на эмпирическом и теоретическом уровнях исследования, а во-вторых, что его применение с неизбежностью предполагает обращение к терминологически-понятийному аппарату различных областей знания. Более того, процесс систематизации предполагает наличие материала, как бы равно готового во всех его компонентах к процедуре систематизации с выбранными критериями. Но в действительном археологическом познании материал зачастую до систематизации и для ее осуществления должен быть исследован другими эмпирическими методами, например с целью наиболее точной идентификации природы или функций объекта, что оказывается предварительным условием включения его в процесс систематизации.

Далее, если следовать требованиям В. А. Башилова и Э. Н. Лооне не прибегать в ходе первичной обработки материала ни к каким сравнениям и аналогиям, то описание памятника будет сведено до образно-конструктивной формальной схемы с использованием средств графики, черчения, фото- и кинофиксации и изложено языком обыденно-бытовых понятий с привлечением соответствующих специально-технических терминов. Такое описание возможно, но оно равносильно тому, что памятники при таком способе их отображения изначально будут лишены элементарой археологической, исторической, социологической идентификации, т. е. исходных признаков археологического факта. Поясним это на самом простом примере. Любой набор галек можно систематизировать по их минералогическому составу, массе, общей геометрической форме, типам сколов, следам износа и иным признакам, фиксируя их графически, за счет фото- и кинотехники, картографирования и тому подобных средств. Но весь итог такого рода исследований не будет иметь отношения к археологии до тех пор, пока вследствие сравнения, аналогии, типологизации, трасологического анализа, археологического эксперимента некоторые из этих галек не будут идентифицированы как нуклеусы, чопперы, чоппинги, рубила, скребла и т. д., т. е. не получат изначальной археолого-историко-социологической квалификации и не будут тем самым включены в соотносящиеся ряды палеолитических орудий. Только через установление отношения (за счет разных методов) с определенным типологическим рядом предмет получает свое археологическое определение, и, лишь получив его, он входит в этот ряд, видоизменяя его, а следовательно, и итоги археологического познания. Установление такого нового отношения идеально отображается вербальными средствами археологии, а они изначально историко-социологически нагружены.

Для оценки действенности выделенных критериев и разрешения возникших противоречий обратимся к реальной практике археологического познания. С этой целью достаточно случайным образом выберем сборники, содержащие публикации об итогах полевых и камеральных археологических исследований различных памятников. Из публикаций предпочтение отдадим тем, которые по своему содержанию и способу изложения материала в большей степени соответствуют трактовке «реконструктивного» и эмпирического уровней исследования в статье В. А. Башилова и Э. Н. Лооне.

В качестве первого примера рассмотрим статью Э. Б. Вадецкой «Афанасьевский могильник „Красный Яр“ и его датировка» [2]. Статья содержит описание результатов раскопок одного могильника, не имеет явно выраженных исторических и социологических обобщений и отражает степень достижения автором предварительно сформулированной методиче-

ской цели — стремиться к «тщательности изучения получаемой информации путем скрупулезных раскопок целых могильников широкими площадями» [2, с. 237]. Иначе говоря, в соответствии с задачами и установками статьи ее можно посчитать достаточно эталонной для «реконструктивного» уровня исследований.

Однако как в названии статьи, так и в первом же ее тезисе прежде всего констатируется принадлежность этого могильника к афанасьевской культуре. Другими словами, понятие «афанасьевская культура» сразу же введено в контекст как средство археолого-исторической идентификации могильника, как способ установления историко-культурной сущности, так сказать, первого порядка всего того материала, который в совокупности своей будет итогом раскопок. Значит, высший тип понятия эмпирического уровня исследований оказался и необходимым, и достаточным условием для определения археолого-исторической целесообразности исследования «реконструктивного» уровня.

Давая краткую характеристику могильника, его элементов, инвентаря погребений, Э. Б. Вадецкая вынуждена постоянно и прежде всего использовать метод сравнения для констатации общих и различных, общих, особенных и единичных признаков изучаемого памятника в их непосредственной данности в целях элементарного упорядочения полученного материала, не доводя, однако, этот процесс до уровня систематизации.

Этот же метод лежит в основе доказательства места афанасьевской культуры как более раннего этапа в сопоставлении с окуневской культурой в исторической цепи развития, что в сочетании с абсолютной датировкой афанасьевской культуры методом радиокарбонного анализа представляет собой не что иное, как эмпирический способ конкретизации представлений об этой культуре в ее историческом аспекте. Последнее обстоятельство означает, что в случае решения вопроса об определении афанасьевской культуры как общественно-исторического явления представленные Э. Б. Вадецкой эмпирические признаки потенциально способны трансформироваться в признаки этого понятия, содействуя уточнению его содержания как понятия эмпирического уровня исследования.

Следовательно, в этом случае мы обнаруживаем движение по витку спирали от эмпирического понятия как средства археолого-исторической идентификации эмпирического материала через изучение этого материала с применением прежде всего метода сравнения как условия аналитического выявления общего и различного, общего, особенного и единичного, дополняемого естественно-научным (радиокарбонным) методом, и вновь к тому же эмпирическому понятию в целях уточнения его конкретно-исторических признаков. Очевидно, что такая схема движения познания диалектичнее, чем предлагаемая В. А. Башиловым и Э. Н. Лооне с ее разрывом объекта исследования и искусственным разнесением методов познания между двумя уровнями, а также с ее односторонним индуктивным восхождением мысли от эмпирических данных к эмпирическому понятию в границах только второго уровня познания.

В рамках «реконструктивного» уровня В. А. Башилов и Э. Н. Лооне особое место отводят систематизации материалов раскопок как ведущему и чуть ли не единственному методу, в итоге которого создаются предпосылки описания и публикации памятника. В. А. Башилов и Э. Н. Лооне не оговаривают ни признаки, ни способы, ни цели систематизации, очевидно, признавая широкие возможности этого метода. Кроме того, учитывая, что систематизация предполагает полную достоверность признаков, на которых базируется вся процедура, а эта достоверность бывает часто проблематичной и требует дополнительных уточнений другими методами, целесообразно рассмотреть пример с этой типичной ситуацией. Такого рода примером может служить статья Г. Ф. Коробковой и Т. А. Шаровской «Функциональный анализ каменных и костяных изделий из курганов эпохи ранней бронзы у станиц Новосвободной и Батуринской» [3].

В преамбуле статьи авторы поясняют истоки проблемы: керамические, бронзовые, каменные и костяные изделия из курганов обычно «изу-

чались с типологической точки зрения и их назначение определялось по технико-морфологическим показателям», вследствие чего «функции предметов из погребений устанавливались весьма приблизительно, а порой неточно» [3, с. 88], что, естественно, затрудняло типологию и классификацию вещей. Этого рода трудность вызывалась и объективными причинами: разнообразием «конкретных производственных назначений» вещей, сложностью «функционального определения изделий эпохи палеометалла» [3, с. 88, 89]. В целях преодоления этих трудностей авторы выработали особую методику трасологического анализа, определили в качестве объекта изучения каменные, костяные и керамические изделия из двух могильников, поставили задачу «определить функцию и технологию изготовления этих вещей, попытаться увязать последние с конкретными производствами», что в конечном итоге и позволило исследуемые предметы «разделить на четыре функциональные категории: орудия труда, оружие, вещи бытового назначения, предметы культа», а каждую из этих категорий — на разные «функциональные группы, характеризующие определенные производства» [3, с. 89]. Далее авторы в рамках выработанной классификации дают характеристику исследованных вещей, постоянно пользуясь методом сравнения их признаков, устанавливая аналогии, выявляя общее, особенное и единичное в технике, технологии производства и функциях предметов. В итоге исследования авторы делают конкретные выводы о характерной технике и технологии различных производств, завершая анализ общим заключением «о существовании у носителей майкопской культуры местного центра металлургического и металлообрабатывающего производства» всех четырех классов вещей и о наличии «постоянно действующих мастерских» [3, с. 94].

Следовательно, Г. Ф. Коробкова и Т. А. Шаровская, стремясь задать научно обоснованные признаки классификации и выработать точную классификационную систему для определенной совокупности ископаемых объектов, должны были прибегнуть к использованию не только ряда сопряженных эмпирических методов познания, но, что весьма симптоматично, и к квалификации предметов, их функций в понятиях исторического материализма наряду с терминами технологического характера. В целом же осуществленный анализ с необходимостью подвел авторов к историко-социологическим выводам, конкретизирующим характеристику майкопской культуры с точки зрения состояния и тенденций развития важнейших отраслей присущих ей производств. Таким образом, решая изначально задачу, типичную будто бы для «реконструктивного» уровня исследований, Г. Ф. Коробкова и Т. А. Шаровская решили систему эмпирических задач с использованием совокупности эмпирических же методов, доведя анализ до конкретизации представлений о природе майкопской культуры в историко-социологическом аспекте с привлечением понятий исторического материализма. Особо подчеркнем, что процесс познания и в этом случае не был однолинейным: сначала за счет определенных познавательных приемов уточнялась функциональная и социальная природа объектов исследования, и лишь научно квалифицированный объект познания позволил двинуться по пути обобщений до уровня оценок отдельной сферы материального производства носителей майкопской культуры.

Как видим, расчленить этот диалектически целостный познавательный процесс на два уровня по предлагаемым В. А. Башиловым и Э. Н. Лооне критериям опять не представляется возможным.

Не приводя иных примеров того же рода, можно заключить, что и из анализа сформулированных В. А. Башиловым и Э. Н. Лооне признаков эмпирического уровня и его отличий от так называемого «реконструктивного» уровня следует, напротив, вывод об их внутреннем единстве. Последнее в конечном счете обусловлено единством своих составляющих: 1) исходного, основного объекта исследования, полученного в результате полевых изысканий и камеральной проработки материала; 2) арсенала эмпирических методов познания; 3) терминологически-понятийного аппарата; 4) возможных степеней обобщения в рамках диалектики взаимо-

связей между единичным, особенным и общим. Констатируем к тому же, что четких и столь же равномощных критериев различия названных уровней В. А. Башилов и Э. Н. Лооне не представили, а мы в ходе анализа их также не выявили. Поэтому до обнаружения таких критериев вышеохарактеризованное единство правомерно расценивать как тождество. Иначе говоря, нет еще оснований признать факт существования «реконструктивного» уровня, а имеющиеся основания требуют пока продолжать считать первым уровнем исследования в историческом (археологическом) познании именно эмпирический уровень.

Сформулировав этот вывод, следует констатировать, что далее встает реальная проблема сложности эмпирического уровня исследования, критериев его дифференциации, принципов выработки этих критериев. Не имея возможности в рамках данной статьи осуществить развернутое рассмотрение состояния и тенденций решения этой проблемы в советской археологической литературе, попытаемся лишь наметить те основные аспекты, конкретная разработка которых совершенно необходима для последующего позитивного разрешения проблемы в целом.

В самом общем виде, на наш взгляд, представления о сложности эмпирического уровня исследования будут предопределяться воззрениями на природу объекта эмпирического познания, на роль методов исследования этого объекта как средств получения нового знания, на способы рационального осмысления исходного объекта для идеального воспроизведения его содержательных характеристик, на механизмы выработки новых или использования имеющихся в науке терминов, понятий, категорий и их диалектических взаимосвязей для логически обобщенного выражения содержания получаемого знания, на роль терминологически-понятийного аппарата эмпирического уровня исследований при описании и объяснении исходного объекта, а также при восхождении на следующий — теоретический уровень археологического познания.

Если в современной археологической литературе встречаются справедливые утверждения, что до сих пор еще не выработано научных представлений о структуре и методах развития археологической теории, то еще более актуально должно звучать самокритическое признание отсутствия развитых и строго обоснованных научных представлений о строении и методах развития эмпирического уровня археологического познания. Собственно говоря, всестороннее и конкретное решение перечисленных выше задач в их внутренней взаимосвязи и привело бы к преодолению такого недостатка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Башилов В. А., Лооне Э. Н.* Об уровнях исследования и познавательных задачах археологии//СА. 1986. № 3.
2. *Вадецкая Э. Б.* Афанасьевский могильник «Красный Яр» и его датировка//Тез. докл. сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973.
3. *Коробкова Г Ф., Шаровская Т А.* Функциональный анализ каменных и костяных изделий из курганов эпохи ранней бронзы у станиц Новосвободной и Батуринской// Древние культуры Евразийских степей. По материалам археол. работ на новостройках. Л.. Наука, 1982.

М. В. АНИКОВИЧ

«ТРИ УРОВНЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ» ИЛИ ТРИ СТУПЕНИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ?

В статье В. А. Башилова и Э. Н. Лооне [1] затрагивается ряд важных вопросов, не только касающихся структуры археологического исследования, определения границ археологии как науки, ее взаимоотношения с другими общественно-историческими дисциплинами, но также и вопросов, непосредственно связанных с философской проблематикой: понятия «эмпирия» и «теория», «эмпирическое» и «теоретическое» являются философскими категориями, и в этой связи правомочность дополнения их третьей категорией того же уровня является философской проблемой.

В. А. Башилов и Э. Н. Лооне считают процесс познания в исторической науке принципиально отличным от процесса познания в области естественных наук и, исходя из этой посылки, предлагают для исторического познания наряду с общепринятыми эмпирическим и теоретическим уровнями выделять первый, «доэмпирический», «реконструктивный» уровень исследования. В. Н. Боряз [2] дал убедительную критику самой исходной посылки, а также логических противоречий, выявляющихся при сравнительном анализе конкретных характеристик, данных В. А. Башиловым и Э. Н. Лооне «реконструктивному» и «эмпирическому» уровням. Не повторяя сделанные В. Н. Борязом замечания, с которыми я полностью согласен, хочу дополнить критику исходных посылок, лежащих в основе предложенной концепции процесса археологического познания, тем более что эти посылки получили широкое распространение в литературе, посвященной методологическим проблемам археологии, и воспринимаются подчас как нечто само собой разумеющееся. Кроме того, необходимо вычленить в предложенной концепции положительную часть, отделить ее от допущенных ошибок и неточностей.

В. А. Башилов и Э. Н. Лооне видят принципиальное отличие исторической науки от естественных наук в том, что историк не может «непосредственно наблюдать события, происходившие в прошлом», в противоположность ученым-естественникам, «прямо наблюдающим исследуемые процессы и события» [1]. Ошибочность такого противопоставления детально раскрыта В. Н. Борязом [2]. Действительно, даже если оставить в стороне естественноисторические дисциплины, изучающие процесс эволюции природных условий и форм жизни на Земле, если даже не рассматривать вопрос о том, какое временно́е состояние «непосредственно наблюдают» астрономы, изучающие глубокий космос, даже оставаясь в рамках тех естественных наук, которые никак не затрагивают исторический аспект изучаемых ими явлений, нетрудно убедиться в том, что и здесь возможности «непосредственного наблюдения» гораздо ограниченнее, чем это представляется на первый взгляд. Нельзя непосредственно наблюдать ни внутримолекулярные процессы, происходящие при химических реакциях, ни ядро Земли, ни состав и структуру звездного вещества, ни элементарные частицы и т. д. и т. п. Это, однако, никоим образом не может служить причиной (по крайней мере с позиций марксистской философии) для признания «объективно существующими» лишь непосредственно наблюдаемые явления (например, следы, наблюдаемые в камере Вильсона) в противовес явлениям, которые нельзя наблюдать непосредственно (элементарные частицы, оставляющие упомянутые следы)

Невозможно «дважды вступить в одну и ту же реку», еще раз «непосредственно воспринять» какое-либо событие прошлого, будь то деятельность II Съезда Советов, изучаемая современным историком, или же только что окончившееся заседание Ученого совета, на котором этот историк сделал доклад по своей проблеме. Но эта невозможность, во-первых, не означает полного отсутствия в историческом познании момента непосредственного наблюдения (тот же историк строит свою работу на данных, включающих и стенограммы съезда, и свидетельства его непосредственных участников), а во-вторых, никоим образом не может быть основой для гносеологического противопоставления непосредственно воспринимаемых историком остатков прошлых явлений, событий, процессов (будь то каменный скребок, летопись или кадры кинохроники) самим этим явлениям и процессам. Значительно более глубокий и сложный характер связи между непосредственно воспринимаемым и воспринимаемым опосредованно в историческом познании по сравнению с естественнонаучным познанием не отменяет принципиального наличия этой связи, гносеологического единства соединяемых ею элементов во всех науках без исключения. Нельзя поэтому считать прошлое бытие «лишенным онтологического и гносеологического статуса» [3, с. 11], выключая его тем самым из категории «объективная реальность».

Исходя из сказанного, философские категории «эмпирическое» и «теоретическое», отражающие наиболее общие качественные свойства научного познания как такового, неправомерно связывать только с рядом естественных наук типа физики и пытаться ввести понятие, равноценное данным, для другого ряда наук, связанных с историческим познанием. Но, может быть, особый, третий этап, третье качество, равноценное эмпирическому и теоретическому, присуще всему научному познанию, но в науках исторического профиля проявляется ярче, заметнее и, следовательно, может выделяться с наибольшей отчетливостью в ходе анализа именно исторического познания? Конкретный опыт, предпринятый в обсуждаемой статье, к положительному результату не привел: проведенное В. Н. Борязом [2] детальное сравнение «реконструктивного» и «эмпирического» уровней познания в археологии приводит к выводу «об их внутреннем единстве» [2]. В пользу того, что едва ли возможно вычленение третьего уровня научного познания, качественно равноценного эмпирическому и теоретическому, следует привести соображения и более общего плана. В научном познании теоретическое и эмпирическое выступают как диалектическое единство двух противоположно направленных видов деятельности. Это постоянно подчеркивается в философской литературе, посвященной этим двум категориям, указывается тесная связь этой пары с другой диалектической парой категорий: «явление» и «сущность» и т. п. (см., например [4, 5]). Первый аспект — единство этих двух противоположностей в познавательном процессе— наглядно представлен в монографии В. С. Швырева [6]. Связывая общий признак теоретического исследования «с направленностью... на совершенствование и развитие концептуальных средств науки, на построение теоретического мира», а общий признак эмпирического исследования «с направленностью на установление связей концептуального аппарата науки с реальностью, выявляемой в наблюдении и эксперименте» [6, с. 250], В. С. Швырев так рисует взаимодействие этих направлений: «Если принять идеализацию, при которой любой фрагмент научного знания, а в пределе и научное знание в целом изображается как некоторое абстрактное мысленное образование, своего рода безмерная математическая точка знания, обладающая только тем свойством, что она выражает некоторое мыслительное содержание, является понятийным отображением какой-то стороны объективной действительности, то этот идеализированный объект, представляющий собой концептуальную реконструкцию научного знания, можно представить как точку приложения сил, связанных с двумя родами деятельности: во-первых, деятельности по применению данного знания для обработки, ассимиляции действительности, лежащей вне знания, деятельности по

его «идеализации» в широком смысле этого термина и, во-вторых, деятельности, направленной на само это мысленное содержание, его анализ, преобразование и т. д. В первом случае познавательная деятельность будет носить экстенсивный характер, она направлена вовне научного знания, предполагает ассимиляцию в научном мышлении материала, данного в иных формах отражения. Во втором случае познавательная деятельность носит интенсивный характер, она направлена на сам аппарат научного познания, имеет целью его преобразование, развитие и пр. Важно подчеркнуть, что в представленном в таком виде идеализированном объекте оба „вектора" познавательной деятельности замыкаются на одном и том же элементе — мысленном образовании, которое в одном случае выступает как средство деятельности, а в другом — как объект деятельности. Вхождение одного и того же мысленного образования в состав обеих деятельностей обусловливает их изначальную связь» [6, с. 254].

При таком подходе двухразмерность предложенной модели имеет принципиальный характер (какой-либо третий вектор здесь попросту немыслим). Это подчеркивает В. С. Швырев, усматривая в «двухразмерности познавательной деятельности... специальный случай всеобщего свойства любой человеческой социально-культурной деятельности» [6, с. 254] и указывая на внутреннюю смысловую связь между различением, устанавливаемым для пары: «эмпирическое — теоретическое», и «имеющим многовековую традицию различением двух планов исследования форм, выступающих исходными единицами анализа знания» [6, с. 255].

Сказанное относится к общему, философскому определению категорий «эмпирическое — теоретическое». Такой подход, естественно, не может заменить собой анализ развертывания этих категорий в процессе изучения какой-либо конкретной формы познания. При этом выявляется, что взаимодействие эмпирического и теоретического является достаточно сложным и не может быть выражено путем простого переноса философских представлений об эмпирическом и теоретическом как о двух ступенях познания, из которых вторая «надстраивается» над первой [1], на предметную область исследования конкретной формы научного познания. В ходе такого исследования может выявиться, что изучаемая конкретная форма познания подразделяется на ряд ступеней, отражающих сложный характер познаваемого этой формой объекта, и соответствующую многоступенчатость, внутреннюю упорядоченность, иерархическую соподчиненность достигаемого знания. Но это вовсе не означает, что подобные ступени тождественны философскому пониманию эмпирического и теоретического уровней познания и выделение более чем двух ступеней непременно требует введения новых членов в эту диалектическую пару категорий.

Рассматривая процесс исторического познания, убеждаемся в том, что он осуществляется большим количеством (к тому же растущим) взаимосвязанных наук и, действительно, может быть подразделен на три основные ступени (снизу вверх: источниковедческую, конкретно-историческую, общесоциологическую), отражающие многоэтапный характер проникновения в сущность изучаемых явлений и отличающиеся последовательным нарастанием абстрактного. Соответственно науки, осуществляющие процесс общественно-исторического познания, можно подразделить на три иерархически соподчиненных блока или комплекса: источниковедение — гражданская история — общая социология [7]. Каждый

---

[1] Впрочем, и с философской точки зрения такое широко распространенное представление является слишком упрощенным. «Безусловно, формированию теоретического знания о какой-то предметной области всегда предшествует некоторое дотеоретическое знание... Однако диалектическое взаимодействие теоретического и эмпирического в научном познании в целом, взятом с точки зрения полноты и совершенства его развития, не исчерпывается формулой о генетической первичности эмпирического перед теоретическим... Изменения в теоретическом аппарате могут совершаться и без непосредственной стимуляции со стороны эмпирии благодаря применению собственно теоретических методов исследования» [6, с. 248, 249].

из этих блоков, более того, каждая из дисциплин, входящих в эти блоки, пользуется как эмпирическими, так и теоретическими методами исследования, соответственно обладает как эмпирическим, так и теоретическим уровнем. Особенно показательно в этом отношении то, что даже для наук нижнего, источниковедческого комплекса существование «своего» теоретического базиса, несводимого к теоретическому базису высшего или среднего комплекса исторических наук, ныне не вызывает сомнений, хотя исследователи, занимающиеся проблемами источниковедения, подчеркивают, что содержание понятия «теоретическое источниковедение» по меньшей мере «не вполне ясно» [8, с. 38]. И «сейчас скорее есть основания говорить еще не о структуре теоретического источниковедения как системы, а о конгломерате элементов, по традиции относимых к теоретическому источниковедению» [9, с. 20]. Из этого можно сделать вывод, что в настоящее время источниковедческие дисциплины находятся в процессе теоретизации, т. е. формирования, становления, упорядочения своего теоретического базиса [2]. Такое же состояние переживает и археология, переходящая от неявного, скрытого введения теоретических элементов в свое исследование к их специальной разработке. «Теория типа», «теория культурного слоя» — разработка этих и подобных понятий все более широко внедряется в археологическую практику. При этом хотя общепринятого, адекватного решения подобных проблем еще нет, в ходе их анализа, во-первых, все более отчетливо выявляется несводимость подобных понятий к простым эмпирическим обобщениям [3], а во-вторых, ясно выступает их неотъемлемая принадлежность именно той области исследования, которую В. А. Башилов и Э. Н. Лооне определяют как «реконструктивный уровень».

Сказанное отнюдь не исчерпывает проблемы взаимоотношения эмпирического и теоретического в историческом познании, но достаточно для уяснения того, что проблема эта лежит несколько в иной плоскости, нежели вычленение в этом процессе ступеней, отражающих все более глубокое проникновение в сущность изучаемого объекта, обладающего чрезвычайно высокой степенью сложности (человеческое общество в единстве всех его составляющих сторон, свойств, рассматриваемых как в синхроническом, так и в диахроническом аспекте, историческом развитии), выражающееся во все более абстрактных формах знания, достигаемого на каждой из этих трех ступеней. Можно ли сравнивать между собой эти ступени с позиций диалектического единства и противоположности пары «эмпирическое» — «теоретическое»? По моему мнению, если такое сравнение и возможно, то лишь в одном плане, а именно: для фиксации того обстоятельства, что знание, достигнутое путем взаимодействия теоретического и эмпирического исследований на каждой из предшествующих ступеней, входит в эмпирический базис последней ступени. В этом и *только* в этом смысле можно говорить, что пары: источниковедение — гражданская история, гражданская история — общая социология соотносятся между собой как эмпирический и теоретический уровни познания. Однако и здесь, как видим, введение третьего, нового члена в пару философских категорий «эмпирическое — теоретическое» совершенно излишне.

Таким образом, рассматривая общественно-историческое познание как целое, можно подразделять его на три основные ступени и исполь-

---

[2] В последней монографии, посвященной источниковедению, В. В. Фарсобин так определяет теорию источниковедения: «Теория источниковедения — объяснение задач и добытых результатов, разработка способов их решения, установление связи с научным аппаратом смежных наук, определение используемых понятий и терминов» [10, с. 223]

[3] Так, например, попытки ограничить определение понятия «тип» тем или иным «устойчивым сочетанием признаков», без обращения к понятиям, выражающим некоторые общие особенности человеческой деятельности, рассматриваемой в культурологическом аспекте («формообразование», «традиция», «стиль»), неизбежно ведет в тупик, так как при таком ограничении невозможно выявить качественное своеобразие «типа», интуитивно ощущаемое археологами едва ли не с самого начала использования этого термина.

зовать такое подразделение в качестве основы для классификации общественно-исторических наук. Нельзя, однако, согласиться с интерпретацией этих ступеней, проводимой в статье В. А. Башилова и Э. Н. Лооне [1] — через прямое отождествление двух верхних ступеней с эмпирическим и теоретическим уровнями исследования и введение новой категории «реконструктивный уровень исследования» для обозначения нижней ступени. Нельзя, соответственно, принять и предложенную терминологию. Однако при всем при этом само установление трехчленного строения процесса исторического познания является важным шагом в деле осмысления этого процесса, позволяющим, в частности, лучше понять место археологии в системе общественно-исторических наук.

Здесь я перехожу ко второй части статьи В. А. Башилова и Э. Н. Лооне, непосредственно касающейся последней проблемы. По их мнению, археология как наука должна решать вопросы, относящиеся ко всем трем ступеням исторического познания — от источниковедческой «реконструктивной» до общесоциологической «теоретической». При этом В. А. Башилов и Э. Н. Лооне ставят себе в заслугу именно введение в сферу действия археологии как науки вопросов, связанных с выявлением общеисторических закономерностей. «История и археология,— пишут они,— выступают, таким образом, как две части единой исторической науки, но пользующиеся источниками, различными как по форме, так и по характеру и объему содержащейся в них информации» [1].

Понимаемая таким образом археология как наука оказывается параллельной не просто истории как таковой (понимаемой как «гражданская история», конкретная история), но всему комплексу общественно-исторических наук, и на том лишь основании, что в основе археологического исследования находятся не письменные, а вещественные источники. Параллельность, равнозначность понимаемой таким образом археологии всему остальному комплексу общественно-исторических наук имеет принципиальный характер, не устранимый многочисленными указаниями на единство исторической науки, на «неразрывное родство археологии и истории... на всех этапах исследования» [1]. В самом деле, если объект, изучаемый комплексом общественно-исторических дисциплин, в сущности своей един, то единство это должно отражаться в единстве знания, достигаемого об этом объекте в процессе его исследования. Но такое знание может быть выражено лишь в системе единых, общих понятий, характеризующих исторический процесс на второй ступени познания, в его конкретности, в определенных временных, пространственных и социальных границах, а на третьей ступени определяющих наиболее глубокие законы, управляющие этим процессом. Одно из двух: либо уже начиная со второй ступени исторического познания мы приходим к единому комплексу дисциплин — гражданской истории, дифференцирующейся по периодам («история средних веков»), социальным образованиям («история Франции», «история России»), отдельным сторонам общественного бытия, социальным институтам, рассматриваемым в их конкретных формах существования («история христианства», «история фашизма»), но создающей единое и целостное знание, либо мы должны допустить, что и на второй, и на третьей ступени исторического познания бывает «собственно историческое» и «археологическое» знание, несводимые к единому целому. Но в таком случае тезис о «единстве истории» (и не только истории как науки, но и истории как объективной реальности) становится чисто голословным и даже противоречащим практике научного исследования!

По моему мнению, в основе гипотезы В. А. Башилова и Э. Н. Лооне о трех уровнях археологического познания, становящегося таким образом параллельным историческому познанию в целом, лежат две ошибки. Первая из них заключается в том, что В. А. Башилов и Э. Н. Лооне вплотную подошли к абсолютизации непосредственно-чувственного восприятия в научном познании[4]. Это проявляется уже в рассмотренном

[4] Абсолютизация такого рода заключается в отождествлении непосредственно-воспринимаемого и объективно-реального, что является основой позитивистского направ-

выше тезисе о «принципиальном отличии» исторических наук от наук естественных, состоящем в том, что вторые якобы могут «непосредственно наблюдать» изучаемые явления, а первые не могут [1]. Тенденция абсолютизировать значение эмпирически наблюдаемых формы и свойств исторических источников во всем процессе исторического познания выступает и в аргументации, примененной авторами для обоснования в «археологическом познании» «теоретического уровня» (в их трактовке этого термина): «Археологические работы, решающие задачи теоретического уровня исследования, так же как и соответствующие работы историков, изучают закономерности исторического процесса. Но при этом они опираются на информацию, полученную на эмпирическом уровне. А она, базируясь на археологических источниках, „наследует" и их ограниченность и их специфику. Это не может не влиять на содержание и на возможности теоретических исследований в археологии. Специфика источников является определяющей и в отношении методов, от которых в значительной мере зависит лицо науки на всех уровнях исследования» [1, с. 206]. Конечно, специфика различных видов источников сомнений не вызывает. Но в том-то и состоит значение источниковедческой ступени исторического познания, что в ходе исследований, проводимых на этой ступени, специфика различных источников *преодолевается* в знании, выраженном в единых общеисторических понятиях, знании, которое само становится предметом исследования на второй ступени исторического познания!

Вторая ошибка состоит в смешении процесса познания, осуществляемого познающим субъектом, ученым, и *логики* познавательного процесса, рассматриваемого «со стороны» и выраженной в классификации наук. Человек как познающий субъект может быть одновременно и археологом, и историком, и философом (блестящий пример такого ученого являет собой Р. Дж. Коллингвуд), а кроме того, и художником, и поэтом — никаких ограничений в подобном совмещении различных видов познавательной деятельности в одном лице, кроме личных способностей и интересов, нет и не может быть. Но из подобных совмещений никоим образом не следует необходимость «объединять» такие виды деятельности логически, в рамках одной науки. Поэтому нет никакого парадокса в том, что «в монографиях такого плана, как... книга „Поселение Джейтун" В. М. Массона, половина принадлежит археологии, а половина — какой-то другой науке» [1, с. 206]. Более того, в исторических исследованиях подобные ситуации, когда источниковедческие исследования совмещаются в одной книге с конкретно-историческими и даже общесоциологическими, встречаются сплошь и рядом, отражая единство и целостность процесса исторического познания, неразрывную связь, взаимопроникновение научных дисциплин, изучающих этот процесс.

Вот почему, обращаясь к вопросу о месте археологии в системе общественно-исторических наук, необходимо прежде всего определить, какое содержание изначально вкладывается в термин «археология». Если определять словом «археология» всю научную деятельность, которой занимаются люди, именующие себя археологами, то нет никакого сомнения в том, что деятельность эта в целом охватывает все стороны и ступени процесса исторического познания. Было бы грубой ошибкой, однако, делать из этого вывод, что это свойство археологии как совокупности конкретных форм научной деятельности должно отразиться в определении археологии *как науки* — с ее специфическим предметом, методами и системой понятий, отличными от предмета, методов и понятий, употребляемых в других общественно-исторических дисциплинах. Археоло-

---

ления в философии. С позитивистских позиций, параллельность собственно истории, основанной на изучении письменных источников и археологии, основанной на изучении вещественных источников, начиная от первых этапов исследования и кончая выведением наиболее общих законов, не вызывает никаких сомнений. В русской историографии этот тезис был впервые обоснован в выступлении П. В. Павлова на III Археологическом съезде, причем в этом обосновании прямо подчеркивалась его связь с философией позитивизма [11, с. XVIII, XIX].

гия *как наука* («археология в узком смысле слова» — [7]) может быть определена как источниковедческая дисциплина, предметом которой является изучение способов и закономерностей кодирования информации о различных сторонах человеческой деятельности и в вещественных результатах этой деятельности, методов выявления этой информации как в ходе обнаружения и добычи вещественных памятников, так и при последующем их изучении, способов перевода этой информации в систему понятий, используемых на второй ступени исторического познания, в науках конкретно-исторического профиля.

Чем осознаннее, целенаправленнее, успешнее будут решаться эти задачи, тем полнее и весомее будет вклад, вносимый археологами в иные общественно-исторические дисциплины, относящиеся ко второму, конкретно-историческому комплексу наук об обществе: в историю древней Руси, древней Греции, древнего Египта и т. д., тем успешнее будет формироваться новая наука, относящаяся к тому же второму комплексу: история первобытного общества, понимаемая как конкретно-историческая дисциплина, само зарождение которой стало возможным только в результате археологической деятельности [12, 13]. При этом конкретное лицо, «археолог», вовсе не обязан ограничиваться «чисто археологическим» (т. е. источниковедческим) исследованием, может вторгаться в круг вопросов, относящихся и ко второй, и к третьей ступеням исторического познания, становясь при этом «собственно историком», «общим социологом» и даже «философом». Дисциплины, в предметную область которых «вторгается» такое лицо, не теряют от этого ни своей определенной самостоятельности, ни взаимосвязанности, ограничивающей эту самостоятельность и обусловленной единством процесса исторического познания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Башилов В. А., Лооне Э. Н.* Об уровнях исследования и познавательных задачах археологии//СА. 1986. № 3.
2. *Боряз В. Н.* О правомерности выделения «реконструктивного» уровня исследования в археологии (в связи со статьей В. А. Башилова и Э. Н. Лооне «Об уровнях исследования и познавательных задачах археологии»)//СА. 1987 № 1.
3. *Захарук Ю. Н.* Методологические проблемы археологической науки: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1981.
4. *Мостепаненко М. В.* Философия и методы научного познания. Л.: Лениздат, 1972.
5. *Штофф В. А.* Об эмпирическом и теоретическом уровнях научного познания//Вопросы гносеологии, логики и методологии научного исследования. Вып. 3. Л.: Изд-во ЛГУ, 1972.
6. *Швырев В. С.* Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М.: Наука, 1978.
7. *Аникович М. В.* О месте археологии в системе исторических наук//Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения. Томск, 1984.
8. *Черепнин Л. В.* К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин//Источниковедение отечественной истории. Вып. 1. М.: Наука, 1973.
9. *Шмидт С. О.* Современные проблемы источниковедения//Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М.: Наука, 1969.
10. *Фарсобин В. В.* Источниковедение и его метод: Опыт анализа понятий и терминологии. М.: Наука, 1983.
11. Труды III Археологического съезда. Киев, 1878.
12. *Аникович М. В.* Первобытная археология — конкретная историческая наука//Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Материалы Симпозиума ЛОИА АН СССР. Л., 1975.
13. *Рогачев А. Н.* О предмете и методе первобытной археологии//КСИА. 1978. Вып. 152.

ОТКЛИКИ НА СТАТЬЮ В. А. БАШИЛОВА, Э. Н. ЛООНЕ «ОБ УРОВНЯХ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ЗАДАЧАХ АРХЕОЛОГИИ»

Статья В. А. Башилова и Э. Н. Лооне интересна постановкой двух вопросов. Первый связан с разработкой теории первобытно-общинной формации. После бурных дискуссий начала 30-х годов, в которых археологи были активными участниками, сло-

жилось, как бы разграничение сфер научной деятельности. Археологи, изучающие первобытное общество, занялись исследованиями преимущественно эмпирического уровня (по В. А. Башилову и Э. Н. Лооне — реконструктивного и эмпирического), а этнографы и антропологи — теоретическими вопросами антропосоциогенеза, проблемами становления первобытной формации, происхождения искусства и религии и т. д.

Археологи поднимали лишь отдельные вопросы теории первобытного общества. Формационный подход, выработанный в 30-е годы, открыл широкие возможности исследований и реконструкций экономического развития первобытного общества, для выявления законов становления техники (С. А. Семенов и его школа). Авторы справедливо упоминали разработку проблем «неолитической революции» в работах В. М. Массона. В связи с «экологическим бумом» заметно возрос интерес к изучению роли географической среды в развитии первобытного общества (работы П. М. Долуханова, М. Ф. Косарева и др.). Разрабатывается проблема происхождения и развития искусства (З. А. Абрамова, новосибирская школа археологов). Ряд археологов принял участие в дискуссии о содержании и границах скачка (скачков), характеризующего процесс становления человечества.

Вместе с тем основное направление теоретических дискуссий археологов 50-х — начала 80-х годов находилось в другой плоскости. Точка зрения А. Н. Рогачева о том, что первейшим делом исследователей первобытной археологии должно быть развитие теории первобытного общества [1, с. 18], не нашла среди археологов положительного отклика. Показателен и тот факт, что археологи не участвовали в дискуссиях журнала «Советская этнография» по теоретическим вопросам первобытного общества. В чем причина подобной ситуации?

Закономерности развития науки, в том числе и археологии, носят объективный характер. Уяснение современного уровня развития науки — отправной пункт для суждения о ее перспективах. Ряд археологов вслед за Б. А. Рыбаковым и Ю. Н. Захаруком определяют современное состояние науки как переходное от эмпирического этапа к теоретическому [2, 3]. Научный поиск в дискуссиях 60-х — начала 80-х годов был направлен на формулировку проблем и той генерализующей идеи, которая позволила бы разрешить первоочередные вопросы, связанные со спецификой археологического источника. 1. Какова природа вещи (сооружения)? Содержат ли вещи историческую информацию? Если да, то каковы способы ее извлечения? 2. Каково место вещного мира в общественной системе? Какая историческая информация скрывается за связями вещей? 3. Как происходит отложение вещного мира в культурный слой? Каковы закономерности их дальнейшей археологизации?

В решение этих проблем упираются все конкретные дискуссионные вопросы: установление критериев существенности признаков вещи, оснований типологии и исторической интерпретации археологических культур. Поэтому в построении теоретической археологии большинство исследователей делают упор на разработку «вещеведческой» теории. Именно теории, потому что конкретный материал археологической науки не содержит ответов на поставленные вопросы.

К сожалению, концепция предметно-вещного мира, на основе которой должна быть построена археологическая теория, не разработана ни философами, ни социологами. Этим объясняются «прорывы» археологов в философию, в частности вполне правомерные, с нашей точки зрения, попытки В. Ф. Генинга использовать деятельностный подход для изучения законов возникновения археологических источников. Каковы ожидаемые результаты первого этапа научного поиска в археологии? На наш взгляд, создание концепции предметно-вещного мира и ее развертка применительно к археологическим источникам выполнит три функции, присущие теории любой исторической дисциплины. Во-первых, она дает возможность вывести объективные критерии систематизации археологического материала; во-вторых, предложит основания его исторического объяснения. Третья функция археологической теории — реконструктивная.

Мы подошли к основному тезису статьи В. А. Башилова и Э. Н. Лооне. Каково место реконструкции в историческом исследовании? Советские археологи применяют термин «историческая реконструкция» или «воспроизведение, воссоздание исторической действительности по археологическим материалам» с конца 20-х — начала 30-х годов, когда вещные остатки стали рассматриваться как исторический источник. В дальнейшем к процедуре исторической реконструкции обращаются практически все археологи. Эта исследовательская процедура начинается, как и пишут авторы статьи, с реконструкции отдельных исторических фактов в их предметно-вещном проявлении: внешний вид интерьера и конструкции жилища, поселка, оборонительного сооружения,

т. е. жилой среды; внешний облик производственного комплекса, места отправления ритуалов и т. д.

Процесс исторической реконструкции продолжается и на том уровне, который В. А. Башиловым и Э. Н. Лооне определен как эмпирический. Здесь реконструкция осуществляется как перевод статических предметно-вещных форм, комплекса археологических памятников в процессуальные. Это воссоздание способов хозяйственной, семейно-бытовой, духовной деятельности, демографических характеристик и форм регуляции, т. е. повседневного образа жизни на поселении; технологических циклов в местах производства; ритуала сезонного праздника или погребального обряда и т. д.

Следующий уровень исторической реконструкции — воспроизведение генезиса, исторических событий и этапов развития конкретной социально-экономической и культурной общности [1]

Итак, исторические реконструкции — необходимые процедуры археологического исследования. На наш взгляд, реконструкция все-таки не самостоятельный уровень познания, а ряд исследовательских процедур, однопорядковых со систематизацией материала и объяснением его. Однопорядковый потому, что научные основания реконструкции любого уровня, равно как систематизации и интерпретации археологического материала, заключены в археологической теории, построенной на концепции предметно-вещного мира. Подобная теория дает основания для воспроизведения истории конкретных общностей, любой общественно-экономической формации по предметно-вещным источникам.

Второй этап научного поиска археологов и историков лежит в плоскости развития теории конкретных общественно-экономических формаций: первобытно-общинной, рабовладельческой, феодальной.

На наш взгляд, совершенно правы авторы обсуждаемой статьи: развитие теории первобытного общества, особенно в вопросах той хронологической глубины, которая недоступна этнографии, должно осуществляться на основании археологического материала и археологами. Она, эта теория, является основой, на которой возможна научная реконструкция истории первобытного общества конкретных регионов.

В. Д. Викторова

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рогачев А. Н.* О предмете и методе первобытной археологии. Вопросы теории и методологии археологической науки//КСИА. 1978. Вып. 152.
2. *Захарук Ю. Н.* Проблемные ситуации в археологии//СА. 1973. № 4.
3. *Генинг В. Ф., Захарук Ю. Н., Каменецкий И. С., Клейн Л. С., Массон В. М., Федоров-Давыдов Г А.* О состоянии и задачах теоретических исследований по археологии СССР//Тез. докл. на сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973.
4. *Викторова В. Д.* Обоснование программы археологического исследования поселений//Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1984.
5. *Викторова В. Д., Кемеров В. Е.* Направленность исторической реконструкции как методологическая проблема. Свердловск, 1985.

[1] Поиски в этом направлении см. [4, 5].

Статья носит обзорный характер, поэтому здесь важна была бы полнота охвата. Но авторы статьи уделили преимущественное внимание работам В. Ф. Генинга. Во всяком случае, их статья приобретает критический, самостоятельный характер, когда они разбирают взгляды именно этого исследователя. Здесь она наиболее интересна. По оценке В. А. Башилова и Э. Н. Лооне, статьи В. Ф. Генинга не самые интересные в отечественной литературе. Они, вслед за другими исследователями, отмечают слабое понимание В. Ф. Генингом основ философии, поверхностное использование высказываний К. Маркса. Отмечают наши соавторы и невнимание В. Ф. Генинга к зарубежным работам по теории археологии. Однако этот упрек относится и к статье В. А. Башилова и Э. Н. Лооне. Упомянув в примечании на первой странице девять работ зарубежных археологов, они не вспоминают о них дальше, поскольку, по их мнению, зарубежные исследователи обсуждают эти вопросы с принципиально иных теоретических позиций. Если бы В. А. Башилов и Э. Н. Лооне внимательнее отнеслись к упомянутым ими рабстам, они, вопреки их утверждению, нашли бы там много тождественного их

собственным положениям. Неясно, кого же из зарубежных исследователей они имеют в виду, когда пишут, что взгляды В. С. Бочкарева и Г. П. Григорьева восходят к западной археологической литературе (с. 200).

Статья неверно ориентирует читателя по двум главным вопросам. Только надеясь на незнание читателем зарубежной литературы, можно говорить о принципиально разном понимании предмета археологии в отечественной и зарубежной литературе. В. А. Башилов и Э. Н. Лооне более правы, когда в другом месте пишут о разных позициях внутри группы отечественных археологов. Позиция В. Ф. Генинга или Ю. Н. Захарука по многим вопросам близка взглядам Л. Бинфорда или Ж.-К. Гардена. Столь же неверно представлять дело так, что главный водораздел проходит по вопросу, правомерно ли соединение археологии и истории (сторонники историзма) или такое соединение не имеет под собой оснований (противники историзма, вещеведы, негативно относящиеся к переводу археологических выводов на язык исторической науки). Авторам статьи, наверное, хорошо известно, что все археологи и у нас, и за рубежом стоят за выводы исторического характера из археологических построений, за то, что археология изучает прошлое народов. Разница в другом — и эту существенную разницу в подходе к предмету археологии наши авторы либо не понимают, либо намеренно игнорируют. В. С. Бочкарев и Г. П. Григорьев полагают, что археология — самостоятельная наука, которая обладает собственными источниками (Ю. Н. Захарук также считает возможным говорить об археологическом источниковедении, отличном от источниковедения у историков), собственными методами, собственными фундаментальными понятиями, не сводимыми к историческим методам и понятиям, соответственно с собственной теорией[1]. Однако эта самостоятельность археологии относительно истории не означает, как это можно понять при непредвзятом отношении к сторонникам разных направлений, что из археологических построений нельзя делать выводов общеисторического характера, нельзя строить историю народов в соединении с выводами, положениями историков и других исследователей прошлого (этнографов), работающих на основании источников прямого наблюдения.

Новым в статье является выделение для археологии того уровня анализа, который был предложен одним из авторов для исторической науки: реконструктивного уровня. Этот уровень, по их мнению, предшествует эмпирическому уровню. «Систематизация раскопанного материала и реконструкция конкретной картины жизни поселения или захоронения умершего — обязательный второй этап работы» (с. 198). Этот этап потому необходим, что историк лишен возможности наблюдать события, он сначала их конструирует. Предполагается, что и археолог лишен возможности обратиться непосредственно к фактам, сначала он их должен реконструировать.

На наш взгляд, археолог, в отличие от историка, имеет дело непосредственно с фактами и событиями, поскольку он может наблюдать изменчивость типов, влияние одних категорий типологического анализа на другие, исследовать эволюцию на самых разных уровнях — на уровне ли археологической культуры, культурного единства или археологической эпохи. Если бы наши авторы не согласились с излагаемой точкой зрения, они нашли бы много соображений в свою поддержку у археологов группы Л. Бинфорда.

В. А. Башилов и Э. Н. Лооне иначе представляют себе процедуру археологического (с нашей точки зрения) исследования: «Эти важнейшие комплексы вещественного материала (археологические культуры.— *Г. Г.*) и их связи между собой „переводятся" затем в термины исторической науки и являются основой картины истории, воссозданной по археологическим данным» (с. 198). Стало быть, собственно археологическое исследование кончается на уровне археологических культур, а дальнейший анализ ведется в терминах исторической науки. Странно, что В. А. Башилов, будучи археологом, не замечает существования понятий более высокого таксономического ранга, чем археологическая культура, в археологической науке. Не говоря уже о понятии «культурное единство», или «историко-культурное единство», в археологии существует общепринятое понятие «археологическая эпоха», отсутствующее в истории. Очень важен вопрос — существуют ли понятия, свойственные археологической науке, на основе которых можно вести анализ на достаточно высоком уровне, или везде и всегда следует переходить на понятия исторической науки, не следует стремиться к

---

[1] Если же говорить о близости археологии к другим наукам о человеке, то прежде всего следует обратить внимание на то общее, что имеет археология с культурологией в ее нынешнем облике.

выработке самостоятельных археологических понятий, собственно археологической теории.

Может показаться, что В. А. Башилов и Э. Н. Лооне предлагают нечто новое, новые теоретические высоты. Обращаясь к концепции «неолитической революции» (с. 199), они утверждают, что археологи до них такого уровня теоретических проблем не выделяли. Однако проблему неолитической революции никак не назовешь исторической проблемой, решаемой в терминах исторической науки, в чем, собственно, и пытаются уверить нас В. А. Башилов и Э. Н. Лооне. Это проблема, поставленная археологом и до сих пор обсуждаемая только археологами. Проблема же соотношения природы и общества — проблема, составляющая предмет целой науки — экологии, и роль археологов (и историков) в решении этой проблемы очень скромная, эту проблему опять-таки нельзя отнести к проблемам, решаемым в понятиях исторической науки.

Раздел, в котором авторы говорят об историзме, представляется нам наиболее слабым во всей работе. Понимания теоретического значения историзма для археологии не чувствуется. В. А. Башилов и Э. Н. Лооне предпочли обставить свою позицию цитатами солидных авторов, не коснувшись соотношения между теоретическими проблемами археологии и теоретическими проблемами исторической науки. Сказать о том, что археология изучает прошлое народов и история также изучает прошлое народов,— значит остаться на поверхности весьма сложного вопроса.

В. С. Бочкарев, Г. П. Григорьев

Публикация в журнале «Советская археология» статьи В. А. Башилова и Э. Н. Лооне является отражением того очевидного факта, что сейчас, когда идет процесс осмысления археологии в ранге одной из исторических наук, все большую значимость приобретает рассмотрение ее теоретических проблем. Можно только приветствовать стремление авторов выделить уровни знания в археологии, связав рассмотрение этого вопроса с познавательными возможностями и задачами археологии. В принципе представляется обоснованной предпринятая попытка распространить выдвинутую ранее одним из авторов статьи гипотезу о существовании трех уровней знания в истории (реконструктивного, эмпирического и теоретического) на археологию. За этим по существу стоит концепция «единой исторической науки». При этом, говоря об историзме археологии, следует подчеркивать, что имеется в виду не только общеметодологический принцип, о чем речь прежде всего идет в данной статье, но и конкретные исследовательские задачи научного поиска. Именно на эти аспекты понятия «историзм археологии» обращает внимание Ю. Н. Захарук [1, с. 387].

Оправдан и высказываемый авторами тезис, согласно которому, каждой из ступеней исследования соответствуют определенный уровень постановки задач и в значительной степени свои методы.

Но в то же время, вдумываясь в существо излагаемых в статье суждений, нетрудно заметить, что, несмотря на ряд оговорок, авторами в той или иной степени проводится своего рода идея параллельности истории и археологии практически на всех уровнях знания. При этом фактически остается в тени то положение, что чем более высок уровень обобщения, тем археология все более теряет свою специфику, все более полно реализуя себя через единую историческую науку. И, следовательно, чем выше уровень обобщения, тем археолог все более выступает как историк. Тем самым идея специфики археологии для разных уровней исследовательского поиска должна реализовываться по-разному. И само рассмотрение вопроса о месте археологии в системе исторических наук (исторической науки в широком смысле) следует вести не только в целом, но и применительно к каждому из уровней научного знания.

Хотелось бы обратить внимание, что авторы при анализе рассматриваемой в статье проблематики фактически не использовали возможности, открывающиеся при опоре на логику развития археологии в нашей стране, на саму историю развития археологической мысли, поскольку это, как об этом совершенно справедливо пишет Б. А. Рыбаков, помогает «увидеть магистральные и тупиковые дороги, неосторожные увлечения, забытые теоретические находки...» [2, с. 4]. Безусловно, именно историографический подход позволяет более полно представить себе сегодняшний этап в развитии археологии в стране, одним из важных показателей которого является теоретический уровень подхода к археологии как к одной из исторических наук (А. П. Дере-

вянко, В. Ф. Генинг, Ю. Н. Захарук, В. М. Массон и др.), что, кстати, разными авторами понимается далеко не однозначно. Историографический подход позволяет более четко сформулировать генеральную линию в развитии советской археологии, а тем самым более верно оценить имеющиеся точки зрения. В конечном счете это позволяет уберечься от ошибок, связанных как с неоправданным стремлением забежать вперед, так и вернуться к постулатам, которые были отвергнуты самой логикой развития археологии в стране.

То, что авторы статьи фактически не использовали имеющиеся в этом отношении возможности, можно проиллюстрировать на одном примере. Так, они даже не упоминают о подходе к археологии, определившемся в нашей науке во второй половине 20-х годов, который в историю формирования марксистской археологии вошел как «метод восхождения» [3, 4]. Фактически это был не «метод» в полном смысле слова, а принцип подхода, в котором еще не вычленялись разные уровни анализа. Небезынтересно вспомнить, что именно сторонники «метода восхождения» (прежде всего А. В. Арциховский, С. В. Киселев и А. Я. Брюсов) проповедовали тезис о том, что археология и история — это две параллельные дисциплины (науки), которые отличаются друг от друга характером источников (вещественные и письменные) [3, с. 322], что «задачи археологии совершенно совпадают с задачами истории» [4, с. 137] и археология и история, являясь двумя параллельными науками, разрабатывают материал для последующих социологических обобщений. Интересно отметить, что уже в начале 30-х годов, в условиях получившего распространение в нашей науке тезиса о том, что археология — это неотъемлемая составная часть исторической науки, названные выше авторы отказались от тезиса, согласно которому, археология — это параллельная истории наука [5, с. 48]. Нетрудно заметить, что возвращение к анализу высказанных тогда подходов и суждений крайне важно в связи с рассматриваемыми в статье В. А. Башилова и Э. Н. Лооне вопросами. Не случайно В. Ф. Генинг, определив основное направление своих научных интересов как разработку теоретических проблем археологии, начал с монографического рассмотрения проблемы перехода советской археологии на марксистские концепции (время 20-х — первая половина 30-х годов) [6].

По своей сути только в историографическом плане можно понять сущность подхода к археологии, который господствовал в нашей науке в период со второй половины 30-х почти до конца 60-х годов. Этот подход сводился к мысли, что археология — это неотъемлемая часть исторической науки, а археологи должны разрабатывать конкретные исторические темы. Были достигнуты выдающиеся успехи, прежде всего в изучении древнейшей и древней истории СССР. Именно к этому времени относится широко известное суждение А. В. Арциховского, согласно которому, археология является отделом истории, а специфика находящихся в ее распоряжении источников обусловливает необходимость оценки их особыми специалистами — археологами [7, с. 3].

Остается непонятным отношение авторов статьи к В. А. Городцову и В. И. Равдоникасу, которых они отнесли к числу исследователей, рассматривающих археологию как служанку истории. Дело в том, что говорить так — значит не раскрывать сущности взглядов этих ученых. Крупнейший русский, а затем советский археолог В. А. Городцов в теоретическом плане был последовательным сторонником взгляда на археологию как на отдельную науку. С именем же В. И. Равдоникаса связано начало известных дискуссий 1930-х годов о путях повсеместного распространения в археологии марксистских концепций и включения ее в историческую науку [8].

Мне показались неточными даваемые в статье оценки теоретических построений В. Ф. Генинга в области археологии, критическому анализу взглядов которого уделено довольно много внимания. Так, авторы неправы, когда говорят о том, что у В. Ф. Генинга цели археологии будто бы сужаются до изучения законов возникновения археологического источника, что ведет к абсолютизации археологического источниковедения. В итоге взгляды В. Ф. Генинга, по логике авторов статьи, оказались близкими взглядам, высказываемым Г. П. Григорьевым, Л. С. Клейном и некоторыми другими авторами, что неверно.

Хотелось бы высказать свое отношение и к тезису о наличии трех уровней знания в археологии. Первый уровень называется «реконструктивным». Содержание его применительно к истории сводится к реконструкции конкретных событий и явлений прошлого на основании письменных источников. Реконструированное же прошлое является затем объектом изучения на втором уровне, который связан с изучением конкретных сторон жизни конкретных обществ прошлого. Применительно к археологии первый уровень сводится к фиксации ископаемых объектов прошлого, систематизации раско-

панного материала и реконструкции конкретной картины жизни поселения или захоронения умершего. Здесь по сути речь идет об источниковедческом уровне анализа, включающем получение источника и его введение в научный оборот. Хотелось бы всячески поддержать высказанную в статье в связи с оценкой второго, эмпирического уровня мысль о необходимости разработки соответствующих этому уровню методов, особенно в связи с «переводом» систематизированных археологических данных на язык исторической науки. Это — важнейшая задача для сегодняшнего этапа развития советской археологии.

Говоря о теоретическом уровне исследования, авторы отмечают, что применяемые при этом методы по своей сути менее специфичны. И тем не менее применительно к археологии и для этого уровня анализа они предполагают необходимость разработки в будущем соответствующих методов исследования. Не стоит ли за таким подходом фактическое постулирование тезиса об археологии как отдельной науке? Сами авторы говорят, что история и археология — это две части единой исторической науки, но пользующиеся различными по форме и характеру информации источниками. Однако неясно, что в таком случае представляют собой эти «части» и в каком соотношении находятся употребляемые в статье понятия «единая историческая наука» и ее часть — «история».

А. Д. Пряхин

ЛИТЕРАТУРА

1. *Захарук Ю. Н.* Идея развития в археологии//Материалистическая диалектика как общая теория развития. М.: Наука, 1983.
2. *Рыбаков Б. А.* Предисловие//КСИА. 1980. Вып. 163.
3. Новые методы в археологии. Доклад А. Арциховского//Вестн. Коммунистической академии. 1929. № 35—36.
4. *Арциховский А. В.* Новые методы в археологии. Доклад//Историк-марксист. 1929. Т. 14.
5. *Арциховский А. В., Киселев С. В., Смирнов А. П.* Возникновение, развитие и исчезновение «марксистской археологии»//Сообщения ГАИМК. 1932. № 1—2.
6. *Генинг В. Ф.* Очерки по истории советской археологии (У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е — первая половина 30-х годов). Киев: Наук. думка, 1982.
7. *Арциховский А. В.* Основы археологии. М.: Политиздат, 1955.
8. *Равдоникас В. И.* За марксистскую историю материальной культуры//Изв. ГАИМК. 1930. Т. VII. Вып. 3—4.

Для последнего десятилетия характерно широкое развитие исследований научного познания, выявление типов, методов, приемов, способов научного исследования. Этот процесс охватывает различные области знания и привлекает внимание специалистов разных наук. В связи с этим статья В. А. Башилова и Э. Н. Лооне представляет несомненный интерес. В ней впервые в нашей науке дается систематизированный критический обзор советской литературы, анализирующей уровни исследования и познавательные задачи археологии. В. А. Башилов и Э. Н. Лооне убедительно показывают, что для археологии, как и в целом для исторической науки, определяющее значение имеет принцип историзма, который и обусловил все основные достижения советской археологии. Интересна прослеженная авторами аналогия уровней археологического и исторического исследований, однако проводится она, на наш взгляд, не критически.

Следует отметить также, что авторы не совсем четко понимают содержание понятия «эмпирический уровень» (с. 198, 201), отсюда не всегда корректна критика взглядов Ю. Н. Захарука, В. Ф. Генинга и др. Дело в том, что специфика эмпирического уровня исследования определяется не столько задачами исследования (задачи будут определять способы исследования, его аппарат), сколько методами исследования — наблюдением, описанием, экспериментом. Поэтому неправомерно относить реконструирование либо к эмпирическому, либо к теоретическому уровню — оно может относиться и к тому и к другому в зависимости от того, *как* мы его проводим. Поэтому неверно отождествлять фиксацию ископаемых объектов прошлого с поиском и описанием древней рукописи (с. 198). Рукописный документ — уже истолкованный факт. Факт в документе потерял свою первозданность. В то же время открытие и фиксация в процессе раскопок, например, каменного орудия — это новый факт. Следовательно, эмпирический, фактический и источниковедческий уровень не тождественны в принципе друг другу, особенно по объему содержания. Эмпирический уровень более общий, а два других

могут быть составными частями его, в зависимости от специфики исследования. Неприятие этого положения приводит авторов к смешению теоретического и эмпирического уровней (с. 198): публикации «Древних» или «Древнейших историй» — это уже теоретический уровень исследования, а реконструктивный уровень не может быть источниковедческой базой эмпирического уровня, но лишь эмпирическим методом исследования, если использует эмпирический аппарат, либо теоретическим, если использует теорию (с. 199). По-видимому, авторам следует более четко и однозначно сформулировать определения уровней и методов исследования применительно к археологии и истории, а затем уже на этой основе анализировать их соотношения. Тем более, что реконструкция используется и в естественных науках, особенно в физике, химии и биологии, и именно как метод исследования, с чем авторы статьи, однако, не согласны (с. 197). Разумеется, у реконструкции в естественных науках есть своя специфика.

Необходимым представляется и более корректное использование понятия «опредмечивание», которое в философской литературе понимается как процесс, в котором человеческие способности переходят в предмет и воплощаются в нем, благодаря чему предмет становится социально-культурным. Причем деятельность опредмечивается не только во внешнем результате, но и в качествах самого субъекта. В этом контексте критический анализ взглядов В. Ф. Генинга, проводимый авторами (с. 202—205), требует существенного уточнения.

Касаясь концепций Ю. Н. Захарука и В. М. Массона 70-х годов и В. Ф. Генинга 70—80-х годов, авторы заключают, что «наиболее высокую ступень археологического исследования они видели в восстановлении конкретной истории древних обществ по археологическим материалам. Цели археологии ограничивались при этом задачами реконструктивного и эмпирического уровня знаний». И далее: «... это неминуемо ставило археологию в положение вспомогательной дисциплины — поставщицы материала для теоретических обобщений историков» (с. 205).

В целом статья В. А. Башилова и Э. Н. Лооне рельефно показывает имеющиеся в нашей науке слабости в разработке методологии археологического исследования и ее понятийного аппарата. Сложившееся положение требует настоятельной необходимости систематического, критического изложения проблем археологии как науки, методологии и методов археологического исследования.

Р. С. Василевский, А. Л. Симанов

COMMENTS ON THE ARTICLE BY V. BASHILOV AND E. LOONE «ON THE LEVELS OF KNOWLEDGE AND COGNITIVE AIMS OF ARCHAEOLOGY»

Summary

The «Discussions» section dedicated to the article by V. Bashilov and E. Loone (SA, No. 3, 1986) opens with V Boryaz' contribution analysing the criteria offered by the two authors for the purposes of distinguishing between the three levels of archaeological knowlegde (the reconstructive, the empirical and the theoretical). He resolutely disagrees with the main propositions and subjects the prerequisites to severe criticism.

M. Anikovich contributes a critical detailed investigation of V. Bashilov and E. Loone's theoretical statements and points to their two major errors: (1) an unnecessary inclination to absolutise the significance of empirical forms and properties of historical sources and (2) confusion between the process of cognition realised by the cognising subject (scholar) and the logic of the process of cognition. Anikovich, at the same time, sought to identify the positive part of the conception, viz. «the very establishment of the three-stage architectonics of the process of historical cognition is an important step forward in understanding this process and in a fuller comprehension of the place archaeology holds among other social sciences».

In their short contributions V. Viktorova, V Bochkarev, G. Grigoriev, A. Pryakhin, R. Vasilevsky and A. Simanov indicate that Bashilov and Loone posed urgent problems and offer their own views on many major aspects of archaeology (Viktorova, Vasilevsky, Simanov). They also point out that Bashilov and Loone deal with foreign publications on these matters in a superficial manner, they fail to provide a clear-cut picture of the trends present in Soviet archaeology today, to scientifically substantiate their thesis on archaeology's historicity and are, sometimes, based in their assessment of their colleagues.

It was generally agreed that this timely and topical publication urges a more profound approach to the methods and concepts of archaeology.

Заметки

В. Н. ЛОГВИН

ЭНЕОЛИТИЧЕСКИЕ НАХОДКИ У СЕЛА ЛИВАНОВКА

В 1981 г. в Кустанайский пединститут студентами-заочниками было передано несколько фрагментов керамики. В 1982 г. нами осмотрено место их находки и установлено, что они связаны со стоянкой терсекской культуры [1, с. 70—72; 2].

Памятник расположен у шоссе Кустанай — Камышное в том месте, где к нему подходит дорога из с. Ливановка. На поверхности в небольшом количестве отмечены кремневые находки на площади около 10 тыс. м². Ближайший водоем, оз. Тумарлыкопа, находится примерно в 1 км к северо-востоку от стоянки, однако следует отметить, что в 0,5 км к востоку есть блюдцеобразное понижение с двумя мочажинами на дне. Возможно, в прошлом здесь было озеро.

Всего в подъемном материале 53 кремневых предмета, среди них обломок кремня, отщепы без ретуши (23 экз.) и орудия из отщепов (29 экз.). Большинство находок изготовлено из кварцитов и кварцито-песчаников.

Среди орудий преобладают скребки (13), по форме близкие концевым. Два орудия имеют по три скребковых лезвия, три — по два соприкасающихся скребковых лезвия (рис. 1, *5—7*, *10*). У одного орудия рабочим участком был, видимо, угол (рис. 1, *10*). Остальные орудия этой группы имеют по одному скребковому лезвию (рис. 1, *2—4*, *8*).

В коллекции два целых двусторонне обработанных наконечника с прямым основанием (рис. 1, *14*, *15*). У третьего наконечника основание обломано (рис. 1, *11*)

К ножам отнесено шесть орудий. Два орудия изготовлены краевой ретушью, в том числе обломок ножа серповидной формы (рис. 1, *16*, *18*). Четыре ножа обработаны с двух сторон (рис. 1, *12*, *19*, *20*, *22*).

Интересно одно орудие, изготовленное из пластинчатого отщепа. Первоначально оно представляло собой концевой скребок, а затем использовалось как ретушер. На торцах его отмечены характерные звездчатые вдавления (рис. 1, *21*). Помимо описанных орудий найдено шесть отщепов с небольшими участками ретуши.

Собранная на стоянке коллекция керамики насчитывала 65 фрагментов. Удалось реконструировать один сосуд с приостренно-округлым дном (рис. 1, *28*). Самая широкая часть приходится на верхнюю треть сосуда и почти равна его высоте. Горло слегка сужено. Волнистый венчик уплощен и слегка отогнут наружу. Толщина стенок 4—7 мм. Тесто плотное, с примесью песка и органики. В изломе черепки черные. Цвет поверхности от светло-коричневого до черного. На внутренней поверхности отмечены следы заглаживания зубчатым штампом. Орнамент нанесен коротким зубчатым штампом по всей поверхности и венчику сосуда. В верхней половине сосуда расположено пять горизонтальных рядов фигур, напоминающих перевернутую букву Z. Ниже идет пять рядов оттисков косо поставленного штампа. Под ними ряд контурных треугольников и горизонтальный ряд оттисков короткого штампа. От него аналогичные ряды спущены к центру днища.

Шесть фрагментов имеют примесь слюды и песка в тесте. Судя по технике изготовления и характеру орнаментации, все они происходят

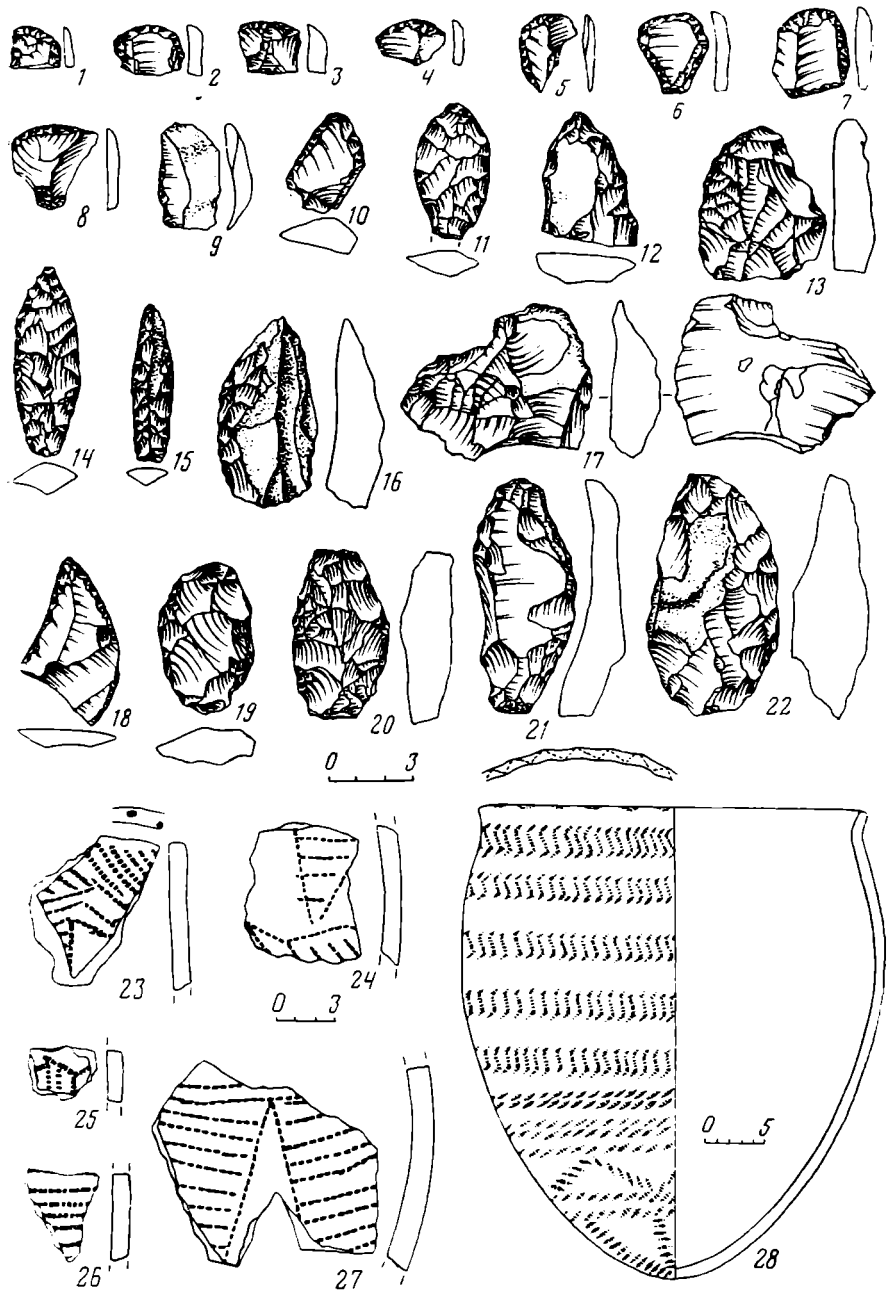


Рис. 1. Находки у с. Ливановка

от одного (рис. 1, *23*, *24*, *27*), очевидно, прямостенного сосуда с уплощенным венчиком, орнаментированным вдавлениями штампа. На внешней поверхности у края венчика горизонтальный ряд оттисков косо поставленного зубчатого штампа. Под ним три волнистых или зигзагообразных линии горизонтальных оттисков штампа. Ниже, судя по остальным пяти фрагментам стенок, идет ряд или ряды вытянутых треугольников, заполненных горизонтальными оттисками штампа.

Один из фрагментов имеет примесь талька в тесте. На нем ряд вертикальных оттисков штампа окаймлен горизонтальным зигзагом (рис. 1, *25*). На одном фрагменте (с примесью песка в тесте) отмечены линии из оттисков зубчатого штампа (рис. 1, *26*).

Большой интерес представляют четыре венечных кости лошади. Головки их украшены довольно сложным орнаментом. На трех из них в орнаменте сочетаются прямые линии и треугольники. В двух случаях треугольники заштрихованы, а в одном образованы зигзагом (рис. 2). Насколько нам известно, до сих пор находили лишь путовые кости лошади с орнаментом [3, с. 184; рис. 20; 4, с. 456].

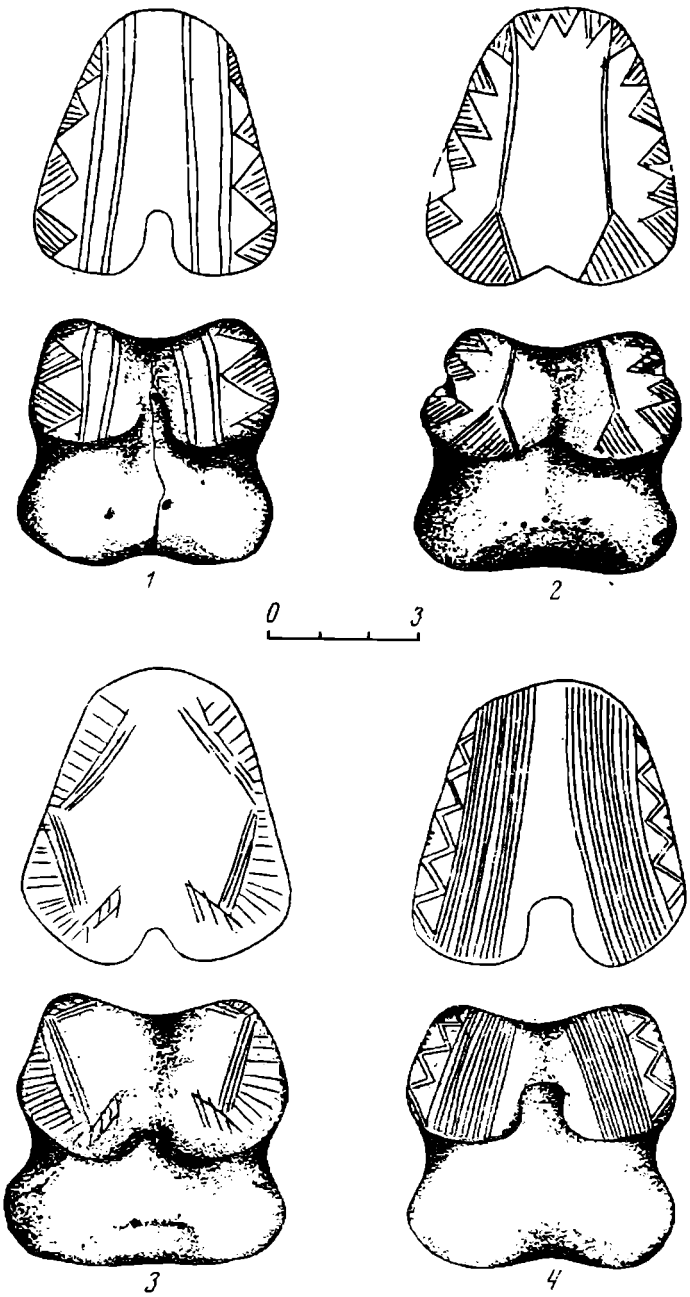


Рис. 2. Орнаментированные кости

По комплексу признаков, характеризующих кремневую индустрию и керамику, стоянка Ливановка наиболее близка таким терсекским памятникам степного Притоболья, как Коль, Терсек-Карагай, Евгеньевка 2, Соленое Озеро 1 [1, с. 70—72; 2, с. 235—241; 5, с. 537, 538].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Формозов А. А.* Энеолитические памятники Кустанайской области и их связь с ландшафтом//БКИЧП. 1950. № 15.
2. *Логвин В. Н., Калиева С. С.* Стоянка Евгеньевка 2 (Северный Казахстан)//СА. 1984. № 1.
3. *Васильев И. Б., Выборнов А. А., Габяшев Р. С., Моргунова Н. Л., Пенин Г Г* Виловатовская стоянка в лесостепном Заволжье//Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980.
4. *Зайберт В. Ф.* Исследования в Северном Казахстане//АО—1982. М., 1984.
5. *Логвин В. Н.* Работы в Наурзумском заповеднике//АО—1978. М., 1979.

Е. Ю. НОВИЦКИЙ

ПЛИТА-ЖЕРТВЕННИК ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА — РАННЕЙ БРОНЗЫ ИЗ КРАСНОСЕЛКИ

При обследовании восточного берега Куяльницкого лимана (Одесская обл.) найдена известняковая плита с чашевидными углублениями. В связи с понижением уровня лимана на 0,5—0,7 м береговая линия здесь передвинулась примерно на 10—14 м, и плита лежала на обнажившемся грунте, уходя в глинистое дно на 10—14 см.

Плита размером 1,4×0,5—0,4×0,5—0,35 м представляет собой блок плотного известняка, хорошо обработанного и прошлифованного. Сторона плиты, выходящая на поверхность, разрушена прибоем. Чашевидные углубления отмечены на стороне, обращенной к воде, и узком торце верхней части плиты. Говоря о верхней части плиты, мы исходим из того, что плита устанавливалась вертикально. Об этом, на наш взгляд, свидетельствует сужение блока к одному концу. Кроме того, на лицевой стороне (с чашевидными углублениями) четыре верхних углубления отделяются от остальных врезной линией, особенно намеченной у краев плиты (рис. 1, *1*). Из остальных углублений необходимо отметить три, соединенных неглубокой канавкой. По краям лицевой части плиты сделаны углубления, частично выкрошившиеся. В нижней части плиты имеется еще одно чашевидное углубление. Все углубления на лицевой стороне неглубокие — 1,5—3 см. На верхнем торце два пропила поперек плиты, один заходит на боковые стороны плиты, глубина его до 15 см, второй не доходит до края плиты. Между пропилами чашевидное углубление глубиной 10 см.

Атрибутировать эту плиту достаточно сложно, так как территория между берегом Куяльницкого лимана и Тилигулом исследовалась мало. Обследованные памятники почти не дают материалов эпохи энеолита — ранней бронзы. Несколько восточнее в античном Кошарском могильнике при раскопках найдено несколько необычных для этого времени погребений. Но вся информация о них исчерпывается формой погребальной ямы — округленная.

Для аналогии мы привлекаем плиты-жертвенники с чашевидными углублениями, найденные ранее. Одна плита овальной формы обнаружена в ямном погребении в 1930 г. у с. Курисово-Петровское [1, с. 141]. Она несколько крупнее плиты из Красноселки и выглядит гораздо более сложной (рис. 1, *2*). Еще одна плита обнаружена А. А. Щепинским в поле кургана у пос. Марьино близ Симферополя [2, с. 45, 46]. На плите имеются канавки и углубления чашевидной формы. Особенно интересен пропил на торце в сочетании с чашевидным углублением. На плите имеются стопообразные знаки (рис. 1, *3*). Известно довольно много фрагментов плит и отдельных камней с чашевидными углублениями из курганов и случайных находок [3, с. 79; 4, с. 25, 30; 5, с. 166—168; 6]. Можно отметить две стелы с чашевидными углублениями. Это знаменитая Бахчи-Элинская стела с рисунками и двумя рядами чашевидных углублений на верхнем торце (рис. 1, *4*) и стела из ямного погребения 4 кургана 1 у с. Маяки Одесской обл. с несколькими чашевидными углублениями на лицевой стороне (рис. 1, *5*) [1].

Таким образом, каменные плиты с чашевидными углублениями — достаточно характерное явление для эпохи энеолита — ранней бронзы в Северном Причерноморье. Они встречаются в погребениях ямной и усатовской культур, а также как случайные находки. Связь этих изваяний с сакральными операциями, по-видимому, бесспорна. Тем не менее определение функции плит с чашевидными углублениями представляется делом сложным. С одной стороны, наличие ямок на камне или плите ассоциируется с этнографическими и древнеисторическими описаниями различных сакральных операций. Сюда можно отнести и жертвенники,

---

[1] Приношу глубокую благодарность И. Т. Чернякову за любезно представленные материалы раскопок.

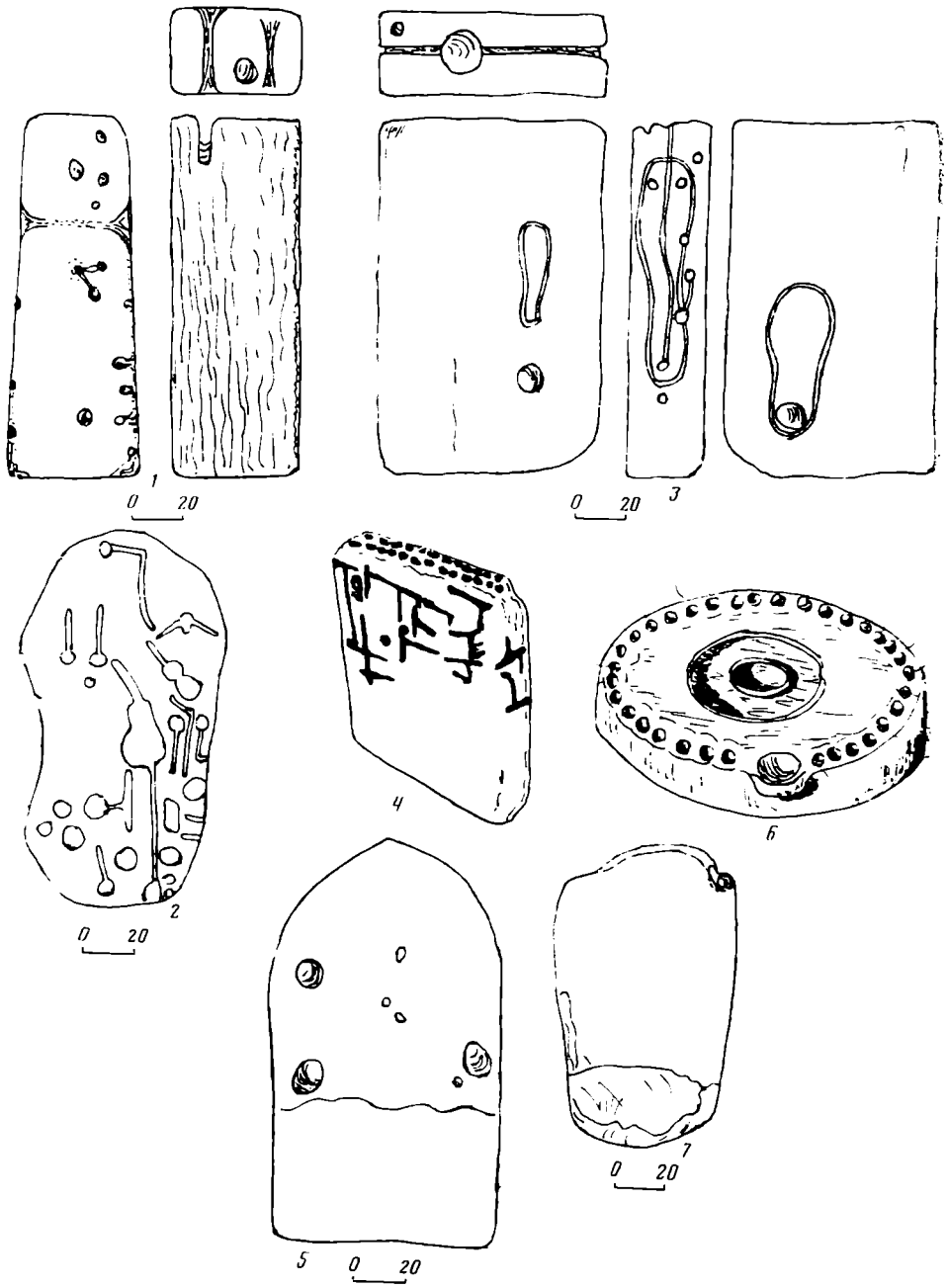


Рис. 1. Плиты и стелы с чашевидными углублениями. *1* — Красноселка; *2* — Петровка (Курисово-Петровское); *3* — Марьино; *4* — Бахчи-Эли; *5* — Маяки; *6* — Малия (Крит); *7* — Новоселица

например типа жертвенного столика из Малии (Крит) [7, с. 101] (рис. 1, *6*), и выкапывание ямок для вызывания дождя [8, с. 372; 9, с. 123].

По-видимому, не вызывает сомнения и сакральная функция каменной плиты из Красноселки. Сложнее объяснить наличие углублений на различных плоскостях изваяния. Среди перечисленных только изваяния из Красноселки и Марьино имеют углубления или изображения на нескольких плоскостях. Возможно, это свидетельствует о нескольких функциях плит или о нескольких стадиях-операциях, предполагавшихся в процессе исполнения обряда, когда плита могла использоваться то одной, то другой плоскостью. Подтверждением вертикального положения (как основного) плиты из Красноселки может быть наличие двух канавок, отделяющих от всей плиты ее узкую часть с четырьмя углублениями. В этом случае плита становится похожа на примитивную схематизированную антропоморфную стелу. Стел такого типа в Северо-Западном Причерноморье нам не известно, хотя геометричность форм каменных изваяний присуща как ямной, так и усатовской культуре.

Каменное изваяние из Красноселки отличается от известных нам изваяний с чашевидными углублениями, сочетая в себе признаки как плиты-жертвенника, так и черты примитивной стелы. В то же время в Северо-Западном Причерноморье известны оригинальные стелы ямной культуры с чашевидными углублениями на верхнем торце. Одну из таких стел нам любезно предоставил для публикации Л. В. Субботин (рис. 1, 7).

Дальнейшие исследования этого региона позволят точнее определить место каменного изваяния из Красноселки в ряду памятников эпохи энеолита — ранней бронзы в Северо-Западном Причерноморье.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лагодовська О. Ф.* Археологична подорож до с. Курисово-Покровське//ВОКК. 1930. Ч. 4—5.
2. *Щепинский А. А.* Памятники искусства эпохи раннего металла в Крыму//СА. 1963. № 3.
3. *Ястребов В. Н.* Опыт топографического описания древностей Херсонской губернии// ЗООИД. 1894. Т. XVII.
4. *Гошкевич В. И.* Клады и древности Херсонщины. Херсон, 1903.
5. *Формозов А. А.* Очерки по первобытному искусству//МИА. 1969. № 165.
6. *Патокова Э. Ф.* Усатовское поселение и могильники. Киев: Наук. думка, 1979.
7. *Warren P.* The Aegean Civilization. N. Y., 1975.
8. *Невский Н. А.* Представление о радуге как о небесной змее. Сергею Федоровичу Ольденбургу: Сборник статей. Л., 1934.
9. *Толстой Н. И., Толстая С. М.* Заметки по славянскому язычеству. 2. Вызывание дождя в Полесье//Славянский и балканский фольклор. М.: Наука, 1978.

А. Б. ДИНКОВ

КАТАКОМБНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ИЗ ТИМАШЕВСКОГО КУРГАНА В ПРИКУБАНЬЕ

В 1984 г. экспедицией Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника был исследован курган высотой 5 м на западной окраине г. Тимашевска. Курган входил в состав курганной группы, расположенной на правом берегу р. Кирпили, между хут. 1-го Мая и г. Тимашевском. Насыпь кургана, как показали раскопки, была возведена над погребением древнеямной культуры и периодически досыпалась над впускными погребениями. При раскопках кургана вскрыто погребение, относящееся к эпохе средней бронзы, которому и посвящена настоящая публикация [1].

Погребение 28 (рис. 1, *4*) впущено с насыпи 5 в насыпь 1, возведенную над погребением (30) древнеямной культуры, и совершено на глубине 5,7 м от наивысшей точки насыпи, принятой за условный ноль. Погребение совершено в катакомбе, камера которой имела овальную форму, плоское дно и полусферический свод. Камера ориентирована по линии север — юг. Четко прослежена ее южная стенка. Входная яма и остальные стенки камеры не прослеживаются. Входная яма примыкала к камере с западной стороны, так как с восточной стороны камеру перекрывал заплечик погребения 13, относящегося к древнеямной культуре и датированного по стратиграфии насыпи III тыс. до н. э. Стенки и свод камеры были побелены.

Костяк принадлежал взрослому человеку, судя по инвентарю,— женщине. Погребенная лежала в сильно скорченном положении на правом боку, головой на северо-восток, спиной к входному отверстию. Череп лежал на правом боку, лицевой частью на северо-восток. Руки и ноги сильно согнуты. Кисти рук находились у коленных суставов. Бедренные

[1] Приношу глубокую благодарность В. Н. Каминскому за любезно предоставленный для публикации материал.

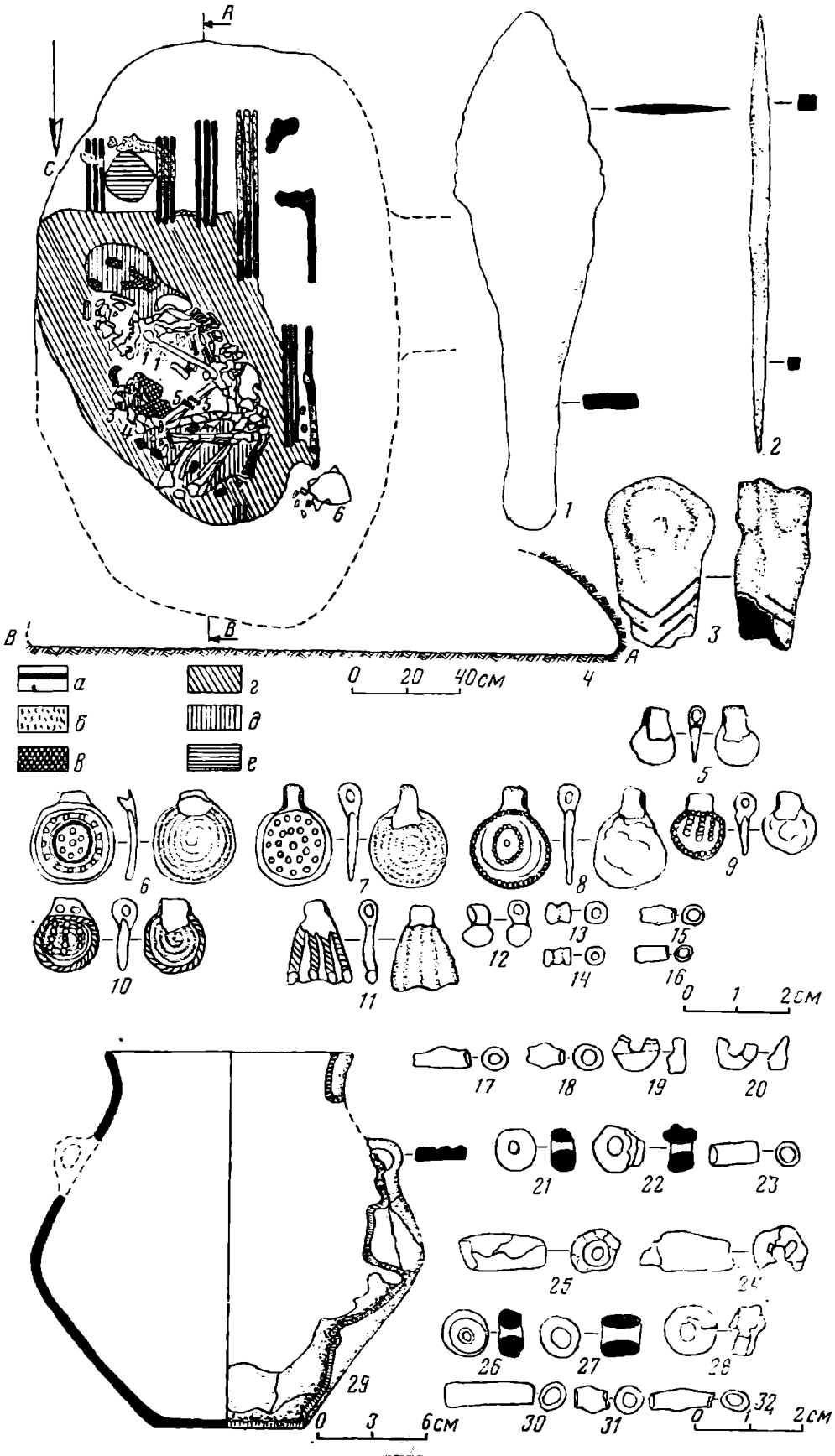


Рис. 1. План и инвентарь погребения 28 из Тимашевского кургана. *1* — нож; *2* — шило; *3* — костяной предмет; *4* — план погребения 28 (*а* — уголь, *б* — зола, *в* — охра, *г* — мел, *д* — коричневый тлен, *е* — тлен от кожаной шкатулки); *5—12* — подвески; *13, 14* — пронизи; *15—28, 30—32* — бусы; *29* — сосуд. *1, 2, 5—18, 31, 32* — бронза; *3, 19, 20, 22, 23, 28, 30* — кость; *21, 24—27* — дерево; *29* — глина (на плане погребения: *1* — бусы, *2* — костяной предмет, *3* — шило, *4* — нож, *5* — браслеты, *6* — сосуд)

кости почти прижаты к берцовым. Под костяком зафиксированы следы подстилки. На дне камеры по длинной оси прослежены строенные параллельные полосы, нанесенные углем по земле и сверху посыпанные золой. Вокруг костяка и под ним зафиксирована обильная подсыпка из мела. Под костяком на слое мела отмечена подсыпка из сильно спрессованной золы (?) толщиной 3—5 мм. На костях и под ними зафиксирован коричневый тлен, возможно, от одежды. Череп был покрыт слоем тлена коричневого цвета, возможно, от головного убора. За черепом и в области колен отмечена обильная подсыпка охры. К югу от черепа находилось округлое пятно коричневого тлена с охрой. Возможно, это были остатки кожаной шкатулки.

В области шеи, верхней части груди и нижней челюсти обнаружено скопление бус: 8 костяных цилиндрической формы, желтого и белого цветов (рис. 1, *19*, *20*, *23*, *28*, *30*), 16 деревянных цилиндрической, эллипсоидной и бочковидной форм, коричневого цвета (рис. 1, *21*, *24—27*), 1 гагатовая (?) эллипсоидной формы, 22 бронзовые биконической формы (рис. 1, *17*, *18*, *31*, *32*). Часть бус располагалась в виде низок. К юго-востоку от коленного сустава лежал фрагмент костяного предмета с врезным елочным орнаментом и со следами охры на поверхности (рис. 1, *3*). Здесь же найдено бронзовое шило, четырехгранное в сечении (рис. 1, *2*). Между шилом и коленным суставом левой ноги найден бронзовый нож. Лезвие ножа по форме близко к листовидной, на расширенной его части имеются плечики для упора рукояти. Черешок постепенно сужается к концу, который немного расширен и уплощен (рис. 1, *1*) На средней части лучевой и локтевой костей левой руки обнаружены два составных браслета из бронзовых бус и подвесок различных форм.

Первый браслет состоит из 17 ластовидных литых подвесок, в виде четырех соединенных косичек с шариками на концах и в верхней части с петлей для подвешивания (рис. 1, *11*). Между подвесками располагались 12 трехчастных (рис. 1, *14*) и одна двухчастная (рис. 1, *13*) пронизи из бронзы и шесть грибовидных подвесок с петлями для подвешивания (рис. 1, *12*). Второй браслет состоит из 29 подвесок и 28 бронзовых бус. Бусы биконической и цилиндрической форм (рис. 1, *15*, *16*). Бронзовые подвески семи типов. Первый тип — дисковидные подвески с петлей для подвешивания (22 экз.). На одной стороне три косички с тремя литыми шариками на концах, заключенных в бордюр по краю в виде витой косички. Под косичками следы спирали. На оборотной стороне орнамент в виде спирали. На петле для подвешивания два литых шарика (рис. 1, *10*). Второй тип — дисковидная подвеска с петлей для подвешивания (1 экз.). Обе стороны гладкие (рис. 1, *5*). Третий тип — дисковидная подвеска с петлей для подвешивания (1 экз.). На лицевой стороне орнамент из трех литых косичек, заключенных в бордюр из литых шариков. На оборотной стороне следы спирали (рис. 1, *9*). Четвертый тип — дисковидная подвеска с петлей для подвешивания (2 экз.). На лицевой стороне орнамент из двух кругов шарообразных полусфер с четко выраженным обозначением центра. На оборотной стороне спираль (рис. 1, *7*). Пятый тип — дисковидная подвеска с петлей для подвешивания (1 экз.). На лицевой стороне орнамент из двух кругов полусфер, разделенных между собой бордюром и с ярко выраженным центром. На оборотной стороне спираль (рис. 1, *6*). Шестой тип — дисковидная подвеска с петлей для подвешивания (1 экз.). На лицевой стороне орнамент из двух круглых бордюров из литых полусфер и с ярко выраженным центром. На оборотной стороне поверхность гладкая (рис. 1, *8*). Седьмой тип — ластовидная подвеска с обломанной нижней частью, аналогичная подвескам на первом браслете (рис. 1, *11*).

К северо-западу от стопы левой ноги обнаружены фрагменты раздавленного сосуда с остатками пищи в виде желтого тлена. Сосуд имеет отогнутый наружу венчик, невысокую шейку, тулово биконическое, донце плоское. На плечике ручка в виде петельки с выступами у основания, покрытая вертикальными валиками. Тесто средней отмученности, с примесью шамота. Обжиг хороший, ровный (рис. 1, *29*).

Инвентарь рассматриваемого погребального комплекса имеет большое количество аналогий в памятниках средней бронзы Северного Кавказа. Бронзовый нож по типу близок к ножу, найденному в погр. 6 кург. 3 1-го Бережновского могильника [1, с. 55, рис. 9, *3*, с. 59]. И. В. Синицын датирует его первой половиной II тыс. до н. э. и ошибочно называет его наконечником дротика [1, с. 187]. Другой аналогичный нож найден в катакомбном погр. 33 кург. 4 Шахаевской курганной группы [2, табл. 13, *8*]. С. Н. Кореневский относит ножи этого типа ко второй группе, которая датируется первой половиной — серединой II тыс. до н. э. [3, с. 45, 46].

Бронзовые шилья, четырехгранные в сечении, довольно часто встречаются в памятниках эпохи бронзы Северного Кавказа. Появившись в раннеметаллическую эпоху, они получили широкое распространение в катакомбное время и исчезают к его концу [4, с. 34—39; 5, с. 198]. Аналогичные шилья найдены в катакомбном погр. 8 кург. 3 II Шахаевской курганной группы [6, с. 49, 83, рис. 23, *2*] и в погр. 2 кург. 3 у с. Бамут [7].

Изделия из дерева очень редко сохраняются в памятниках Кавказа эпохи бронзы. К ним можно отнести и деревянные бусы, не отмеченные до настоящего времени среди материалов катакомбного времени степного Прикубанья. Однако находка их в исследуемом погребении из Тимашевского кургана свидетельствует об использовании дерева для изготовления бус.

Костяные бусы цилиндрических форм довольно часто встречаются и широко распространены в период средней бронзы в культурах степной зоны [8, с. 129]. Такое же широкое распространение имеют бронзовые бусы и пронизи различных форм [8, с. 130; 9, с. 40].

Большой интерес в погребении представляют составные браслеты из подвесок различных типов. Подвески ластовидной формы встречены в погребениях северокавказской культуры у с. Бамут [7], ст. Отрадной [10]. Подвески грибовидной формы широко распространены в памятниках эпохи средней бронзы Северо-Западного Кавказа (хут. Пролетарский[2], ст. Отрадная [10], с. Ведено [11, с. 48, 49]). В. И. Марковин относит время бытования этих подвесок к 1700—1500 гг. до н. э. Реже в памятниках эпохи средней бронзы степного Прикубанья встречаются круглые подвески с солярными символами, которые бытуют в первой половине II тыс. до н. э. [9, рис. 63, 7].

Бронзовые предметы погребения позволяют нам датировать его второй четвертью II тыс. до н. э. Этой датировке не противоречит форма керамического сосуда. Форма погребального сооружения и инвентарь позволяют отнести данное погребение к катакомбной культуре. Однако отдельные черты погребального обряда (строенные угольные полосы и положение костяка спиной к входному отверстию) редко встречаются у катакомбных племен и, вероятно, являются локальной особенностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Синицын И. В.* Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1953 гг.)//МИА. 1959. № 60.
2. *Федорова-Давыдова Э. А., Горбенко А. А.* Раскопки Шахаевской курганной группы в 1971 году//Археологические памятники Нижнего Подонья. Т. II. М., Наука, 1974.
3. *Кореневский С. Н.* О металлических ножах ямной, полтавкинской и катакомбной культур//СА. 1978. № 2.
4. *Попова Т. Б.* Дольмены станицы Новосвободной//Тр. ГИМ. 1963. Вып. 34.
5. *Мунчаев Р. М., Смирнов К. Ф.* Памятники эпохи бронзы в Дагестане (курганная группа у ст. Манас)//СА. 1956. Т. XXVI.
6. *Федорова-Давыдова Э. А.* Раскопки курганной группы Шахаевская II на р. Маныче//Древности Дона. М.: Наука ,1983.
7. *Мунчаев Р. М., Сарианиди В. И.* Бамутские курганы эпохи бронзы//КСИА. 1964 Вып. 98.
8. *Нечитайло А. Л.* Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев: Наук. думка, 1978.

[2] Выражаю глубокую благодарность Н. Ф. Шевченко за ознакомление с неопубликованным материалом из раскопок 1984 г. в Кореновском р-не Краснодарского края.

9. *Нечитайло А. Л.* Суворовский курганный могильник. Киев: Наук. думка, 1979.
10. *Каминская И. В.* Отчет о раскопках курганов в ст. Отрадной Отрадненского района Краснодарского края в 1983 г.//Архив КГИАМЗ. Отд. 3. Д. 394.
11. *Марковин В. И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.)//МИА. 1960. № 93.

А. В. МАТВЕЕВ, Н. П. МАТВЕЕВА

БРОНЗОВЫЙ КОТЕЛ ИЗ САВИНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА (Среднее Притоболье)

Находки бронзовых котлов в Западной Сибири редки и в большинстве своем случайны. Лишь единицы связаны с датированными комплексами.

Публикуемый котел найден в погр. 2 кург. 7 Савиновского могильника, исследованного А. В. Матвеевым в 1982 г. Памятник находится на высоком одноименном увале близ с. Бызово, на левобережье р. Тобол в Упоровском р-не Тюменской обл. В могильнике насчитывалось восемь курганов, семь из них раскопаны. Котел найден в самом крупном из исследованных, кургане 7. Он насыпался, видимо, в два приема, после совершения последовательных захоронений в центральной его части двух знатных мужчин. После второго, интересующего нас погребения была сделана значительная досыпка, и высота кургана, судя по объему грунта, сползшего с вершины насыпи и перекрывшего первоначальный ров, достигла 7 м. Диаметр этой насыпи нам неизвестен, а размер уже расплывшегося опаханного кургана — 32 м.

Могильная яма погр. 2 (рис. 1) имела прямоугольную форму (1,9×3 м) и располагалась в центре кургана вплотную к юго-восточному углу раннего погр. 1, частично его срезая. Глубина захоронения — 0,8 м от уровня материка. Ориентировка погребения — юго-запад — северо-восток. На дне ямы двумя рядами вдоль длинных стенок располагались пять ямок. В них, очевидно, стояли столбы, поддерживавшие перекрытие могилы.

Могила оказалась разграбленной, нетронутым остался лишь небольшой участок в северо-восточном ее конце, где стояли бронзовый котел с остатками черепа лошади внутри и круглодонный глиняный горшок с резными треугольными фестонами на плечиках (рис. 1, *2*). В погребении также найдены плохо сохранившийся кельт-мотыжка (рис. 1, *1*), кости молодой овцы или козы (определение П. А. Косинцева), несколько лошадиных ребер, кости скелета мужчины в возрасте 40—50 лет (определение В. А. Дремова).

Форма и ориентировка могильной ямы, форма и орнамент сосуда позволяют отнести погребение к саргатской культуре. Ввиду разграбленности датировка его затруднена. В более раннем погр. 1 найдены железные черешковые трехлопастные наконечники стрел, наконечник копья или дротика прямоугольной формы в сечении, позволяющие датировать его временем после III в. до н. э. Этот факт заставляет нас считать, что нарушившее его погр. 2 совершено не ранее конца III — начала II в. до н. э. Дополнительные соображения о датировке позволяет высказать исследование бронзового котла.

Котел представляет собой сосуд с полусферическим туловом и четко выраженным венчиком, с двумя горизонтальными ручками и конусовидным поддоном с двумя каплевидными прорезями (рис. 2). Высота его 36 см (вместе с поддоном), максимальный диаметр (36,5 см) располагается в верхней трети. Высота поддона 9,5 см, диаметр устья 33,5 см. Приустьевой край котла слегка отогнут.

Котел отлит в форме из двух половинок, поддон припаян позже. Котел украшен рельефными валиками. На плечиках его волнистая линия, замкнутая двумя горизонтальными. От этой орнаментальной полосы

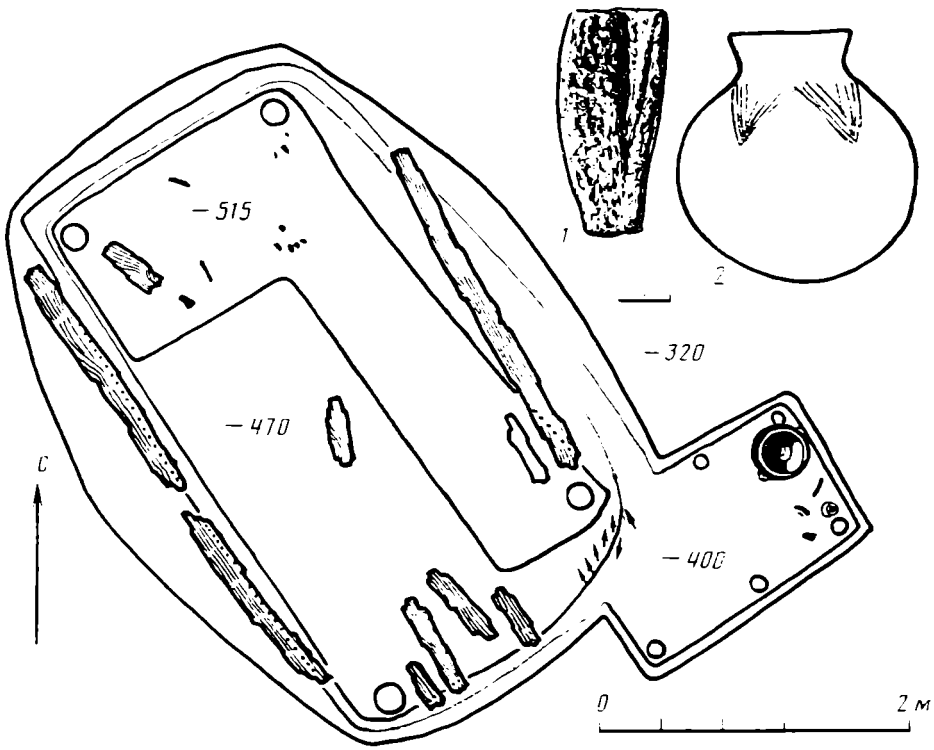


Рис. 1. План погр. 1 и 2 из кург. 7; *1* — железный кельт-мотыжка; *2* — глиняный сосуд

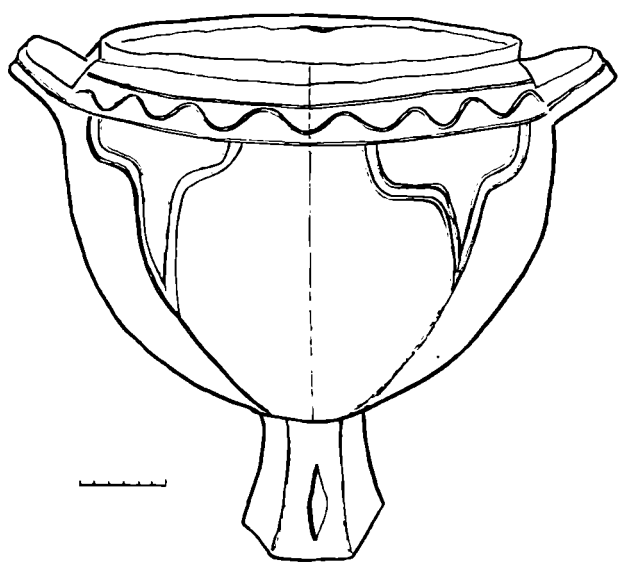


Рис. 2. Бронзовый котел из погр. 2 кург. 7 Савиновского могильника

спускаются четыре фигурных фестона, расположенные симметрично. Ручки котла исполнены в виде простых дужек, украшеных каннелюрами. На поддоне вертикально расположены шесть рельефных валиков.

Котел закопчен, несомненно, в нем готовилась и была поставлена погребальная пища. Он, видимо, долго использовался — нижний край поддона в одном месте обломился. В остальном котел целый, правильной формы.

Полные аналоги нашей находки нам неизвестны. Сферическое раздутое тулово характерно для европейских и сакских котлов [1; 2, с. 47; 3, с. 134]. По форме наш сосуд ближе всего котлам II типа, выделенным Н. А. Боковенко среди азиатских котлов [2, с. 49]: полусферической формы с горизонтальными ручками, имеющими каннелюры (подтип 2). Этот тип представлен в основном сако-усуньскими котлами, датированными VI — IV вв. до н. э.

Орнамент в виде полосы, в которую заключена волнистая линия, и двойных рельефных фестонов (фигурных скобок), свисающих с этой полосы, характерен для хуннов. Сосуд с почти идентичным орнаментом найден в погр. 100 Иволгинского могильника, датированного II в. до н. э. [4, с. 98]. Сходные по орнаментации стенок котлы известны среди находок в минусинских степях и Северной Монголии [5, рис. 17, *2*], по форме они отличны от нашего (более вытянуты, с вертикальными ручками). Котлы на прорезном поддоне с рельефным валиковым орнаментом из фестонов на поверхности найдены в кург. 6 в Ноин-Уле. Они отнесены С. И. Руденко к рубежу нашей эры [6, с. 36]. Рубежом нашей эры датирован также котел на прорезном поддоне из могильника Жаман-Тогай [7, табл. 1, *1*]. Прорези на поддонах помимо чисто практического значения — доступа огня при варке пищи — служили и для прикрепления котла на крупе лошади при перекочевках. Это мы наблюдаем на известных изображениях всадников с котлом, например происходящих из Кумиончхона [8, табл. 1, *17*] и Кёнджу [9, табл. 50]. Интересно, что одеяние всадника трактуется в скульптурах периода Когурё и Силла как костюм военачальника. Котел, видимо, является не только редким и дорогим сосудом, характерным в силу своей ценности для погребений родо-племенной знати, но и символом высокого общественного положения его владельца. Ряд исследователей считают их культовыми сосудами, что подтверждается изображением таких котлов в сценах жертвоприношений, а также намеренной порчей при помещении в могилу [10, с. 60; 11, с. 234].

Таким образом, наличие прорезного поддона и фестончатый валиковый орнамент савиновского котла должны быть признаны восточными, гуннскими чертами. Расчленение тулова сосуда одно- или двухрядовыми валиками по вертикали на четыре зоны, как это сделано на савиновском котле, часто использовалось при украшении котлов именно гуннского типа, что наглядно иллюстрировано З. Такачем [10]. Но в большинстве своем гуннские котлы, как найденные в Европе, так и происходящие из Северного Китая и Монголии, имеют более вытянутые пропорции и ручки с прямыми углами [3, с. 134; 10, рис. 2, 10, 15, 17—19, 21—24] или в виде дужек с гвоздевидными выступами. Но и среди северокитайских и ордосских находок есть котлы с раздутым полусферическим туловом [10, рис. 20].

Отнесение котла из Савиновского могильника на основании лишь морфологических признаков, без проведения металлографических исследований к гуннским изделиям было бы преждевременно [1]. Но тем не менее влияние традиций хунну очевидно. Признание этого факта дает нам новое и весьма существенное доказательство восточных связей саргатской культуры во II в. до н. э.— на рубеже эр. Видимо проводниками этих влияний были племена Казахстана и Средней Азии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Манцевич А. П.* Бронзовые котлы в собрании Гос. Эрмитажа//Исследования по археологии СССР. Л.: Наука, 1961.
2. *Боковенко Н. А.* Бронзовые котлы эпохи ранних кочевников в Азиатских степях// Проблемы западносибирской археологии. Новосибирск: Наука, 1981.
3. *Левашова В. П., Рыгдылон Э. Р.* Шалаболинский клад бронзовых котлов, хранящихся в Минусинском музее/КСИИМК. 1952. Вып. 43.
4. *Давыдова А. В.* К вопросу о хуннских художественных бронзах//СА. 1971. № 1.
5. *Гришин Ю. С.* Производство в тагарскую эпоху//МИА. 1960. № 90.
6. *Руденко С. И.* Культура хуннов и Ноин-Улинские курганы. М.: Наука, 1962.

[1] В 1985 году В. А. Галибиным в ЛОИА АН СССР был произведен количественный спектральный анализ металла котла. Результаты следующие: Sn — 14,0; Pb — 35,0; As — 0,15; Sb — 0,03; Bi — 0,2; Ag — 0,08; Fe — 1,0; Ni — 0,04; Co — 0,016; Zn — 3,0 (основа — медь). По своему составу сплав металла котла резко отличается от других бронзовых находок саргатских памятников. Сплавы, содержащие в качестве легирующего элемента цинк в сочетании с оловом и свинцом не использовались в Приуралье и Западной Сибири, но характерны для бронз Ордоса и Монголии [12, с. 63, рис. 7].

7. *Максимова А. Г., Мерщиев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М.* Древности Чардары. Алма-Ата: Наука, 1968.
8. *Бродянский Д. Л.* Дальний Восток и скифо-сибирское культурно-историческое единство//Тезисы докладов Всесоюзной археологической конференции «Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства». Кемерово, 1979.
9. *Глухарева О. Н.* Искусство Кореи: С древнейших времен до конца XIX века. М.: Искусство, 1982.
10. *Такач З.* Каталаунская гуннская находка и ее восточноазиатские связи//Acta orientalia. Academiae scientiarum Hungaricae. T. V. F. 1—2. Budapest, 1955.
11. *Боковенко Н. А.* Типология бронзовых котлов сарматского времени в Восточной Европе//СА. 1977. № 4.
12. *Миняев С. С.* Производство бронзовых изделий у сюнну//Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул, 1983.

А. Н. РЯБЦЕВ, В. А. СЕМЕНОВ

АНАНЬИНСКАЯ ПАРАДНАЯ СЕКИРА ИЗ-ПОД СЫКТЫВКАРА

В археологическом кабинете Сыктывкарского университета хранится бронзовая ананьинская секира из-под Сыктывкара (рис. 1) [1]. Секира обнаружена в подсыпке грунтовой дороги в окрестностях с. Слудка около ручья, впадающего здесь в р. Пожег (левый приток р. Вычегды) [2].

Общая длина секиры 32,5 см, а наибольшая ширина бойковой части 7,5 см. Бойковая часть имеет подтреугольно-трапециевидную форму, расширяющуюся от втулки. Боек усилен ребром жесткости, образующим арковидное утолщение по краям боевой части секиры, лезвие имеет также крутую заточку.

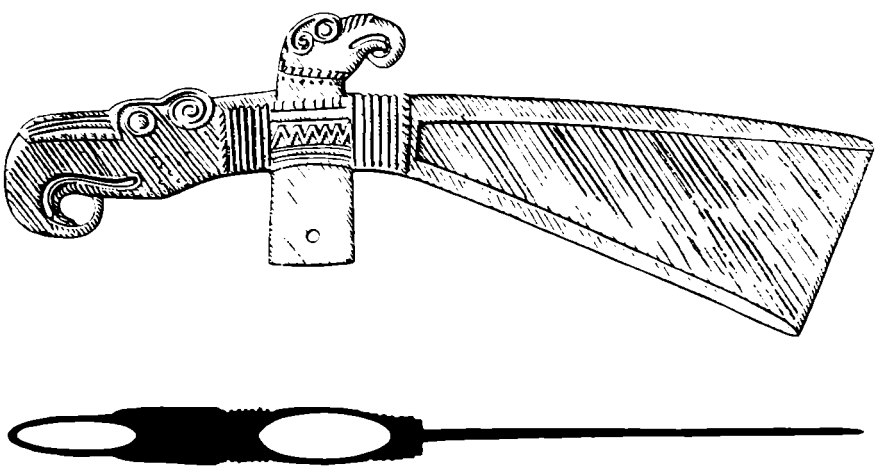


Рис. 1. Секира из-под Сыктывкара

К особенностям декора секиры относятся моделировка обуха и навершия втулки в виде головы хищной птицы (ушастый грифон?) [1, с. 137, 138] и рельефная орнаментация перекрестья секиры. Подобная моделировка обуха и навершия отличает сыктывкарскую находку от изделий, известных ранее, для которых характерна моделировка обуха в виде головы волка (дракона, по А. А. Спицыну) [2, с. 143].

Сыктывкарская находка отличается и более пышным, лучше проработанным в деталях орнаментом. Так, на описываемом изделии кроме обычных на других секирах гребневидных рельефных выступов, разде-

---

[1] Секира обнаружена школьниками с. Слудка в 1982 г. и получена от А. В. Юркиной в 1983 г.

[2] Авторами сообщения были проведены в районе находки дополнительные разведочные работы, не давшие положительных результатов. Рисунок секиры выполнен О. Н. Стеблин-Каменской, лаборантом Саяно-Тувинской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР.

ленных каннелюрами [3, с. 121—124], присутствуют также выполненный в выпуклом рельефе горизонтальный зигзаг; выпуклый, рассеченный косой насечкой линейный рельеф, имитирующий, вероятно, оттиск шнура; линейно расположенные на навершии втулки ямчатые вдавления и такие же, но нанесенные крестообразно на обушковой части.

Обращает на себя внимание, что все находки секир, наиболее близких по типу сыктывкарской (пинежский тип. по А. М. Тальгрену), коррелируют с ареалом ананьинской этнокультурной общности в границах современных Удмуртской АССР, Пермской обл., Коми АССР и Архангельской обл. и как бы отмечают продвижение бронзовых изделий вдоль Уральского хребта к северу.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Семенов В. А.* О некоторых параллелях скифо-сибирскому звериному стилю в археологии раннежелезного века европейского Северо-Востока//Скифо-сибирский звериный стиль (Тез. докл. II археол. конф.). Кемерово, 1984.
2. *Кузьминых С. В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. М.: Наука, 1983.
3. *Тальгрен А. М.* Бронзовые топоры с головами животных из Восточной России// ИОАИЭ. 1919. Т. XXX. Вып. 1.

И. В. КАМИНСКАЯ

САРМАТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ НА УРУПЕ

В 1983 г. экспедиция Краснодарского историко-археологического музея-заповедника проводила раскопки в долине р. Уруп. Были исследованы четыре кургана и незначительная площадь поселения, открытого под насыпью одного из курганов. Полученный материал относится к двум периодам: эпохе бронзы и раннему железному веку. Вторая хронологическая группа объединяет восемь погребений (кург. 2, погр. 1; кург. 3, погр. 1, 3, 4, 7—9; кург. 4, погр. 1). Все эти погребения были впущены в насыпи курганов эпохи бронзы.

Курган 2. Погребение 1 открыто на глубине 0,4 м от вершины кургана[1] Форма погребального сооружения не прослежена. Костяк лежал в вытянутом положении на спине, головой на запад (рис. 1, *1*) В ногах погребенного стоял черноглиняный одноручный сосуд с невысокой шейкой, биконическим туловом и плоским дном (рис. 1, *2*). Плечики украшены процарапанным орнаментом. Сосуд изготовлен из глины средней плотности с примесью песка и шамота. На правой лопатке костяка, позвонках и под ребрами правой части грудной клетки найдено пять бусин из темно-синего полупрозрачного стекла (рис. 1, *3*).

Курган. 3. Погребение 1 находилось на глубине 1,16 м. Погребальное сооружение не прослежено. Костяк сильно потревожен (рис. 1, *4*), около него найдены фрагменты лепной кружки (рис. 1, *6*). Черепок в изломе — коричневого цвета. Поверхность сосуда покрыта черным лощением, тулово украшено желобками и сосцевидными налепами. Тесто плотное, с примесью песка и дресвы. Рядом с кружкой были найдены фрагменты лепного сосуда (рис. 1, *5*). Глина средней плотности, с примесью дресвы и шамота; черепок в изломе черного цвета.

Погребение 3 (кург. 3) открыто на глубине 1,05 м. Форма погребального сооружения не прослежена. Костяк лежал в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад (рис. 2, *1*). Погребенный был положен на две подстилки, от которых сохранился тлен светло-серого и коричневого цвета. Около плечевой кости правой руки стояла лепная сероглиняная кружка (рис. 2, *3*) из хорошо отмученной глины с примесью песка, шамота и толченого мела. Поверхность ее неравномерно заглажена.

[1] Все измерения проводились от вершины кургана, где находился центральный репер, условно принятый за ноль.

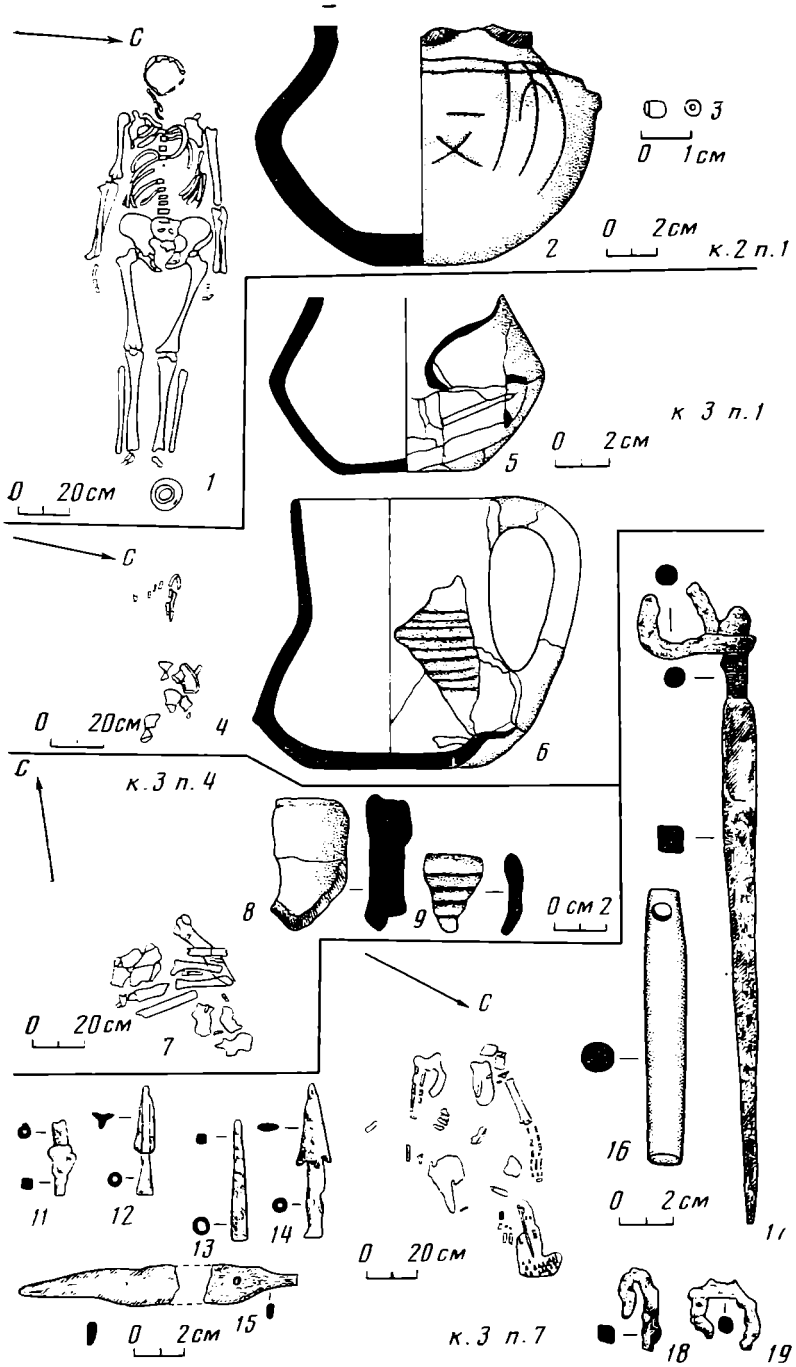


Рис. 1. *1* — план погр. 1, кург. 2; *2* — кувшин; *3* — бисер; *4* — план погр. 1, кург. 3; *5* — кувшин; *6* — кружка; *7* — план погр. 4, кург. 3; *8, 9* — фрагменты посуды; *10* — план погр. 7, кург. 3; *11* — фрагмент стержня; *12—14* — наконечники стрел; *15* — нож; *16* — оселок; *17* — стержневидное орудие; *18* — крючок от колчана; *19* — петля от колчана. *2, 5, 6, 8, 9* — керамика; *3* — стекло; *11—15, 17—19* — железо; *16* — камень

У височно-теменной части черепа лежал бараний астрагал. Около правой бедренной кости находились два четырехгранных наконечника стрел (рис. 2, *8*). Фрагменты и целые наконечники стрел этого типа (16 экз.) при раскопках кургана были вынесены из погребения бульдозером. Один наконечник относится к типу втульчатых трехгранных (рис. 2, *7*). Вместе со стрелами из погребения происходят кремневый отщеп (рис. 2, *5*), железный нож (рис. 2, *4*), фрагменты лепного одноручного кувшина грушевидной формы с желобками на шейке (рис. 2, *2*). Внутри сосуда, изготовленного из плотного теста с примесью толченого мела и песка, находилось восемь округлых галек.

Погребение 4 (кург. 3) совершено в насыпи на глубине 0,95 м. Форма погребального сооружения не прослежена. Костяк сильно потревожен (рис. 1, *7*). В погребении найден фрагмент венчика сероглиняной

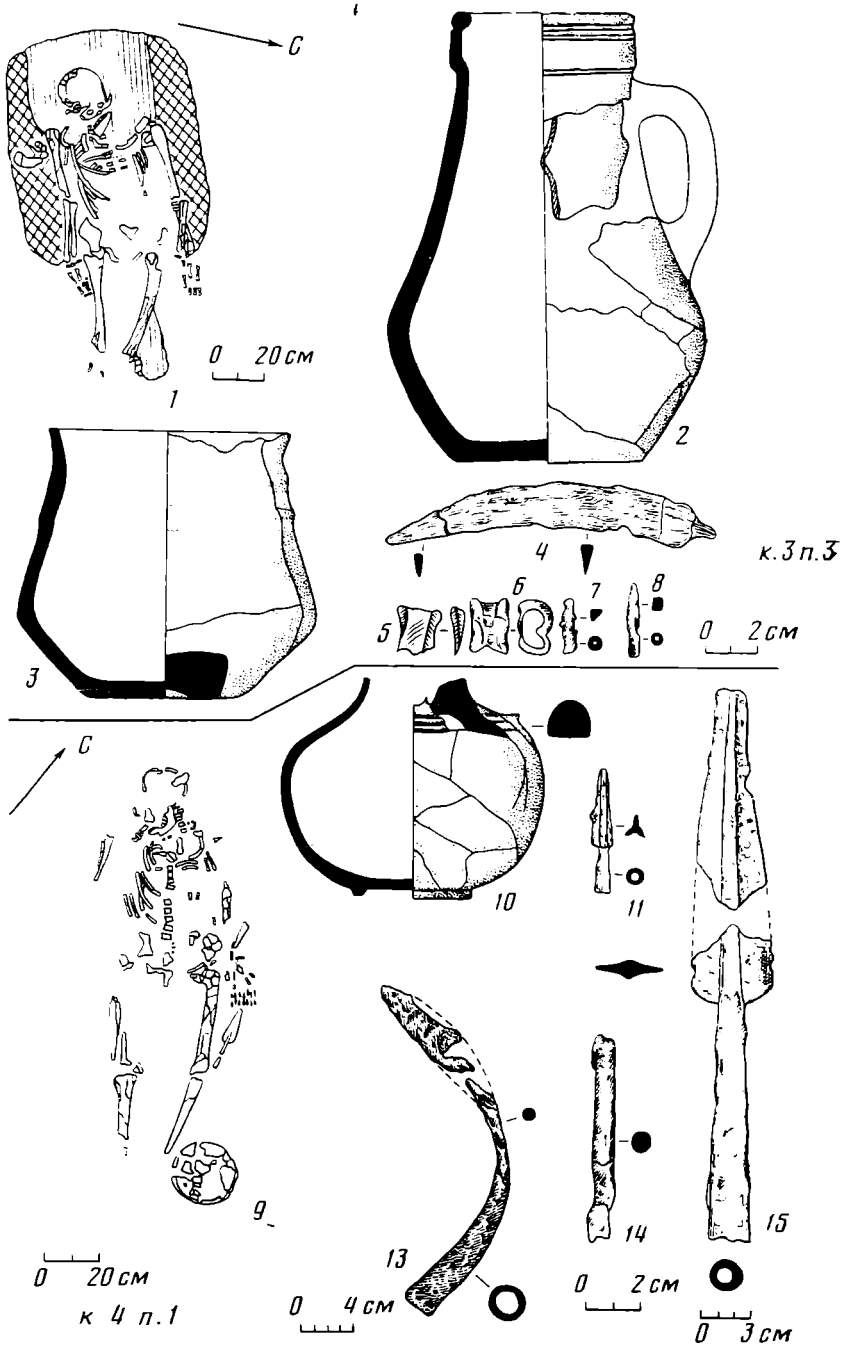


Рис. 2. *1* — план погр. 3, кург. 3; *2* — кувшин; *3* — кружка; *4* — нож; *5* — кремневый отщеп; *6* — астрагал; *7, 8* — наконечники стрел; *9* — план погр. 1, кург. 4; *10* — кувшин; *11* — наконечник стрелы; *13, 15* — наконечники копий; *16* — фрагмент стержня. *2, 3, 10* — керамика; *4, 7, 8, 13—15* — железо

миски с желобками на бортике, изготовленной из глины с примесью песка и дресвы (рис. 1, *9*). Кроме этого, в погребении найден фрагмент венчика лепного сероглиняного сосуда, глина которого в качестве примеси содержит песок и шамот (рис. 1, *8*).

Погребение 7 (кург. 3) было совершено на глубине 1,17 м, без видимых следов погребального сооружения. Погребенный лежал на спине, головой на юго-запад. Руки вытянуты вдоль туловища (рис. 1, *10*). На плечевой кости левой руки найдены железная петля от колчана (рис. 1, *19*) и фрагменты железного стержня (рис. 1, *11*). В области тазовых костей находился каменный оселок (рис. 1, *16*). В северо-восточной части погребения зафиксирован тлен от деревянного колчана цилиндрической формы, содержавшего 91 железный наконечник стрел нескольких типов: 25 втульчатых трехлопастных (рис. 1, *12*), 11 четырехгранных втульчатых (рис. 1, *13*), целые экземпляры и фрагменты плоских (рис. 1, *14*) и 29 втулок от наконечников стрел неопределенного типа. Под наконеч-

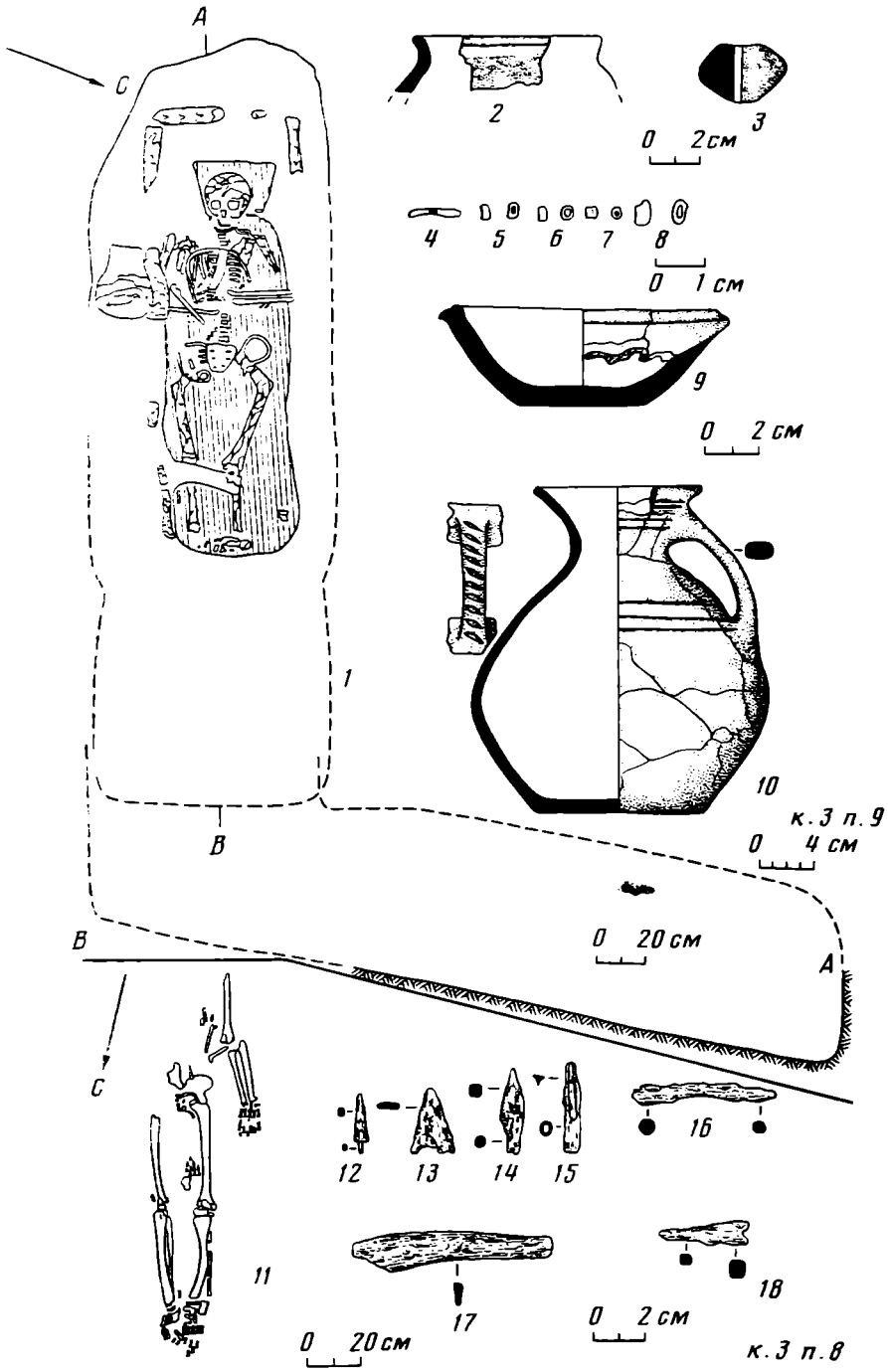


Рис. 3. *1* — план погр. 9, кург. 3; *2* — фрагмент сосуда; *3* — пряслице; *4* — фрагмент височного кольца; *5—8* — бусы; *9* — чашечка; *10* — кувшин; *11* — план погр. 8, кург. 3; *12—15* — наконечники стрел; *16—18* — фрагменты стержней; *17* — нож. *2, 3, 9, 10* — керамика; *4* — бронза; *5—8* — паста; *12—18* — железо

никами стрел были обнаружены фрагменты железного ножа с отверстием у основания лезвия (рис. 1, *15*), железный колчанный крюк (рис. 1, *18*) и железный стержень с заостренным концом (рис. 1, *17*). Противоположный его конец заканчивается петлей. Возможно, перед нами какое-то колющее оружие, близкое тому, о котором писал К. Ф. Смирнов [1, с. 118, рис. 41, *8*].

Погребение 8 (кург. 3) было открыто на глубине 1,23 м. Форма погребального сооружения не прослежена. Костяк лежал в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад (рис. 3, *11*). У левой руки погребенного лежал железный нож (рис. 3, *17*). Фрагменты железного стержня найдены у тазобедренного сустава (рис. 3, *16*, *18*); железные наконечники стрел пяти типов — около коленного сустава левой ноги.

По типам наконечники распределяются так: 13 втульчатых четырехгранных (рис. 2, *8*); 1 — втульчатый с плоским пером (рис. 3, *13*) и 1 — трехгранный (рис. 3, *15*); 2 черешковых четырехгранных, один — длиной 26 (рис. 3, *12*), второй — 36 мм (рис. 3, *14*) и 8 втулок от наконечников стрел.

Погребение 9 (кург. 3) наиболее интересное во всей представленной группе. Погребение совершено на глубине 2,24 м, в катакомбе. Входная яма находилась с северо-восточной стороны камеры и располагалась с ней по одной оси. В плане камера была прямоугольной формы с закругленными углами, ориентирована по линии юго-запад — северо-восток. Дно камеры понижалось с северо-востока на юго-запад. Перепад высоты от устья камеры к противоположной стене составлял 0,36 м. Костяк лежал ногами к входу. В заполнении камеры при расчистке встречались угольки и мел. Костяк принадлежал женщине, которая была погребена в деревянном гробу: зафиксированы остатки плах (рис. 3, *1*). Погребенная лежала в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад. Руки согнуты в локтях, кисть правой руки — на костях таза, кисть левой руки — на груди. Костяк лежал на подстилке от которой сохранился тлен темно-коричневого цвета. В области запястных костей обеих рук найдены бусы: четыре белые бусины из стекла, канал отверстия этих бусин окрашен в желтый цвет (рис. 3, *8*); бисер бирюзового цвета из египетской пасты (рис. 3, *5—7*). Вероятно, бусами были обшиты края рукавов одежды. Около плечевой кости правой руки стоял черноглиняный лепной одноручный кувшин, поверхность которого покрыта черным лощением (рис. 3, *10*). Кувшин изготовлен из рыхлой глины с примесью песка, шамота и мела. Сосуд украшен под венчиком, на плечиках и ручке процарапанным орнаментом в виде линий. Высота сосуда 2 см.

Около большой берцовой кости левой ноги обнаружен фрагмент венчика лепного сосуда коричневой глины; тесто плотное с примесью песка и шамота (рис. 3, *2*). Около стоп находились фрагменты лепной чашечки коричневой глины из рыхлого теста с примесью дресвы и шамота (рис. 3, *9*.) На уровне тазобедренного сустава правой ноги находилось сероглиняное пряслице (рис. 3, *3*) диаметром 3,4 см. Под черепом костяка обнаружен фрагмент бронзового височного кольца (рис. 3, *4*).

Курган 4. Погребение 1 открыто на глубине 0,91 м от вершины кургана. Из-за однородности насыпи форма погребального сооружения не прослежена. Костяк, принадлежавший мужчине, лежал в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Череп слегка наклонен к правому плечу (рис. 2, *9*). Руки немного согнуты в локтях, кисти — у костей таза, ноги вытянуты, стопы сведены. Инвентарь погребенного немногочислен. Возле локтя левой руки лежал наконечник копья (рис. 2, *13*). Другой наконечник копья находился около бедренной кости левой ноги (рис. 2, *15*). Оба копья были перекручены и сломаны в древности. Около кисти левой руки найдены фрагмент железного стержня (рис. 2, *14*) и 14 железных втульчатых трехлопастных наконечников стрел (рис. 2, *11*). У голеностопного сустава левой ноги стоял одноручный сероглиняный гончарный кувшин на кольцевом поддоне (рис. 2, *10*). Сосуд изготовлен из плотного теста с незначительными примесями песка и толченого мела.

Для всех рассмотренных нами погребений можно отметить ряд общих черт погребального обряда. Все погребения были впущены в насыпь курганов эпохи бронзы, что характерно для сарматских памятников Северного Кавказа последних веков до нашей эры [2, с. 97]. Погребения характеризуются сравнительно устойчивой ориентировкой (западная с небольшими отклонениями к северу или югу). Костяки находились в вытянутом положении на спине, руки располагались вдоль туловища, за исключением катакомбы кург. 3 (рис. 3, *1*). Конструктивные детали этого погребения имеют аналогии в катакомбах, открытых в 1984 г. около хут. Пролетарского в Кореновском р-не Краснодарского края [3, с. 370, 371], которые, по классификации К. Ф. Смирнова, относятся ко II типу сарматских катакомб Поволжья и Приуралья [4, с. 74, 75]. Такие же

катакомбы, по классификации погребений Нижне-Джулатского могильника, М. П. Абрамова относит к I типу [5, с. 9].

Погребальный инвентарь в захоронениях немногочислен и несет в себе не только сарматские черты, но и местные, кавказские (отдельные типы керамики, трехлопастные наконечники стрел). В одном случае (кург. 4, погр. 1) наблюдался обычай порчи предметов. Эти детали погребального обряда позволяют отнести данную группу погребений к сарматским захоронениям [6, с. 9, 10; 7, с. 170; 8, с. 42].

Посуда из погр. 1 кург. 3 (рис. 1, *5*, *6*) — кружка и лепной кувшин — имеет аналогии в материалах склепа Коба-Баши из Карачаево-Черкессии, датируемых II—I вв. до н. э. [9, с. 146, табл. 5, *4*, 8, *6*]. К этому времени относится и чернолощеная миска из погр. 4 в кург. 3 (рис. 1, *9*) [10, с. 42].

Большой интерес для датировки погребений представляют предметы вооружения. В первую очередь для нас важен набор наконечников стрел. Так, в погр. 7 кург. 3 сосуществуют три типа наконечников (рис. 1, *12—14*), из них втульчатые трехлопастные наконечники стрел дают наиболее прочную дату. Они отмечены Н. В. Анфимовым в погребениях II и III хронологических групп Усть-Лабинского могильника и датируются IV—I вв. до н. э. [7, с. 182—184, рис. 2, *7*, *10*, *11*]. Такие же наконечники стрел найдены Н. И. Веселовским в сарматских погребениях зубовско-воздвиженской группы, впущенных в курганы, дату которых И. И. Гущина определяет III—II вв. до н. э. [2, с. 97, рис. 1, *4*; 2, *3*]. Этим же временем датируются втульчатые четырехгранные наконечники стрел (рис. 1, *13*).

В комплексах IV—III вв до н. э. достаточно широко распространены трехгранные втульчатые наконечники стрел, близкие по форме наконечникам из погр. 8 кург. 3 (рис. 3, *15*) [7, с. 167, рис. 4, *10*; 11, с. 54, рис. 17]. Интересно отметить, что в этом погребении сосуществуют втульчатые и черешковые наконечники стрел (рис. 3, *12, 14, 15*). Последние, как отмечает М. П. Абрамова, появляются на Северном Кавказе в I в. до н. э. [12, с. 120]. Ко II—I вв. до н. э. относятся ножи, аналогичные находкам в ряде сарматских и памятников Центрального Кавказа [12, с. 124].

Совокупность приведенных аналогий позволяет отнести погребения рассматриваемой группы из кург. 3 ко II в. до н. э., более ранним периодом датируется погр. 1 кург. 4. Сероглиняный кувшин (рис. 2, *10*) из этого погребения имеет много аналогий в меотских захоронениях IV—III вв. до н. э. Такая керамика, вероятно, распространилась из гончарных мастерских меотских племен к сарматам [7, с. 165, рис. 3, *9*; 13, рис. 88, 37]. К IV—III вв. до н. э. относятся втульчатые трехлопастные наконечники стрел (рис. 2, *11*) [7, с. 182—184, рис. 2, *7, 10, 11*]. Этой датировке не противоречит наконечник копья, имеющий на пере ребро, переходящее во втулку (рис. 2, *15*).

Анализ погребального обряда и инвентаря дает аргументированное подтверждение проникновения сарматских племен в предгорные районы Северного Кавказа уже в III в. до н. э., причем это проникновение шло из степных районов Прикубанья, где сарматы также засвидетельствованы в III в. до н. э. [14, с. 195; 15, с. 60]. Распространение сарматских племен в предгорные районы, вероятно, объясняется стремлением их контролировать дороги, ведущие по горным долинам к кавказским перевалам.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Смирнов К. Ф.* Сарматы на Илеке. М.: Наука, 1975.
2. *Гущина И. И.* К вопросу о датировке и этнической принадлежности некоторых впускных погребений в курганах Прикубанья, исследованных Н. И. Веселовским в 1900 г.//История и культура сарматов. Саратов, 1983.
3. *Шевченко Н. Ф.* Погребения сарматского времени из курганов на окраине хутора Пролетарского Краснодарского края//Тез. докл. Всесоюз. археол. конф. «Достижения советской археологии в XI пятилетке» 1—25 мая 1985 г. Баку: Коммунист, 1985.

4. *Смирнов К. Ф.* Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья и Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа//СА. 1972. № 1.
5. *Абрамова М. П.* Нижне-Джулатский могильник. Нальчик: Эльбрус, 1972.
6. *Анфимов Н. В.* Основные этапы развития культуры меото-сарматских племен Прикубанья: Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1954.
7. *Анфимов Н. В.* Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской//МИА. 1957. № 23.
8. *Ждановский А. М.* Новые данные об этнической принадлежности курганов «Золотого кладбища»//Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979.
9. *Алексеева Е. П.* Памятники меотской и сармато-аланской культуры Карачаево-Черкессии//Тр. КЧНИИ. 1966. Вып. 5.
10. *Абрамова М. П.* К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского времени//СА. 1979. № 2.
11. *Виноградов В. Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1966.
12. *Абрамова М. П.* Новые погребения сарматского времени из Кабардино-Балкарии// СА. 1968. № 3.
13. *Смирнов К. Ф.* Пашковский могильник № 3.//КСИИМК. 1949. Вып. XXVI.
14. *Смирнов К. Ф.* Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии//Вопросы скифо-сарматской археологии. М.: Наука, 1952.
15. *Керефов Б. М.* К вопросу о сарматизации племен Центральной части Северного Кавказа//Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. Вып. 1. Нальчик, 1980.

В. И. ДЕНИСОВА

СТИХОТВОРНАЯ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ НАДПИСЬ ИЗ ОЛЬВИИ

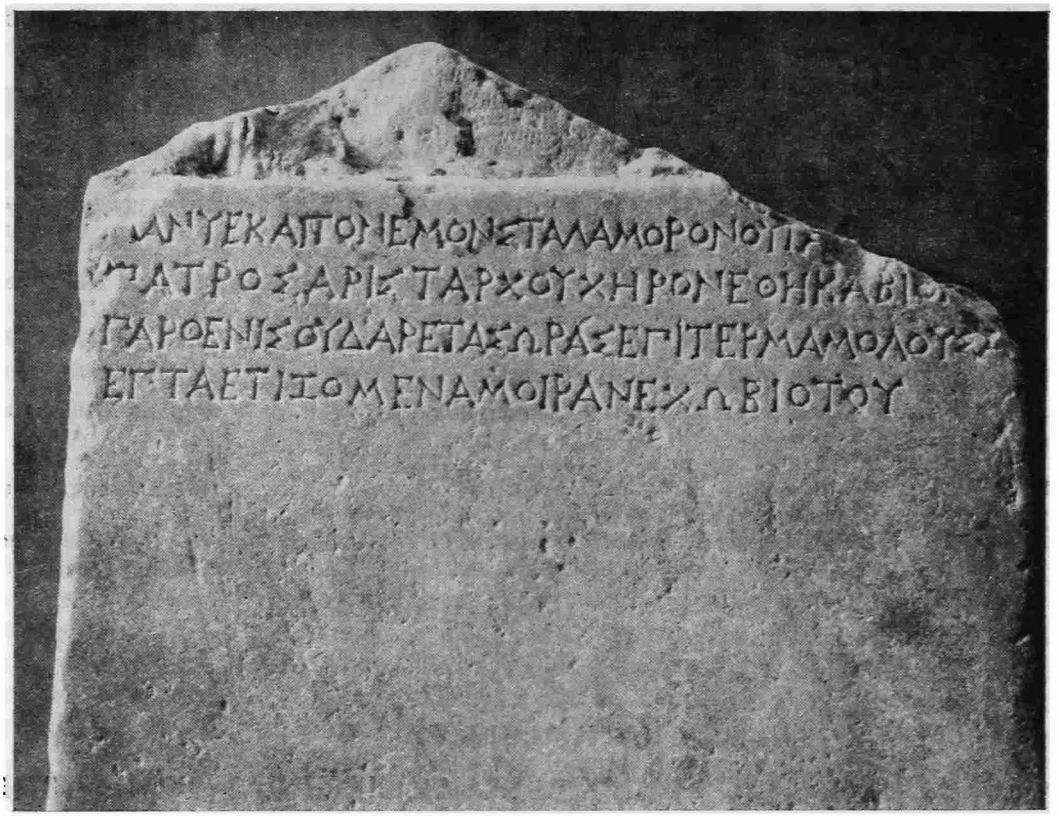
В 1981 г. в Ольвии экспедицией Ленинградского отделения Института археологии АН СССР при раскопках одного из кварталов так называемого Верхнего города, западнее остатков здания суда, в яме с керамическим материалом первых веков нашей эры была найдена часть беломраморного античного надгробия в виде обломка прямоугольной, слегка расширяющейся книзу плиты с относительно ровными боковыми гранями и небрежно отесанным нижним краем, с хорошо заглаженной лицевой поверхностью и грубо обколотой тыльной стороной [1].

Верхняя часть плиты была оформлена в виде неглубокой ниши с фигурной композицией, выполненной в низком рельефе. Рельеф почти полностью утрачен. Сохранился лишь нижний край одежды фигуры, представленной в левой части композиции, незначительные остатки какого-то предмета в ее правой части и остатки фона посредине. Не исключено, что рельеф воспроизводил сцену загробного пира. Под рельефом на заглаженной поверхности плиты высечена четырехстрочная метрическая надпись (рис. 1). Буквы были закрашены красной краской, контрастно выделявшейся на белой поверхности плиты, когда она была обнаружена, но вскоре почти полностью исчезнувшей. Окончания двух первых строк повреждены изломом; частично сбиты начальные буквы этих же строк [2]. Все четыре строки начинаются от края плиты. Их длина, как и плотность размещения в них буквенных знаков, различны. Третья строка занимает всю ширину плиты. По-видимому, такой же длины была и первая строка, в которой буквы размещены особенно плотно. Надпись вырезана аккуратно рукой опытного резчика, для несколько прыгающего «почерка» которого характерен едва заметный наклон вправо, что в сочетании с некоторым нарушением горизонтальности строк придает письму определенную динамичность.

Стиль и характер письма позволяют отнести надпись к первой половине III в. до н. э. С предлагаемой датой хорошо согласуется форма та-

[1] Толщина плиты 0,085, сохранившаяся высота 0,51 м; размеры поля плиты под рельефом: высота 0,46, ширина 0,36 (в верхней части), 0,38 м (в нижней части). С боковых сторон плиты, внизу, имеется по неглубокой прямоугольной вырубке, благодаря которым ее нижнему краю придана форма выступа, служившего для закрепления в постаменте.

[2] Высота строк 0,015 расстояние между ними 0,005 м.



Беломраморное античное надгробие из Ольвии

ких буквенных знаков, как *эпсилон*, *каппа*, *ню*, *пи*, *сигма*, заметно меньшие в сравнении с другими буквенными знаками размеры *теты*, *омикрона*, *омеги*, а также некоторое расширение и углубление концов знаков. Из общего стиля надписи несколько выпадает графика *пи* в слове επταετιζομενα (4-я строка). Несомненно, однако, что резчик случайно вывел здесь горизонтальную черточку за пределы правой вертикальной гасты, поскольку во 2-й и 3-й строках эта буква имеет очертания, обычные для надписей первой половины III в. до н. э.

Текст надписи, заключающий два эллигических дистиха, читается так:

μάνυε καὶ τὸν ἐμὸν, στάλα.μόρον· ου[-]a -------
πατρος 'Αριστάρχον χῆρον ἔθηκα βἰον
Παρθενὶς οὐδ'ἀρετᾶς ὥρας ἐπὶ τέρμα μολοῦσα,
ἑπταετιζομένα μοῖραν ἔχω βιότου.

Гекзаметр третьего стиха, так называемый катеноплий [1, с. 22, 31, 34], состоит из двух триподий, в каждой — два дактиля и спондей. Вероятно, такой же была метрическая структура первого гекзаметра.

Обращает на себя внимание дорийское ᾱ вместо η в словах μάνυε, στάλα, ἀρετᾶς, ἑπταετιζομένα. Во второй стопе второго гекзаметра — элизия: οὐδ'ἀρετᾶς.

Эпитафия, как бы произносимая умершей, начинается ее обращением к надгробному памятнику — μάνυε. Словари [2, 3] дают такие значения глагола μηνύω «раскрывать тайное», «объявлять», «показывать», «сообщать», «выдвигать обвинение» и пр. В текстах ряда надгробных эпиграмм (см., например, [4, № 1622, 1624, 1630, 1632; 5, № 358, 433]) глагол μηνύω использован в значении, близком значению таких глаголов, как αὐδάω, ἀγορεύω, ἀγγελέω, δελόω, ἐνέπω, λέγω, σημαίνω, φράζω, φημί. Для сравнения приведем соответствующие строки нескольких эпиграмм: τίς πόθευ ὤυ ἐνταῦθα τάφω, φίλε, τῷδε κέκρυμμαι, στήλη μηνύσει [4, № 1630]; [οὔνο]μα μὲν τὸμὸν καὶ ἐμῦ πατρὸς ἥδε ἀγορεύ[ει] [στή] λη καὶ πάτραν [4, № 1786]; [τίς μ]ὲν ἐγὼ παίδων, τοῦ δέ, ἡ λί[θος ἐγγραφος α]ὔτη

δηλοῖ [4, № 1626], ὅστις καὶ τίνος εἰμὶ τὰ πρόσθεν γράμματα φράζε[ι] [4, № 1634]. Поэтому перевод μάνυε публикуемой ольвийской надписи словом «рассказывай», «возвещай» или другим, синонимичным по значению, вполне правомочен; καί следует, по-видимому, воспринимать в качестве усилительной частицы «же»; τὸν ἐμὸν μόρον — обычная формула надгробных текстов, в которых ὁ μόρος обозначает такие понятия, как «удел», «участь», «несчастная судьба», «смерть». Близкую параллель разбираемой части надписи дает начальная строка родосской эпитафии I в. до н. э.: στήλμ σοὶ λέξει τὸν ἐμὸν μόρον [5, № 217].

После слова μόρον в ольвийской эпиграмме видны еще четыре буквы, три из них — *омикрон*, *ипсилон*, *альфа* — сохранились хорошо. На камне между *ипсилоном* и *альфой* видна нижняя часть буквенного знака типа *гаммы*, *пи* или *тау*. В лакуну от *альфы* до края плиты можно поместить самое большее семь букв. Одним из возможных вариантов восстановления утраченной части текста первого дистиха, соответствующим и размерам лакуны и смыслу надписи, является выражение: οὐ γὰρ ἐτ'εἰμί — «ведь меня уже нет». Параллели подобной образной передаче глагола «умереть» можно разыскать в сочинениях античных авторов: ἀλλ'ἤδε μέντοι μὴ λέγ'οὐ γὰρ ἐστ' ἔτι — «но не говори „она", ибо ее уже нет»,— у Софокла слова Креонта об Антигоне (Soph. Ant. 567); οὐ γὰρ ἔτ' ἐσσί — у Каллимаха в эпитафии на Тимона-мизантропа (Anth. Pal., VII, 317); οὐ τοι ἔτ'εἰμί — последние слова умирающей семилетней девочки по имени Эрато в эпиграмме Аниты Тегейской (Anth. Pal., VII, 646).

Именем отца умершей — Аристарх, начертанном в родительном падеже, начинается 2-я строка надписи. Это имя было достаточно широко распространено в древнегреческом мире, но, судя по опубликованным памятникам лапидарной эпиграфики, в Ольвии не засвидетельствовано. После имени отца на плите начертано χῆρον ἔθηκα βίον. Правда, последняя буква в слове βίον частично повреждена изломом. Однако на основании винительного падежа прилагательного χῆρον, являющегося определением к слову βίον, безошибочно устанавливается падеж этого существительного. Глагол τίθημι употреблен здесь в значении глагола ποιέω, и соответственно ἔθηκα переводится «я сделала».

Наряду с употреблением слова χῆρος в прямом значении — «вдовый», «овдовевший», «вдовец» греческие литературные памятники дают примеры использования этого прилагательного в переносном смысле в конструкциях, соответствующих латинскому аблативу. В таких случаях прилагательное χῆρος с зависящим от него родительным падежом лица или вещи [6, с. 401] обычно переводится на русский язык причастным оборотом — «лишенный кого-либо; чего-либо» или присубстантивным предложным примыканием — «без кого-либо; чего-либо». В качестве примера подобной конструкции можно сослаться на Элиана: καὶ αἱ ναῦς πολλάκις ἐπὶ τῆς γῆς ἐστήκασιν ὕδατος χῆραι (Cl. Ael. De nat. an. XVII, 13, 28). Когда же дополнение к прилагательному χῆρος отсутствует, трактовка соответствующего места текста основывается на его содержании. Так, у Еврипида в горестных словах Адмета, возвращающегося после погребения Алкесты: στυγναὶ πρόσοδοι, στυγναὶ δ'ὄψεις χήρων μελάθρων (Eur. Alc. 862) χῆρα μέλαθρα — «жилище, лишившееся Алкесты». Когда Триоп в «Гимне Деметре» Каллимаха сокрушенно констатирует: χῆραι μὲν μάνδραι (Call. Hymn. Cer. 106), то речь ведется об «опустевших стойлах», о «стойлах без скота», ибо все съедено его сыном, страдающим неутолимым голодом. В эпитафии Каллимаха на смерть некоего Меланиппа и его сестры Басило (Anth. Pal. VII, 517) дом, бывший при их жизни εὔτεκνος — «счастливый в детях», «благословенный детьми», после их смерти становится χῆρος δόμος, что в данном контексте следует понимать, как «дом без детей».

Случаются и расхождения в истолковании конструкции, включающей прилагательное χῆρος. Так, эпиграмма Антифана (Anth. Pal. IX, 84) о пастухе, который при попытке дотянуться с берега до видневшегося в воде обломка корабля, был смыт внезапно накатившей волной и нашел смерть в морской пучине, завершается сентенцией: ὦ δι'ἐκείνην καί

δρυμοὶ χῆροι πορθμίδα καὶ λιμένες. Поэтический образ δρυμοὶ χῆροι словарь Пассова [2, s. v. χῆρος] переводит как «рощи, лишенные листьев», а словарь Лидделля-Скотта-Джона [3, s. v. χηρ-εία — как «рощи, лишенные людей», что логически более оправдано.

Примеры включения прилагательного χηρος в надгробные тексты в его переносном значении не редки (см., например, [5, № 151]). Среди них особый для нас интерес представляет метрическая эпитафия IV в. н. э. из Ликаонии [7, № 406], последние строки которой воспроизводят на греческом языке древнюю фригийскую формулу проклятия, направленного потенциальному осквернителю могилы [8, с. 158]. Наряду с различными несчастьями, которые повлечет за собой осквернение могилы,— смерть осквернителя, сиротство его детей, кончина всех домочадцев, уничтожение пожаром имущества — в формуле фигурирует и ὀχῆρος βίος, что, по всей видимости, заключает в себе понятие жизни, лишенной человеческого общения, полного одиночества. Поэтому слова второго стиха ольвийской эпиграммы χῆρον ἔθηκα βίον, передающие безмерность горя, переживаемого отцом, утратившим дочь, подводят к предположению, что она была единственным ребенком в семье.

Именем умершей начинается второй гекзаметр. Παρθενίς (окончание род. пад.—ίδος) — обычный в эллинском мире женский антропоним (см., например, [9, указатель имен; 10, s. v. Παρθενίς]) — является, согласно «Ономастикону» Поллукса (Poll. 6, 106), названием цветочного растения, вплетавшегося в гирлянды. Этимология слова прозрачна. Оно произведено от прилагательного παρθένιος, основные значения которого: «девичий», «девственный», «чистый» [3, s. v. παρθεν-εία]. Для ольвийской эпиграфики имя Парфенида — новое. К слову, заметим, что в Херсонесе, где, казалось, можно было бы ожидать во все периоды существования города широкое бытование теофорных женских имен, образованных от этого корня, в лапидарных надписях зарегистрировано лишь имя Παρθένα (IosPE, I², указатель имен).

Обращаясь к словам, следующим после имени умершей, нельзя не обратить внимание, что οὐδ'ἀρετᾶς ὥρας ἐπὶ τέρμα μολοῦσα является вариантом формулы, получившей отражение в ряде аттических эпитафий первой половины IV в. до н. э. Например: ἐνθάδε τὴν πάσης ἀρετῆς ἐπὶ τέρμα μολοῦσαν Φαναγόραν κτλ. [5, № 61]; ἐνθάδε τὸν πάσης ἀρετῆς επὶ τέρμα μολόντα [Ε] ὐθύκριτον κτλ. [4, № 539] и др.

Г Пфоль, разобрав случаи включения существительного ἀρετή в тексты аттических эпитафий, установил, что оно употреблялось в соответствии с тем содержанием, которое, начиная с Гомера, в него вкладывала вся греческая литература, соотносившая с ἀρετή широкий диапазон понятий, таких, как военная доблесть, самоотверженное служение отечеству, женская добродетель, целомудрие, высокие моральные качества женщины — хозяйки дома и матери [11, с. 13—18]. По мнению Г. Пфоля, приведенная выше формула аттических надгробий дает основание для предположения, что путь к совершенству, обозначавшемуся словом ἡ ἀρετή, совершался поэтапно и что τὸ τέρμα — последняя, наивысшая его стадия. Основываясь на своем представлении, Г. Пфоль воспринимал фразу так: πάσης ἀρετῆς τέρμα μολεῖν — «достигнуть высшей стадии совершенства» [11, с. 18].

По поводу этих же надписей В. В. Латышев полагал, что при τέρμα следует подразумевать родительный определительный τοῦ βίου, а все словосочетание, заменив предлог ἐπί на πρός, переводить «приблизиться к концу жизни», «умереть» (IosPE, I², № 226, с. 237 и сл.). Вывод В. В. Латышева, безусловно, заслуживает предпочтения с одним замечанием: замена предлога не обязательна, поскольку в античных литературных памятниках можно разыскать примеры сочетания глагола μολεῖν с винительным места, управляемым предлогом ἐπί (например: Eur. Or. 176, 177).

И все же конструкция фразы πάσης ἀρετῆς ἐπὶ τέρμα μολεῖν остается неясной, ибо два первых слова не находятся в грамматической связи с остальными словами. Но все встанет на своим места, если допустить,

что при πάσης ἀρετῆς подразумевалась именная глагольная форма, например прилагательное μέτοχος, либо причастие типа εἰδήμων, προσαπτόμενος или иные близкие по значению слова. Тогда вся конструкция обретает ясный смысл: тот, кому посвящена эпитафия, к моменту завершения жизненного пути достиг полной арете, что, очевидно, следует воспринимать как соответствие эллинскому идеалу личности. Едва ли, однако, будет правильным усматривать в этих словах нечто большее, чем обычную для надмогильных текстов хвалебную оценку личности умершего. Отметим также, что включенный в текст формулы аорист II ἔμολον (в форме причастия μολών, μολοῦσα), являющийся недостаточной формой глаголов βλώσκω и в дорическом диалекте ἔρπω [3, s. v. βλώσκω], использован здесь в соответствии с основным значением этих глаголов: «идти», «приходить», «приближаться».

Третий стих ольвийской эпиграммы, почти дословно воспроизводящий формулу аттических надгробий, вместо πάσης ἀρετῆς содержит οὐδ'ἀρετᾶς ὥρας. Первое из этих трех слов можно перевести отрицанием «не»[3] либо наречием «даже не». Если грамматическую роль слова ἡ ὥρα понимать в качестве родительного определительного к ἡ ἀρετή (ἀρετὰ ὥρας; ὥρα — «цветущая пора», «юность»), то для этого стиха с учетом сказанного выше можно предложить такой перевод: «Парфенида, даже не соприкоснувшись с благостью юности подошедшая к смертному часу». Грамматическую связь слов ἀρετᾶς ὥρας можно трактовать и по-другому, а именно — по аналогии с конструкцией типа παστάδος ὥρα. Тогда словосочетание ἀρετᾶς ὥρα будет означать: «возраст совершенства, возраст доблести». Содержание фразы остается примерно тем же — в ней выражена скорбь о безвременно умершей девочке.

Хорошей параллелью третьему стиху ольвийской эпиграммы является надпись II в. н. э. на надгробной стеле из Синады, в которой вместо существительного ωρα использовано синонимическое по значению ἡ ὡραία [4, № 877]: ἑπτὰ δὲ καὶ δέκ'ἐτῶν Τίμανδρος ἀφίκετο μέτρον ὡραίης ἀρετῆς ἄρτι προσαπτόμενος — «Тимандр умер семнадцати лет, едва соприкоснувшись с возрастом доблести».

В заключительном стихе ольвийской надписи, т. е. во втором пентаметре, указан возраст Парфениды — ἑπταετιζομένα. Для данной глагольной формы морфологической параллелью являются причастия: εἰναετιζόμεναι в «Гимне Артемиде» Каллимаха (Call. Hymn. Dian., 179 — βόες ... εἰναετιζόμεναι) и πενταετιζομένη в римской стихотворной эпитафии I—II вв. н. э. [5, № 303] — πενταετιζομένη παρθένος. Эти идентичные словоформы дают основание предполагать существование в древнегреческом языке сложных депонентных глаголов, обозначающих «быть стольких-то лет», первой частью которых является соответствующее числительное. Но таковые неизвестны. Засвидетельствованы лишь образованные по такому же принципу, но с наречной формой числительных глаголы в активной форме: διετίζω, τριετίζω [3, passim].

Вторая половина пентаметра: μοῖραν ἔχω βιότο — почти дословное воспроизведение формулы надмогильных текстов — литературных и лапидарных (см., например: Anth. Iyr., 29 (33) [4, № 2040]). Смысл, заключенный в данных словах, прост: «Я умерла».

Как можно было удостовериться из проведенного выше разбора, публикуемая ольвийская эпиграмма выдает обстоятельное знакомство ее составителя и с греческой поэзией, и с надгробными надписями. О начитанности автора также свидетельствует условный доризм, т. е. написание ᾱ вместо η, являющийся не более чем литературной модой, прослеживаемой в поэтическом наследии Алкмана, Феокрита, Каллимаха и других античных авторов [13, с. 223 и сл.].

Несмотря на шаблонность формулировок, надгробие Парфениды представляет значительный научный интерес в качестве редкого в оль-

---

[3] Греческие литературные памятники дают примеры постановки οὐδέ без предшествующего отрицания [3, s. v. οὐδέ; 12, с. 293].

вийской лапидарной эпиграфике памятника с метрически изложенным текстом. Как известно, Ольвия по сравнению с другими античными центрами Северного Причерноморья вообще бедна находками надгробных надписей, не говоря о стихотворных эпитафиях. До недавнего времени их было всего две. Первая из них — датируемая II в. до н. э. надгробная стела Мойрадора с эпиграммой в четыре элигических дистиха — была найдена при работах Б. В. Фармаковского в 1906 г. (IosPE, I², 226). Следующая стихотворная надпись — эпитафия первой половины IV в. до н. э. в один элигический дистих, оплакивающий смерть Эпикрата,— была обнаружена почти 70 лет спустя после надгробия Мойрадора [14, с. 172—175]. Надгробие Парфениды — третья по счету ольвийская надпись в стихах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Masqueray P.* Traité de métrique grecque. P., 1899.
2. *Passow F.* Handwörterbuch der griechishen Sprache. Lpz., 1841—1857
3. A Greek-English Lexicon/ by Liddell H. G., Scott R. New edition by Jones H. S. Ed. 9. Oxf., 1958.
4. *Peek W.* Griechische Vers-Inschriften. I. Grab-Epigramme. B., 1955.
5. *Peek W.* Griechische Grabgedichte. B., 1960.
6. *Kühner R.* Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache. Neuer Bearbeitung von Gerth B. T. 2. B. 1. Hannover — Leipzig, 1898.
7. *Kaibel G.* Epigrammata graeca ex lapidibus conlecta. Berolini, 1878.
8. *Ramsay W. M.* The Utilisation of Old Epigraphic Copies//JHS. 1918. V. 38.
9. *Collitz H., Bechtel F.* u. a. Sammlung der griechischen Dialekt-Inschriften. Göttingen, 1883—1915.
10. *Pape W.* Wörterbuch der griechischen Eigennamen/Neu bearbeitet von Benseler G. E. Braunschweig, 1884.
11. *Pfohl G.* Untersuchungen über die attischen Grabinschriften. Inaugural-Dissertation. Eisenstein, 1953.
12. *Kühner R.* Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache//Neuer Bearbeitung von Gerth B. T. 2. B. 2. Hannover — Leipzig, 1904.
13. *Thumb A.* Handbuch der griechischen Dialekte. Heidelberg, 1932.
14. *Козуб Ю. И., Белецкий А. А.* Стихотворная эпитафия Эпикрата из Ольвии//ВДИ. 1975. № 1.

В. И. ПАВЛЕНКОВ

ФРАГМЕНТ ПОРТРЕТНОЙ ЭМБЛЕМЫ С ЮЖНО-ДОНУЗЛАВСКОГО ГОРОДИЩА

В 1962 г. при раскопках Южного-Донузлавского городища у с. Поповка в Северо-Западном Крыму [1, с. 50—56] найден обломок дна красно-лакового блюда с фрагментированным рельефным изображением[1] (рис. 1, *1*).

Дно на кольцевом поддоне диаметром 7,6 см является обломком неглубокой чаши или тарелки (рис. 1, *2*). Толщина стенок сосуда 0,6 см. Глина хорошо отмучена, серовато-желтого цвета, с редкими мелкими блестками слюды. На дно блюда (толщина 0,4 см) налеплен внакладку круглый терракотовый[2] медальон с рельефным изображением профиля головы человека влево. Портретная эмблема и дно покрыты слоем плотного матового красного лака. Медальон диаметром 5,1 см выделен на плоскости полукруглым в сечении рантом шириной 0,4 и высотой 0,3 см. Наибольшая высота рельефа 0,3 см; толщина основы (фона) изображения 0,2 см. Между основой медальона и дном блюда имеется зазор шириной до 0,1 см.

От рельефного изображения головы человека сохранились только шея и кончик носа. По сохранившимся частям портрета сделана попытка графической реконструкции всего изображения (рис. 1, *3*).

[1] Хранится в Евпаторийском краеведческом музее, инв. № А-4928; полевая опись — ДНЗЛ-62/387. Выражаем глубокую признательность начальнику Донузлавской экспедиции ИА АН СССР О. Д. Дашевской за предоставленное право опубликовать находку.

[2] Глины медальона и сосуда идентичны.

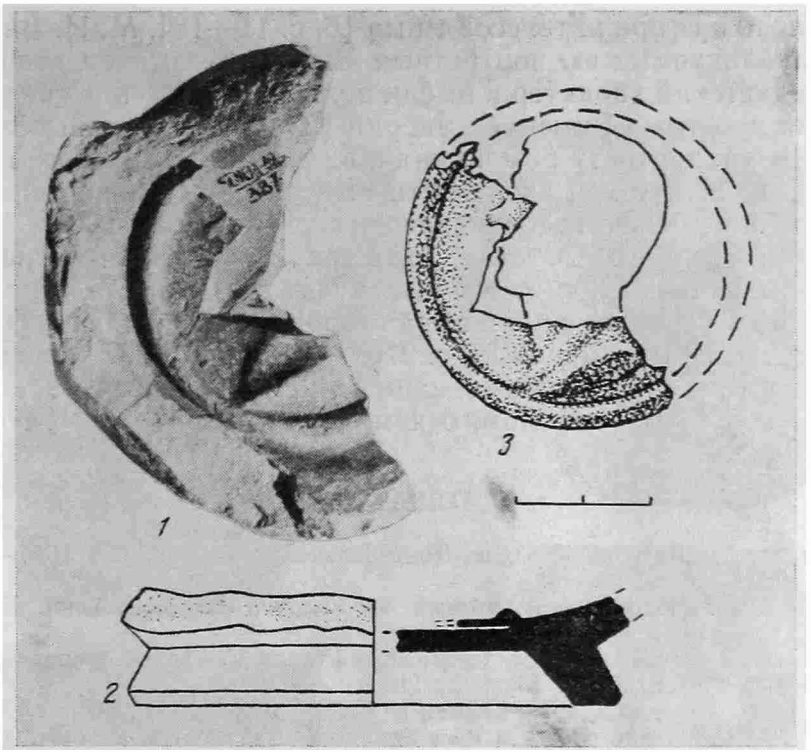


Рис. 1. *1* — фрагмент дна краснолакового блюда с рельефным медальоном; *2* — профиль дна блюда; *3* — реконструкция медальона с портретом

Рассматриваемый медальон относится к кругу портретных эмблем римского времени [2, с. 220—243]. По предлагаемой реконструкции, голова изображенного на медальоне вскинута, что характерно для большинства подобных эмблем. Рант на аналогичных медальонах двойной [2, рис. 1—9], а на южнодонузлавском — одинарный.

Описываемая находка сделана в здании «З» третьего строительного периода Южно-Донузлавского городища, датированного I в. до н. э. и связанного со скифским строительством после Диофантовых войн [1, с. 52; 3, с. 12]. Здание «З» было полуподвальным [3, с. 14], обломок найден над полом во втором штыке засыпи. Судя по глубине залегания, фрагмент попал в здание в конце существования постройки. Следующий, четвертый строительный период относится к началу I в. н. э. [1, с. 52; 3, с. 17]. Таким образом, блюдо с портретным медальоном может быть датировано рубежом нашей эры, т. е. временем императора Августа (29 г. до н. э.— 14 г. н. э.). На публикуемом фрагменте медальона мог быть портрет самого Августа или члена императорской фамилии.

В Западном Крыму ранее уже была найдена одна портретная эмблема[3]. Опубликованное Т. Н. Высотской изображение из раскопок городища Алма-Кермен [4, с. 189, рис. 9, *1*; 5, с. 116, рис. 9, *1*] связано с непосредственным пребыванием римских легионеров на поселении во II — начале III в. н. э. [4, с. 192]. Медальон Южно-Донузлавского городища более ранний. Единичность находки не дает основания для вывода о пребывании римлян в Северо-Западном Крыму на рубеже нашей эры.

По подсчетам М. И. Вязьмитиной, из Северного Причерноморья происходят 14 разновременных портретных медальонов на глиняной посуде [2, с. 235], часть которых принадлежит времени Августа[4]. Появление здесь портретов Августа или членов императорской фамилии не случайно. Северное Причерноморье к этому времени уже несколько десятиле-

[3] Хранится в Бахчисарайском историко-архитектурном музее.

[4] По нашему мнению, М. И. Вязьмитина неправомерно считает алма-керменский медальон оттиснутым в той же форме, что и медальоны из Золотой Балки и Ольвии [2, с. 237], удревняя тем самым и портрет из Юго-Западного Крыма на полтора-два столетия.

тий находилось в сфере интересов Рима [6, с. 11—18]. М. И. Вязьмитина по поводу публикуемых ею портретных эмблем указывает, что они носили пропагандистский характер и имели целью утверждение среди местного населения престижа Римской империи [2, с. 241]. Этот вывод, очевидно, применим и к портрету римлянина с Южно-Донузлавского городища.

Усиление политической активности империи в Причерноморье нашло яркое отражение в известном эпиграфическом памятнике из г. Анкиры — «Деяния божественного Августа». Этот документ гласит: «Нашей дружбы попросили через послов бастарны, скифы и из сарматов живущие по сю сторону реки Танаиса, и цари с той стороны (этой реки), а также цари албанцев, иберов и мидийцев» [7, с. 276, № 50]. Вероятно, и скифы Северо-Западного Крыма на рубеже нашей эры не остались в стороне от заключения «дружбы» с Римом, о чем, видимо, свидетельствует публикуемая находка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дашевская О. Д.* Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1961—1962 гг.// КСОГАМ. 1962. Одесса, 1964.
2. *Вязьмитина М. И.* Портретная эмблема из Золотой Балки//Ольвия. Киев: Наук. думка, 1975.
3. *Дашевская О. Д.* Отчет о работе Крымского отряда Скифской экспедиции ИА АН СССР и ЕКМ в 1962 г.//Архив ЕКМ. № 110.
4. *Высотська Т. М.* Городище Алма-Кермен у Криму//Археологія. 1970. Т. XXIV.
5. *Высотская Т. Н.* Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев: Наук. думка, 1972.
6. *Кадеев В. И.* Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков: Вища школа, 1981.
7. *Граков Б. Н.* Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии// ВДИ. 1939. № 3.

Е. В. КАМЕНЕЦКАЯ

О НЕКОТОРЫХ ТИПАХ КЕРАМИКИ ГНЁЗДОВА

В богатом и разнообразном материале так называемых «дружинных курганов» керамика занимает важное место как в количественном отношении, так и по той информации, которую она может дать исследователям. Гнёздовская керамика рассматривалась в литературе неоднократно. Одной из главных работ, посвященных Гнёздову вообще и гнёздовской керамике в частности, является труд В. И. Сизова [1]. Выделив основные типы сосудов, он отметил сходство лепной керамики Гнёздова с керамикой более древних памятников Смоленщины. Круговую посуду В. И. Сизов рассматривал как общеславянскую, находя ей аналогии в западнославянских материалах [1, с. 102]. Д. А. Авдусин также изучал гнёздовские сосуды и останавливался на вопросах их датировки [2, с. 110—113; 3, с. 166]. Об этническом составе населения Гнёздова, на основании изучения лепной посуды, писал Е. А. Шмидт [4, с. 102—108]. Керамика поселения разбирается также в работах Т. А. Пушкиной [5, с. 87—92; 6]. Глиняные сосуды Гнёздова наряду с материалами других памятников Смоленского Поднепровья послужили основой для диссертации автора настоящей статьи [7]. В общих чертах гнёздовскую керамику затрагивают в своих работах и другие исследователи [8, с. 15; 9, с. 31, 37].

Однако более детальное изучение гнёздовских материалов позволяет выделить некоторые типы сосудов, которые до сих пор не привлекали внимания. В данном случае рассматриваются три целых горшка и семь обломков, обнаруженных в курганах и на поселении, резко отличающиеся от остальной керамики Гнёздова по составу теста.

Большинство гнёздовских круговых сосудов сделано из глины со значительными добавками дресвы, черепок в изломе двух- или трехцветный; тесто неплотное, красно-желтых оттенков. Керамика, которая рассматривается в данной работе, имеет очень плотное тесто с естественными включениями бурого железняка. Искусственные примеси визуально не

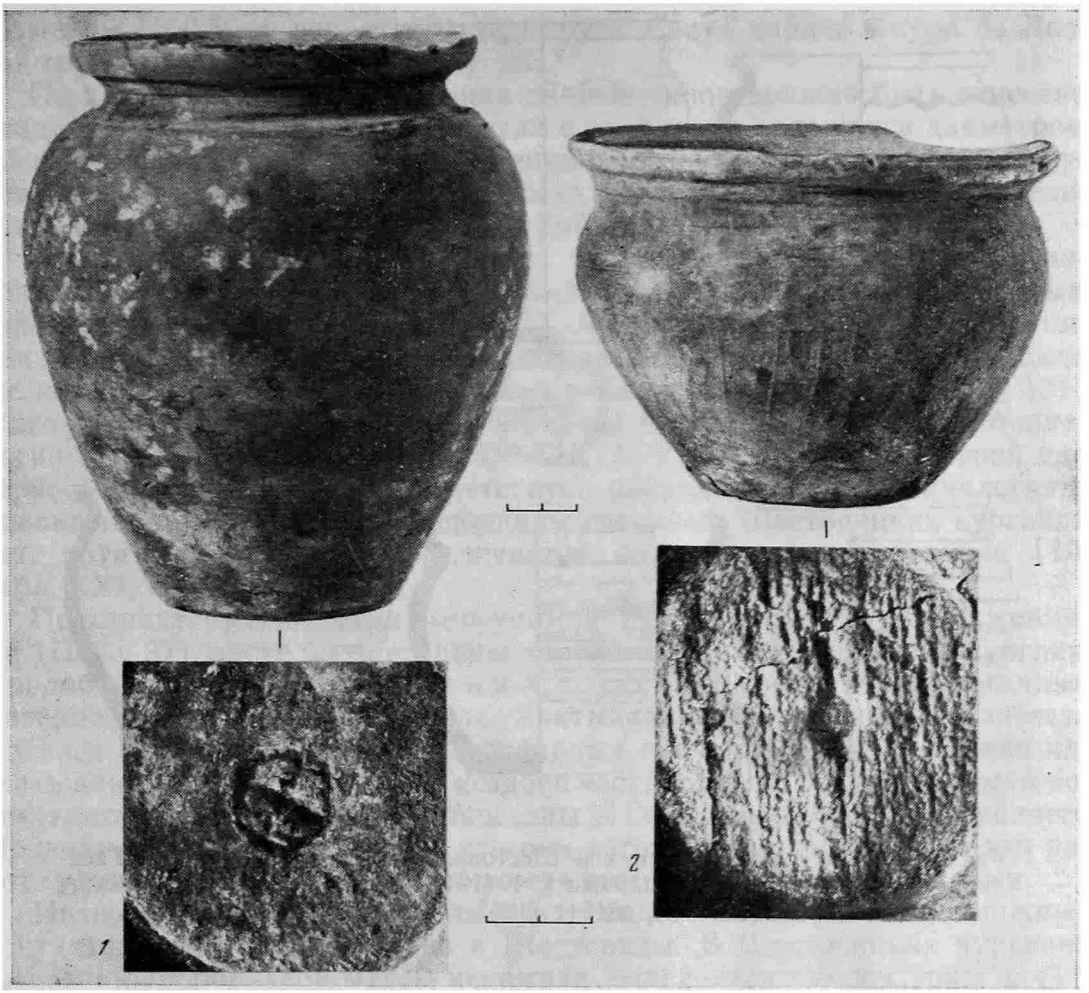


Рис. 1. *1* — кург. Ц-1 (1950 г.), горшок с клеймом; *2* — курган 54 (1950 г.), горшок с отпечатком оси круга на дне

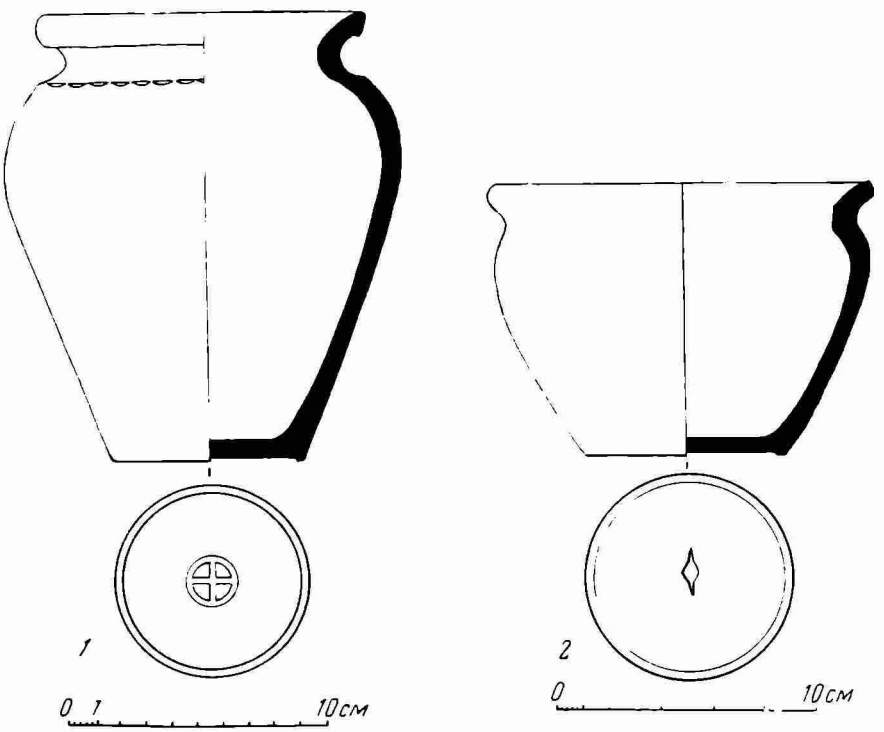


Рис. 2. *1* — горшок из кургана Ц-1, прорисовка; *2* — горшок из кургана 54, прорисовка

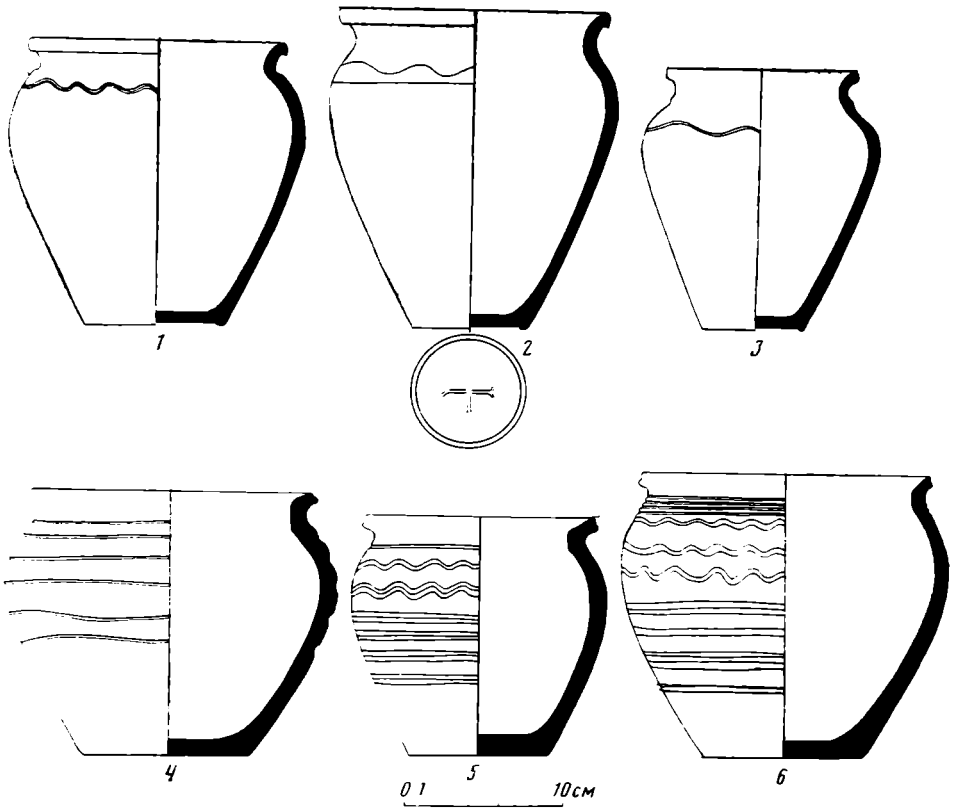


Рис. 3. Сосуды из Гнёздовских и Шестовицких курганов: *1, 5, 6* — Гнёздово, кург. 37 (1899 г.), 33 (1949 г.), 1 (1949 г.); *2—4* — Шестовица, кург. 20(12) (1956 г.), 48(54) (1957 г.), 38(46) (1957 г.)

прослеживаются, возможно, это песок. Цвет черепка серый, иногда с красным, розовым или желтым оттенком, в изломе одноцветный. Толщина стенок 6—7 мм. В Гнёздове найдено два типа подобных сосудов.

Первый — горшок высотой 17—20 см с хорошо выраженным плечом в верхней трети сосуда. Очень характерен венчик, имеющий вертикальный дугообразный срез с оттянутым книзу и заостренным краем. Кроме неорнаментированных экземпляров имеются сосуды с орнаментом в виде сплошной или разорванной волны.

В курганах найдено два целых сосуда данного типа. Один из них обнаружен в кургане Ц-1 (Центральная группа, раскопки Д. А. Авдусина) (рис. 1, *1*; рис. 2, *1*) [1]; другой — в кург. 37 (раскопки С. И. Сергеева) (рис. 3, *1*) [2]. Из дореволюционных раскопок курганов происходит также крупный обломок венчика, хранящийся в фондах ГИМ [3]. Горшок из кург. Ц-1 имеет на дне клеймо в виде креста в круге диаметром 2,2 см.

На Гнёздовском поселении найдено шесть венчиков сосудов подобного типа и обломки горшка, профиль которого восстанавливается полностью [4].

Второй тип — приземистый горшок высотой 10,6 см при диаметре венчика 15 см, т. е. он ближе к мисковидному, плечо покатое (рис. 1, *2*; рис. 2, *2*). Диаметр плечиков почти равен диаметру венчика, который не имеет оттянутого нижнего края, а просто скруглен. Изнутри при переходе венчика в плечо — вертикальный срез. Сосуд имеет следы вертикальных сглаживаний по тулову и горизонтальных по плечикам. Дно с закраинами, в центре его хорошо виден выпуклый отпечаток зерновидной формы

---

[1] Фонды СОМ, оп. 7122, $\frac{\text{ГН-50}}{\text{Ц-1}}$ № 2638.

[2] Фонды ГИМ, оп. 1537, № 1607.

[3] Фонды ГИМ, оп. 1802, № 97.

[4] Археолого-этнографический музей исторического факультета МГУ, материалы Смоленской археологической экспедиции, раскопки 1975 г. на восточном участке селища в Гнёздове.

размером 1×0,5 см, вероятно от оси круга. Сосуд найден в кург. 54 Лесной группы (раскопки Д. А. Авдусина) [5].

По характеру теста к керамике данных типов должно быть отнесено найденное на поселении донце сосуда с клеймом в виде круга диаметром 3,5 см с заключенным в нем неправильным крестом с отростками. Рисунок клейма нечеткий [6]. Описанные сосуды составляют очень незначительную часть керамического материала Гнёздова — менее 1%.

Самые близкие аналогии первому типу сосудов имеются в материалах Шестовицкого могильника (рис. 3, *2*, *3*) [7], где являются основным типом керамики [10, табл. XIX, *1*, *11*, *13*]. Следует отметить, что глиняная посуда Шестовицы отличается удивительным единообразием. Такая же керамика найдена при раскопках в Киеве [11, с. 299, рис. 130, 131] и его окрестностях [12, табл. I]. Рисунки гончарных клейм имеют аналогии в тех же районах [10, табл. XIX, *3*, V, *11*, рис. 129]. Второй тип горшка по составу теста соответствует приведенным выше аналогиям, однако точно таких же по пропорциям сосудов в Шестовицких курганах нет, хотя ряд горшков и отличается большей приземистостью [10, табл. XXI, *7*, XXIII, *3*].

По характеру инвентаря вышеупомянутые курганы с трупосожжениями (Ц-1 и 37) могут быть названы «дружинными». Гнёздовские курганы с подобными сосудами относятся к X в., так же датируются аналогичные материалы Киева и Шестовицы. Учитывая территориальную близость Киева и Шестовицы, общность гончарных традиций, условно можно назвать данный тип керамики в Гнёздове «среднеднепровским». По всей вероятности, эти сосуды были привезены в Гнёздово из районов Среднего Поднепровья. Если допустить, что они изготовлены на месте, то это работа гончара, хорошо знакомого со среднеднепровскими традициями.

Интересно отметить еще один факт, свидетельствующий о возможных контактах населения Гнёздова и Шестовицы. В Шестовицких курганах из очень однообразной массы керамики выделяется горшок (рис. 3, *4*) [8], который по составу теста и профилю находит аналогии в Гнёздове (рис. 3, *5*, *6*) [9]. Этот сосуд отметил в своей публикации Д. И. Блифельд, указав, что он не местного происхождения [10, с. 89, табл. XVI, *10*]. Сосуд имеет высоту 17 см при диаметре венчика 18 см. Плечи округлые, максимальное расширение тулова ниже верхней трети сосуда. Характерен край венчика: он косо срезан, и по срезу проходит ложбинка, небольшая выемка имеется с внутреннего края венчика. Изнутри при переходе венчика в плечо — горизонтальный срез. По тулову сосуда проходят глубокие линии орнамента, образующие бороздки на его поверхности. Толщина стенок 1 см, изнутри стенка переходит в дно очень плавно, закраин нет. Тесто рыхлое, с большой примесью дресвы, цвет красноватый.

В Гнёздове этот тип сосудов не является ведущим, однако представлен достаточно хорошо и в курганах, и на поселении. Орнаментированы они линейным и линейно-волнистым орнаментом. Проблема происхождения данного типа керамики в Гнёздове является предметом специального изучения. Д. И. Блифельд, сравнивая керамику Шестовицы и Гнёздова, не нашел аналогий [10, с. 89], так как среди опубликованных В. И. Сизовым материалов рассматриваемой керамики нет.

На общность погребального обряда и инвентаря Гнёздова, Шестовицы, Чернигова, Киева уже неоднократно обращалось внимание в археологической литературе. Об этом писали М. К. Каргер [13, с. 221], Д. А. Авдусин [3, с. 168], Д. И. Блифельд [10, с. 89] и другие исследова-

---

[5] Фонды СОМ, оп. 7122, $\frac{\text{ГН-50}}{\text{К.54}}$ № 2461.

[6] Археолого-этнографический музей исторического факультета МГУ, материалы Смоленской археологической экспедиции, раскопки 1975 г. на северном участке селища в Гнёздове.

[7] Фонды Института археологии АН СССР, раскопки Д. И. Блифельда. Шестовица, 1956, № 213, к. 20 (12); Шестовица, 1957, № 508, к. 48 (54).

[8] ИА АН УССР, Шестовица, 1957, № 445, к. 38 (46).

[9] Фонды СОМ, Гнёздово, 1949, к. 33, № 626, к. 1, № 629.

тели. О возможности перемещения населения из Гнёздова в Чернигов писал В. А. Булкин [9, с. 55]. В. Я. Петрухин, изучая ритуальные сосуды из курганов Гнёздова и Чернигова, отмечает сходство обряда больших курганов этих памятников [14, с. 92]. О складывании «дружинной культуры» на примере погребений Среднего Поднепровья и Гнёздова пишут Е. А. Мельникова, В. Я. Петрухин, Т. А. Пушкина [15, с. 58].

Однако погребальный обряд и инвентарь имеют более широкий круг аналогий, включающий курганы Ярославского Поволжья (Тимерево, Михайловское, Петровское), Приладожья, Скандинавии (Бирка). В керамическом материале «дружинных курганов» отличия более значительны. Керамика «среднеднепровского» типа за пределами этого района найдена только в Гнёздове. Отмеченный факт свидетельствует о прямых контактах, существовавших в X в. между Гнёздовым и центрами Среднего Поднепровья.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сизов В. И.* Курганы Смоленской губернии//МАР. 1902. Вып. 1. № 28.
2. *Авдусин Д. А.* Гнёздовская корчага//Древние славяне и их соседи. М.: Наука, 1970.
3. *Авдусин Д. А.* Гнёздово и Днепровский путь//Новое в археологии. М.: Изд-во МГУ, 1972.
4. *Шмидт Е. А.* Об этническом составе населения Гнёздова//СА. 1970. № 3.
5. *Пушкина Т. А.* Лепная керамика Гнёздовского селища//Вестн. МГУ. Сер. 8. История. 1973. № 3.
6. *Пушкина Т А.* Гнездовское поселение в истории Смоленского Поднепровья (IX—XI вв.): Автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1974.
7. *Каменецкая Е. В.* Керамика IX—XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья: Автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.06 М., 1977.
8. *Седов В. В.* Сельские поселения Центральных районов Смоленской земли//МИА. 1960. № 92.
9. *Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г С.* Археологические памятники Древней Руси IX—XI веков. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978.
10. *Бліфельд Д. І.* Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ: Наук. думка, 1977.
11. Новое в археологии Киева. Киев: Наук. думка, 1981.
12. *Самойловський І. М.* Слов'янський могильник на р. Пронівщині під Києвом//Археологія. 1954. Т. IX.
13. *Каргер М. К.* Древний Киев. Т. I. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1958.
14. *Петрухин В. Я.* Ритуальные сосуды из курганов Гнёздова и Чернигова//Вестн. МГУ. Сер. 8. История. 1975. № 2.
15. *Мельникова Е. А., Петрухин В. Я., Пушкина Т. А.* Древнерусские влияния в культуре Скандинавии раннего средневековья (к постановке проблемы)//История СССР. 1984. № 3.

Д. А. БЕЛЕНЬКАЯ

НАХОДКИ ИЗ МОСКОВСКОГО ПОСАДА

Публикуемые заметки по археологии Москвы являются последней работой Д. А. Беленькой (1932—1987) — научного сотрудника Отдела средневековой и славяно-русской археологии ИА АН СССР. Областью научных интересов Доротеи Алексеевны являлась славяно-русская археология, особенно археология древнерусского города, и в частности Москвы. В течение многих лет она работала в составе Московской экспедиции ИА АН СССР, проводившей раскопки на территории Зарядья и Кремля. По материалам этих исследований Д. А. Беленькая написала работу «История заселения территории Китай-города (Москва) конец XII — начало XVI в.», успешно защитив ее в 1972 г. в качестве кандидатской диссертации. В работе этой впервые была высказана мысль об улично-усадебной застройке Московского посада, о принадлежности посадских усадеб крупным феодалам и купцам-сурожанам, были намечены также отдельные узловые моменты исторической топографии Китай-города. Д. А. Беленькая является автором более 30 опубликованных работ. Такие ее работы, как «Красные изразцы Китай-города» [1], «Кресты и иконки из курганов Подмосковья» [2], «Английский двор в Москве» [3], «Шиферная иконка из Зарядья (XV в.)» [4], являются прекрасными исследованиями по археологии древнерусского города, неоценимым вкладом в историю материальной культуры нашей столицы. В последние годы Д. А. Беленькая работала в составе Владимиро-Суздальской экспедиции ИА АН СССР в Суздале. Однако она по-прежнему продолжала интенсивно заниматься городским ремеслом Северо-Восточной Руси и любимой ею археологией Москвы.

В 1957 г. на одном из раскопов Зарядья была найдена биллоновая крышка небольшой (диаметр — 3,5 см) плоской коробочки (рис. 1). В центре крышки помещено литое изображение драконовидного существа с чешуйчатым телом, длинной гибкой шеей, вытянутой мордой, четырьмя тонкими лапами и хвостом спиралевидной формы. По краю крышки тянется растительный вьющийся орнамент. Стратиграфически крышка датируется второй четвертью XV в.

Аналогичные предметы обнаружены в слоях XIV—XV вв. Новгорода и Пскова. Новгородские находки: крышка с Готского раскопа диаметром 5 см (вторая половина XV в.) и крышка с Кировского раскопа диаметром 3,5 см (70—80-е годы XIV в.) — украшены литым изображением всадника, держащего в левой руке сокола. По краю крышек идет растительный орнамент. В последние годы на берегу Волхова недалеко от Готского раскопа найдено еще три подобных предмета, украшенных изображением всадника с соколом и растительным орнаментом [5, с. 233, 234].

В слоях Пскова обнаружено семь подобных крышек и две целые коробочки. Три крышки имеют изображения: на первой — литое изображение всадника с копьем и растительный орнамент по краю; на второй — всадник с соколом на левой руке и растительный орнамент; на третьей в центре помещено изображение хищника кошачьей породы в геральдической позе. Размеры этих крышек различны: первая имеет диаметр 3,5 см, вторая — 5,5 см, третья — 7,5 см. Шесть крышек имеют гладкую поверхность без изображений и орнамента [6, с. 102].

По мнению исследователя торговли Новгорода Е. А. Рыбиной, новгородские биллоновые крышки относятся, видимо, к предметам западноевропейского производства, связаны с деятельностью купцов Готского двора и напоминают кустодий — вместилище восковых печатей. Возможно, именно поэтому в одной из подобных коробочек, найденной рядом с Готским раскопом, обнаружены следы воска [7, с. 219].

Судя по датировке новгородских, псковских и московской крышек с изображениями, самые небольшие из них, диаметром 3,5 см, относятся ко второй половине XIV — первой половине XV в.: это крышка Кировского раскопа Новгорода, псковская крышка с изображением всадника

с копьем и московская крышка с драконом. Из четырех типов изображений, помещенных на биллоновых крышках, в пяти случаях из девяти встречается изображение всадника с соколом на руке — мотив, заимствованный в прикладном искусстве Средней Азии и Ирана IX—XIII вв. [8, с. 170]. Дракон на московской крышке — распространенный мотив библейской символики, олицетворяющий зло. Популярный сюжет романского искусства — драконы, терзающие человека [9, с. 39]. На византийских памятниках X—XI вв. находим изображения драконов со змеиным туловищем и «волчьей» головой [8, с. 173]. Известны изображения драконов на крышках реликвариев [9, с. 45].

Московская биллоновая крышка найдена на территории Великого посада, на большой усадьбе, расположенной на склоне к р. Москве. Здесь же в слое 70—80-х годов XV в. обнаружена шиферная иконка, позволившая предположительно связать усадьбу с семьей крупных московских купцов Тараканових [4, с. 196], занимавшихся восточной торговлей. О последнем говорят найденные на усадьбе фрагменты среднеазиатских терракотовых фляг со штампованным орнаментом, фрагменты иранской поливной посуды, китайских селадоновых чаш. О восточном направлении торговли хозяев усадьбы говорят и некоторые другие факты. Так, в 1547 г. новгородский Софийский дом покупает семь поставок сукон «тюпинских» у Петра Тараканова. В 1542 г. Василий Никитич Тараканов «дает поминки» турецкому послу, что также свидетельствует о восточной направленности его торговых интересов [4, с. 196].

Рис. 1. Крышка из Зарядья

Обнаружены в слое усадьбы и предметы западного импорта, среди которых так называемая рейнская керамика. В слое начала XVI в. найдено несколько слипшихся стеклянных кружков диаметром 4,4 см. Ю. Л. Щапова считает эти предметы изделиями западноевропейского производства. Предназначены стекла для небольших медальонов. В пределах усадьбы в слоях конца XIV — начала XVII в. собрана коллекция ножей с клеймами (21 экз.). Аналогии клейм и целый ряд косвенных данных позволяют видеть в ножах изделия ремесленников таких стран, как Венгрия, Чехия, Австрия и Южная Германия.

Биллоновая крышка с драконом, аналогичная прежде всего новгородским находкам, говорит о связях московской купеческой семьи с Новгородом. Связь эта, видимо, традиционна. О ней говорят и косвенные данные. На территории усадьбы в слое последней четверти XV в. встречен необычный для Москвы, но распространенный в Новгороде фундамент из коротких бревен, подложенный под нижний венец всего периметра здания. В слое конца XIV в. найден шаровидный бубенчик, выполненный технологическим приемом (из двух полушарных заготовок), свойственным, по мнению Н. В. Рындиной, новгородскому ремеслу [10, с. 247]. И наконец, шиферная иконка, найденная на усадьбе Тараканових, была изготовлена в Новгороде [4, с. 196].

Таким образом, крышка московской биллоновой коробочки принадлежала купцу, принимавшему активное участие в торговле с Востоком и со странами западной Европы и имевшему тесные связи с Новгородом.

В коллекции находок, собранных при изучении Московского Великого посада, присутствует 10 литейных форм, служивших для отливки трехбусинных височных колец, конусовидных пуговиц, поясных накладок,

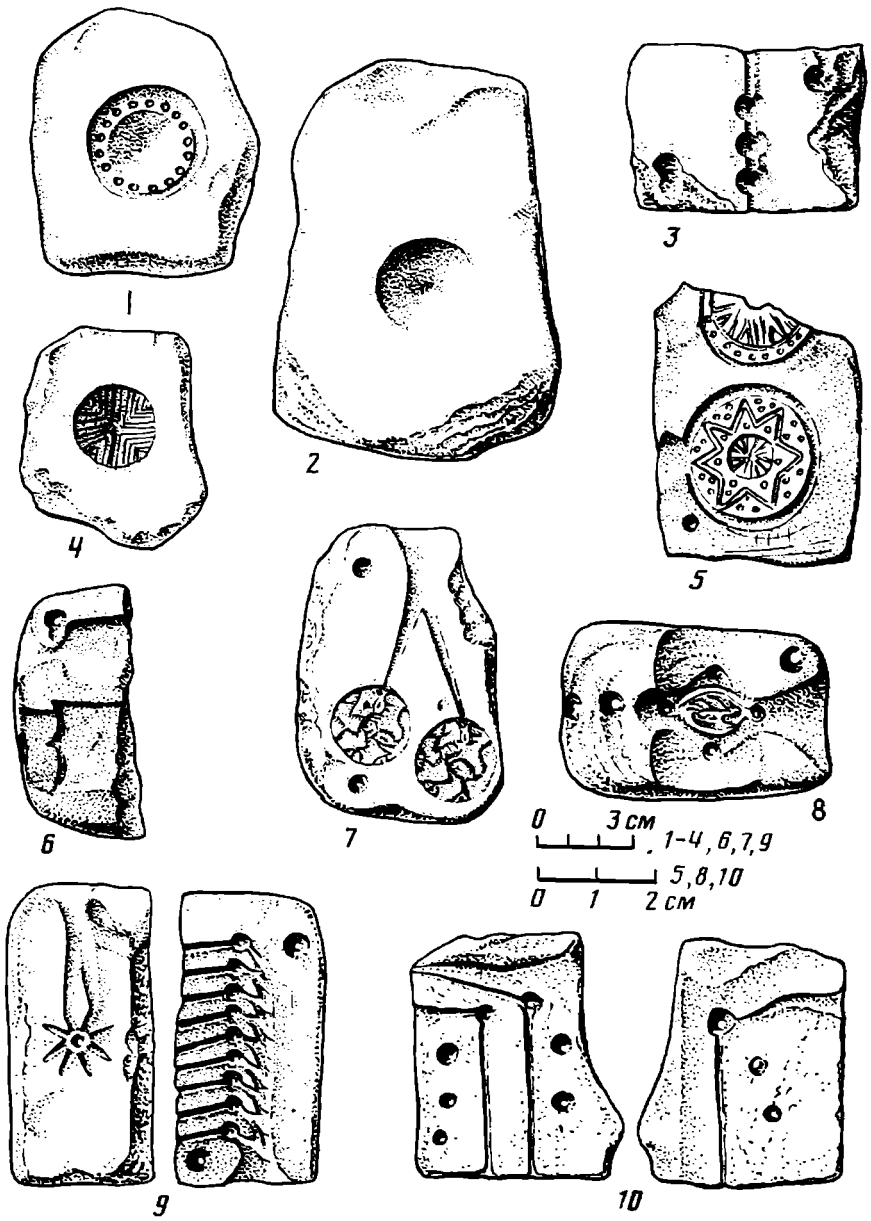


Рис. 2. Литейные формы из Зарядья

привесок и так называемых булавок «пус-йеппи». Формы выполнены из песчаника, датируются периодом конца XII — начала XVI в. и обнаружены как в слое ремесленных комплексов, так и в виде отдельных находок усадебного слоя. Среди изделий, отлитых в формах из Зарядья, непосредственно в слое посада встречены лишь булавки «пус-йеппи».

Ювелирные литейные формы — частые находки в слое древнерусского города. Уже изданы литейные формы из Серенска, Старой Рязани, Новгорода, Ярополча Залесского [10, рис. 8—10; 11, рис. 48, 49; 12, с. 300; 13, табл. 5]. Большинство форм из Московского посада опубликовано, однако чаще всего лишь в виде краткого упоминания. Вместе с тем литейные формы посада позволяют представить облик посадского ювелирного ремесла и характер его размещения на самых разных по социальной принадлежности усадьбах.

Самая ранняя литейная форма обнаружена на пятом участке посада, в слое второй половины XII — начала XIII в. [14, с. 56, рис. 15, *6*]. Форма имеет вид прямоугольного бруска размером 50×39×14 мм (рис. 2, *3*). Сохранились два отверстия для штифтов. Форма относится к типу имитационных и предназначена для отливки височного кольца с тремя гладкими бусинами. В Новгороде найдено три подобных височных кольца,

датируемых XIII в., имеющих полые бусины и стержни [15, с. 14]. Материалом для отливки в данных формах служили тугоплавкие сплавы типа бронзы, латуни, сплавы серебра [10, с. 260, 261]. Сооружений в домонгольском слое участка не было обнаружено, однако набор находок (ключи, замки, костяные гребни, стеклянные браслеты и бусы, перстень, точильные бруски, керамика) позволяет связывать его с одной из ранних загородных усадеб.

В слое второй половины XIV в. на участке прибрежной полосы посада (уч. 8) найдена литейная форма для отливки перстня с ромбическим щитком (рис. 2, *8*). Размеры формы — 50×30 мм. Сохранились следы двух штифтов. В Новгороде близкий по очертаниям перстень обнаружен также в слое второй половины XIV в. [15, с. 136, рис. 47, *21*]. Литейная форма найдена на территории небольшой усадьбы ремесленника. Занятия хозяев усадьбы ювелирным ремеслом прослеживаются с момента заселения участка, т. е. с рубежа XIII — XIV вв. В слое сохранились следы жилого сруба и расположенной на расстоянии 5 м от него разрушенной производственной постройки с ямой, заполненной литейным шлаком. Среди находок усадьбы несколько кусков воска, черешковые ножи, круглая стеклянная вставка в перстень, фрагменты стеклянных перстней, бусы, стеклянная иконка с изображением св. Георгия, фрагменты поливной золотоордынской керамики.

В слое XIV в. обнаружена односторонняя литейная форма, предназначенная для изготовления так называемых «грузиков» — предполагаемых пуговиц с поясом ложной зерни по краю. Размеры формы — 55× ×45×18 мм. Диаметр грузика — 24 мм (рис. 2, *1*). На территории Великого посада Москвы найдены четыре литейные формы для конусовидных пуговиц; три подобные формы происходят с территории Кремля [16, с. 88, рис. 33; 17, с. 95, № 30]. Однако самих «грузиков» в московском слое пока не обнаружено. В Новгороде свинцовые «грузики» составляют одну из самых многочисленных категорий находок и существуют с X по XV в. [15, с. 156]. Диаметр новгородских «грузиков» колеблется от 1,5 до 2,5 см. Есть подобные «грузики» и в псковском слое XV—XVI вв. Их диаметр колеблется от 1,5 до 2 см [6, с. 101]. Найдена литейная форма на одном из участков склона к Москве-реке (уч. 10), в слое большой усадьбы, судя по частоколам, протянувшейся по всей ширине квартала. Письменные источники позволяют предположительно связать усадьбу с семьей купцов-сурожан. В одном слое с формой найдено несколько обломков тиглей.

На пятом участке Зарядья (склон к реке) найдена незаконченная литейная форма, относящаяся также к XIV в. и предназначенная для отливки небольших «грузиков» (диаметром 12 мм) (рис. 2, *2*). Размеры формы 110×80×40 мм. Найдена она на территории большой (площадь ≈2000 м²) усадьбы, владельцами которой в XV—XVI вв. являлись члены семьи купцов-сурожан Таракановых [4, с. 196]. Привозные изделия из усадебного слоя XIV в. позволяют предположить, что и в это время хозяином усадьбы был купец. Судя по незаконченности формы, камнерез находился среди ремесленников усадьбы.

При наблюдениях в районе прибрежной полосы посада была обнаружена литейная форма, предназначенная для отливки двух круглых пуговиц с коническим выступом в центре. Размеры формы 35×30×9 мм. Диаметр изделий — 17 и 20 мм (рис. 2, *5*). Сохранилось одно отверстие для штифта. Хорошо видны два широких и коротких литика. Одна из пуговиц имеет ребристую поверхность и поясок ложной зерни, другая украшена семиконечной звездой и узором из ложной зерни. Исследователи связывают литейную форму со слоем рубежа XIV—XV вв. [16, с. 87].

На одном из участков прибрежной полосы найдена литейная форма, с помощью которой отливались изделия двух видов: одна сторона предназначалась для одновременной отливки девяти булавок «пус-йеппи». Аналогичная форма есть в новгородской коллекции [10, с. 268, рис. 10]. Другая сторона формы служила для отливки звездчатой привески. Раз-

меры формы 90×43×15 мм. Сохранились отверстия двух штифтов (рис. 2, *9*). Форма найдена в границах ремесленного комплекса рубежа XIV—XV вв. Здесь же на усадьбе ремесленника рядом с горном и в печи жилого дома найдено множество обломков и семь целых тиглей [16, с. 84—85, рис. 32, *4*].

В слое рубежа XV—XVI вв. на склоне к Москве-реке (уч. 5) обнаружена литейная форма, предназначенная для отливки двух монетовидных привесок с изображениями зверя, идущего по кругу. Четко видны когтистая трехпалая лапа, длинная членистая шея, голова, похожая на птичью, и тонкий хвост. Размеры формы 70×46×19 мм (рис. 2, *7*). Сохранились два отверстия для штифтов. Диаметр изделий — 19 мм. Форма найдена в слое усадьбы купцов Таракановых. Здесь же в слое обнаружена небольшая железная наковаленка.

К середине XV в. относится, судя по стратиграфии, фрагмент литейной формы, предназначенной для отливки поясных накладок. Размеры формы 80×35×16 мм. Сохранилось одно отверстие для штифта (рис. 2, *6*). Найдена форма в слое одной из феодальных усадеб, окружавших церковь Георгия на Варварке.

В слое ювелирной мастерской рубежа XIV—XV вв., вскрытой на берегу Москвы-реки, найдена небольшая (42×31 мм) литейная форма, служившая для отливки двух булавок типа «пус-йеппи» и пяти шариков диаметром от 2 до 5 мм. С помощью оборотной стороны формы отливались одна булавка «пус-йеппи» и два шарика диаметром 2 и 5 мм (рис. 2, *10*). Бронзовые булавки «пус-йеппи» предназначались для крепления женского головного убора к жесткой основе. В новгородских слоях они датируются периодом 10-х годов XIV — конца XV в. [15, с. 158], в слоях Пскова — XIV—XV вв. [6, с. 101], в слоях посада Москвы — XIV—XV вв. Исследователи связывают их появление в древнерусских городах с восточным влиянием [15, с. 158].

На шестом участке Зарядья (склон к Москве-реке) найдена незаконченная литейная форма, предназначенная для отливки «грузиков» конусовидной формы. Поверхность «грузика» украшена орнаментом из треугольников. Размеры формы 65×53×28 мм. Диаметр «грузика» — 25 мм (рис. 2, *4*). Форма найдена в слое богатой купеческой усадьбы начала XVI в. Судя по московским находкам литейных форм для «грузиков», подобные изделия производились в Москве с XIV по XVI в.

Интересны особенности размещения литейных форм на территории Московского посада. Так, в слое небольших ремесленных усадеб найдено примерно такое же количество литейных форм, как и в слое феодальных усадеб. На последних следы ювелирного ремесла находятся в окружении других ремесел, что соответствует упоминаниям в письменных источниках самых разных ремесленников среди вотчинной челяди. Усадьбы ремесленников невелики по площади, носят следы занятия одним ремеслом, часто наследственным, как правило, имеют специальное производственное помещение. Судя по двум незаконченным литейным формам, видимо, среди ремесленников на посаде были свои резчики по камню. Две из рассмотренных форм предназначены для одновременной отливки нескольких одинаковых изделий — булавок «пус-йеппи». Видимо, не случайно эти две формы найдены на небольших усадьбах ремесленников.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беленькая Д. А.* Красные изразцы Китай-города//КСИА. 1975. Вып. 135.
2. *Беленькая Д. А.* Кресты и иконки из курганов Подмосковья//СА. 1976. № 4.
3. *Беленькая Д. А.* Английский двор в Москве//Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978.
4. *Беленькая Д. А.* Шиферная иконка из Зарядья//СА. 1983. № 2.
5. *Колчин Б. А., Рыбина Б. А.* Раскоп на улице Кирова//Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982.
6. *Сергина Т. В.* Раскопки в Окольном городе в 1978—1979 гг.//Археологическое изучение Пскова. М.: Наука, 1983.
7. *Рыбина Е. А.* Готский раскоп//Археологическое изучение Новгорода. М.: Наука, 1978.

8. *Даркевич В. П.* Художественный металл Востока (VIII—XIII вв.). М.: Наука, 1975.
9. *Даркевич В. П.* Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X—XIV вв.)//САИ. 1966. Вып. Е1-57.
10. *Рындина Н. В.* Технология производства новгородских ювелиров X—XV вв.//МИА. 1963. № 117.
11. *Никольская Т. Н.* Земля вятичей. М.: Наука, 1981.
12. *Монгайт А. Л.* Рязанская земля. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
13. *Седова М. В.* Ярополч Залесский. М.: Наука, 1978.
14. *Дубынин А. Ф., Соболева Д. А.* Археологические работы в Зарядье, Москва (1957—1961 гг.)//КСИА. 1963. Вып. 96.
15. *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.) М.: Наука, 1981.
16. *Рабинович М. Г* О древней Москве. Очерки материальной культуры и быта горожан в XI—XVI вв. М.: Наука, 1964.
17. *Шеляпина Н. С.* Отчет об археологическом наблюдении в Московском Кремле. 1967—1969 гг.//Архив ИА АН СССР. Р-1. № 3964.
18. *Рикман Э. А.* Результаты археологических наблюдений в Зарядье (По раскопкам 1949—1951 гг.)//КСИА. 1955. Вып. 57.

Критика и библиография

Mousterian Legacy. Human Biocultural Change in the Upper Pleistocene/Ed. Trinkaus E.//British Archaeological Reports. International Series. 164. Oxford, 1983

В апреле 1982 г. в г. Миннеаполисе (США) состоялся симпозиум, посвященный различным археологическим и антропологическим аспектам переходных процессов, происходивших в связи со становлением культуры верхнего палеолита и человека анатомически современного вида. Симпозиум был приурочен к 47-му годичному собранию Общества американской археологии. Почти все сделанные доклады были затем представлены в качестве статей для рецензируемого сборника.

Этот сборник, вышедший под редакцией Э. Тринкауса, можно рассматривать как своего рода продолжение появившейся в той же серии годом раньше книги, которая посвящена переходу от нижнего палеолита к среднему и содержит 24 статьи, суммирующих материалы значительной части территории Старого Света [1]. Рассматриваемое в настоящей рецензии издание содержит 10 статей. Поднятые в них вопросы решаются в основном на материалах юго-запада Европы (Франция, Испания) и Ближнего Востока.

В предисловии Э. Тринкаус называет главные, по его мнению, вопросы, стоявшие перед докладчиками и авторами статей: был ли адаптивный сдвиг при переходе к верхнему палеолиту, если был, то каковы его основные биологические и культурные составляющие и были ли биологические изменения тесно связаны с культурными или же они протекали независимо. Лучше разобравшись в этих вопросах, можно будет, как надеется Э. Тринкаус, понять изменения, связанные с переходом к верхнему палеолиту, не просто как последовательность форм и событий, но как сдвиг в поведении, переход от одних форм адаптации к другим, более прогрессивным.

Сборник открывает статья Дж. Д. Кларка «Значение культурных изменений в начале верхнего плейстоцена в Северной и Южной Африке». Она направлена фактически прежде всего против бывших еще недавно привычными и незыблемыми представлений о синхронности и жесткой взаимообусловленности появления неоантропов и верхнепалеолитических индустрий. По мнению автора, верхний палеолит, в том виде, который известен в Европе и на Среднем Востоке, вообще не проникал во многие части ойкумены. Каменные орудия в таких регионах явно автохтонны. Далее перечисляются все случаи для территории Африки, когда можно предполагать появление людей современного физического типа среди носителей культур среднего палеолита. В Северной Африке основания для таких предположений дают, по мнению Дж. Д. Кларка, находки анатомически современных костей в нижнем атере Дар-эс-Солтана 3 и в верхнем атере грота Темара. В Восточной Африке появление «анатомически вполне современного населения» связано со среднепалеолитическими индустриями, залегающими в отложениях формации Кибиш (долина р. Омо). Как свидетельство весьма раннего появления человека, близкого к неоантропам, может быть истолкован и череп из Канжера. В Южной Африке «связь анатомически современных ископаемых с технологией среднего каменного века» подтверждается тремя группами находок костей и связанных с ними артефактов: 1) район Флорисбада (отложения древнее 40 000 лет), 2) пещеры на р. Класиес (около 120 000 лет), 3) пещера Бордер (древнее 49 000 лет). Кроме того, автор приводит некоторые данные, позволяющие говорить о весьма раннем появлении неоантропа и в Юго-Восточной Азии. Правда, данные эти, за исключением, вероятно, известной находки в пещере Ниа, пока недостаточно документированы.

Суммируя изложенные факты, Дж. Д. Кларк делает вывод, что «анатомически современные индивиды появились в Африке и Юго-Восточной Азии раньше, чем в Европе». По его мнению, в этих областях прогрессивные изменения культуры заключались

в совершенствовании не морфологии орудий, а их использования, т. е. в поведении, что и обусловило анатомический прогресс людей.

Последнее предположение пока труднодоказуемо, да и непонятно, почему биологический прогресс обязательно должен был быть обусловлен прогрессом культурным. Тезис о более раннем по сравнению с Европой появлении неоантропа в зоне неклассического палеолита нуждается в солидном дополнительном обосновании и пока не может быть принят в качестве доказанного факта. Во-первых, относительно многих из находок, на которые опирается Дж. Д. Кларк, антропологами далеко еще не сказано последнее слово. Степень сапиентности этих ископаемых различна и, как и их датировки, может подвергнуться пересмотру [2, с. 98]. Во-вторых, и в зоне классического палеолита (Европа, Средний Восток) известны находки в мустьерских слоях таких ископаемых, которые рассматриваются антропологами как анатомически вполне современные [3, 4, 5, с. 20].

Наиболее интересной из всех входящих в сборник статей для археологов является, пожалуй, статья А. Маркса и Ф. Волкмэна «Изменение стратегии срабатывания нуклеуса: технологический сдвиг от среднего к верхнему палеолиту в Южном Леванте». В нашей археологической литературе уже упоминалось мельком о предпринятой А. Марксом попытке восстановления исходных предметов расщепления из четырех последовательно залегающих слоев пятислойного открытого поселения Бокер Тачтит (Израиль) [6, с. 37]. Статья знакомит с основными результатами этой работы, занявшей 4 года. В четырех несмешанных, непереотложенных слоях было восстановлено 156 желваков, включающих не менее 120 нуклеусов, а также 128 орудий и более 3000 сколов первичной обработки. Радиоуглеродная дата для нижнего из слоев — около 45 000 лет назад, для верхнего — около 38 000 лет назад. Между комплексами всех слоев существуют определенные различия в технике расщепления. Суть изменений сводится к тому, что происходит сдвиг «от весьма гомогенной леваллуазской технологии, через стадию значительного разнообразия, неоднородности и колебаний к вновь весьма гомогенной, но уже более не леваллуазской технологии». Последняя, достигающая расцвета в слое 4 (самом верхнем) и признаваемая авторами верхнепалеолитической, дает одноплощадочные нуклеусы, а в качестве основной заготовки — пластины. Она наблюдается в Леванте повсеместно, но описывалась раньше как развитое леваллуа. Однако, по мнению авторов, считать леваллуазской эту технологию уже нельзя, потому что восстановление нуклеусов показало отсутствие предопределения формы заготовок специальной подготовкой нуклеуса. Даже типичные леваллуазские острия слоя 4 являются таковыми только с точки зрения их морфологии, технология же их изготовления, в отличие от нижележащих слоев, уже не леваллуазская. Что же касается типологии орудий, то она уже в 1-м слое памятника верхнепалеолитическая, что не увязывается с представлениями о синхронности изменений типологии и технологии при переходе от среднего палеолита к верхнему. С другой стороны, и точка зрения Л. Коплэнд, полагающей, что переход этот заключался в смене форм орудий при неизменной технике расщепления, также, вероятно, должна в свете исследования А. Маркса и Ф. Волкмэна подвергнуться переоценке. Завершается статья указанием на необходимость пересмотра практики использования концепции леваллуа для Леванта.

Следующая статья написана Ф. Волкмэном и Д. Кауфманом и посвящена рассмотрению эмирейских острий как вероятной руководящей формы перехода от среднего палеолита к верхнему в Леванте. Именно так этот тип рассматривала Д. Гаррод [7]. Авторы статьи приводят в специальной таблице перечень всех известных эмирейских острий и отмечают, что почти все учтенные в таблице материалы были ими изучены. Основой же для выводов и в данном случае послужила коллекция, полученная в Бокер Тачтит. Всего в инвентаре этого памятника выделено 25 эмирейских острий. В 1-м слое их 3, во 2-м — 21, в 3-м — 1, в 4-м их нет. Последнее обстоятельство оценено Ф. Волкмэном и Д. Кауфманом как показатель того, что «эмирейские острия не связаны с верхнепалеолитическими комплексами». Наличие же трех острий в первом слое, который авторы считают еще среднепалеолитическим, означает по их мнению, что изучаемый тип не связан исключительно с переходными комплексами, а может быть встречен также в мустьерских слоях. Тем не менее именно в переходных индустриях (слои 2 и 3 в Бокер Тачтит) видят авторы расцвет эмирейских острий, что и определило итоговый вывод — эмирейские острия вполне могут рассматриваться как «руководящее ископаемое» переходных комплексов.

Очевидно, такой вывод можно считать правомерным. Это, однако, не устраняет всех трудностей, связанных с определением того, какие индустрии рассматривать как

переходные, а какие как собственно мустьерские или верхнепалеолитические. Так, 1-й слой в Бокер Тачтит, признанный авторами среднепалеолитическим, с точки зрения типологии орудий, как видно из предыдущей статьи, является верхнепалеолитическим. В соответствии со взглядами Л. Коплэнд [8] он может рассматриваться именно как переходный, т. е. сочетающий технику расщепления мустье и типы орудий верхнего палеолита.

Автор следующей статьи, Х. Диббл, предпринял попытку сравнить, как проходил переход от мустье к верхнему палеолиту в Западной Европе и на Ближнем Востоке и ответить на вопрос, был ли это единый и протекавший единовременно процесс или новшества распространялись из одного района, а второй подвергался аккультурации. По мнению автора, характер перехода в двух регионах весьма различен. На территории Франции преемственность между двумя эпохами проявляется лишь в наличии некоторых общих типов, сам переход происходит быстро и состоит в изменении процентного соотношения типов. На Ближнем Востоке фиксируются помимо появления новых типов направленные изменения техники расщепления в сторону верхнепалеолитической технологии на протяжении всего позднего плейстоцена, чего не прослеживается на французских материалах. Это, по мнению автора, означает, что на Ближнем Востоке переход как культурный, так и биологический носил автохтонный характер, а в Западной Европе был обусловлен контактами местного населения с более прогрессивными пришлыми группами, т. е. в последнем случае это была аккультурация и ассимиляция.

Принятие этих выводов означало бы возврат к взглядам Д. Гаррод, активное обсуждение которых приходится на 50—60-е годы. Против концепции английской исследовательницы были выдвинуты тогда весьма серьезные возражения [9, 10], и большинство исследователей признали автохтонность западноевропейского палеолита [11, 12]. Однако статья Х. Диббла напоминает, что в этом вопросе еще далеко не все ясно.

С некоторым недоумением воспринимается статья Л. Страуса «От мустье к мадлену: культурная эволюция в испанской Баско-Кантабрии и французских Пиренеях. Исходя из положения о «тщетности попыток провести четкое различие между столь искусственными конструкциями», как мустье и шательперрон, неандерталец и кроманьонец, Л. Страус полагает, что природа перехода может быть лучше понята при анализе его крайних временны́х точек, так как при этом различия будут просматриваться более отчетливо. В соответствии с этой установкой далее проводится сопоставление мустье и мадлена указанного в заголовке статьи региона по многим параметрам. Это и состав каменного инвентаря, и местоположение, и количество стоянок, и состав фаунистических материалов, обнаруживаемых на этих стоянках, и т. д. Такое сравнение мустье и мадлена, занимающее почти 40 страниц, приводит в итоге автора к весьма глубокомысленному выводу о том, что «феномен мадлена в регионе может рассматриваться как результат длительного процесса адаптивных изменений».

Несомненно, статья Л. Страуса будет полезна для исследователей, нуждающихся в данных о направленности хозяйственной деятельности мадленцев. Но для понимания перехода от мустье к верхнему палеолиту эта работа не дает практически ничего нового. Как писал в свое время об известной статье Р. Уайта [13] Н. Артс [14]: «Фундаментальные различия между верхним и средним палеолитом действительно были, и единственный пробел стимулирующей статьи Уайта — в отсутствии конкретного вклада в объяснение этих различий». Эти слова в полной мере применимы и к рассмотренной статье Л. Страуса.

Следующая статья принадлежит Р. Уайту. Она посвящена исследованию изменений моделей землепользования при переходе от среднего палеолита к верхнему на примере памятников Перигора. Автор развивает здесь некоторые мысли, высказанные им ранее в упомянутой выше работе. Отмечаются некоторые характерные различия в топографическом положении и размерах стоянок Перигора. Так, мустьерские стоянки, в большинстве своем открытые, располагаются, как правило, на водоразделах, а верхнепалеолитические, три четверти которых, по данным Р. Уайта, являются пещерными, тяготеют к долинам рек. Кроме того, верхнепалеолитические поселения обычно превосходят по площади мустьерские, что, по мнению автора, говорит об увеличении численности групп людей. Перечислив еще ряд различий, Р. Уайт пишет, что они «могли означать изменения в стратегии жизнеобеспечения, в демографии и социальной организации». В этом предположении, конечно, нет ничего невероятного. Нужно лишь помнить, что, как верно заметил сам автор, пока «существование и природа» различий образов землепользования сравниваемых эпох «остаются недокументированными». Информация, которой мы располагаем по этому вопросу, достаточно сильно искажена действием различ-

ных естественных, культурных и научных (методика раскопок) факторов, довольно подробно (на трех страницах) рассматриваемых Р. Уайтом.

Следующая статья, написанная Ф. Харролдом, называется «Шательперрон и переход от среднего к верхнему палеолиту». По данным этого автора, шательперронскими являются 45 слоев в 36 памятниках. Выводы же Ф. Харролда основаны на анализе материалов 14 слоев, наиболее представительных, хорошо раскопанных и неперемешанных. Шательперрон рассматривается как чисто верхнепалеолитическая индустрия. Большая доля мустьерских форм в некоторых комплексах (например, Ле Мустье, слой К, Ля Ферраси, слой Е) — результат лишь примитивной техники раскопок и смешения слоев. Ф. Харролд не находит возможным принять ни точку зрения Леруа-Гурана, Дельпорта и Брикера, полагающих, что шательперрон развился из фации В мустье с ашельской традицией, ни точку зрения Лапласа, выводящего шательперрон из зубчатого мустье. По его мнению, переход к рассматриваемой индустрии от какой-либо из мустьерских фаций вообще прямо не фиксируется, да и в самом существовании последних Ф. Харролд сомневается. Что же касается взаимоотношений шательперрона с ориньяком, то обе эти индустрии, по мнению автора, сосуществовали в одно время, на одной территории, обе они являются ранневерхнепалеолитическими и ни одна из них не выглядит более развитой или сложной, чем другая. Однако если с археологической точки зрения между двумя индустриями нет различий, которые могут быть истолкованными в стадиальном плане, то в свете известной антропологической находки в Сент-Сезаре носители шательперрона представляются еще неандертальцами, тогда как носители ориньяка, по всем данным, несомненно, неоантропы. Исходя из этого, Ф. Харролд предполагает, что шательперрон — результат быстрого развития из местного мустье, а ориньяк Западной Европы имеет ближневосточное происхождение (в частности, в качестве одного из источников ориньяка рассматривается 2-й слой болгарской пещеры Бачо Киро, имеющий дату древнее 40 000 лет). Нетрудно заметить, что во многом выводы Ф. Харролда перекликаются с выводами, сделанными в рассмотренной выше статье Х. Диббла.

Из трех оставшихся статей две посвящены антропологическим проблемам, а последняя — рассмотрению некоторых концепций происхождения искусства.

Ф. Смит анализирует изменения морфологии лицевого скелета на последнем этапе становления человека современного типа. Он считает их следствием развития в «технологической сфере» деятельности общества. Таким образом, по Ф. Смиту, «в данном случае морфология есть зависимая переменная». Примерно в таком же плане Э. Тринкаус в следующей статье рассматривает развитие посткраниального скелета, но выводы этого автора менее однозначны. По его мнению, рассмотренные примеры взаимодействия культурных и биологических изменений означают, что в одних случаях первые были производными от вторых, в других — наоборот, в третьих имела место обратная связь.

О теме последней статьи уже было сказано выше. Ее автор (М. Конки) не выдвигает собственной позитивной программы, ограничиваясь оценкой и критикой некоторых посвященных искусству палеолита работ. Явным, хотя и довольно обычным, недостатком статьи является то, что в ней не учитываются работы советских авторов, внесших, быть может, наиболее ценный вклад в разработку искусствоведческой тематики палеолита.

Оценивая сборник в целом, можно сказать, что ряд свежих фактов и идей, излагающихся в некоторых статьях, а также его общая направленность будут играть, несомненно, положительную, стимулирующую роль в обсуждении многих спорных вопросов науки о палеолите.

Л. Б. Вишняцкий

ЛИТЕРАТУРА

1. The Transition from Lower to Middle Palaeolithic and the Origin of Modern Man/ Ed. Ronen A.//BAR. Int. ser. 1982. 515.
2. Завершение становления человеческого общества и возникновение первобытной родовой общины//История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М.: Наука, 1986.
3. *Arensburg B., Tillier A. M.* A New Mousterian Child from Qafzeh (Israel): Qafzeh 4a//Bull. et mem. de la Soc. d'Anthrop. de Paris. 1983. T. 10. S. 13.
4. *Angel J. L.* Middle Palaeolithic Temporal Bone Darai-Kur, Afganistan//Afganistan. 1975. V 28. № 2.
5. Завершение процесса антропогенеза и формирование человеческих рас//История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М.: Наука, 1986.
6. *Ранов В. А., Амосова А. Г* Раскопки мустьерской стоянки Худжи в 1978 году// АРТ — 1978. Душанбе, 1984.

7. *Garrod D.* The Mugharet el-Emireh in Lower Galilee. Type station of the Emiran Industry//J. Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. 1955. V. 85.
8. *Copeland L.* The Middle and Upper Paleolithic of Lebanon and Syria in the Light of Recent Research//Problems in Prehistory: North Africa and the Levant. Dallas, 1975.
9. *Bordes F.* Le passage du paleolithique moyen au paleolithique superieur//Hundert Jahre Neanderthaler. Utrecht, 1958.
10. *Григорьев Г. П.* Начало верхнего палеолита и происхождение Homo Sapiens. Л.: Наука, 1968.
11. *Григорьев Г. П.* Новые аспекты проблемы происхождения Homo Sapiens//Вопр. антропологии. 1970. Вып. 34.
12. *Mellars P. A.* The Character of the Middle-Upper Paleolithic Transition in South-West France//The Explanation of Cultural Change. Pittsburgh, 1973.
13. *White R.* Rethinking the Middle-Upper Paleolithic Transition//Current Anthropology. 1982. V. 23. № 2.
14. *Arts N.* Comments//Current Anthropology. 1982. V. 23. № 2.

Максименко В. Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов: Изд-во Ростов. ун-та, 1983. 224 с. 66 рис.

Наиболее заметной особенностью современного периода в развитии скифоведения в широком понимании этого слова (как специальной отрасли историко-археологической науки, изучающей генезис культур скифского типа на территории восточноевропейских степей), без сомнения, являются все увеличивающиеся темпы накопления археологических источников. Учитывая огромный размах оросительных и других хозяйственных работ, проводящихся в различных районах нашего Юга, можно смело предполагать, что количество исследуемых здесь курганов в ближайшее время вряд ли уменьшится.

В этих условиях любой специалист-скифолог уже не может не только хорошо разбираться в большом количестве разнообразных археологических материалов, происходящих из различных регионов скифского мира, а даже просто хорошо знать их. Целостное восприятие всего объема материалов стало возможным лишь благодаря появлению ряда обобщающих работ, в которых собраны воедино и старательно систематизированы материалы археологических памятников того или иного локального варианта скифской культуры или родственных ей культур эпохи раннего железа. Такие работы, хоть и с разной степенью полноты, охватывают сейчас собственно скифские памятники степной Украины, памятники местного населения практически всех регионов украинской Лесостепи и Среднего Подонья, ананьинские памятники Волго-Камья, савроматские и сарматские памятники Нижнего Поволжья и Южного Приуралья, памятники ранних кочевников в степных районах Северного Кавказа.

К сожалению, из-за отсутствия обобщающих работ «белым пятном» во многом остаются памятники скифского времени, исследованные на территории Нижнего Дона и Прикубанья. Это тем более ощутимо, что вопрос об их этнической принадлежности в достаточной мере сложен, а от его решения во многом зависит понимание таких исторических проблем, как образование северопричерноморской Скифии, ее этнография, появление сарматских племен на территории Украины и т. д. Сразу же с удовлетворением отметим, что указанную лакуну во многом заполняет монография В. Е. Максименко.

В первой главе автор монографии дает краткий анализ сообщений древних авторов о киммерийцах, скифах, савроматах, меотах и сарматах. При этом В. Е. Максименко использует известные работы М. И. Ростовцева, Б. Н. Гракова, А. И. Тереножкина, К. Ф. Смирнова и других крупных исследователей, что превращает этот раздел в своеобразный историографический очерк, в котором излагаются основные точки зрения по наиболее важным вопросам археологии раннего железного века. Тем более непонятно, как в стороне от внимания автора практически остается проблема идентификации культуры исторических киммерийцев с конкретными археологическими памятниками позднейшего предскифского времени и тесно связанная с ней проблема происхождения скифов и собственно скифской культуры. Более полно в главе рассматривается вопрос происхождения савроматов, соотношение этого этнонима с упомянутыми у античных авторов меотами, сирматами и савроматами. В связи с этим В. Е. Максименко еще раз обосновывает и раньше высказывавшуюся в археологической литературе [1, с. 42] точку зрения, согласно которой термин «меоты», в отличие от таких наименований, как «скифы» и «савроматы», имеет не столько этническое, сколько географическое содержание. Исходя из этого верного, как нам кажется, допущения, можно прийти к выводу,

что под именем «меотов» древние греки знали разнообразное по происхождению население, проживавшее на восточном побережье Меотиды (с. 17). Этот факт лишний раз показывает сложность этнической истории Нижнего Подонья в эпоху раннего железа, разобраться в которой можно, лишь используя всю совокупность письменных и археологических источников. Характеристике последних и посвящены три последующих раздела рецензируемой работы.

Так, во втором разделе дается очень подробное описание памятников, оставленных ранними кочевниками на территории Нижнего Дона. В сводку, составленную по территориально-хронологическому принципу, вошло около 200 погребальных памятников VIII—II вв. до н. э., отражающих значительный промежуток времени от черногоровского этапа позднейшей предскифской культуры до окончательного завоевания северопричерноморской степи сарматами, продвинувшимися с востока. В этом состоит одна из интереснейших особенностей работы. Дело в том, что традиционно киммерийский, скифский и сарматский периоды, как правило, изучаются разными специалистами. Это, естественно, приводит к тому, что основная масса исследований проводится, если можно выразиться, в нескольких «горизонтальных плоскостях», в известной мере слабо связанных одна с другой. Использование В. Е. Максименко таких разновременных археологических памятников, открытых на сравнительно небольшой территории, позволяет ему сделать попытку «вертикального среза» и подойти к вопросу о роли местных и привнесенных элементов в формировании каждого последующего звена в культурном развитии данного региона. Именно это и ставит В. Е. Максименко на первый план при изучении погребального обряда и материальной культуры, обращая особое внимание на типы погребальных сооружений, ориентацию и положение погребенных, другие черты ритуала, свойственные различным хронологическим группам памятников.

Не менее старательно и скрупулезно исследуется в четвертом разделе материальная культура соответствующих периодов. Раздел написан с использованием большого количества аналогий, датировка вещей убедительна и не вызывает особых возражений.

Наши замечания по этим трем разделам немногочисленны и касаются лишь отдельных вопросов. Так, приходится только пожалеть, что сводка памятников не сопровождается подробной картой, отсутствие которой, конечно, не могут компенсировать условные схемы, размещенные на форзацах книги. Анализируя погребальный ритуал, автор выделяет две группы памятников «переходного» (т. е. позднейшего предскифского) периода, которые отличаются друг от друга положением погребенных и их ориентировкой. С точки зрения В. Е. Максименко, эта разница объясняется различной этнической принадлежностью данных памятников (с. 62, 63). С нашей точки зрения, разница имеет хронологический характер, поскольку первая группа памятников относится к черногоровскому этапу позднейшей предскифской культуры, а вторая — к следующему, новочеркасскому. Описывая два однолезвийных меча, найденных в кургане V в. до н. э., В. Е. Максименко высказывает мысль о формировании этого типа мечей на основе массивных охотничье-боевых ножей, распространенных на территории Кавказа, а также отмечает возможный ритуальный характер однолезвийных мечей (с. 105). Предположение о генетической связи однолезвийных мечей и длинных железных боевых ножей, хорошо известных, кстати, не только на Кавказе, а и на территории северопричерноморской Скифии [2, с. 98, 99; 3, с. 155], вполне допустимо. Но именно поэтому вывод о сакральном характере однолезвийных мечей, которые эпизодически встречаются и в скифских, и в савроматских памятниках IV—III вв., до н. э., неубедителен. Они, как и длинные железные ножи, использовались в боевых целях. При ритуальных же церемониях использовались специальные ножи, изготовленные из реликтового металла — бронзы. Далее. Несмотря на относительную немногочисленность в савроматских и сарматских памятниках Нижнего Дона предметов защитного вооружения (с. 109), что целиком соответствует материалам аналогичных памятников более восточных территорий, автор все-таки считает возможным прийти к выводу, согласно которому именно савроматы и сарматы, в отличие от скифов, первыми начали широко использовать при боевых действиях массированный удар тяжеловооруженной конницы (с. 99). Этот вывод явно ошибочен, он не учитывает многочисленных и в достаточной степени архаических (VII—V вв. до н. э.) находок разнообразных деталей тяжелого защитного вооружения всадника и боевого коня на территории Скифии [4, с. 35—38; 5, с. 155—157]. Думается, что точка зрения В. Е. Максименко подсказана не совсем объективными взглядами [6, с. 80—90] на разницу в тактике и военном деле скифов и савромато-сарматов.

В целом же следует отметить, что эта часть монографии, логически объединяющая три рассмотренных выше раздела, посвященных собственно археологическим источни-

кам, представляет и будет представлять собой несомненную ценность для многих специалистов в области археологии раннего железного века, так как в результате добросовестной и систематической публикации с многочисленными и хорошо выполненными иллюстрациями в научный оборот введено значительное количество памятников, ранее малоизвестных широкому кругу читателей.

Заключительным и центральным по своему содержанию является пятый раздел — «Племена и союзы племен на Нижнем Дону», который имеет весьма красноречивый подзаголовок — «Античные традиции и интерпретация археологического материала». Еще раз заострив внимание читателей на тех трудностях, которые возникают на пути исследователя, поставившего перед собой задачу определения этнического состава кочевого населения Подонья скифского времени, автор совершенно справедливо отметил, что при решении этого вопроса непременно следует учитывать зависимость расселения отдельных племен от смены исторической ситуации (с. 123). Прослеживая такие изменения, автор выделяет ряд последовательных исторических этапов. Первый из них — «переходный» — отнесен к VIII—VII вв. до н. э. и назван киммерийско-скифским. С точки зрения В. Е. Максименко, в VIII в. до н. э. нижнедонские степи были уже заселены скифами, «пришедшими из Средней Азии» (?). Их культура на этом этапе представлена скорее всего памятниками новочеркасского типа (с. 124). Поскольку, как мы уже упоминали, нам непонятны взгляды автора на проблему происхождения скифов и скифской культуры, возразить что-либо автору в данном случае чрезвычайно трудно. Но все же заметим, что решать эту проблему походя, в нескольких общих абзацах, вряд ли целесообразно, тем более что это и не входит в круг вопросов, рассматриваемых автором.

Следующий и наиболее интересный для нас период охватывает VI—III вв. до н. э. Он определен автором как «савроматский». Вполне естественно, что, характеризуя этот период, автор сосредоточивает свои усилия на выявлении соотношения собственно скифских и савроматских памятников на Нижнем Дону. Как известно, Геродот, обозначая восточную границу Скифии конца VI—V в. до н. э., отмечал, что владения скифов частично граничат с Танаисом (Herod., IV, 20). Автор монографии присоединился к распространенному в последнее время и недавно еще раз обоснованному Б. А. Рыбаковым [7, с. 54] взгляду, согласно которому Танаис античных источников соответствовал Северскому Донцу и нижнему течению Дона. Отсюда, по В. Е. Максименко, следует: «Подобная локализация савроматов позволяет считать памятники VI — начала V в. до н. э. на всей степной территории Нижнего Дона... савроматскими. Эти памятники, хотя и имеют свои специфические черты, сближающие их со скифскими, тем не менее, как уже отмечалось, имели сходство и с памятниками савроматской археологической культуры» (с. 126). В чем же состоит это сходство? Прежде всего, по мысли автора, в сходстве погребального обряда, которое проявляется в следующих элементах: ...формы могильных ям (узкие прямоугольные и продолговатые, овальные, квадратные); накаты из колод, перекрытые слоем камыша, куги или травы; каменные наброски над могилами, красная краска в могилах, тризны и остатки заупокойной пищи в виде костей барана или коня; западная ориентация и вытянутое положение погребенных, позы, характерные для савроматов и сарматов и наличие погребений вооруженных женщин (с. 122). Стоит ли говорить, что практически весь комплекс этих признаков засвидетельствован и в собственно скифских памятниках VII—V вв. до н. э. [8, с. 47—54]. Все это убеждает нас в том, что вывод об отсутствии скифских этнических элементов на территории Нижнего Дона в указанный период явно преждевременный. Во всяком случае, это вполне справедливо для второй половины VII — середины V в. до н. э. Данный период характеризуется тем, что объединение савроматских племен еще полностью не сложилось. С другой стороны, именно в VI в. до н. э. происходило постепенное перемещение основного ядра скифских племен, которые обитали ранее в степных районах Северного Кавказа, в степи Северного Причерноморья [9, с. 35]. В условиях этой исторической ситуации Танаис вряд ли являлся границей между скифами и савроматами, а степи Нижнего Дона скорее всего входили в сферу политического влияния скифских племен. К сожалению, конкретное определение скифских и савроматских памятников Нижнего Дона, очевидно, как и раньше, в достаточной мере затруднительно.

Последний выделенный В. Е. Максименко период относится к концу III—II в. до н. э. и связан с появлением на Нижнем Дону носителей прохоровской культуры. Чрезвычайно важен вывод автора об отсутствии прохоровских памятников на правом берегу Дона ранее II в. до н. э. в свете дискуссии о времени окончательного разгрома Скифии сарматами, которая продолжается и ныне: «...активное продвижение прохоровских

племен на запад началось в конце III в. до н. э. вдоль левобережья Подонья... и достигло апогея в начале II в. до н. э., когда основная их масса переправилась на правобережье Дона и хлынула на Скифию» (с. 128, 129). Как известно, эта дата — II в. до н. э.— основанная и на археологическом материале, и на свидетельствах античных авторов, в частности известном сообщении Диодора Сицилийского (Diod, II, 43, 7), длительное время считалась в археологической литературе наиболее допустимой. С ее ревизией одним из первых выступил Д. А. Мачинский, который отнес это событие на основе анализа письменных источников к концу IV в. до н. э. [1, с. 47]. В. И. Костенко, проведя специальное исследование сарматских памятников в междуречье Дона и Днепра, пришел к выводу, что мнение Д. А. Мачинского не подтверждается археологическим материалом. Правда, это не помешало ему отнести время завоевания сарматами левобережья Днепра к началу III в. до н. э. [10, с. 16], хотя количество учтенных им здесь сарматских памятников этого времени, если даже согласиться с их культурной атрибуцией и датировкой, очень невелико [10, с. 9—11]. Вероятно, поэтому К. Ф. Смирнов в одной из своих последних работ, составив сводку раннесарматских памятников на территории северопричерноморских степей, пришел к выводу о том, что «отдельные сарматские орды — носители прохоровской культуры — тут уже утвердились не позднее к о н ц а (разрядка наша.— *В. М., А. С.*) III в. до н. э., во время Ольвийского декрета в честь Протогена» [11, с. 18]. Если же соотнести указанное выше практически полное отсутствие прохоровских памятников на территории Украины ранее II в. до н. э. с выводом В. Е. Максименко, то вопрос о смене скифов сарматами в причерноморских степях приобретает новую окраску, в свете которой говорить о более ранней, чем II в. до н. э., дате этих событий не приходится.

В заключение хочется отметить, что все высказанные нами замечания касаются довольно спорных вопросов. Хорошо написанная, прекрасно иллюстрированная и, что немаловажно, удачно оформленная полиграфически монография В. Е. Максименко — еще один шаг к их положительному решению.

В. Ю. Мурзин, А. В. Симоненко

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мачинский Д. А.* О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников//АСГЭ. 1971. Вып. 13.
2. *Ильинская В. А.* Скифы днепровского лесостепного Левобережья. Киев: Наук. думка, 1968.
3. *Ильинская В. А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев: Наук. думка, 1975.
4. *Черненко Е. В.* О времени и месте появления тяжелой конницы в степях Евразии// МИА. 1971. № 177.
5. *Мурзин В. Ю., Черненко Е. В.* О средствах защиты боевого коня в скифское время// Скифия и Кавказ. Киев: Наук. думка, 1980.
6. *Хазанов А. М.* Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971.
7. *Рыбаков Б. А.* Геродотова Скифия. М.: Наука, 1979.
8. *Мурзин В. Ю.* Погребальный обряд степных скифов в VII—V вв. до н. э.//Древности степной Скифии. Киев: Наук. думка, 1982.
9. *Мурзін В. Ю.* Скіфи на Північному Кавказі (VII—V ст. до н. э.)//Археологія. 1978, № 27.
10. *Костенко В. И.* Сарматские памятники междуречья Дона и Днепра III в. до н. э.— середины II в. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Киев, 1981.
11. *Смирнов К. Ф.* Ольвийский декрет в честь Протогена и сарматы//Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе: Изд-во Северо-Осетинского ун-та, 1981.

Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. С. 278; Косарев М. Ф. Западная Сибирь в древности. М.: Наука, 1984. С. 245.

В последние годы вышли в свет две большие работы М. Ф. Косарева: «Бронзовый век Западной Сибири» (далее — Бронзовый век...), «Западная Сибирь в древности» (далее — Западная Сибирь...). Обе книги в целом дополняют друг друга, хотя и посвящены на первый взгляд разным вопросам; поэтому представляется необходимым рассмотреть их вместе.

Работы, подобные рецензируемым, в истории нашей науки появляются не часто. Монографии М. Ф. Косарева, содержащие обобщения в свете определенной концепции автора, являются бесспорно заметным событием в истории археологического изучения Западной Сибири. Обеим книгам свойственны широта постановки задач, в большинстве случаев удачные выделения археологических культурных общностей, умелое использование этнографических источников и свидетельств; автор избегает частностей в археологических исследованиях, улавливает тенденции культурно-исторических процессов, исследует ряд особенностей исторического процесса в древности на территории региона. М. Ф. Косарев ставил своей целью обобщить и систематизировать весь доступный материал по бронзовому веку предтаежной и таежной полосы Восточного Зауралья и Западной Сибири; определить этнокультурные ареалы эпохи бронзы, наметить внутри них локальные культуры; выявить общую и локальную историко-культурную стратиграфию бронзового века Западной Сибири; рассмотреть вопросы происхождения западносибирских культур бронзового века; показать общие и региональные закономерности развития экономики, социальной организации и идеологии западносибирского населения в этот период (Бронзовый век..., с. 15). Задачи очень большие и ответственные. В свете этих задач вполне понятен интерес автора к вопросам физико-географической характеристики района исследований.

Вторая книга (Западная Сибирь...) посвящена целиком экологическому аспекту изучения древней истории Западной Сибири. Эта сторона книги очень привлекательна. Следует только приветствовать инициативу автора в обращении к экологическому аспекту изучения древней истории отдельных больших районов. Обе работы выполнены на уровне интерпретационном, что позволяет нам определить их как историко-археологические исследования. Они написаны очень интересно, живо, хотя иногда и посвящены очень специальным вопросам. Работы снабжены большим числом иллюстраций, выполненных самим автором. Нам хотелось бы рассмотреть обе книги по ряду вопросов и проблем, затронутых автором.

Экологический аспект присутствует во всех крупных работах автора, особенно заметен он в рецензируемых книгах и наиболее последовательно соблюден в последней. Однако не надо думать, что вторые главы обеих книг, названные одинаково — «Историко-географический» очерк, дублируют друг друга, хотя некоторые фактические данные, характеризующие Западную Сибирь, неизбежно переходят из одной книги в другую. Во второй книге автор глубоко рассматривает вопросы палеоклиматологии Западной Сибири, выделяя особый раздел в главе «К проблеме смещения ландшафтных границ». Тезис о смещении ландшафтных границ в зависимости от увлажнения или усыхания климата в разные исторические периоды в этой работе получил наиболее развернутую аргументацию. Известно, что М. Ф. Косарев в течение длительного времени отстаивает положение о том, что во второй половине II тыс. до н. э. и на рубеже II и I тыс. до н. э. в Западной Сибири устанавливается сухая климатическая фаза (по А. В. Шнитникову) Это соответствует мощному продвижению к северу южных пастушеско-земледельческих культур. В I тыс. до н. э. происходят две волны обратной этнокультурной подвижки (в VIII—VII .вв. до н. э. и в последние века до нашей эры), связанных с увлажнением Западной Сибири. Автор полагает, что в I тыс. до н. э. было две фазы увлажнения (соответствующие двум волнам этнокультурных подвижек), разделенных фазой сухости. Надо отметить, что эти построения М. Ф. Косарева достаточно логичны и убедительны. Хотелось бы только пожелать автору большей объективности в использовании аргументов в пользу своей точки зрения и более внимательной критики своих противников. Так, непонятно, подкрепляет ли позицию М. Ф. Косарева в вопросе о смещении ландшафтов в древности подобный материал по европейской части СССР? Вероятно, при учете этих данных М. Ф. Косарев не был бы так категоричен. Неубедительны доводы автора в адрес палинологов (Н. А. Хотинский), не согласных с тезисом о заметных сдвигах ландшафтных зон в Западной

Сибири. Вряд ли можно так безоговорочно причислять к своим сторонникам М. П. Нейштадта и особенно А. В. Шнитникова, который предупреждал о необходимости учета конкретных условий региона при изучении истории климатических изменений, так как иногда могут быть совершенно противоположные последствия в ландшафтах при увлажнении или при усыхании климата. М. Ф. Косарев почему-то не счел нужным даже обратить внимание на это предостережение А. В. Шнитникова.

Нельзя с порога отвергать в дискуссии по этому вопросу последствия изменения геологических структур региона Западной Сибири. Разумеется, изменение или стабильность геологических структур могли не сказаться прямо на положении ландшафтных границ, но в общем комплексе факторов разного происхождения учитывать геологические структуры необходимо.

В последнее время проведена очень интересная работа по выявлению ландшафтно-климатических колебаний в Северном Казахстане [1]. Эти исследования на большом материале подтверждают известные колебания ландшафтно-климатических границ. Однако это не значит, что происходили существенные сдвиги не только природных зон, но и синхронно с ними этнокультурных общностей.

М. Ф. Косарев может нам возразить (и будет прав), что многие проблемы в течение длительного времени еще будут находиться в состоянии исследования, а значит, в течение длительного времени мы не сумеем подвинуться вперед, если не будем использовать данные палеоклиматологии. Конечно, их надо использовать в исторических исследованиях. Но недопустимо строить концепции исторического развития такого крупного региона, как Западная Сибирь, при условии, что краеугольным камнем в фундаменте такой концепции является не до конца доказанный тезис об этнокультурных подвижках в древности в связи со смещением ландшафтных границ. Вряд ли это прибавит нам объективности в изучении древней истории даже в экологическом аспекте.

Проблема археолого-этнографических сопоставлений этнической принадлежности памятников в книгах М. Ф. Косарева является чуть ли не главнейшей. Привлечение внимания к ней — несомненная заслуга автора. Было бы совершенно нелогично при исследовании Западной Сибири игнорировать такой важнейший исторический источник, как данные этнографии. В условиях Западной Сибири археологические и этнографические материалы и территориально, и во времени смыкаются. Некоторые древние культурные общности получили прямое продолжение в исторически зафиксированной действительности. Именно это обстоятельство подчеркивали многие исследователи (в том числе и М. Ф. Косарев), когда утверждали перспективность использования ретроспективного метода в историческом исследовании прошлого Западной Сибири.

Тем не менее, полемизируя с теми, кто отстаивает тезис о невозможности (или большой ограниченности) использования этнографических материалов в археологических исследованиях, автор, на наш взгляд, не совсем точен. Археологи, с которыми спорит М. Ф. Косарев, на самом деле призывают к осторожности использования этнографического материала при попытках реконструкции социальной организации общества, археологические памятники которого мы исследуем. Еще бóльшая осторожность требуется при попытках определения этнической принадлежности археологических комплексов с помощью этнографических параллелей.

Но вряд ли можно сомневаться в том, что этнография полезна археологам в решении таких вопросов, как определение функций отдельных вещей и комплексов вещей, добытых во время археологических раскопок; реконструкция ряда типов жилищ, хозяйственных сооружений и т. п.; изучение основных элементов технологических процессов древности; планиграфия древних поселений и некрополей; основные приемы и способы охоты, рыбной ловли и других хозяйственных занятий; соотношение основных составных частей хозяйственного комплекса; принципы организации различных видов производства в конкретной обстановке; пути и направления исторических связей обществ древности; некоторые элементы погребальной обрядности и празднеств.

При этом этнография почти ничем не поможет нам в решении вопросов уровня мировоззрения, мифологии, верований и других элементов духовной жизни; этнической окраски археологической общности, если случайно не будут счастливо обнаружены какие-то этнические диагностирующие элементы культуры в археологических материалах.

Иначе говоря, выявленные с помощью археологии хозяйственно-культурные типы прошлого вполне сопоставимы с хозяйственно-культурными типами, изучаемыми этно-

графией. В известной мере возможно и вполне плодотворно сопоставление историко-культурных общностей (областей, провинций) древности с историко-этнографическими областями, известными этнографии.

Автор книг очень последователен в отстаивании тезиса о том, что керамический материал (и в первую очередь орнаменты на керамике) имеет первостепенное значение при определении культурной принадлежности памятников и именно орнамент наиболее отчетливо выражает культурные традиции. М. Ф. Косарев выделяет в памятниках Западной Сибири три таких традиции: гребенчатая (позднее разделившаяся на собственно гребенчатую и андроноидную), гребенчато-ямочная и отступающе-накольчатая (Бронзовый век..., с. 22; Западная Сибирь..., с. 11) Эти традиции автор связывает с определенными этнокультурными общностями. Позиция прямого отождествления орнаментальных традиций с культурными общностями, а последних с этнокультурными проходит через обе рецензируемые книги, а также и через ранее опубликованные работы автора.

К сожалению, ни первая часть тезиса (гребенчатая традиция = культурная общность), ни вторая (культурная общность = этнокультурная общность) в рецензируемых книгах не аргументируются, как не было сделано этого автором и в предшествующих работах. Огорчительно, что в последних книгах этот тезис предлагается читателю принять как само собою разумеющийся, не требующий каких-либо доказательств.

Здесь нет необходимости развертывать положение о том, что обсуждаемый тезис в советской науке по крайней мере не бесспорен. Более того, своими наблюдениями автор иногда противоречит сам себе. Достаточно вдуматься в логику авторского утверждения о том, что конец красноозерской и завьяловской культур, смена их другими культурами не означает смены населения (Западная Сибирь..., с. 176).

В связи с этим вопросом обращает на себя внимание еще одно обстоятельство: М. Ф. Косарев практически не использует в своих книгах палеоантропологические данные, сейчас уже достаточно широко известные. Думается, что если бы они присутствовали в исследованиях, то многие процессы древних миграций, отождествления культур с этническими общностями решались бы автором иначе.

В первой книге (Бронзовый век...) М. Ф. Косарев рассматривает последовательные этапы развития бронзового века на территории Западно-Сибирской равнины, выделяя переходное время от неолита к бронзовому веку (гл. III), первый период развитого бронзового века (самусьско-сейминская эпоха) (гл. V), эпоха поздней бронзы и переходное время от бронзового века к железному (гл. VI). Структура этой части работы выглядит стройной и четкой. Это подчеркивается также и тем, что в пределах каждой главы автор в свою очередь выделяет отдельные районы, которые образуют культурные области. Такая структура позволяет последовательно проанализировать как частные явления культур, так и обширные культурные массивы. Такой подход кажется оправданным, так как создается достаточно цельная логически связанная в своих частях общая картина историко-культурного развития населения Западной Сибири.

Так же строго и композиционно выдержанно организована и вторая книга М. Ф. Косарева. К сожалению, она не избежала определенных повторов первой. Особенно это заметно в главах, посвященных историко-географическому очерку Западной Сибири (главы вторые в обеих книгах), идеологии и верованиям (Бронзовый век..., гл. IX; Западная Сибирь..., гл. VIII). Не может извинить эти повторы и то, что вторая книга написана специально в экологическом аспекте.

Одной из слабых сторон обеих книг является отсутствие в них изложения результатов исследования предшественников автора, хотя для непосвященного читателя может показаться, что М. Ф. Косарев очень обстоятельно использует работы, созданные его коллегами. К сожалению, иллюзия обстоятельности использования результатов предшественников создается за счет того, что М. Ф. Косарев очень часто ссылается на работы своих предшественников по частным вопросам, отдельным деталям (наблюдения над деталями обряда погребения, стратиграфические частности, замечания по вопросам датировки памятников и т. п.). К сожалению, многие взгляды предшественников по общим вопросам древней истории Сибири почему-то не нашли или почти не нашли отражения в исследованиях М. Ф. Косарева. К таким вопросам относятся: хронология большей части описываемых памятников (причем хронология, построенная на разных приемах: М. П. Грязнов, Н. Л. Членова, Е. Н. Черных, В. И. Матющенко, Ю. Ф. Кирюшин и др.); классификация и типология инвентаря

памятников и археологических комплексов (М. П. Грязнов, В. И. Матющенко, В. М. Молодин, Ю. Ф. Кирюшин); периодизация истории Приобья, Прииртышья и Притоболья (В. И. Матющенко, Ю. Ф. Кирюшин, В. М. Молодин, В. Ф. Генинг, В. Т. Ковалева); характер хозяйства и экономики населения лесной и лесостепной зон Западной Сибири (В. И. Матющенко, Ю. Ф. Кирюшин); генезис ряда культур; исторические связи населения Западной Сибири в разные исторические периоды; развитие бронзолитейного дела на территории Западной Сибири (В. И. Матющенко, Ю. Ф. Кирюшин, Е. Н. Черных, Н. Л. Членова) и ряд других, иногда и весьма значительных вопросов.

Такое упущение со стороны М. Ф. Косарева вызывает недоумение и в конечном счете искажает действительный ход событий в истории исследования археологии этого края. Следует упрекнуть автора книг за чрезвычайную безапелляционность большинства его выводов и утверждений. Он почему-то не считает нужным доказывать именно те даты, которых он придерживается. Чаще всего М. Ф. Косарев оперирует ими как уже доказанными (что часто так и есть, но неосведомленному читателю это не всегда известно). Автор исходит в оценке событий в пределах Западно-Сибирской равнины из своего же тезиса о смещении ландшафтных границ, вслед за которыми происходят и перемещения, миграции населения. Но он почему-то не учитывает и другую точку зрения на причины миграции в Западной Сибири, а следовательно, и перемещения культурных общностей, уже давно изложенную в литературе [2, с. 174—176; 3, с. 42—45]. Если М. Ф. Косареву эта точка зрения не кажется убедительной, доказанной, то следовало бы подвергнуть ее соответствующей критике.

Интересная глава пятая — «Особенности хозяйства в зоне контактов ареалов производящей и присваивающей экономики. Предпосылки и характер древней торговли» (Западная Сибирь...). Автор очень скрупулезно выясняет все причины, обусловившие возможную меновую торговлю. Так же подробно автор сопоставляет многие явления меновой торговли, известные в этнографии Сибири. Все эти наблюдения очень интересны и полезны. Жаль только, что М. Ф. Косарев ни в коей мере не попытался даже поставить вопрос о характере первого и второго крупных общественных разделений труда в Западной Сибири, проявления которых в эпоху бронзы здесь уже были заметны [4, с. 87—89].

Не совсем понятна логика автора при употреблении таких понятий, как «самусьско-сейминская эпоха». В настоящее время можно считать доказанным, что сейминские памятники Восточной Европы являются вторичными по отношению к ростовкинским древностям. Это исключает возможность распространения понятия «сейминские» на памятники Западной Сибири; разумеется, что и понятие «ростовкинские» неуместно для памятников Восточной Европы. Думается, что наиболее подходящим было бы сохранить понятия «турбинско-сейминские» (время, эпоха, памятники) и «самусьско-ростовкинские» соответственно для памятников Восточной Европы и Западной Сибири.

М. Ф. Косарев обстоятельно описывает процессы ассимиляции южных, степных мигрантов в таежной среде (Западная Сибирь..., с. 178). Но здесь не обращено внимания на то, что этот процесс уже был отмечен достаточно давно в литературе и не является результатом наблюдений самого М. Ф. Косарева.

Следует также указать, хотя это, вероятно, лучше было сказать вначале, что автору надо было более четко определить территориальные границы своего исследования. Понятие «Западная Сибирь» требует соответствующего уточнения. Это понятие обычно охватывает значительно более обширную территорию, чем пределы Западно-Сибирской равнины, которыми ограничил себя автор. В этом имеется определенная логика, и тем не менее уточнения были бы необходимы.

Количество подобных замечаний можно было бы увеличить. К сожалению, это придает хорошим книгам М. Ф. Косарева несколько странную окраску, заставляя читателя верить не всему, что изложено им, а подвергать проверке многие из его утверждений.

Вместе с тем очевидно, что мы получили две интересные обобщающие книги по археологии Западной Сибири, выход в свет которых следует только приветствовать.

Все спорные положения автора только возбуждают мысль читателя, заставляют иногда посмотреть на известные материалы с иной точки зрения. А этого достаточно, чтобы книги М. Ф. Косарева принять как заметное событие в археологии Сибири.

В. И. Матющенко

ЛИТЕРАТУРА

1. *Хабдулина М. К., Зданович Г Б.* Ландшафтно-климатические колебания и вопросы культурно-исторической ситуации в Северном Казахстане//Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984.
2. *Матющенко В. И.* Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Ч. 4// ИИС. 1964. Вып. 12.
3. *Матющенко В. И.* Естественноисторический и социально-экономический факторы миграции древнего населения Приобья и Прииртышья//Особенности естественногеографической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск, 1979.
4. *Матющенко В. И.* Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Ч. 3//ИИС. 1973. Вып. 2.

A. V. Chernetsov. Types of Russian Coins of the XIV and XV Centuries: An iconographic study. Translated from the Russian by H. Bartlett Wells. BAR, International Series 167. Oxford, 1983. 191 p., XLII pl.

Типология древнерусских монет удельного периода всегда была одной из наименее разработанных тем в отечественной нумизматике. Лишь попутно с рассмотрением чекана определенного княжества или отдельного правителя ставился вопрос об истолковании использованных в нем изображений. Только для некоторых конкретных сцен делались попытки отыскать их сюжетные или даже прямые иконографические прототипы (прежде всего в других памятниках нумизматики, а также в сфрагистике, изобразительном искусстве и литературе). Однако специальные исследования, посвященные сюжетике и иконографии монетных типов второй половины XIV—XV в., до последнего времени отсутствовали. Первым капитальным трудом такого рода стала вышедшая в международной серии научных изданий монография советского археолога, специалиста в области истории культуры русского средневековья и вспомогательных исторических дисциплин А. В. Чернецова.

Во введении автор очерчивает границы затрагиваемой в его исследовании темы, которая занимает особое место внутри необычайно обширной и сложной проблематики изучения русской монетной чеканки XIV—XV вв. Исследователь ставит перед собой задачу рассмотреть изображения на удельных монетах как явление художественной культуры Древней Руси «с точки зрения их иконографии и смыслового значения» (с. 1). Многообразие представленных в нумизматическом материале сюжетов открывает широкое поле деятельности для искусствоведов и литературоведов в поисках соответствующих иконографических прототипов и литературных праобразов. Безусловное преобладание на монетах — в отличие от произведений монументальной и станковой живописи, скульптуры и мелкой пластики (причем даже от вислых печатей, изначально типологически родственных монетам), а также наиболее репрезентативных видов декоративно-прикладного искусства — изображений неканонического характера делает эту группу памятников, как справедливо отмечает А. В. Чернецов, незаменимой для реконструкции всей истории развития светского направления в художественной культуре средневековой Руси. Данная особенность сюжетики монетных типов удельного периода нуждается в объяснении.

Как известно, с самого начала чеканки на Руси собственных монет постоянно обнаруживается типологическая их связь с княжескими буллами [1, с. 73—81; 2, с. 39—46; 3, с. 157, 158; 4, с. 82, 83; 5, с. 85—87, табл. III; 6, с. 252, 253]. Зависимость композиционного оформления одной или обеих сторон сребреников Владимира Святославича, Ярослава Мудрого и Олега-Михаила Тмутараканского от сфрагистических прототипов устанавливается с полной очевидностью. И объясняется она сходством прокламативного назначения в конце X—XI в. атрибутов двух важнейших государственных регалий — княжеских печатей и монет, выдерживавшихся поэтому в рамках общей иконографической традиции. С прекращением на Руси монетных эмиссий прервалась и нумизматическая линия в развитии указанной традиции, а осталась лишь сфрагистическая, в которой по-прежнему господствовали, как и в прочих главных видах официального искусства, канонические христианские сюжеты и мотивы. Если бы параллелизм типологической эволюции древнерусских булл и монет сохранялся непрерывно (чему помешал большой хронологический разрыв в осуществлении выпусков местных денежных знаков обычного вида — так называемый «безмонетный» период), то такого размежевания в их сюжетике в XIV—XV вв., конечно, не наблюдалось бы.

С появлением во второй половине XIV — начале XV в. самостоятельных денежных эмиссий в различных княжествах переживавшей феодальную раздробленность Руси налицо полный сюжетный разнобой в монетных типах. Это явление А. В. Чернецов, подобно своим предшественникам, объясняет существовавшей тогда политической структурой и организацией производства монет, основанной на частном откупе. Однако мы убеждены, что не только нашедшее естественный выход в новом, свободном от традиционных иконографических ограничений виде массовой художественной продукции разнообразие прокламативных желаний князей и индивидуальных вкусов денежников предопределили «сюжетный плюрализм» удельных чеканов. В нем отразилась, несомненно, и ситуация, сложившаяся к тому времени в княжеской сфрагистике. Об этом недвусмысленно говорят многочисленные

надписи на монетах «печать князя..». Но влияли на выбор монетного типа в подавляющем большинстве случаев теперь уже не господствовавшие когда-то в практике скрепления актов вислые печати-буллы традиционного облика (ср. устойчивую типологическую связь ведущих сфрагистических и нумизматических типов Москвы и Пскова, аналогичным образом использовавших одинаковую эмблему — соответственно всадника и погрудное фасовое изображение князя в короне с мечом в руке), а прикладные печати самого разнообразного происхождения — от специально изготовленных придворным торевтом по княжескому заказу до восточных и античных перстней с резными металлическими щитками или геммами. Данное обстоятельство необходимо учитывать при попытках идентифицировать те или иные изображения, встречающиеся на русских монетах XIV—XV вв.

В целом же для них можно наметить, как нам представляется, семь основных источников непосредственно сюжетного иконографического и заимствования: 1 — государственная (княжеская или республиканская) булла; 2 — личная прикладная княжеская печать; 3 — всевозможные репрезентативно-героические мотивы и феодально-рыцарские атрибуты, связанные с прославлением личности правителя и символикой княжеской власти; 4 — политико-иерархический этикет (в связи с необходимостью включения в монетный тип элементов, указывающих на вассальную зависимость от сюзерена — золотоордынского хана или великого князя) [1]; 5 — подражание внешнему виду чужой монеты, уже завоевавшей престиж на местном рынке (наиболее яркий пример — рязанские имитации джучидских дирхемов с местными надчеканками); 6 — произведения изобразительного искусства; 7 — популярные литературные произведения и ходовые фольклорные образы. В своей монографии А. В. Чернецов обращается преимущественно к двум последним источникам, как к наиболее существенным. Самое широкое привлечение русских изобразительных и письменных материалов, удачно дополняемое другими данными, дает исследователю возможность не только раскрыть содержание многих монетных типов удельного периода, но и сделать ряд наблюдений, весьма важных для изучения идеологии феодальной Руси.

Введение завершается историографическим обзором, где упомянуты как общие работы, так и немногочисленные специальные исследования по русским монетам XIV—XV вв., в которых давалась трактовка сюжетики данных нумизматических памятников. Более подробно мнения различных исследователей приводятся А. В. Чернецовым уже при разборе тех или иных конкретных сюжетов.

Глава I — «Денежное обращение и монетная чеканка Руси в XIV—XV вв.» начинается с краткого очерка предшествующих этапов развития русской монетной системы. Здесь суммированы результаты исследований отечественных нумизматов, дореволюционных и советских. К сожалению, за недостатком места автор был вынужден дать слишком схематичную картину истории монетного дела на Руси в конце X—XI в. Отсюда и некоторые неточности (с. 8), нуждающиеся в исправлении. Так, вес владимировых сребреников нельзя считать сходным с весом византийских милиарисиев, ибо он ориентировался на южнорусскую денежно-весовую систему, связанную с метрологией обращавшихся на территории Восточной Европы дирхемов [9, с. 170; 10, с. 47, 52]. Изображаемый на монетах князь Владимир Святославич держит в руках не скипетр, а крест, как и императоры Василий II и Константин VIII (976—1025) на копируемых древнерусским резчиком монетных штемпелей византийских солидах. Говоря о сребрениках Святополка Окаянного с именем «Петр», автор ссылается на воспроизведение монеты этого князя совсем другого типа — несущей надпись «Святополк на столе, а се его сребро» (ср. табл. I, 7). Считать же «Ярославле сребро» оформленным иначе, чем они (по крайней мере сребреники с легендой «ПЕТРОС»), никак нельзя, поскольку выбор сюжетов для обеих сторон тех и других монет в принципе совершенно идентичен: аверс — патрональное изображение святого (соответственно апостола Петра и св. Георгия), реверс — княжеская тамга. Датировать серебро Ярослава Мудрого временем его второго великого княжения (1019—1054) не приходится: две его эмиссии теперь надеж-

[1] Выдвинутая недавно Г. А. Федоровым-Давыдовым гипотеза о строжайшем отражении в монетных типах русских княжеств всей сложности отношений феодальной иерархии (так называемый «ранг чеканки»), выявляемых путем точного «взвешивания» целого набора признаков суверенитета и вассалитета при учете всех возможных вариаций их сочетания [7, с. 104—130; 8, с. 32, 33], представляется слишком искусственной.

но приурочены к событиям 1014–1015 и 1018–1019 гг. [4, с. 85, 86; 11, с. 104, 105].

Излагая имеющиеся к настоящему моменту в распоряжении нумизматов конкретные факты и характеризуя состояние их изучения, автор монографии напоминает о тех принципиально важных моментах, которые пока еще не получили объяснения. Например, неясен непосредственный стимул для возобновления собственной чеканки монеты на Руси и остается загадочной причина весьма значительного отставания начальных денежных эмиссий таких ведущих центров торговли, как Новгород и Псков, от первых выпусков Московского, Суздальско-Нижегородского и Рязанского княжеств. Думается, разгадка подобных явлений лежит все-таки в сфере политической. Во всяком случае, для князей Северо-Восточной Руси, деятельность которых находилась под постоянным золотоордынским контролем, любая попытка наладить самостоятельный чекан, поднимавший престиж правителя и суливший немалые экономические выгоды от эксплуатации монетной регалии, была бы невозможна без официальной санкции их верховных сюзеренов — татарских «царей». Не случайно первыми начинают выпуск своих монет в 60—70-е годы XIV в. (т. е. в тот самый период «великой замятни», когда в Золотой Орде шла ожесточенная междоусобная борьба [12, с. 181—203; 13, с. 88—97], облегчавшая для сильных вассалов возможность получения новых прав) Дмитрий Иванович Московский и Дмитрий Константинович Суздальско-Нижегородский — единственные из русских князей в эти годы, удостаивавшиеся ханских ярлыков на Владимирское великое княжение и практически ими воспользовавшиеся. Характерно, что их современник, менее авторитетный в глазах татарских феодалов и не столь могущественный вассал ханов Олег Иванович Рязанский, должен был ограничиваться контрмаркированием джучидских дирхемов и подражаний им. Тверские же князья, имевшие наследственную репутацию недостаточно лояльных по отношению к Орде вассалов, до самого конца XIV в. не имели своих монет. С 1380-х годов право собственной чеканки распространяется на сидевших по наиболее важным уделам младших представителей московского и суздальско-нижегородского княжеских домов. В начале XV в., когда происходит дальнейшее ослабление власти ордынских ханов, им пользуются уже правители всех крупных княжеств (в том числе Тверского), а также еще большее число их удельных родичей. Независимые от татарских феодалов Новгородская и Псковская республики перешли к практике государственных эмиссий мелких номиналов серебра в 1420-х годах, т. е. лишь тогда, когда она стала обычной для других русских земель и ее целесообразность сделалась вполне очевидной.

Переходя к рассказу о центрах монетной чеканки на Руси в XIV—XV вв., А. В. Чернецов предварительно освещает основные события этого периода, говорит об особенностях сложившейся в Восточной Европе после монгольского завоевания политической структуры и ее эволюции, завершившейся образованием Русского централизованного государства. Ведущая роль Москвы в объединении русских земель отразилась в ее монетном деле. Начало серебряной чеканке было положено Дмитрием Донским, судя по всему, в 60-х годах XIV в. (между 1362 и 1369 гг.). В дальнейшем свою монету стали бить и другие владетельные представители московского княжеского рода, сидевшие по уделам в Галиче, Серпухове, Боровске, Малоярославце, Можайске, Верее, Дмитрове и Угличе. Автор книги перечисляет и прочие города Северо-Восточной Руси, где действовали монетные дворы великих и удельных княжеств: Тверь, Городен (по мнению В. А. Кучкина, правильнее Городеск, Городец или Городок, который отождествляется с будущей Старицей [14, с. 177—179]), Кашин, Микулин, Дорогобуж, Нижний Новгород, Городец (на Волге), Суздаль, Рязань (Переяславль Рязанский), Пронск, Спасск, Ростов и Ярославль. Не упомянут только чекан Коломны (скорее всего именно здесь, в одном из важнейших городов Московского княжества, изготовлялись при великом князе Василии Дмитриевиче монеты с надписью «деньга коломьск..» [7, с. 102; 10, с. 86; 15, с. 16, 50, № 82].

Утверждение А. В. Чернецова о том, что «рязанская нумизматика возникает в то же самое время, что и чеканка монет в Московском и Суздальско-Нижегородском княжествах» (с. 18), противоречит последним выводам нумизматов, относящих начало контрмаркирования в Рязани джучидских дирхемов и подражаний им буквенными пунсонами к 80-м годам XIV в. [10, с. 88; 16, с. 5, 15; 17, с. 62—69]. Касаясь республиканского чекана Новгорода и Пскова, исследователь упоминает и о монетах, выпускавшихся в подвластном первому из них Новом Торге (Торжке), добавляя, что они были «исключительно медными» (с. 20), в то время как извест-

ны только серебряные денги с надписью «печать новоторьска» [18, с. 20, 21, № 90—92, табл. I, *33—35*] (правда, эта неточность исправлена самим автором в приложенном к книге списке замеченных ошибок и опечаток).

Письменные источники позволяют, как показывает А. В. Чернецов, составить достаточно ясное представление о быстром развитии денежного обращения уже за первые полвека после возобновления выпуска на Руси собственной чеканной монеты. Они же дают сведения об организации эмиссионной деятельности денежников, основанной почти повсеместно на системе частных откупов (исключение здесь составляли, по-видимому, только Новгородская и Псковская республики, где документально засвидетельствован ее государственный характер). О технике изготовления монет и тенденциях целенаправленного изменения их метрологических характеристик основную информацию дает непосредственный анализ нумизматических памятников.

Последний раздел главы знакомит с особенностями типологии русских монет XIV—XV вв. Перечисляя все употребительные элементы монетных типов, автор подробно останавливается на классификации неизменно присутствующих среди них надписей. Они выполнялись арабскими литерами, кириллицей и латиницей, имели круговое и построчное расположение, содержали титулы и имена правителей, указания на место чеканки, наименования денежного номинала, «автографы» денежников, предостережения фальшивомонетчикам и т. д. Надписи отражали не только конкретную принадлежность денежных знаков, но подчас также и факт соправительства или политической зависимости.

Глава II содержит обзор сопоставительных материалов, привлекаемых автором. Рассуждая логически, А. В. Чернецов считает возможным наметить в типологии рассматриваемых монет два основных тематических направления, представленных изображениями: 1 — «связанными по смыслу с функцией монеты как платежного средства, с правовыми и иными аспектами денежного обращения и монетной чеканки»; 2 — «отражающими идею власти, осуществляющей чеканку» (с. 35). Поскольку круг сюжетов второго типа наиболее широк, на передний план выступает задача определить их место в древнерусской феодальной эмблематике. В данной связи делается экскурс в историю употребления на Руси знаков собственности и разного рода эмблем, в том числе геральдического характера.

Хорошо показана автором исключительно важная роль для изучения отечественной эмблематики сфрагистического материала, представленного большим количеством булл, прикладных печатей и их оттисков. Появление первых русских моливдовулов еще в X в. документируется находками самих этих предметов (ср. печати князей Святослава Игоревича и Изяслава Владимировича Полоцкого [2, с. 39—46; 3, с. 157, 158; 19, с. 38—41, 166, № 1, 2]). О процедуре скрепления международного юридического акта вислой печатью киевского государя говорится в тексте русско-византийского договора 971 г. Однако отмеченное А. В. Чернецовым упоминание о «золотых и серебряных печатях», которые «носили» (!) уполномоченные представители князя Игоря до его мирного соглашения с греками в 944 г. (а не в 945 г., как сказано на с. 36), вряд ли относится к буллам [5, с. 80—82].

Трудно согласиться с утверждением, что «изображения нецерковного характера на вислых металлических печатях составляют редкое исключение» (с. 36), ибо к таковым принадлежат, например, княжеские лично-родовые тамги (X—XIII вв.), репрезентативные композиции на манер монетных версий условного парадного портрета (XI в.), пышные цветочные розетки (XI в.), светский всадник (его варианты: «ездец» с мечом или саблей, сокольник, конный копейщик; XIII—XV вв.), пеший воин (XIV—XV вв.), хищный зверь (XIV—XV вв.), китоврас (XIV в.), птица (XV в.) и др., встречающиеся не так уж редко. По данным В. Л. Янина [19, с. 158, 230—233], 75 из 746 экземпляров булл домонгольского времени, зарегистрированных к 1970 г., оказались с такими изображениями (по разновидностям матричных пар процент их еще выше: 42 из 367). При этом новгородские печати смесного суда с княжескими знаками составляют здесь второй по численности разряд. Их непрерывное бытование длилось почти целое столетие — со второй трети XII по первую треть XIII в. [20, с. 19—32; 21, с. 14, 15; 22, с. 213—219; 23, с. 66—83].

Наглядно продемонстрирована А. В. Чернецовым крайняя неоднородность по составу всей совокупности печаток, применявшихся достаточно широким кругом лиц в средневековом русском обществе. Среди них имелось немало образцов ино-

земной (западноевропейской и восточной) работы и античных гемм, а также подражаний им. Это, по мнению исследователя, снижает ценность прикладных печатей как источника для изучения древнерусской эмблематики, особенно в плане истолкования конкретных сюжетов.

Касаясь дискуссионного вопроса о времени появления гербов на Руси, А. В. Чернецов приходит в конечном итоге к выводу об отсутствии таковых до конца XV в., вопреки взглядам других современных исследователей (ср., например, суждения о превращении «ездеца» в родовую эмблему московских князей на рубеже XIV—XV вв. [24, с. 5, 6, 90; 25, с. 117]). Княжеские тамги X — первой половины XIII в., считает автор, нельзя все-таки признавать гербами, поскольку они подвергались последовательному изменению при переходе от отца к сыну и т. д. по нисходящей линии внутри рода Рюриковичей. Однако надо учесть, что появление дополнительных деталей при основной геральдической фигуре не может служить абсолютным признаком негербового характера эмблемы в целом. Так, у российского дворянства в XVIII—XIX вв. было довольно обычным добавление к гербовому щиту индивидуальных примет владельца предмета, несущего герб (ленты с девизом ордена, орденских знаков и медалей, почетного оружия, архиерейского посоха и митры, наперстного креста и т. д.), фактически превращавших родовую эмблему в лично-родовую [26—28]. К тому же тамга Рюриковичей первоначально наследовалась без каких-либо изменений графической схемы (ср. в X в. знаки князя Игоря и его сына Святослава), и только позднее возникает практика ее варьирования по «системе отпятнышей» [21, с. 17, 18; 23, с. 82, 83; 29, с. 225, 226]. Помещение же этой тамги на важнейших атрибутах великокняжеской власти — буллах, монетах и особых вертительных знаках официальных лиц — сообщало ей, по крайней мере во второй половине X — середине XI в., значение государственного герба (см. о ее функциях [4, с. 78; 5, с. 78—85]).

После отмирания древней тамги, исчерпавшей в первой половине XIII в. последние возможности своего применения в рамках «системы отпятнышей» [30, с. 16], тенденцию превращаться в государственный и одновременно родовой княжеский герб, переходящий по наследству, стали обнаруживать иные эмблемы. Такой наследственной эмблемой, как показывает материал сфрагистики, становится уже с конца XIII в. изображение всадника у потомков Александра Невского, помещавшего его на своих буллах с 1240-х годов [31, с. 30—32].

Серии светских сюжетов, сопоставимых с композициями на русских монетах XIV—XV вв., А. В. Чернецов располагает в своем описании по степени возможности их использования, что определяется численностью и разнообразием соответствующих сцен и отдельных мотивов. На первом месте оказываются настенные рельефы храмов Древней Руси, главным образом фасадная скульптура двух наиболее важных в этом отношении памятников — Дмитриевского собора во Владимире (1194—1197) и Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (1230—1234). За ними следуют инициалы и заставки тератологического стиля в древнерусских рукописных книгах. И лишь потом идут изображения, украшающие парадное оружие, предметы княжеского облачения, другие изделия мастеров художественной обработки металла и кости. Среди последних выделяются богатством изобразительных мотивов резные посохи князей и церковных иерархов, в серьезном научном изучении которых приоритет принадлежит автору монографии [32]. Сюда же присоединяются произведения резчиков по дереву и керамистов. Помимо перечисленных средневековых памятников важным подспорьем для расшифровки семантики нумизматических типов признаются произведения народного искусства, традиционно сохранявшего еще несколько столетий многие черты и образы, присущие светскому искусству Руси XIV—XV вв. Поскольку и для древнерусской литературы, и для древнерусского искусства в равной мере было свойственно всегда актуальное восприятие художественных образов (воплощенных как в конкретных, так и в самых фантастических по внешней форме изображениях или словесных описаниях), автором монографии совершенно правомерно ставится вопрос о необходимости параллельного привлечения для тех же целей данных обоих видов источников — письменных и изобразительных. Особенно плодотворным такой подход представляется для рукописных книг, снабженных тесно связанными с текстом по смысловому содержанию миниатюрами. Среди последних наибольшую ценность имеют прямые иллюстрации на исторические темы (к летописям, переводным хроникам, житиям святых) и символические изображения обобщающего характера, приближающиеся

к эмблематическим. Наряду с произведениями художественной литературы (оригинальными и переведенными с подлинников на древнерусский язык) ценный сопоставительный материал дают сочинения исторические и публицистические, теологические и естественно-научные, а также церковно-богослужебные и гадательные книги, известные только по поздним спискам, но очень архаичные по содержанию.

В наиболее объемной главе III детально рассматриваются в строгой иконографической последовательности сюжетные и иные композиции на русских монетах XIV—XV вв. Их систематизация строится по тематическому принципу. Изображения анализируются по группам в следующем порядке: человеческие фигуры (одна или две, их части, сцены с их участием и т. д.), звери, птицы, фантастические существа, всякого рода условные знаки. Обращаясь к разбору сюжетов первой группы, А. В. Чернецов предполагает, что они должны относиться скорее всего к личности правителя, от имени которого осуществлялась монетная чеканка. При этом он ссылается на популярную евангельскую цитату о денарии кесаря и типологию древнейших русских монет. К этому можно добавить, что изображения государя, впрочем, как и изображения его небесных покровителей (Христа, Богоматери, святых), преобладали в монетных типах всего средневекового христианского мира. Русь, разумеется, не могла составлять здесь исключение (ср. для конца X—XI в.: князь «на столе» – на монетах Владимира Святославича и Святополка Окаянного, Пантократор — на владимировых златниках и сребрениках типа I, святые патроны — на монетах Святополка-Петра, Ярослава Мудрого и Олега-Михаила Святославича Тмутараканского).

Весьма часты на русских монетах XIV—XV вв. изображения вооруженных человеческих фигур во фронтальной позе. Решая вопрос о том, кого изображали резчики монетных штемпелей в виде воинов — святых или светских персонажей, автор монографии приходит к заключению, что «прямое влияние церковной иконографии можно предполагать лишь для начального периода тверской чеканки» (с. 60). Очевидна независимость от иконописных и тому подобных образцов профильных изображений воинов, тем более вооруженных не мечами и копьями, а саблями, луками и топорами — атрибутами, чуждыми византийско-русской канонической традиции.

В случаях передачи подчеркнуто длинных волос у некоторых человеческих фигур, окруженных надписью с титулом и именем князя, А. В. Чернецов усматривает желание резчика штемпеля хотя бы таким косвенным путем указать на знатность изображаемой владетельной особы в тот период, когда политическая зависимость от золотоордынских ханов не позволяла их вассалам на Руси увенчивать себя на собственных монетах княжеской шапкой или короной (с. 62—63). Данный тезис явно нуждается в более надежном обосновании, особенно в связи с тем, что, как напоминает и сам исследователь, длинные волосы в принципе не характерны для изображений древнерусских князей.

В композициях с человеком в профиль, держащим топор и саблю перед отрубленной головой или рукой, автор вслед за А. К. Марковым видит символическую сцену казни фальшивомонетчика и одновременно выражение идеи правоохранительной власти феодального правителя. Вариантами того же сюжета он считает и другие сходные, но отличные в некоторых подробностях изображения на монетах: человек с топором и саблей, но без дополнительных деталей; человек с топором и лежащая рядом голова; человек с топором перед отрубленной головой под деревом. Самая лаконичная иконографическая версия данного сюжета защиты монетной регалии — рука с топором рядом с отсеченной рукой — представлена в суздальском чекане. В других случаях человеческая фигура, сопровождаемая теми или иными атрибутами и аксессуарами, истолковывается как отражение идеи попрания зла (например, через змееборческие мотивы) или связывается с библейской символикой (двое по сторонам древа — предполагаемая сцена грехопадения). Все с тем же кругом представлений о княжеской власти связывает А. В. Чернецов и воспроизведенный на монетах Бориса Александровича Тверского (1425—1461) известный эпизод из популярной на Руси «Александрии» Псевдо-Каллисфена — полет Александра Македонского на птицах (другие вариации его трактовки в XII—XVII вв. прослеживаются также в ювелирном искусстве, книжной миниатюре и сфрагистическом материале). Образ феодального правителя господствует, по мнению А. В. Чернецова, даже в монетных типах Новгорода и Пскова.

Пафос богатырского подвига присутствует в сценах единоборства охотника с сильным и опасным хищником. То же героическое начало выражено в легко опознаваемой двухфигурной композиции, представляющей библейского Самсона в момент его победы над львом. К сюжетике феодального быта тяготеют изображения охоты с луком и стрелами на птицу. По ряду соображений А. В. Чернецов исключает возможность смысловой связи между такой охотничьей сценой на нумизматических памятниках XV в. и рельефом Дмитриевского собора конца XII в. во Владимире, воспроизводящим, как было доказано в свое время В. П. Даркевичем, романскую версию одного из подвигов Геракла (с. 85).

Не вызывает сомнений правильность понимания автором фигуры, восседающей на троне с инсигниями власти — с копьем, мечом или скипетром в руках, с короной на голове, как изображения князя на престоле. Иногда рядом с ним имеется сокращенная поясняющая надпись «кн», характерная и для других монетных композиций с тем же персонажем. Но нельзя согласиться с замечанием исследователя, что в варианте подобной композиции на монете Дмитрия Шемяки, где сидящий человек в зубчатом венце держит на левой руке птицу, «атрибуты до некоторой степени противоречат один другому» (с. 94), так как относятся вроде бы к двум разным сюжетно-иконографическим линиям — парадно-репрезентативной и охотничьей. Как известно, соколы и другие высокоценимые ловчие птицы средневековых феодалов являлись и в дворцовой обстановке почти столь же обычными спутниками владетельного лица, как и важнейшие его регалии — корона и меч.

Вполне убедительны и другие расшифровки семантики нумизматических типов первой группы (с человеческими фигурами), предложенные А. В. Чернецовым. Только на монетах Бориса Александровича Тверского встречается изображение чеканщика-денежника с трехчастным венцом на голове. Этот атрибут превращает данный персонаж в условный образ князя, осуществляющего свое неотъемлемое право на эмиссионную деятельность. Достаточно многочисленные в чекане различных княжеств Северо-Восточной Руси всадники в зависимости от дополнительных изобразительных элементов ассоциируются с образом то святого воина-драконоборца, то победоносного феодального правителя. В целом же с ними связывается, несомненно, целый круг представлений, воплощавшихся для русского человека того времени в обобщенном героизированном образе государя вообще. Весьма интересной представляется мысль А. В. Чернецова о том, что «ездец» в короне вместо конного святого с нимбом появляется на буллах Александра Невского «возможно, отчасти под воздействием образа Александра Македонского» (с. 108), хотя, как нам кажется, первым непосредственным стимулом для появления в новгородской сфрагистической эмблематике мотива светского всадника было все же литовско-западнорусское влияние [31, с. 31, 32]. Помещаемые часто на монетах XIV—XV вв. изображения голов (в коронах, в княжеских шапках, без какого-либо головного убора) автор монографии относит к числу таких же условных портретов князей, что и фигуры в рост и полуфигуры с инсигниями власти.

Среди многочисленных зооморфных персонажей нумизматических типов удельного периода на первом месте по популярности стоит лев. Аналогичная ситуация прослеживается и в древнерусской литературе, где с «царем зверей» сравниваются князья. Еще один излюбленный персонаж средневековой феодальной эмблематики — орел, «царь пернатых», зачастую угадывается среди обобщенных изображений хищных птиц на монетах. Но только однажды (на анонимном московском пуле) он представлен в классической геральдической позе — фронтально, с распростертыми крыльями, с короной на голове. Связь двух поддающихся точному определению нехищных птиц — павлина и петуха — с идеей власти автору обнаружить не удается. Может быть, ее следует искать в тех ассоциациях, которые традиционно вызывали, судя по данным фольклора, характерные особенности облика и поведения этих животных — царственная величавость походки и раскошное оперение первого, бойцовские качества и бдительное бодрствование второго.

Фантастические существа в монетных типах представлены драконами, грифонами, кентаврами (китоврасами), сиренами, двуглавыми орлами и т. д. Дракона автор книги, следуя трактовке А. К. Маркова, основанной на чтении поясняющей круговой легенды, считает устрашающим фальшивомонетчиков символом. Идею устрашения выражают, по мнению А. В. Чернецова, и грифоны. Изображение повергающего человека наземь «звериноголового существа, напоминающего грифона, но имеющего хвост, оканчивающийся змеиной головой», на московской денге второй

четверти — середины XV в. [18, с. 106, № 569, 570, табл. IX, *415, 416*] вызывает у исследователя ассоциации «с одним из многочисленных злоключений в жизни Василия Темного — его троекратным изгнанием из Москвы князьями-соперниками или пленением татарами» (с. 131). На самом же деле это не что иное, как воспроизведение сцены с Химерой (известным персонажем древнегреческой мифологии — кровожадным чудовищем, помесью льва, козы и змеи) заимствованной с античной геммы или подражания ей.

Чрезвычайно подробно рассмотрена А. В. Чернецовым иконография еще одного фантастического персонажа монетных типов — кентавра, широкое распространение которого прослеживается как в изобразительном искусстве Древней Руси, так и в ее литературе и фольклоре (см. ранее вышедшие работы того же автора на эту тему [33—35]). Изображения сирен с птичьими или змеиными хвостами не поддаются, считает исследователь, точному и однозначному истолкованию: иногда это райские птицы, в иных же случаях — цари-оборотни.

Говоря о возможных путях проникновения в русскую эмблематику двуглавого орла (ср. денгу Михаила Борисовича Тверского и пулы, битые в Твери, Москве и подчиненных ей Новгороде и Пскове [36, с. 148—150, табл. I, *5, 6, 13;* табл. II, *2, 7, 8*]), А. В. Чернецов хотя и упоминает прежде всего традиционную точку зрения о его византийском источнике (в связи с браком Ивана III Московского с Софией Палеолог), но не исключает возможность и иных иконографических влияний: западноевропейских — Священная Римская империя и восточных — Золотая Орда. Имеются, однако, данные, подкрепляющие тезис о приоритете в данном отношении традиций Византии. Дело в том, что геральдический орел с двумя головами встречается в XIV—XV вв. на ближайшей к Руси византийской периферии. Он присутствует, например, на медных монетах трапезундских императоров Алексея III (1349—1390) и Мануила III (1390—1416) [37, с. 283, № 48, с. 289, № 28, табл. XV, *12*; 38, с. 75, табл. IV, *7082, 7083*]. Встречается он и в гербовых композициях декоративного оформления официальных строительных надписей, установленных на нововозведенных архитектурных сооружениях в 1425 и 1427 гг. Алексеем правителем Мангупского княжества (княжества Феодоро) в Юго-Западном Крыму [39, с. 26—35, рис. 8, 10]. Примечательно, что названный князь состоял не только в родстве с властителями Трапезунда из династии Великих Комнинов, Кантакузинами и Палеологами, но и в свойстве с господарями Молдавии (женой молдавского воеводы Стефана Великого была Мария Мангупская), а через них также с московскими и тверскими князьями (дочь Стефана Великого Елена Волошанка вышла замуж за Ивана Ивановича Молодого, сына Ивана III и тверской княжны Марии Борисовны, которому, кстати, отец ранее пытался сосватать мангупскую принцессу).

Закончив рассмотрение изобразительных мотивов, автор кратко останавливается на чисто условных фигурах в монетных типах — крестах, орнаментальных плетенках (близких или совершенно аналогичных золотоордынским), сочетаниях геометрических фигур и т. п. Здесь же говорится о тамгах рязанских князей. При этом А. В. Чернецовым не учтены результаты проведенного П. А. Шориным детального анализа штемпелей несущих их монет. А ведь он позволил не только предложить детальную классификацию чекана великого княжества Рязанского, но и четко выделить группы монет с характерной Ф-образной тамгой правителя Пронского удела [16, с. 12—14; 40, с. 73—78].

В заключении автор подводит итоги своего исследования. Его основной вывод: «Среди изображений на русских монетах XIV—XV вв. те, которые отражают идею власти феодального правителя, бесспорно преобладают» (с. 159). Многие сюжеты, представленные в монетном чекане Руси удельного периода, встречаются и на памятниках других видов изобразительного искусства. Но есть композиции и специфически нумизматические: предназначенные для устрашения фальшивомонетчиков сцены казни, изображение чеканщика-денежника за работой. Типология монет наглядно демонстрирует наличие единого для всего северо-востока Руси набора сюжетных мотивов и эмблем, использовавшегося без каких-либо ограничений и раз и навсегда определенных правил иерархического порядка. А. В. Чернецов констатирует, что «отражение субординации в междукняжеских отношениях допускалось только в надписях на монетах» (с. 160). С полной унификацией официально признаваемых монетных типов, последовавшей за административной реорганизацией в 1530-х годах всего денежного производства в Московском государстве, многообразие

изобразительной символики по-прежнему сохранялось, как показывает типология прикладных печатей. По мнению автора монографии, единственная отмечаемая в монетных типах второй половины XIV—XV в. политически актуальная общая тенденция в эволюции русской официальной эмблематики — все большее распространение наиболее ярких символов княжеской власти (таких, как изображения правителя, увенчанного короной или восседающего на троне) по мере ослабления зависимости от татарских ханов. Прослеживаемая по памятникам нумизматики неустойчивость и расплывчатость как иконографии, так и семантики целого ряда сюжетов (особенно фантастических существ, например кентавров и сирен) находит себе полную аналогию, подчеркивает исследователь, в известных фактах истории литературы Древней Руси.

А. В. Чернецов склонен помещать нумизматические изображения в целом «как промежуточную группу между миниатюрами в исторических рукописях, с одной стороны, и рельефами владимиро-суздальских соборов и иными произведениями прикладного искусства — с другой» (с. 165), поскольку присущая им образность воплощается в типажах, куда более реальных, чем преимущественно иносказательные персонажи фасадной скульптуры храмов XII—XIII вв., и в то же время более условных, нежели в книжных иллюстрациях. Однако внимательное рассмотрение всей совокупности сохранившихся памятников перечисленных видов древнерусского искусства (особенно пластики и торевтики) не позволяет согласиться с их столь жесткой дифференциацией. Искусственность данного формально-логического построения видна даже из той беглой характеристики сравниваемых с удельными монетами и миниатюрами художественных изделий из металла, которую дает ниже сам А. В. Чернецов. Но автор монографии безусловно прав в главном: уступающие миниатюрам и некоторым композициям мастеров-торевтов в бытописательной точности и насыщенности литературным содержанием «монетные изображения интересны тем, что они сосредоточивают внимание на фундаментальных ценностях феодального общества» (с. 166).

Можно сделать еще несколько частных замечаний по рецензируемой работе. Так, не стоит называть парадоксальным факт выезда на службу к русским князьям, несмотря на их политическую зависимость от Золотой Орды, «многочисленных татарских воинов, и среди них знати» (с. 12), поскольку бегство ордынских феодалов в соседние земли было обычным явлением в ходе ожесточенных междоусобных войн и вражеских нашествий, потрясавших «царство Волжское» наследников Батыя со второй половины XIV в. Конечно, немалую роль играло здесь политическое и экономическое усиление русских княжеств. Но переселялись выходцы из Орды на Русь, причем даже в XIII в., и по иным мотивам [41, с. 80—87, 90]. Неудачно сказано в рецензируемой книге о помещенном на гравюре 1699 г. родословном древе как о «возводящем династию Романовых к Владимиру (Святому.— *А. М.*) вопреки исторической реальности» (с. 101), ибо как известно, бабкой царя Михаила Федоровича по отцу была Евдокия Александровна Горбатая из рода суздальско-нижегородских князей — прямых потомков Владимира Святославича. Вряд ли приходится считать, что надпись на новгородских печатях «а се лютъ зверь» лишь подчеркивает хищность изображенного рядом животного, умышленно не конкретизируя соответствия его какому-либо конкретному зоологическому виду (с. 122). Точка зрения И. Э. Клейненберга, доказывающего, что здесь речь идет конкретно о льве, остается пока наиболее аргументированной [42, с. 179—188].

Эти наши замечания, как и все сделанные выше, ни в коей мере не умаляют высокие достоинства рецензируемой книги, в которой осуществлена во многих отношениях исчерпывающая проработка чрезвычайно трудной темы. Полученные А. В. Чернецовым в конечном итоге результаты подтвердили принципиальную правильность исходных методических установок исследователя, определивших его стремление рассматривать сюжетику и иконографию монетных типов XIV—XV вв. не по отдельным территориям, княжествам и городам, а в едином комплексе — как проявления и составные элементы феодальной эмблематики, поскольку культурное единство Руси, несмотря на ее политическую раздробленность, реально существовало и в это время, чему самыми яркими свидетельствами служат памятники изобразительного искусства и литературы. Данное капитальное исследование выполнено на уровне самых высоких требований современного комплексного источниковедения. Поставленные в нем проблемы рассматриваются на широком историко-культурном фоне, с привлечением большого и разнообразного сопоставитель-

ного материала. Этим оно выгодно отличается от тех опирающихся на давно устаревшую методику работ на ту же т ему, которые до сих пор не перестают появляться (ср. [43], где повторяются ранее высказывавшиеся мнения и предлагаются ничем не покрепленные, по сути дела совершенно произвольные, собственные отождествления сюжетных композиций на удельных монетах). Не случайно выход в свет книги А. В. Чернецова немедленно вызвал отклики в научной исторической и нумизматической периодике [44, с. 433, 434; 45, с. 256—259].

Затронутые в рецензируемой монографии вопросы интересуют широкий круг специалистов, в том или ином плане занимающихся изучением идеологии и культуры общества русского средневековья. Вышедшая же за рубежом ограниченным тиражом книга А. В. Чернецова неизбежно останется для них малодоступной. Поэтому переиздание этой книги в оригинальном русском варианте принесло бы большую пользу очень многим советским историкам и искусствоведам.

А. А. Молчанов

ЛИТЕРАТУРА

1. *Толстой И. И.* Случай применения византийской сфрагистики к вопросу по русской нумизматике // Тр. VII АС. Т. II. М., 1891.
2. *Янин В. Л.* Древнейшая русская печать X века // КСИИМК. 1955. Вып. 57.
3. *Янин В. Л.* Вислые печати из новгородских раскопок 1951—1954 гг. // МИА. 1956. № 55.
4. *Молчанов А. А.* К вопросу о художественных особенностях и портретности изображений на древнейших русских монетах // Вестн. МГУ. Сер. Истор. 1973. № 3.
5. *Молчанов А. А.* Подвески со знаками Рюриковичей и происхождение древнерусской буллы // ВИД. 1976. Т. VII.
6. *Молчанов А. А.* Тмутараканский чекан князя Олега-Михаила Святославича // СА. 1982. № 1.
7. *Федоров-Давыдов Г. А.* Монеты Московской Руси. (Москва в борьбе за независимое и централизованное государство). М.: Изд-во МГУ, 1981.
8. *Федоров-Давыдов Г. А.* Об одной группе можайских монет XV в. // ГИМ. Научные чтения 1980—1981. Тезисы докладов и сообщений. М., 1981.
9. *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М.: Изд-во МГУ, 1956.
10. *Спасский И. Г.* Русская монетная система. Изд. 4-е. Л.: Аврора, 1970.
11. *Спасский И. Г., Сотникова М. П.* Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X—XI веков. Л.: Искусство, 1983.
12. *Егоров В. Л.* Золотая Орда перед Куликовской битвой // Куликовская битва. М.: Наука, 1980.
13. *Мухамадиев А. Г.* Булгаро-татарская монетная система XII—XV вв. М.: Наука, 1983.
14. *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М.: Наука, 1984.
15. *Толстой И. И.* Монеты великого князя Василия Дмитриевича. 1389—1425. СПб., 1911.
16. *Шорин П. А.* Монеты великого княжества Рязанского (2-я половина XIV — 1-я половина XV в.): Автореф. дис. ...канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1971.
17. *Шорин П. А.* Буквенные надчеканки на джучидских дирхемах и подражаниях им // Вестн. МГУ. Сер. История 1971. № 6.
18. *Орешников А. В.* Русские монеты до 1547 года. М., 1896.
19. *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. I. М.: Наука, 1970.
20. *Молчанов А. А.* Новгородские посадничьи печати с изображением княжеских знаков // Проблемы истории СССР. Сб. IV. М.: Изд-во МГУ, 1974.
21. *Молчанов А. А.* Знаки княжеской собственности в политико-административной и хозяйственной жизни Древней Руси: Автореф. дис. ....канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1976.
22. *Молчанов А. А.* О четырех новгородских посадничьих печатях XII в. // ВИД. 1981. Т. XII.
23. *Молчанов А. А.* Об атрибуции личко-родовых знаков князей Рюриковичей X—XIII вв. // ВИД. 1984. Т. XVI.
24. *Каменцева Е. И., Устюгов Н. В.* Русская сфрагистика и геральдика. 2-е изд. М.: Высш. шк., 1974.
25. *Вилинбахов Г. В.* Всадник русского герба // Тр. ГЭ. 1981. Т. XXI.
26. *Тройницкий С. Н.* Гербовник Анисима Титовича Князева 1785 года. СПб., 1912.
27. *Покорна А.* Бисерное панно с гербом Ф. Ф. Шуберта // СГЭ, 1966. Вып. XXVII.
28. *Добровольская М. А.* Личные печатки рода Огиньских в Эрмитаже // Тр. ГЭ. 1981. Т. XXI.
29. *Молчанов А. А.* Еще раз о таманском бронзовом «брактеате» // СА. 1982. № 3.
30. *Янин В. Л.* Княжеские знаки суздальских Рюриковичей // КСИИМК. 1956. Вып. 62.
31. *Молчанов А. А., Смирнова М. Е.* Об изображении всадника на княжеских и республиканских печатях Великого Новгорода (Балтские истоки одного из сюжетов новгородской эмблематики XIII—XV вв.) // ГИМ. Тезисы докладов Секции нумиз-

матики на научных чтениях 1983 г., посвященных 100-летию экспозиции музея (26–28 декабря 1983 г.). М., 1983.
32. *Чернецов А. В.* Три резных посоха XV в. // СА. 1980. № 2.
33. *Чернецов А. В.* Древнерусские изображения кентавров // СА. 1975. № 2.
34. *Чернецов А. В.* К изучению символики новгородских врат 1336 г. // КСИА. 1975. Вып. 144.
35. *Чернецов А. В.* Об изображениях кентавра, обнажающего меч // КСИА. 1981. Вып. 166.
36. *Гайдуков П. Г.* Медные русские монеты конца XV–XVI вв. // НЭ. 1984. Т. XIV.
37. *Retowski O.* Die Münzen der Komnenen von Trapezunt // НС. 1911. Т. 1.
38. *Соколова И. В.* Медные монеты Трапезундской империи из собрания Эрмитажа // НЭ. 1984. Т. XIV.
39. *Малицкий Н. В.* Заметки по эпиграфике Мангупа // Изв. ГАИМК. 1933. Вып. 71.
40. *Шорин П. А.* Монеты Пронского удельного княжества // Вестн. МГУ, Сер. Истор. 1970. № 6.
41. *Бочков В. Н.* «Легенды» о выезде дворянских родов // Археографический ежегодник за 1969 год. М.: Наука, 1971.
42. *Клейненберг И. Э.* «Лютый зверь» на печатях Великого Новгорода XV в. // ВИД. 1969. Т. II.
43. *Сотникова М.* О некоторых древнегреческих сюжетах на русских монетах XV века // СГЭ. 1982. Вып. XLXII.
44. Byzantion. 1984. V. 54.
45. Numismatics International Bulletin. 1984. V. 18. № 8.

Хроника

Новое в археологии СССР и Финляндии. Доклады III советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии 11—15 мая 1981 г. Л.: Наука, 1984. 228 с.

Сборник «Новое в археологии СССР и Финляндии» содержит 30 докладов советских и финских археологов, прочитанных на III советско-финляндском симпозиуме в мае 1981 г. в Ленинграде. Симпозиум был посвящен теме «Археология северо-западных районов СССР и Финляндии».

География и проблематика сборника достаточно представительны. С советской стороны здесь участвуют исследователи, работающие в Москве, Ленинграде, Карельской АССР, республиках советской Прибалтики. Финская сторона представлена основными археологическими центрами, активно действующими на территории нашего северного соседа. Основное место в сборнике занимают сообщения, рассматривающие под разным углом зрения археологическое отражение этнических процессов, происходивших на территории Финляндии и Северо-Запада СССР. К числу несомненных достоинств рецензируемого сборника относится то обстоятельство, что эта проблема рассматривается в очень широком хронологическом диапазоне. Процессы заселения территории анализируются начиная с мезолита. Древнейшие этапы исторического развития (мезолит, ранний неолит) затронуты в статье Н. Н. Гуриной (СССР), посвященной археологическим открытиям последних лет на территории Кольского полуострова; Ю. А. Савватеева (СССР), обобщающего результаты археологического изучения Карельской АССР; П. Пурхонен (Финляндия), рассматривающей проблемы, связанные с древнейшими погребальными памятниками на территории Финляндии.

Значительное число сообщений посвящено этническим процессам, происходившим на протяжении неолита и эпохи ранней бронзы. Это — обзорные статьи Л. Ю. Янитса и И. А. Лозе (СССР); статья М. Хиекканена (Финляндия), посвященная структуре неолитических жилищ; сообщение Т. Эдгрена (Финляндия), в котором на основании радиоуглеродных и палинологических данных определяется возраст древнейших луков, обнаруженных в Финляндии. Особо следует отметить статью Ю. Вуоринена (Финляндия), где сделана попытка использовать модель английского археолога Колина Ренфрю (разработанную применительно к обсидиановым орудиям Эгейского мира и Ближнего Востока) к анализу торговли и обмена кремнем и янтарем в неолитическую эпоху в Финляндии. В методическом отношении эта работа вызывает определенные сомнения: вряд ли закономерности, установленные для столь далекого региона и для иных историко-археологических эпох, могут быть механически перенесены на область северного неолита. Тем не менее такая попытка проследить пути проникновения и закономерности распространения каменного сырья (над чем долгое время и успешно работают советские исследователи неолита) заслуживает одобрения.

В статье Р. К. Римантене (СССР) приводятся новейшие данные относительно хронологии и локальных вариантов культур шнуровой керамики на территории Восточной Прибалтики. Вызывает возражение только прямое отождествление приморской культуры (Жуцево) с балтским этносом, что никак не следует из археологического материала (с. 40).

Большое число работ посвящено проблемам эпохи железа и раннего средневековья. Большой интерес представляет статья акад. Б. А. Рыбакова (СССР), в которой на основании сопоставления данных текстологического анализа «Калевалы» и распространения одной категории археологических древностей («сейдов») реконструируются пути миграции финско-карельского населения на север, а также распространение земледелия на рубеже эпох бронзы и железа.

Две работы посвящены проблемам хронологии железного века в Финляндии. Ю. Луото решает эту проблему применительно к IX—XII вв., основываясь главным образом на типологии фибул. При этом финский исследователь восстанавливает пути распространения новгородской керамики на север. Т. Талвио разрабатывает хронологию погребальных памятников IX—XII вв. на основании нумизматических данных.

В ряде статей (П.-Л. Лехтосало-Хиландер, Э. Линтури, А. И. Сакса) на разных памятниках и на разных категориях археологического материала рассматриваются вопросы формирования западнофинской и карельской культурно-исторических общностей, а также их развитие и взаимодействие.

Большое число докладов и сообщений советских археологов касается локализации, исторического развития и археологической идентификации финноязычных этнических групп на территории Северо-Запада СССР. Это обстоятельное исследование А. Н. Кирпичникова относительно приладожской лопи, статья В. А. Назаренко по поводу заволочской чуди, сообщения В. В. Седова и В. А. Кольчатова об археологи-

ческих памятниках води, Е. А. Рябинина о финно-уграх Костромского Поволжья, статья В. Я. Конецкого, Е. Н. Носова и Н. В. Хвощинской о финно-угорском и славянском населении Новгородской земли. В статье Э. Тыннисона на материалах городища Лыхавере (Эстония) прослеживается проявление элементов древнейших финно-угорских верований в материальной культуре XI—XII вв.

Ряд статей (И. В. Дубова, В. П. Петренко, В. А. Тюленева) касается проблем археологического выражения культурных и экономических связей древнейшего финно-угорского и славянского населения на территориях СССР и Финляндии.

Особо хочется остановиться на двух работах финских исследователей. В статье Т. Сегера также использована методика К. Ренфрю для оценки процесса расселения в различных районах Финляндии на протяжении эпохи железа (II—XII вв. н. э.). В качестве источника используются данные могильников. Также как и о статье Ю. Вуоринена, следует сразу оговориться, что механическое перенесение моделей, разработанных для эпохи бронзы Эгейского мира и материковой Греции, на железный век Финляндии вряд ли оправдано в методическом отношении. Кроме того, по мнению В. А. Алекшина, материал могильников вообще непригоден для палеодемографических реконструкций. Вместе с тем работа Т. Сегера представляет несомненный интерес как один из подходов к решению сложной проблемы.

В статье П. Хонканена (Финляндия) близкая проблема — расселение земледельческого населения — решается на более ограниченном материале с использованием палеоэкологического подхода. Такой путь представляется оправданным, а полученные результаты — достоверными. Остается выразить сожаление, что в этом случае (как и в предыдущем) финские исследователи не использовали многочисленные разработки советских авторов, в частности литературу, где исследованы различные аспекты раннего земледелия в лесной зоне.

Как известно, советско-финляндское сотрудничество в области археологии развивается успешно. Начиная с 1976 г. проведены четыре симпозиума, материалы которых опубликованы. Достигнута договоренность о проведении новых встреч. В качестве пожелания хотелось бы высказать мысль о необходимости более четкой проблемной рубрикации будущих публикаций. В большой мере это уже достигнуто: последние симпозиумы проводятся по более четко очерченным темам. Было бы целесообразно сопровождать публикации докладов хотя бы кратким изложением дискуссии: в ряде случаев бывает необходимо дать принципиальную оценку отдельным выступлениям. Учитывая, что многие из поднятых на симпозиумах вопросов имеют общеевропейское (а то и мировое) значение, необходимо расширить резюме, желательно публиковать их в переводе на английский язык. В конце томов следует ввести авторские, географические и предметные указатели.

Сборник «Новое в археологии СССР и Финляндии» представляет собой существенный вклад в европейскую и мировую археологию; публикация этого сборника — свидетельство укрепления международных связей советской археологии, роста ее международного авторитета.

П. М. Долуханов

КОНФЕРЕНЦИЯ «ПРОБЛЕМЫ АНТИЧНОЙ И СКИФО-САРМАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ», ПОСВЯЩЕННАЯ ПАМЯТИ П. Н. ШУЛЬЦА (Ленинград, 1986)

27—29 января 1986 г. в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР проходила конференция, посвященная памяти выдающегося советского археолога П. Н. Шульца. Заседание открыл заместитель заведующего ЛОИА АН СССР по научной работе Л. П. Хлобыстин. Он подчеркнул, что своею разносторонней научной и научно-организационной деятельностью П. Н. Шульц внес существенный вклад в развитие античной и скифо-сарматской археологии.

В докладе Т. Н. Высотской (Симферополь) «П. Н. Шульц – основоположник изучения скифской культуры Крыма» указывалось, что работы П. Н. Шульца в области изучения позднескифской культуры имеют первостепенное значение. Именно им была выделена эта культура, ему же принадлежит заслуга начала ее исследования. Раскопки Неаполя — центра позднескифского государства — явились важным этапом в скифологии. П. Н. Шульцем была предложена концепция греко-скифских взаимодействий в Крыму, сыгравшая важную роль в развитии представлений о греко-варварских взаимоотношениях в Причерноморье. Им создана первая классификация скифских изваяний и подготовлен корпус скифских изваяний Причерноморья.

В докладе А. Н. Щеглова (Ленинград) «П. Н. Шульц и археология Причерноморья» было отмечено, что П. Н. Шульц принадлежит к той блестящей плеяде ученых, которые формировали современную отечественную археологию. С его именем связано начало разработки ряда крупных проблем археологии поздней бронзы и раннего железа Северного Причерноморья, главным образом Крыма. Изучение древностей Крыма — классической для археолога территории — П. Н. Шульц посвятил бо́льшую часть своей жизни. Он, основоположник систематического изучения скифской культуры Крыма, был в числе зачинателей и в изучении поселений Нижнего Побужья. Особое значение имеют его работы в изучении кизил-кобинской культуры, связываемой с таврами. Отмечена большая роль научно-организационной деятельности П. Н. Шульца. Им был создан и на протяжении многих лет возглавлялся отдел истории и археологии Крыма Крымского отделения АН СССР (ныне — отдел античной и средневековой археологии Крыма ИА АН УССР), который координировал археологические работы в Крыму. П. Н. Шульц был организатором многих крупных экспедиций, часть которых и в настоящее время успешно продолжает изучение скифских памятников.

Тематика докладов, вошедших в программу конференции, отражает широкий круг научных интересов П. Н. Шульца. Часть докладчиков остановилась на проблемах истории и археологии древнегреческих государств Северного Причерноморья. В докладе «О характере восстания Савмака» Ю. Г. Виноградов (Москва) выдвинул предположение, что в Диофантовом декрете речь идет исключительно о заговоре узкой группы лиц скифского происхождения, сплотившихся вокруг Савмака и осуществивших переворот в Боспорском царстве. в своих личных интересах. Э. В. Яковенко (Чернигов) в докладе «О дипломатических контактах Боспора и Скифии времени Атея» рассмотрела отношения Скифии со своим восточным соседом в условиях западной экспансии (конфликт с Македонией) и выдвинула гипотезу о возможности существования дипломатических связей между Скифией и Боспором. Е. Г. Кастанаян (Ленинград) посвятила свой доклад «Надгробная надпись из Порфмия» эпиграфическому анализу стеллы, найденной в 1983 г. Проблемам религии были посвящены доклады И. Ю. Шауба (Ленинград) «Об одном памятнике культа Афродиты на Боспоре» и В. Ф. Столбы (Ленинград) «К особенности культа Геракла в Херсонесе». Т. Н. Кузнецова (Москва) прочла доклад «К вопросу о так называемых ольвийских зеркалах», Ю. М. Десятчников (Москва) —«Синдика в конце II в. до н. э.». Памятникам раннего Херсонеса был посвящен доклад М. И. Золотарева (Севастополь) «Архаическое поселение у Карантинной бухты и его связи с Ольвией», хоре Херсонеса — доклады: А. Н. Щеглова (Ленинград) «Поселение Панское I. Некоторые итоги исследования», Е. Я. Рогова (Ленинград) «Сельская семья в Херсонесском государстве по материалам могильника Панское I», З. В. Янушевич (Кишинев) «Палеоботанические материалы с поселения Панское I», О. Д. Дашевский и А. С. Голенцова (Москва) «Фортификация городища Беляус». Поселение ольвийской хоры рассматривалось в докладе К. К. Марченко «Общественные постройки на поселении Старая Богдановка-2». А. А. Масленников (Москва) в докладе «Раскопки поселения I в. до н. э. на берегу Азовского моря» рассказал об интересном памятнике из окрестностей Пантикапея, возможно, являющемся военным поселением.

Ряд докладчиков остановились на анализе материала: о керамике — В. М. Кац, С. Ю. Монаков (Саратов) — «О так называемых боспорских амфорах», Н. Ф. Федосеев (Саратов) — «Применение вычислительной техники при подсчете объемов», С. Л. Соловьев (Ленинград) — «Лепная керамика с разным орнаментом Березанского поселения», С. И. Сенаторов (Севастополь) — «Классификация орнамента керамики кизил-кобинской культуры». Доклад А. М. Гилевич (Ленинград) «Новые материалы по нумизматике Херсонеса» привлек внимание слушателей к последним нумизматическим находкам с хоры Херсонеса. В докладе В. А. Горончаровского и В. П. Никифорова (Ленинград)

«Граффито из Илурата с изображением катафрактария» были сделаны интересные выводы о характере вооружения всадников на Боспоре в римскую эпоху.

К анализу имен собственных на Боспоре обратились Н. Л. Грач (Ленинград) в докладе «О топонимическом термине Куль-Оба» и С. Р. Тохтасьев (Ленинград) в докладе «Фракийская ономастика Боспора».

Многие выступавшие остановили свое внимание на проблемах скифской археологии. И. В. Тункина (Ленинград) в докладе «К истории изучения келермесского зеркала и ритона» ознакомила слушателей с материалами из архивов Б. В. Фармаковского и С. А. Жебелева, посвященными этим вещам. А. Ю. Алексеев (Ленинград) сделал доклад «Значение некоторых украшений конского оголовья в Скифии V—IV вв. до н. э.». Е. Ф. Чежина (Ленинград) в докладе Раннескифский псалий с надписью из Южного Приуралья» рассмотрела различные варианты интерпретации этой находки. В докладе М. Н. Погребовой и Д. С. Раевского (Москва) «„Отделившиеся скифы" Геродота» выдвинуто предположение об отождествлении загадочной до сих пор группы скифов с этнической группой, оставившей памятники скифского типа в Закавказье и в Среднем Поволжье. С. А. Тахтаджян (Ленинград) в докладе «Идеализация скифов: Эфор и предшествующая ему традиция» проследил истоки идеализации жизни варваров греками. Е. И. Беспалый и И. И. Парусимов (Азов) прочли доклад «Комплексы позднескифского и раннескифского времени на Нижнем Дону». К. К. Шилик (Ленинград) ознакомил слушателей с результатами комплексного изучения боспорских валов в докладе «Обследование боспорских валов».

Проблемы сарматской археологии также обсуждались на конференции. Им были посвящены доклады: И. П. Засецкой (Ленинград) — «Зооморфные мотивы в сарматских „геометрических" бляшках». В. И. Денисовой — (Ленинград) «Памятник с сарматскими знаками из Ольвии». В. И. Павленкова (Евпатория) — «Сарматская тамга из раскопок П. Н. Шульца на городище Кара-Тобе». Н. Ф. Шевченко (Краснодар) — «О характере греко-сарматских отношений в Восточном Приазовье (II в. до н. э.— II в. н. э.)». Н. Е. Берлизова (Ленинград) — «Катакомбы сарматского времени на Северном Кавказе (II в. до н. э.— III в. н. э.)». Ю. А. Виноградов (Ленинград) в докладе «„Ак-Бурун" — (1875)» показал, что этот комплекс является свидетельством проникновения сарматов на Боспор в IV в. до н. э.

На заключительном заседании участники конференции указывали на исключительную плодотворность проведения конференций, посвященных памяти тех ученых, которые стояли у истоков советской археологии. Было предложено развивать эту традицию и в будущем.

Ю. Б. Устинова

ПЕРВАЯ КАЛУЖСКАЯ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

10—12 февраля 1986 г. в г. Калуге состоялась первая калужская историко-археологическая конференция «Проблемы древней истории Верхнего Поочья». Конференция была организована Институтом археологии АН СССР совместно с Управлением культуры Калужского облисполкома на базе местного краеведческого музея. В ее работе приняли участие археологи, историки и краеведы из различных научно-исследовательских учреждений, вузов и музеев Москвы, Киева, Калуги, Тулы, Брянска, Обнинска и других городов.

Проведение конференции стало возможным благодаря развернувшемуся в последние годы сплошному археологическому обследованию территории области, что привело к накоплению большого материала по различным историческим эпохам, требующего научной оценки и введения в научный оборот. Составление «Свода памятников археологии Калужской области» также требует активности всех археологов, работающих на территории региона, постоянной корректировки и координации их разведочных работ, усилий в деле охраны памятников.

Конференцию открыла директор Калужского областного краеведческого музея Д. П. Дундукова. В своем вступительном слове она отметила своевременность и актуальность проведения подобной конференции, обсуждения широкого круга вопросов и подчеркнула, что конференция является качественным этапом в изучении археологии Верхнего Поочья, способствует развитию научных контактов, повышению квалификации местных научных кадров, патриотическому воспитанию.

В докладе А. С. Фролова (Москва) «Итоги и перспективы работ над „Сводом памятников археологии Калужской области"» рассмотрен опыт более чем десятилетней работы по данной теме Сектора археологических сводов Института археологии АН СССР и Производственной группы Управления культуры Калужского облисполкома, отмечен вклад И. К. Фролова в изучение калужских памятников и намечены основные направления работ по завершению «Свода». Обзорный доклад Б. В. Грудинкина, О. Л. Прошкина (Калуга) и А. С. Фролова «История исследования памятников археологии в Калужской области» смыкается своей тематической направленностью с докладом И. В. Лысцевой (Калуга) «К истории формирования археологического фонда Калужского областного музея».

Проблемам первобытной археологии Верхнего Поочья была посвящена группа докладов. А. Н. Сорокин (Москва) в докладе «Культурные различия в мезолите Верхней Оки» на основании материалов раскопок 1980-х годов выделяет новую археологическую культуру— рессетинскую и пласт памятников «смешанной традиции», имеющих черты бутовской и иеневской культур. В докладе А. С. Смирнова (Москва) «Неолит Верхней Оки» сопоставляются материалы верхнеокских стоянок, содержащих комплексы с ямочно-гребенчатой керамикой, с памятниками смежных территорий и убедительно доказывается несостоятельность выделения «белёвской культуры». Бассейн Верхней Оки в эпоху неолита, по мнению А. С. Смирнова,— район контактов культур, расположенных в Днепровском и Волжском бассейнах. В сообщении Б. В. Грудинкина (Калуга) «Памятники каменного века в г. Калуге и окрестностях» были приведены данные о новых местонахождениях эпохи мезолита и неолита, открытых в последние годы.

Интересный доклад В. Ю. Дукельского (Москва) «Памятники Калужской области в истории племен эпохи бронзы Волго-Окского междуречья представляет собой попытку по-новому взглянуть на характер связей среднеднепровских и балановских племен в эпоху раннего и среднего бронзового века, наметить пути их передвижения. В докладе дается оценка значения калужских памятников для решения общих проблем фатьяновской культурной общности.

Важные для изучения данной территории в эпоху раннего железного века вопросы были подняты в докладе А. М. Обломского (Москва) и Е. Л. Гороховского (Киев) «О дате мощинского и межигорского кладов». Находка в 1985 г. на поселении Шишино 5 в Белгородской обл. клада изделий с выемчатыми эмалями, аналогичными найденным в Мощинах и Межигорье, позволила авторам прийти к выводу, что подобные наборы украшений могли сложиться лишь в римское время, в III — начале IV в. н. э.

В. П. Есипов (Калуга) в докладе «Славянские поселения VIII—XIII вв. по рекам Оке и Угре от д. Свинухово до Перемышля» особое внимание уделил сложению системы сельских поселений и их взаимоотношениям с городским центром — Перемышлем. Представленный Т. Н. Никольской (Москва) доклад «Древнерусский город Серенск (по материалам раскопок 1965—1984 гг.)» содержал обзор результатов многолетнего изучения этого уникального памятника. В докладе Т. М. Хохловой (Калуга) представлена тщательно изученная древнерусская керамика из раскопок Серенского посада. Оживленную дискуссию вызвал доклад Г. А. Массалитиной (Калуга) «Особенности религиозных представлений вятичей XI—XIII вв.». Проанализировав материалы около 400 раскопанных на территории современной Калужской обл. курганов, докладчица указала черты языческих культов в инвентаре и обряде погребений.

Ряд исследований, представленных в программе конференции, был посвящен истории и археологии г. Боровска. О. Л. Прошкин (Калуга) в докладе «Археологические исследования Боровска» подробно охарактеризовал культурные напластования древнего Боровского городища и посада. Он приводит также материалы раскопок селища «Петрова Гора». Время первоначального заселения территории Боровска по находкам керамики роменского типа определяется последней четвертью I тыс. н. э. С боль-

шим интересом участники конференции ознакомились с докладом В. И. Осипова (Боровск) «Боровск в XVII веке (к вопросу о локализации слобод)». В результате анализа дозорных, писцовых и переписных книг, духовных и договорных грамот, выявленного культурного слоя автору удалось локализовать 14 слобод, определить границу культурного слоя и степень его сохранности. Данные, полученные В. И. Осиповым, могут стать основой для составления охранной документации на древнюю часть города. Ю. А. Лискин (Москва) в сообщении «Локализация места военного совета Наполеона 25 октября 1812 года» приходит к убедительному выводу о том, что этим местом была д. Городня. Именно здесь после сражения под Малоярославцем было принято вынужденное решение об отступлении французской армии на Можайск.

Сообщение З. Е. Коптевой и Н. Ю. Фроловой (Москва) «Перстень-печать из г. Тарусы» познакомило участников конференции с уникальной находкой перстня с изображением сцены «Суд царя Соломона» на каменной вставке. Подробный анализ аналогий позволил датировать печатку XIV—XV вв. Нумизматическая тематика была представлена докладом П. Г. Гайдукова (Москва) «Первые находки медных русских монет XV—XVI вв. в г. Калуге». Среди найденных пул встречены очень редкие типы.

А. К. Станюкович (Москва) в докладе «К истории старообрядческого кладбища в Калужском Бору» изложил результаты рекогносцировочных раскопок памятника и сопоставил их с данными письменных источников. В погребальном обряде зафиксированы архаичные черты, восходящие к курганным древностям домонгольского периода и грунтовым могильникам с каменными валунными надгробиями XIV—XV вв.

В заключение был прослушан доклад В. С. Нестерова (Обнинск) «О памятниках в среднем течении р. Протвы». Приводя примеры бездумного разрушения археологических объектов, в том числе таких, как Огубское городище, докладчик остановился на вопросах охраны памятников.

Активное участие в работе конференции и дискуссиях по прослушанным докладам приняли В. Г. Пуцко, М. Н. Степанов, А. С. Днепровский, А. К. Бойко, А. В. Лысенков, Е. А. Яковлева и др. Все участники конференции отметили своевременность ее проведения и указали на необходимость систематического созыва в дальнейшем подобных конференций. Особо отмечена роль Института археологии как центра, координирующего усилия археологических кадров в регионе.

Во время работы конференции Калужским музеем была организована выставка новейших археологических находок.

А. С. Фролов

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Археологические открытия
АП — Археологічні пам'ятки УРСР. Київ
АРТ — Археологические работы в Таджикистане
АС — Археологический съезд
АСГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа
АЭ МИРМ — Археологическая экспедиция Музея истории и реконструкции Москвы
БКИЧП — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. Москва
ВАУ — Вопросы археологии Урала. Свердловск — Ижевск
ВДИ — Вестник древней истории. Москва
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины. Ленинград
ВОКК — Вісник Одеськоі комісії краєзнавства
ВСМЗ — Гос. объединенный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
ВСЭНРПМ — Владимирские специальные экспериментально-научные реставрационные производственные мастерские
ВЦНИЛКР — Всесоюзная центральная научно-исследовательская лаборатория по консервации и реставрации музейных художественных ценностей. Москва
ГАИМК — Гос. академия истории материальной культуры. Москва — Ленинград
ГИМ — Гос. Исторический музей. Москва
ГИН — Геологический институт АН СССР. Москва
ГРМ — Гос. Русский музей. Ленинград
ГЭ — Гос. ордена Ленина Эрмитаж. Ленинград
ЕКМ — Евпаторийский краеведческий музей
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРАО — Записки Русского археологического общества. СПб.
ИИС — Из истории Сибири. Томск
ИМКУз — История материальной культуры Узбекистана. Ташкент
ИОАИЭ — Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
КалмНИИЯЛИ — Калмыцкий научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Элиста
КАЭЭ — Киргизская археолого-этнографическая экспедиция
КГИАМЗ — Краснодарский гос. историко-археологический музей-заповедник
КГПИ — Куйбышевский гос. педагогический институт им. В. В. Куйбышева
КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР
КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии АН УССР. Киев
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
КСОГАМ — Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского гос. археологического музея
КЧНИИ — Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт. Ставрополь
ЛГУ — Ленинградский гос. университет им. А. А. Жданова
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАР — Материалы по археологии России. СПб.
МГРИ — Московский геологоразведочный институт им. Серго Орджоникидзе

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва — Ленинград
МИНГ — Московский институт нефти и газа им. акад. И. М. Губкина
НС — Нумизматический сборник. Москва
НЭ — Нумизматика и эпиграфика. Москва
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ОНУз — Общественные науки в Узбекистане. Ташкент
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
СА — Советская археология. Москва
САИ — Свод археологических источников. Москва — Ленинград
СГУ — Саратовский гос. университет им. Н. Г. Чернышевского
СГЭ — Сообщения Гос. Эрмитажа
СЛМ — Староладожский музей
СОМ — Смоленский областной музей
СЭ — Советская этнография. Москва
УІЖ — Український історічний журнал. Київ
УСА — Успехи среднеазиатской археологии. Ленинград
ХГУ (ХДУ) — Харьковский гос. университет им. А. М. Горького
AÉ — Archaeologiai Értesitõ. Budapest
AR — Archeologické rozhledy. Praha
BAR — British Archaeological Reports. Oxford
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua. Helsinki
IosPE — Latyschev B. Inscriptitones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini. Petropolī
JHS — J. of Hellenic Studies. London
PA — Památky archeologické. Praha
SCIVA — Studii şi cercetări de istorie veche si archeologie. Bucureşti
SlA — Slovenská ărcheológia. Bratislawa — Nitra

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Советская археология» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой научный интерес, критические статьи и рецензии на новые книги по археологии.

Направляемые в журнал статьи должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в журнале.

1. Объем рукописи не должен превышать одного авторского листа (23—25 машинописных страниц) и 10 иллюстраций; для раздела «Заметки» — не более 5 страниц и не более 3 иллюстраций.

2. Статьи должны быть напечатаны на машинке с четким, контрастным шрифтом, через два интервала на одной стороне листа белой бумаги стандартного размера с полями. Материалы, напечатанные на портативной машинке, редакцией журнала не принимаются. Не допускаются поправки от руки в тексте статьи. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

3. Все знаки, которые не могут быть напечатаны на машинке, должны быть вписаны в текст от руки, черными чернилами (пастой, тушью), отчетливо в единой системе написания. Необходимо пояснить на левом поле, какая именно буква, знак, символ вписаны, если они могут быть спутаны с другими, близкими по начертанию. Греческие буквы нужно подчеркивать красным карандашом. Знаки в тексте, которые не могут быть воспроизведены буквами русского, латинского или греческого авфавита, должны быть сдублированы на отдельном листе для изготовления клише.

4. Иллюстрации следует представлять в пригодном для воспроизведения виде. Размер авторских оригиналов иллюстраций должен быть в полтора — два раза больше размера иллюстраций в журнале. Рисунки представляются вычерченными тушью на ватмане или кальке, а также в виде четких фоторепродукций. Следует максимально сокращать пояснения на рисунке, переводя их в подписи. Эскизы карт должны быть выполнены непосредственно на картах, изданных ГУГК, либо на фотокопиях с них (не на самодельных ручных выкопировках). Фотографии должны быть представлены в двух экземплярах, контрастные, на белой глянцевой бумаге, хорошо проработанные в деталях. Все необходимые на фотографиях обозначения и пояснения следует делать только на втором экземпляре. Первый экземпляр фотографий не должен иметь никаких дефектов; пятен, надписей, изломов, следов от скрепок, трещин и т. д. Наклеивать фотографии на бумагу или картон не разрешается. На авторских оригиналах иллюстраций с неясной ориентацией необходимо написать «верх» и «низ».

Иллюстрации должны быть пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте статьи. Для всех видов иллюстраций дается общая нумерация. На обороте каждой иллюстрации мягким карандашом следует написать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. В рукописи на левом поле, в прямоугольнике должны быть указаны номера иллюстраций и таблиц напротив тех мест текста, где желательно их напечатать в издании. Подписи к иллюстрациям прилагаются на отдельном листе, где указываются фамилия автора и заглавие статьи. В подрисуночной подписи должны быть кратко расшифрованы все условные обозначения на иллюстрации.

5. Текстовые пояснения даются внизу на соответствующей странице под цифрой; нумерация сквозная: [1, 2, ...]

6. Пронумерованный список использованной литературы (не в алфавитном порядке, а в порядке упоминания в тексте) дается в конце статьи на отдельной странице. Библиография оформляется в соответствии с ГОСТом 7.1—84 «Библиографическое описание документа. Общие требования и правила составления». Для книг указываются фамилии и инициалы авторов, название книги, город, издательство, год издания; для статей, опубликованных в журналах и продолжающихся изданиях, (типа КСИА, МИА, Тр. ГИМ),— фамилии и инициалы всех авторов, название статьи, название журнала (издания), год издания, том, номер (выпуск); для архивных материалов — фамилии и инициалы авторов, заглавие, местонахождение документа (наименование архива, номер и название фонда, номера описи, дела). Ссылки на русские летописи даются в списке литературы с указанием наименования летописи. Источником библиографического описания является титульный лист издания. Порядок оформления ссылок следующий:

Книги

Смирнов К. Ф. Савроматы. М.: Наука, 1964.

Шитов В. Н. Эпоха камня и раннего металла в Примокшанье//Материалы по археологии Мордовии. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1976.

Журналы и продоложающиеся издания

Шелов-Коведяев Ф. В. Новый декрет из Херсонеса//ВДИ. 1982. № 2.

Мелюкова А. И. Вооружение скифов//САИ. 1964. Вып. Д1-4.

Ежегодники

Колесник А. В., Привалов А. И. Мустьерская стоянка Звановка//АО—1978. М., 1979.

ОАК за 1900 г. СПб., 1901.

Рецензии

Кызласов Л. Р По поводу одного ответа//СА. 1965. № 4.— Рец. на кн.: Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961.

Вагнер Г. К., Воронин Н. Н.//Византийский временник. 1968. Т. 28.— Рец. на кн.: Шмерлинг Р. О. Малые формы в архитектуре средневековой Грузии. Тбилиси, 1962.

Авторефераты

Шеляпина Н. С. Археологическое изучение Московского Кремля (древняя топография и стратиграфия): Автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1974.

Архивные материалы

Рябинин Е. А. Отчет об археологических исследованиях Четвертого отряда Староладожской экспедиции ЛОИА АН СССР в 973 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1, № 5227.

Артеменко И. И. Среднее и Верхнее Поднепровье в конце энеолита и в эпоху бронзы: Дис. докт. ист. наук. 07.00.06. М., 1977//Архив ИА АН СССР. Р-2, № 2222.

В тексте в квадратных скобках указывается порядковый номер библиографической ссылки и страница, если она необходима: [5, с. 80]. Для литературы на иностранных языках — том, рисунок, таблица и страница указываются на русском языке: т., рис., табл., с. При ссылке на рисунок позиция отмечается волнистой чертой: [8, рис. 5, *1*, *2*].

7. Ссылки на работы классиков марксизма-ленинизма и оригинальные работы древних авторов (Herod., Plin. и т. д.) даются в тексте статьи и в список цитированной литературы не вносятся. Если используются переводные источники, они упоминаются, как обычно, в списке литературы с указанием переводчика.

8. К статье следует приложить список сокращений и русский текст резюме (краткое содержание статьи со ссылкой на рисунки, иллюстрирующие основные ее положения, объемом 0,5—1 страница машинописного текста). Для облегчения перевода резюме на английский язык необходимо: а) при употреблении названий периодов, типов, культур, произведенных от географических названий, дать последние в именительном падеже единственного числа (например: кушнаренковский тип от Кушнаренково); б) наиболее специфические термины давать или в переводе, или с пояснением.

9. Статьи следует присылать в двух экземплярах. Текст должен быть тщательно проверен и подписан автором с указанием фамилии, имени и отчества, полного почтового адреса, места работы, телефонов и даты отправления. При наличии нескольких авторов статья подписывается всеми авторами.

10. Статьи, отправленные авторам для доработки, должны быть возвращены с доработки не позднее чем через 4 месяца. Статьи, полученные позже указанного срока, будут рассматриваться как вновь поступившие.

11. Книги и журналы, присланные в редакцию для рецензирования, не возвращаются.

Статьи, оформленные без соблюдения указаных правил, к рассмотрению не принимаются.

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 124-34-42

Зав. редакцией *Е. В. Бубнова*

Технический редактор *Е. В. Синицына*

Сдано в набор 16.10.87 Подписано к печати 27.11.87 Формат бумаги 70×108¹/₁₆
Высокая печать Усл. печ. 26,6 Усл. кр.-отт. 106,8 тыс. Уч.-изд. л. 30,4 Бум. л. 5,5
Тираж 3764 экз. Зак. 4335

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6